TRACTATA SLAVICA
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
Vol. 1 2008

Живка Колева-Златева

Славянская лексика звукосимволического происхождения

KOSSUTH EGYETEMI KIADÓ
DEBRECENI EGYETEM

Tractata Slavica

Volume I

Editor

Klára Agyagási

DUPress

Debrecen, 2008

Sponsored by the OTKA Foundation (№ 68568 K)

Cover Design
Ágnes Sipos

© Zhivka Stefanova Koleva-Zlateva

DUPress

HU ISSN 2060-0941

ISBN 978-963-473-123-8

Debreceni Egyetem
Felelős kiadó: FÉSÜS László rektor
Szedés: DE BTK Szlavisztikai Intézet
Nyomás: DE Reprográfiai Osztály

Живка Колева-Златева

СЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

DUPress

Дебрецен

2008

Рецензенты:

Андраш Золтан
доктор Венгерской академии наук

Клара Адягаши
доктор Венгерской академии наук

DUPress

От редактора

Новое периодическое издание Дебреценского университета под названием Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis было основано с целью опубликовать монографии авторов-славистов в области славянского языкознания в самом широком смысле слова.

Первые выпуски серии включают монографии, подготовленные для опубликования при поддержке венгерского фонда ОТКА в период с 2007 по 2011 гг. в рамках исследовательского проекта «Смена парадигмы в русских лингвистических исследованиях». Само название проекта указывает на стремление авторов применять в исследовании русской лингвистической проблематики такие теоретические подходы, методы и модели, которые хотя и известны в исследованиях других языков, относительно русского языка пока не применялись, в том числе и в венгерской русистике.

В первом выпуске серии, в монографии «Славянская лексика звукосимволического происхождения», систематизируются теоретические постановки и исследовательские приемы и процедуры, на которых должно основываться распознавание и исследование звукосимволических слов в этимологии. На их основании выдвигаются гипотезы о звукосимволическом происхождении немалого количества славянских слов, содержащих редуплицированные звуковые комплексы.

Вторым выпуском серии публикуется монография «Историческое изменение синтаксического статуса причастных оборотов в языке Суздальской летописи (по Лаврентьевскому списку)». В книге рассматривается проблема приписывания падежа у подлежащих в разных типах причастных оборотов в рамке теории управления и связывания Хомского (1981), а также указывается причина изменения синтаксического статуса причастных оборотов в истории русского языка.

В третьем выпуске серии, в монографии «Структурные типы семантических пресуппозиций в русских печатных рекламных текстах», определяется тип текста печатных слоганов, проводится разграничение между прагматическим и лингвистическим толкованием понятия пресуппозиции, и на основании логико-семантического анализа Ф. Кифера и модели двойного силлогизма И. Бекеши определяются структурные типы семантических пресуппозиций и раскрывается скрытое содержание около ста рекламных слоганов.

DUPress

В четвертом выпуске серии планируется издание монографии «Калькирование, как способ обогащения русской лексики на переломе XX и XXI вв.». В книге дается обзор теории заимствований и проводится анализ корпуса лексических заимствований американских прототипов в русском языке последних десятилетий.

В пятом выпуске серии издается исследование на тему «Язык и власть в юридическом дискурсе». Автор проводит анализ нескольких телепередач «Час суда» русского канала НТВ в рамках теории речевых актов и конверзационного анализа. В монографии на английском языке рассматриваются вопросы стратегии власти и иерархии говорящих.

DUPress

Содержание

Введение 15

Теоретические основания этимологических исследований звукосимволических слов 23

1. Сущность звукосимволических слов 24
   1.1. Термины, дефиниции, таксономия 25
   1.2. Психологическая основа звукосимволизма 34
   1.3. Квантитативные характеристики звукоизобразительных явлений в пространстве и времени 37
   1.4. Универсальность звукоизобразительности 39
      1.4.1. Соответствие общим законам 40
      1.4.2. Данные языков примитивных обществ 45
      1.4.3. Данные детской речи 47
      1.4.4. Данные нейрофизиологии и нейролингвистики 48
      1.4.5. Факторы, ограничивающие распространение звукоизобразительных слов 49
         1.4.5.1. Внутренние факторы 49
         1.4.5.2. Экстралингвистические факторы 50
      1.4.6. Выводы относительно универсальности звукоизобразительных слов 51
   1.5. Признаки звукосимволических слов 54
      1.5.1. Прагматические признаки 55
      1.5.2. Семантические признаки 58
         1.5.2.1. Общие семантические признаки 58
         1.5.2.2. Референция звукосимволических слов 60
         1.5.2.3. Символика конкретных звуков 61
      1.5.3. Функциональные признаки 65
      1.5.4. Грамматические признаки 66
      1.5.5. Структурные признаки 67
         1.5.5.1. Редупликациях 67
         1.5.5.2. Геминация согласных и удлинение гласных 72
      1.5.6. Формальные признаки 72
         1.5.6.1. Синхронические данные 72
         1.5.6.2. Диахронические данные 74
      1.5.7. Интерлингвистические признаки 76

2. Методика этимологизации звукосимволических слов 77
   2.1. Трактовка понятия диахронического тождества относительно звукоизобразительных морфем 78
   2.2. Распознавание звукосимволического происхождения слова 80
   2.3. Распознавание заимствованного или исконного характера звукоизобразительного слова 82

DUPress

2.4. Определение времени возникновения звукоизобразительного слова 84
2.5. Реконструкция звукоизобразительного слова 84
2.5.1. Формальная реконструкция 84
2.5.2. Семантическая реконструкция 85
2.6. Определение этимологического гнезда звукоизобразительного слова 85
2.6.1. Определение родственных связей 86
2.6.2. Разграничение омонимов 86

Этимологический анализ славянской лексики звукосимволического происхождения 89

3. Вступительные замечания 89
3.1. О чем говорят новообразования среди славянских звукосимволических слов? 89
3.2. Принципы отбора исследованного лексического материала 94

4. Классификация 99
4.1. Названия маленьких (шарообразных) предметов 102
4.1.1. Общие названия шариков, комочков, шарообразных предметов 102
4.1.2. Названия почек, плодов, семян, цветков растений 105
4.1.2.1. Названия шишек на растении 105
4.1.2.2. Названия маленьких твердых шарообразных плодов растения и образований на нем 108
4.1.2.3. Названия початка кукурузы 109
4.1.2.4. Названия картофеля и других подобных растений 112
4.1.2.5. Названия бобовых растений 115
4.1.2.6. Названия маленьких фруктов, ягод 117
4.1.2.7. Названия (маленьких) тыквенных растений 122
4.1.2.8. Названия семян растений 122
4.1.2.9. Названия цветков или плодов травянистых растений, обычно шарообразной формы 123
4.1.2.10. Названия молодой завязи плода, почек растения, семенных коробочек 128
4.1.2.11. Названия стручков растений и других плодов и предметов с подобной формой 130
4.1.3. Названия шарообразных предметов из повседневного быта человека 131
4.1.3.1. Названия изделий из теста 131
4.1.3.2. Названия комочков в еде, на одежде, в пряже, на шерсти животного 134
4.1.3.3. Названия комков земли, грязи и др. 136
4.1.3.4. Названия волдырей, пузырей (на коже и в воде) 137
4.1.3.5. Названия выпуклостей 140
4.1.3.5.1.Названия отеков, опухолей на теле 140
4.1.3.5.2. Названия наростов на растении 144

DUPESS

4.1.3.5.3. Названия возвышений на земной поверхности ... 145
4.1.3.6. Названия экскрементов овец, коз ... 147
4.1.3.7. Названия личинок, куколок ... 148
4.1.3.8. Названия камешков, игральных шариков ... 149
4.1.3.9. Названия икры (рыбы, рака, лягушки) ... 150
4.1.3.10. Названия поплавка ... 151
4.1.3.11. Названия утолщения на конце палки ... 152
4.1.3.12. Названия пуговиц, кнопок, бусинок ... 152
4.1.3.13. Названия мелких монет ... 153
4.1.3.14. Названия клубков ниток, пряжи ... 153
4.1.3.15. Названия анатомических органов шарообразной формы ... 154
4.1.2.16. Названия других маленьких шарообразных предметов ... 154
4.1.4. Названия чего-либо очень маленького ... 156
4.2. Ласкательные названия человека ... 157
4.3. Названия побрякушек, висюлек, пустячков ... 159
4.4. Названия кусков, обрубков, отрезков, небольшого количества чего-либо ... 162
4.5. Названия больших, грубых предметов ... 163
4.6. Слова, обозначающие что-либо плохое ... 166
4.6.1. Названия барахла, тряпья, старья, вещей заброшенных, нехорошего качества ... 166
4.6.2. Названия мусора, отходов, выделений ... 168
4.6.3. Названия плохой еды, напитков и производные от них ... 170
4.7. Слова, обозначающие что-либо кривое, кривую линию или признак ‘кривой’ ... 174
4.7.1. Общие названия кривизны, кривой линии, признака ‘кривой’ ... 174
4.7.2. Названия кривых палок, крючков и других кривых предметов ... 175
4.7.3. Названия неразборчивого письма ... 179
4.7.4. Названия кривых деревьев, сучковатых палок, веток дерева ... 179
4.7.5. Слова со значениями ‘кудрявый’, ‘кудри’ ... 181
4.8. Названия длинных, высоких предметов 182
4.9. Названия действий и их результатов ... 183
4.9.1. Слова, обозначающие действия ‘садиться’, ‘становиться на колени’, ‘приседать на корточки’, ‘кивать головой’ и их результаты ... 183
4.9.2. Слова, обозначающие ритмические колебательные движения ‘пошатываться’, ‘хромать’, ‘качаться’ ... 185
4.9.3. Слова, обозначающие ритмические поступательные движения и их результаты ... 187
4.9.4. Слова, обозначающие скольжение ... 188
4.9.5. Слова, обозначающие вращательные движения ... 189
4.9.6. Слова, обозначающие хаотические движения ... 190

DUPress

4.9.7. Слова, обозначающие потерю равновесия, спокойствия 191
4.9.8. Слова, обозначающие медлительные, бессмысленные действия ‘рыться’, ‘копаться’, ‘возиться’, ‘работать плохо’ или некачественную работу 192
4.9.9. Слова, обозначающие расширение в объеме, поведение с целью привлечения внимания (чтобы понравиться или пригрозить) 196
4.9.9.1. Слова, обозначающие набухание 196
4.9.9.2. Слова, обозначающие раздвижение в стороны пальцев, рук, ног, распускание перьев, торчащие перья (у птиц), волосы (у человека), чванливое поведение человека 197
4.9.9.3. Слова, обозначающие действия ‘наряжаться’, ‘маскироваться’ и их результаты 201
4.9.9.4. Слова со значениями ‘таращить глаза’, ‘пристально смотреть’ 203
4.9.10. Слова, обозначающие действие ‘сжиматься’, а также возможную причину (холод) и результаты этого действия ‘черстветь’, ‘очерствение’, ‘корчиться’, ‘скорчившийся’ 204
4.9.11. Слова, обозначающие прерывистые движения (дрожь, трепетание, брызги), дрожащие и трепещущие предметы, а также холод 207
4.9.12. Слова, обозначающие действия ‘поднимать(ся) выше’, ‘грузить’, ‘накапливать(ся)’, ‘образовать кучу’, ‘толпиться’ и результаты этих действий 208
4.9.13. Слова со значениями ‘заворачивать’, ‘окутывать’, ‘покрывать’, ‘маскировать’, ‘капюшон’, ‘покрывало.....’ 209
4.9.14. Слова со значениями ‘кривляться’, ‘лукавить’ 210
4.9.15. Слова со значениями ‘пачкать(ся)’, ‘грязный’, ‘грязь’ 211
4.9.16. Слова, обозначающие горение, блеск, мерцание, вспышку, яркий цвет 212
4.10. Названия чего-либо страшного, ужасающего 213
4.11. Эмотивные и экспрессивные названия человека и производные от них 215
4.11.1. Слова, характеризующие внешний вид, характер, интеллектуальные качества и поведение человека 215
4.11.2. Слова, связанные с этническими, социальными и религиозными группами людей 226
4.12. Названия животных 229
4.12.1. Названия мелких животных 229
4.12.1.1. Названия мелких «безгласных» насекомых, червячков 229
4.12.1.2. Названия мидий, улиток 233
4.12.1.3. Названия мелких рачков 233
4.12.1.4. Названия головастиков 234
4.12.1.5. Названия мелких рыбок 235

Duress

4.12.2. Названия не мелких животных 237
4.12.2.1. Эмотивные и экспрессивные названия животных (не мелких) 237
4.12.2.2. Нейтральные названия животных (не мелких) 238
4.13. Названия грибов 242
4.14. Названия событий 243

5. Общий анализ славянской звукосимволической лексики 245
5.1. Семантический анализ 245
5.2. Формальный анализ 254
5.3. Формальное совпадение со звукоподражательными словами 259
5.4. Формальное совпадение разных звукосимволических слов 261

6. Этимологические исследования славянских слов звукосимволического происхождения 265
6.1. К этимологии польск. *gogółka* 265
6.2. К этимологии русск. *хороший* 270
6.3. К этимологии славянских названий муравьев, восходящих к псл. **morv-*, и их индоевропейских соответствий 273
6.4. К этимологии др.-гр. *κόκκαλο(ν)*, болг. *кокал* 285

Заключение 291

Литература 293
Словари и диалектные справочники 304
Принятые сокращения 310
Указатель слов, для которых предположено звукосимволическое ономатопоэтическое происхождение 311

DUPress

DUPress

Введение

Больше чем двадцать лет тому назад в своей программной работе под заглавием: «Как можно улучшить этимологические словари» выдающийся русский этимолог и лингвист-теоретик В. И. Абаев отметил, что в этимологии, в отличие от других областей языкознания, переживших подлинную революцию, наблюдается «методологический застой», что она все еще «живет традициями XIX века». В качестве одного из неиспользованных «резервов», который может открыть новые перспективы перед этой старой лингвистической наукой, автор указал на учет звукового символизма и подчеркнул, что этимологические словари следует пересмотреть под углом зрения возможно полного выявления звукосимволических слов [1986а: 8, 16–20]. В другом своем исследовании В. И. Абаев подчеркнул, что недостаточный учет звуковой символики – это «большая ошибка, существенно снижающая ценность многих этимологических словарей» [1986б: 37]. О запущенности исследования звукосимволических, а также звукоподражательных и экспрессивных слов, писал раньше и видный теоретик этимологии Я. Малкиел, который подчеркнул, что этот факт приводит к трудностям их этимологизации, и выразил надежду, что психолингвистика укрепит позиции незаслуженно дискредитированного звукосимволизма [Malkiel 1962: 218].

С тех пор в этимологии мало что изменилось относительно звукосимволизма. Все еще очень редко выдвигаются гипотезы о звукосимволическом происхождении слов. Методика этимологических исследований звукосимволических слов остается неразработанной и малопривлекательной областью языковедческой науки. Не будет преувеличением, если сказать, что в целом, для этимологов продолжает господствовать скептическое и даже презрительное отношение к звуковой символике. Они готовы усмотреть дилетантство в любой попытке построить гипотезу о звукосимволическом происхождении определенного слова. Вполне основательно С. В. Воронин отмечает, что можно говорить о «парадоксе отношения к звукоизобразительным словам», который заключается в том, что «этимологические и сравнительно-исторические штудии обычно всячески открещиваются от звукоизобразительной лексики, но обойтись без нее, увы,

объективно не могут» [1990а: 64]. В результате применения неподходящей для ее исследования всей процедуры сравнительно-исторической этимологизации (см. эту констатацию в цитированной выше статье Абаева [1986а: 17]) такие слова попадают либо в число слов, обозначенных как неясные[1], либо получают неадекватное объяснение. Если судить по большинству этимологических словарей индоевропейских языков, в том числе и славянских (многие из которых вышли и в последние годы), звукосимволических слов в этих языках якобы нет или почти нет. Этот вывод касается и древних языков, и праязыков, континуантами которых являются современные индоевропейские языки. Следует все-таки признать, что возможность звукосимволического происхождения слов в известной мере учитывается некоторыми авторами. Например, В. Н. Топоров в Этимологическом словаре прусского языка говорит о «звуковой символике» определенных звуковых комплексов, однако сформулированные автором гипотезы базированы в основном на интуиции, нежели на ясных принципах этимологизации звукоизобразительных слов [1975–1990]. В некоторых словарях относительно определенных слов, для которых можно было бы предположить звукосимволическое происхождение, даются лишь указания, что являются «аффективными» или «экспрессивными» словами (см., например, [ЭССЯ, II: 171; ЕСУМ, IV: 10, 334]). Эти указания, однако, не относят исследованные слова ни к одному из трех типов мотивированности: морфологической, семантической или фонетической, и, поэтому не объясняют их происхождения. Они лишь говорят о выражаемой словами эмотивной функции. В принципе, эмотивность можно выразить и семантической мотивацией (метафорическим переносом), и морфологической (экспрессивным аффиксом), и фонетической (образованием звукоизобразительного слова). Кроме того, в стремлении обойти случаи, в которых можно говорить о прямой связи между звуковой формой слова и выражаемым им «незвуковым» значением, ЭССЯ иногда приходит к использованию довольно неясных квалификаций, как «полисемантическая основа» (об основе **bob-*) [II: 148]. Относительно псл. **bobyrъ* словарь говорит о возможной трактовки всего слова как «звукоподражания или сходного образования» (выделено мной: Ж. К.-З.) [II: 150].

Скептицизм этимологов, проявляемый к звуковой символике, является наследством господствовавшего долгое время в лингвистике скептицизма

[1] О звукосимволическом происхождении немалого количества слов с пометой «происхождение неясное» в Сокращенном Оксфордском словаре см. диссертацию С. В. Климовой на тему: «Глаголы «неясного происхождения» в Сокращенном Оксфордском словаре: Элементы этимологической фоносемантики» (цит. по [Воронин 1990а: 65]). См. также о звукосимволическом происхождении ряда украинских слов, указанных как неясные в Этимологическом словаре украинского языка [ЕСУМ], исследование [Колева-Златева 2006].

по отношению к существованию данного типа слов. Главная причина – догматическое отношение к постулату Соссюра об арбитрарности языкового знака и к ведущему постулату структурной лингвистики, что фонема, как и каждая единица языка, значима не сама по себе, а оппозициями, которые образует с другими одноименными единицами языка. Принятие идеи о существовании звукосимволизма противоречит и постулату, что минимальной двусторонней (значащей) единицей языка является морфема. Именно поэтому в лингвистике нередко выражалось мнение, что работы о звукосимволизме «стоят вне науки» (см. об этом [Леонтьев 1967: 105]). Еще в 1927 г. Д. Вестерман писал о том, что языкознание сопротивляется попыткам установить отношения между звуком и значением, «подвергая их сомнению или вообще не признавая, так как усматривало в них дилетантство» [1963: 95]. А если существование звукосимволических слов и признавалось, то нередко это признание было довольно осторожным. К терминам «звуковой символизм», «звукосимволика» добавлялось определение «так называемый» [Солнцев 1977: 131–132; Серебренников 1977: 183], писалось о «предполагаемом» наличии «у некоторых звуков речи способности непосредственно соответствовать тем или иным представлениям» (См. дефиницию звукового символизма в Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой [1966: 404].

Следует, однако, с удовлетворением отметить, что синхронический подход к исследованию звукосимволизма за последние десятилетия добился значительных успехов. Вслед за основополагающими работами О. Есперсена [Jespersen 1929], Э. Сепира [Sapir 1929], Л. Блумфилда [1968 (Первое издание книги на английском языке вышло в 1933 г)], которые, по образному выражению Марги Ландсберг, «открыли окна, через которые мы смотрим сегодня» на звукосимволизм [Landsberg 1981: 303], появилось огромное количество теоретических, экспериментальных и описательных исследований, охватывающих разные языки, хотя и не в одинаковой мере (См. подробный перечень таких работ в: [Воронин 1982: 13–18; Magnus 1997–2006]). На этом основании Дж. Наколс отмечает, что «осторожность, с какой лингвисты до сих пор относились к вопросу о звукоизобразительности впечатляюще контрастирует со значительным количеством антропологических лингвистических работ, которые затрагивают понятия звука и значения в малочисленных обществах» [Nuckolls 1999: 226]. Конечно, дискредитирование звукоизобразительности нельзя считать полностью ушедшим в прошлое. В африканских языках, например, существование звукоизобразительных слов получило признание. Они довольно хорошо исследованы. Как отмечает Т. Чайлдс, однако, в грамматиках и словарях африканских языков звукоизобразительные слова (в статье автора в соответствии с традицией исследования звукоизобразительности в африканских языках они названы «идеофонами»)

продолжают пользоваться «презрительным отношением, получая поверхностный анализ, или полностью отсутствуют. Это утверждение истинно и сегодня, как было истинным и в прошлом» [CHILDS 2001: 64]. По образному выражению Ф. К. Е. Фолц и К. Килиан-Хац, несмотря на огромное количество исследований звукоизобразительных слов, стремящихся каталогизировать и описать их, эти слова «остались пасынками современной лингвистики» [VOELTZ–KILIAN-HATZ 2001b: 2].

Все же исследованный огромный фактический материал бесспорным образом доказал существование звукосимволических слов в языке. Л. Хинтон, Дж. Николс и Дж. Охала во введении к сборнику, посвященному звукоизобразительности вообще, категорически заявляют: «Мы можем сделать заключение из совместных работ, представленных здесь, что звукоизобразительность играет в языке на много большую роль, чем наука до сих пор признавала» [HINTON et al. 1994: 1]. Психолингвистика, как наука, объясняющая языковые явления, тоже внесла свой вклад в ее изучение. Этот вклад касается исследования звукосимвлизма экспериментальным путем, раскрытия его психофизиологической основы (см., например, [BROWN 1958; ГОРЕЛОВ 1974; JAKOBSON–WAUGH 1979][2]), доказывания психологической реальности стремления носителя языка открыть в форме значение (см., например, [ШТЕРН 1967; ЖУРАВЛЕВ 1969, 1974]), психологической примитивности иконических знаков. Все эти исследования способствовали принятию идеи о немалой роли звукоизображения в языке. В исследовании, посвященном иконической теории происхождения языка, С. В. ВОРОНИН подчеркивает, что игнорирование и даже «ненависть» лингвистов к звукоизобразительности покоится на трех мифах: об ее ограниченных возможностях, ограниченном охвате и ограниченном количестве. В действительности, как отмечает автор, современные исследования доказывают (1) способность иконических слов развивать самые абстрактные значения и образовать новые слова, (2) их широкий охват (они вторгаются даже в область терминологии!) и (3) большую численность [VORONIN 2000: 149]. Поэтому нужно иметь в виду, что многие современные слова, являющиеся арбитрарными знаками, могут быть наследниками неарбитрарных, иконических знаков, какими являются и звукосимволические слова.

Накопление многосторонних исследований по звукосимволизму и звукоподражательности привело к рождению специальной науки – фоносемантики – и опубликованию некоторых обобщающих работ. В монографии С. В. ВОРОНИНА, вышедшей под заглавием «Основы фоносемантики»,

[2] Следовало бы здесь упомянуть и цитированную выше работу Сепира [SAPIR 1929], поставившую начало экспериментальным исследованиям звукосимволизма задолго до рождения психолингвистики как самостоятельной науки.

рассматриваются теоретические основы звукосимволизма и классифицируются признаки звукосимволических слов [1982]. Разные аспекты прямой связи между звуком и значением рассматриваются в опубликованном в 1994 году сборнике под заглавием: «Звукоизобразительность» ('Sound symbolism') [HINTON et al. 1994a], который включает обобщающие статьи ведущих исследователей в данной лингвистической области знания. Проблемам звукоизобразительности был посвящен и состоявшийся в 1999 году международный симпозиум, доклады которого опубликованы в сборнике под заглавием: «Идеофоны» ('Ideophones') [VOELTZ–KILIAN-HATZ 2001a]. Цитированные исследования вышли в книгах под разными заглавиями, но рассматривают вопросы, касающиеся одного и того же типа слов. (О трудностях, связанных с отсутствием единой терминологии см. далее, п. 1.1.)

Можно с уверенностью заключить, что пришла очередь применения результатов синхронического подхода к звукосимволизму в его диахронических исследованиях. Следует признать, что отдельные проблемы диахронических исследований звукоизобразительных слов были рассмотрены в статьях Я. Малкиела, которые были опубликованы также и в отдельном сборнике под заглавием «Диахронические проблемы в области фоносимволизма» ('Diachronic Problems in Phonosymbolism') [MALKIEL 1990]. Некоторые правила распознавания и исследования звукосимволических слов были сформулированы С. В. ВОРОНИНЫМ (см. [1990]), однако они не базированы на общих принципах этимологии и не нашли широкого применения в этимологических исследованиях. За ними не последовал систематический пересмотр этимологических словарей с целью выявления звукосимволических слов[3], на котором настаивал В. И. Абаев в цитированных выше работах. Эти правила, или операции, как называет их сам автор, не включают решения вопроса о диахроническом тождестве звукосимволических слов и связанного с ним определения их этимологических гнезд. Сам автор не иллюстрирует на примерах как может выглядеть этимологизация звукосимволических слов, прошедших длинный путь развития и утративших символику звучания, превращаясь в обычные конвенциональные обозначения. Все же нельзя не признать, что цитированные исследования привлекли внимание лингвистов к диахроническому аспекту исследования звукоизобразительности, несмотря на скептицизм подавляющего большинства лингвистов к данной проблематике.

Настоящая монография является продолжением ряда наших статей, в которых на основании формальных и семантических критериев выдвигаем гипотезы о звукосимволическом происхождении определенных слов и

[3] Исключение составляет цитированный выше диссертационный труд С. В. Климовой.

групп слов. Она ставит перед собой две цели: методологическую и эвристическую.

Методологическая цель является главной целью работы. Она предполагает формулирование и систематизацию теоретических постановок, исследовательских приемов и процедур, на которых должно основываться распознавание звукосимволических слов в этимологическом анализе, определение их этимологических гнезд (насколько это в каждом отдельном случае возможно), выявление трудностей. В связи с этой целью в теоретической части монографии рассматриваются общие вопросы функционирования звукосимволических слов, их психологической основы и статуса в языке: являются они маргинальным, периферийным явлением, или нелегко выявляемой, но важной составной частью языка. На основании обобщения многочисленных исследований, базированных на языках разных семей, приводится систематизация всех признаков звукосимволизма, и формулируются принципы их приложения при этимологизации звукосимволических слов, прошедших длинный путь развития и утративших первоначальную иконичность.

И так как исследование базировано на славянском языковом материале (с приведением в некоторых случаях и индоевропейских данных в качестве диахронически тождественных соответствий или типологических параллелей), его эвристическая цель предполагает выявление немалого количества славянских и в известной мере и других индоевропейских слов, для которых возможно предположить звукосимволическое происхождение, выдвинуть гипотезы о родстве некоторых из них. Специальное внимание уделяется случаям смешивания этимологических гнезд разных звукосимволических слов. В контексте выдвижения общей гипотезы о звукосимволическом происхождении всех из рассмотренных слов в работе проводится и конкретное этимологическое исследование отдельных слов, превратившихся в обычные конвенциональные обозначения с устойчивым лексическим значением и формой, таких, как: славянские названия муравьев, восходящие к псл. **morv-*, болг. *кокал* ‘кость’, русск. *хороший*, польск. *gogółka* ‘недозрелый плод на дереве’. При этом иллюстрируется, как для каждой конкретной этимологизации отдельного слова необходимо учитывать общую картину формально-семантических данных звукосимволических слов в исследуемом языке, а также в родственных ему языках. Берутся также во внимание и комментируются гипотезы этимологических словарей и отдельных этимологических исследований, привлекаются исторические данные. Проведенное исследование конкретного лексического материала показывает, как работают сформулированные принципы этимологизации звукосимволических слов, а также приводит к новым выводам, уточняющим эти принципы.

BUPress

Благодарности

Я бы хотела выразить свою признательность и благодарность рецензентам проф., д-р наук Андрашу Золтану и проф., д-р наук Кларе Адягаши за их кропотливую работу над текстом данной монографии и исключительно ценные рекомендации.

Проф., д-р наук Клару Адягаши хотелось бы поблагодарить и за то, что как руководитель научного проекта, финансированного венгерским фондом для научных исследований ОТКА, обеспечила возможность для издания данной монографии. Я восхищаюсь ее энергичностью и вдохновением, с которыми она работает при организации деятельности по научному проекту. Я также благодарю ее и за оказанную мне моральную поддержку во время моей исследовательской работы.

Эта книга никогда бы не появилась на свет без прекрасных условий для работы со словарями и научными исследованиями, которые предоставили мне богатые фонды библиотек Дебреценского университета и Института славистики при нем. Специальную благодарность хотелось бы выразить библиотекарям Ибое Такач, Еникё Юха и многим другим за их отзывчивость и оказанную мне огромную помощь.

Не на последнем месте я хотела бы выразить свою огромную признательность венгерскому фонду ОТКА, финансировавшему мою исследовательскую работу и издание данной монографии как части научного проекта (грант № 68568 К).

DUPress

DUPress

Теоретические основания этимологизации звукосимволических слов

Несмотря на то, что сегодня уже существует множество исследований звукового символизма, т. е. прямой связи между звуковой языковой формой и выражаемым «незвуковым» значением, следует признать, что сформулированные теоретические постановки в этой области знания все еще не стали общепринятыми. Существует довольно большое разнообразие в терминологии, дефинициях, классификации явлений звукосимволизма и сродных ему. Вряд ли есть другая область лингвистики, где властвует такая разобщенность в исследовательских установках и использовании терминологии. Поэтому изложение методологических принципов этимологических исследований звукосимволических слов начнем с уточнения всего использованного в работе категориального аппарата. Рассмотрим, какое место он занимает среди существующих исследовательских парадигм звукосимволизма.

Для целей исследования необходимо также обобщение всех постановок, касающихся статуса звукосимволических слов в языке, их характерных свойств – функциональных, формальных, структурных, семантических, грамматических. Только на такой основе возможно формулирование принципов этимологического исследования звукосимволических слов и их приложение при решении конкретных этимологических задач. Прежде чем квалифицировать данное слово как звукоизобразительное или незвукоизобразительное или хотя бы, как отмечает С. В. Воронин, чтобы аргументированно «открещиваться» от звукоизобразительности, этимолог должен знать, что такое звукоизобразительное слово, как его идентифицировать, как узнать и опознать. А он, как отмечает автор, очень часто этого не знает и, догматически придерживаясь постулатон структурной лингвистики и младограмматизма, полностью игнорирует звуковую символику [1990].

1. Сущность звукосимволических слов

1.1. Термины, дефиниции, таксономия

В настоящем исследовании под звукосимволическими будем понимать слова, чья звуковая форма возникла как подражание незвуковому образу. Наиболее подробную и исчерпывающую дефиницию, которую полностью принимаем, находим в монографии С. В. Воронина «Основы фоносемантики». Автор отмечает, что «в основу номинации звукосимволических слов могут быть положены признаки объектов, воспринимаемые в любой сенсорной модальности человека (разумеется, кроме слуховой модальности: в этом случае речь идет уже о звукоподражании): это могут быть признаки, получаемые через зрение, обоняние, вкус, осязание, органические ощущения» [1982: 88].

Другие авторы определяют незвуковой образ денотата звукосимволических слов немного уже. Согласно О. Есперсену звуковая форма звукосимволических слов обозначает движение, внешний вид предмета, душевное состояние [Jespersen 1949: 399–403]. В. И. Абаев отмечает, что в звуковой символике «тот или иной зрительный образ непосредственно порождает «соответствующий звуковой образ»» [1986: 17]. С таким же более узким значением, относительно символической связи звуков с размером и формой денотатов, употребляет термин «звукосимволизм» и Л. Кампбел в исследовании, посвященном языкам американских индейцев [Campbell 1997: 226]. Кстати, в цитированной монографии С. В. Воронин тоже подчеркивает, что среди всех типов образов наибольшее количество возможных признаков приходится именно на долю зрения [1982: 88]. Эта точка зрения перекликается с тем фактом, что в своей познавательной деятельности наибольшее количество информации человек получает именно через зрение.

Звукосимволические слова вместе со звукоподражательными (обозначающими «звуковые» денотаты) составляют группу звукоизобразительных (изобразительных) слов языка, для которых характерна прямая связь между формой и значением [Воронин 1982: 21]. С точки зрения типа мотивации, звукосимволические и звукоподражательные слова можно определить как фонетически мотивированные слова[4]. С семиотической точки зрения они относятся к иконическим[5], неарбитрарным знакам языка.

[4] Согласно С. Ульману, фонетическая мотивированность является одним из трех видов мотивированности в языке вместе с морфологической и семантической мотивированностью [1970: 255]. Фонетическую мотивированность, в известной степени экспрессивно, называют еще «естественной», «отприродной» мотивированностью.

Press

Следует особо подчеркнуть также, что долгое время звукоподражательные и звукосимволические слова рассматривались недифференцированно. Очень часто под звукоподражательными подразумевались также и звукосимволические слова. Например, Д. Вестерман отмечает, что под звукоподражанием понимает «звуковой комплекс, который… представляет собой непосредственную звуковую реакцию на полученное смысловое впечатление и является непосредственным и точным звуковым выражением внутренних чувств» [1963: 99]. В. Скаличка в статье под заглавием «Исследование венгерских звукоподражательных выражений» заявляет, что «звукоподражание является отношением элементов означаемого и означающего, базирующемся на соотносительности их свойств» [1967: 281] и в качестве звукоподражательных рассматривает такие слова, как *nyávog* 'мяукать', *brekeg* 'квакать', *zsong* 'жужжать', с одной стороны, и *ballag*, *bullog*, *billeg*, *büllög* 'медлить, тихо идти', *csánkál* 'бродить, шататься, шляться'– с другой. Это слова, чья звуковая форма возникла на основании изображения как звуковых, так и незвуковых образов при помощи звуковой формы слова.

Сегодня в русскоязычной лингвистической литературе в качестве синонима термину «звукосимволический» бытует также термин «образоподражательный», который употребляется в более узком значении, подобно более узкому употреблению термина «звукосимволический, относительно фонетически мотивированных слов, выражающих зрительно-образные представления: о световых явлениях, о внешнем состоянии живых существ или предметов, об их движениях (см., например, [Юлдашев 1981: 6; Черевко 2003; Шарафетдинова 2007]). Относительно слов с иконической связью между звуковой формой и незвуковым образом в русской лингвистике можно встретить также употребление и таких близко звучащих терминов, как «звукообразные слова» и «звукообразоподражание» [Черемисина 1989: 11].

В современной англоязычной литературе термином «звуковой символизм» чаще всего называют все случаи прямой связи между звуком и значением, т. е. все случаи фонетической мотивированности, звукоизображения (см. [Hinton at al. 1994b: 1; Chan 1996; Gordon–Heath 1998: 427; Nuckolls 1999; Abelin 1999; Harrison 2004]). В цитированной работе Дж. Наколс отмечает, что «термин звуковой символизм используется, когда звуковая единица, как фонема, слово, признак или тон уходит далеко от своей лингвистической функции контрастивной единицы, не наде-

---

[5] Согласно теории Пирса, разграничивающей три типа знаков: иконы, индексы и символы, иконами называются такие знаки, которые характеризуются подобием между означающим и означаемым [Peirce 1932].

ленной значением, выражая непосредственно определенный вид значения» [1999: 228]. С таким же общим значением, хотя и не так часто, употребляются и термины «фоносимволизм» (phonosymbolism) [MALKIEL 1990], «фонестезия» (phonesthesia, phonaesthesia буквально «звукоощущение») (см., например, [WYNECOOP–LEVIN 1996; HARRISON 2004]). Довольно часто как общее название для звукоизобразительных слов употребляется и термин «идеофон», прежде всего, относительно африканских [CHILDS 1994; DHOORRE–TOSCO 1998], а также – афроазиатских [BODOMO 2006], австралийских [ALPHER 1994], а иногда и некоторых других языков, например, финно-угорских [KENESEI 1998: 454–455; MIKONE 2001] (см. перечень других исследований в [NUCKOLLS 1999: 239–240]). Следует подчеркнуть, что термин «идеофон» не является полным синонимом термину «звукоизобразительное слово», так как при рассмотрении идеофонов нередко акцент падает на их морфологические особенности, обсуждается их место в грамматической системе языка (см. [CREISSELS 2001: 77; ELDERS 2001]), в то время как звукоизобразительность трактуется с точки зрения семиотической и таким образом подчеркивается иконичность, фонетическая мотивированность слов. Как общее название для звукоизобразительных слов употребляются также термины: «экспрессивы» [EMENEAU–HART 1993; CARR 1966; KLAMER 2001; JARVA 2001], «дескриптивные» слова [ВОРОНИН 1982: 151; ELDERS 2001: 97], «со-глаголы» (coverbs) [SCHULTZE-BERNDT 2001]. Относительно японских изобразительных слов утвердился термин «звуковой жест» (см., например, [ПОЛИВАНОВ 1968; VOELTZ–KILLIAN-HATZ 2001: 3]), термин, употребляемый также раньше ВУНДТОМ [1912]. Е. Д. ПОЛИВАНОВ отмечает, что «звуковые жесты» являются фонетической аналогией жестов, копирующих предметы и действия и что они довольно легко делятся на звукоподражательные и незвукоподражательные [1968: 300, 304]. Фонетически мотивированные слова данный исследователь называет еще «описательными», «подражательными», «изобразительными» словами. Термин «подражательный» в этом значении см. также в работе: [ШАРАФЕТДИНОВА 2007].

Из внутренней формы приведенных выше терминов видно, что одни из них подчеркивают фонетические особенности называемой категории слов, другие – на семантико-функциональные, третьи – на синтаксические, четвертые – на прагматико-функциональные.

Термин «идеофон» употребляется и в более узком значении, как название для звукоизобразительных явлений незвукоподражательного характера (см. [АБАЕВ 1986; ВОРОНИН 1990б: 166; CHILDS 1994: 180–181]). В таком же узком смысле он был впервые употреблен и Доком в справочнике, посвященном банту языкам, опубликованном в 1935 г., где автор дефинирует данную категорию слов, как «яркое изображение идеи в звуке. Слово, обычно ономатопеическое, которое описывает предикат, опре-

деление или наречие с точки зрения манеры, цвета, запаха, действия, положения или насыщенности» [Dock 1935: 118]. Иконическая связь между звуковой формой и незвуковым образом в англоязычной литературе в последнее время стала называться «синестетическим звукосимволизмом».[6] Чаще всего имеются в виду случаи, когда отдельные звуки, их признаки (например, палатальность согласных, высота гласных) или суперсегметные единицы (интонация) передают визуальные, тактильные или двигательные свойства объектов [Hinton et al. 1994b: 4–5; Berlin 1994; Allan 2001: 138; Ibarretxe-Antuñano 2004: 101]. Отметим, что этот составной термин своей внутренней формой в наибольшей степени приближается к называемой категории слов. Поэтому и употребляется недвусмысленно. Иногда звукоизображения незвуковых денотатов называют также «синестетическими идеофонами» [Tedlock 1999: 118]. Некоторые авторы, концентрируя свое внимание на механизме образования и функционирования данной категории слов, употребляют только термин «синестезия» [Gordon–Heath 1998: 427], что не корректно, так как данным термином называется сам психологический феномен, который лежит в основе разных процессов, в том числе и в осуществлении связи между звуковой формой слова и незвуковым образом денотата. В работе, которая положила начало экспериментальным исследованиям звукового символизма, Э. Сепир употребляет термины «экспрессивный символизм» и «фонетический символизм» относительно иконического незвукоподражательного употребления отдельных звуков и подчеркивает, что речь идет о «неосознаваемом символизме» [Sapir 1929: 226, 233, 235]. В более узком значении, как название незвукоподражательных иконических слов, употребляется и термин «дескриптивные» слова (см., например, [Anttila 1972: 85–86; Mikone 2004: 223; Jarva 2004: 111]). Венгерский этимолог З. Гомбоц называет слова, чья звуковая форма создает представление о незвуковом образе, преимущественно двигательном, «звукоописывающими» (hangfestő) [Gombocz 1913]. Другим экспрессивным термином является термин «естественная звуковая метафора». Этот термин используется Вундтом для называния случаев, когда языковая звуковая форма выражает определенный незвуковой образ [1912]. Ср. также с термином Е. Куриловича «акустические метафоры» [2000: 428].

Слова, чья звуковая форма возникла как подражание звуковому образу, обычно называют «звукоподражательными» словами. В лингвистической литературе довольно часто их называют еще «ономатопеическими», «ономатопическими», «ономатопоэтическими» или «ономатопами» (см. [Блумфилд 1965: 163; Malkiel 1990: 158; Waugh 1993: 73–74; Hinton et

[6] О синестезии как психологической основе звукосимволизма см. более подробно ниже, п. 1.2.

al. 1994: 3–4; Chan 1996: 3–4, Kilian-Hatz 2001: 163]). Сам термин «ономатопея» греческого происхождения (от греч. ὀνοματοποιΐα < ὄνομα 'имя' и ποιέω 'я делаю, создаю', буквально 'создаю имя') и, как показывает его внутренняя форма, первоначально обозначал иконическое словотворчество, образование слов «ex nihilo» (т.е. «из ничего») или, по словам Г. Пауля, – «первотворчество» [1960: 212–228]. Поскольку ономатопеей называли, прежде всего, образование звукоподражательных слов, так как они более очевидны, с течением времени термин «ономатопея» стал связываться в основном со звукоподражательными названиями. Кроме того, сам термин «звукоподражание» всегда обозначает образование слов (чья звуковая форма иконическим способом связана со звуковым образом денотата), в то время как под звукосимволизмом не всегда подразумевается образование слов. Звукосимволическую функцию может выполнять слово, звук, его признак, просодические средства. Это еще одна причина преимущественного использования термина «ономатопея» как синоним термину «звукоподражание». Аналогично этому, можно встретить употребление термина «не-ономатопоэтический» относительно не звукоподражательных звукоизобразительных слов [Kilian-Hatz 2001: 163]. Авторы, которые используют термин «звукосимволизм» в самом широком смысле, называют явления звукоподражания еще «имитативным (подражательным) звукосимволизмом» (imitative sound symbolism) [Hinton et al. 1994b: 3–4; Ibarretxe-Antuñano 2004: 101]. Иногда слова, чья звуковая форма создает представление о звуковом образе, называют также «звукоизобразительными» (см. работу Б. А. Серебренникова, где звукоизобразительные слова противопоставлены звукосимволическим [1977: 176]). Можно встретить также употребление термина «звукоизобразительный» и относительно звукосимволических слов, в противопоставлении термину «звукоподражательный» (см. [Журавлев 1980: 3, 6], где термин «звукосимволизм» критикуется как «не особенно удачный»).

Хотя и редко, исследователи используют термины «ономатопея», «ономатопоэтический» в соответствии с внутренней формой терминов, относительно всех фонетически мотивированных слов, акцентируя на словотворчестве, на создании новых корней (см. [Bradley 1929: 401; Dock 1935: 118; Поливанов 1968: 300; Allot 1995; Harrison 2004: 199]). В цитированном исследовании К. Д. Харрисон отмечает, что термины «ономатопея», «идеофон», «фонестезия», «фонетический символизм» употребляются как синонимы для называния звука, формы, размера, расстояния, движения, цвета и эмоционального состояния. Х. Пауль называет слова с непосредственной связью между формой и значением «первообразованиями». В качестве примеров таких слов приводит слова, чья звуковая форма связывается со звуковым или двигательным образом [1960: 215].

Находящимся на грани звукоизобразительных явлений считается группирование подобных значений вокруг подобных звуков на основании аналогии, которое называют также «конвенциональным звуковым символизмом» [BOLINGER 1940; HINTON et al. 1994b: 5–6]. Данное явление квалифицируют еще как «неродственные связи между словами» (word affinities) [BOLINGER 1940]. Сами звукосимволические группы согласных известны, прежде всего, как «фонестемы» [HOUSEHOLDER 1946] (перечень других используемых терминов см. в [WAUGH 1993: 77]). Фонестемы не имеют межъязыкового характера. Они формируются в рамках конкретного языка в результате конвергентных процессов. Как носители значения, они в какой-то мере сопоставимы с морфемами. Поэтому некоторые исследователи предлагают называть их «субморфемами» [ABELIN 1999: 17–20] или «психоморфами» [MARKELL–HEMP 1960].

Следует отметить также, что употребление термина «символический» относительно иконических явлений языка иногда критикуется из-за его деривационных отношений с термином «символ», который в духе теории Ч. Пирса обычно связывается с арбитрарными, конвенциональными знаками[7]. См. об этом [ALLOT 1995: 15], где предлагается называть звуковой символизм «естественной экспрессивностью» (natural expressiveness).

Лингвисты, исследующие иконическую связь между звуком и значением, различают еще первичную и вторичную звукоизобразительность. Многие авторы употребляют в данном случае термины «первичный звукосимволизм» и «вторичный звукосимволизм», имея в виду под «звукосимволизмом» прямую связь между звуком и значением. О первичной звукоизобразительности говорят тогда, когда речь идет о возникновении определенной языковой формы для изображения определенного незвукового или звукового образа. Под вторичной звукоизобразительностью понимается такая связь между звуком и значением, которая обусловлена самой системой языка, случайным накоплением немалого количества слов с подобной корреляцией между формой и значением (см. [SIEBERER 1947; Левицкий 1969: 124]). В соответствии с разграничением звукоподражательности и звукосимволизма в рамках звукоизобразительности, разграничение первичности/вторичности звукоизобразительности следовало бы разделить на две проблемы: проблему существования первичной/вторичной звукоподражательности, с одной стороны, и первичного/вторичного звукосимволизма – с другой.

К вторичному звукосимволизму можно отнести и явления конвенционального звукового символизма (см. выше). Вторичный звукосимволизм всегда ограничен определенным языком. Противопоставление первичного и вторичного звукосимволизма можно сопоставить с разграничением,

[7] О таком употреблении термина «символический» см., например, [ABELIN 1999].

которое делает М. К. М. Чан, противопоставляя универсальный звукосимволизм локальному. В таком случае первичный звукосимволизм можно считать универсальным, а вторичный – локальным. Первичный звукосимволизм обусловлен универсально действующими принципами синестезии и возможностями человеческого когнитивного и перцептивного аппарата (см. ниже, п. 1.2.), а вторичный – языковой системой конкретного языка. В случаях вторичного звукосимволизма происходит накладывание иконичности на конвенциональность слов. Следует подчеркнуть еще, что лингвисты, относящиеся скептически к существованию изображения незвукового образа звуковыми средствами в качестве компромисса принимают существование вторичной звукосимволической связи. Так например, Дж. Малкиел отмечает, что о первичной звукоизобразительности (у автора: фоносимволизм) можно говорить лишь тогда, когда налицо очевидное подражание естественным звукам, терпящее ограничения со стороны конкретного языка [MALKIEL 1990: 43]. Случаи изображения незвукового образа или экспрессивности (эмотивности) фонетическими средствами автор относит к вторичной звукоизобразительности. Иными словами, согласно Дж. Малкиелу, первичной может быть только звукоподражательность, а звукосимволизм всегда вторичен. Такой подход перекликается с трактовкой ономатопеи как звукоподражания.

Из представленного изложения, которое не претендует на абсолютную полноту охвата проблемы, видно насколько пестрой является картина научных постановок и использованной терминологии в области звукоизобразительности. Почти нет терминов, которые бы употреблялись однозначно. Точно также нет и лингвистических категорий в области иконического употребления звука, которые бы трактовались однозначно. Следует отметить, что это разнообразие вполне основательно критикуется некоторыми авторами как излишне усложняющее данную исследовательскую проблематику (см. например [Voeltz–Kilian-Hatz 2001b: 3], где предпочтение отдается термину «идеофон»).

Представим в самом обобщенном виде рассмотренную терминологию, обозначающую иконическую связь между языковой звуковой формой и образом денотата – звуковым и незвуковым.

DiPress

иконическая связь между языковой звуковой формой и значением	звукоизображение, звукоизобразительные слова звукосимволизм, звукосимволические слова фоносимволизм, фонестезия идеофоны, экспрессивы, дескриптивные слова со-глаголы, звуковые жесты ономатопея, ономатопоэтические слова первотворчество, первообразования описательные, подражательные, изобразительные слова слова с фонетической, естественной, отприродной мотивированностью
иконическая связь между языковой звуковой формой и «незвуковым» значением	звукосимволизм, звукосимволические слова образоподражание, образоподражательные слова звукоизобразительные слова звукообразоподражание, звукообразные слова звукоописывающие слова синестетический звукосимволизм экспрессивный символизм фонетический символизм идеофоны, синестетические идеофоны дескриптивные слова естественная звуковая метафора
иконическая связь между языковой звуковой формой и «звуковым» значением	звукоподражание, звукоподражательные слова ономатопея, ономатопы ономатопеические, ономатопоэтические слова имитативный (подражательный) звукосимволизм, имитативы звукоизобразительные слова

Отметим, что очень часто авторы не оговаривают, в каком именно смысле употребляют данный термин. Это создает трудности для правильной интерпретации сформулированных постановок и полученных результатов исследований с целью их дальнейшего обобщения. Иногда то, как авторы трактуют использованные термины, можно понять только на основании учета исследованного ими языкового материала.

Подчеркнем и одно существенное различие между иконической связью звуковой формы языка со «звуковым» значением и иконической связью звуковой формы языка с «незвуковым» значением. Кроме типа обозначаемого образа, они различаются еще тем, что в то время как в первом случае иконичность касается целого слова – полнозначного или неполнозначного, во втором случае иконичность может касаться как целого слова, так и отдельных звуков, их сочетаний и отдельных их признаков или су-

BUPress

персегментных единиц, и только в этом случае можно говорить о первичности или вторичности иконической связи.

Представленный перечень терминологии не имеет целью очертить полную картину использованных понятий и их трактовок в исследованиях прямой связи между языковым звуком и значением. Он лишь позволяет, с одной стороны, иллюстрировать полемичность данной области знания и показать, с другой, то место, которое занимает в общей картине теоретических постановок использованный в данной работе категориальный аппарат.

Итак, в целях нашего исследования будем использовать следующие трактовки звукосимволизма и сродных ему явлений:

- Будем разграничивать два типа образов – звуковые и незвуковые, которые могут вступать в прямую, неарбитрарную связь с языковой звуковой формой. Звуковыми будем считать образы, получаемые через слух, а незвуковыми – через зрение, обоняние, вкус, осязание, органические ощущения и через эмоции.
- Звукосимволическими (а также образоподражательными) будем называть слова, чья звуковая форма при их возникновении создавала представление о незвуковом образе: зрительном, тактильном, обонятельном, вкусовом, эмоциональном. Поскольку выражение эмоций звуковыми средствами относим к явлениям звукового символизма, все случаи достижения эмотивности и экспрессивности (разганичение данных понятий см. ниже, п. 1.5.2.1.) фонетическими средствами будем относить к проявлениям звукосиволизма.
- Звукоподражательными будем называть слова, чья звуковая форма при их возникновении создавала представление о звуковом образе.
- Под ономатопеей будем понимать образование примарно мотивированных слов: звукоподражательных и звукосимволических (образоподражательных). К ономатопее будем относить и детские слова, часто образованные при помощи редупликации.
- С таксономической точки зрения звукосимволические и звукоподражательные слова будем считать разновидностями звукоизобразительных, фонетически мотивированных, ономатопоэтических слов и иконических знаков.

DUPress

При формулировании обобщений относительно разных аспектов звукосимволизма и близких ему явлений будем учитывать литературу, употребляющую все многообразие терминологии, соотнося утверждения разных авторов не на основе совпадения терминов, а на основе идентификации обсуждаемых объектов.

Подчеркнем, что к звукосимволическим и звукоподражательным словам будем относить и слова, которые в ходе своего фонетического и семантического развития утратили иконичность и превратились в обычные конвенциональные обозначения реалий действительности. По словам С. В. Воронина, «неучет» этого момента приводит к неоправданному принижению роли и числа звукоизобразительных слов, к полному искажению картины соотношения звукоизобразительных и незвукоизобразительных элементов в языке [1982: 22–23].

Что касается дихотомии первичный/вторичный звукосимволизм отметим, что наше внимание будет сосредоточено в основном на первичных звукосимволических словах. Только они возникли как фонетически мотивированные, ономатопеические названия денотатов. Конечно, будем учитывать и проявление вторичного звукосимволизма, но только в рамках ономатопеических слов. В данной работе используем цитированную терминологию и ее трактовки также в комментариях мнений других авторов относительно разных проявлений звукоизобразительности. В противном случае буквальное цитирование с сохранением использованной терминологии может привести как к отождествлению разных понятий, так и к не отождествлению тождественных.

Отметим еще одно немаловажное различие между звукоподражательными и звукосимволическими словами, которому тоже обязан скептицизм лингвистов к последним. Звукоподражательные слова, в том числе и те, которые являются наследниками древних звукоподражательных этимонов, сравнительно нетрудно распознаются, так как их звуковая форма возникла как подражание звуковому образу. Нетрудно осмыслить иконичность связи между звуковой формой и «звуковым» значением знака. Звукосимволические же слова нелегко распознаются не только носителями языка, но и исследователями. Это касается не только слов, прошедших длинный путь развития, но и новообразований. Не осознается их иконичность. В случаях звукосимволизма необходимо найти сходство между звуковой формой и «незвуковым» значением.

С трудностями связано и дефинирование механизмов образования звукосимволических слов. Например, С. Б. Серебренников в известном труде, посвященном языковой номинации, делая обобщение о разных типах номинации, пишет, что «при звукоподражании отбираются… какие-то нюансы звукового континуума», а «при создании звукосимволики отбираются те же звуковые характеристика, но они творчески преоб-

разуются в звукосимволический образ слова» ([1977: 186], выделено мной: Ж. К.-З.). Не становится ясным, однако, как происходит это творческое преобразование, является ли оно целенаправленной деятельностью.

Причину для указанных трудностей следует искать в психофизиологической основе звукосимволических слов. Понимание механизма рождения звукосимволического слова может быть ценным и для объяснения его формальных и семантических особенностей.

1.2. Психологическая основа звукосимволизма

Поскольку при звукосимволизме налицо обозначение неакустического денотата акустическими средствами и при этом связь между звуком и значением примарная, ученые пришли к идее, что его психофизиологической основой является синестезия (буквально «соощущение», «совосприятие»). Именно поэтому и некоторые авторы употребляют термин «синестетический звукосимволизм» для звукоизобразительных слов не звукоподражательного характера. Одним из первых мнение о базированности звукосимволизма на «нейропсихологических законах» синестезии высказал Р. Якобсон, который отметил, что «звуковые оппозиции могут сами по себе вызвать связь с музыкальными, цветовыми, обонятельными, тактильными и другими ощущениями» [JAKOBSON 1978].

Не существует, однако, общепринятой трактовки синестезии. С. В. ВОРОНИН отмечает, что общими моментами для разных дефиниций являются следующие: синестезия ограничивается сенсорной сферой; один стимул вызывает не одно, а два ощущения: одно – адекватное, второе – неадекватное, вторичное, индуцированное; существует перенос качеств одного ощущения на другое [1983: 127]. Некоторые авторы считают, что синестезия характерна только для немногих людей (называемых синестетиками), которые с самого раннего детства начинают испытывать ее проявления (см., например, [GROSSENBACHER–LOVELACE 2001: 36]). Другие напротив, подчеркивают, что все люди способны испытывать ощущения в одной модальности, когда стимулируется другая (см. [RAMACHANDRAN–HUBBARD 2001: 4]).

Сторонники позиции, что синестезия характерна лишь для немногих синестетиков, отвергают предположение о том, что она может быть физиологической основой звукосимволизма (см. [BROWN 1958: 132]). Другие наоборот, считая синестезию явлением нормальным, общезначимым, на ее основании объясняют те или иные конкретные проявления звукосимволизма. Например, Л. Е. Маркс сравнивает результаты экспериментов Э. Сепира [SAPIR 1929] и Ньюмена [NEWMAN 1933] по символизму звуков, с одной стороны, и наблюдения над основанным на синестезии цветовым

слухом, с другой. Автор приходит к выводу, что «некоторые из общих принципов, обуславливающих синестезию, подобны принципам, обуславливающим фонетический символизм». Автор ссылается на открытый С. С. Ньюменом порядок гласных, в котором убывает их объем, и порядок гласных, в котором возрастает их яркость, и отмечает, что в большой степени оба порядка совпадают друг с другом, что оба они «в сильной степени определяются высотой гласных (точнее, частотой второго форманта)». Кроме того, «отношения между гласными звуками и измерениями объема и яркости, открытые в экспериментах С. С. Ньюмена, являются такими же, как и отношения, проявляемые при цветовом слухе» [MARKS 1975: 318].

Подробно роль синестезии в языке и, особенно в его эволюции, рассматривают В. С. Рамачандран и Е. М. Хубард. Авторы формулируют следующие гипотезы относительно естественной обусловленности некоторых видов языковых знаков и роли, которую сыграла в их генезисе синестезия:

(1) В эволюции языка имела место неарбитрарная синестетическая связь между формой объекта и качествами звука (как в случае с *bouba* и *kiki*, которые в экспериментах связываются информантами соответственно с овальными и угловатыми объектами, т. е. заостренные угловатые формы фигуры подражательным способом связываются с «заостренными фонемными модуляциями звуковой формы *kiki*, а также с заостренной формой языка, опирающего в твердое небо»). О механизме данной синестезии авторы отмечают следующее: «…мы предполагаем, что репрезентация определенных движений губ и языка в моторных областях мозга, возможно, накладывается неарбитрарным способом на определенные звуковые модуляции и фонемные репрезентации в слуховой области, и последняя, в свою очередь, может иметь неарбитрарные связи с формой объектов из внешнего мира».

(2) Авторы высказывают мнение, что, по всей вероятности, центральную роль в эволюции языка сыграла своеобразная сенсорно-моторная синестезия, которая основана на взаимной активации не двух сенсорных областей, а сенсорной (т.е. слуховой) и моторной (т.е. зоны Брока). Проявлением этой синестетической связи, по мнению авторов, является также танец, где ритм движений имитирует слуховой ритм, и отдельные случаи, когда звуки автоматическим способом вызывают занятие определенной позы.

(3) В языковой эволюции имела место и синестетическая связь между визуальными характеристиками артикуляционных органов и вокализациями (как в случае с *petite*, *teeny*, *little*, употребляемых отно-

Dubrovsky

сительно маленьких объектов, т.е. маленьким [і], который артикулируется при помощи губ и узкого прохода для голоса, имитируются маленькие объекты).

(4) Авторы говорят также о взаимной активации моторных областей, которую называют синкинезией. Таким образом объясняют, например, происхождение некоторых местоимений как озвучение своеобразных движений губ и языка, которые сопутствуют определенным указательным жестам [RAMACHANDRAN–HUBBARD 2001: 19–21, 28–29].

Поскольку, кроме сенсорной сферы, звукосимволическая номинация действует широко и в сфере эмоциональной, С. В. ВОРОНИН предлагает рассматривать в качестве психофизиологической основы звукосимволизма не синестезию, а синестэмию (буквально «соощущения» и «соэмоции»). Под синестэмией автор понимает «различного рода взаимодействия между ощущениями разных модальностей (реже – между ощущениями одной модальности) и между ощущениями и эмоциями, результатом которых на первосигнальном уровне является перенос качеств ощущения (либо перенос нервных импульсов), на второсигнальном же уровне – перенос значения, в том числе перенос значения в семантической парадигме звукосимволического слова [1983: 129, 120]. Синестэмия и звукосимволизм имеют общую область действия – сенсорно-эмоциональную. Этот факт подкрепляет вероятность гипотезы С. В. ВОРОНИНА. Как отмечает автор, эмоциональный элемент может участвовать в синестэмии двумя путями: либо как некий вспомогательный элемент при переносе «ощущение => эмоция => ощущение», либо как самостоятельный конечный элемент в цепи переноса «ощущение => эмоция». В первом случае положительная или отрицательная эмоциональная окраска (приятное/неприятное, удовольствие/неудовольствие) благодаря своей всеобщности выступает в качестве медиатора, своеобразного «общего знаменателя» при переносе качеств ощущений, во втором – в качестве конечного элемента в цепи переноса «ощущение => эмоция» [1982: 86]. Отметим, что о роли эмоции в осуществлении ассоциации между звукосимволическим словом (у автора – «естественная звуковая метафора») и обозначаемым объектом писал и Вундт в исследовании, посвященном разграничению двух видов звукоизобразительных слов [1912].

Так как синестэмия (а также синестезия) не осознается, не осознается и сам механизм рождения звукосимволического слова, не осмысливаются причины того или иного его звучания. Она осуществляет неосознаваемую связь между звуковой формой слова и незвуковым образом денотата и таким образом компенсирует нарушенное сходство между формой и значением иконического знака.

1.3. Квантитативные характеристики звукоизобразительных явлений в пространстве и времени

Накопленный богатый эмпирический материал вместе с теоретическими и экспериментальными исследованиями, раскрывающими механизмы звукосимволизма, доказали его реальность. По словам С. В. Воронина, «ныне мало кто отважится усмотреть в разработке проблемы связи звука и значения в слове дилетантство» [1982: 3]. Сложилось, однако, мнение, что звукосимволические слова не характерны для всех языков в одинаковой степени. Кроме того, использование разной терминологии создает впечатление, что речь идет о разных явлениях. Например, в африканских языках есть «идеофоны», в японском – «звуковые жесты», в австралийских языках – «со-глаголы» (coverbs), а в индоевропейских языках, хотя и не в таком большом количестве – «звукосимволические слова», на материале индоевропейских языков в основном разработаны проблемы «фонестем» – кластеров согласных, получивших определенное значение.[8] Так, ссылаясь на исследования разных авторов, К. Ш. Хусаинов отмечает относительно звукоизобразительных слов то, что «они гораздо чаще встречаются в тюркских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских, финно-угорских, кушитских, чадских, корейском, японском и других языках евроазиатского и европейского континентов, чем в классических европейских, славянских и некоторых других языках» [1990: 158][9]. Такая констатация пересекается и с отмеченным выше фактом, что в этимологических словарях индоевропейских, в том числе и славянских языков почти нет звукосимволических слов, точнее, – нет гипотез о звукосимволическом происхождении слов, об эволюции таких слов. Нет и теоретических работ по методическим вопросам этимологизации звукоизобразительных слов в этих языках[10]. Но как заключает К. Ш. Хусаинов в цитированной статье, «отсутствие тех или иных звукоизобразительных форм в ряде современ-

[8] Конечно, данное утверждение следует принимать обобщенно. Как было сказано выше, об идеофонах говорят и в связи с другими языками, фонестемы уже исследованы и в финском [Austrerlitz 1994], некоторых африканских языках [Childs 1994].

[9] Подобный вывод представлен также в статье Г. П. Мельникова, озаглавленной: «Почему не во всех языках есть идеофоны?» [1969], в обобщающей работе Дж. Наколс, где отмечено, что бросающийся на глаза факт отсутствия идеофонов в западноевропейских языках, продолжает озадачивать лингвистов, антропологов, психологов [Nuckolls 1999: 228], в статье Д. Крайселса, в которой отмечено, что африканские идеофоны (т. е. звукоизобразительные слова) не соответствуют ни одной из традиционно признанных категорий слов европейских языков [Creissels 2001: 75].

[10] Ср., например, относительно венгерского языка (которого не коснулись, как в случае других языков, предубеждения лингвистов относительно существования в нем звукоизобразительных слов) исследования, посвященные методическим вопросам этимологизации таких слов [Gombocz 1913; Скаличка 1967; Vértes 1976].

ных языков еще не означает, что они не употреблялись в прошлом. Вполне возможно, что этимолого-фоносемантический поиск позволит реконструировать изначальную звукоизобразительность ряда слов, в современных языках функционирующих как нейтральные» [1990: 163]. В принципе, исследователи звукосимволизма подчеркивают, что в своей эволюции многие звукосимволические слова подвергаются своеобразной маскировке. С. В. Воронин отмечает также, что «маскировка» звукоизобразительной природы слова – «основная объективная причина недостаточной разработки звукоизобразительных (дескриптивных) этимологий» [1982: 151]. Иногда детальный анализ языкового материала выявляет наличие звукоизобразительных слов в определенных языках, хотя ранее считалось, что такие слова полностью отсутствуют в этих языках. См. статью К. Килиан-Хац, доказывающую наличие звукоизобразительных слов в койсанских языках (в этих языках называемых идеофонами), о которых ранее считалось, что не имеют таких слов [Kilian-Hatz 2001: 163].

Возможно, что мнение о сильно различающемся количестве звукоизобразительных слов в разных языках сложилось из-за того, что сравниваются языки, которые находятся на разных стадиях своего развития, языки с разными традициями: функционирующие преимущественно в устной форме и нормированные литературные языки. В одном случае языки описываются на основании исследования их устных форм, в другом – на основании, прежде всего письменных текстов. А многие авторы отмечают, что звукоизобразительные слова более характерны для устной речи, где сопровождаются и жестами, нежели для письменной (см. [Хусаинов 1990: 160; Voeltz–Kilian-Hatz 2001b: 2; Bodomo 2006: 204, 212]). О различии между народным и литературным языком относительно звукоизобразительности см. еще [Вундт 1912]. Поэтому создается впечатление, что у культур с языком с развитой письменной традицией звукоизобразительные слова полностью отсутствуют. Если бы для всех языков исследовалась устная речь, в том числе и диалектная, возможно, что результаты не контрастировали бы в такой сильной степени. Как отмечает А. Абелин, можно наблюдать интересные сходства между звукоизобразительными словами языка шведской молодежи и идеофонами одного из диалектов языка гбая, говоримого в центральной Африке. Они содержат редуплицированные звуковые комплексы, удлиненные звуки, занимают финальную позицию в предложении и др. [Abelin 1999: 10].

Все это делает актуальным принципиальное рассмотрение вопроса о количественном распространении звукосимволических слов, об их свойственности разным типам языков, т. е. об их статусе с точки зрения универсальности или специфичности.

Библиотека

1.4. Универсальность звукоизобразительности

Универсальность языкового явления предполагает его наличие во всех языках, в том числе и древних. То, что рано зарождается в языке, более примитивно, чем зарождающееся позже, носит более общий характер, свойственно всем языкам. Истинно и зеркально противоположное утверждение. То, что свойственно всем языкам, является примитивным и по силе своей примитивности является и эволюционно древним. Следует особо подчеркнуть, что в этимологическом исследовании учет языковых универсалий важен как для создания рабочей гипотезы, так и для ее верификации. Если звукоизобразительность является языковой универсалией, то при этимологизации определенного слова гипотеза о его фонетической мотивированности должна быть среди гипотез, которые «стоит» проверить, если для этого имеются какие-либо индикации. Следовательно, вопрос об универсальности звукоизобразительных слов имеет методологическую значимость для этимологии.

На основании публикаций, представленных в сборнике под названием «Звукоизобразительность» ('Sound Symbolism') [HINTON et al. 1994a] и более старых работ К. М. Чан заявляет, что результаты исследований уже «не оставляют сомнения… что звукоизобразительность широко распространена в языках мира. Более того, она играет значительную роль, особенно на уровне эмоций» [CHAN 1996: 1]. А во введении к сборнику, где опубликованы доклады Первого международного симпозиума по идеофонам (т.е. звукоизобразительным словам), состоявшегося в 1999 году в Германии, его составители Ф. К. Е. Фолц и К. Килиан-Хац в качестве первого вывода отмечают следующее: «Идеофоны обнаружены в большем количестве языков, чем ожидалось. Несмотря на то, что данные языков настоящих публикаций нельзя считать представительными, все же есть основание принять, что идеофоны существуют во всех языках мира. Они являются универсальной категорией» [VOELTZ–KILLIAN-HATZ 2001: 3].

В принципе, об универсальности языкового явления в первую очередь свидетельствует его распространенность во всех языках. Это является индуктивным аргументом универсальности. Поскольку цитированное утверждение не основано на материале всех языков, его можно считать базированным в большой степени на интуиции. Это не означает, однако, что оно ошибочно. Интуиция лингвиста, базированная на опыте, способна уловить тенденцию, на основании которой можно будет сделать аргументированные научные выводы при проведении соответствующих анализов. Все-таки для доказывания универсальности звукоизобразительности как языкового явления, когда отсутствуют данные об ее всеобщей распространенности, необходимы другие аргументы, дедуктивного характера. Такими аргументами можно считать соответствие явления общим языко-

BUPress

вым законам, его наличие в так называемых «примитивных»[11] языках (или языках примитивных обществ, для которых свойственно примитивное мышление), раннее проявление в речи детей, устойчивость при афатических нарушениях.

Универсальное примитивно. Именно поэтому характерно для всех языков. Поэтому и рано проявляется в речи детей, характеризуется стабильностью при афатических нарушениях, рано зародилось и в языке как социальное явление.

1.4.1. Соответствие общим законам

Вопрос о закономерности звукосимволизма можно поставить, с одной стороны, на философскую основу и рассматривать его в свете всеобщей диалектической закономерности – стремления содержания и формы к взаимосоответствию (см. такой подход в [Журавлев 1974; 1976]). Как отмечает автор, в знаковых системах эта закономерность проявляется как стремление знаков к мотивированности ([Журавлев 1974: 6, 9]).

Мотивированность особенно важна при рождении нового знака (ем. об этом, например, [Маслов 1987: 114]). Так, в момент своего рождения каждое слово мотивировано либо фонетически, либо семантически или морфологически[12]. Мотивированность важна и при восприятии и запоминании индивидом нового знака. Стремление к мотивированности знака в данном случае может проявиться в так называемой «народной этимологии» (см. термин в: [Пизани 1956: 128–140; Будагов 1965: 78–82; McMahon 1995: 75: 183–184])[13], в осмыслении семантики слова на основании его звуковой формы[14], а также в образовании нового слова, не отличающегося лексическим значением от словообразующей основы, отличающегося лишь эксплицированной мотивированностью (об аффиксах со

[11]Несмотря на полемичность понятия «примитивности» из-за возможности интерпретировать его как что-то плохое, уничижающее язык или культуру, в данном исследовании все же будем использовать данное понятие из-за его когнитивной адекватности, дистанцируясь от любых моралистических оценок. Дефиницию понятия см. ниже.

[12] Это правило не касается в такой сильной степени имен собственных.

[13] Так как термин «народная этимология» вполне заслуженно критикуется многими исследователями, данное явление известно еще как «этимологическая реинтерпретация» [Cienkowski 1972: 22], «паронимическая аттракция» [Ахманова 1966: 313], «ремотивация» [Сетаров 1988: 34], «реэтимологизация» [Аркадьева 1990: 11].

[14] Этот случай хорошо иллюстрируют известные эксперименты, которые состоят в следующем. Испытуемым лицам предлагается набор выдуманных слов и картинки с задачей угадать какое слово какой картинке соответствует. При этом наблюдается поразительное совпадение ответов. См., например, [Kohler 1947; Горелов 1969, 1974].

DUPress

структурной функцией см. [SLAWSKI 1974: 115]). Случаи вторичного звукосимволизма, проявляющегося в рамках конкретного языка, тоже можно объяснить стремлением знака к мотивированности.

Стремление содержания и формы знака к взаимосоответствию можно рассматривать также в парадигме теории Ч. Пирса как стремление к иконичности (см., например, [WAUGH 1993: 84]). При этом следует учитывать все три типа икон: образы, диаграммы и метафоры – все три, характеризующиеся своеобразным сходством между формой и значением. Звукоподражание и звукосимволизм (т. е. фонетическая мотивированность) соответствуют образной иконичности. Диаграмматическая иконичность основана на соотношении частей объекта друг к другу. На соотношении (между частями слова) основана и морфологическая мотивированность. Поэтому ее можно считать проявлением диаграмматической иконичности. Метафорической иконичности соответствуют случаи семантической мотивированности. Случаи конвенционального звукосимволизма (образования фонестем) соответствуют диаграмматической иконичности, так как основаны на аналогии, а, следовательно, и на соотношении, и на образной иконичности, так как предполагают связь между подобными образами.

Есть доказательства, что иконичность можно наблюдать во всех формах языка: устной, письменной, жестомимической, а в звуковом языке – на всех его уровнях (см. [WESCOTT 1971]). Р. Уескот отмечает, что «все языки богаты иконическими элементами. Более того, многие символы современных языков когда-то были иконами». Автор формулирует три, по его мнению, «в одинаковой степени возможные» гипотезы относительно сосуществования икон и символов в языке, которые аналогичны теориям космогенезиса. Это (1) гипотеза большого взрыва (Big Bang Theory), согласно которой «язык когда-то состоял исключительно из икон, но эта пан-иконичность была разбита введением символов, которые впоследствии стали заменять иконы, что будет продолжаться до тех пор, пока язык, в конце концов, не станет… полностью символическим»; (2) гипотеза равновесия (Steady State Theory), согласно которой, «по мере того, как первичные иконические знаки переходят в символы… создаются новые иконы для компенсации нарушенного равновесия»; (3) теория колеблющейся вселенной (Oscillating Universe Theory), согласно которой «относительная пропорция иконизма и символизма в языке колеблется медленно, но ритмически» [1971: 426–427].

Что касается первой гипотезы, отметим, что не становится ясным как в языке «вводятся» символы, в результате какого договора. Как было уже сказано, каждое слово в момент своего создания мотивировано (фонетически, семантически или морфологически). Новые корни в результате договора не создаются. Как отмечает В. Кох, основываясь на физиологических и нейролингвистических данных: «В принципе, символы, или ар-

битрарные связи, никогда не создаются как таковые. Они являются естественным продуктом индексного и иконического семиозиса». Таким образом, заключает автор: «почти каждое слово или морфему в любом языке можно возвести к какой-либо иконической этимологии. Люди создали три первичные следующие друг за другом схемы образования слов: 1. *ta ta* схему (как в словах *mama* и *papa*), 2. *bow wow* схему (как в словах типа *cuckoo* или *bow wow*), 3. *ding dong* схему (как в словах типа *weeny* 'маленький', *teeny*, *tiny* 'то же'») [Koch 2001]. О первичности иконических элементов в эволюции языка см. также [Воронин 1982: 129–145; Voronin 2000; Allott 1989; Burling 1999; Rolfe 2000], где приводятся и аргументы из психолингвистики, нейролингвистики, неврологии, лингвистической типологии и философии.

Очень показательны наблюдения над жестовым языком американских глухонемых (ASL)[15]. Как показали современные психолингвистические исследования, «жестовый язык является полноценным языком, сравниваемым по сложности с устным языком» [Бонвиллиан и др. 1984: 136]. Поэтому выводы, которые касаются принципов функционирования жестового языка, должны быть релевантными и для звукового языка. В цитированном исследовании Р. Уескот подсчитал, что 25% жестов ASL являются иконами, а три четверти остальных 75% тоже выводимы из иконических жестов. Автор отмечает, что остается открытым вопрос «являются ли меньшинство знаков, для которых не очевидно развитие от икон, тоже наследниками старых икон, чья длительная стилизация эффективно их маскировала, или они изначально возникли как символы» [1971: 418]. Исследование Н. Фришберга, посвященное эволюции ASL, показало, что существует «устойчивая тенденция изменения знаков в сторону арбитрарности, а не поддерживания иконичности». Кроме того, автор отмечает, что наблюдения над ASL показали, что «новые иконические знаки ad libitum не вводятся» и этот факт говорит о том, что в развитии языка невозможна гипотеза равновесия (Steady State Theory) [Frishberg 1975: 696, 718]. Представленные факты жестового языка свидетельствуют о том, что система из иконических знаков более примитивна и развивается в сторону более совершенной системы, состоящей из символических знаков.

Закономерную эволюцию икон в символы нельзя объяснить стремлением формы и содержания к взаимосоответствию. По словам А. П. Журавлева, «если бы эта тенденция превратилась в жесткую связь, знаковая система потеряла бы возможность саморазвития. Отсюда вторая тенденция – к произвольности как стремление к свободе развития» [1976: 20]. В соответствии с этой тенденцией, в своей эволюции фонетически моти-

[15] Это жестовый язык, который исследован в самой большой степени и в синхроническом, и в диахроническом аспекте, прежде всего психолингвистикой.

PUBLISH

вированные слова, как и все другие слова, стремятся избавиться от изначальной мотивированности и превратиться в обычные конвенциональные деэтимологизированные обозначения. В таких словах «сильное и четкое лексическое значение делает ненужным осознанное обращение к символике звучания, и она приобретает латентный характер, скрываясь от внимания не только носителя языка, но и исследователя» [Журавлев 1974: 142]. Именно поэтому происходит маскировка звукоизобразительности, о которой шла речь выше. Поэтому и утверждение об иконическом характере языка выглядит неприемлемым с точки зрения развитого языка, каковыми являются и большинство современных языков. С этой же точки зрения более верным является утверждение об арбитрарном характере языка в духе известного постулата теории Соссюра [1977: 100–102]. Система из символических знаков более совершенна. Она более экономна и более эффективна, так как из-за возможности семантического развития (по причине немотивированности знаков) с одним означающим может связаться больше, чем одно означаемое.

Однако, перегрузка языковой системы конвенциональными знаками-символами, т.е. немотивированными словами может привести к торможению семантической памяти, которая должна сохранять все знаки без их возможной выводимости друг из друга, а также без опоры на примитивную прямую связь между формой и значением. Как отмечает Л. Во, постоянное нарастание словаря в связи с социокультурными изменениями, которые язык отражает, приводит к тому, что в языковой системе все сильнее начинает проявляться тенденция к иконичности. Потому что «функция звука языка, в первую очередь, состоит в том, чтобы установить различие между словами, а во вторую – создать огромное множество идентифицирующих ассоциаций между формой и значением слов» [Waugh 1993: 80]. Таким образом, стремлением к иконичности реализуется принцип когнитивной экономии.

Статус звукоизобразительных слов в языке и их эволюцию можно рассмотреть также с когнитивной точки зрения, с учетом общих принципов развития познания. Такой подход к языку уместен, так как язык тесно связан с познавательной деятельностью человека и тоже предполагает развитие. Многое может объяснить эволюционный подход, обоснованный Х. Вернером и Б. Капланом. Согласно этому подходу, где бы не происходило развитие, оно предполагает изменение состояния, для которого характерна сравнительно недостаточная дифференциация, в состояние с нарастающей дифференциацией и интеграцией в иерархические структуры [Werner–Kaplan 1956: 866]. Как отмечают авторы, данный подход характеризуется всеохватностью, так как приложим к разным биологическим феноменам. Во всех развивающихся организмах можно увидеть общий принцип развития от неопределенности к

определенности (или от меньшей определенности к большей определенности).

В контексте данного принципа развития понятие примитивности, важное для дефинирования универсальности явлений, получает когнитивную трактовку. Примитивность – относительная величина. Более примитивным является то, что по линии развития от состояния с отсутствием дифференциации к состоянию с вырисовывающейся четкой дифференциацией и иерархической организацией стоит ближе к первому полюсу. Как отмечают Х. Вернер и Б. Каплан, данная трактовка примитивности существенно отличается от темпоральной. Согласно темпоральному принципу более примитивным является то, что проявляется раньше. Трактовка примитивности с точки зрения эволюционного подхода Х. Вернера и Б. Каплана сущностная. По мнению авторов, порядок проявления разных феноменов в эволюции организма соответствует их развитию в плане повышения дифференциации. Тем самым проявляется убывание их примитивности. Следует подчеркнуть, что существенная разница между темпоральной и сущностной трактовкой примитивности состоит в том, что первая способна выявить сопоставленную примитивность явлений, а последняя отвечает на вопрос, почему данное явление является более примитивным. Кроме того, важно иметь в виду и следующее. Как отмечают Х. Вернер и Б. Каплан, примитивные явления никогда не исчезают. Они возможны и в развитых организмах, но для организмов, находящихся на полюсе отсутствия дифференциации, они являются единственно возможными [Werner–Kaplan 1956: 868–871][16].

С точки зрения рассмотренного эволюционного подхода о звукоподражании и звукосимволизме (т.е. о звукоизобразительности, фонетическом способе мотивированности, иконичности) можно сказать следующее. Звукоизобразительность примитивна. Также и среди трех способов мотивированности фонетическая мотивированность самая примитивная. Более примитивной является и иконичность в сопоставлении с конвенциальностью. И это так не потому, что звукоизобразительные, иконические слова, и фонетическая мотивированность вместе с тем первыми проявляются в речи ребенка (см. об этом ниже), а потому, что стоят на полюсе, характеризующемся отсутствием дифференциации. Фонетически мотивированные слова в момент своего создания значимы сами по себе, а не посредством оппозиций (формальных и семантических), которые образуют с другими словами языка. Когда такие слова вступают в отношения проти-

[16] Идею о том, что в развитом языке в одной синхронной плоскости сосуществуют явления разной когнитивной сложности, созданные на разных этапах развития человеческой познавательной деятельности, формулируют многие ученые. Их выводы основаны как на исследовании онтогенеза, так и филогенеза. См., например, [Лотман 1978: 8; Обухова 1981: 35; Пенчева 1998: 24; Гринфилд 1984: 217, 219].

BUPress

вопоставления с другими словами языка и включаются в иерархические структуры, о них уже можно сказать, что превратились в обычные конвенциональные обозначения. Кроме того, звукоизобразительные слова могут быть отнесены к явлениям примитивным (т. е. с отсутствием четкой дифференциации) и по следующим причинам:

- В момент своего создания они тесно связаны с внеязыковой реальностью.
- Их форма и значение характеризуются диффузностью (более подробно об этом см. ниже, п. 1.5.2.1, 1.5.6.1.).
- Синестезия, на которой основан звукосимволизм, как отмечают Х. Вернер и Б. Каплан, относится к явлениям с отсутствием дифференциации [WERNER–KAPLAN 1956: 867], так как по дефиниции характеризуется смешиванием, не различением ощущений разных модальностей.

Все эти факты подкрепляют гипотезу об универсальности звукоизобразительности по причине ее когнитивной примитивности. Как примитивное явление она должна быть единственно возможной на ранних этапах онтогенеза и филогенеза звукового языка. Поскольку примитивные явления не исчезают и в развитых организмах, звукоизобразительность можно наблюдать и в языках развитых культур, но как периферийное явление, в более низких регистрах речи. Так можно объяснить и факт констатированного количественного различия звукоизобразительных слов в разных языках. Исследованные языки находятся на разных ступенях своего развития от недифференцированного функционирования к дифференцированному, специализированному и иерархически интегрированному. В языках, для которых регистрируется изобилие звукоизобразительных слов, в сущности, исследуются регистры, которые соответствуют низким регистрам речи развитых языков. В то же самое время, при исследовании развитых языков, с утвердившейся письменной традицией, внимание исследователей сосредоточено главным образом на высоких регистрах, потому что они являются более представительными для этих языков. А там оказывается, что звукоизобразительных слов с ощутимой примарной связью между формой и значением почти нет.

1.4.2. Данные языков примитивных обществ

Наблюдения над языками примитивных обществ тоже могут дать сведения об универсальности звукосимволических слов. Уже накопилось довольно большое количество антропологичских исследований таких

DJVU-PRESS

языков. В этих языках не только можно увидеть изобилие фонетически мотивированных слов – звукоподражательных и звукосимволических, но и само отношение примитивного человека к языковому звуку.

Как отмечают антропологи, исследующие эти языки, звук в них характеризуется особыми свойствами. В обобщающем труде, посвященном звукоизобразительности, Дж. Наколс, ссылаясь на исследования разных авторов, подчеркивает, что в примитивном обществе звук языка наделен чрезвычайной силой, которая следует из убеждения людей, что существует взаимосвязь между речью, дыханием и движением; звуки обладают властью привлекать добро и прогонять злые силы; говорить и петь во время ритуала означает контролировать воздух и тем самым создавать порядок, гармонию и красоту; при помощи звука возможно единение с вышестоящей природой и т.д. [NUCKOLLS 1999: 226–228]. Иными словами, отношение к звуку речи отражает мировоззрение примитивного человека, а в нем природа одушевлена, и единение с ней занимает важное место. Для языка кхое, например, на котором говорят в Намибии, «звуки и шумы природы окружающей среды воспринимаются в отчетливой антропоморфической перспективе, как „высказывания" и „цитаты" животных и объектов мира» [KILIAN-HATZ 2001: 162]. Любопытный факт отмечает также С. Фильд относительно языка калули, на котором говорят в Новой Гвинее. «Согласно мифам и космологии народа калули, птицы и люди могут переходить друг в друга в жизни и смерти». Это единение полное и в нем важное место занимает звук, воплощенный в песнях-рыданиях. Этот звук для калули «глубоко основан» на звуках природы [FELD 1987: 192, 207].

Все это разные проявления стремления звуков речи примитивного человека к иконичности. Кроме того, эти факты можно интерпретировать и с точки зрения эволюционного подхода Х. Вернара и Б. Каплана. Единение субъекта с природой, как и само магическое мышление, иллюстрируют, с одной стороны, отсутствие строгой дифференцированности между субъектом и окружающей действительностью. С другой стороны, недифференцированностью характеризуются и звуки, при помощи которых осуществляется это единение с природой, так как они иконичны и значимы сами по себе, а не посредством оппозиций, которые образуют с другими звуками языка. Иными словами, языки примитивных обществ показывают, что звук речи в них наделен изначальной семантичностью (или, скорее всего, стремлением к семантичности), и это является его примитивным, а следовательно, и универсальным свойством.

BUPress

1.4.3. Данные детской речи[17]

Звукоизобразительные слова преобладают и на ранней стадии развития детской речи (См., например, [Werner–Kaplan 1963: 47; Шахнарович 1979: 169; Негневицкая–Шахнарович 1981: 22–23; Reich 1986: 37]). Наблюдения показывают, что для ребенка связь между обозначаемым предметом и обозначающим словом основана на сходстве – между материальной оболочкой слова и материальными, чувственно воспринимаемыми признаками предметов. Иными словами, для ребенка важно взаимосоответствие между формой и значением языкового знака. Поэтому для детской речи особенно характерна тенденция к его мотивированности. Она ярко выражена и при восприятии нового знака ребенком, при чем детская семантическая память стремится открыть его мотивированность (см. [Колева-Златева 2000: 72–83], где анализируются случаи детской ремотивации).

В детской речи можно наблюдать также противоположную тенденцию развития знака – к его немотивированности. Ее результатом является «денатурализация» знака, о которой пишут Х. Вернер и Б. Каплан [Werner–Kaplan 1963: 106]. На материале детской речи можно наблюдать, как происходит превращение иконического слова в символическое, как осуществляется маскировка фонетически мотивированного слова, когда оно начинает обозначать и другие предметы на основании какой-либо связи с первоначальным денотатом знака (см. [Колева-Златева 2000: 83]).

Существуют также наблюдения относительно символического употребления конкретных звуков в ранней детской речи. Например, Р. Якобсон заметил, что детские названия матери во многих языках содержат назальные консонанты. Автор объясняет этот факт тем, что дети издают назальные звуки при сосании. Таким образом назальные звуки стали символизировать мать [1962: 542]. Х. Вернер и Б. Каплан отмечают, что очень рано в речевом поведении ребенка появляется указательный жест и вокализации типа *da*, *ta*, *da-da*, которые выполняют указательную функцию [Werner–Kaplan 1963: 77, 83, 161]. Об указательной функции согласных *t* и *d*, которые артикулируются в результате как бы указывания

[17] Интерпретация детского языкового развития в качестве микродиахронии по отношению к языковой эволюции является утвердившимся исследовательским подходом типологического языкознания. Он представляет собой проявление лингвистической ретроспективной экстраполяции (т. е. распространения фактов наблюдаемых состояний языка на ненаблюдаемые) [Воронин 1982: 122–123]) и биогенетического закона Хекеля, согласно которому «развитие индивида повторяет развитие вида (онтогенез повторяет филогенез)». Этот подход основывается на постулате, согласно которому «индивидуальные и социальные процессы языка подчиняются одним и тем же общим законам» [Успенский 1969: 9]. Более подробно о сопоставимости эволюции детского языка и эволюции языка как социального явления см. [Колева-Златева 2000: 30–58].

языком на объект см. также [Воронин 1982: 137], где цитированы многие исследования по этому вопросу.

Данные факты можно интерпретировать также с точки зрения эволюционной теории Х. Вернера и Б. Каплана. Как отмечают авторы, в когнитивном развитии индивида происходит движение от «состояния, относительно обобщенного и недифференцированного, в сторону нарастания дифференциации и иерархической организации» [Werner–Kaplan 1963: 7]. Авторы описывают это изменение, используя такие противоположные понятия, как «диффузный» и «оформленный», «холистический» и «аналитический», «синкретический» и «дискретный», которые фиксируют полюсы, между которыми осуществляется развитие. Ранние звукоизобразительные слова в речи ребенка соответствуют его магическому мышлению, отсутствию дифференциации между субъектом, его речью и объективной действительностью.

Рассмотренные факты детской речи и их трактовка свидетельствуют о большей примитивности фонетического способа мотивации по сравнению с морфологическим и семантическим способом, а также – об его универсальности и древности.

1.4.4. Данные нейрофизиологии и нейролингвистики

Нейрофизиология и нейролингвистика доказали, что оба полушария мозга выполняют языковые функции, но у каждого своя специализация. Установлено, что со структурами левого полушария (при норме доминантного) связаны эволюционно-молодые функции мозга – высшие языковые процессы и абстрактное мышление. Со структурами правого полушария связаны боле древние механизмы речеобразования и анализа звуков речи (см. [Болонов–Деглин 1976: 193–194]). Бóльшая древность функций правого полушария доказывается также фактами онтогенеза. На основе электроэнцефалографических данных обнаружено, что у детей правое полушарие созревает раньше и в первые годы жизни ребенка доминирует над левым [Кольцова 1980: 32]. Так, в духе биогенетического закона Хекеля устанавливается параллелизм между фило- и онтогенетическим развитием в сторону доминирования левого полушария над правым.

Левое и правое полушарие функционируют по-разному при распознавании и продукции звуков языка. Левое полушарие обрабатывает опосредованные сигналы, базированные на фонемных оппозициях, а правое – сигналы, которые «обнаруживают прямое, непосредственное, остенсивное отношение между их внешней, материальной формой и тем, что они обозначают» [Якобсон 1985: 271, 274, 283]. Аналитическое левое полушарие отвечает за структурную организацию фонем языка. Как отмечают Л. Я.

Балонов и В. Л. Деглин, «в норме левое полушарие осуществляет классификацию фонем по д и ф ф е р е н ц и а л ь н ы м признакам и поддерживает и е р а р х и ю этих признаков, обеспечивая устойчивость фонологической системы языка» ([1976: 133], выделено мной: Ж. К.-З.). Если интерпретировать этот вывод с точки зрения эволюционного принципа Х. Вернера и Б. Каплана, можно сказать, что левое полушарие ответственно за развитые функции языка, характеризующиеся дифференциацией и иерархической организацией. Функции правого же полушария более древние и одновременно с тем более примитивные. Примитивны не из-за своей древности, а из-за недифференцированности. Именно поэтому являются и древними. Данный эволюционный принцип объясняет и развитие в сторону левополушарной доминантности.

Так как звукоизобразительные слова представляют собой сигналы с остенсивной связью между формой и значением, они являются функцией правого полушария, т.е. полушария с более древними, более примитивными функциями. Таким образом, и физиологические данные доказывают примитивность и универсальность звукоизобразительных слов. Они доказывают также закономерность их конвенциализации, переход в класс арбитрарных знаков, в которых фонемы наделены в основном выполнением смыслоразличительной функции.

1.4.5. Факторы, ограничивающие распространение звукоизобразительных слов

Существуют, однако, факторы, которые противодействуют распространению звукоизобразительных слов: внутренние (собственно языковые) и внешние (экстралингвистические). В противоборстве противоположностей и состоит диалектика развития.

1.4.5.1. Внутренние факторы

Как было отмечено выше, иконическим знакам языка противодействует тенденция к немотивированности, которая превращает звукоизобразительные слова в обычные конвенциональные обозначения. Связь между звуком и значением приобретает условный характер. Также и эволюционный принцип развития в сторону дифференциации и иерархической организации превращает слова с прямой связью между формой и значением в структурированные единицы языковой системы, которые значимы посредством оппозиций с другими единицами языка. Нарушается характерная для фонетически мотивированных слов первоначальная формальная и

BUPress

семантическая диффузность (см. ниже, параграфы 1.5.2.1. и 1.5.2.6.). В результате действия этих тенденций такие слова деэтимологизируются. По словам Р. А. Будагова, деэтимологизация представляет собой прогрессивный процесс, вызванный развитием языка и мышления [1965: 82–83]. Деэтимологизированное звукоизобразительное слово свободно эволюирует и может также развить абстрактные значения и образовать новые слова. Как было отмечено выше, такие слова «вторгаются» и в область терминологии. Но все-таки следы их первоначального иконического характера должны остаться. По этим следам этимологический анализ может вскрыть их первоначальную природу.

Некоторые авторы высказывают также мнение, что живучесть звукоизобразительных слов зависит и от такого собственно лингвистического фактора, как грамматический строй языка, который может содействовать естественному процессу их денатурализации (см. [Мельников 1969; Хусаинов 1990]). Во флективных языках с развитой системой окончаний и суффиксов адаптация звукоизобразительных слов к грамматической системе языка путем приобретения определенных окончаний и суффиксов способствует их переходу в конвенциональный словарный состав. Иными словами, грамматическое приобщение к языковой системе содействует также фонологическому и лексическому приобщению слов. В языках с бедной морфологией звукоизобразительные слова не различаются формально от обычных слов и, таким образом, не происходит их морфологическая адаптация, которая бы ускорила процессы их фонологической и лексической адаптации.

1.4.5.2. Экстралингвистические факторы

Есть основания считать, что существуют и экстралингвистические факторы, противодействующие звукоизобразительным словам. У. Самарин в качестве одного из постулатов, на который может опираться исследование звукоизобразительных слов (поскольку речь идет в основном об африканских языках, автором употреблен термин «идеофон»), формулирует утверждение, которое гласит: «Урбанизованные носители языка владеют более бедным запасом звукоизобразительных слов, чем остальные их сонародники и употребляют их менее компетентно» [Samarin 2001: 323]. В исследовании на материале языка уолаита (Южная Эфиопия) А. Амха приходит к подобному выводу и отмечает, что урбанизация существенно ограничивает использование идеофонов. Они почти отсутствуют в школьных учебниках, в переводах Библии, в то время как вне городов активно используются [Амна 2001: 49]. Т. Чайлдс делает интересное социолингвистическое наблюдение над речевым поведением южно-

BUPress

африканских молодых городских жителей, которые используют в качестве более престижного сленг языка зулу, известный под именем айсайкамто (Isicamtho). В этом сленге идеофонов почти нет. Автор отмечает, что этот тип слов в зулу маркирует «местный идентитет», относит тех, кто их использует, к грубым жителям глубокой провинции [CHILDS 2001: 66]. Фактором, ограничивающим употребление звукоизобразительных слов, считается также образованность и связанная с ней высокая языковая культура (см. [KUNENE 2001]). Образованность предполагает владение стилистикой языка. С социолингвистической точки зрения этот факт означает способность правильно оценивать различия речи как свойственные разным регистрам, употребляемым в разных ситуациях. А звукоизобразительные слова характеризуют провинциальную, непрестижную речь.

Но как отмечает Дж. Наколс, только эти экстралингвистические факторы недостаточны для такого мощного противодействия звукоизобразительности, которое было бы критическим для ее распространения и сохранения. Автор приводит аргументы, что решающую роль играет изменение мировоззренческого отношения к природе. Такое изменение, по мнению автора, происходит под влиянием религии и других идеологий. Дж. Наколс отмечает, что образ «низвергнутой», антагонистичной природы, который создает христианство, идеи Ренессанса о природе как о грубой субстанции для моделирования механизмов, современные философские идеи о природе как о системе процессов, которые расходуют или рассеивают энергию, способствуют изменению отношения к ней. Это измененное отношение оказывается критическим для существования звукоизобразительных слов. Автор подчеркивает, что факт большого количества таких слов в японском языке, несмотря на высокую степень урбанизации вследствие индустриализации, подкрепляет данную гипотезу. Японская культура базирована на идеях о природе, которые коренным образом отличаются от христианских идей. Древний синтоизм и буддизм способствовали сохранению одухотворенного восприятия природы [NUCKOLLS 2004: 133–134]. Поэтому и отношение к ее звукам, которые охотно пересоздаются языковыми средствами, не противодействует звукоизобразительным словам.

1.4.6. Выводы относительно универсальности звукоизобразительных слов

Итак, есть все основания считать, что звукоизобразительность (фонетическая мотивированность, иконичность) в ее разновидностях: звукоподражание и звукосимволизм, имеет универсальный характер. Причина – ее когнитивная примитивность. Поэтому фонетически мотивированные слова первыми появляются в речи детей, ими изобилуют и примитивные язы-

DUBRAS

ки. Поскольку универсальный характер звукоизобразительности доказывается не индуктивным, а дедуктивным путем, ее следует считать обязательной. Следовательно, во всех языках, в соответствующих регистрах должны иметься звукоподражательные и звукосимволические слова. Это означает также, что носители всех языков способны создавать и понимать такие слова.

Признание универсальности звукоизобразительных слов приводит к выводу не только об их древности, но и об изначальности, «отприродности» иконических знаков. По словам С. В. Воронина, «примат… изобразительного, естественно мотивированного над конвенциональным, произвольным ныне, в свете данных современной науки, уже неоспорим» [1982: 145].

Звукоизобразительности противодействует языковая тенденция развития знака к немотивированности и всеобщий эволюционный принцип развития к дифференциации и иерархизации. Таким образом, фонетически мотивированные слова, как и все другие мотивированные слова, деэтимологизируются, превращаясь в обычные немотивированные конвенциональные обозначения. Все это приводит к усовершенствованию языка как средства познавательной деятельности и коммуникации. Следовательно, многие современные арбитрарные знаки могут оказаться наследниками древних фонетически мотивированных слов.

Использованию фонетически мотивированных слов противодействуют также экстралингвистические факторы: образованность, урбанизация, а также религиозные и философские идеи, умаляющие роль природы в жизни человека.

Важно подчеркнуть, что универсальность звукоизобразительности не означает ее изобилие в языках. Универсальность звукоизобразительности не означает и ее одинаковую представленность во всех языках, потому что разные языки находятся на разной стадии своего развития. По причинам когнитивным, в одних языках (примитивных, древних, также в праязыках) она может занимать центральное место, в других – относиться к периферийным явлениям.[18] Важно, что ее можно открыть в регистрах (обычно низких) всех языков. По дефиниции, универсальность языкового явления означает его представленность во всех языках или большинстве языков (см. [Николаева 1990: 535]), а не его изобилие.

Поэтому нельзя принять отрицания идеи об универсальности звукоизобразительности, потому что оно основано на исследовании видимой

[18] Поэтому в синхронном аспекте, относительно развитых языков, взгляд Соссюра и его последователей, что звукоподражательные слова не являются органическими элементами языковой системы [Соссюр 1977: 102], вполне соответствует реальному состоянию вещей. Следует отметить факт, что у Соссюра звукоподражательные слова полностью исчерпывают класс слов с прямой, неарбитрарной связью между формой и значением.

BUPress

поверхности языков. Например, в рецензии на сборник докладов по звукоизобразительности (идеофонам) [VOELTZ–KILLIAN-HATZ 2001: 3] Н. Габас отмечает следующее: «Если мы примем первое утверждение (что идеофоны, т.е. звукоизобразительность, – явление универсальное; замечание мое: Ж. К.-З.), мы должны принять, что в английском языке, например, есть система идеофонов, которая сопоставима в известной степени с системами идеофонов африканских языков, но это не так. Факт, что в английском (и может быть во всех языках мира) есть ономатопеические слова, не означает, что эти слова могут быть категоризованы как идеофоны или как часть идеофонической системы. Должно быть явным… что идеофоны, точно как прилагательные, не являются универсальной категорией и что у них довольно специфические параметры (фонетические, фонологические, морфологические, синтаксические, семантические и дискурсивные), которые детерминируют их статус как лингвистическое явление» [GABAS 2002]. Ср. также утверждение Дж. Наколс, что «в самом лучшем случае звукоизобразительные слова (в статье – идеофоны, замечание мое: Ж. К.-З.) являются квази-универсальными», которое аргументировано тем, что существуют экстралингвистические факторы, противодействующие этим словам [NUCKOLLS 2004: 140].

Подобные аргументы против универсальности фонетически мотивированных слов нельзя принять по следующим причинам:

(1) Из данных цитат видно, что непринятие универсального характера звукоизобразительности предопределяется, во-первых, отсутствием упорядоченности в терминологии, что мешает реальной идентификации и классификации явлений, называемых разными терминами (в африканских языках есть идеофоны, а в английском – ономатопея; см. об этой проблеме и выше, п. 1.3.). Сравни с цитированной выше констатацией А. Абелин, касающейся формального и функционального сходства между идеофонами одного из африканских языков и звукоизобразительными словами молодежного сленга шведского языка. Иными словами, это явления одного и того же порядка, только называемые разными терминами из-за существования разных лингвистических традиций в разных языках.

(2) Непринятие универсального характера звукоизобразительности основано и на ошибочном представлении о том, что такое универсалия. Как было уже сказано, универсальность явления означает не его изобилие, а всего лишь наличие во всех языках. Удовлетворение требованию об одинаковой представленности в разных языках в принципе невозможно.

DUPress

(3) Универсальность явления также не предполагает отсутствия факторов, которые бы противодействовали ему. Кроме того, факт превращения иконических знаков в арбитрарные, конвенциональные знаки объясняет их кажущуюся на первый взгляд ограниченность в некоторых языках.

Универсальность звукосимволических слов доказывается также явлениями вторичного звукового символизма. Он свидетельствует о естественном стремлении носителя языка искать в звуке отприродный смысл, даже там, где его не было.

Итак, признание универсальности звукоизобразительных слов имеет методологическую важность для этимологии. Не должно быть сомнений о существовании слов с прямой связью между формой и значением в любом языке, если не на современной стадии развития, то на более ранней. В контексте этой универсалии увеличивается вероятность гипотез о звукоизобразительном происхождении слов. Релевантность любой такой гипотезы следует проверить, если для этого имеются какие-либо основания: семантические, формальные, функциональные. Но как было указано и выше, легче построить и доказать гипотезу о звукоподражательном происхождении слова, нежели о звукосимволическом. Звукосимволичность, по причинам, прежде всего, психологическим, в более сильной степени оказывается затемненной (или, как образно выражаются исследователи, «замаскированной») нежели звукоподражание. Поэтому распознавание звукосимволических слов должно основываться на знании, что такое звукосимволическое слово, какими признаками оно характеризуется. Следовательно, исключительно важным является также систематизирование всех признаков звукосимволических слов. Некоторые из них являются общими для звукоизобразительных слов в целом, а другие присущи только им, звукосимволическим словам.

1.5. Признаки звукосимволических слов

В ряде современных исследований можно найти систематизацию признаков звукоизобразительных и в частности звукосимволических слов. Все особенности, которые касаются звукоизобразительных слов в целом, и особенно – их формы и функционирования, касаются и их разновидности – звукосимволических слов. Специфические особенности звукосимволических слов связаны, прежде всего, с их семантикой, так как по дефиниции они отличаются от звукоподражательных слов именно качествами изображаемого незвукового образа.

DUPress

Если обобщить разные классификации, сделанные на основе звукосимволических и вообще звукоизобразительных слов, а также выводы об одних или других свойствах этих слов (см. [Воронин 1982: 87–90; Hinton et al. 1994; Childs 1994; Bodomo 2006] и др.), признаки звукосимволических слов можно свести к следующим типам: прагматические, семантические, функциональные, грамматические, структурные, формальные, интерлингвистические. Между некоторыми из них существует тесная взаимосвязь. Поэтому их не всегда разграничивают, например: прагматические и семантические, семантические и функциональные и т.д. Традиционно эмотивность относится к семантическому компоненту слова. Однако ее можно рассматривать и в связи с его прагматическими характеристиками, а также в связи с его функциями как элемента языка (т. е. с точки зрения того, какую из языковых функций она выполняет). Иногда в использованные названия признаков разными авторами вкладывается и разный смысл. Следует подчеркнуть, что указанные признаки в идеальном варианте касаются недеэтимологизированных звукосимволических слов. В процессе их конвенциализации многие из них затушевываются.

Звукоизобразительные слова обычно противопоставляются «нормальным», «прозаическим» [Newman 2001: 251], «нейтральным, немаркированным» [Mikone 2001: 224], «интеллектуальным» словам [Скаличка 1963: 279], «нормальным референциальным элементам» [Klamer 2001: 165]. Из этих противопоставлений видно, что их считают ненормальными, не прозаическими, маркированными, не интеллектуальными словами, выполняющими не референциальную, а другой вид функции.

Самой характерной особенностью звукоизобразительных слов в целом все-таки считается их аномальность (см. [Childs 1994: 178; Абаев 1986а: 20; Malkiel 1990: 1]). В. И. Абаев отмечает, что звукосимволические слова «ведут себя не как „нормальные" слова. Они плохо ладят со звуковыми законами. У них свои семантические причуды». В своем характерном экспрессивном стиле видный теоретик этимологии Я. Малкел подчеркивает, что поскольку звукоизобразительность (у автора: фоносимволизм) не проявляет «нужной опрятности и предсказуемости („регулярности")… к ней относятся либо с чувством запутанности, либо – раздражения или расчетливой индифферентности». Аномальность звукоизобразительных слов можно наблюдать во многих из их свойств.

1.5.1. Прагматические признаки

Прагматические признаки звукосимволических слов касаются их употребления. Они являются общими для всех звукоизобразительных слов.

Библиотека

К прагматическим признакам этих слов многие исследователи в первую очередь относят их использование в устных регистрах языка (см., например, [NUCKOLLS 1992; NUCKOLLS 1996: 79–100; VOELTZ–KILLIAN-HATZ 2001: 3; KILIAN-HATZ 2001: 155–156; BODOMO 2006: 204, 207]). Некоторые из них отмечают также, что как элементы устной речи звукоизобразительные слова делят с жестами общую паралингвистическую категорию [CHILDS 1994: 181; VOELTZ–KILLIAN-HATZ 2001: 3; KUNENE 2001: 183–184]. Эту особенность звукоизобразительных слов довольно точно отражает термин «звуковые жесты», употребляемый обычно в исследованиях японского языка (см. п. 1.1.).

Используя социолингвистическое понятие «вовлечения» (involvement), которое в широком смысле обозначает «любое усилие коммуникантов – речевое, жестикуляционное или когнитивное – принять участие в коммуникативном акте», Дж. Наколс отмечает, что звукоизобразительные выражения (в тексте названы звукосимволическими) служат для «вовлечения» участников коммуникативного акта в описываемое событие или действие. По словам автора, они «дают и говорящему, и слушающему возможность принять участие в нем хотя на миг своими когнитивными установками на чувственные качества действия, события или процесса» [NUCKOLLS 1996: 80, 79]. А К. Килиан-Хатц, отмечая, что звукоизобразительные слова (в статье названы идеофонами) являются частью неформального языкового регистра, дефинирует их прагматическую функцию как функцию «драматизации рассказа» (выделено мной: Ж. К.-З.), так как при их помощи внеязыковые события вербализуются и происходит сдвиг с чисто речевого уровня на уровень события. Таким образом, говорящий и слушающий оказываются вовлеченными в идеофоническое событие как действователь и свидетель [KILIAN-HATZ 2001: 156]. Именно поэтому звукоизобразительные слова свойственны устной речи, а не письменной. Если устное общение ассоциируется со стоимостями вовлечения, такими, как воздействие, экспрессивность и фрагментарность, письменное общение ассоциируется со стоимостями дистанцирования, такими, как эксплицитность (т.е. ясность формулировки), растолкованность, сложность [NUCKOLLS 1996: 80]. Поэтому и исследования, которые базированы соответственно на устных или письменных текстах, приходят к разным выводам относительно представленности звукоизобразительных слов в языке. Такими словами изобилуют устные тексты, так как они делят общее прагматическое свойство с ними – вовлеченность. Поэтому и образованность носителей языка, как было отмечено выше, уменьшает роль звукового символизма в коммуникации.

Рассматривая признаки звукосимволических или звукоизобразительных слов, многие авторы не выделяют прагматические признаки в отдель-

ную категорию. Например, Л. Хинтон, Дж. Николс и Дж. Охала в обобщающей работе, посвященной звукоизобразительности, не разграничивают прагматические признаки слов и их семантические характеристики [HINTON et al. 1994b: 10]. Из указанного данными авторами перечня собственно прагматическими можно считать следующие признаки: выражение внутреннего состояния, физического и эмоционального; выражение социальных отношений, в том числе и уничижения; выражение оценочного, аффектного отношения говорящего к действующему субъекту речи. Последнее можно отнести и к собственно языковым функциям звукосимволических слов (см. ниже, п. 1.5.3.).

Другие авторы вообще не называют определенные признаки звукосимволических слов «прагматическими», но поскольку речь идет именно об употреблении этих слов, то можно квалифицировать эти признаки как прагматические. Например, С. В. ВОРОНИН говорит о «стилистической ограниченности» звукоизобразительных слов [1982: 89], К. Ш. ХУСАИНОВ – об их «достаточно четкой стилистической маркированности», об их свойственности разговорной речи, речи детей и молодежи [1990: 160].

С тем, что звукоизобразительные слова характерны для устных регистров языка, должны считаться и этимологи, когда исследуют данное слово, о котором предполагают звукоизобразительное происхождение. Его поздняя регистрация в письменных текстах не должна считаться доказательством его инновационного характера. Скорее всего, она может свидетельствовать лишь о конвенциализации слова.

К прагматическим признакам звукоизобразительности следует отнести также к р е а т и в н о с т ь индивида, который может свободно видоизменять существующие звукоизобразительные слова и создавать новые (см. [MIKONE 2001: 224]). Таким образом, звукоизобразительные слова всегда являются открытым, динамическим классом слов, с выраженной формальной вариативностью.

Следует упомянуть и открытие Дж. Охалы, что символизация некоторых звуков, кроме выражения определенной семантики, имеет и прагматическую нагрузку: высокочастотные вокализации соответствуют доброжелательности, а низкочастотные – самоуверенности, независимости [OHALA 1994: 340–341, 343].

Некоторые авторы подчеркивают, что если звукоизобразительное слово начинает проявлять признаки обычных слов (а это должно происходить на пути его конвенциализации; замечание мое: Ж. К.-З.), то оно в меньшей степени поддается указанным прагматическим ограничениям (см. [DHOOREE–TOSCO 1998: 130]). А как было уже сказано, естественное развитие фонетически мотивированных слов – это развитие в сторону их конвенциализации, в сторону смешивания с обычными словами языка. Ср. в этом отношении с констатацией Гомбоца, что в венгерском литератур-

ном языке немало слов звукоподражательного происхождения [Gombocz 1913]. Ясно, что такие слова не могли не утратить указанные прагматические функции.

1.5.2. Семантические признаки

1.5.2.1. Общие семантические признаки

Среди семантических признаков звукосимволических слов есть такие, которые характеризуют семантику слов в самом общем плане и связаны с их функционированием. Многие из них являются общими для фонетически мотивированных слов вообще и вытекают из их природы как изобразительных слов, выполняющих отмеченные выше прагматические функции.

К таким общим семантическим признакам в первую очередь относятся тесно связанные между собой признаки: эмотивность, экспрессивность[19] и образность слов [Воронин 1982: 89]. Эмотивность и экспрессивность составляют коннотативный компонент семантики звукоизобразительных слов. Их выражение способствуется образностью. Звукоизобразительные слова не просто обозначают определенный денотат, но передают также его живой образ с ярко выраженным эмоциональным отношением говорящего к нему. По словам Л. Блумфилда, «они более непосредственно иллюстрируют то или иное значение, чем обычные языковые формы» [1965: 162]. Для выражения живости картины, которую создают звукоизобразительные слова, иначе требовалось бы много обычных слов [Jong 2001: 121]. При помощи живой образности фонетически мотивированных слов речь становится более выразительной, более доступной для слушающего. Иногда подчеркивается быстрота, с которой при помощи звукоизобразительного слова передается сообщение (см. [Кавута 2001: 147]). Однако яркая коннотативность звукоизобразительных слов характерна только для недеэтимологизированных из них. В процессе их естественной денатурализации (конвенциализации) денотативный компонент в их семантической структуре начинает играть все более важную

[19] Поскольку термины «эмотивность» и «экспрессивность» не всегда разграничиваются и не имеют общепринятого содержания, отметим, что в данном исследовании под эмотивностью будем понимать выражение эмоционального отношения говорящего к денотату при помощи таких признаков, как ‘хороший’/‘плохой’, ‘приятный’/’неприятный’, а под экспрессивностью – указание на степень и способ проявления того или иного признака денотата при помощи таких признаков, как ‘большой’/‘маленький’, ‘сильный’/‘слабый’, ‘быстрый’/‘медленный’. О разграничении эмоциональности и экспрессивности см., например, [Мокиенко 1989: 209].

роль до достижения полного доминирования над коннотативным компонентом, причем возможно полное потухание последнего.

Признаком, характеризующим семантику звукосимволических слов в самом общем плане, является также к о н к р е т н о с т ь [Воронин 1982: 89]. Эти слова связываются с образами конкретных объектов, процессов, сцен (см. [Childs 1994: 188; Klamer 2002: 258]). В их семантике обобщение полностью отсутствует. Поэтому, как отмечают некоторые авторы, звукоизобразительные слова не обладают гипонимами [Watson 2001: 393; Bodomo 2006: 204]. После конвенциализации звукоизобразительных слов возможно приобретение и абстрактных значений многими из них, подобно тому, как и многие первоначально неиконические слова с конкретными значениями развивают абстрактные значения.

Другим характерным признаком звукоизобразительных слов в целом, связанным с их содержательной стороной, является с е м а н т и ч е с к а я д и ф ф у з н о с т ь. Наблюдения над новообразованными звукосимволическими словами свидетельствуют о том, что в период рождения для них характерна размытость семантики. Разные члены социума употребляют еще не утвердившееся звукосимволическое слово относительно разных денотатов, иногда не совсем четко фиксированных, и это состояние нельзя назвать многозначностью, так как выражаемые значения не характеризуются дискретностью (см. на примере некоторых современных болгарских звукосимволических слов [Колева-Златева 2008], а также п. 3.1.). Иногда авторы отмечают контекстную обусловленность этих слов, невозможность четкого толкования их значений и недвусмысленного определения выражаемых сем (см. [Bodomo 2006: 207]). Ср. также с наблюдениями Д. Бека над звукоизобразительными словами верхне-нексако-тотонакского языка (индейский язык, говоримый в Мексике), который отмечает, что они «в качестве своих референтов имеют не конкретные объекты, события или способы осуществления действий, а охватывают сцены целиком, вместе с их участниками, которые действуют определенным способом в определенных типах событий» [Beck 2005: 6].

Диффузность недеэтимологизированных звукоизобразительных слов можно объяснить эволюционным принципом развития от состояния с отсутствием дифференциации к состоянию с наличием дифференциации и иерархизации. Звукоизобразительные слова в момент своего рождения по шкале своего развития находятся в полюсе с отсутствием дифференциации. Недифференцированность семантики проявляется как диффузность, неопределенность, невозможность различения отдельных компонентов в семантической структуре слова. Такой же диффузностью характеризуются и слова ранней детской речи, преимущественно звукоизобразительные (см., например, [Поливанов 1968: 305; Шахнарович 1979: 173]). Данные физиологии тоже дают объяснение семантической диффузности звуко-

изобразительных слов. Такие слова, как слова с прямой связью между формой и значением, управляются правым полушарием мозга, которое в обработке лексической информации более диффузно и менее эффективно, в отличие от левого – более эффективного и более локального (фокального) полушария (см., например, [Semmes 1968; Ахутина–Каширская 2003]). В диахронии диффузность приводит к многозначности, а при утрате связи между отдельными лексико-семантическими континуантами – к омонимии.

1.5.2.2. Референция звукосимволических слов

Другая группа семантических признаков звукосимволических слов связана с содержанием их референции. Эти признаки касаются обозначаемых конкретных денотатов в коммуникации (вернее, изображаемых конкретных образов).

С. В. Воронин отмечает, что звукосимволические слова обозначают простейшие элементы психофизиологического универсума человека [1982: 89] и подчеркивает, что среди всех типов образов наибольшее количество возможных признаков приходится на долю зрения: «движение: (мгновенное/длительное, быстрое/медленное, резкое/мягкое, неровное/ровное, непрерывное/прерывистое, беспорядочное, скользящее), статика (удаленность – близкое/далекое, размер – большое/маленькое, форма – округлая/искривленная, заостренная, вытянутая)». Далее автор приводит довольно подробный перечень возможностей для участия и других ощущений в создании звукосимволических слов. «Обоняние дает нам различение запахов, которые в первую очередь квалифицируются как приятные/неприятные. Вкус позволяет дифференцировать вкусовые признаки (характеристики) объекта – сладкое, соленое, кислое, горькое (также характеризуемые как приятные/неприятные). Осязание дает возможность различать: признаки кожно-осязательной (тактильной) группы (прикосновение, давление, свойства поверхности – гладкое/шероховатое; фактура объекта; твердость или жесткость, а также упругость; форма), признаки температурной группы (горячее/холодное), болевой группы (боль режущая, колющая, ноющая, тупая, острая)» [1982: 88]. К. Килиан-Хац подчеркивает также возможность звукосимволических слов обозначать яркий, кричащий цвет, например красный[20], цвет красной свеклы, а также экстремальные психические состояния [Kilan-Hatz 2001: 157].

[20] В этом отношении ср. пример идеофона из африканского языка емаи *ririri* ‘красный’ [Egbokhare 2001: 88].

BUPress

О движении, некоторые авторы отмечают также, что оно может быть обозначено (изображено) и звукоподражательными словами. Среди них есть такие, которые в принципе не разграничивают классы слов, чья звуковая форма создает представление о звуковом и незвуковом образе и все слова с прямой связью между формой и значением называют «звукоподражательными» [Пауль 1960: 215; Вестерман 1963: 102]. Есть, однако, и авторы, которые подчеркивают, что именно среди слов, чья звуковая форма создает представления о звуковом образе, имеются такие, которые обозначают движение, обычно ритмическое, как ходьба, покачивание, повторяющиеся толчки [Hinton et al. 1994b: 3]. Л. Хинтон, Дж. Николс и Дж. Охала объясняют связь между звуком и значением следующим образом: «Бесспорно, ритмические движения иногда издают звуки. Но, кроме того, ритмы звуков и ритмы движений очень тесно связаны в человеческой нервной системе, так что они практически неделимы». В данном случае, по мнению авторов, происходит «перевод ритмических движений в звуки». Но если речь идет об изображении незвукового образа звуковой формой слова, то это не звукоподражание, а звукосимволизм. Иконическая связь между моторным образом и звуковой формой несознательно опосредствуется синестезией, в случае сенсорно-моторной (см. выше, п. 1.2.).

1.5.2.3. Символика конкретных звуков

Во многих исследованиях говорится также о символике конкретных звуков, которые остенсивным способом связываются с определенными образами, обычно зрительными. Ставится также вопрос об ее универсальности, с одной стороны, или обусловленности конкретным языком, с другой. Для этого разграничения, однако, используется разная терминология. Например, Дж. Малкел противопоставляет «абсолютный» звукосимволизм «относительному». В качестве относительного приводит примеры экспрессивности необычных звуков в заимствованных словах [Malkiel 1990: 158–159]. А. Абелин делает разграничение между «универсальным» и «специфическим» звукосимволизмом и дискутирует вопрос о возможной универсальности некоторых фонестем, которые в принципе считаются специфическими для каждого языка (см. [Abelin 1999: 22]). Некоторые авторы ставят знак равенства между «синестетическим» и «универсальным» звукосимволизмом [Priestley 1994: 237; Chan 1996: 10–11]. В цитированном исследовании М. К. М. Чан противопоставляет «синестетическому» (универсальному) «локальный» звукосимволизм. В качестве примеров локального звукосимволизма, характерного для китайского языка, автор приводит символизацию образа ‘темного, закрытого’ китайским звуком [*m*], ‘округлого’ – лабиализованными согласными (см. о послед-

нем ниже, в этом же параграфе, мнение С. В. Воронина, что является универсальным свойством). Поскольку для этимологии могут иметь значение в основном случаи универсального (межъязыкового) звукосимволизма, остановимся более подробно только на них.

Среди символических функций звуков языка символизация образов 'большого' и 'маленького' в наибольшей степени исследована, с использованием разных методик, так как чаще всего привлекала внимание ученых (см. добившиеся широкой известности статьи: [JESPERSEN 1929; SAPIR 1929]). Она получила название «величинного звукового символизма» (magnitude sound symbolism (см. [NUCKOLLS 1999: 229–234], где представлена история данной проблематики)). Это чаще всего выражаемая символизация образов отдельными звуками. Вряд ли это случайно. Из-за своей глобальности, не ограниченности определенным видом измерения (например: протяженности по горизонтали, по вертикали, веса т.д.), понятия 'большой' и 'маленький' характеризуются низкой когнитивной сложностью, т. е. примитивностью. Следовательно, являются универсальными. Поэтому они рано усваиваются детьми, которые используют их для выражения также и не усвоенных более сложных понятий, ограниченных определенными измерениями (см. [КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2000: 96–97]). Универсальностью данных понятий можно объяснить и факт, что выводы об универсальных звукосимволических связях касаются, прежде всего, именно обозначения образов 'маленького' и 'большого'. По словам Дж. Наколс, «если вообще возможно что-либо утверждать об универсальности в области символики звуков, то эти утверждения нужно начать с величинного звукового символизма» [NUCKOLLS 1999: 230]. Например, Дж. Охала [OHALA 1994: 340–341], ссылаясь на исследования многих авторов, делает следующее обобщение об устойчивой связи данных образов и звуков с определенными качествами.

'МАЛЕНЬКИЙ'

- Высокий тон
- Гласные с высоким вторым формантом (F2) [i, y, e]
- Согласные с высокой частотой
  - апикальные и палатальные
  - палатализованные
  - глухие

DUPress

‘БОЛЬШОЙ’

- Низкий тон
- Гласные с низким вторым формантом (F2) [a, u, o]
- Согласные с низкой частотой
  - лабиальные и задние велярные
  - лабиализованные, ретрофлексивные, веляризованные, фарингализованные
  - звонкие

С символизацией образов ‘большого’ и ‘маленького’ связаны и следующие символизации, констатированные на материале некоторых языков:

‘ЛЕГКИЙ’, ‘КОРОТКИЙ’, ‘ТОНКИЙ’

- Высокий тон

‘ТЯЖЕЛЫЙ’, ‘ДЛИННЫЙ’, ‘ТОЛСТЫЙ’

- Низкий тон (см. [BODOMO 2006: 207])

‘СЛАБЫЙ’, ‘ТОНКИЙ’, ‘НЕЖНЫЙ’

- Высокий тон

‘МНОГОЧИСЛЕННЫЙ’, ‘МАССИВНЫЙ’, ‘МЕДЛЕННЫЙ’

- Низкий тон [Г. Кронассер – цит. по ЖУРАВЛЕВ1974: 24]

Установлены довольно частотные звукосимволические связи и между другими качествами звуков и образами денотатов, что наводит исследователей на мысль об ее универсальном (или почти универсальном) характере. Ср. следующие связи:

‘ЯРКИЙ’

- Высокочастотные передние гласные (об универсальности связи см. [WAUGH 1993: 74])

‘ТЕМНЫЙ’

- Низкочастотные задние гласные (об универсальности связи см. [WAUGH 1993: 74])

Р. Якобсон обращает внимание на противопоставления между звуками и значениями при звуковом символизме [JAKOBSON 1978]. Как отмечает В. В. ЛЕВИЦКИЙ, при рассмотрении символики звуков складывается впечатление, что «звуковой символизм носит не абсолютный, а относительный характер (определенные звуки имеют символическое значение лишь

DUPress

постольку, поскольку им противопоставлены какие-либо другие звуки)» [1974: 52]. Релевантность такого вывода подкрепляется существованием противопоставлений фонем по таким признакам, как низкочастотность/высокочастотность, глухость/звонкость, переднеязычность/заднеязычность для символизации противоположных образов.

Параллелизм связи между артикуляционными и акустическими качествами звуков и их объемом и яркостью открыт экспериментальным путем С. С. Ньюменом. Ученый показал, что в том порядке, в каком артикуляция гласных перемещается с передней позиции к задней и уменьшается их частота, возрастает их объем и уменьшается яркость [NEWMAN 1933].

Установлены также звукосимволические связи, которые не имеют такой всеохватности, как в случаях с символизацией образов ‘большого’ и ‘маленького’ и производных от них, но все-таки характеризуются определенной частотностью, охватывая определенные типы или немалое количество языков. Например, в обобщающем исследовании, посвященном иконичности языка, относительно тональных языков Р. Уескот отмечает, что по сравнению с языками с динамическим ударением, в них просодия в более высокой степени наделена звукосимволичностью. Например, в языке бини, принадлежащем к конго-кородофанским языкам Южной Нигерии, все слова со значением ‘высокий’, ‘громкий’ или ‘ясный’ содержат высокий тон, а все слова со значением ‘низкий’, ‘короткий’, ‘худой, тощий’ или ‘глупый’ содержат низкий тон [WESCOTT 1971: 423]. Вот еще и некоторые другие закономерные связи, на которые ссылается автор. Смычные согласные наделены иконическим значением ‘краткости’ и ‘прерывности’. Они могут также обозначать ‘детей’ или ‘повторяющееся действие’. Удвоение согласных (см. об этом и ниже, п. 1.5.5.2.) имеет интенсифицирующий эффект (закономерность, установленная Суодешом). В качестве примера автор приводит древнегреческое название матери *ammia*, противопоставленное латинскому *amita* ‘тетя’, и отмечает, что геминация согласного в первом названии служит для подчеркивания интенсификации эмотивности [1971: 422]. С. В. ВОРОНИН отмечает, что лабиальные гласные и согласные служат для обозначения образа округлых, шарообразных, выпуклых, выпяченных предметов благодаря таким чертам их артикуляции, как округление либо выпячивание губ, увеличение объема ротового резонатора [1982: 98–102]. Открыта также довольно частотная (проявляющаяся во многих языках) иконическая связь между носовыми губными звуками и образом улыбки [ВОРОНИН 1982: 93]. Относительно слов, связанных с улыбкой, Дж. Охала указывает также на наличие высокочастотных звуков в них и считает эту связь биологически предопределенной [OHALA 1997: 100–101]. Довольно устойчивой Дж. Малкел считает гипокористическую функцию согласных *š* и *č*, которые сравнительно часто встречаются в гипокористических формах личных имен.

Автор отмечает также, что в некоторых языках эпентеза назального согласного звука в слове может привести к обозначению физического дефекта или вообще к выражению комического эффекта [MALKIEL 1990: 159, 45]. Как было уже сказано, выражение эмотивности фонетическими средствами является проявлением звукосимволизма, так как происходит смешивание ощущений разных модальностей.

Установленные звукосимволические связи нельзя принимать как жесткое правило, а только как возможность прямой связи между звуком и значением. Не надо забывать, что фонемы выполняют, прежде всего, дистинктивную функцию. Примеры, которые чаще всего используются противниками звукосимволизма в качестве контраргументов, – это англ. *big* 'большой' и *small* 'маленький' (см., например, [FELDMAN 1981: 183]).

Кроме того, не может не произвести впечатления неоднозначность соответствия между звуком и значением в случаях символизации. Одно и то же значение может символизироваться разными звуками. Также и один и тот же звук может символизировать разные образы.

Следует иметь в виду также, что звукосимволизм может накладываться на конвенциональность (в случаях вторичного звукосимволизма) в результате стремления содержания и формы к взаимосоответствию. По словам Р. Якобсона, «близость связи между звуками и значением слова вызывает желание у говорящего добавить внутреннюю связь к внешней связи, сходство к близости, дополнить обозначаемое рудиментарным образом. <...> ...эта внутренняя стоимость различительных признаков, хотя и латентная, оживает, как только открывает соответствие между значением определенного слова и нашим эмоциональным и эстетическим отношением к этому слову и еще больше к парам слов с противоположными значениями» [JAKOBSON 1978].

Л. Во приводит также примеры накладывания звукосимволизма на звукоподражательность, как в случаях с англ. *clink* 'о маленьком звуке' и *clank, clunk* 'о большом звуке' [WAUGH 1993: 74]. Подобные случаи можно рассматривать как проявление вторичного звукосимволизма, если формы взаимосвязаны, или – как своеобразные первичные звукоподражательно-звукосимволические образования.

1.5.3. Функциональные признаки

Эмотивность можно рассматривать и как собственно функциональный признак звукосимволических слов, выявляемый с точки зрения функций языка, которые определяются в зависимости от факторов, яв-

ляющихся необходимыми элементами речевой коммуникации[21]. Эту функцию языка называют также экспрессивной (см. [Якобсон 1975; Klamer 2001]). Она сосредоточена на адресанте и имеет своей целью выражение его отношения к объекту речи (денотату).

Конечно, звукоизобразительные слова могут выполнять и денотативную функцию, но все-таки эмотивная функция для недеэтимологизированных из них является приоритетной. Употребляя такие слова, говорящий не только называет объект, действие или ситуацию в целом, а, прежде всего, выражает свое отношение к обозначенному денотату. Поэтому в теоретических работах, где рассматриваются языковые средства реализации эмотивной функции языка, звукоизобразительность присутствует в качестве одной из возможностей (см., например, [Якобсон 1975; Besnier 1990: 423–424]). Не случайно некоторые авторы называют звукоизобразительные слова «экспрессивами», а иконическое незвукоподражательное употребление звуков – «экспрессивным символизмом» (см. выше, п. 1.1.).

Об имманентности эмотивности звукоизобразительным словам свидетельствуют и данные физиологии. Известно, что правое полушарие как полушарие ответственное за сигналы с прямой связью между формой и значением, управляет также распознаванием и проявлением эмоций, в том числе и при помощи языковых средств. См. об этом обобщающую статью Р. Якобсона, который ссылается на исследования ряда авторов [1985: 276]. Поэтому вполне естественно то, что звукоизобразительные слова, из языковых функций, выполняют, прежде всего, эмотивную функцию. В процессе их денатурализации денотативная функция может взять верх и способствовать их превращению в обычные, или, как выражаются некоторые авторы, «прозаические» слова языка.

1.5.4. Грамматические признаки

В качестве самой очевидной особенности звукоизобразительных слов в целом многие авторы указывают на их морфологическую гипераномальность [Воронин 1982: 89; Childs 1994; Voeltz–Kilian-Hatz 2001b: 2]. Как «языковые бунтари», «ближайшие заместители невербального физического акта», они стоят особняком, не вписываясь в грамматическую систему языка [Kunene 2001: 183]. Обычно такие слова не содержат специальных аффиксов, которые бы относили их к определенным грамматиче-

[21] Согласно Р. Якобсону, эти факторы следующие: адресант, адресат, контекст, сообщение, контакт, код и им соответствуют: эмотивная (экспрессивная), конативная, референтивная (коммуникативная, денотативная, когнитивная), поэтическая, фатическая, метаязыковая функция [1975].

ческим разрядам. Конечно, с течением времени в результате адаптации к грамматической системе языка они могут приобрести и приобретают такие аффиксы. Таким образом, а также в результате действия аналогии происходит ассимиляция таких слов грамматической системой языка. По словам Т. Чайлдса, этот факт определяет их «диффузию в другие классы слов и изолированность в классе, к которому принадлежат» [CHILDS 1994: 188].

В качестве собственно синтаксических признаков звукоизобразительных слов обычно указывается на их синтаксическую изолированность [CHILDS 1994: 180–181; NUCKOLLS 1999: 241], употребление преимущественно в утвердительных повествовательных предложениях [CHILDS 1994: 188; KILIAN-HATZ 2001: 158], хотя некоторые авторы сообщают и об употреблении в других видах предложений: отрицательных, вопросительных, императивных [DHOORRE–TOSCO 1998: 129].

1.5.5. Структурные признаки

1.5.5.1. Редупликация

Самым ярким структурным признаком звукоизобразительных слов в целом является редупликация (см., например, [ПОЛИВАНОВ 1968: 301–302; ВОРОНИН 1982: 89; EMENEAU–HART 1993: 77–84; NICHOLS 1971: 841; EGBOKHARE 2001: 88–89; BECK 2005: 1, 3; BODOMO 2006: 212; РОЖАНСКИЙ 2007: 58]). В Лингвистическом энциклопедическом словаре [ЛЭС] отмечено, что «редупликация широко используется при образовании идеофонов и звукоподражательных слов» [ВИНОГРАДОВ 1990: 408]. Некоторые лингвисты, однако, считают, что она не представлена в одинаковой мере в языках разных групп. Л. Хинтон, Дж. Николс и Дж. Охала заявляют, что в европейских языках редупликация используется реже, чем в других языках мира [HINTON et al. 1994: 9]. Ср. также с замечанием А. МЕЙЕ, что «в индоевропейском не используется прием детского языка, состоящий в простом повторении. Удвоение является в нем грамматической характеристикой» [1938: 196–197]. О. Ю. Крючкова тоже отмечает, что в славянских языках отсутствуют живые, продуктивные модели слогового и корневого удвоения (какие автор считает, что свойственны звукоизобразительным словам, см. ниже), что «такие слова во всех славянских языках немногочисленны и относятся к древнейшему лексическому слою» [2000: 73]. Отметим, что этот факт совпадает с распространенным мнением об отсутствии звукосимволических слов в европейских языках. Возможно, что оба вывода обусловлены нераспознаванием звукосимволических слов из-за причин, указанных выше, в том числе тоже из-за маскировки фор-

BSUPress

мальных и семантических признаков этих слов в процессе их денатурализации. Возможно также, что вывод о неодинаковом распространении редупликации обусловлен и неодинаковым исследованием этого явления на материале разных языков. Ср. с констатацией Д. Ю. Крючковой относительно русистики, что «можно смело утверждать, что проблема редупликации является здесь лакуной как в теоретическом, так и в эмпирическом аспектах» [2000: 68–69]. Далее, при рассмотрении гипотез о звукосимволическом происхождении славянских, и в известной степени, и индоевропейских слов постараемся дать ответ на вопрос, действительно ли в европейских языках меньше редупликации или подобный вывод является результатом предубежденного отношения к звукоизобразительности в этих языках.

Редупликация характерна и для ранней детской речи. По мнению многих исследователей, на редупликации дети учатся образовать и произносить многосложные слова (см. [Fee–Ingram 1982; Ferguson 1983]). Проще соединить два одинаковых, нежели разных элемента. А соединение (композиция) является одним из базовых когнитивных умений, которое состоит в «интеграции двух или больше элементарных структур для создания более сложной структуры» [Langacker 1999: 94]. Кроме того, как отмечает А. М. Шахнарович, двойные слова – это первые конвенциональные обозначения в речи ребенка, потому что используется продуктивная словообразовательная модель [Шахнарович 1979: 175–176, 191]. Это свидетельствует о ее примитивности. Поэтому не случаен факт, что самый примитивный способ мотивации, фонетический, сочетается с самым примитивным словообразовательным способом, редупликацией, при образовании фонетически мотивированных слов. Примитивность редупликации свидетельствует об ее универсальности. По словам Э. Сепира, «нет ничего более естественного, чем факт широкого распространения редупликации» [1993: 82].

Хотя многими авторами подчеркивается важность редупликации для фонетически мотивированных слов, вопрос о характере редупликанта и о функции самой редупликации в звукоизобразительных словах – звукоподражательных и звукосимволических – особых дискуссий не вызывал. Некоторые авторы не комментируют сущность редупликанта, просто указывают на факт самой редупликации в звукоизобразительном слове (см., например, [Вестерман 1963: 103; Блумфилд 1965: 163]). Другие называют редупликант корнем или частью корня, в некоторых случаях приводя примеры тождественных междометий, или междометием (см. [Реск 1886; Сепир 1993: 82; Nuckolls 1999: 240; Egbokhare 2001: 88; Пауль 1960: 220; Van Huyssteen 2004]). Такую трактовку редупликанта можно увидеть также в этимологических словарях, исторических грамматиках и этимологических исследованиях (см. например, [ЭССЯ, VI: 205; БЕР, I:

245, 258; V: 599; Фасмер, I: 430; Szemerényi 1990: 287; Beekes 1995: 171; Malkiel 1990: 66; Топоров 1975–1990, II: 188], где приводятся примеры удвоения звукоподражательного корня в звукоподражательных словах). Так например, в цитированном Этимологическом словаре славянских языков говорится об «экспрессивной редупликации звукоподражательного корня», хотя и не дается уточнение в чем состоит экспрессивность. У В. Н. Топорова говорится об «интенсивном значении» редуплицированного корня в рассмотренных автором звукоподражательных названиях птиц. Отметим, что среди примеров О. Семереньи есть и такие, о которых можно доказать звукосимволическое происхождение: гр. μαρμαίρο 'блестеть' < **mar-mar-yō*, πορφύρω 'быть в интенсивном движении' < φυρ-φυρ- с диссимиляцией. Подобную интерпретацию сущности редупликанта в ономатопеическом слове (т.е. редупликант – знаковая единица) допускает и дефиниция редупликации, которую дает Д. Ю. Крючкова в обобщающей статье, посвященной типологии редупликации: «Редупликация – это способ слово- и формообразования, состоящий в удвоении корня или его элементов (звуков, слогов), аффиксов или целых слов, переходящих на положение морфем» [1980: 81–82].

Еще в предыдущих работах, нами было высказано мнение, что редупликант в звукоизобразительном слове не является двусторонней, знаковой единицей, какой является морфема [Колева-Златева 1998б: 94; 2004: 26; 2005а]. А. Амха тоже обращает внимание на то, что «и в случаях полной редупликации, и неполной можно наблюдать редупликанты, которые не обладают лексическим значением» [Амха 2001: 50]. В исследовании, посвященном названиям животных в африканских языках, образованным при помощи редупликации, Ф. И. Рожанский отмечает, что очень часто редупликант самостоятельно не встречается и, следовательно, сам по себе не имеет значения [2007: 59]. Следует особо подчеркнуть, что если бы редупликант обладал лексическим значением, то вступал бы в силу общий принцип употребления языковых форм, который сформулировали Дж. Лейкоф и М. Джонсон в связи с когнитивной метафорой канала связи (conduit metaphor): «Больше формы означает больше содержания» (More of form stands for more of content). Согласно этой метафоре, говорящий помещает свои идеи (объекты) в слова (вместилища) и через канал связи отправляет их слушающему, который извлекает идеи (объекты) из слов (вместилищ). Каждая языковая форма что-либо обозначает, пустых форм в языке нет. Добавление данной языковой формы к языковому выражению должно приводить к изменению его значения. Поэтому, как отмечают Лейкоф и Джонсон, для существительных с редупликацией сформулированный принцип означает выражение множественности, собирательности, для глаголов – продолжительности, законченности действия, для

прилагательных – интенсивности, высокой степени проявления признака[22] [LAKOFF–JOHNSON 1980: 127–128]. Иными словами, редупликация корня приводит к выражению иного значения, отличного от значения, которое корень сам по себе выражает. Что касается звукоизобразительных слов, отметим, что даже если в некоторых случаях и есть возможность усмотреть редупликацию корня в них, т.е. двусторонней единицы, то это все-таки не первично. (Иллюстрацию этой теоретической постановки на конкретных примерах см. ниже, при этимологизации конкретных звукосимволических слов.)

Следовательно, в момент создания звукоподражательного или образоподражательного слова редупликант не корень и не часть уже существующего корня, а звуковой комплекс, не являющийся двусторонней конвенциональной единицей. Точно также и в ранних детских словах, образованных при помощи редупликации, редупликант сам по себе не является морфемой, а ничего не обозначающим звуковым комплексом. Только целое ономатопоэтическое слово, образованное при помощи редупликации, становится двусторонней, знаковой единицей.

С вопросом определения характера редупликанта в звукоизобразительном слове связан и вопрос об определении функции редупликации в нем. Здесь тоже нет единой трактовки. По мнению некоторых авторов, редупликация имеет морфологический характер (см., например, [EGBOKHARE 2001: 88; BECK 2005: 1]), других – морфонологический [BODOMO 2006: 208]. А. Амха, например, отмечает, что поскольку есть случаи, когда редупликант не имеет значения, возникает вопрос, «является ли редупликация фонологической характеристикой звукоизобразительного слова (у автора – идеофон, замечание мое: Ж. К.-З.) или морфологическим средством для образования этих форм от уже существующих» [АМНА 2001: 50]. Вряд ли можно согласиться с Д. Ю. КРЮЧКОВОЙ, утверждающей, что редупликация в подражательных и изобразительных словах используется в качестве «изобразительного средства» и что эта ее функция является «семантической» универсалией [2000: 71]. Скорее всего, в этих словах редупликация является словообразовательным способом, а ее использование для их образования – словообразовательной универсалией.

В русле когнитивной лингвистики делаются попытки определения семантики редупликации. Например, Терри Регие [REGIER 1998: 887–889], обобщая исследования многих авторов, приходит к выводу, что два фактора играют роль в формировании семантики редуплицированных форм: иконичность и семантическое развитие. Таким образом,

[22] В этих случаях можно говорить о грамматической иконичности (см. [HAIMAN 1980: 53–532]).

в основе выражаемых редуплицированными формами разнообразных значений стоят в первую очередь три иконических связи, соответственно с образами: грудного ребенка, повторения и множественности. Иконические связи с образами повторения и множественности легко распознаваемы, так как повторение звукового комплекса может имитировать повторение события, как и больше чем один звукокомплекс может имитировать идею множественности. Связь с образом грудного ребенка определяется тем, что редупликация характеризует и речь маленьких детей, и речь взрослых к ним. Далее от этих первоначальных иконических образов в результате семантического развития редуплицированная форма может начать связываться с другими образами, производными от данных. Более подробно об этом семантическом развитии см. п. 5.1.

В таком случае относительно звукосимволических слов с редупликацией можно сделать вывод, что их семантика должна определяться иконичностью редупликации и иконичностью самих звуков (см. п. 1.5.2.3.).

По-разному трактуются и структурные типы редупликации: понятия полной и частичной, неполной редупликации. Некоторые авторы случаи с диссимиляцией гласных в повторяющемся звуковом комплексе называют частичной редупликацией [Hinton et al. 1994: 9; Mikone 2001: 230], что вряд ли основательно. Диссимиляция гласных и согласных в повторяющихся звуковых комплексах вполне естественна и служит для облегчения артикуляции. Как отмечает А. Мейе, повторение сонанта в корнях, где он имеется, приводит к неудобству, которое преодолевается диссимиляционными изменениями. Поэтому в словах с редупликацией **r* или **l* иногда заменяются сонантами **n* или **i* [Мейе 1938: 197]. Диссимиляционые изменения в редупликанте можно интерпретировать и в парадигме когнитивной грамматики. Являясь продуктом композиции, структура с редупликацией состоит из более элементарных структур (в случае одинаковых). По словам Р. Лангакера, «когда моторные элементы связываются, чтобы образовать сложное действие, их координация влечет за собой то, что ни один из них уже не манифестируется точно в форме, какую имел в изоляции… <…> Сложную структуру следует считать целостной единицей на своих основаниях, не сводимой в строгом порядке к ее компонентам» [Langacker 1999: 94].

В настоящем исследовании под полной редупликацией будем понимать случаи полного повторения редупликанта, допускающие также диссимиляционные измнения глассных и согласных в нем. Под частичной редупликацией будем понимать случаи повторения только начала или конца редупликанта после или перед ним, тоже с допущением диссимиляционных изменений.

Считая редупликацию имманентным структурным признаком звукоизобразительных слов, Дж. Малкел указывает также на возможность вто-

ричной редупликации, т. е. уподобления анлаутного согласного начальному согласному следующего слога как проявление вторичного звукосимволизма с целью получения редуплицированой формы в экспрессивном слове [MALKIEL 1990: 45].

Различают еще дивергентную редупликацию или так называемые эхоические слова с консонантной или вокальной апофонией, в которых тоже можно усмотреть звукоизобразительность (см. [MALKIEL 1990: 167–169; КРЮЧКОВА 2000: 74]).

1.5.5.2. Геминация согласных и удлинение гласных

К структурным признакам звукосимволических слов можно отнести также удваивание согласных (удлинение, геминация) и удлинение гласных (см. [MALKIEL 1990: 30–31]). Как отмечает Дж. Малкел, сочетание редупликации (у автора: повторение анлаутного консонанта в последующем слоге) и геминации средисловного консонанта в интервокальной позиции можно рассматривать как свидетельство звукосимволизма [MALKIEL 1990: 30].

1.5.6. Формальные признаки

Фонетическая анормальность – это признак звукоизобразительных слов, который больше всего бросается в глаза. На него указывают многие исследователи (см. [CHILDS 1994; VOELTZ–KILIAN-HATZ 2001b: 2; BECK 2005: 1; BODOMO 2006: 204]). Аномальность проявляется как в синхроническом аспекте, в формальных признаках слов, так и в диахроническом аспекте, в их необычном поведении в иначе неподдающейся исключениям, закономерной фонетической эволюции.

1.5.6.1. Синхронические данные

К формальным признакам звукосимволических слов в цитированной выше классификации С. В. ВОРОНИН относит: фонетическую гипераномальность (использование специфических фонем), относительное единообразие формы, фонетическую гипервариативность (протетический сонорный, метатеза, чередование гласных, чередование согласных – по способу, по месту артикуляции, по глухости/звонкости) (у автора данные признаки названы «структурно-фонематическими» [1982: 89]). Например, в японских ономатопоэтических словах Е. Д. ПОЛИВАНОВ отмечает наличие звука *n*, отсутствующего в обычных словах (кроме заимствованных),

и нетипичное отсутствие диссимиляционных изменений редуплицируемого начального консонанта [1968: 302]. В языке йоруба назальные слоговые встречаются только в идеофонах и отсутствуют в обычных словах [COURTENAY 1976: 24]. Некоторые исследователи говорят о маркированном употреблении звуков [HINTON et al. 1994: 9] или употреблении маркированных звуков в звукоизобразительных словах [KLAMER 2002]. В. СКАЛИЧКА отмечает, что одни и те же нетипичные звуки встречаются в эмоциональных, звукоизобразительных (автором употреблен термин «звукоподражательный») и заимствованных словах [1967: 287]. Высказываются мнения о заимствованном характере нетипичных фонем. Например, В. И. Абаев доказывает, что смычно-гортанные согласные в осетинском языке проникли из кавказских языков и стали употребляться и в звукоподражательных словах [1949: 524]. Дж. Малкиел пишет об экспрессивной функции нетипичных для английского языка фонем *ö* и *ü*, заимствованных из французского языка вместе с такими словами, как *petit beurre*, *bleu cheese*, *de luxe*, в которых стандартный носитель языка чувствует что-то вроде «иноземности», «изысканности» [MALKIEL 1990: 158]. На материале русских заимствований в финском языке В. Ярва формулирует гипотезу, что необычные фонемы, которые выполняют эмотивную функцию (у автора данная функция названа «экспрессивной») и встречаются в звукоизобразительных словах, могут быть заимствованы из других языков вместе с соответствующими словами, которые приобретают эмотивное значение [JARVA 2001: 111].

Необычностью (или маркированностью) может характеризоваться и дистрибуция фонем: занимаемые позиции, группирование. Например, относительно звукоизобразительных слов шведского языка А. Абелин отмечает использование групп согласных в начале и в конце слова, которое не характерно для обычных слов [ABELIN 1999]. Относительно венгерских звукосимволических слов Э. Вертеш тоже отмечает нетипичное для обычных слов использование групп согласных в начале слова [VÉRTES 1965: 161]. О специфике дистрибуции фонем в звукоизобразительных словах (идеофонах) африканского языка мунданг см. статью [ELDERS 2001: 99–100].

Звукоизобразительные слова не подчиняются и просодическим закономерностям языка. Еще К. М. Док отмечает, что «в большинстве случаев специальные правила длины, тона и ударения, которые приложимы к обычным грамматическим формам, значительно различаются в случае идеофонов (т.е. звукосимволических слов, замечание мое: Ж. К.-З.» [DOKE 1935: 118–119].

Отмеченные фонетические аномалии можно объяснить диффузностью правого полушария (см. об этом выше), которое ответственно за фонетически мотивированные слова. Экспериментально доказано, что при вре-

менной инактивации левой гемисферы мозга в результате унилатеральной электрошоковой терапии, применяемой для лечения шизофрении, наблюдается размытость фонемных границ, диффузность звуковой формы лексических единиц [Баллонов–Деглин 1976: 161]. С. В. Воронин отмечает, что из этого следует, что размытость фонемных границ есть черта эволюционно-древняя, архаическая и что это приводит также к выводу об эволюционной древности размытости, диффузности звукового облика звукосимволических слов [1982: 143]. Диффузная форма новообразованного звукоизобразительного слова может содержать нетипичные звуки. От нее могут развиться варьирующие формы слова.

Фонетическую гипервариативность можно объяснить и прагматическими причинами, а именно – креативностью индивида по отношению к существующим звукоизобразительным словам. Он может видоизменять их, выражая этим свое отношение к референту (см. об этом и п. 1.5.6.2.), и при этом не нарушается их референтивная функция (см. выше, п. 1).

Некоторые лингвисты отмечают факт формального сходства между звукоподражательными и звукосимволическими словами (см. [Поливанов 1968: 304; Москов 1969: 435]). Этот факт вряд ли свидетельствует об этимологических связях этих слов. Скорее всего, иллюстрирует ограниченные возможности языка для образования иконических обозначений.

1.5.6.2. Диахронические данные

Аномалии наблюдаются также в формальной эволюции звукосимволических и вообще звукоизобразительных слов. Многие авторы отмечают, что эти слова не подчиняются фонетическим законам [Скаличка 1967: 284; Anttila 1972: 85–86; Абаев 1986а: 20; Abelin 1999: 14; Бурлак–Старостин 2005: 50], и это приводит к нерегулярным звуковым соответствиям между родственными формами (см. [Campbell 1997: 226]). Иногда в незакономерной фонетической эволюции авторы, не обремененные пренебрежительным отношением к неарбитарной связи между языковой формой и значением, стремятся открыть следы звукоизобразительности (см. [Malkiel 1990: 24, 29, 36]).

Факт незакономерной фонетической эволюции иконических слов можно объяснить следующими причинами:

(1) Дж. Малкиел отмечает, что подчинение звуковым законам может привести к смерти звукоизобразительной формы [Malkiel 1990: 44]. Поэтому фонетическое изменение иногда не происходит из-за того, чтобы сохранилась иконичность формы [Waugh 1993: 74]. В таком случае можно говорить о сохранении старых форм звукоизобразительными словами.

(2) Кроме того, звукосимволические слова подвергаются незакономерным фонетическим изменениям и из-за примарной связи между их формой и значением. Как известно, немотивированность языкового знака является необходимым условием для свободы его развития – семантического и формального, в то время как мотивированность, в данном случае фонетическая, ограничивает ее. Поэтому, пока иконичность и образность звукосимволических слов осознаются носителями языка, они не подчиняются эволюционным закономерностям обычных слов.

(3) Можно привести и физиологическое объяснение причин незакономерного фонетического развития фонетически мотивированных слов. Как было указано выше, звукоизобразительные слова и обычные слова имеют разный нейролингвистческий статус, управляются разными участками мозга. Поэтому вполне естественно то, что эти слова ведут себя по-разному в языковой эволюции: первые проявляют «своеволия», а вторые подчиняются безысключительным фонетическим законам.

(4) Кроме того, если звуковая форма новообразованного звукосимволического слова характеризуется диффузностью, вариативностью, этими ее свойствами тоже можно объяснить формальную вариативность и нерегулярные формальные соответствия ее наследников. Поэтому, когда исследуются названия, для которых предполагается ономатопоэтическое происхождение, необходимо учитывать возможность их формальной вариативности еще на древней стадии.

(5) Звукосимволические слова подвергаются незакономерным фонетическим изменениям также из-за их эмотивного характера. Известно, что эмотивность в словах постигается не только семантическими средствами (метафорическим переносом), но и формальными средствами, в том числе и нерегулярными фонетическими изменениями. В своих исследованиях эмотивные (и/или экспрессивные) фонетические изменения в словах отмечают В. Махек, Ф. Копечни, И. Немец, В. Полак, М. Москов, О. Н. Трубачев и др. [Machek 1952: 319–320, 1956: 33–40; Kopečný 1952: 323; Němec 1980: 27–30; Polák 1980: 324–330; Москов 1964: 149; ЭССЯ, III: 54].

Dubless

1.5.7. Интерлингвистические признаки

Интерлингвистическим признаком звукосимволических слов согласно С. В. Воронину является их типологическое сходство в разных языках [1982: 89]. Оно проявляется при сопоставлении слов с одним и тем же значением или значением, выводимым из одного и того же первоначального значения, у которых наблюдается и формальное сходство – содержат редуплицированные звуковые комплексы, нетипичные фонемы, характеризуются вариативностью. Формально-семантический параллелизм может свидетельствовать об отприродности, иконичности названий.

Применение данного критерия для распознавания звукосимволических слов можно рассматривать как проявление использования типологических данных в этимологии, чтобы дать вероятностную оценку сформулированной гипотезе (О верифицирующей роли типологии в реконструкции см. [Якобсон 1963; Гамкрелидзе 1988; Comrie 1993].).

Представленный перечень теоретических постановок показывает, что, хотя и во многих аспектах исследования звукоизобразительности, и в частности – звукосимволизма, существует значительный разнобой, проявляющийся также в использованной научной терминологии, все-таки эта научная область уже не tabula rasa. Собран и проанализирован огромный фактический материал, сделаны важные теоретические обобщения, систематизированы признаки неарбитрарной связи между звуковым означающим и незвуковым означаемым. Уже не должно быть никаких препятствий и на пути этимологизации слов звукосимволического происхождения. Однако распознавание и диахроническое исследование слов, которые возникли как иконические знаки, чья звуковая форма создает представление о незвуковом образе, еще не стало рутинной работой. Как было сказано выше, в ходе закономерной эволюции звукосимволических слов, которая приводит к их конвенциализация и деэтимологизации, их признаки перестают быть яркими, легко распознаваемыми и постепенно потухают до полной маскировки звукосимволической природы слов. Но все-таки следы этих признаков должны остаться в той или иной степени в форме, семантике или структуре слова. Зная, какие изменения могут претерпеть установленные признаки звукосимволических слов, этимолог сможет распознать эти следы и при их комплексном учете, вместе с методами этимологического анализа, сможет построить аргументированную гипотезу о звукосимволическом происхождении исследуемого слова.

BUPress

2. Методика этимологизации звукосимволических слов

Итак, дедуктивным путем, при учете рассмотренных теоретических постановок, касающихся статуса звукосимволических слов в языке и всей совокупности их характерных признаков – функциональных, структурных, формальных, семантических – сформулируем совокупность процедур, их порядок применения для распознавания и исследования звукосимволических слов в языке. Вместе с представленной теоретической базой они составляют методику этимологизации данного типа слов. В большой степени эта методика может быть применена при исследовании не только звукосимволических, но и звукоподражательных слов, как слов фонетически мотивированых, звукоизобразительных. В качестве ее основы возьмем методику этимологизации обычных, арбитрарных слов, которая в самом общем плане включает следующие взаимосвязанные процедуры:

(1) определение заимствованного или исконного характера слова;

(при гипотезе об исконном характере слова)

(2) определение времени его возникновения;

(3) реконструкцию формы слова и определение этапов ее изменения;

(4) семантическую реконструкцию, в том числе определение мотивирующего признака и уточнение промежуточных звеньев семантического развития;

(5) определение этимологического гнезда слова.

Центральной задачей этимологизации звукосимволического слова является его распознавание как такового. От ее решения зависит и решение остальных задач. Идентифицируя звукосимволическое происхождение слова и зная, что такое звукосимволическое слово, какими свойствами оно обладает, этимолог будет знать также, какое первоначальное значение и какую первоначальную звуковую форму может предположить для реконструированного этимона, какими особенностями характеризуется его развитие, как проявляются родственные связи между его наследниками, какие трудности может ожидать при решении данных задач. Идентификация звукосимволического и вообще звукоизобразительного происхождения исследованного слова имеет своим следствием иную трактовку понятия

BUPress

диахронического тождества морфемы (в данном случае корня слова), которое является базовым понятием этимологии и вообще всего сравнительно-исторического языкознания.

2.1. Трактовка понятия диахронического тождества относительно звукоизобразительных морфем

Из сделанных в. п. 1.5. обобщений становится ясным, что диахроническое тождество между звукоизобразительным словом и его этимоном и между наследниками одного и того же звукоизобразительного этимона должно устанавливаться при иных критериях, чем при обычных (арбитрарных) словах. Диахроническое тождество морфем слов, которые являются арбитрарными знаками, доказывается на основании приложения сравнительно-исторического метода со всей системой сформулированных фонетических законов (относительно языковой формы) и фактов семантической типологии (относительно значения). Отметим, что только совместное приложение критериев формальной и семантической реконструкции способно идентифицировать морфему, разграничить случаи древней омонимии.

Для корней фонетически мотивированных слов, для которых доказана (1) первоначальная формальная и семантическая диффузность, (2) эмотивность и экспрессивность, приводящие к их формальной и семантической вариативности, (3) вместе с установленной креативностью индивида, который может свободно видоизменять форму звукоизобразительного слова для выражения дополнительной экспрессивности, эмотивности, а также (4) сопротивление формальным изменениям по причине иконичности звуковой формы, диахроническое тождество не может быть доказано строгой процедурой сравнительно-исторического метода с приложением безысключительных фонетических законов и фактов семантического параллелизма. Именно поэтому и в русле младограмматических традиций звукоизобразительные слова не могли быть исследованы, что привело к их игнорированию. Как отмечает В. И. Абаев в своей программной работе, посвященной этимологии, в исследовании формальной эволюции звукосимволических слов требуется «более гибкий подход к фонетическим законам» [1986а: 16]. Следует подчеркнуть, что такой гибкий подход не означает волюнтаризм и неаргументированное пренебрежение научными правилами исследования языковой формы в диахронии. Эти правила сформулированы на основании наблюдений над эволюцией обычных, арбитрарных знаковых единиц. Однако звукоизобразительные элементы языка характеризуются иными свойствами. Правилом разви-

LitRes

тия звукоизобразительного слова является как раз его нерегулярность, отличие от обычных слов, нарушение синхронических и диахронических норм формы. Было уже сказано, что его нерегулярность имеет свои предпосылки и они нейролингвистического, прагматического и семиотического характера. Поэтому и звукоизобразительное слово требует иного исследовательского подхода. Отметим, что как раз ненаучностью характеризуется подход, при котором этимолог догматически придерживается безысключительных фонетических законов, исследуя этимологию звукоизобразительного слова.

Следует подчеркнуть, что все нарушения норм формальной и семантической эволюции со стороны звукоизобразительных слов осуществляются в период, когда их иконичность и эмотивность еще живы. Нарушив нормы развития еще на заре своего появления, варьирующие наследники одного и того же диффузного звукоизобразительного этимона теряют регулярные соответствия между собой, доказываемые строгими правилами. Поэтому диахроническое тождество родственных звукоизобразительных морфем нужно принимать весьма обобщенно, с допущением известных отклонений и реконструкцией не фонем, а фонемотипов. Фонемотипы сводятся к обобщенному описанию фонемы при помощи ее акустических и артикуляционных признаков.

В своей эволюции звукоизобразительное слово стремится превратиться в арбитрарный знак. Конвенциализируясь, оно начинает вести себя как обычное арбитрарное слово и подчиняться фонетическим законам. Поэтому часть его эволюции можно объяснить при помощи фонетических законов.

Итак, если налицо формальное и семантическое сходство между звукоизобразительными морфемами в родственных языках и диалектах, следует проверить возможность их родства. Очень часто это варьирующие морфемы, в которых можно открыть чередования гласных по ряду, согласных по глухости/звонкости, твердости/мягкости. Они могут оказаться диахронически тождественными морфемами, т.е. морфемами, соответствующими разным ступеням развития одной и той же звукоизобразительной морфемы или результатом ее разной эволюции в разных языках и диалектах.

Существует еще одна трудность при определении диахронического тождества звукоизобразительных слов. Из-за прямой связи между их формой и значением в разных языках и диалектах совсем независимым путем могли возникнуть звукоизобразительные корни, которые выглядят диахронически тождественными, т. е. их можно возвести к одному и тому же этимону. В таком случае можно говорить о мнимом диахроническом тождестве звукоизобразительных слов.

BYPress

Можно сделать обобщение, что реальное диахроническое тождество звукоизобразительных морфем не проявляется традиционным способом и поэтому не распознается традиционным способом; в то же время существуют случаи мнимого диахронического тождества.

2.2. Распознавание звукосимволического происхождения слова

Как было уже отмечено, в течение длительной эволюции многие звукосимволические слова способны «замаскировать» свое происхождение и смешаться с обычными словами, приобретая их функциональные, формальные, структурные и семантические свойства. Таким образом, не все из указанных в п. 1.5. критериев будут применимы для распознавания денатурализованных звукосимволических слов. Так, в процессе своей эволюции звукосимволическое слово может утратить свою «драматическую» функцию, контекстную обусловленность, необычные фонемы, грамматическую аномальность, приобрести вполне структурированное лексическое значение, в рамках определенной категории может начать выражать понятие высшего порядка, с которым соотносятся субординатные понятия (т. е., в традиционной терминологии, иметь гипонимы). Это вполне закономерный процесс, обусловленный тенденциями языкового развития и закономерностями эволюции познания. В результате регулярных фонетических изменений, которым в известной степени подчиняются и фонетически мотивированные слова (особенно слова, находящиеся на пути к своей закономерной конвенциализации), может утратиться символика, базированная на звучании тех или иных звуков или звуковых структур. В результате подчинения фонетическим законам в слове может произойти и такое изменение звука, при котором он может перейти в звук имеющий противоположное фонетическое значение (конечно, если такое выражено). Например, и.-е. **i* (который, если имеет фонетическое значение, символизирует что-либо маленькое, см. п. 1.5.2.3.) в праславянском переходит закономерно в *ь, который в сильной позиции в русском языке переходит в *е*, изменяющийся впоследствии в *о* в позиции после мягкого перед твердым согласным звуком. Ср., например, и.-е. **lin-* > псл. **lьnъ* > русск. *лен* [*л'он*]. Также и тенденция к делабиализации, явившаяся двигательной силой развития фонологической системы раннего праславянского, привела к утрате лабиальности многих вокалов и веляров, что могло отразиться и на утрате символизирующей функции лабиальности в звукосимволических словах. Поэтому символизация конкретных звуков не может быть надежным критерием в этимологии, особенно для слов, прошедших длинный путь развития.

DJPress

Кроме того, этимологизация, базированная в основном на символике конкретных звуков, включает момент риска также и из-за неоднозначности самой символизации (см. п. 1.5.2.3.) и из-за доминирования символической (с точки зрения семиотической) функции фонем языка над их иконической функцией. Однако «положительный результат» по нескольким признакам может служить предпосылкой для проверки гипотезы об образоподражательном происхождении этимона исследуемого слова.

Среди всех признаков звукосимволического слова с диахронической точки зрения наиболее устойчивым и, следовательно, наиболее надежным для их распознавания является р е д у п л и к а ц и я. Как структурный признак, она труднее всего поддается «маскировке». Если в слове налицо редупликация и нет возможности для ее морфологической трактовки (т. е. для выражения идеи множественности, собирательности для существительных, продолжительности, законченности действия для глаголов, интенсивности, высокой степени проявления признака для прилагательных), ее роль в слове может быть словообразовательной, а слово – фонетически мотивированным. Если наблюдаются параллельные случаи выражения одного и того же значения (или значений, выводимых из одного и того же исходного значения) формами, содержащими редуплицированные звуковые комплексы, то этот факт может свидетельствовать о прямой связи между формой и значением слов, т. е. о звукоизобразительности. Такие дополнительные факты, как формальная вариативность, разнообразие значений, выражаемых одной и той же формой или близкими формами с редупликацией, подкрепляют гипотезу о звукоизобразительном происхождении слова. И если нет основания для предположения его звукоподражательной мотивированности, связи между звуковой формой и «звуковым» значением, то, по всей вероятности, налицо образоподражательная мотивированость, т. е. мотивированность, основанная на синестезии.

Конечно, редупликация тоже может в известной степени подвергаться «маскировке». Это возможно, во-первых, из-за диссимиляционных изменений повторяющихся звуков с целью облегчения артикуляции (см. выше, п. 1.5.5.1.). Кроме того, редуплицированные звуки, попадая в разное окружение, подчиняются действию разных законов, в соответствии с которыми эволюируют по-разному. Следовало бы ожидать, что затемнение редупликации может произойти также из-за незакономерных фонетических изменений по причине эмотивности, экспрессивности звукоизобразительных слов. Однако, все это прогнозируемые изменения, которые можно усмотреть в слове с «замаскированной» по закономерным и незакономерным причинам редупликацией. Усмотрев их, в слове можно вскрыть редупликацию и это первый шаг к построению гипотезы о его звукоизобразительном происхождении.

Об иконичности звукосимволического слова может свидетельствовать и факт его формального сходства со звукоподражательными словами. Как было отмечено выше (п. 1.5.6.1.), этот факт можно трактовать не как доказательство об этимологических связях звукосимволических и звукоподражательных слов, а об ограниченных возможностях ономатопеи, иными словами – об ограниченности возможностей языка образовать ономатопоэтические иконические обозначения. См. также п. 5.3.

Отметим, что гипотеза о звукосимволическом происхождении слова подкрепляется также и остальными процедурами анализа, связанными с формальной и семантической реконструкцией звукосимволического этимона и определением его наследников. Если обнаруживаются установленные индуктивным путем признаки звукосимволических слов, этот факт подкрепляет сформулированную гипотезу о звукосимволическом происхождении этимона исследованного слова.

2.3. Распознавание заимствованного или исконного характера звукоизобразительного слова

Прежде чем приступить к реконструкции этимона звукоизобразительного слова в определенном языке, следует изолировать возможность его заимствованного характера. Для звукоизобразительных слов, как и для обычных слов языка, заимствование вполне возможно. Однако доказывание иноязычного происхождения звукоизобразительного слова – нелегкая задача. Для обычного слова факт заимствования доказывается, прежде всего, синхроническим тождеством с иноязычным словом и невозможностью его возведения к этимону иноязычного слова и родственных ему слов посредством действующих в соответствующем языке (языке-приемнике) фонетических законов. Для звукоизобразительных слов, однако, на основании синхронического тождества такое заключение сделать невозможно. Как было отмечено и выше, из-за прямой связи между формой и значением, в разных языках и диалектах совершенно независимым путем могут возникнуть звукоизобразительные слова, тождественные формально и семантически. Поэтому синхроническое формальное и семантическое тождество звукоизобразительных слов в разных языках не свидетельствует о заимствовании одного из них другим языком. Кроме того, возможно формальное совпадение звукоизобразительных слов в разных языках, которые являются наследниками одного и того же этимона из-за их неподчинения фонетическим законам по причине их иконичности и эмотивности. Таким образом, при наличии синхронического формального и семантического тождества слов (или корней) факт ономатопеи

уменьшает возможность заимствования одного из них (см., например, [CARNOY 1917: 271], который оспаривает мнение Вальде о том, что лат. *bombus* представляет собой заимствование гр. *βόμβος* 'глухой звук', именно аргументом, что оба слова являются ономатопоэтическими).

Вопрос об определении заимствованного или исконного характера звукоизобразительного слова рассмотрен в статье В. СКАЛИЧКИ, посвященной венгерским звукоизобразительным словам (автором названы звукоподражательными). Как и многие другие авторы, В. Скаличка не разграничивает два вида звукоизобразительных слов в зависимости от типа имитируемого звуковой формой образа (звукового или незвукового). В качестве критерия для распознавания факта заимствования звукоизобразительного слова, автор указывает на точность передачи внеязыкового звука звуковой формой слова. По мнению автора, «слова… очень точно передающие звук, повторяются в различных языках». Поэтому факт формального совпадения таких слов не свидетельствует о заимствовании. С другой стороны, по мнению автора, «слова с менее точным подражанием звуку больше различаются в разных языках». Поэтому автор считает, что если наблюдается формальное совпадение таких слов в соседних языках, то налицо факт заимствования [1967: 284–285]. Такой подход к доказыванию заимствованного характера данного звукоизобразительного слова оспорим, так как базирован на субъективизме определения степени сходства между звуковой формой слова и имитируемым ею звуком внеязыковой действительности. Исследователями звукоизобразительности не раз отмечалось, что даже для слов, чья звуковая форма создает представление о звуковом образе, характерна неточная передача внеязыковых звуков, обусловленность звуковой формы фонологической системой языка (см., например, [NEWMAN 2001]).

Следовательно, доказательства о заимствованном или исконном характере исследованного звукоизобразительного слова необходимо строить на иных основаниях. Необходим учет всего знания о сущности и функционировании таких слов.

Например, об исконном характере звукоизобразительного слова может свидетельствовать его формальная и семантическая вариативность. Как было отмечено выше (см. 1.5.2.1. и 1.5.6.), в момент своего рождения звукоизобразительное слово характеризуется формальной и семантической диффузностью, что может привести к формальной и семантической вариативности его континуантов. К формальной вариативности звукоизобразительного слова ведет и его эмотивный характер. Когда такое слово заимствуется другим языком или диалектом, оно заимствуется не во всех своих формальных и семантических вариантах и чаще всего выступает как однозначное, формально не варьирующее слово. Оно является обычным конвенциональным знаком языка. Поэтому при отсутствии данных о

формальной и семантической вариативности звукоизобразительного слова в определенном языке, можно построить гипотезу о его иноязычном происхождении и проверить эту гипотезу и экстралингвистическими фактами.

2.4. Определение времени возникновения звукоизобразительного слова

Время образования данного слова определяется кругом его диахронически тождественных соответствий, их принадлежностью к определенным языкам и диалектам. В соответствии с этим правилом Д. Вестерман отмечает, что широкое распространение звукоизображения (в тексте автора названо звукоподражанием) указывает на его древность [1963: 200]. Такой критерий без проблем приложим при исследовании обычных слов. При исследовании звукоизобразительных слов, однако, он осложняется трудностями, которые проистекают из трудностей определения диахронического тождества звукоизобразительных морфем. В разных языках и диалектах всегда возможно независимое происхождение звукоизобразительных морфем, которые выглядят диахронически тождественными. Также и для звукоизобразительных морфем, которые действительно являются наследниками одного и того же этимона, из-за неподчинения фонетическим законам, при помощи традиционной процедуры анализа диахроническое тождество трудно доказуемо.

Время регистрации звукоизобразительного слова в письменных текстах тоже не может бесспорным образом свидетельствовать о времени его создания. Как было уже сказано (п. 1.5.1.), прагматическим свойством звукоизобразительных слов является их свойственность устным регистрам языка. Звукоизобразительное слово с живой изобразительностью понятно в контексте, в котором выполняет так называемую «драматическую функцию» вместе с сопровождающим жестом. Поэтому отсутствие определенного звукоизобразительного слова в древних письменных текстах не должно считаться доказательством его инновационного характера. Письменная регистрация слова, скорее всего, может свидетельствовать лишь о его конвенциализации, о переходе в класс обычных слов языка, нежели о времени образовании.

BUPress

2.5. Реконструкция звукоизобразительного слова

2.5.1. Формальная реконструкция

Из сказанного выше о первоначальной формальной диффузности и вариативности звукосимволического слова, о незакономерных формальных изменениях в нем по причине его иконичности и эмотивности (п. 1.5.6.) следует, что точная реконструкция звукосимволического этимона при помощи фонетических законов невозможна. Его форма может содержать нетипичные для соответствующего праязыка фонемы или нетипичную для типичных фонем дистрибуцию. Реконструированную праформу следует считать в высшей степени обобщенной, схематизированной и варьирующей еще при ее рождении. Как было уже отмечено, праформу звукоизобразительного слова вообще можно реконструировать не как форму, содержащую конкретные фонемы праязыка, а фонемотипы, характеризуемые определенными акустическими и артикуляционными признаками фонем.

2.5.2. Семантическая реконструкция

Вопрос о семантической реконструкции звукосимволического слова включает проблемы реконструкции его первоначального значения, мотивирующего признака и промежуточных звеньев семантического развития. При реконструкции первоначального звукосимволического значения этимолог должен иметь в виду, что оно характеризуется диффузностью, неструктурированностью. Поэтому возможны трудности эго точной экспликации – семасиологической и ономасиологической. Семасиологическая экспликация значения слова предполагает его толкование при помощи метаязыка, а ономасиологическая – определение его референции.

Реконструированное первоначальное звукосимволическое значение должно характеризоваться эмотивностью, экспрессивностью и образностью, должно обладать возможностью связываться с простейшими элементами психофизиологического универсума человека (см. п. 1.5.2.2.)

2.6. Определение этимологического гнезда звукоизобразительного слова

Определение этимологического гнезда исследуемого слова включает две задачи: определение его родственных связей и разграничение омони-

BUPress

мов. Обе эти задачи основываются на понятии диахронического тождества.

Для звукосимволических слов (и вообще для всего класса звукоизобразительных слов) это совсем не легкая задача. Ее сложность проистекает из свойственной этим словам формальной и семантической вариативности, из их неподчинения фонетическим законам, их иконичности, которая создает возможность как для независимого происхождения в разных языках и диалектах фонетически мотивированных слов с тождественной формой и значением, так и слов с тождественной формой, но с разными значениями[23]. Иными словами, сложность определения этимологических гнезд звукоизобразительных слов проистекает из сложности определения диахронического тождества звукоизобразительных морфем.

2.6.1. Определение родственных связей

Из-за отсутствия строгих критериев для установления диахронического тождества между звукоизобразительными морфемами, некоторые ученые оспаривают возможность доказывания родства между ними. Таким образом, с недоверием принимаются и аргументы в пользу родства между определенными языками или диалектами, которые базированы на звукоизобразительном материале. Например, Б. А. Серебренников вполне основательно критикует гипотезу В. М. Иллича-Свитыча о родстве так называемых ностратических языков, потому что в не малой степени она базирована на доказательственном материале из сферы звукоподражательных и звукосимволических слов. Автор считает ошибочными и этимологии создателя ностратической гипотезы, которые основаны на звукоподражательных словах [1982].

Однако случаи родственных связей между звукосимволическими и вообще звукоизобразительными словами в разных языках существуют, и следует найти определенные критерии для их распознавания. Например, можно предположить, что если в разных языках тождественные формально звукосимволические слова выражают одни и те же конкретные (не звукосимволические) значения, которые являются результатом эволюции первоначальных неопределенных, диффузных значений, то между данными словами возможно родство. Иными словами, этот факт свидетельствует о том, что конвенциализация слов с данными значениями произошла

[23] Относительно неоднозначности символизации сравни с приведенными выше (п. 1.5.2.3.) примерами неоднозначности символизации отдельных звуков. Подобная неоднозначность при создании звукосимволических слов с тождественной формой в разных языках и диалектах приводит к явлению так называемой «межъязыковой омонимии» или «межъязыковой паронимии».

до осуществления дивергентных процессов, которые привели к формированию соответствующих родственных языков и диалектов.

2.6.2. Разграничение омонимов

Возможность независимого происхождения тождественных звукоизобразительных слов вместе с возможностью заимствования таких слов из одного языка или диалекта в другой, создает предпосылки для возникновения омонимии между звукоизобразительными словами. Имея в виду вариативность звукоизобразительных слов, отметим, что вопрос о формальном тождестве между ними сводится к тождеству между варьирующими словами. В таком случае не существует требования для полного формального совпадения звукоизобразительных форм для того, чтобы трактовать их как омонимичные.

Для разграничения омонимов обычных слов используются факты семантической типологии. Разграничение омонимичных звукосимволических слов тоже должно базироваться на семантическом параллелизме. Только в этом случае параллелизм будет устанавливаться между переходами диффузного, неопределенного значения в конкретное, структурированное значение лексической системы языка.

Имея ввиду первоначальную семантическую диффузность звукосимволического слова, которая, по словам В. И. Абаева, может привести к «семантическим причудам» [1986а: 20], отметим, что в эволюции звукосимволических слов в большей степени, чем при обычных словах, возможны случаи омонимии в результате расщепления семантической структуры многозначного слова. В таком случае омонимичные с современной точки зрения звукосимволические слова следует относить к одному и тому же этимологическому гнезду.

Следует отметить также возможность смешивания (слияния) этимологических гнезд омонимических звукосимволических слов. Такие случаи не раз отмечались в развитии омонимов среди «обычных» слов (см., например, [Виноградов 1977; Варбот 1995: 61–62]). Их квалифицируют как «случаи псевдо-семантического развития» вместе со случаями параллельного семантического развития паронимических лексем (см. [Karaliūnas 1972: 9]).

Итак, на основании обширного материала современных звукосимволических слов из разных языков – в основном не славянских и не индоевропейских – многими исследователями индуктивным путем были выявлены признаки, которые касаются употребления и функционирования дан-

ного типа слов в языке, их формы, семантики и структуры. В настоящем исследовании эти признаки были систематизированы. Дедуктивным путем были сформулированы правила этимологизации таких слов, включающие их распознавание, реконструкцию звукосимволических этимонов и определение их этимологических гнезд. Теперь проверим на славянском и отчасти индоевропейском материале как «работают» эти процедуры анализа. Постараемся прецизировать их при помощи сделанных индуктивным путем выводов в ходе самой исследовательской работы. Вместе с этим, выявляя славянские и индоевропейские слова звукосимволического происхождения, постараемся ответить на вопрос, действительно ли в славянских, и вообще в индоевропейских языках мало звукосимволических слов (см. п. 1.3.) или это миф, созданный догматическим следованием постулатам структурализма и младограмматизма. Другой вопрос, на который постараемся ответить, – это вопрос о том, действительно ли в славянских и отчасти в индоевропейских языках очень мало редуплицированных форм, как традиционно утверждается (см. п. 1.5.5.1.).

DUPress

Этимологический анализ славянской лексики звукосимволического происхождения

3. Вступительные замечания

3.1. О чем говорят новообразования среди славянских звукосимволических слов?

Прежде чем приступить к анализу эксцерпированного из словарей славянского языкового материала, для которого представим аргументы о звукосимволическом происхождении, рассмотрим несколько современных славянских слов, а именно болгарские *джаджа*, *джиджафка/джуджафка/джаджафка* и *джиджи-биджи*, которые можно определить как звукосимволические новообразования[24]. При этом будем исходить из убежденности, что между языковой синхронией и диахронией не существует непреодолимый барьер, что на основании наблюдений над современным функционированием языка лучше всего можно понять осуществившиеся в диахронии изменения. Как отмечает Хенигсвальд, «типология изменений… является производной от типологии существующих состояний языка» [1970: 89]. Следовательно, на примере современных образоподражательных слов лучше всего можно понять механизмы образования и функционирования образоподражательных слов, прошедших длинный путь развития. Подобные наблюдения можно использовать в качестве типологических параллелей для слов, которые уже превратились в обычные конвенциональные обозначения и утратили первоначальную образность. При рассмотрении данных болгарских слов нас будут интересовать в основном три вопроса: (1) о распознавании звукосимволических слов, (2) об особенностях их функционирования и (3) о возможности установления родственных связей между ними.

[24] Анализ данных слов более подробно см. в [Колева-Златева 2008].

Данные слова являются сравнительно новыми для болгарского языка. Они не регистрированы в академическом многотомном словаре [РБЕ] и свойственны, прежде всего, разговорной речи – устной и письменной. Исследованный речевой материал извлечен из форумов в Интернете. Причиной для параллельного рассмотрения слов является наличие определенного формального сходства между ними и выражение общих значений. Таким образом, можно будет поставить вопрос об их происхождении, о наличии определенных деривационных или контаминационных отношений между ними.

Рассматриваемые слова можно квалифицировать как образоподражательные на основании следующих критериев:

(1) Они содержат редуплицированные звуковые комплексы, которые сами по себе в болгарском языке не имеют значения.

(2) Содержат нетипичную для болгарского языка фонему [*дж*]. Такая фонема в болгарском языке встречается только в заимствованных словах, обычно турецкого или английского происхождения. Как было отмечено в п. 1.5.6.1., для звукоизобразительных слов характерно использование специфических фонем, а источником таких фонем нередко являются заимствования.

(3) Относительно *джиджафка/джуджафка/джаджафка* нет сомнения, что это одна и та же лексема, которая существует в разных фонетических вариантах. Таким образом, формальная вариативность слова тоже подкрепляет гипотезу о его звукосимволическом происхождении.

(4) В семантическом отношении рассматриваемые слова характеризуются диффузностью. Разные члены социума употребляют еще не утвердившиеся окончательно лексические единицы с разными нюансами в значениях. Поэтому точная экспликация выражаемых значений практически невозможна. Можно лишь утверждать, относительно каких объектов данные слова употребляются.

Так, слово *джада* (dem. *джаджичка*) употребляется относительно:

– сравнительно нового технологического предмета, устройства, приспособления, например смартфона, трансмиттера для машины, пендрайва и т.д.;

– предмета, имени которого говорящий не знает (Это обычно предмет с узкой специализацией из области, чужой говорящему, например, определенный электронный компонент для неспециалиста);

– составной части, элемента чего-нибудь (Участник форума для рыболовов заявляет, что разобрал катушку удочки на ее составные части, которые назвал словом *джаджа*);

– чего-либо нового, хорошего (В одном из постингов в форуме, где обсуждается китайский прибор для питания, сказано, что он не заслуживает

DURESS

того, чтобы его называли словом *джаджа*, потому что это просто «какие-то мини-щипцы для барбекю»);

– украшения для волос, одежды;

– маленького любимого животного, например, относительно собачки, маленькой птички (употребляется обычно деминутивная форма *джаджичка*);

– маленькой уеб-программы, например, относительно формуляра, который можно заполнить онлайн.

Последнее речевое употребление слова *джаджа*, по всей вероятности, является калькой англ. *widget*, *gadget*[25].

Для существующего в разных фонетических вариантах слова *джиджафка/джуджафка/джаджафка* тоже характерно употребление относительно сравнительно нового, обычно небольшого прибора современной бытовой техники, устройства, приспособления (например, о карманном компьютере, аксессуарах автомобиля и др.).

Иногда наблюдаются случаи, которые свидетельствуют о неразличении слов *джаджа*, с одной стороны, и *джиджафка/джуджафка/джаджафка* – с другой. Например, в форуме для музыкантов один из участников (Sebastian) объявляет, что ищет определенную часть для музыкального инструмента, которую называет словом *джаджа*. Другой участник (NeonGod) сообщает, что может подарить то, что, по его словам, первый участник назвал словом *джиджафка*. На это предложение первый участник реагирует вопросом о том, какой марки является предлагаемая часть, и как называется эта *джуджавка*. См. более подробно диалог[26]:

Sebastian:	Значи, търся си една такава *джаджа*, с която се закача горният капак на фуса за желязото, абе онуй дет се завива. Някой да има излишно такова?..
BaSs3Per	…дай малко по-ясно, аз нищо не разбрах от т'ва к'во търсиш.
Katsko	Да, имам, колко даваш?
NeonGod	Аз директно мога да ти подаря едно такова, дет му викаш *джиджавка*.

[25] В онлайн словаре [MERRIAM-WEBSTER] слово *gadget* регистрировано со значением 'маленькое механическое или электронное приспособление с практическим применением, обычно являющееся новизной'. Этимология слова указана как неясная, время первой регистрации – 1886 год. Слово *widget* представлено как фонетический вариант слова *gadget*. Относительно употребления слов для называния маленькой компьютерной программы ср. следующие тексты, регистрированные в Интернете: IP Switcher Widget is a free widget that gives you a quick way to switch between 3 preset static IP configurations (http://soft.mydiv.net/win/download-IP-Switcher-Widget.html, Accessed: 29.06.08.); Google Gadget Ventures is a new Google pilot program dedicated to helping developers create richer, more useful gadgets (http://www.google.com/gadgetventures/, Accessed: 29.06.08.).

[26] См. http://forum.muzikant.org/lofiversion/index.php/t12631.html, Accessed: 20.04.2006. Текст в известной степени нормализован.

Sebastian	NeonGod, няма проблеми. Има ли някаква марка твойто и откъде си? П.П. Как всъщност се казва тая *джуджавка*?
bonzo	Аз му викам холдер, защото държи горния фус чинел. Ама то холдер на много неща може да се каже.
NeonGod	bonzo, абе и аз така мисля, ама не сам много сигурен. Значи, Sebastian, имам една аматска и една такава *джиджавка* на тама. Аз ползвам тамата, тъй че тази на амати ми е свободна. От Пловдив съм, ако я искаш, нп.

Слово *джиджафка/джуджафка/джаджафка* употребляется также относительно:

– украшений для волос, зацепки, подвески на браслете и др.;

– предмета, имени которого говорящий не знает (Подобное употребление слова можно наблюдать и в цитированном диалоге);

– чего-либо хорошего, большого (в том числе и хорошей машины);

– хорошенькой девушки;

– хорошего события (например, о возможности бесплатно разговаривать вечером по телефону);

– приложения к компьютерной программе (например, о защите от спэма в электронной почте);

– маленькой компьютерной программы, которая появляется при работе в Интернете с целью активирования определенных возможностей браузера Internet Explorer.

Последние два употребления слова тоже можно рассматривать как семантические кальки англ. *widget, gadget*, которые, по всей вероятности, тоже являются образоподражательными словами (или вариантами одного и того же слова), поскольку функционируют как такие. Вполне естественно, что образоподражательные слова калькируют значения образоподражательных слов иноязычного происхождения.

Слово *джиджи-биджи*, которое содержит также эхоический компонент, хотя и более редко, но тоже употребляется для называния сравнительно нового технологического предмета, например, в одном из форумов относительно iPod устройства фирмы Apple.

Чаще всего данное слово употребляется относительно денотатов, которые характеризуются процессуальностью, таких как:

– ухаживания, любовные отношения (например, в сообщении, что кто-то ищет девушку для *джиджи-биджи*);

– разные виды событий (например, в постинге, где перечисляются медицинские исследования, названные эхоическими словами: *рентген-ментген, снимки-мимки, джиджи-биджи*),

BUPress

– относительно несущественной информации (например, в постинге, где сообщается об опубликовании в Интернете несущественной информации в сайте о Марсе *а ла джиджи-биджи*),

– о чем-нибудь несерьезном, нестоящем (например, об очередном музыкальном *джиджи-биджи* радио в перегруженном частотами эфире).

Употребление рассмотренных слов хорошо иллюстрирует их семантическую диффузность, а также семантическую диффузность звукосимволических слов вообще до их денатурализации.

Что касается образования рассмотренных болгарских слов, отметим, что в принципе возможно независимое происхождение и трех из них. Однако, имея в виду большое семантическое сходство между словами *джаджа* и *джиджафка/джуджафка/джаджафка*, можно предположить, что второе слово образовано от первого при помощи экспрессивного суффикса *-авка/-афка*, или что оно является результатом контаминации слова *джаджа* с другим словом, например, *джуфка* разг. ‘бант’. Следы контаминации можно усмотреть и в употреблении *джиджи-биджи* как названия сравнительно нового технологического предмета, устройства. Контаминация могла произойти со словом *джаджа* из-за формального сходства. Также и употребление *джаджа* и *джиджафка/джуджафка/джаджафка* относительно чего-либо хорошего может быть результатом влияния со стороны детских слов *джи́джи* ‘что-то хорошенькое’, *джи́джан* ‘хорошенький’ (цит. по [БЕР, I: 363]), которые, будучи детскими, тоже являются ономатопоэтическими, и в частности, образоподражательными словами.

Можно сделать и выводы относительно поведения рассмотренных слов с точки зрения грамматической. Хотя и являются новыми, эти слова не характеризуются грамматической аномальностью, изолированностью. Они полностью адаптированы к грамматической системе флективного языка. Называя предметы и опредмеченные события, они являются существительными, а их концовки – окончаниями женского рода. Об этом свидетельствуют случаи согласования с прилагательными (ср., например, *малка джаджа*). Таким образом, слово *джаджа*, которое образовано при помощи полной редупликации по модели CV-CV, выглядит образованным при помощи неполной редупликации по модели CV-C, так как его конечный гласный уже является окончанием. Как было отмечено выше (п. 1.4.5.1.), во флективных языках с развитой системой окончаний и суффиксов звукоизобразительные слова быстрее конвенциализируются именно из-за своей более быстрой адаптации к грамматической системе.

Поскольку в рассмотренных болгарских словах нельзя открыть словообразовательный материал болгарского языка, а и звуковая символика в них не осознается по причинам, указанным выше (см. п. 1.2.), их можно

было бы принять за заимствованные слова. Этому способствовало бы и наличие фонемы *дж*, которая характерна для заимствованных слов. Не следует забывать, однако, что заимствованное слово однозначно, оно не характеризуется семантической диффузностью, какая характерна для звукоизобразительных слов, еще не конвенциализованных.

С точки зрения методики этимологизации звукосимволических слов можно сделать следующие выводы. Они касаются возможностей, с которыми этимолог должен считаться:

(1) Наблюдаемая в рассмотренных словах семантическая и формальная вариативность может стать предпосылкой для расщепления этимологических гнезд слов. По всей вероятности, это произошло с многими звукосимволическими словами, которые в ходе своей эволюции превратились в обычные конвенциональные лексические единицы.

(2) Наблюдаемое контаминирование рассмотренных слов (между собой и с другими словами языка) свидетельствует о возможности слиянии этимологических гнезд образоподражательных слов, возникших независимо друг от друга.

(3) Не на последнем месте, данные слова, как слова с доказанным звукосимволическим происхождением на основании приложения формальных, семантических, словообразовательных и функциональных критериев, можно будет использовать в качестве типологических параллелей к конвенциональным словам, для которых тоже можно доказать образоподражательное происхождение, о чем, однако, свидетельствуют лишь оставшиеся следы.

3.2. Принципы отбора исследованного лексического материала

Исследованный нами славянский языковой материал извлечен из толковых, диалектных, этимологических, исторических словарей славянских языков. О нем нельзя утверждать, что исчерпывает всю славянскую лексику, для которой можно предположить звукосимволическое происхождение, но все же является довольно большим по количеству, охватывает все славянские языки, хотя и не в одинаковой мере. Причина – диалектное богатство разных славянских языков исследовано и систематизировано не в одинаковой степени полно, кроме того, не все диалектные словари и архивы в одинаковой мере доступны. А как было отмечено выше, звукоизобразительные слова более характерны для устной диалектной речи и только денатурализованные из них попадают в литературный язык, но уже в довольно замаскированном виде. Также и этимологические словари отдельных славянских языков имеют разный охват. Некоторые включают

BUPress

богатый диалектный материал (например, [БЕР, ЕСУМ], в известной мере и [ФАСМЕР, ЭССЯ, SKOK, BEZLAJ]), другие – в основном общеупотребительную лексику литературного языка. Все же, извлеченная база данных славянских слов, для которых можно предположить и доказать звукосимволическое происхождение, является достаточно большой, чтобы выводы сделанные на основании ее исследования, можно было экстраполировать на все славянские языки и диалекты.

Для выборки слова́ должны были отвечать двум основным требованиям:

(1) в структурном отношении содержать редуплицированные звуковые комплексы,

(2) выражать «незвуковые» значения.

Как было отмечено выше (см. пар 1.5.5.1. и 2.2.), редупликация является одним из самых ярких признаков звукоизобразительных слов в целом, и ее наличие в слове наводит на мысль о первовдании (ономатопее). Отметим, что это п е р в ы й ш а г для построения гипотезы о звукосимволическом происхождении слова. Эксцерпированные слова могут быть наследниками форм:

с полной редупликацией, типа: CV-CV или C̨R-C̨R/CVR-CVR[27],
или неполной (усеченной) редупликацией, типа: CV-C̨R/CV-CVR или C̨R-C-/CVR-C.

Наблюдаются также случаи, в которых можно говорить о древних формах, содержащих назальные сонанты – слоговые и неслоговые:

с полной редупликацией, типа C̨N-C̨N/CVN-CVN,
или неполной редупликацией, типа CV-C̨N/CV-CVN, C̨N-C/CVN-C

Таким образом, данные модели можно обобщить в следующие:

с полной редупликацией: CV-CV, C̨S-C̨S, CVS-CVS,
с неполной редупликацией: CV-C̨S, CV-CVS, C̨S-V, CVS-C.

Данные типы редупликации и их модели можно наблюдать также в звукоподражательных словах, что иллюстрирует их роль в ономатопее. Ср. следующие болгарские звукоподражательные глаголы, в которых можно наблюдать эти модели в довольно чистом виде, с минимальными диссимиляционными изменениями:

---

[27] Использованные символы имеют следующие значения: C – консонант, V – вокал, R – плавный сонант, R̨ – плавный слоговой сонант, N – назальный сонант, N̨ – назальный слоговой сонант, S – любой сонант, S̨ – любой слоговой сонант (см. подобную трактовку символов, в [SHEVELOV 1964: 81]).

BURSS

болг. *бър-бóр-я*[28] ‘болтать, говорить’, *бър-бóл-я* ‘то же’, *бъл-бóл-я* ‘(о воде) шуметь однообразно; говорить неясно; говорить мало, невнятно’ (цит. по [БЕР, I: 100, 98]), *бъ́-бр-я* ‘болтать, говорить’, *бъ́-бл-я* ‘говорить неясно, заикаться’ (цит. по [БЕР, I: 96]), *бър-б-у́кам* ‘(о воде в закрытом сосуде) издавать шум’, *бър-б-óстя* ‘болтать, говорить’ (цит. по [БЕР, I: 100]);

болг. *гъ́-гр-я* ‘говоря’ (цит. по [БЕР, I: 298]), *гър-гóр-я* (цит. по [БЕР, I: 303]), *гръ́-гр-я* ‘чирикать’ (цит. по [БЕР, I: 287]), *гъ́р-г-ам* ‘журчать (о воде)’ (цит. по [БЕР, I: 302]);

болг. *дър-дóр-я* ‘говорить много, болтать’, *дър-д-óсим* ‘говорить много, злословить’, *дъ́-др-я* ‘говорить много’ (цит. по [БЕР, I: 460, 454]);

болг. *кър-кóр-я* ‘(о кишках голодного человека) издавать звук’, *къ́р-к-ам* ‘то же’, *къ́-кр-я* ‘(о жидком блюде) кипеть, издавая тихий звук’ (цит. по [БЕР, III: 206, 203,187]);

болг. диал. *мъ́р-м-я* ‘(об овце) издавать шум’, *мър-мóр-я* ‘говорить невнятно; ругаться’, *мъ́-мр-я* ‘болтать, говорить; ругать’ (цит. по [БЕР, IV: 417, 416, 395]);

болг. *ку-кур-и́гу* меджом. для обозначения крика петуха, диал. *ки-кир-и́гу* то же (цит. по [БЕР, III: 108; II: 358]), диал. *кер-кил-и́гам* ‘кукарекать’, *кир-кил-е́гу* междом. для обозначения крика петуха (цит. по [БЕР, II: 338, 383]) и др.

С точки зрения типа редупликации, цитированные звукоподражательные слова можно группировать следующим образом:

формы с полной редупликацией типа CR̥-CR̥ / CVR-CVR: *гър-гóр-я, гръ́-гр-я, бър-бóр-я, бър-бóл-я, бъл-бóл-я, мър-мóр-я, кер-кил-и́гам, кир-кил-е́гу; дър-дóр-я, кър-кóр-я;*

формы с неполной (усеченной) редупликацией типа CV-CR̥ / CV-CVR: *гъ́-гр-я, бъ́-бр-я, бъ́-бл-я, мъ́-мр-я, ку-кур-и́гу, ки-кир-и́гу, дъ́-др-я, къ́-кр-я*;

формы с неполной (усеченной) редупликацией типа CR̥-C- / CVR-C: *гъ́р-г-ам, бър-б-у́кам, бър-б-óстя, мъ́р-м-я, дър-д-óсим, къ́р-к-ам.*

В извлеченных из словарей лексических единицах, о которых предполагаем звукосимволическое ономатопоэтическое происхождение, в определенных случаях редупликация не так очевидна из-за осуществленных закономерных и незакономерных фонетических изменений: контаминационных, диссимиляционных, а также в связи с эмотивностью лексем и

[28] В данных примерах и далее в работе усмотренные редуплицированные звуковые комплексы для большей ясности выделены дефисом.

BUPress

свойственными ей незакономерными фонетическими изменениями, что, как было отмечено выше, вполне естественно.

Контаминационные изменения возможны из-за фонетического и семантического сходства звукоизобразительных слов. Диссимиляционные изменения осуществляются, чтобы облегчить артикуляционный аппарат в произнесении повторяющихся звуков. Для повторяющихся консонантов возможна диссимиляция по всем признакам их артикуляции: твердости/мягкости, глухости/звонкости, по месту и способу образования. Отметим, что диссимиляция повторяющихся гласных в меньшей мере способствует затушевыванию редупликации.

Приведем некоторые примеры закономерных изменений, которые приводят к маскировке редупликации. Повторяющиеся консонанты, попадая в разное фонетическое окружение, подчиняются действию разных фонетических законов. Например, в словах, в которых редупликант содержит заднеязычный консонант, на месте повторяющегося консонанта можно наблюдать результаты первой, второй или третьей палатализации:

$$k-k \;>\; \begin{matrix} k-\check{c} \\ \check{c}-k \\ k-c \\ c-k \end{matrix} \qquad g-g \;>\; \begin{matrix} g-dž\ (ž) \\ dž\ (ž)-g \\ g-dz\ (z) \\ dz\ (z)-g \end{matrix} \qquad x-x \;>\; \begin{matrix} x-š \\ š-x \\ x-s \\ s-x \end{matrix}$$

(в зависимости от ареала)

В некоторых случаях подобного рода затушевывание редупликации в результате появления рефлексов первой, второй или третьей палатализации может быть вызвано палатализацией заднеязычных не по причине контакта с передними гласными или мягкими слоговыми, а вследствие нерегулярных изменений в связи с выражаемой лексемами экспрессивностью, эмотивностью и креативностью индивида, проявляемой относительно звукоизобразительных слов (см. пар 1.5.6.1. и 1.5.6.2.).

В словах, образованных еще в индоевропейскую эпоху, можно наблюдать маскировку редупликации в результате закономерных изменений по правилам сатем-языков палатальных заднеязычных *k'* и *g'*, явившихся в словах с редупликацией в результате диссимиляционных изменений по твердости/мягкости, а также по причине экспрессивности образоподражательных лексем:

$$k-k > k-k' \,/\, k'-k > k-s \,/\, s-k$$
$$g-g > g-g' \,/\, g'-g > g-z \,/\, z-g,$$

DUPress

где впоследствии могли произойти палатализационные изменения как веляров, так и спирантов, в результате которых редупликации с велярами *k* и *g* могли приобрести вид:

k – *š* / *š* – *k* / *č* – *š* / *š* – *č*
g – *ž* / *ž* – *g* / *ž* – *ž* / *ž* – *ž*.

Последнее изменение показывает возможность восстановления прозрачности редупликации.

Для плавных сонантов, как было уже отмечено, возможны диссимиляционные изменения в *n* и *j*, о которых пишет Мейе (см. п. 1.5.5.1.), а также экспрессивное изменение в *š* и *č*, констатированное Малкиелом (см. п. 1.5.2.3.). В некоторых случаях наблюдается также изменение *l* в *v* вследствие лабиализации.

Представленный перечень возможных фонетических изменений, которые приводят к маскировке редупликации, показывает, что они в большой степени прогнозируемы, что осуществленные изменения не мешают вскрытию редупликации в словах, где она имеется. Поэтому и редупликацию следует считать самым надежным критерием, первым шагом в распознавании звукоизобразительной природы слов, прошедших длинный путь развития, превратившихся в обычные конвенциональные обозначения. Конечно, как было уже сказано, следы и других признаков звукозобразительности тоже должны учитываться, чтобы подкрепить или отвергнуть сформулированные гипотезы.

DUPress

4. Классификация

Извлеченные из словарей лексические единицы, для которых предполагаем звукосимволическое происхождение на основании редупликации и выражения «незвуковых» значений, распределяем в группы в зависимости от обозначаемой конкретной реалии внеязыковой действительности (предмета, действия, признака) и на основании предварительных гипотез об изображаемых этимонами слов первоначальных звукосимволических образов. Под звукосимволическим образом понимаем не любой незвуковой образ, а такой образ, представление о котором может быть создано фонетическими средствами языка при посредстве синестезии. Такая возможность доказывается конкретным лексическим материалом.

Представленную ниже классификацию следует считать в известной степени условной. В принципе, лексическая семантика трудно поддается классификации, тем более семантика, развившаяся на базе диффузных звукосимволических образов (см. п. 1.5.2.1.). Имеются лексические единицы, которые могут быть отнесены к разным группам. В некоторых случаях можно думать о контаминации разных звукосимволических образов в одном слове. Классифицируя исследованную лексику указанным способом, мы хотим показать не то, что каждое слово имеет строго определенное место в семантическом пространстве звукоизображения, а только выявить существующий формально-семантический параллелизм, который считаем самым мощным доказательством звукосимволической природы слов. Попавшие в одну и ту же группу, а также подгруппу, слова с редупликацией друг для друга являются типологическими параллелями как ономатопоэтические звукосимволические обозначения. Это второй шаг в построении гипотезы о звукосимволическом происхождении слов. Наблюдаемый формально-семантический параллелизм, особенно если характерен для немалого количества слов, свидетельствует о его неслучайности, о прямой связи между звуковой формой и «незвуковым» значением лексических единиц. Конечно, не следовало бы исключать возможности, что среди извлеченных из словарей слов могли оказаться такие, для которых редупликация звукового комплекса могла быть мнимой, быть результатом повторения части корня префиксом или суффиксом. Поэтому, для доказывания звукосимволического происхождения каждого отдельного слова необходимо проверить такую возможность. Если все-таки в слове можно усмотреть какой-либо префикс или суффикс, то он должен выра-

жать (или должен был выражать при создании слова) определенное значение, которое следует выявить.

В некоторых случаях приводим примеры из других индоевропейских языков, которые можно считать типологическими параллелями, а иногда и диахронически тождественными соответствиями цитированной славянской лексики. Немалая часть из них являются литовскими. Из-за архаичности языка, связанной с отсутствием в нем генеральных фонетических изменений (Ср. с тенденциями к восходящей звучности и слоговому сингармонизму, которые привели в славянских языках к значительным фонетическим изменениям), редупликация в литовских словах в меньшей мере подверглась маскировке и поэтому более очевидна.

Отметим, что многие из цитированных славянских слов не попали в этимологические словари. А для того, чтобы иллюстрировать, какого типа объяснения получили слова, которые отражены в этимологических словарях, в сносках под линией цитируем некоторые из них. Полный анализ существующих этимологических объяснений и истории слов целесообразен в отдельных исследованиях, посвященных каждому конкретному слову, как это сделано в данной работе относительно славянских названий муравьев, восходящих к псл. **morv-*, болг. *кокал* 'кость', русск. *хороший*, польск. *gogółka* 'недозрелый плод на дереве' (см. п. 6.). Иначе, полный перечень этимологических исследований одновременно с подачей каждого отдельного слова означал бы одновременную работу над многими частными исследованиями, и, таким образом, в многочисленных комментариях потерялась бы наглядность формально-семантического параллелизма, доказывающего наличие примарной связи между звуковой формой и незвуковым значением слов. Как было уже сказано во введении, до сих пор такая связь очень редко усматривалась, обычно ее считали невозможной. На основании цитированных этимологических источников постараемся показать типы трактовок, которые данные слова получили в этимологических исследованиях и, прежде всего, в этимологических словарях. Таким образом, можно увидеть, следующее:

(1) Многие из лексических единиц в словарях представлены как «темные», «неясные», «трудные» слова.

(2) Для некоторых сделана только формальная реконструкция и/или указаны соответствия в родственных языках, без объяснения типа мотивированности и без реконструкции мотивирующего семантического признака и первоначального значения (это самый частотный случай!), что связано с игнорированием семантической реконструкции во многих этимологических словарях (более подробно см. [Колева-Златева 1998а: 9]).

(3) А если и есть какая-либо семантическая реконструкция, то чаще всего отсутствуют типологические параллели, которые бы доказывали ее вероятность.

(4) Поскольку в словах не усмотрена редупликация, в них нередко выделены аффиксы, чье значение осталось необъясненным, либо указано странным, неясным.

(5) Из-за формального совпадения со звукоподражаниями, некоторые из цитированных слов отнесены к этимологическим гнездам звукоподражательных слов, несмотря на то, что выражаемые ими «незвуковые» значения трудно объяснить как производные от них. Это связано со свойственным многим словарям неразграничением звукоподражательных и звукосимволических слов. Кроме того, как было уже сказано, во многих случаях не становится ясным, что в определенном словаре имеется в виду под звукоподражанием, ономатопеей, экспрессивностью, аффективностью и т.д.

(6) Неучет возможности независимого происхождения звукосимволических слов с тождественной формой, приводит иногда к отнесению к одному и тому же этимологическому гнезду формально тождественных слов, связь между значениями которых нельзя доказать семантическими параллелями.

(7) Неучет возможности формальной вариативности, свойственной звукосимволическим словам и не свойственной обычным словам, приводит к отнесению тождественных семантически слов с близкой формой, которую нельзя объяснить фонетическими законами, к разным этимологическим гнездам.

(8) Неучет формальной вариативности звукосимволических слов приводит также к гипотезам о контаминации разных слов, без поиска оснований для ее осуществления.

(9) Для немалого количества слов указано, что являются заимствованиями из других языков, несмотря на то, что имеются и лингвистические, и экстралингвистические данные, которые противоречат таким гипотезам.

В связи с последним отметим, что стремление этимологов объяснить слова, которые нельзя возвести к другим словам данного языка, как иноязычные заимствования, даже если для этого имеются определенные трудности, можно связать с беспрекословным следованием постулату Соссюра об арбитрарности языкового знака. Как заявляет Соссюр, «этимология – это в первую очередь объяснение того или другого слова при помощи установления его отношения к другим словам. Объяснить – значит свести к элементам уже известным, а в лингвистике объяснить слово – значит свести его к другим словам, ибо необходимого отношения между звучанием и смыслом не существует (принцип произвольности знака)» [1977: 224]. Это означает не что иное, как полное игнорирование возможности фонетической мотивированности.

4.1. Названия маленьких (шарообразных) предметов

Редупликацию звуковых комплексов, содержащих сонанты, по указанным выше моделям можно усмотреть в довольно большом количестве славянских названий маленьких шарообразных предметов: шишек, наростов на дереве, початков кукурузы, почек растений, их плодов (в том числе картофеля, фасоли, слив), ягод, маленьких цветочков, волдырей, отеков, пузырей, экскрементов овец, коз, игральных шариков, камешков, комочков и других маленьких предметов, обычно незначительных. Для каждого из этих слов можно сформулировать гипотезу о происхождении от звукосимволического этимона с первоначальным значением 'маленький предмет овальной формы'.

4.1.1. Общие названия шариков, комочков, шарообразных предметов

К этой группе относим слова с более общим предметным или признаковым значением соответственно 'шарик, шарообразный предмет' и 'шарообразный'. Они характеризуются (или характеризовались в прошлом, поскольку многие из них являются устаревшими или свойственными древним славянским языкам) широким употреблением, отсутствием жесткого ограничения сферы денотации. Ср.:

сербохорв. *бо́-б-а* 'что-либо маленькое, округлое' [RJA, I: 463], *бо-б-а* 'все круглое вообще'[29] [РСА, I: 667], укр. *бі-б-ка* 'шарик маленький'[30] [Гринченко, I: 59];

---

[29] ЭССЯ возводит данное сербохорв. слово с довольно общим значением к праславянскому этимону **boba*, к которому возводит названия и конкретных маленьких шарообразных предметов: рачьей икры, виноградинки, клубня (картофеля), бородавки, камешка и т.д., что вполне основательно, но также и термины родства, как русск. диал. *бóба* 'крестная мать', 'крестный отец', и другие детские слова, как русск. диал. *бóба* 'детская игрушка', 'детская сорочка, рубашка' [II: 142]. Этот факт свидетельствует о неразличении разновидностей ономатопеи. Далее, в словарной статье к псл. **bobъ*, к которому возведены названия бобов, картофеля, рачьей икры, овечьего помета, изделий из теста и др., ЭССЯ отмечает, что данное праславянское образование, представляющее собой «ономатопоэтическую редупликацию», «связано с полисемантической основой звукоподражательного происхождения», представленной в словаре «в виде продолжений **boba*, **baba*, из значений которых… целесообразно обратить внимание на такое как 'нечто круглое'» [II: 148–149]. Из данного объяснения не становится ясно, как от «звукового» значения звукоподражательного этимона развито «незвуковое» значение 'нечто круглое'. У Скока значение слова 'что-либо маленькое, округлое' представлено как результат метафорического переноса названия растения *bob*, являющегося наследником древней ономатопеи с редупликацией: и.-е. **bhabh-ā* [Skok, I; 176–177].

[30] Данное в [ЕСУМ, I: 189] объяснение этимологии слова сводится к (1) определению его этимологического гнезда, включающего названия конкретных маленьких шарообраз-

чешск. *bam-bul-e*, *bam-bul-a*, dem. *bam-bul-ka* ‘что-либо круглое’, словацк. *bam-bol-ec*, *bom-bol-ec*, *brm-bol-ec* ‘то же’, укр. диал. *бом-буль-ка* ‘маленький шарообразный предмет’ (цит. по [Machek 1971: 44])[31], болг. диал. *бум-бал-éс* ‘шарообразный’ [Илчев 1962: 187], н.-луж. *bom-bol-ickaty* ‘шишковатый, узловатый’ [Muka, I: 62, 63];

укр. диал. *балá-бух*, *балá-бух-а*, *балá-буш-ка*, *балá-буш-ок* ‘ком, комок’ (цит. по [ЕСУМ, I: 122])[32] – формы с *ш* на месте *л* в связи экспрессивностью слова и с *х* на месте *ш* в результате редеривации;

болг. диал. *вър-гул-áт* ‘овальный, шарообразный’ (цит. по [БЕР, I: 210])[33] – форма слова с диссимиляционным изменением редуплицированного консонанта по месту и способу артикуляции *г – г > в – г*;

русск. диал. *га-гáр-ышки* ‘какие-либо шарики небольшого размера’ [СРНГ, VI: 89];

польск. *gru-zł-owaty* ‘шарообразный’, *gru-zeł*, диал. *gru-zel* ‘комок’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 924], н.-луж. *gru-zł-a*, *gru-zl-a*, *gru-zdl-a*, в.-луж. *hru-zl* ‘ком, глыба’ (цит. по [Bańkowski 2000, I: 489])[34];

ных предметов, как клевер, плоды бобовых растений, можжевельника и др., и (2) реконструкции форм праславянского и индоевропейского этимонов, соответственно **bobъ* и **bhăbhā*. Отсутствует словообразовательный анализ и семантическая реконструкция.

[31] Махек относит цитированные слова к этимологическому гнезду чешск. *boubel*, *bublina*, ст.-чешск. *bublénka*, диал. *budlinka* ‘пузырь’, словацк. *bublina*, польск. *bąbel*, сербохорв. *bubuljica*, лит. *burbulas* ‘то же’ и др., предполагая для всех слов происхождение от этимона с удвоенным корнем типа *bhu-l-* и диссимиляцию *l – l > n(m) – l* или *l – l > r – l* [Machek 1971: 44, 74]. Отсутствует объяснение типа мотивированности и реконструкция мотивирующего семантического признака. Отметим, что редупликацию в псл. **bąbъlь*, **bąbul'a* усмотрел еще раньше Отрембский: **bon-bul-*, **bun-bul-*, с меной *n:l* (цит. по [ЭССЯ, II: 232], где сказано, что едва ли это правильно, но не приведены никакие аргументы против такой гипотезы, а также в защиту утверждаемого мнения об образовании слов «от основы **bąb-* с помощью суффиксального элемента *-l-* (в различных вариантах огласовки)»).

[32] В [ЕСУМ, I: 122] данные слова указаны как не совсем ясные. Для них допущено экспрессивное образование, наличие компонента *бала-*, обозначающего ‘что-нибудь круглое’, однако не объяснена остающаяся часть слова. Как уже было сказано, квалификация способа образования слова термином «экспрессивный» ничего не дает для его разъяснения. В [ЭССЯ, III: 116–117] данное название комочка отнесено к одному и тому же этимологическому гнезду вместе с формально тождественными названиями водяного пузыря, опухоли, шишки, булочки, что вполне естественно, но также и внутренностей, неуклюжего и неловкого человека, что не получило аргументации. Согласно словарю, слово образовано от звукоподражательной основы, которую можно открыть и в наследниках **bъlbъ*, при помощи суфф. *-ux/-ax*.

[33] Данное слово в [БЕР, I: 209–210] отнесено к этимологическому гнезду болг. диал. *вúрга* ‘опухоль от удара, на голове или теле; шарообразный наконечник на палке’, *вургýли* ‘очень прочные синие камни’, *вургýла* ‘нарост на дереве’, *вúрдзýлка* ‘нарост на стволе ореха’, *вúрголю* ‘делаю что-то, работаю’ и др., которые возведены к и.-е. **wer-gh-* ‘вертеть’. Словарь не объясняет происхождение элемента *-ул-* в цитированных словах.

русск. диал. *гу-ж-ёнчик* (*гу-жён-чик*)[35] ‘колобок’ [СРНГ, VII: 204];

русск. диал. *клё-ц* ‘комок’[36] [СРНГ, XIII: 290];

н.-луж. *kul-k-a* ‘шарик’, *kul-k-aty* ‘с комочками, с шариками; в комочках, в шариках’, *kul-k-owaty* ‘шаровидный’ [Muka, I: 740];

русск. диал. *ко-ку́р-а* ‘колоб, колобок’ [СРНГ, XIV: 104];

болг. *пу́-пол-ец* ‘шарообразный предмет’, *пу-пу́л-чя* ‘шарик’[37] [Геров, IV: 398], русск. диал. *пу-на́в-ка* ‘шишечка, небольшая выпуклость’ [СРНГ, XXX: 127] – вторая форма с *в* на месте *л*;

болг. *ши́-ш-ка* ‘шарик’ [Геров, V: 583], русск. *ши-ш-ка* ‘всякого рода отдельная или сросшаяся с чем-нибудь гулька, волдырь, нарост, пухляк, желвак’[38] [Даль 1955, IV: 636–637].

---

[34] В цитированном словаре происхождение слов отмечено как неясное, выражено предположение о связи с *gryźć*, но без аргументации словообразования и семантического развития.

[35] В некоторых случаях, ввиду возможного наличия суффикса в слове, приводим варианты членения с точки зрения редупликации.

[36] В [Фасмер, II: 249] рассмотрено русск. *клецка*, которое объяснено как заимствование от ср.-в.-нем *klôz*, нов.-в.-нем. *Kloß* ‘ком, клецка’ через посредство польского *klosek*. При этом не учтены экстралингвистические факты: наличие слова *клёц* ‘комок’ в русских диалектах, а также других русских формально близких названий комочков, как *клыч* ‘засохший ком земли’ (см. п. 4.1.3.3.), *клок* ‘вырванная или отделенная от чего-либо часть, пучок (клок сена, соломы, шерсти)’ (см. п. 4.4.), а также славянских: чешск. *klk* ‘сгусток, комочек, клочок’, диал. *kluk*, *klouček*, *kłok*, *kloček* ‘то же’ (см. п. 4.1.3.2.), словен. *kólke* ‘отходы, очески льна, конопли’, сербохорв. *kûk* ‘отходы, очески льна, конопли’ и др. (см. п. 4.6.2.). Факты варьирования формы вместе с примитивностью значения тоже противоречат гипотезе о заимствовании.

[37] В [БЕР, V: 856] данные слова представлены как производные от болг. *пуп* ‘живот; пуп’. Без объяснения осталась часть слова *-ол-/-ул-*.

[38] Данное слово представлено во всех славянских языках, обычно с более конкретными значениями ‘плод хвойного дерева’ и ‘чернильный орешек’. Не имеет общепринятой этимологии и надежных параллелей в балтийских и других и.-е. языках (см. эту констатацию в [Skok, III: 396]). В словаре Фасмера отмечено, что значения слова делают невероятным его заимствование [IV: 445]. Существующие попытки объяснить происхождение слова не подкреплены типологическими данными. Например, Брюкнер предполагает связь с этимологическим гнездом польск. *szyja* и не приводит доказательств [Brückner 1957: 562]. Махек реконструирует псл. **šišьka* и усматривает в слове «интенсивную редупликацию», но не для образования ономатопоэтического слова. Таким образом, в поисках подходящего корня автор доходит до лит. *skuja* ‘иголка хвойного дерева; плод хвойного дерева’, с которым предполагает связь через осуществившуюся метатезу: $k - j > j - k$, в результате которой получено **šьka* (от * *šjuka*) [Machek 1971: 609–610] – гипотеза, связанная с фонетическими трудностями и без типологических параллелей. Автор объясняет рудупликацию фонетическими причинами: маленьким объемом слова вследствие выпадения слабого сверхкраткого гласного. По-другому см. [Bezlaj, IV: 49], где высказано предположение об образовании слова от nomina actionis к псл. **s'iti* ‘шить’, но тоже без типологических параллелей.

В качестве соответствий или типологических параллелей ср. с: лит. диал. *bur-bul-as* ‘шарик, кусок’, *bam-bol-ikas* ‘предмет овальной формы, колобок’, *kar-kól-as* ‘шарик; колобок’ [LKŽ], рум. *go-gol-oi* ‘маленький шарообразный предмет’, *go-gon* ‘маленький шарообразный предмет’ (цит. по [DEX 1998: 428], где этимология слов указывается как неясная), алб. *go-gël* ‘шарик’, лит. *kun-kól-as* ‘клуб; ком’, лтш. *kuñ-kul-is* ‘ком; комок’ (цит. по [Топоров 1975–1990, IV: 250–251), др.-гр. *γο-γγύλ-ον* ‘округлость’, γο-γγύλ-ος ‘шарообразный’ [Дворецкий 1958, 1: 329].

4.1.2. Названия почек, плодов, семян, цветков растений

Это довольно большая группа. Включает все, что растение рожает и имеет овальную, шарообразную форму, обычно характеризуется небольшим размером.

4.1.2.1. Названия шишек на растении

В эту группу входят названия шишек на растении, среди которых преобладают плоды хвойного дерева. Сюда включены и названия самих растений, которые рожают шишки, так как нередко метонимическим способом название фокального плода переносится на само растение. Ср.:

укр. *бі́-б-ки* ‘плоды можжевельника’ (цит. по [ЕСУМ, I: 189]; о представленном в словаре объяснении слова см. сноску 30;

сербохорв. *bu-br-eg, bu-br-ek* ‘strobilus, шишка можжевеловая’[39] [RJA, I: 701, 702];

болг. *брь-бой-ка* ‘плод можжевельника’ [Геров, I: 75], *брь-бо́н-ка* ‘плод можжевельника’ [Геров, I: 75–76], диал. *кацаркова бара-бо́н-ка* ‘плод можжевельника’ (*кацарка* ‘можжевельник’)[40] (цит. по [БЕР, II: 286]),

болг. диал. *ба-бу́ш-ка* ‘вид хвойного растения’ [Геров, I: 19] (возможно, название плодов дерева перешло на само дерево; ср. с цитированным в п. 4.1.2.2. сербохорв. *ba-buš-ka* ‘galla’);

укр. диал. *бу́р-б-а*, *бу́ру-б-а*, *буру́-баш-ки* (*буру́-б-ашки*) ‘круглые шишки на растении’ (цит. по [ЕСУМ, I: 298])[41];

---

[39] Как названия шишки, данные слова не рассматриваются в словаре Скока [Skok] .

[40] Данное название плода можжевельника цитировано в словарной статье слова *кацарка* как элемент составного названия. Его этимология отдельно не рассматривается в словаре.

[41] Согласно [ЕСУМ, I: 298], данное слово является результатом контаминации слов *бурулька* и *бульба, бульбашка.*

BUPress

болг. диал. *бу́-кал-ка* ‘плод хвойного дерева’ (цит. по [БЕР, III: 110], где слово представлено лишь как типологическая параллель к слову *кукуруз*, чтобы иллюстрировать выражение значений ‘кукуруз’ и ‘шишка хвойного дерева’ одной и той же языковой формой; специальной словарной статьи, посвященной его этимологии, не имеется) – форма с диссимиляцией редуплицированного консонанта по глухости/звонкости и по месту артикуляции: *b–b* > *b–k* или *k–k* > *b–k*;

ст.-польск. *gru-czoł pinelowy* ‘шишка хвойного дерева’[42] [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 920] – форма слова с диссимиляцией консонантов по глухости/звонкости: *g – g* > *g – k* или *k – k* > *g – k* и последовавшим палатализационным изменением *k* > *č*;

чешск. диал. *gá-goš* ‘шишка хвойного дерева’ (цит. по [MACHEK 1971: 148])[43] – вероятно, с *š* от *l*;

русск. диал. *гу́ль-к-а* ‘шишка хвойного дерева’ [СРНГ, VII: 219] – форма с диссимиляцией консонантов по глухости/звонкости: *g–g* > *g–k* или *k–k* > *g–k*; ср. с цитированным ниже русск. диал. *гу́ль-к-а* ‘ромашка’ *гу́ль-г-а* ‘шишка (на лбу, на голове от удара)’, *гу́ль-к-а* ‘шишка, волдырь, опухоль’;

болг. диал. *кар-кал-е́га* ‘плод хвойного дерева’ (цит. по [БЕР, II: 248])[44];

---

[42] Как название еловой шишки данное слово не рассмотрено в польских этимологических словарях. Любопытно отметить, что, рассматривая его как название опухоли, железы, Борыш отмечает, что развитие слогового *r* в *ru* характерно для звукоподражательных и экспрессивных слов (как *mruczeć, mrugać*), каким данное слово не является [BORYŚ 2005: 182]. В словаре Баньковского цитированы и другие значения слова, а именно: ‘нарыв’, ‘комочки, которые иногда образуются в молоке в грудях у матерей’. О них отмечено, что являются неясными [BAŃKOWSKI 2000, I: 487].

[43] Махек относит данное слово к одному и тому же этимологическому гнезду вместе с другими названиями маленьких шарообразных предметов с подобной формой: чешск. диал. *gagalk*a ‘недоразвитый плод груши’, *gagal(k)a, zagagal-ka* ‘маленький, неспелый, кисловатый плод’, *gangal*, *galgan*, *gágor*, болг. диал. *гага́лка* ‘комок грязи под хвостом у овцы’ и др. Автор возводит их к этимону с редупликацией **gal-gal-*, с последовавшими фонетическими изменениями: диссимиляция *n – l* < *l – l*, метатеза, изменение концовки в (в *gágor*), выпадение первого сонанта *l*, а редупликант определяет как корень, который содержится и в *hálka* ‘опухоль’, с экспрессивным изменением *h* в *g* [MACHEK 1971: 148]. Два вопроса возникают в связи с такой гипотезой: (1) почему все формы необходимо возводить к одному и тому же этимону и допускать множество последовавших фонетических изменений, и (2) что произошло с множественностью, которая должна была бы выражаться при редупликации корня с предметным значением; см. п. 1.5.5.1.

[44] В [БЕР, II: 247, 248] данное слово отнесено к одному и тому же этимологическому гнезду вместе с *каркалашка* ‘экскременты овцы или козы; плод оливкового дерева’, *каркаля́шка* ‘комок хлеба’, для которых предположено образование от незасвидетельствованного глагола **къркам* ‘(о животном) издавать характерный шум при опорожнении’ – гипотеза, которая связана также и с трудностью объяснения семантического развития от ‘экскременты’ до ‘плод оливкового дерева’, ‘плод еловой шишки’ и ‘комок хлеба’. Эта гипотеза иллюстрирует типичное для этимологов стремление свести ономатопоэтические слова к звукоподражательным этимонам, даже если для этого имеются семантические трудности.

болг. диал. *ка-кал-я́шка* ‘плод хвойного дерева’ (цит. по [БЕР, II: 150])[45];

болг. диал. *ко-кор-а́да* ‘то же’, *ко-кор-я́га* ‘плод хвойного дерева’, *ку-кур-а́ди* ‘плоды одного вида соснового дерева’, *ку-кур-е́жка,* обычно мн. *ку-кур-е́жки* ‘плоды одного вида соснового дерева’ (цит. по [БЕР, II: 538, 539; III: 106])[46];

укр. *ку-кур-у́за*, диал. *ку-кур-узи*, *ко-кор-удзки, ку-кур-у́дз* ‘плоды хвойного дерева’ (цит. по [ЕСУМ, III: 131])[47], *ку-кур-у́да* ‘то же’ [Гринченко, II: 322];

русск. диал. *ку́р-к-и* ‘сосновые и еловые шишки’ [СРНГ, 16: 131][48];

болг. *кле-к* ‘дерево Pinus montana’, *кле-к-а* ‘можжевельник Juniperus communis L.’ (цит. по [ЭССЯ, IX: 192]), сербохорв. *кле-к* ‘вид можжевельника, Juniperus nana’[49] [РСА, IX: 565] (не исключена возможность, чтобы данные названия первоначально обозначали плоды растений);

сербохорв. *пу́-пу́љ-ица* ‘плод можжевельника, bacca Juniperi’ [Караџић 1898: 639];

болг. диал. *ши́-кал-ка* ‘плод хвойного растения’ [Стойчев 1965: 305], болг. *ши́-кал-ка* ‘сосновая шишка’, *ши́-кл-а* ‘сосновая шишка’ [Геров, V: 580] – возможно, с диссимиляционным изменением по консонантов твердости/мягкости $k – k > k’ – k$, осуществившемся еще в предпраславянскую эпоху, которое впоследствии дало $š – k$, см. п. 3.2.;

болг. диал. *шу-шу́л-къ* ‘шишка соснового дерева’ [Ковачев 1970: 51];

---

[45] Согласно [БЕР, II: 150], слово образовано от болг. *кокал* ‘кость’ с суфф. *-аш-ка* при осуществлении уподобления *о – а > а – а*. К данному этимологическому гнезду отнесены и формально близкие названия початка кукурузы, еловой шишки, чернильного орешка, куска мяса, огрызка яблока и др.

[46] Для данных слов в цитированном словаре представлены довольно противоречивые гипотезы. Для *кокора́да* предположено происхождение от метатезированной формы слова *кокода́ра* ‘булавка с цветным шариком’ [БЕР, II: 538], и в то же время слово отнесено и к этимологическому гнезду слова *кукура́да*, для которого указано, че является производным от *кокора́да* [БЕР, III: 106]; для *кокоря́га* предположено образование от *ко́кор* ‘раст. Adonis; дикий мак, Papaver rhoeas; Helleborus ododrus’ или от *кокора́да* [БЕР, II: 539]; для *кукуре́жка* – от незасвидетельствованного **кокора* ‘кудря’, образование которого не объяснено [БЕР, III: 106].

[47] В [ЕСУМ, III: 131] указано, что этимология слова «не совсем ясная», что оно может быть славянского происхождения, от корня в **kokor-*, ** kukur-* ‘что-то растопыренное’ (со ссылкой на [Sławski, II: 336; III: 337–338]).

[48] В [Топоров 1975–1990, IV: 316] слово отнесено к «откровенно звукоизобразительным типам», но не приведены доказательства для такой гипотезы.

[49] Данное слово можно было бы отнести к названиям, представленным в п. 4.7. или 4.9.1., поскольку ветки растения кривые, свисают к земле. Основания для отнесения слова к группе названий шарообразных предметов дает сопоставление с формально и семантически близкими: сербохорв. *клекиња* (*клекиња*) ‘брусника’, словен. *kleka* ‘нарост на дереве’. В ЭССЯ данные болг. и сербохорв. названия хвойных растений отнесены и к этимологическому гнезду, восходящему к псл. **klekъ*, и к **klęka*/**klękъ* [ЭССЯ, IX: 192–193; X: 31–32].

болг. *ши-ша́р-ка* ‘плод хвойного растения’, сербохорв. *ши-ша̀р-ица* [СБР: 591], *še-šàr-ica, še-šàr-ka* ‘шишка хвойного растения’ (цит. по [Skok, III: 396])[50];

словен. *šî-š-ka*, укр. *ши́-ш-ка*, чешск. *ši-š-ka*, словацк. *ši-š-ka*, н.-луж. *šy-š-ka*, в.-луж. *ši-š-ka*, польск. *szy-sz-a* ‘плод хвойного растения’, русск. *ши́-ш-ка* (цит. по [Фасмер, IV: 445]), диал. *ши-ш-о́к* ‘хвойная шишка’ [ССРНГ: 605], болг. *ши́-ш-ка* ‘шишка’ [Геров, V: 583] (см. сноску 38).

Ср. с: др.-гр. *κό-κκαλ-ος* ‘еловая шишка’ (цит. по [Frisk, I: 895], где этимология слова представлена как неясная), лит. *bur-buol-ė, gur-g-ùtis, kan-kór-ežis, kìr-k-užė, kur-k-užė* ‘шишка’ [LKŽ].

4.1.2.2. Названия маленьких твердых шарообразных плодов растения и образований на нем

Сюда относим названия чернильного орешка, желудя, которые иногда совпадают, и плода орешника:

сербохорв. *bù-b-ač* ‘galla’ [RJA, I: 698];

сербохорв. *бо-бор-ошка* ‘округлое образование на листе, которое создает ларва лесного насекомого (Cynips, Diplolepis)’[51] [PCA, I: 670];

сербохорв. *ba-bùr-a, ba-bùr-ica* ‘galla’ [RJA, I: 136];

укр. *ба́-буш-ка* ‘круглый нарост на листе, шишка’ (цит. по [ЕСУМ, I: 102]), сербохорв. *bà-buš-ka* ‘galla’[52] [RJA, I: 137];

ст.-чешск. *bu-bl-énka, bu-bl-anka* ‘galla, орешек (дубовый)’ [Gebauer, I: 112] (см. сноску 31);

болг. *брь-бо́н-ка* ‘маленький твердый плод дерева или куста в форме зерна’ [Геров, I: 75–76];

болг. диал. *дю-дюл-ка* ‘желудь’ (цит. по [БЕР, I: 443])[53];

---

[50] В словаре Скока данное слово отнесено к этимологическому гнезду слова *šiška* ‘galla’. О словообразовании сказано, что «на месте деминутивного суффикса *-ьka* стоит *-arka* = *-arica*» [Skok, III: 396]. Значение суффикса не объяснено.

[51] У Скока данное слово только упомянуто в словарной статье к *boboluska* ‘растение Lathyrus latifolius L. с замечанием о сходстве между словами [Skok, I: 177].

[52] В [ЕСУМ, I: 102–103] укр. диал. *ба́бушка* ‘круглый нарост на листе, шишка’, вместе такими названиями, как *бабки́* ‘вид слив (округлых)’, *ба́ба* ‘фасоль; сорт крупных груш; круглый комок глины’, *бабу́р* ‘головастик’, *бабу́ля* ‘пузырь’ и др., возведены к псл. **bab-* ‘надуваться, набухать, быть шарообразным’, образование которого не объяснено. Не объяснено и словообразование современных славянских слов. Скок относит сербохорв. *bàbuška* ‘galla’ к этимологическому гнезду *baba* ‘старая женщина; жена дедушки’, точнее к метафорическим употреблениям последнего; аргументация такой связи отсутствует [Skok, I: 82–83].

болг. диал. *кра-кал-е́шка* ‘чернильный орешек’ (цит. по [БЕР, II: 712], где слово представлено как образованное в результате метатезы от *каркале́га*, *каркала́шка*, *каркаля́шка*);

болг. *ка-кал-я́шка* ‘чернильный орешек’ (цит. по [БЕР, II: 150]; см. сноску 45);

болг. диал. *чи-ч-ка́* ‘плод орешника’ [Вакарелска-Чобанска 2005: 385];

словен. *šî-š-ka* ‘galla, болезнетворное образование на растениях, вызванное насекомыми’, часто ‘желудь’, *čî-š-ka*, *čî-č-ka* ‘то же’ (цит. по [Bezlaj, IV; 49], где последние две формы представлены как результат диссимиляционных изменений исходной формы *šîška*);

болг. *ши́-кал-ка* ‘чернильный орешек’ [Геров, V: 580], *ши́-кл-а* ‘желудь’ [Геров, V: 580], *ши́-кл-а* ‘чернильный орешек’ [Шклифов 1977: 326];

сербохорв. *ши-ша̀р-ица* ‘желудь’ [СБР: 591], *ше-ша̀р-ица*, *ши-ша̀р-ица*, *шѐ-ша̂р-ка*, *шѝ-ша̂р-ка*, *ши-ш-ка* ‘galla’ [Караџић 1898: 869] (см. сноски 38 и 50).

4.1.2.3. Названия початка кукурузы

Ср. такие названия, как:

болг. диал. *бо́-бул-и* ‘кукуруза’ (цит. по [БЕР, I: 60])[54];

---

[53] [БЕР, I: 443] предполагает общее происхождение для *дюдюлка* ‘желудь’, *ду́дул* ‘початок кукурузы без зерен’, *ду́дули* ‘плоды тутового дерева’, считая их производными от *дуд* ‘тутовое дерево; плод тутового дерева’ при помощи суффикса *-ул*, и в словообразовательном отношении приводит болг. *рогул*, *кривул* – слова, которые не иллюстрируют одно и то же словообразовательное значение суффикса.

[54] В [БЕР, I: 60] данное слово представлено как образованное от болг. *боб* ‘фасоль, Phaseolus vulgaris; черные бобы, Vicia faba’ при помощи суффикса *-ул*, и в качестве типологических параллелей приведены: *рогул*, *кривул*, *ду́дули* ‘кукуруза’ – слово тоже с редупликацией. Не усмотрев ее, словарь приводит неубедительную гипотезу об его происхождении от названия тутовой ягоды *дуд* (см. сноску 53). ЭССЯ [II: 147] относит данное название кукурузы вместе с другими созвучными славянскими названиями ягод, плодов картофеля, камешков, овечьего помета к одному и тому же этимологическому гнезду с варьирующим этимоном **bobulь/*bobul'a/*bobъl'a*, который считает «суффиксальным производным от древнего экспрессивного звукокомплекса с редупликацией согласных, представленного в **boba*, **bobъ*». Как уже было сказано выше, характеристика этимона как экспрессивного не конкретизирует тип мотивированности, а следовательно и его образование, так как экспрессивность можно постичь и фонетической, и семантической, и морфологической мотивированностью. Славски реконструирует для псл. этимона **bobul'a* первоначальное значение ‘что-либо круглое, главным образом ягода, bacca’ и тоже считает его производным от **bobъ* при помощи экспрессивного суффикса *-ul'a*, при помощи которого в данном случае образуется deminutiva или hipocoristica [SP, I; 291, 110].

болг. диал. *бá-бар-ка* ‘недоразвитый початок кукурузы’ [Хитов 1979: 225];

болг. диал. *бý-кал-ка* ‘кукуруза’ (цит. по [БЕР, III: 110])[55] – с диссимиляцией по глухости/звонкости и по месту артикуляции: *b–b* > *b–k* или *k–k* > *b–k*;

болг. *гу-гýл-и* ‘растение и плод Zea mays’ [Геров, I: 259];

болг. диал. *гý-джал* ‘початок кукурузы без листьев, но с зернами’ (цит. по [БЕР, I: 292])[56] – возможно, с диссимиляционным изменением по твердости/мягкости, с последовавшей палатализацией с результатом первой палатализации: *g – g* > *g – g’* > *g – dž’* или современное экспрессивное изменение *г* > *дж*;

болг. диал. *дý-дул* ‘кукурузный початок с зернами’, *ду-дýл-ец* ‘кукурузный початок без зерен’ [Геров, VI: 104; I: 377] (см. сноску 52);

болг. диал. *джун-гал-и* ‘початки кукурузы’ (цит. по [Москов 1969: 457])[57];

болг. диал. *ка-кал-áшка*, *ка-кал-я̀шка* ‘початок кукурузы без зерен; початок кукурузы с зернами’, *ко-кал-áшка* ‘початок кукурузы, очищенный от листьев’ (цит. по [БЕР, II: 150, 532]), *ку-кул-áшка* ‘початок кукурузы без зерен’ [Геров, II: 429] (см. сноску 45);

болг. диал. *ко-кор-ék* ‘початок кукурузы, окутанный в листьях; початок кукурузы без зерен’ [Стойчев 1970: 179];

болг. диал. *ку-кур-áда* ‘початок кукурузы’ (цит. по [БЕР, III: 106])[58], *ку-кур-áтка* ‘початок кукурузы’ [Сакъов 1967: 327];

болг. *ку-кур̀-ýз*, сербохорв. *ку-кур̀-уз*, *ко-кур-уз*, *ко-кор-уз, ку-кур̀-уза, ку-кур-ùза*, *ку-кур-ица*, *куруз̀а*, словен. *korúza*, диал. *ku-kur-úza, ku-kur-íca, ku-kor-íca, ko-kor-ica*, русск. *ку-кур-ýза*, укр. *ку-кýр-уза*, диал. *ку-кýр-уз, ку-кур-ýдза,* белорусск. *ку-кур-ýза,* чешск. *ku-kuř-ice*, диал. *ku-kur-yca, ku-kuř-yca,* словацк. *ku-kur-ica,* польск. *ku-kur-ydza, ku-kur-udza, ko-kor-yca*, (цит. по [БЕР, III: 109–110]) – Среди данных примеров наблюдаются случаи гаплологии: сербохорв. *куруза,* словен. *korúza*. Так создается мнимое основание думать, что в слове редуплицирован корень, а не звуковой комплекс, не имеющий сам по себе значения)[59]; см. также п. 5.2.

---

[55] В словаре данное слово приведено только как типологическая параллель, доказывающая выражение значений ‘кукуруза’ и ‘шишка хвойного растения’ одной и той же языковой формой.

[56] Согласно [БЕР, I: 292], слово заимствовано от тур. *gucuk*. Элемент *-ал-* в его основе не получил объяснения.

[57] Согласно М. Москову, слово представляет собой заимствование «незасвидетельствованной турецкой формы» [1969: 457].

[58] Согласно [БЕР, III: 106], слово имеет общее происхождение со словом *кокорáда* ‘шишка хвойного дерева’, являющимся производным от *кокодáра* ‘булавка с цветной головкой’.

[59] Слово без общепринятой этимологии. Имеет широкое распространение не только в славянских языках. Согласно Фасмеру, «трудное слово» [II: 407]. Нет единого мнения

Duress

болг. диал. *ко́-чур* ‘початок кукурузы без зерен’ (цит. по [БЕР, II: 690])[60] – форма с палатализацией редуплицированного велярного консонанта и с результатом его изменения по закону первой палатализации;

болг. диал. *ко-ча́н* ‘початок кукурузы с зернами или без зерен’ (цит. по [БЕР, II: 687]), словен. *ko-cȇn* ‘кукурузный початок’ (цит. по [BEZLAJ, II: 51]), русск. *ко-чан* ‘кукурузный початок’ [СРНГ, XV: 104] – форма с палатализацией редуплицированного велярного консонанта и с результатом его изменения по первой палатализации[61];

словен. диал. *kó-celj* ‘кукурузный початок без зерен’ (цит. по [BEZLAJ, II: 51]), болг. диал. *ко́-цал* ‘кукурузный початок без зерен’ (цит. по [БЕР, II: 684])[62];

болг. диал. *чо́-къ н* ‘початок кукурузы’ [ПЕТКОВ 1974: 168] – форма с палатализацией редуплицированного велярного консонанта и с результатом его изменения по первой палатализации;

болг. *ма-му́л* ‘початок кукурузы с зернами; початок кукурузы без зерен’ [ГЕРОВ, III: 48], болг. диал. *му-му́л, мъ-му́л* ‘початок кукурузы’ [РАЛЕВ 1977: 146];

болг. диал. *мо-мор-о́зъ* ‘кукуруза, початок кукурузы’, *му́-мур-узъ* ‘кукуруза’ [ГЕРОВ, III: 80, 91], *муру́з* ‘кукуруза’ (цит. по [БЕР, IV: 336]), сербск. *mu-mùr-uz*, *muruz* ‘кукуруза’ (цит. по [SKOK, II: 229])[63] – относительно болг. диал. *муру́з*, сербск. *muruz* ср. с замечанием к восходящим к **ku-kur-* названиям кукурузы);

болг. диал. *па-пу́ръ* ‘кукуруза’[64] [ГЕРОВ, IV: 11];

как о языке-источнике, так и о способе образования (см. [BRÜCKNER 1957: 280; MACHEK 1971: 303; SKOK, II: 228–229; БЕР, III: 109–111; BEZLAJ, II: 69 и др.]). По-видимому, под влиянием структуры слова (наличия редупликации) допускалась возможность его ономатопоэтического происхождения, образования от междометия, которым подзывали кур. Согласно Фасмеру, такая гипотеза «заслуживает внимания».

[60] В [БЕР, II: 690] образование слова указано как неясное. Безлай считает данное славянское слово заимствованным из турецкого [BEZLAJ, II: 51].

[61] Согласно [БЕР, II: 686–687], у слова невыясненная этимология. Некоторые авторы (например, [MIKLOSICH: 122; BEZLAJ, II: 51]) считают данное славянское слово заимствованием из турецкого, другие предполагают родство со ср.-в.-нем. *hagen* ‘племенной бык’ [BERNEKER, I: 536, МЛАДЕНОВ 1941: 254; ФАСМЕР, II: 356–357]. ЭССЯ реконструирует для корня слова, который можно открыть и в **koča*, **kočera*/**kočerъ*, первоначальное значение ‘что-то возвышающееся, торчащее, респективно, жесткое, твердое’ [X: 104–105].

[62] У Безлая словенское слово отнесено к этимологическому гнезду словен. *kocȇn*, для которого предположено заимствование из турецкого языка [BEZLAJ, II: 51], а согласно [БЕР, II: 684], болг. слово *ко́цал* заимствовано из греческого языка.

[63] Скок считает данное слово образованным от *kukuruz* через замену редуплицированного элемента *kuku-* элементом *mumu-* [SKOK, II: 229]. Причины такой замены не выяснены.

[64] Согласно [БЕР, V: 57–58], данное название кукурузы является результатом метафорического употребления заимствованного из греческого языка болг. слова *папур* ‘тростник’. Типологические параллели такой метафоризации отсутствуют.

болг. диал. *ши́-кал-ка* ‘початок кукурузы с зернами’ [Стойчев 1965: 305], *ши́-кл-а* ‘початок кукурузы с листьями; початок кукурузы с зернами’ [Вакарелска–Чобанска 2005: 388];

укр. *ши-ш-ка* ‘початок кукурузы’ (цит. по [БЕР, III: 110], см. сноску 38);

болг. диал. *ши-шу́л-къ, шу-шу́л-къ* ‘початок кукурузы с зернами’ [Бояджиев 1971: 105, 106];

болг. *шу-шур-а́га* ‘початок кукурузы’ [Геров, V: 591].

Ср. с: лит. *kan-kór-ežis* ‘початок кукурузы, *bur-buol-ė* ‘то же’ [LKŽ].

4.1.2.4. Названия картофеля и других подобных растений

В одной группе рассматриваем названия картофеля, земляной груши, репы, так как для них нередко используются общие названия, что связано с категоризацией (отнесением реалий к одной и той же категории). Ср.:

словен. *bò-b* ‘картофель’ [Pleteršnik, I: 36], сербохорв. *bó-b-a* ‘клубень картофеля’ [RJA, I: 463] (см. сноску 29);

укр. диал. *бом-бу́ль-ка*, *бом-бов-ка* (<**бом-бол-ка*) ‘плод картофеля’ (цит. по [ЕСУМ, I: 228]), *бам-бу́ль-ка* ‘круглая ягода (на ботве картофеля)’[65] [Гринченко, I: 26], н.-луж. *bam-bul-ka* ‘ягодка картофельного цветка’ [Muka, I: 12];

укр. *бала-ба́н-ка* ‘очень крупный сорт картофеля’[66], *бала-бо́н-ка* ‘род растения с клубнями на корне, похожими на картофель’ [Гринченко, I: 23], диал. *бала-бон* ‘вид растения с клубнями, похожими на картофель’, польск. диал. *bała-bon, bała-bun, bała-ban, bała-baj-a, bała-baj-ka* ‘клубень картофеля’ (цит. по [ЕСУМ, I: 122])[67], укр. диал. *бара-бу́л-я, бара-бо́н-я,*

---

[65] Согласно [ЕСУМ, I: 228], *бомбу́лька* – экспрессивное по происхождению слово, о чем свидетельствует отсутствие монофтонгизации дифтонга *от* и последовавшего изменения носового гласного в *у*. К одному и тому же этимологическому гнезду в словаре отнесены формально близкие названия пузыря, прыща, фасоли, картофеля, капли росы. Отсутствует объяснение связи значений. Налицо неясное употребление термина «экспрессивность», см. выше. Слово *бамбу́лька* в [ЕСУМ, I: 131] представлено как старое заимствование из польск. языка, связанное с *bąbel* ‘пузырь’. Эволюция значения не объяснена.

[66] В [ЕСУМ, I: 121–122] данное укр. название картофеля вместе с формально тождественным названием крупной фасоли представлено как заимствование тур. *balaban* ‘огромный’. Отметим, что для такой связи необходимо также заимствование тур. слова именно в этом значении.

[67] Согласно [ЕСУМ, I: 122], налицо контаминация форм типа: *балаба́н* ‘крупная фасоль’, *балаба́нка* ‘то же; крупная картофелина’ и *балабо́н* ‘погремушка’, т. е. приводятся формы почти тождественные, и не становится ясно, в чем состоит контаминация, и как объяснить варьирующие польские формы. Далее отмечено, что начальная часть слова *бала-* могла быть сближена с *бала́бух* ‘грудка; небольшая булочка’ и другими словами с

бара-бíл-ь, бара-бíй, бара-бíн, бара-бóн, бара-бóл-я, бала-бýр-ка ‘картофель’ (цит. по [ЕСУМ, I: 137])[68], болг. диал. *бара-бóй, бара-бóй-ки, бар-бóй, бр-бой, бра-бóй, бръ-бóй* ‘картофель’ (цит. по [БЕР, I: 32])[69], польск. диал. *bała-bur-ka* ‘вид картофеля’, *bara-bol-a* (тоже отмечено, что название связано с именем города Бранденбург) [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 89, 96], укр. диал. *бара-бол-я* ‘земляная груша’ (цит. по [ЕСУМ, I: 138], где название представлено как перенесение названия картофеля из-за сходства), русск. диал. *бала-бéш-ка, бала-бóл-ка* ‘плод картофеля с семенами, вырастающий на стебле после цветения’, *бол-бы́ш* обычно мн. ‘плоды картофеля, растущие на стеблях’, *бара-бóш-ки* ‘картофель’, *бара-бýл-я* ‘картофель’ [СРНГ, II: 65–66, 102; III: 71, 282], *бара-бóл-я* ‘картофель’, *бара-бóш-ка* ‘земляное или чертово яблоко’ [Даль 1955, I: 47] – формы с экспрессивным изменением сонанта *л* в *ш*;

болг. диал. *барам-бóй, брам-бóй, бръм-бóй, бръ́м-бол-е, бръ́м-бул-е* ‘картофель’, чешск. *bram-bor, bram-bor-a* ‘картофель’ (цит. по [БЕР, I: 32])[70] – возможно, здесь результат контаминации форм типа **bam-bul-* и **bar-bor*/**bar-bol*/**bar-boj*;

русск. диал. *бо-бýль-ка* ‘наземный плод картофеля, образующийся из цветка’ [СРНГ, III: 40], *ба-бóш-ка* ‘плод картофеля’ [СРНГ, II: 27], *бóбыш-ки* (*бó-б-ышки*) ‘плоды картофеля’ [СРНГ, III: 40] (формы с экспрессивным изменением сонанта *л* в *ш*), укр. диал. *бо-бáль-ки, бо-бáн-я* ‘мелкий картофель’ (цит. по [Рудницький, I: 128]), в.-луж. *bo-bl-e* мн. ‘зеленые плоды на стебле картофеля’ [PFUHL: 34], н.-луж. *bo-bul-a*, обычно *bo-bul-e* мн. ‘клубни картофеля’ [MUKA I: 55], словацк. *bo-bál* ‘картофелина’ (цит. по [MACHEK 1971: 59])[71];

подобными значениями из-за обозначения круглой формы. О самом слове *балáбух*, однако, отмечено, что имеет неясную этимологию (более подробно см. сноску 32).

[68] В [ЕСУМ, I: 137] представлена принимаемая многими авторами гипотеза, что это фонетически измененные названия немецкого города Брандербург, откуда картофель распространился на восток. Такая гипотеза была бы более правдоподобной, если бы не существовали другие подобные названия картофеля, которые содержат редуплицированные звуковые комплексы.

[69] Относительно данных болгарских названий картофеля тоже предположено происхождение от имени немецкого города Бранденбург, однако, черед посредство чешского имени этого города Бранибор [БЕР, I: 32–33].

[70] В [БЕР, I: 32–33] данные слова тоже отнесены к производным от имени города Бранденбург.

[71] Махек считает, что словацк. *bobál*, чешск. *bobule* ‘ягода’ могут быть родственными чешск. *boubel*, *bublina*, для которых предполагает происхождение от этимона с удвоенным корнем типа *bhu-l-* (и диссимиляцию *u – u* > *o – u* в *boubel*) [MACHEK 1971: 59, 74]. См. также сноску 54.

укр. диал. *бу́-бл-яхи* ‘плоды картофеля, что растут на стебле’ (цит. по [ЕСУМ, I: 274])[72],

польск. *bul-b-a* ‘картофель’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 232], белорусск. *бу́ль-б-а* ‘картофель’ [БАЙКОЎ-НЕКРАШЭВІЧ], укр. *бу́ль-б-а* ‘земляная груша, Helianthus tuberosus L.’, диал. ‘мелкий картофель; репа, Brassica campestris L.’, русск. *бу́ль-б-а* ‘картофель’, *бу́нь-б-а* ‘картофель; земляное или чертово яблоко’ (цит. по [ЕСУМ, I: 291])[73]– форма последнего слова с диссимиляцией по способу образования: *б – б > н – б*;

укр. диал. *бу́ль-м-а*, *буль-ма́н* (*буль-м-а́н*) ‘картофель’ (цит. по [ЕСУМ, I: 291])[74] – форма с диссимиляцией по способу образования: *б – б > б > м*);

чешск. *bul-v-a* ‘свекловица; картофелина’ (цит. по [MACHEK 1971: 76]), словацк *buľ-v-a* ‘корнеплод, картофелина’, польск. *bul-w-a* ‘картофелина’, укр. диал. *бу́ль-в-а* ‘луковица; картофелина’ (цит. по [ЕСУМ, I: 292])[75] – форма с диссимиляцией по способу образования *б – б > б > в*;

укр. диал. *бу́р-б-а*, *бу́ру-б-а* ‘картофель’, *бур-бул-янка* ‘картофельный суп’ (цит. по [ЕСУМ, I: 298]; см. сноску 41);

укр. диал. *бу-га́й-ка* ‘сорт картофеля’ (цит. по [ЕСУМ, I: 276])[76] – форма с диссимиляцией консонантов по месту артикуляции: *б – б > б – г*;

укр. диал. *ґал-ґа́н* ‘картофель’(цит. по [ЕСУМ, I: 459])[77];

укр. диал. *ґала-ґ-о́да* ‘картофель’ (цит. по [ЕСУМ, I: 456])[78];

польск. диал. *gara-gol-a* ‘картофель’, укр. диал. *ґара-ґо́л-я*, *ґара-бо́л-я* ‘то же’ (цит. по [ЕСУМ, I: 137, 470])[79]– вторая форма с диссимиляцией

---

[72] В [ЕСУМ, I: 274] данное название плодов картофеля отнесено к одному и тому же этимологическому гнезду вместе с укр. *бу́ба* ‘зерно гороха, бобов; ягода; нарыв; след от удара’, *бубки́* ‘почки’, *бу́блях* ‘бутон’, для которых реконструирован формально варьирующий псл. этимон **bąb*/**bub-* ‘набухать’. Элемент *-л-* в *бу́блях* не получил объяснения.

[73] Согласно [ЕСУМ, I: 291], в слав. языках это слово распространилось из польск., куда заимствовано из лат. *bulbus* ‘луковица; клубень’. Семантика лат. слова говорит о том, что оно употреблялось также с более общим значением ‘маленький шарообразный предмет’. Вряд ли оно было заимствовано для называния картофеля, лука, репы. См. также сноску 75.

[74] В [ЕСУМ, I: 291] данные слова указаны как не совсем ясные; допущено развитие от псл. **bula* (*bulja*) ‘комок’ или видоизменения укр. *бараб́уля* ‘картофель’ или *бу́льба* ‘то же’.

[75] И в [MACHEK 1971: 76], и в [ЕСУМ, I: 292] выражена идея о заимствовании от лат. *bulbus* ‘луковица; клубень’. Махек допускает также заимствование от русск. *булава*.

[76] В [ЕСУМ, I: 276] слово указано как неясное.

[77] Согласно [ЕСУМ, I: 459], слово заимствовано от польск. *gałgan* ‘раст. Alpina galanga’ из-за того, что у обоих растений употребляются корни – гипотеза, не учитывающая формы других близких названий картофеля и факт, что перенос названия по функции не характерен для народных названий картофеля.

[78] В [ЕСУМ, I: 456] слово указано как неясное, с допущением связи с диал. *ґалґа́н* ‘картофель’.

[79] В [ЕСУМ, I: 137] данные слова отнесены к этимологическому гнезду укр. диал. *бараб́уля, бараб́оня, бараб́іль, бараб́ій, бараб́ін* и др., о которых предположено, что являются видоизменениями имени немецкого города Бранденбург. См. сноску 68.

консонантов по месту артикуляции *т – т > т – б* или результат контаминации, как указано в [ЕСУМ, I: 470];

русск. диал. *гуль-б-и́на* ‘картофель’ [СРНГ, VII: 198] – форма с диссимиляцией по месту артикуляции: *г – г > г – д*;

укр. *гор-дзо́л-я* ‘картофель’ [Желеховский–Неділький, I: 169], польск. диал. *gor-dzol-a* ‘вид картофеля’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 877] – форма с диссимиляцией консонантов по месту и способу артикуляции: *т – т > т – дз*[80];

укр. диал. *кара-ку́л-я* ‘картофелина’, польск. диал. *kara-kul-a* ‘картофелина’ (цит. по [ЕСУМ, II: 384])[81];

русск. диал. *коло-ко́ш-ки* мн. ‘наземные плоды картофеля, образующиеся после цветения’ [СРНГ, XIV: 168];

болг. диал. *кър-куш* ‘земляное яблоко’, *кара-ку́ш-ки* мн. ‘то же’ (цит. по [БЕР, III: 207; II: 235])[82]– форма с *ш* от *л*;

н.-луж. *kul-k-a* ‘картофель’, *kul-k-owaty* ‘картофельный’ [Muka, I: 740];

болг. диал. *ку-че́н* ‘репа’ (цит. по [БЕР, III: 170], где слово отнесено к болг. *коча́н*; см. сноску 61);

польск. диал. *mar-mol-aki* мн. ‘вид картофеля’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 883];

польск. *mar-mur-ki* мн. ‘вид картофеля’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 884].

Ср. с: лит. диал. *pum-p-ùtė* ‘картофелина’ [LKŽ], др.-гр. *βολ-β-ός* ‘лукпорей’ [Дворецкий 1958: 300], лат. *bul-b-us* ‘луковица; клубень’ [Lewis – Short].

4.1.2.5. Названия бобовых растений

Ср.: укр. диал. *ба́-б-а* ‘фасоль’ (цит. по [ЕСУМ, I: 102], см. сноску 52);

болг. *бо-б* ‘боб Faba’, сербохорв. *бо-б* ‘Vicia faba L.; боб, фасоль Phaseolus vulgaris’, *бе-б* ‘боб’, словен. *bò-b* ‘боб Vicia faba; фасоль Phaseolus vulgaris’, чешск. *bo-b* ‘боб Vicia faba’, словацк. *bô-b* ‘боб’ (народн.), ‘фасоль’, в.-луж. *bo-b* ‘боб’, н.-луж. *bo-b* ‘боб’, русск. *бо-б* ‘плод

[80] В данном словаре указано, что слово заимствовано от укр. *gordzola*, которое в [ЕСУМ, I: 564] представлено как результат контаминации.

[81] Сгласно [ЕСУМ, II: 384], укр. слово заимствовано от польск. *karakule* мн. ‘сорт картофеля’, «которое каким-нибудь способом связано с польск. *kartofla*».

[82] В словарной статье слова *кърку́ш* ‘земляное яблоко’ есть ссылка на слово *карако́ушки* ‘то же’. Соответственно в словарной статье последнего высказано предположение, что, может быть, оно образовано от местного имени *Каракуш*, для которого предположено образование от тур. *karakuş* ‘орел’ [БЕР, III: 207; II: 235].

BUPress

бобового растения; отдельное зерно из плода бобового растения', укр. *бі-б* 'боб Vicia faba L.', белорусск. *бо-б* 'бобы' (цит. по [ЭССЯ, II: 148], см. сноску 29);

руск. диал. *бу́-б-а* 'горошина' [СРНГ, III: 232], укр. *бу́-б-а* 'зерно гороха, бобов' (цит. по [ЕСУМ, I: 274]; см. сноски 73, 503);

польск. *bo-ber* 'боб Vicia faba maior' [DOROSZEWSKI, I: 582], диал. *bó-br* 'растение Vicia faba и его плоды' (цит. по [BORYŚ 2005: 36]), в.-луж. *bo-br*, *bo-bjer*, *bo-br-ik* 'Phaseolus; Vicia faba' (цит. по [SP, I; 292])[83], болг. *ба-бур-че́* 'фасоль' [ГЕРОВ VI: 11];

укр. диал. *бу́-вал-ячка* 'разновидность крупной фасоли' (цит. по [ЕСУМ, I: 275])[84]– форма с диссимиляцией редуплицированного консонанта по способу образования: *б – б > б – в*;

укр. диал. *бала-ба́н* (*бала-б-а́н*), *бала-ба́н-ка* (*бала-б-а́нка*) 'крупная фасоль' (цит. по [ЕСУМ, I: 121], см. сноску 67);

укр. диал. *бум-бан-я* 'фасоль красноцветковая' (цит. по [ЕСУМ, I: 295])[85],

укр. диал. *бо́м-бель* 'фасоль' (цит. по [ЕСУМ, I: 228], см. сноску 66), болг. диал. *бум-бал-е́* 'вид мелкой фасоли шарообразной формы' [ИЛЧЕВ 1962: 187];

укр. диал. *бан-дал-а́* 'большой черный вьющийся боб', *бан-до́л-і* 'сорт крупной фасоли' (цит. по [ЕСУМ, I: 132])[86]– форма с диссимиляцией по месту артикуляции: *б – б > б – д*;

укр. диал. *бу-га́й* 'вид фасоли; вид горохового растения' (цит. по [ЕСУМ, I: 276])[87]– форма с диссимиляцией редуплицированного консонанта по месту артикуляции: *б – б > б – г*;

---

[83] В [SP, I: 291–292; BORYŚ 2005: 36] формы данных названий фасоли остались необъясненными. Они лишь отнесены к этимологическому гнезду псл. **bobъ*. ЭССЯ [II: 149] тоже относит данные польские слова к этимологическому гнезду псл. **bobъ* и выделяет в них аффикс *-r-*, о котором отмечает: «Выделяемый таким образом аффикс *-r-* имеет древний вид, обычно с ним ассоциируется представление о рано угасшей продуктивности и и.-е. истоках; правда это в настоящем случае не подтверждается историческими данными (ранние примеры нам неизвестны, как и аналогии из других и.-е. языков)». Далее отмечено, что можно поставить вопрос, «не связано ли это проблематичное *-r-* производное с *-n-* производными от той же основы герм. **babnā* 'боб'... и, возможно, другие смежные вопросы, которые приходится пока оставить открытыми». Таким образом, неучет возможности, чтобы в слове была редупликация и консонант *r* принадлежал редупликанту, приводит к гипотезе о наличии в слове проблематичного словообразования. Согласно Баньковскому, это «экспансивный эвфемизм, замещающий тесно связанное с народной магией слово *bób*» [BAŃKOWSKI 2000, I: 63].

[84] В [ЕСУМ, I: 275] этимология слова указана как неясная, но допущена связь с укр. диал. *бу́вал*, *бу́вол* 'буйвол'.

[85] В [ЕСУМ, I: 295]) этимология слова указана как неясная, но допущена связь с укр. диал. *балаба́нка* 'то же'.

[86] В [ЕСУМ, I: 132] этимология слов указана как неясная.

болг. диал. *па-пу́р-е* ‘маленькое зерно фасоли’ (цит. по [БЕР, V: 58]), *пъ-пу́р-ек* ‘вид крупной шарообразной фасоли’ (цит. по [БЕР, VI: 67])[88].

Ср. с: ятвяжск. *ke-ker-is* ‘горох’ [PASHKA 1994], прусск. *ke-cker-s* ‘горох’ (цит. по [ТОПОРОВ 1975–1990, III: 302], где отмечено, что слово «оказалось непонятным»), лат. *ci-cer* ‘горох турецкий’ (цит. по [ТОПОРОВ 1975– 1990, III: 302]).

4.1.2.6. Названия маленьких фруктов, ягод

Сюда относим названия слив, маленьких яблок, груш, ягод, как шелковица, малина, брусника и др. Ср.:

сербохорв. *бо́-ba* ‘виноградинка’ [RJA, I: 463], *бо́-б-ак* ‘ягода’ [PCA, I: 667], словен. *bo-b-íca* ‘ягода’ [PLETERŠNIK, I: 36], ст.-укр. *бо-б-окъ* ‘лавр, Laurus’ [ТИМЧЕНКО, I: 107], ст.-белорусск. *бо-б-ки* ‘лавровый лист’ [СБЛ], ст.-чешск. *bo-b-ek* ‘лавр, плод лавра’ [GEBAUER, I: 72], польск. устар. *bo-b-ek* ‘растение и плод Laurus nobilis’ [DOROSZEWSKI, I: 582] (см. сноску 29);

укр. диал. *ба́-б-а* ‘сорт крупных груш’, *ба-б-ки́* ‘сорт слив (округлых, рано созревающих)’ (цит. по [ЕСУМ, I: 102], см. сноску 52);

укр. *бу́-б-а* ‘ягода’ (цит. по [ЕСУМ, I: 274]), русск. диал. *бу́-б-а* ‘ягода’[89] [СРНГ, III: 232];

болг. диал. *бу-бал-ек* ‘калина, Viburnum opulus (маленькое дерево, чьи плоды маленькие ярко-красные ягоды, замечание мое: Ж. К.-З.)’ (цит. по [БЕР, I: 85], см. сноску 124);

русск. диал. *ба-бл-яни́га* ‘особый вид ягод’ [СРНГ, II: 25];

сербохорв. *ba-blj-ača* ‘вид терпких, кислых яблок’ (цит. по [SKOK, I; 83])[90];

---

[87] В [ЕСУМ, I: 276] этимология слова указана как неясная.

[88] Относительно *пату́ре* предположена связь с *папурко* ‘фасоль, которую выращивают среди тростника (ср. болг. *папур* ‘тростник’) [БЕР, V: 58, 57]. Относительно *пъпурек* высказано предположение об образовании от болг. диал. *папур* ‘кукуруза’ [БЕР, VI: 67], что с семантической точки зрения необоснованно.

[89] В [SP, I; 346] данное русское слово рассматривается в одном этимологическом гнезде вместе с такими детскими словами, как *бу́ба* ‘опухоль’ (в южных русских говорах), укр. детск. *бу́ба* ‘горошина; ягода; бублик; рана; след от удара; боль, болезнь’, польск. диал. *bomba* ‘большой пузырь’ и др. Не становится ясным каковы основания для отнесения к одному и тому же этимологическому гнезду детских и не детских слов, а также детских слов со значениями, которые нельзя получить от одного и того же первоначального значения; для возведения всех слов – детских и не детских – к одному и тому же псл. этимону **bąb-* ‘набухать’, для которого реконструирован и.-е. этимон **baˣmb-*. См. также сноску 72.

в.-луж. *bo-bl-a* ‘ягода’, *bo-bl-ka* dem. [Pfuhl: 34];

сербохорв. *bu-bùļ-ica* ‘маленькая шарообразная слива’[91] [RJA, I: 702], *bò-bul-ja* ‘ягода’ [PCA, I: 671], чешск. *bo-bul-e* ‘ягода’ [PSJČ, 1: 156], словацк. *bo-buľ-a* ‘ягода’ [SSJ, I: 109] (см. сноску 71);

болг. диал. *бо-бол-ка*, *бо-бóн-ка* ‘плод шелковицы’, *бо-бол-кница* ‘шелковица’ (цит. по [БЕР, I: 59])[92],

болг. диал. *бу-бúн-ка* (*бу-б-úнка*) ‘вид мелкой брусники (дерево и плод)’ [Шклифов, 1977: 213], *бо-бúн-ки* (*бо-б-úнки*) ‘малины’ (цит. по [БЕР, I: 59]; см. сноску 92), н.-луж. *bu-bań-ka* (*bu-b-ańka*) ‘крыжовник (ягода)’ [Muka, I: 88];

укр. диал. *бала-бон* ‘земляной орех’ (цит. по [ЕСУМ, I: 122])[93];

русск. диал. *бала-бóл-ка* ‘большая ягода’ [СРНГ, II: 66];

болг. диал. *бара-бóн-ка*, *бра-бóн-ка*, *бар-бóн-ка*, *бър-бóн-ка* ‘плод шелковицы, Morus alba’ (цит. по [БЕР, I: 33])[94], *бар-бош-ка* ‘многолетнее дерево, которое цветет синими цветами и рожает маленькие сладкие шарообразные плоды’ [Геров, I, 75–76, 377; VI: 69) – последняя форма с *ш* от *л*;

болг. диал. *бъм-бýл-къ* ‘вид синей сливы, более округлой формы, чем обычная’ [Ковачев 1968: 193];

сербохорв. *ban-ban-ica* ‘какое-то яблоко’ (цит. по [Skok, I: 105])[95];

---

[90] Слово отнесено к этимологическому гнезду сербохорв. *баба* ‘старая женщина; жена дедушки’, что неосновательно [Skok, I: 82–83]. См. также сноски 29, 52.

[91] Скок возводит данное слово к звукоподражательному и.-е. этимону **bomb-*, имитирующему звук набухания, допуская впоследствии перенос названия на округлые предметы. К этому же этимону автор возводит и названия овального камня (*bùbūlj*, *babūlj*), кучи земли, узелка (*bubùljica*, *bubùljičica*), пузыря (*bubòlica*), пилюли (*bobùljica*), морской улитки (*bobulj*, *bobula*) и др. Концовки слов не объяснены [Skok, I: 224]. Такая этимологизация является типичным примером стремления этимологов, во что бы то ни стало возвести этимон ономатопоэтического названия с редупликацией к звукоподражательному этимону.

[92] В [БЕР, I: 59] данные слова, вместе с такими названиями, как диал. *бобúнки* ‘малины’, *бобован* ‘животное, подобное клещу’, *бóбули* ‘кукуруза’др., отнесены к этимологическому гнезду названия фасоли *боб*, восходящему к и.-е. **bhabho-s* или **bhabhā*. Отмечено, что в славянских языках наследники этих и.-е. этимонов обычно обозначают черные бобы. Ничего не сказано о семантическом развитии этих названий и о содержащихся в их формах элементах *-он-*, *-ин-*, *-ол-*.

[93] В [ЭССЯ, II: 171] слово отнесено к этимологическому гнезду звукоподражательных слов со значениями ‘болтать; звенеть’. Этимон определен как «экспрессивное имя», в котором редуплицирован корень **bol-*. В [ЕСУМ, I: 122] данное слово отнесено к одному и тому же этимологическому гнезду вместе с формально тождественными названиями картофеля, см. сноску 67. О том, является ли редупликант в звукоизобразительном слове корнем, см. п. 1.5.5.1.

[94] В [БЕР, I: 33] данные слова (употребляемые и как названия экскрементов мелкого рогатого скота или зайца) представлены как результат контаминации *бобонка* ‘плод шелковицы’ и *дърдонка* ‘экскременты овцы или козы’.

[95] Скок отмечает, что для этимологизации слова не хватает данных [Skok, I: 105].

укр. *бам-бáр-а*, *бам-бéр-а* ‘ягода’ [Гринченко, I: 26], польск. диал. *bam-bur-y* ‘вид яблок’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 92];

укр. диал. *бу-гáй* ‘сорт яблок’, *бу-гáї* ‘клюква’ (цит. по [ЕСУМ, I: 276])[96]– с диссимиляцией по месту и способу артикуляции: *б – б > б – г*;

русск. диал. *вар-вýл-я* ‘сорт яблок’ [СРНГ, IV: 45], *вар-гýль*, *вор-гýль* ‘сорт яблок, подобных ранету’, *вор-гул-ёк* ‘более мелкий сорт яблок’ [СРНГ, IV: 47] – с диссимиляцией редуплицированного консонанта по месту артикуляции: *в – в > в – г*;

русск. диал. *вор-ван-ка* ‘сорт яблок’ [СРНГ, V: 98];

макед. диал. *гр-гл-ешка* ‘вид груши (довольно сладкой)’ [PMJ, I: 115];

макед. *гу-гур-е* ‘вид неспелых слив’ [PMJ, I: 122];

укр. диал. *ґар-ґáч-ка* ‘крыжовник’ (цит. по [Рудницький, I: 803]), *ґер-ґéч-ник* ‘кусты крыжовника’ [Гринченко, I: 348] (< **ґар-ґал-ка/*ґер-ґел-ник*);

укр. диал. *гол-дáн-а* ‘сорт слив’ (цит. по [ЕСУМ, I: 545])[97]– форма с диссимиляцией редуплицированного консонанта по месту артикуляции: *г – г > г – д*;

чешск. диал. *ga-gal-k*a ‘недоразвитый плод груши’, *ga-gal-(k)a, za-ga-gal-ka* ‘маленький, неспелый, кисловатый плод’ (цит. по [Machek 1971: 148], см. сноску 43);

болг. *гал-гуш-ка* ‘многолетнее дерево, которое цветет синими цветами и рожает маленькие сладкие шарообразные плоды’ [98] [Геров, VI: 69] (< **гал-гул-ка*, ср. болг. диал. *бар-бош-ка* < *бар-бол-ка* ‘комочек’);

болг. *гло-г* ‘боярышник, Crataegus L.’, сербохорв. *гло-г*, словен *glȍ-g*, чешск., словацк. *hlo-h*, н.-луж. *gło-g*, полск. *głó-g*, русск. диал. *гло-д*, укр. *глі-г*, белорусск. *гло-г* ‘то же’, русск. *гло-г* ‘кизил, дерен’ (цит. по [ЭССЯ, VI: 136])[99]– возможно, что название фокального плода растения перенесено на само растение (см. [Колева-Златева 2005: 33–34]); ср. также со следующим русск. словом;

русск. диал. *галá-ж-и* ‘ягода морошка’[100] [СРНГ, VI: 104], *глы-ж-ёвье* собир. ‘ягоды морошки’, *глы́-ж-ина* ‘одна ягода морошки’ [СРНГ, VI: 222], *гла-ж-ёвник* ‘растение Rubus chamaemorus, сем. розовых, морошка приземистая’, *гла́-ж-и́*, *гла-ж-и́ха* ‘то же’, *гла-ж-и́* ‘род лесной малины с

---

[96] В [ЕСУМ, I: 276] данные слова указаны как неясные. См. также сноску 76.

[97] В [ЕСУМ, I: 545] данное слово определено как заимствование этимологически неясного рум. *goldână*.

[98] Согласно [БЕР, I: 226], данное слово является производным от незасвидетельствованного в болг. языке **галкушка* с изменением *к > г* вследствие ассимиляции.

[99] ЭССЯ [VI: 136–137] возводит данное слово к и.-е. **glŏgh-/*glōgh-* ‘острый; колоть’. Отметим, что боярышник привлекает внимание, прежде всего, своими плодами, которые используются в народной медицине, а не тем, что он колючий.

[100] У Фасмера высказано предположение о первоначальном значении слова ‘гладкая ягода’ и о связи с глаголом *гладкий* [I: 409]. Словообразовательный анализ слова и типологические параллели отсутствуют.

ягодами темного цвета; ягоды костяники' [СРНГ, VI: 183–184], *гло-ж-у́ха* 'черешня' [СРНГ, VI: 210];

болг. диал. *гла-гор-и́на* 'плод боярышника' (цит. по [БЕР, I: 250])[101];

болг. *гъм-з-а* 'сорт мелкого винограда и вина' (цит. по [БЕР, I: 302])[102]– форма с диссимиляцией или экспрессивной палатализацией редуплицированного консонанта: $g - g > g - g' > g - z$; см. также п. 4.6.3.

болг. диал. *ду-д*, *ду-д-а* 'плод тутового дерева' (цит. по [БЕР, I: 442])[103], болг. *ду́-дул-ы* 'ягоды тутового дерева' [Геров, I: 377] (см. сноску 53);

болг. диал. *дзин-дзу́л-ка* 'алыча' (цит. по [БЕР, I: 377])[104];

русск. диал. *коло-кол-у́ха* 'черемуха; ягоды черемухи' [СРНГ, XIV: 166];

болг. диал. *кар-кал-а́шка* 'плод оливкового дерева' (цит. по [БЕР, II: 247], см. сноску 44);

болг. диал. *къ-кель*, *къ́-кел*, *къ́-къл* 'шелковица' (цит. по [БЕР, III: 187])[105],

болг. диал. *чъ-ка́л-къ* 'вид летней сливы' [Петков 1974: 170] – форма с диссимиляцией редуплицированного консонанта по твердости/мягкости и последовавшей палатализацией: $k - k > k' - k > č - k$),

сербохорв. *кле-ки̏ањ-а* (*кле-к-ињ-а*) 'брусника' (цит. по [БЕР, II: 429]);

русск. диал. *клю́-к-а́* 'клюква' [СРНГ, XIII: 319];

сербохорв. *кљу-кв-а* (*кљу-к-ва*) 'ягода Vaccinium oxycoccus (т. е. клюква крупноплодная, замечание мое: Ж. К.-З.)' [РСА, IX: 644], польск. *klu-kw-a* (*klu-k-wa*) 'клюква' [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 366], русск. *клю́-кв-а* (*клю́-к-ва*) 'кустарник и ягода Vaccinium oxycoccus, Oxycoccus palustris', *клю́-ков-ка*, *клю́-ков-инка* 'клюковная ягодка' [Даль 1955, II: 122] [106];

---

[101] В [БЕР, I: 250] слово отнесено к этимологическому гнезду названия боярышника *глог* (см. выше). Элемент *-ор-* не получил объяснения. См. сноску 100.

[102] В [БЕР, I: 302]) этимология слова указана как неясная.

[103] Согласно [БЕР, I: 442], слово заимствовано от тур. *dut* 'то же'.

[104] Согласно [БЕР, I: 377], слово образовано от *дзи́нда* 'опухоль вследствие удара'. Семантическое развитие от 'опухоль' до 'алыча' не получило объяснения. Отсутствует объяснение и элемента *-ул-* в *дзиндзу́лка*.

[105] Вместе с формально тождественными названиями куколя (сорняка в злаках) в [БЕР, III: 187–188] данные названия шелковицы возведены к звукоподражательному этимону. Аргумент для такой гипотезы – форма цветка растения (по-видимому, имеется в виду растение куколь) напоминает колокольчик. Не становится ясным, однако, какое семантическое развитие в таком случае возможно для формально варьирующего названия шелковицы.

[106] У Преображенского [I: 320] слово указано как неясное. К такому же выводу приходит и Фасмер, рассмотрев предложенные другими авторами этимологизации [II: 257–257]. Бернекер сравнивает данное название ягоды с сербохорв. *kl̂ûk* 'выжатый виноград' и возводит эти слова к звукоподражательному междометию, которое имитирует звук, издаваемый выжиманием ягоды [Berneker, I: 529]. Связь со звукоподражательным словом усматривает и Горяев, предполагая для данного слова первоначальное значение 'бо-

польск. диал. *cia-c-ianka* (*cia-cian-ka*) ‘вид мелких груш’ (цит. по [Boryś 2005: 50])[107];

болг. диал. *му-м-и́ца* ‘вид яблок’, *му-м-и́нок*, (*му-ми́н-ок*) ‘виноград’ (цит. по [БЕР, IV: 321])[108];

чешск. *ma-mar-a* ‘деревце, куст Malpighia (с маленькими шарообразными плодами – замечание мое: Ж. К.-З.)’ [PSJČ, II: 700];

русск. диал. *ма-му́р-а* ‘растение поленика или княженика, ягоды этого растения; растение морошка, ягоды этого растения; растение облепиха, ягоды этого растения’ [СРНГ, XVII: 353][109];

болг. диал. *пу-пу́л-ига* ‘вид белого винограда’ [Геров, VI: 273–274],

русск. диал. *пу́-пыш* (*пу́-п-ыш*) ‘земляной орех’ [СРНГ, XXX: 134];

болг. *чар-чал-уша* ‘раст. Lycium barbarum (растение с маленькими красными плодами – замечание мое: Ж. К.-З.)’ [Геров, VI: 324];

болг. *ши́-кл-а* ‘шиповник’ [Геров, V: 580];

ст.-чешск. *še-šel-atka* ‘вид груши’ (цит. по [Machek 1971: 606])[110].

Ср. с: др.-гр. *βρά-βυλ-ον* ‘плод терновника, дикая слива’ (цит. по [Boisacq 1916: 130]), лит. *krý-kl-ė* ‘маленькая синяя слива с терпким вкусом’ [LKŽ], рум. *go-gon-eţe* ‘маленькие шарообразные сливы’ [DEX 1998: 428], гр. *ко-ка́р-ι, кου-ка́р-ι* ‘лук-севок’, гр. диал. *кор-ка́р* ‘лук-севок’ (цит. по [Соболев 2001: 85]).

лотная ягода’ на основании формального сходства с *ключевина* ‘болото’ – слово звукоподражательного происхождения (цит. по [Преображенский, I: 320]).

[107] Согласно Борышу, слово образовано от *сасату* ‘хороший, милый’, происхождение которого не объяснено [Boryś 2005: 50].

[108] В [БЕР, IV: 321] высказано предположение, что данные названия маленьких фруктов следует считать производными от *мума́* ‘молодая женщина, девушка’ в результате метонимического употребления последнего относительно маленьких и овальных предметов. Не становится ясным, на каком соседстве основан предполагаемый метонимический перенос. Приведенная семантическая параллель греч. *ко́ρη* ‘девушка; зрачок’ иллюстрирует не то, что названия девушки употребляются для называния всего маленького, овальной формы, как считает словарь, а только то, что одна из стратегий для называния зрачка – это использование слов, обозначающих маленького человечка/мальчика/девочку/куколку, – закономерность, установленная Тальявини (см. [Blank 2001: 17]).

[109] В словаре Фасмера принята гипотеза Калимы, что слово финского происхождения [II: 566]. Ср., однако, с цитированным выше близким по форме чешским словом.

[110] Махек относит данное слово к этимологическому гнезду ст.-чешск. *še-šel* ‘конус; хохол, вихор’, которое считает фонетическим вариантом слова *šošol*, образованного от *chochol* [Machek 1971: 606].

PUPress

4.1.2.7. Названия (маленьких) тыквенных растений

Данную небольшую группу составляют названия, в основном, декоративных тыквенных растений. Ср.:

укр. диал. *гор-го́н-ка*, *гор-го́п-ка* ‘патиссон, Cucurbita Pepo L.’(цит. по [ЕСУМ, I: 563])[111];

болг. *гръ-гу́л-я* ‘бутылочная тыква’ [Геров, I: 251];

болг. диал. *дза́н-дзар-а* ‘бутылочная тыква для украшения’ (цит. по [БЕР, I: 374])[112];

укр. диал. *мар-м-у́за* (*мар-му́з-а*) ‘вид маленьких арбузов’, укр. диал. *мар-м-у́зка* (*мар-му́з-ка*) ‘один из видов декоративных арбузов’ (цит. по [ЕСУМ, III: 399])[113];

болг. диал. *ца́-цар-ка* ‘вид мелкой бутылочной тыквы; мелкая тыква’ [Хитов 1979: 336], *ци-ца́р-ка* ‘мелкий, очень ароматный плод дыни’ [Сакъов 1967: 339];

болг. диал. *цин-цар-че́* ‘сорт декоративной бутылочной тыквы’ [Вакарелска–Чобанска 2005: 376];

укр. *хоро-хо́нь-ка* (*хоро-х-о́нька*), *хоро-ш-ка* ‘Cucurbita pepo L.’ [Гринченко, IV: 410] – форма с *š* от *x* по первой палатализации: **хор-х-ька*.

4.1.2.8. Названия семян растений

Ср.: русск. диал. *бу-буч-ка* ‘крупное семя, зерно каких-либо растений (например, гороха)’ [СРНГ, III: 234–235] (< **бу-бул-ка*, относительно формы ср. с русск. *бубуля* ‘дождевая капля’);

себрохорв. *bo-bor-uška* ‘семя сосновой шишки’ (цит. по [Skok, I: 177], где слово не получило объяснения);

сербохорв. *gu-goḷ* ‘куколь, Agrostemma githago’ [RJA, III: 495];

русск. диал. *ги́-гр-а* ‘овес’ (цит. по [Фасмер, I: 405])[114];

болг. *кръ-кл-ика* ‘раст. дикий куколь, сорняк в злаках’ [Геров, VI: 179], диал. *кр-кол* ‘куколь, Agrostemma coronaria’ (цит. по [БЕР, III: 16])[115];

---

[111] В ЕСУМ, I: 563] этимология слова указана как неясная.

[112] В [БЕР, I: 374]) этимология слова указана как неясная.

[113] В [ЕСУМ, III: 399]) этимология слов указана как неясная.

[114] В [Фасмер, I: 405] этимология слова указана как неясная.

[115] В [БЕР, III: 16] предположена диссимиляция *р – л* < *л – л* от первоначального **kalkalъ*/**kъlkalъ*, происхождение которого не объяснено.

DiPress

болг. *къ-къл* ‘раст. Agrostemma githago’, *къ́-кл-ица* ‘раст. Agrostemma githago, черные семена этого растения; семена василька в пшенице’, др.-болг. **кжколь** ‘вид сорняка, возможно куколь’ (цит. по [БЕР, III: 187]), словен. *kó-kolj, kó-kolj-a* ‘Agrostemma githago’ (цит. по [Bezlaj, II: 54]), русск. *ку-коль*, *ко-куль* ‘сорная трава’ [СРЯ XI–XVII вв., VIII: 112], н.-луж. *ku-kel* ‘раст. Agrostemma githago’ [Muka, I: 736], чешск. *kou-kol* ‘то же’ (цит. по [Machek 1971: 284]) и др. (Слово представлено во всех славянских языках)[116];

русск. диал. *коло-ко́в-ка* ‘льняное семя’ [СРНГ, XIV; 163] (< **коло-колка*);

русск. диал. *ку́-гл-и́на* ‘семена льна’ [СРНГ, XV: 395] – форма с диссимиляцией консонантов по глухости/звонкости: *к – к > к – г* или *г – г > к – г*;

русск. *че-чев-и́ца* (*че-ч-евица*) ‘раст. Elvum lens и съедобное семя его’, *че-чев-и́ченка* ‘одно зерно, семя’[117] [Даль 1955, IV: 603], чешск. *čo-č-ka*, устар. *če-čel-ka* ‘чечевица’ [PSJČ, I: 297] (в русском слове *в* может быть от *л*, если принадлежит редупликанту);

русск. диал. *пу́-п-ушек* (*пу́-пуш-ек*) ‘семя растения’ [СРНГ, XXXIII: 132] – форма с *ш* от *л*, если принадлежит редупликанту;

болг. диал. *ши-кл-а* ‘семя шишки хвойного дерева, которое можно есть’ [Сакъов 1967: 340].

Ср. с: др.-гр. *κό-κκαλ-ος* ‘семя еловой шишки’ (цит. по [Frisk, I: 895]).

4.1.2.9. Названия цветков или плодов травянистых растений, обычно шарообразной формы

Сюда включаем и названия самих растений из-за возможности перенесения названия фокального цветка или плода на само растение. Среди слов данной группы можно наблюдать явление вторичного звукового символизма, в результате которого происходит вторичное разграничение названий маленьких и больших цветков. Ср.:

---

[116] Самая распространенная гипотеза о происхождении данного слова – возведение к звукоподражательному этимону с редупликацией **kalkalъ* (**kolkolъ*), с предположением диссимиляционного изменение *l – l > n – l* [Berneker, I: 599; Фасмер, II: 146; Machek 1971: 284–285; Skok, II: 227; БЕР, III: 187–188]. Следует отметить сделанное в ЭССЯ замечание, что как название колокола данное слово «отличается весьма спорадическим распространением», например, западным славянам оно неизвестно [X; 138].

[117] В [Фасмер, IV: 355] предположено образование слова от *сочевица*. Оспаривается идея Лося о редупликации. Ср., однако, с цитированным далее чешским словом, которое в формальном отношении очень далеко от *сочевица*.

DJPress

русск. диал. *бá-б-ка* ‘плод репейника в виде шишечки’ [СРНГ, II: 21], укр. диал. *бá-б-ка* ‘норичник, Scrophularia nodosa L.’ (цит. по [ЕСУМ, I: 105])[118];

сербохорв. *bo-b-ika* ‘заячья капуста, Sedum telephium L.’[119] [RJA, I: 464], русск. диал. *бó-б-ки* мн. ‘цветы’, *бо-б-кú* мн. ‘луговой клевер’ [СРНГ, III: 35–36];

сербохорв. *bo-bol-nik* ‘Telephium infectum’, *bo-boļ* ‘раст. Asarum (околоцветник колокольчатый, трехлопастный, снаружи буроватый, внутри темно-красно-бурый, с яйцевидными, у заостренной верхушки внутрь загнутыми долями – замечание мое: Ж. К.-З.); Ficaria ranunculoides’, *bo-bol-uska* ‘Lathirus latifolius’ (В словаре отмечено, что, по всей вероятности, на месте *l* и *s* должно было быть соответственно *ļ* и *š*) [RJA, I: 464][120], болг. диал. *бо-бол-як* ‘раст. вероника’ (цит. по [БЕР, I: 59])[121], белорусск. *ба-боў-нік* ‘раст. Trifolium L., трилистник’ [Байкоў-Некрашэвіч], болг. *бо-бой* ‘раст. Centaurea orientalis’ (цит. по [БЕР, I: 59])[122], болг. диал. *бобош-ка* ‘яснотка пятнистая, Lamium maculatum (перед тем как распуститься, цветочек имеет шарообразную форму – замечание мое: Ж. К.-З.)’ (цит. по [БЕР, I: 60][123] – возможно также, что мотивирующий признак названия связан с фактом, что оно имеет на листьях пятна, подобно тому, как при оспе появляются высыпания, а впоследствии – пятна; ср. с русск. диал. *бабýш-ки* ‘натуральная оспа; пятна натуральной оспы’ [СРНГ, II: 30], см. п. 4.1.3.4.), русск. диал. *ба-бýш-ки* мн. ‘цветы васильки; цветы ромашки, раст. Marticaria L.’ [СРНГ, II: 30] (возможно, с экспрессивным *ш* на месте *л*), русск. диал. *бá-боч-ки* (*бá-б-очки*) мн. ‘раст. Centaurea cyanus L., василек; раст. Viola tricolor L., анютины глазки’ [СРНГ, II: 26–27] (возможно, с экспрессивным *ч* на месте *л*);

болг. диал. *бу-бол-ина* ‘водяная лилия, Nymphaea alba’ (цит. по [БЕР, I: 85])[124], чешск. диал. *bu-bl-ina* ‘купальница европейская, Trollius europa-

---

[118] В [ЕСУМ, I: 105] этимология слова представлена как не совсем ясная.

[119] У Скока слово отнесено к этимологическому гнезду слова *bob* [Skok, I: 176–177]. Семантическое развитие слова не объяснено.

[120] Скок находит сходство между *boboluska* ‘Lathirus latifolius’ и *boboruška* ‘семя сосновой шишки’, но не объясняет происхождение слов. Отмечает, что образование от *bob* возможно, однако трудно что-либо утверждать, пока не имеются более надежные данные [Skok, I: 177].

[121] Слово отнесено к этимологическому гнезду праславянского названия черных бобов, восходящему к и.-е. **bhabho-s*. Объяснение происхождения значения ‘вероника’ отсутствует [БЕР, I: 59].

[122] В [БЕР, I: 59] этимология слова представлена как неясная.

[123] В [БЕР, I: 60] этимология слова представлена как неясная.

[124] В [БЕР, I: 85] слово отнесено к этимологическому гнезду названия шелковичного червя *буба* вместе с болг. диал. *буборак, буборатка* ‘ромашка’, *бубалек* ‘калина, Viburnum

eus L. (раст. с маленькими (2–5 см) желтыми шарообразными цветками – замечание мое: Ж. К.-З.)' [PSJČ, I: 208], сербохорв. *bu-boj* 'лютик, Ficaria ranunculoides' [RJA, I: 701];

болг. диал. *бу-бор-ак, бу-бор-атка* 'ромашка' (цит. по [БЕР, I: 85]; см. сноску 124);

польск. диал. *bul-b-aczek* (*bul-bacz-ek*) 'какое-то водяное раст.' [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 232] (возможно, с экспрессивным *cz* на месте *l*);

белорусск. диал. *бу́р-бол-ка* 'водяная лилия, кувшинка' (цит. по [ЛАУЧЮТЕ 1982: 10])[125];

укр. диал. *бара-боль-ча, бара-боль-ча́к, бара-боль-ки́* 'лютики', *бара-боль-ки́, бар-боль-ки́* 'норичник' (цит. по [ЕСУМ, I: 138])[126];

русск. диал. *бала-бо́л-ка* 'цветок Campanula L., колокольчик; раст. Nymphaea alba L., кувшинка; водяная лилия; раст. Frollius europaeus L., купальница; раст. Ranunculus, лютик'[127] [СРНГ, II: 65–66];

польск. *bo-br-ek* 'клевер' [DOROSZEWSKI, I: 583];

польск. *bo-bow-nik* (*bo-b-ownik*) 'клевер' [DOROSZEWSKI, I: 583],

укр. диал. *бу-гай-ни́к* 'ромашка' (цит. по [ЕСУМ, I: 276])[128]– форма с диссимиляцией консонантов по месту артикуляции: *б – б > б – г*;

укр. диал. *го-дзин-ка* (*го-дз-инка*) 'подснежник' (цит. по [ЕСУМ, I: 545])[129], болг. *га-джю́н-ки* (*га-дж-юнки*) 'подснежники'[130] [ГЕРОВ, I: 206] – обе формы с палатализационными изменениями: *g' > dz', g' > dž'*;

русск. диал. *го-го́л-ечки* 'головки трилистника, цветы его' [Даль 1955, I: 364],

---

opulus. Слова возведены к и.-е. **b(h)oub(h)-*, для которого реконструировано первоначальное значение 'что-то опухшее, набухнувшее'. Элементы *-ол-*, *-ор-* в словах не получили объяснения.

[125] В Словаре балтизмов ЛАУЧЮТЕ [1982: 10] слово представлено как балтизм на основании совпадения его значения со значением лит. *burbuolẽ* 'желтая водяная лилия'. Ср. однако с болг. диал. *буболина* 'водяная лилия, Nymphaea alba' – форма с неполной редупликацией, русск. диал. *балабо́лка* 'водяная лилия' – форма с полной редупликацией.

[126] В [ЕСУМ, I: 138]) слово неубедительно объяснено как перенос названия картофеля (см. выше) из-за сходства корневищ. Когнитивный контраргумент: бросаются на глаза цветочки, а не корневища.

[127] В [ЭССЯ, II: 171] русск. диал. *балабо́лка* со значением 'кувшинка' рассматривается в одном этимологическом гнезде вместе со звукоподражательными глаголами, обозначающими болтовню, пустозвон, колокольчик. Причина – формальное совпадение слов. См. также сноску 93.

[128] В [ЕСУМ, I: 276] этимология слова указана как неясная.

[129] В [ЕСУМ, I: 545] этимология слова указана как неясная.

[130] Согласно [БЕР, I: 223], слово является видоизменением болг. *ка́чунка* 'крокус', которое связано с *ка́че* 'крокус', а оно со своей стороны – с *кокиче* 'подснежник' [БЕР, I: 295–296]. См. ниже сноску 133.

белорусск. *гу-гу́ль* ‘трава (возможно, с шарообразными цветками – замечание мое: Ж. К.-З.’ (цит. по [Лаучюте 1982: 105])[131];

сербохорв. *gu-goļ* ‘Gladiolus L.’ [RJA, III: 495];

сербохорв. *gr-gl-janka* ‘раст. Prunella L.’ (цит. по [Skok, I: 615])[132],

руск. диал. *гу́ль-к-а* ‘ромашка’ [СРНГ, VII: 219] – форма с диссимиляцией по глухости/звонкости: *г – г > г – к*; ср. с руск. диал. *гу́ль-г-а* ‘шишка (на лбу, на голове от удара)’, *гу́ль-к-а* ‘шишка, волдырь, опухоль’; см. п. 4.1.3.5.1.;

русск. диал. *ку́-к-а* ‘ландыш’ [СРНГ, XVI: 31];

болг. *ко-к-иче* ‘подснежник’, *ка́-ч-е* ‘осенний или весенний крокус’, болг. устар. *ка-ч-иче* ‘подснежник’, (цит. по [БЕР, II: 534, 292, 293]), *качу́н* ‘крокус’, *ка-к-ю́нка* (*ка-кю́н-ка*) ‘крокус’, *ка-ч-у́тка* (*ка-чу́т-ка*, возможно, с *т* на месте *л*) ‘крокус; подснежник’ (цит. по [БЕР, II: 154, 296]), *къ-к-юнка* (*къ-кюн-ка*) ‘крокус’ (цит. по [БЕР, III: 188])[133];

болг. *къ́-кел* ‘раст. Fritillaria pontica’ (цит. по [БЕР, III: 187]);

русск. диал. *ку-каль-ница* ‘раст. Ranunculus auricomus L., лютик золотистый’ [СРНГ, XVI: 31], *ку́-кол-ка* ‘цветок клевера’ [СРНГ, XVI: 41], *ку-кл-ас* ‘раст. Trifolium pretense L., клевер луговой’ [СРНГ, XVI: 36];

болг. диал. *мазни́-ко́-кал-че* ‘раст. Ranunculus ficaria; Ranunculus repens; Caltha palustris’, *мазно ко-кал-че* ‘раст. Ranunculus ficaria’ (цит. по [БЕР, II: 531]), болг. диал. *змиини ко-кал-е* ‘сорная трава в зерновых растениях с коричневыми плодами, по размеру немного меньше гороха’ (цит. по [БЕР, II: 531])[134];

---

[131] Лаучюте отмечает, что источником заимствования могли быть два лит. слова: *gùgulas* ‘ком, клубок’ или *gegẽlis* ‘полевой хвощ’ [1982: 105]. Против таких гипотез имеются контраргументы и семантического, и формального характера. Для того чтобы лит. *gùgulas* ‘ком, клубок’ стало употребляться в белорусском как название травы, оно должно быть заимствовано сначала со значением ‘комочек’, а нет таких данных; кроме того, это довольно общее значение. Для заимствования лит. *gegẽlis* ‘полевой хвощ’ имеются фонетические трудности. Ср. также с цитированным далее сербохорв. *gugoļ* ‘Gladiolus L.’

[132] У Скока слово не получило объяснения.

[133] Младенов связывает болг. *кокиче* с гр. *κόκκος* ‘зерно’, семантическое развитие слова не объясняет [1941: 245]. Согласно [БЕР, II: 534, 293], более вероятной является связь с болг. устар. *качиче*, для которого предположено заимствование от тур. диал. *kar çiçeği* ‘подснежник’, с элизией согласного *р*. От *качиче* словарь считает образованным и слово *ка́че* [БЕР, II: 292]. Связь с последним предположена также для болг. диал. *качу́н*, для которого отброшена гипотеза Кнежевича о заимствовании от «предполагаемого тур. *kakun* ‘салеп’» [БЕР, II: 295–296]. В противоречие этому утверждению, относительно *кокю́нка* (для которого предположена связь с *къкюнка*) принята идея Кнежевича о заимствовании от тур. *kakun* ‘салеп’. См. также сноску 130.

[134] В [БЕР, II: 530–532] данное слово отнесено к этимологическому гнезду болг. *кокал* ‘кость’, о котором предположено заимствование из греческого языка. Не становится яс-

русск. диал. *ко-ко́в-ица* (*ко-к-о́вица*) ‘раст. Centaurea austiaca L., василек’ [СРНГ, XIV: 91] – возможно, с *в* на месте *л*);

чешск. *ko-koš-ka* ‘пастушья сумка, Capsella’ [PSJČ, II: 185] – с экспрессивным *š* на месте *l*;

болг. диал. *кръ-кл-ян* ‘клевер, Trifolium’ (цит. по [БЕР, III: 45])[135],

русск. диал. *кря́-кал-ка* ‘вид подснежника; цветок, расцветающий ранней весной’, пример: *Крякалки – цветочки, второго марта уже зацветут, желтенькие, беленькие.* [СРНГ, XV: 365];

русск. диал. *ку́р-к-ина* ‘раст. Campanula sibirica L., колокольчик сибирский’ [СРНГ, XVI: 131];

русск. диал. *ку́ка-бака* ‘одуванчик’ [СРНГ, XVI: 31];

русск. диал. *ки́ль-к-а* ‘раст. Scrophularia nodosa L., сем. норичниковых, норичник шишковатый (плод – двухгнездная коробочка, раскрывающаяся двумя створками, цветки – шарообразные грязно-желто-коричневые – замечание мое: Ж. К.-З.)’ [СРНГ, XIII: 210];

русск. *ку́р-к-и* ‘головки репейника’[136] [СРНГ, 16: 131];

русск. диал. *ма-мон-ник, ма-мо́н-ки, ма-мо́л-ка, ма-мо́ль-ник* ‘листья и цветы желтой кувшинки’ [СРНГ, XVII: 351, 352];

словен. диал. *mr-mol-ika* ‘раст. Trifolium agarium’, *mr-mul-ika, br-mul-ika* ‘то же’, сербохорв. *mr-mul-jika* ‘раст. Trifolium campestre’ (цит. по [Bezlaj , II: 202])[137];

русск. диал. *па́-п-ки* ‘цветы растений Trifolium pretense L., сем. мотыльковых: клевера лугового и ползучего’ [СРНГ, XXV: 206];

болг. диал. *пу-пав-ка* (*пу-п-авка*), словен. *pum-pav-a (pum-p-ava), po(m)-p-ava (po(m)-pav-a)* ‘раст. Anthemis’, чешск., словацк. *pu-pav-a* (*pu-p-ava*) ‘раст. Carlina’, болг. *пу́-пал-ка*, хорват. *pu-palj-ka*, чешск. *pu-pal-ka* ‘раст. Oenthera biennis’ (цит. по [БЕР, V: 855]), русск. диал. *пу-п-а́вка* ‘раст. Anthemis tinctoria L., пупавка красильная’, *пу-па́в-ка белая* ‘раст. Nymphaea alba L., кувшинка белая’, *пу-па́в-ка* ‘полевая ромашка’ [СРНГ, XXX: 127][138];

ным семантическое развитие от ‘кость’ до ‘плод растения’, от которого может быть развито метонимическим способом значение данного слова. См. также п. 6.4.

[135] Согласно [БЕР, III: 45], слово образовано от *тръкалян* ‘круглый’ (о цветке), с ассимиляцией *т – к > к – к* и элизией гласного *а*.

[136] В Прусском словаре Топорова [1975–1990, IV: 316] слово отнесено к «откровенно звукоизобразительным типам», но без доказательств.

[137] В [Bezlaj, II: 202]) выражена идея о наличии редупликации в словах (псл. **mor-mor-*), но они не отнесены к ономатопоэтическим. Предположена связь с др.-русск. изморомрати ‘грызть, истреблять’.

[138] Согласно [БЕР, V: 855], данные названия растений, вместе с формально близкими названиями пузырей, производны от псл. **pqръ*. Словообразовательный анализ отсутствует.

болг. диал. *пу́-пл-ѣк, , пь-пл-ѣкъ, па-пар-онка, па-пор-уна, пе-пер-уга, ко-кур-ужѣ,* ‘дикий мак, Papaver rhoeas’ [Геров, V: 397–398];

русск. диал. *пу-пы́рь* ‘раст. кувшинка’ [СРНГ, XXXIII: 132], ‘раст. Angelika Archangelica’[139] (ср. цитированными далее значениями слова ‘пузырь’, ‘ребенок’, ‘гриб’);

болг. диал. *чи-ч-ок* ‘репей’ [Вакарелска-Чобанска 2005: 385],

болг. диал. *шу-шу́л-къ* ‘тюльпан, Tulipa’ [Ралев 1977: 1984], *чю-шю́л-ка* ‘тюльпан’ [Геров, V: 569] – форма с диссимиляцией консонантов по способу образования: *ш – ш* > *ч – ш*, или с изменением вследствие контаминации со словом *чаша* ‘чаша’;

чешск. диал. *še-šel*, *še-šel-inka* ‘зрелый зародыш семени клевера’ (цит. по [Machek 1971: 606], см. сноску 110).

Ср. с: лит. диал. *bam-ból-as*, *bur-bù-lis* ‘раст. Trollius europaeus L. (с шаровидными цветками, которые не раскрываются полностью – замечание мое: Ж. К.-З.)’ [LKŽ].

4.1.2.10. Названия молодой завязи плода, почек растения, семенных коробочек

Ср. такие слова, как:

укр. *бу-б-ки́* ‘почки’ (цит. по [ЕСУМ, I: 274], см. сноску 72);

н.-луж. *bu-bl-išk* ‘развивающийся бутон или почка’ [Muka I: 89], укр. *бу́-бл-ях* ‘бутон’ (цит. по [ЕСУМ, I: 274]), см. сноску 72);

польск. *bul-bil-a* ‘почка в виде луковицы, которая вырастает в основе листка’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 232];

укр. диал. *бам-бу́ль-ки* ‘бутоны’ (цит. по [ЕСУМ, I: 131])[140];

русск. диал. *ба-бу́р-ка* ‘бутон, еще не распустившийся цветок; почка’ [СРНГ, II: 28], *ба-бо́ш-ка* ‘древесная почка’ [СРНГ, II: 27] – форма с экспрессивным *ш* на месте *л* или *р*;

ст.-польск. *go-gół-ka* ‘молодая завязь плода на дереве’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 866];

польск. *gu-guł-a* ‘ягода малины еще не спелая, но слегка румяная’ (с пометой о неясном происхождении), диал. *gu-guł-ka* ‘неспелый плод вишни’ [Karłowicz–Kryński– Niedźwiedzki, I: 939] (см. сноски 195, 364),

---

[139] Фасмер [III: 408] считает слово связанным с *пуп*. Словообразование не объяснено.

[140] Согласно [ЕСУМ, I: 131], слово является давним заимствованием из польского языка, связанным с *bąbel* ‘пузырь’. Семантическое развитие от ‘пузырь’ до ‘ягода’ не получило объяснения.

русск. диал. *ку-кел-ёк* ‘бутон, нераспустившийся цветок’ [СРНГ, XVI: 33], *ку́-кл-ы* мн. ‘ростки, почки на капусте’ [СРНГ, XVI: 36], *ку́-кл-ина* собир.‘семенные головки льна’ [Даль 1955, II: 214], *ку́-гл-и́на* собир. ‘головки льна, конопли с семечками’ [СРНГ, XV: 395] – форма с диссимиляцией по глухости/звонкости: *к – к > к – г*;

болг. диал. *ку-кал-е́ц* ‘побег’ [Стойков 1968: 118];

русск. диал. *ко-ко́в-ка* ‘плод, коробочка мака, маковка’ [СРНГ, XIV: 91];

русск. диал. *коло-ко́л-ец* ‘коробочка, головка льна’, *коло-ко́л-ка* собир. ‘семенные коробочки, головки льна; семенные коробочки, головки конопли’[141] [СРНГ, XIV: 164, 165–166];

сербохорв. *пу́-п-ак, пу-пољ-ак* ‘почка, бутон’[142] [Караџић 1898: 639];

русск. диал. *пу-пул-ёк* ласк. ‘бутончик’, *пу-пуш-ки́* (*пу-п-ушки*) мн. ласк. ‘почки на дереве’ [СРНГ, XXXIII: 132], *пу-пл-у́х* ‘бутон’, *пу́-пл-ушек* ласк. ‘росток, побег растения’ [СРНГ, XXX: 128];

русск. диал. *пу-пл-ёнок* ‘зародыш, зачаток плода (огородных или бахчевых растений); недоросший, недозревший плод овощей и фруктов’ [СРНГ, XXX: 128];

русск. диал. *пу́-пор* ‘почка растений, завязь цветка или листа’, *пу-пу́р-ушка* ласк. ‘бутончик’, *пу́-пыр* ‘почка, завязь плода у растений’ [СРНГ, XXXIII: 131–132], *пу́-пр-ышек* ‘росточек, завязь’ [СРНГ, XXXIII: 132], болг. *пу-пу́р-ка* ‘почка’ [Геров, IV: 398];

болг. *по-пу́н-ец* ‘почка цветка’ (цит. по [БЕР, V: 526])[143];

укр. диал. *па-пн-юх* ‘почка растения’, *по-пел-юх* ‘бутон’ (цит. по [ЕСУМ, IV: 284])[144];

болг. диал. *па-пу́н-ка, пъ-пу́н-къ* ‘маленький стручок горького перца’ (цит. по [БЕР, V: 56; VI: 67]) (возможно, значение развито из значения ‘почка’ из-за внешнего сходства маленьких стручков перца с почкой растения);

болг. диал. *па-пу́н-ець* ‘нераскрывшаяся коробочка хлопка’ [Геров, V: 11];

русск. диал. *пу-п-о́к, пу-п-о́чек, пу́-пыш, пу́-пыш-ек* ‘цветочная головка, зародыш, почка на растениях’ [Даль 1955, III: 539];

---

[141] В [ЭССЯ, X: 137–139] данные названия головок льна, конопли отнесены к этимологическому гнезду названия колокола, восходящему к псл. **kolkolъ*, в котором усмотрена редупликация звукоподражательного корня **kol* и отмечено, что как название колокола имеет весьма спорадическое распространение.

[142] Скок относит данное слово к этимологическому гнезду псл. **pǫrъ*. Элемент *-ol-* в слове не объяснен [Skok, III: 78].

[143] В [БЕР, V: 526] слово отнесено к этимологическому гнезду *по́пунь* ‘пузырь в воде; гладкий камень’. Отмечено, что слово образовано от **pǫrъ* с редким суффиксом *-унь*. Связь между значениями не объяснена.

[144] В [ЕСУМ, IV: 284] этимология слов указана как неясная.

русск. *че-чев-ичка* (*че-ч-евичка*) ‘шишечка, бугорок, напр. на стебле растения, зародыш листка, почка’ [Даль 1955, IV: 603];

Ср. также: н.-луж. *šy-š-ka* ‘головка льна’ (цит. по [Фасмер, IV: 445]), возможно, перевод ошибочный, так как в словаре Муки цитировано значение слова ‘верхние концы стержня льняного растения, дающие тонкие волокна’ [Muka, II: 697]; см. сноску 38).

Ср. с: лит. диал. *bum̃-bur-as*, *pum̃-pur-as* ‘почка (на дереве)’, *bam-bõr-ė* ‘нераспустившийся цветок’, *bur-buol-ė*, *bum̃-bul-as*, *kar-kal-iùkas*, *pum-pur-as*, *pur-puol-ė*, ‘почка растения’[LKŽ].

4.1.2.11. Названия стручков растений и других плодов и предметов с подобной формой

Ср. такие слова, как:

сербохорв. *бо̀-буш-ка* ‘зеленый сладкий перец’ [PCA, I: 671], сербск. *bò-bôš-ka, bo-bòš-ara, bo-bòš-ârka* ‘крупный перец’ [145] [RJA, I: 465] – формы с экспрессивным *š* от *l* или *r*, ср. с формой следующего русск. названия перца;

русск. диал. *бá-бер* ‘раст. Capsicum annuum L., стручковый перец’ [СРНГ, II: 18];

сербск. *bò-bń-a* (*bò-b-ńa*) ‘крупный зеленый перец, из которого готовят блюда’ [RJA, I: 464];

польск. диал. *bą-bel* ‘ледяная сосулька’ (цит. по [ЭССЯ, II: 231])[146];

болг. диал. *ка-кал-áшка* ‘стручок бобовых растений с зернами или без зерен; перец Capsicum annuum’ (цит. по [БЕР, III: 150], см. сноску 45);

укр. *кля-к* ‘ледяная сосулька’ [Гринченко, II: 256];

укр. *ши-ш-áк* ‘сосулька (на крыше)’ [УРС, VI: 469];

---

[145] ЭССЯ [II: 147–148] считает сербохорв. *бо̀бушка* ‘зеленый сладкий перец’, вместе с русск. *бобу́шка*, *бобо́шка* ‘комок непромешанной муки, который получается при замешивании теста’, *бобы́шка* ‘волдырь’, *бабы́шки*, *бабо́шки* ‘печеные хлебные катышки с маком и патокой’, производным с суффиксом **-ušьka* от «полисемантической основы **bob-*». Скок относит данное сербское название перца, вместе с *bòbńa*, к этимологическому гнезду названия черных бобов *bob* (см. сноску 29) [Skok, I: 176–177].

[146] ЭССЯ [II: 231–232] к одному и тому же этимологическому гнезду относит восходящие к псл. **bąbъlъ/*bąb(ъ)lь/*bąbъl'a/*bąbьlь/*bąbulъ/*bąbulь/*bąbul'a* слова, которые обозначают: пламя, пузыри, круглые камешки, прыщи, дубовые орешки, что-либо круглое, наросты, шишки, ледяные сосульки, маленькие баранки, предметы шарообразой формы, пуговицы и т. д. ЭССЯ считает **bąb-* ономатопоэтическим образованием (см. также сноску 31).

укр. *ши-шу́л-ка* ‘стручок’ [Желеховский–Недільский, II: 1090];

болг. диал. *ши-ша́р-ка* ‘стручок бобовых растений’ [Стойчев 1965: 305], *ши-ша̀р-ка*, ‘раскрывшаяся чашечка хлопка’ [Младенов 1967: 194];

болг. диал. *шу-шу́л-къ* ‘перец’ [Геров, V: 591], *шу-шу́л-къ* ‘сосулька на крыше’ [Ковачев 1970: 51), *чю-шю́л-ка* ‘стручок бобовых растений’ [Геров, V: 569] – последняя форма с диссимиляцией по способу образования согласных: *ш – ш* > *ч – ш* или результат контаминации с *чаша*;

болг. *шлѣ-ш-ка* ‘стручок бобовых растений’ [Геров, V: 583, 585];

чешск. *še-šul-ka* ‘сухой кожистый плод’[PSJČ, V: 1048].

4.1.3. Названия шарообразных предметов из повседневного быта человека

Это довольно большая подгруппа названий шарообразных предметов. Сюда относим названия маленьких изделий из теста, комочков, которые образуются в еде, на одежде, в пряже, названия пузырей, опухолей, камешков, игральных шариков, пуговиц, кнопок, пилюль, мелких монет – все это можно квалифицировать как «простейшие элементы психофизиологического универсума человека» (см. п. 1.5.2.2.).

4.1.3.1. Названия изделий из теста

Ср. такие названия, как:

н.-луж. *ba-b-a* ‘пирожное или булка круглой формы’ [Muka, I: 6], в.-луж. *ba-b-a* ‘изделие из теста’ [Pfuhl: 3], ст.-чешск. *bá-b-a, ba-b-a* ‘булочка’ [Gebauer, I: 23], словацк. *ba-b-a* название изделий из теста [SSJ, I: 60], белорусск. *бá-б-ка* ‘вид сдобного печенья’ [Байкоў-Некрашэвіч], укр. *бá-б-ка* ‘сдобная булка’ (цит. по [ЕСУМ, I: 103])[147];

укр. диал. *балá-бух* ‘маленькая булочка’, *бала-бу́х* ‘небольшая буханка хлеба’, *балá-бух-и* ‘галушки с чесноком; маленькие булочки’, *балá-буш-ка* ‘сдобная булочка; маленький кукурузный пряник’, *балá-буш-ок*, *бала-бу́ш-ок* ‘небольшой хлебец’, *бала-бóш-ки* ‘круглые толстые коржики’ (цит. по [ЕСУМ, I: 122]; о представленной в словаре этимологии см. сно-

[147] В [Brückner 1957: 9; ЭССЯ, I: 105–108] славянские названия изделий из теста, восходящие к псл. **baba,* отнесены к одному и тому же этимологическому гнезду вместе с терминами родства, восходящими к такой же праформе. Этот факт свидетельствует о неразличении разновидностей ономатопеи. Подобный комментарий см. и в сноске 29 и др. В [ЕСУМ, I: 103] эти славянские названия изделий из теста возведены к псл. **bab-* ‘надуваться, набухать, быть шарообразным’, образование которого не получило объяснения.

ску 32), укр. *бала-бáн* ‘род хлебного печенья’ [Гринченко, I: 23], русск. диал. *бала-бáш-ка* ‘коровай с конопляным соком’ [Даль 1955, I: 104], *бала-бóл-ка* ‘небольшая, очень сдобная лепешка’ [СРНГ, II: 66], *балá-бышка* ‘небольшой печеный хлебец’ [СРНГ, II: 68], *бара-бы́ш-ка* ‘ячменная или ржаная булка, хлебец’ [СРНГ, II: 102] – что касается чередования *л*, *ш* и *х* в словах, более вероятным кажется изменение *л* > *ш* > *х*, последнее в результате редеривации;

укр. диал. *бо-бáль-ки* ‘клецки, род галушек’[148] [Желеховский–Неділь-ский, I: 35];

русск. диал. *бу́-бл-ик* ‘маленькая баранка; пирог с грибами волнушками, который обычно пекли в великий пост’[149] [СРНГ, III: 234];

русск. диал. *ба-бу́ш-ка* ‘белая булка; оладья, пышка’ [СРНГ, II: 30], *ба-бы́ш-ки*, *ба-бóш-ки* ‘печеные хлебные катышки с маком и патокой’ (цит. по [ЭССЯ, II: 147–148]; см. сноску 147)) – формы с экспрессивным *ш* от *л*;

русск. диал. *го-гу́л-я* ‘вид пресного печенья’ [СРНГ, VI: 265];

укр. диал. мн. *ťála-ťán-и* ‘изделия из теста, подобные бубликам’ (цит. по [ЕСУМ, I: 456])[150];

чешск. диал. *dan-d-a* ‘булочка’, *dan-dul-a* ‘копченая домашняя колбаса’ (цит. по [Machek 1971: 110])[151];

н.-луж. *kul-k-a* ‘клецки как блюдо (из муки, картофеля и тем подобные)’ [Muka, I: 740];

ст.-польск. *ku-kl-á* ‘panis oblongus, хлеб, булка продолговатая’ (отсутствует как название игрушки) [Knapski, I: 335], польск. диал. устар. *ku-kieł-ka, ku-kioł-ka* ‘печево из хлебного теста, в форме маленького хлебушка, предназначенное для детей’ [SGP], чешск. диал. *ku-kla* ‘вид хлеба’ (цит. по [БЕР, III: 91]), кашуб. *kù-kl-a* ‘маленькая, обычно круглая булочка хлеба, испеченная чаще всего из остатков теста’ [SK], болг. *ку́-кл-а* ‘круглый хлеб, который похож на куклу’ [Геров, II: 428] (возможно, что сближение названия хлеба и куклы вторично), болг. диал. *ку́-кул-ни́к* ‘пасхальный хлеб’ (цит. по [БЕР, III: 101]), мак. разг. *ку-кл-а* ‘хлеб с эллипсовидной формой’ [PMJ, I: 372], укр. диал. *ку-ке́л-ка* ‘калач, белый хлеб’ (цит.

---

[148] Согласно [ЕСУМ, I: 216], слова является производным оп псл. **bobъ* ‘черные бобы’. Словообразование не объяснено.

[149] В словаре Фасмера [I: 226] указаны только соответствия в других языках. Согласно Бернекеру, слово образовано от и.-е. звукоподражания **b(h)a^{x}mb(h)-* ‘набухать’ [Berneker, I: 78–79].

[150] В [ЕСУМ, I: 456] слово указано как неясное.

[151] Махек считает происхождение слов неясным [Machek 1971: 110].

по [ЕСУМ, III: 127]) – Следует подчеркнуть, что как название изделия из теста, данное слово широко представлено в славянских языках) [152],

польск. диал. *kra-kiel* ‘вид булки’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, II: 526],

русск. диал. *ко-ко́р-а* ‘лепешка; род ватрушки; круглый хлеб весом в 2–3 фунта; подгорелое, пересушенное печенье’, *ко-ко́р-ина* ‘лепешка’ [СРНГ, XIV: 95], (возможно влияние и другого звукосимволического образа, связанного с представлением о «сжимании, затвердении» (см. п. 4.9.10.)[153],

русск. диал. *ко-кур* ‘пшеничный хлебец’, русск. диал. *ко-ку́р-ки* ‘сдобные пышки’, *ко-ку́р-а* ‘лепешка (обычно сдобная); ватрушка; кушанье из теста вроде круглого хлебца, пышки, колобка’[СРНГ, XIV: 104], ‘свадебный пирог, пшеничный хлеб с запеченным яйцом, вид кренделя’ (цит. по [ФАСМЕР, II: 284])[154],

русск. диал. *мар-мал-ёшки* ‘галушки’ [СРНГ, XVII: 375],

болг. *пу́-п-ка* ‘хлеб круглой формы’ [ГЕРОВ, IV: 397], сербохорв. диал. *рира* ‘мягкая часть хлеба’ (цит. по [SKOK, III: 79])[155],

болг. диал. *пу-пул-е́* ‘комок из теста, который делается на масленицу’(цит. по [БЕР, V: 856])[156],

---

[152] Данное название изделия из теста не имеет общепринятой этимологии. Бернекер считает, что оно имеет общее происхождение с названием куклы (игрушки) [BERNEKER, I: 640]. Славски считает, что такую гипотезу подкрепляет значение болг. *ку́кла* ‘круглый хлеб, который похож на куклу’ [SLAWSKI, III: 328–329]. О разном происхождении данных названий [БЕР, III: 91–92] приводит аргумент, что как название изделия из теста данное слово широко распространено в польских диалектах, а как название игрушки появляется только в XV в. Высказывались предположения о заимствовании данного названия изделия из теста между славянскими языками. Например, согласно [ЕСУМ, III: 127–128], укр. диал. *кукéлка* ‘калач, белый хлеб’, а также чешск. диал. *kukla* ‘вид булки’, болг. *кукла* ‘обрядный хлеб’ и др. заимствованы от польск. *kukiełka*, которое не имеет надежной этимологии. Для кашуб. *kukla* ЛАУЧЮТЕ предполагает балтийское происхождение [1982: 144]. Борыш возводит данное слово к и.-е. *keuk-* ‘искривлять, загибать, скрещивать’ [BORYŚ: 272].

[153] ФАСМЕР оспаривает идею Калимы о заимствовании русского слова от фин. *kakkara* ‘клецка, вид хлеба’, приводя как аргумент широкое распространение слова в русских говорах, и предполагает связь с русск. детск. *кока* ‘яйцо’ с суфф. *-ура* [II: 283]. Словообразование и семантическое развитие от ‘яйцо’ до ‘хлебное изделие’ не получили типологических доказательств.

[154] В словаре ФАСМЕРА слово не получило объяснения. Есть ссылка на *кокóра*, без объяснения возможной связи. Оспариваются гипотезы других авторов о заимствовании слова [II: 284–285].

[155] Согласно [SKOK, III: 79], слово заимствовано от лат *pulpa*, гласный *и* в слове явился на месте лат. *ul*, перешедшего первоначально в слоговой *ļ*. В [БЕР, V: 855] указано, что слово может иметь общее происхождение с *пуп* ‘живот’.

[156] Болгарский этимологический словарь ссылается на исследование М. Филиповой-Байровой, согласно которому слово заимствовано от гр. *πούπουλο* ‘пух’, так как булочка

чешск. *ši-š-ka* ‘кнедлик (вид булочки)’ [PSJČ, V: 1069], русск. диал. *ши-ш-ка* ‘род печенья’, *ши-ш-уга*, *ши-шул-я* ‘то же (с пометой, что не совсем ясно), круглый пирог на другой день свадьбы’ [Даль 1955, IV: 637].

Сюда можно отнести и другие кулинарные изделия с шарообразной формой, как:

болг. *га-га́л-ка* ‘голубцы’ [Геров, I: 206];

болг. диал. *ко-ко́л’-ки* ‘голубцы’[157] [Стойчев 1970: 179];

болг. диал. *ку-ко́ль-ка* ‘котлета’ (цит. по [БЕР, III: 94])[158].

Ср. также с: лит. *ku-kul-ỹs, kù-kul-is, ku-kl-ỹs* ‘буханка хлеба’ [LKŽ].

4.1.3.2. Названия комочков в еде, на одежде, в пряже, на шерсти животного

Ср. такие слова, как:

сербохорв. *bu-bùl̨-ica* ‘узелок в пряже’ [RJA, I: 702] – о представленной в словаре Скока этимологии слова см. сноску 91;

русск. диал. *ба-бо́ш-ка* ‘комок, не растворившейся в жидкости муки’, *ба-бу́ш-ка* ‘нерастворившийся мучной комочек в вареве, крошеное или насученное комочками тесто (лапша) для похлебки; колбочки, мелкие клецки’ [СРНГ, II: 27, 30], *бо-бу́ш-ка*, *бо-бо́ш-ка* ‘комок непромешанной муки, который получается при замешивании теста’[159] [ССРНГ, III: 59];

болг. диал *бу́м-балъ* ‘комочки по швам ношеной одежды’ [Геров, VI: 38], *бу́м-бъл* ‘свалявшиеся комочки на полах и краях одежды от ношения’ [Архив БДС];

болг. диал. *бар-бо́л-ки* ‘маленькие комочки, которые появляются на одежде после ношения; комочки в креме’ (Благоевград);

русск. диал. *бала-бо́л-ка* ‘клок шерсти, свалявшийся с грязью (у скота)’[160] [СРНГ, II: 66];

пушистая, мягкая [БЕР, V: 856]. Для этой связи, однако, необходимо, чтобы греческое слово было заимствовано в своем прямом значении, а таких фактов нет.

[157] В [БЕР, II: 536] указано, что слово заимствовано от рум. *cocoloș* ‘шарик из теста’. В качестве сравнения приведено употребляемое в том же говоре слово *гага́лка* ‘голубцы’, не объясненное в словаре.

[158] В [БЕР, III: 94] указано, что слово имеет общее происхождение с *кокóл’ка* (см. выше).

[159] Согласно [ЭССЯ, II: 147–148], данное слово является производным с суффиксом *-ušьka* от «полисемантической основы **bob-*».

[160] В [ЭССЯ, II: 171] данное слово рассматривается в одном этимологическом гнезде вместе со звукоподражательными глаголами, обозначающими болтовню, пустозвон, колокольчик. См. также сноску 93.

PUPress

русск. диал. *го-го́л-ья* ‘комочки муки в жидком овсяном растворе для блинов или в блинах’ [СРНГ, VI: 264];

болг. диал. *га-га́л-ка* ‘грязь под хвостом овцы в виде комьев’, *га-га́л-кя* ‘утолщение на нитке’ (цит. по [БЕР, I: 222])[161];

болг. диал. *га-гу́л-ка* ‘комок неразмешанного теста’ [Стойчев 1970, 162];

укр. диал. *ґан-гу́л-ики* ‘комочки навоза на шерсти скота’, *ґо́н-дзуль* ‘сбитый твердый комочек в шерсти’, *ґо́н-дзиль*, *ґо́н-дзурь*, *ґо́н-дзур-я*, *ґо́н-зель*, *ґо́н-зиль* ‘то же’(цит. по [ЕСУМ, I: 467, 560])[162] – форма с диссимиляцией консонантов по твердости/мягкости или экспрессивным изменением: $g – g > g – g'$ и последовавшим палатализационным изменением: $g' > (d)z$);

польск. *gru-czoł* (форма с первоначальной диссимиляцией редуплицированного консонанта по глухости/звонкости и последовавшей палатализацией: $g – g > g – k > g – č$), *gru-zoł* (форма с палатализационным изменением редуплицированного консонанта: $g – g > g – g' > g – z$) ‘комочки, которые иногда образуются в молоке в грудях у матерей’ [Linde, II: 154] (см. сноску 42),

болг. диал. *глю́-з-а* ‘комок непромешанной муки в хлебе, креме и др.’ (цит. по [БЕР, I: 254])[163]– форма с диссимиляцией консонантов по твердости/мягкости или экспрессивной палатилизацией: $g – g > g – g'$ и последовавшим палатализационным изменением: $g' > z$;

чешск. *kl-k* ‘сгусток, комочек, клочок’ [PSJČ, II: 144], диал. *klu-k*, *klouč-ek*, *klo-k*, *klo-č-ek* ‘то же’ (цит. по [Machek 1971: 258])[164];

русск. диал. *ко-ко́р-ки* ‘мелкие комочки, хлопья в молоке, свернувшиеся в вымени коровы’ [СРНГ, XIV: 97], *ко́-кор-ок* ‘творог’ (< ‘свернувшееся молоко’) [СРНГ, XIV: 98];

русск. диал. *ку-кл-ю́шки* ‘грязь на коже животного’ [СРНГ, XVI: 37];

---

[161] В [БЕР, I: 222] данное слово, вместе с другими названиями маленьких шарообразных предметов с тождественной формой, не получило объяснения. В качестве сравнения указано и тур. *gagal* ‘орех’. Такой пример может только свидетельствовать о возможности независимого происхождения звукосимволических слов, тождественных формально и семантически (в данном случае с первоначальным значением ‘маленький шарообразный предмет’).

[162] В [ЕСУМ, I: 467] слово *ґанґу́лики* ‘комочки навоза на шерсти скота’ квалифицировано как аффективное образование, связанное с *ґо́ндзоль* ‘висюлька, побрякушка, пустячок’, *ґо́ндзул* ‘сбитый твердый комочек в шерсти’. Об этимологизации последних см. сноску 252.

[163] В [БЕР, I: 254] происхождение слова не получило объяснения. Указаны только возможные родственные слова в других языках, но с допущением нерегулярных фонетических соответствий, которые не получили объяснения.

[164] У Махека только указаны соответствия в родственных языках и реконструированы праформы: **klъkъ* или **kъlkъ* [Machek 1971: 258].

болг. *ма-му́ль-ки* ‘маленькая неровность в пряже в виде комочка; комочки муки в воде’ (цит. по [БЕР, III: 634])[165], диал. *ма-мал-ю́га* ‘комок неразмешанной муки в каше’ (цит. по [БЕР, III: 632])[166];

болг. диал. *пъ́-п-ка* ‘маленькая неровность в пряже в виде комочка’ (цит. по [БЕР, VI: 64])[167].

Ср. также с: лит. диал. *bum̃-bul-as, gur-gul-as* ‘большой узел’, *kur-kul-as*, *gar-gal-as*, *gur-gól-as*, *gùr-g-a*, *pum-pur-as* ‘узел или неровность в пряже’ [LKŽ].

4.1.3.3. Названия комков земли, грязи и др.

Возможно, что для некоторых из цитированных ниже названий комков земли, грязи налицо смешивание разных звукосимволических образов: образа «маленького шарообразного предмета» и образа «сжимания, очерствения» (см. п. 4.9.10.). Ср.:

русск. диал. *бур-ду́ль* ‘комок замерзшей грязи’ [СРНГ, III: 285], (форма с диссимиляцией консонантов по месту артикуляции: *б – б > б – д*)

болг. диал. *гъ́р-вол-ек* ‘замерзшие комья грязи’ [Младенов 1969: 220], (форма с диссимиляцией консонантов по месту и способу артикуляции: *г – г > г > в*),

русск. диал. *глы́-з-а* ‘твердая глыба или ком земли, льда и т.п.’[168], *глы́-з-инка* ‘комочек земли’ [СРНГ, VI: 222–224], (форма с диссимиляцией консонантов по твердости/мягкости или экспрессивной палатилизацией: *g – g > g – g’* и последовавшим палатализационным изменением: *g’ > z*),

н.-луж. *gru-zł-a, gru-zl-a* ‘глыба (земли)’, *gru-zl-aty* ‘в комках, кусках, глыбистый, бугристый’, *gru-zl-icka* ‘небольшая глыба, комочек, комочек,

[165] В [БЕР, III: 634] данное название комочков отнесено к одному и тому же этимологическому гнезду вместе с формально близкими названиями: кукурузы (болг. *мамул*), человека маленького роста (болг. *мамульке*), чего-либо свернутого без порядка, накатанной кое-как пряжи (болг. *мамулька*). Происхождение слова не объяснено, только цитированы сформулированные другими авторами гипотезы, которые квалифицированы как маловероятные.

[166] Согласно [БЕР, I: 632], слово имеет общее происхождение со словом *мамалига* ‘каша из кукурузной муки’, о котором сказано, что, по всей вероятности, оно заимствовано от рум. *mămăligă* ‘каша из кукурузной муки’.

[167] Согласно [БЕР, VI: 64–65], слово образовано от *пъп*, для которого только реконструирована праформа и указаны соответствия в родственных языках.

[168] В словаре Фасмера [I: 418] о данном слове только выражено предположение о связи с *глы́ба*, *гло́да*.

катышок' [Muka, I: 337], в.-луж. *hru-zł-a, hru-zl* 'ком земли', *hru-zł-ować, hru-zl-ić* 'комкать' [Pfuhl: 222–223], польск. *gru-zel, gru-zl-a*, диал. *gru-ziel, gru-zol* 'комок', *gru-źl-a* 'комок земли' (цит. по [Boryś 2005: 183])[169],

болг. диал. *га-га́л-ка* 'комок грязи под хвостом у овцы' (цит. по [БЕР, I: 222], см. сноску 161);

русск. диал. *кра-каль-я* 'замерзшие комки земли; неровности на льду', *кро́-каль-цы* 'замерзшие комья земли на дороге' [СРНГ, XV: 165];

болг. *кар-кал-я́шка* 'комок из хлеба' (цит. по [БЕР, II: 247], см. сноску 44);

русск. диал. *клы-ч* 'засохший ком земли' [СРНГ, XIII: 317];

русск. диал. *ко-ко́р-а* 'ком (грязи, земли, снега и т.д.)', *ко-ко́р-ки* 'комья грязи, сухие или замерзшие куски, комки грязи' [СРНГ, XIV: 94, 97], *ко-ку́р-ка* 'ком грязи' [СРНГ, XIV: 105];

русск. диал. *ко-чу́р-а* 'ком земли' [СРНГ, XV: 135];

русск. диал. *ко-ко́в-ка* 'комок замершей грязи' [СРНГ, XIV: 92] (*в* < *л*);

русск. *хо-хр-я́к* 'замерзший конский навоз'[170] [Даль 1955, IV: 563];

Образ комка/кома, по всей вероятности, был промежуточным звеном в смысловом развитии русск. диал. *ко-ко́р-очка* 'блин' (Ср. *Первый блин всегда комом*) [СРНГ, XIV: 98].

4.1.3.4 Названия волдырей, пузырей (на коже и в воде)

Следует отметить, что для некоторых из названий пузырей (особенно пузырей в воде) возможна звукоподражательная мотивированность, так как нередко они соотносятся с формально близкими глаголами, обозначающими журчание, кипение. Однако не для всех из слов это характерно. Поэтому для названий пузырей следует допустить возможность эволюции от звукосимволических этимонов с первоначальным значением 'маленький шарообразный предмет'. Нельзя исключать и связи в обратном направлении: чтобы название пузыря стало мотивирующим для глагола, обозначающего журчание, кипение. Ср.:

сербохорв. *bo-b-ûk* 'пузырь на воде' [RJA, I: 466] (о представленной в словаре Скока этимологии см. сноску 91);

---

[169] Согласно Борысю, данные польские и лужицкие слова восходят к западнославянскому варьирующему этимону **gruzъlъ*/**gruzъla* 'ком, клок', производному от псл. **gruzъ* с суфф. **-ьlъ*, **-ъla* [Boryś 2005: 183]. У Баньковского отмечено, что слово «неясное, вероятно связано с *gryźć*» [Bańkowski 2000, I: 489].

[170] У Фасмера отброшены гипотезы о заимствовании слова, без аргументов, с вопросительным знаком отмечено, что возможна связь с *хохол* [IV: 272].

сербохорв. *be-b-ūk* ‘большой волдырь, который появляется вследствие укуса овода’ (цит. по [Skok, I; 129])[171];

болг. диал. *бър-бо́н-ка* ‘пузырек’ [Стойчев 1965: 132];

укр. диал. *ба-бу́л я* ‘пузырь’ (цит. по [ЕСУМ, I: 102], см. сноску 52);

др.-русск. бъ-бъл-ꙗ, бѫ-бъл-ꙗ ‘дождевой пузырь’[172] [Срезневский, I: 188], сербохорв. *bu-bùļ-ica* ‘прыщ’ [RJA, I: 702], чешск. *bou-bel* ‘волдырь, угорь’, *bu-bl-ina* ‘пузырь’ [PSJČ, I: 174, 208], ст.-чешск. *bu-bl-énka*, диал. *bu-dl-inka* ‘пузырь’ (с диссимиляцией *b – b* > *b – d*) (цит. по [Machek 1971: 74]), словацк. диал. *bu-bl-ina* ‘пузырек во воде’ [SSJ, I: 132]), сербохорв. *bu-bl-inka* ‘пузырь в воде’ [RJA, I: 700], *bu-bòl-ica* ‘пузырь, прыщ’[173] [RJA, I: 700];

белорусск. *бэ́м-баль* ‘пузырь после ожога’, *бам-бал-і* ‘пузыри на лужах во время сильного дождя’ (цит. по [Лаучюте 1982: 36], см. сноску 246), укр. диал. *бо́м-бель* ‘волдырь, прыщ’ (цит. по [ЕСУМ, I: 228])[174], польск. *bą-bel*, *bę-bel*, *pę-pel* ‘пузырь’, ст.-польск. *bom-bel*, *bą-bol* ‘пузырь; пустое место в литье, прыщ’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 108], *pą-pyl*, мн. ‘волдыри’ (в тексте с XV в., где говорится о волдырях на отмороженных ногах) (цит. по [Bańkowski 2000, I: 38])[175], болг. диал. *бум-бу́л-и* ‘пузыри’ [Архив БДС];

польск. диал. *bom-b-a* ‘большой пузырь’(цит. по [SP, I; 346], см. сноску 89);

сербохорв. *bum-bir*, *bum-bor* ‘плацента’ (цит. по [Skok, I: 236])[176] (‘плацента’ < ‘пузырь’);

---

[171] Согласно Скоку, налицо метафорическое употребление слова *bob* и контаминация с *klobūk* [Skok, I: 129].

[172] В словаре Фасмера объяснение происхождения данного слова отсутствует, указаны только родственные слова, среди которых есть и звукоподражательные [I: 226].

[173] В [SP, I: 347] данное сербохорв. название пузыря отнесено к одному и тому же этимологическому гнезду вместе с польск. *bąbol* ‘пузырь’, чешск. диал. *bubolec*, *bobolec* ‘волдырь от ожога’, сербохорв. *buboljak* ‘маленький овальный камень’ и др. Для всех предположено звукоподражательное происхождение от **bąb-*. Этот вывод входит в противоречие с представленным в сноске 89 выводом в том же словаре. См. также сноски 31 и 91.

[174] [ЕСУМ] не связывает данное название прыща с формально близкими укр. названиями пузыря [I: 228]. Слово представлено как экспрессивное по своему происхождению. См. сноску 65.

[175] Баньковски считает названия пузыря и прыща, содержащие звонкий консонант *b*, производными от *pąpyl* в «результате экспрессивной соноризации». Само слово *pąpyl* считает наследником этимона **pąp-yl̓ь*, образованного от **pąpъ*. О словообразовательном значении суффикса ничего не сказано [Bańkowski 2000, I: 38].

[176] Скок оспаривает предположение Даничича о связи слова с тур. *bumbar* ‘колбаса’, приводя как аргумент семантику слов [Skok, I: 236].

болг. диал. *бо-би́н-е* (*бо-б-и́не*) ‘гнойные прыщи’ (цит. по [БЕР, I: 59]), словен. *bo-bin-ke* (*bo-b-inke*) ‘оспа, вериола’ (цит. по [BEZLAJ, I: 29]), сербохорв. *bo-bin-ka* (*bo-b-inka*) ‘вариола, бородавка, родинка’ [RJA, I: 464];

русск. диал. *бо-быш-ка* ‘волдырь’ (цит. по [ЭССЯ, II: 147–148])[177],

русск. диал. *ба́-боч-ка,* обычно мн. ‘пузырьки, образующиеся на поверхности лужи во время дождя от падения крупных дождевых капель’ [СРНГ, II: 26], русск. диал. *ба-бу́х-а, ба-бу́ш-а* ‘оспа’ (цит. по [ФАСМЕР, I: 100][178]; с *ш* от *л* из-за изменений в связи с экспрессивностью и с *х* от *ш* вследствие редеривации), русск. диал. *ба-бу́ш-ки* ‘натуральная оспа; пятна натуральной оспы’, *бо-бу́ш-ки* ‘то же’ [СРНГ, II: 30] (‘оспа’ < ‘прыщ’);

болг. диал. *бал-б-у́к* (*бал-бу́к*) ‘водяной пузырь’ [СТОЙЧЕВ 1965: 126], русск. диал. *бал-б-у́к* (*бал-б-у́к*), *бул-б-у́к* (*бул-бу́к*), *бу́ль-б-ух* (*бу́ль-бух*) ‘пузырь на воде’ [ДАЛЬ 1955, I: 108], *бу́ль-б-у́шки* (*бу́ль-бу́ш-ки*) ‘пузырьки’ [СРНГ, III: 274], укр. *бу́ль-баш-ка* ‘пузырь’ (цит. по [ЕСУМ, I: 292])[179];

польск. диал. *bur-bul-ka*, *bur-buł-ka* ‘пузырь’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI: 235], русск. *бу́р-бол-ка* ‘пузырь на поверхности воды, образующийся при падении в нее чего-нибудь’[180], *бур-был-ка* ‘пузырь на поверхности воды’, русск. диал. *бур-ду́ль* ‘пузырь; прыщ, волдырь на коже от укуса насекомого’, *бур-ды́ль* ‘пузырь на поверхности воды’ [СРНГ, III: 284–285], белорусск. *бу́р-бал-ка*, *бу́р-бау́-ка* ‘водяной пузырек’, *бул-дыр, бур-дыр* ‘водяной пузырь’ [БАЙКОЎ-НЕКРАШЭВІЧ] – некоторые из форм с диссимиляционным изменением консонантов по месту артикуляции: *б – б* > *б – д*;

болг. диал. *бръ́м-бул* ‘водяной пузырь, образующийся вследствие бросания камня в воду’ [МЛАДЕНОВ 1967: 42];

болг. диал. *бъ́м-бър* ‘водяной пузырь’ (цит. по [БЕР, I: 99])[181];

укр. диал. *во́р-віль* ‘волдырь на коже’ (цит. по [ЕСУМ, I: 425])[182], русск. *вол-ды́рь* ‘волдырь’ (цит. по [ФАСМЕР I: 338])[183] – форма с диссимиляцией консонантов по месту и способу артикуляции: *в – в* > *в – д*;

---

[177] ЭССЯ [II: 147–148] считает данное слово производным с суффиксом *-yšьka* от „полисемантической основы **bob-*.

[178] ФАСМЕР предполагает, что, как табуистическое, это название связано с *ба́ба* [I: 100].

[179] В [ЕСУМ, I: 292] отмечено, что этимология слова не совсем ясная.

[180] В [ЭССЯ, II: 171] данное русское название пузыря рассматривается в одном этимологическом гнезде вместе со звукоподражательными глаголами, обозначающими болтовню, пустозвон, колокольчик, и другими словами, для которых можно доказать звукосимволическое ономатопоэтическое происхождение. См. также сноску 93.

[181] Согласно [БЕР, I: 99–100], слово имеет звукоподражательное происхождение. Следует отметить, что в качестве родственных указаны только названия маленьких шарообразных предметов: русск. *бу́ба* ‘опухоль’, польск. *bąbel* ‘водяной пузырь’, лит. *bum̃buras* ‘почка; утолщение; колобок’, *bam̃ba* ‘колобок, шар’ и др. Слова со «звуковыми» значениями отсутствуют.

сербохорв. *gọ-goḷ-ak* ‘пузырь’[184] [RJA, III: 242];

болг. диал *гъ́н-гал* ‘водяные пузыри’ (цит. по [БЕР, I: 302])[185];

болг. диал. *га-га́л-ка* ‘белая сыпь во рту у детей’ [Геров, I: 259] (см. сноску 161);

укр. диал. *ґо́-дз-а* ‘заразная сыпь на коже’ (цит. по [ЕСУМ, I: 545][186]; форма с диссимиляций по твердости/мягкости или экспрессивной палатализацией редуплицированного консонанта: *g – g > g – g’ > g – dz*);

болг. диал. *по́-пунь* ‘пузырь в воде’ (цит. по [БЕР, V: 526], см. сноску 143);

укр. диал. *по́р-пл-иці* ‘струпья на голове’ (цит. по [ЕСУМ, IV: 528])[187];

болг. диал. *пе́н-пур* ‘пузырь’ (цит. по [БЕР, V: 155])[188];

русск. диал. *пу́-пор* ‘прыщ, пупрыщик на теле’ [СРНГ, XXXIII: 131], *пу́-пыр* ‘прыщ, пупрыщик на теле’, *пу-пы́рь* ‘пузырь на воде от дождя’, *пу́-пух* ‘прыщ, угорь’ [СРНГ, XXXIII: 132], болг. *пу-пу́р-ка* ‘прыщ’ (цит. по [БЕР, V: 857])[189];

болг. *ци-ц-и́на* ‘прыщ, который появляется на деснах’ [Геров 1975–1978, V: 526];

болг. диал. *ци́р-к-ъ* ‘маленький гнойный прыщ’ [Ралев 1977: 179], болг. диал. *чи́р-к-а* ‘гнойный нарыв’ [Хитов 1979: 339];

русск. диал. *ша́-шал-ы* ‘прыщи на голове’ [Даль 1955, IV: 624].

Ср. также с: лит. *kuñ-kal-as*, *kun-kól-as* ‘пузырь’, *kuñ-kul-as* ‘пузырек кипящей воды’ [LKŽ], лат. *pa-pul-a* ‘пузырь, прыщ’.

4.1.3.5. Названия выпуклостей

4.1.3.5.1. Названия отеков, опухолей на теле

Ср. такие названия, как:

сербохорв. *bó-b-a* ‘маленькая бородавка на голове, например у индюшат’ [RJA, I: 463] (см. сноску 29);

---

[182] В [ЕСУМ, I: 425] слово представлено как неясное, с допущением родства с белорусск. *варво́ль*, польск. *warwoł* ‘рыбий жир’.

[183] В словаре Фасмера [I: 338] слово указано как неясное.

[184] Скок связывает данное название пузыря с глаголом *gogljati* ‘кипеть’ и таким образом делает вывод о его звукоподражательном происхождении, что вполне естественно [Skok, I: 585].

[185] В [БЕР, I: 302] этимология слова указана как неясная.

[186] В [ЕСУМ, I: 545] этимология слова указана как неясная.

[187] В [ЕСУМ, IV: 528] слово не получило объяснения.

[188] В [БЕР, V: 155] этимология слова указана как неясная.

[189] В [БЕР, V: 584] слово возведено к этимону **paръ*. Концовка слова не объяснена.

RUPress

сербохорв. *bu-b-a* ‘carcinoma, cancer’ [RJA, I: 698], русск. диал. *бу́-б-а* ‘опухоль, болячка’ (цит. по [Шанский, I, вып. 2: 208]), укр. диал. *бу́-б-а* ‘нарыв; след от удара’ (цит. по [ЕСУМ, I: 274])[190];

чешск. *bou-bel* ‘опухоль с жидким, кашеобразным содержанием; зародыш солитера, прыщ’ [PSJČ, I: 174] (см. сноску 31);

сербохорв. *bò-bar-a, bo-bár-ac, bo-bàr-ica* ‘cancer femina, ova gestans, самка рака, которая будет метать икру’ [RJA, I: 463];

укр. *бу-бо́н* ‘отек в паху; отек лимфатического узла в паху вследствие воспаления’ (цит. по [Рудницький, I: 230])[191], болг. диал. *бу-бу́н-кя* ‘отек вследствие удара, обычно на голове’ (цит. по [БЕР, I: 86])[192];

н.-луж. *bom-bol-ica* ‘продолговатая опухоль’ [Muka, I: 63];

болг. *брь-бон-ка* ‘отек в виде шишки на теле человека вследствие удара’ [Геров, I: 75–76];

русск. диал. *бал-б-у́ка, вал-б-у́ка* (*б/вал-бук-а*) ‘подкожный нарост на теле, шишка’ [Даль 1955, I: 107–108], ‘опухоль от ушиба’ [СРНГ, II: 78], укр. *бала́-б-уха* (*бала́-бух-а*) ‘шишка (на теле)’ [Гринченко, I: 23], (о представленной в [ЕСУМ, I: 122] и [ЭССЯ, III: 116–117] этимологизации см. сноску 32) – форма *вал-бук-а* с диссимиляцией по способу образования консонантов;

болг. диал. *бъм-бър-и́ца* ‘желвак на голове человека’ (цит. по [БЕР, I: 99])[193];

руск. диал. *вор-ду́ль* ‘чирей’ [СРНГ, V: 99] – форма с диссимиляцией консонантов по месту и способу образования: *в – в* > *в – д*;

болг. диал. *въ́р-гл-а* ‘опухоль на голове’, *въ́р-го́л-ец* ‘опухоль с червяком, которая появляется у исхудалой скотины’ [Шклифов 1977: 219], *въ́р-г-а* ‘опухоль от удара на голове или на теле’ (цит. по [БЕР, I: 209], см. сноску 33) – формы с диссимиляцией консонантов по месту и способу артикуляции: *в – г* < *в – в* или *г – г*; ср. с русск. диал. *гур-гу́л-я* ‘шишка, нарост на теле’, укр. диал. *ґур-ґу́л-я, ґур-ґу́л-а, ґор-ґо́л-я* ‘бородавка’;

польск. диал. *gu-g-a* ‘шишка’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 939] (см. сноску 364), польск. *gu-z-ik* ‘шишка на теле’ [Karłowicz–

---

[190] См. сноски 72 и 89. В словаре Шанского русск. название опухоли, вместе с другими названиями опухолей, пузырей (польск. *bąbel*, чешск. *boubel*), комочков (сербохорв. *бубла*), барабана (укр. *бубон*, чешск. *buben* и др.) возведены к звукоподражательному этимону **bąbъ* ‘глухой звук, стук’ [Шанский, I, вып. 2: 208].

[191] Рудницкий считает данное укр. слово зимствованием от гр. *βουβών* ‘подмышка’ [Рудницький, I: 230]).

[192] Согласно [БЕР, I: 86], данное болг. слово образовано от (незасвидетельствованного в болг. языке – замечание мое: Ж. К.-З.) слова *буба* с первоначальным значением ‘что-то выпуклое’ с суфф. *-унка*.

[193] Согласно [БЕР, I: 99], слово является производным от *бъ́мбър* ‘водяной пузырь’. См. сноску 181.

KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 944], русск. диал. *гу-з* ‘твердая шишкообразная опухоль от удара на теле, желвак’ [СРНГ, VII: 206];

русск. диал. *гур-гу́л-я* ‘шишка, нарост на теле’ [СРНГ, VII: 238], укр. диал. *гур-гу́л-я, гур-гу́л-а, гор-го́л-я* ‘бородавка’ (цит. по [РУДНИЦЬКИЙ, I: 890]), ‘шишка, опухоль’ (цит. по [ЕСУМ, I: 623])[194];

польск. диал. *gu-ziel* ‘опухоль’, редко. *gu-zel* ‘рак, новообразование, которое выглядит как картофель’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 943];

польск. диал. *gul-g-a,* ‘шишка’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 939], руск. диал. *гу́ль-г-а* ‘шишка (на лбу, на голове от удара)’ (см. сноску 364), *гу́ль-к-а* ‘шишка, волдырь, опухоль’ [СРНГ, VII: 218, 219] (возможна редеривация *gul-g-a* > *gula* > *gulka* или сначала диссимиляция консонантов по глухости/звонкости *gul-g-a* > *gul-k-a* > *gula*);

польск. *gur-dziel, kur-dziel* ‘язва, которая образуется на языке у лошадей от твердой пищи’ [LINDE, II: 152];

ст.-польск. *gru-zoł*, диал. *gru-zel, gru-zeł* ‘glandula, железа’, польск. *gru-czoł* ‘glandula, железа’, *gru-czol-ak* ‘adenoma’, польск. диал. *gru-cz-a* ‘опухоль в горле; горб’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 920], *gru-czoł* ‘шишка на голове’ [LINDE, II: 154] – формы слов с диссимиляционным изменением-консонантов по глухости/звонкости: *g – g* > *g – k* или *k – k* > *g – k* и последовавшим палатализационным изменением *k* > *č*; см. сноски 42 и 169;

укр. *гон-дзол-я́к* ‘прыщ, шишка’ [ГРИНЧЕНКО, I: 530];

болг. *гъ-гр-е́ц* ‘опухоль на теле’ (цит. по [БЕР I: 298], см. сноску 506;

русск. диал. *гу-гор-е́лина* ‘горб’ [СРНГ, VII: 199];

русск. диал. *гу́-гл-я* ‘опухоль от ушиба, шишка’, *гу-гу́л-я* ‘шишка на голове от ушиба’ [СРНГ, VII: 198, 200][195];

русск. диал. *ку́-гл-ина* ‘шишка на лбу от ушиба’ [СРНГ, XV: 395];

словен. *gli-ž-a* ‘железа’, сербохорв. *gli-z-a* ‘struma, опухшая железа’, чешск. *hli-z-a* ‘отек, абсцесс ’ (цит. по [BEZLAJ, I: 148]);

болг. диал. *дзи́н-дз-а* ‘опухоль вследствие удара’, *дзу́н-дз-а* ‘опухоль от удара’ (цит. по [БЕР, I: 377, 378])[196], *дзу́н-дзал-ъ* ‘шишка на голове от удара’ [ЕВСТАТИЕВА 1971: 170] (ср. с болг. диал. *дзи-дз-на* ‘ударить кого-либо,

---

[194] Согласно [РУДНИЦЬКИЙ, I: 890; ЕСУМ, I: 623], слово заимствовано из румынского языка. При таких значениях русск. и укр. слов данная гипотеза вряд ли основательна.

[195] В [ФАСМЕР, I: 470] указаны только соответствия в родственных языках, такие как польск. *guga* ‘шишка’, *gugułka* ‘неспелая вишня’, лит. *gugà* ‘шишка, бугор, седельная лука’, *gaũgaras* ‘вершина горы’ (указано как соответствие с другой степенью чередования) и др. Происхождение слов не получило объяснения.

[196] Согласно [БЕР, I: 377, 378], форма *дзу́ндза* образована от *дзи́ндза,* которая образована от незасвидетельствованной формы **дзидза*, параллельной к *цица.*

вследствие чего у него появляется шишка', которое считается звукоподражательным (цит. по [БЕР I: 377]));

болг. диал. *дзи́-дз-ина* (*дзи́-дзин-а*) 'опухоль вследствие удара' (цит. по [БЕР, I: 377])[197];

болг. диал. *чу́-к-а* 'большое вздутие на теле от удара' [Стойчев 1965: 303] – форма с диссимиляцией по твердости/мягкости или экспрессивной палатализацией и последовавшим палатализационным изменением: *к – к* > *к' – к* > *ч – к*;

русск. диал. *кол-к* 'костяной комель под рогом коровы или быка' (цит. по [Фасмер, II: 291–292])[198];

русск. диал. *ко-ко́в-ка* 'нарост на коже лица, иногда – бородавка' [СРНГ, XIV: 92]; ср. с *ко-ко́в-ка* 'удар по голове', *дать коковку* [СРНГ, XIV: 92];

русск. диал. *ку-кор-ева́тый* 'покрытый прыщами и наростами', пример: *кукореватый нос* [СРНГ, XVI: 43];

н.-луж. *kul-k-a* 'щиколка на ноге или руке' [Muka, I: 740] (возможно, что связывающим звеном было значение 'игральная кость', см. п. 4.1.3.8.);

словен. *mra-mor-ica* 'отекшие железы; болезненные нарывы' (цит. по [БЕР, IV: 245]), *mrá-mor*, *mrá-mor-ja* 'нарост на колене (заболевание лошадей и коров)' (цит. по [ЭССЯ, XIX: 237]), *mrá-mor-i*, *brá-mor-i* 'скрофулез (туберкулезная инфекция, влияющая на лимфатические узлы – замечание мое: Ж. К-З.)' (цит. по [Bezlaj, II: 199])[199] – *b – m* < *m – m*;

русск. диал. *на́-п-ка, па́-п-очки* 'прыщик, болячка' *па-п-ушки́* (*па-пушки́*) 'сыпь' (цит. по [Меркулова 1972: 158]);

укр. *пи-п-а́к* 'мозоль' [Гринченко, III: 152];

русск. диал. *цы-ц-ка* 'гнойное воспаление сальных желез век, ячмень' [ССРНГ: 591];

болг. *ци-ци́-на* 'желвак на голове вследствие удара', диал. *ци-ци́-нъ* 'большая гнойная опухоль' [Ралев 1977: 179];

болг. диал. *чу́-чул-а* 'опухоль на голове' [Китов 1979: 340];

русск. *хо-хр-я́к* 'горб; шишка'[200] [Даль 1955, IV: 563];

---

[197] Согласно [БЕР, I: 377] форма *дзи́дзина* параллельна к *цицина*.

[198] В словаре Фасмера для данного слова только указаны родственные слова в других языках и диалектах, среди которых: болг. *кълка* 'бедро', сербохорв. *кук*, словен. *kòlk* 'то же', лат. *calx* 'пята' и др. Семантическая и формальная реконструкция отсутствуют [II: 292–292].

[199] Безлай усматривает в данном названии болезни редупликацию **mor-mor-ъ*. К этому же этимону возводит и др.-русск. глагол изморомрати 'грызть, истреблять' [Bezlaj, II: 199]. Эта гипотеза основана на смешивании разных этимологических гнезд ономатопоэтических, в частности звукосимволических, образований. См. также сноску 137.

[200] Слово не получило объяснения у Фасмера. Очень осторожно допущена связь с *хохол* [IV: 272].

н.-луж. *ho-chol* ‘сап’ (Один из симптомов болезни – образование пустул, которые превращаются в язвы; замечание мое Ж. К.-З.) [Muka, I: 394];

русск. *ши-ш-ка* ‘опухоль (например, на лбу)’ [Даль 1955, IV: 636], польск. *szy-sz-ka* ‘болезненная опухоль на теле’ [Linde, V: 634];

болг. диал. *ши́-къл-къ* ‘отек на теле’ [Ковачев 1970: 50], русск. диал. *ши-ков-ка* (<**ши-кол-ка*) ‘шишка на теле человека’ (цит. по [Куркина 1981: 23]);

укр. *ши-шл-ак* ‘шишка на теле (с вопросительным знаком)’ [Гринченко, IV: 497].

4.1.3.5.2. Названия наростов на растении

Ср. такие названия, как:

словацк. диал. *bom-bol-ec, bam-bol-ec* ‘нарост, шишка’ (цит. по [ЭССЯ, II: 231]), белорусск. диал. *бо́м-бля* ‘нарост’ (цит. по [Лаучюте 1982: 62])[201];

болг. *брь-бо́н-ка* ‘наросты в форме зерна, которые образуются на листьях деревьев’ [Геров, I: 75–76];

укр. диал. *ґур-ґу́л-а*, *ґор-ґо́л-я* ‘нарост на дереве’ (цит. по [ЕСУМ, I: 623]), болг. диал. *вър-гу́л-а* ‘нарост на дереве’ (форма с диссимиляцией консонантов по месту и способу образования: *г – г* < *в – г*), *вър-дзу́л-ка* ‘нарост на стволе ореха’ (цит. по [БЕР, I: 210]) – форма с последовавшим изменением *г* > *дз*, возможно, вследствие контаминации или экспрессивности формы (см. сноски 194 и 33);

руск. диал. *гу́ль-к-а* ‘нарост на дереве’ [СРНГ, VII: 219];

болг. диал. *гло́-г-а* ‘сучок, нарост на дереве’ (цит. по [БЕР, I: 250])[202];

сербохорв. *gr-č-a* ‘нарост на дереве’[203] [RJA, III: 395];

польск. диал. *gu-z*, ст.-польск. *gą-z* ‘нарост на дереве’[204] [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 943];

словен. *kle-k-a* ‘нарост на дереве’ (цит. по [БЕР, II: 429])[205];

---

[201] Согласно Лаучюте, слово заимствовано от лит. *bum̃bulas* ‘пузырь, волдырь’ [1982: 62]. Не становится ясным изменение значения: ‘пузырь, волдырь’ > ‘нарост’. См. гакже сноску 149.

[202] В [БЕР, I: 250] слово отнесено к этимологическому гнезду названия боярышника *глог*. См. сноску 101.

[203] Скок возводит данное слово к и.-е. этимону, содержащему корень **ger-* или **(s)qer-* и расширитель *k* [Skok, I: 611–612].

[204] В [ЭССЯ, VII: 93–94] этимон слова определен как «экспрессивное образование», что, как было уже сказано, ничего не дает для разъяснения механизма образования слова, поскольку экспрессивность можно постичь и фонетическим, и семантическим, и морфологическим способом мотивированности.

болг. диал. *къ́л-к-а* ‘нарост на дереве’ [Архив БДС],
укр. диал. *коро-ку́л-я* ‘нарост на дереве’ (цит. по [ЕСУМ, III: 39])[206],
болг. *че-кор* ‘нарост на дереве; сук’ [Геров, V: 538];
укр. диал. *мар-му́ль* ‘нарост на дереве’ (цит. по [ЕСУМ, III: 399])[207];
болг. *ци-ци́-на* ‘нарост на растении’ [Геров, V: 526]
болг. диал. *ши́-къл-къ* ‘нарост на дереве в виде шишки’ [Ковачев 1970: 50], *ши́-кал-ка* ‘маленькое овальное полое образование на стебле дуба или другого дерева’ [Стойчев 1970: 219].

4.1.3.5.3. Названия возвышений на земной поверхности

Ср. такие названия, как:

н.-луж. *ba-b-y* мн. ‘круглая пирамидальная форма кучи на поле’ [Muka, I: 6];
сербохорв. *bu-bùl̨-ica, bu-bùl̨-ičica* ‘куча земли, холм, бугорок’ [RJA, I: 702] (см. сноску 91);
сербохорв. *Bò-bar-a* ‘имя горы в Босне’ [RJA, I: 463];
укр. диал. *бур-бел-ок* ‘вершина’ (цит. по [Лаучюте 2002: 29])[208];
болг. диал. *га-гу́л-ка* ‘возвышенное место (из камней, земли) в поле, огороде, на лугу’ [Стойчев 1970: 162];
болг. диал. *гар-гу́л-ка* ‘возвышенное место (из камней, земли) в поле, огороде, на лугу’ [Стойчев 1970: 163];
укр. *ґор-ґа́н* ‘вершина горы’ [Желеховский–Недїльский, I: 169],
болг. диал. *джу́-джер* ‘могила’ (цит. по [БЕР, I: 369])[209];
болг. диал. *ку-куль* ‘маленькое возвышение в форме конуса’ (цит. по [БЕР, III: 102])[210];

---

[205] В [БЕР, II: 429] слово отнесено к названиям, прежде всего, кривых предметов, восходящим к этимону псл. **klękъ*/**klęčь* ‘что-то согнутое’, происхождение которого не получило объяснения. Следует признать, что слово, обозначающее кривизну ветки дерева может быть переосмыслено как название нароста на ветке. См. также сноску 49.

[206] В [ЕСУМ, III: 39] данное слово отнесено к одному и тому же этимологическому гнезду вместе с русск. *кара́куля* ‘кривое дерево’. См. предыдущую сноску.

[207] В [ЕСУМ, III: 399] слово отнесено к этимологическому гнезду *мармо́лок* ‘деревянное яйцо для игры в битки; брусок для точения косы’; выражено мнение, что, оно заимствовано от польского *marmur*, что связано с компромиссами и относительно формы, и относительно значения.

[208] Лаучюте считает данное слово заимствованием от лит *burbulas* ‘(водяной) пузырь’ [2002: 29]. Неясно, как при заимствовании слова со значением ‘(водяной) пузырь’ развивается значение ‘вершина’.

[209] Согласно [БЕР, I: 369], данное слово может быть образовано от незасвидетельствованного **чучер*, производного от *чука*, в результате сонаризации.

болг. *ку́-кл-а* ‘возвышение’ [Геров, II: 428];

болг. диал. *къл-к-а* ‘холм’ (цит. по [Григорян 1975: 108]), словен. *kȍł-k* ‘выступ скалы; вершина горы’ [Pleteršnik, I: 424], русск. диал. *кол-к* ‘маленькое болотце, поросшее лесом; небольшой участок земли, поросший кустарником’, *ко́л-к-а* ‘небольшой участок леса среди поля или болота’, *ко́л-к-и́* ‘островки леса среди степей и пашен’, *ко́лок* ‘роща, лесок в поле, степи; островок крупного леса среди мелколесья, болота; островок леса, оставшийся на месте сгоревшего лесного массива; всякий мелкий невысокий лес’ [СРНГ, XIV: 136–137, 162, 163] – форму *ко́лок* можно считать образованной от *ко́лка* на основании аналогии с формами других слов, где имеется беглый гласный *о*;

ср. также *коло-кол* ‘молодой березовый лесок’ [СРНГ, XIV: 164];

русск. диал. *ко́л-ч-а* ‘кочка’, *кол-ч* ‘кочка, бугорок, поросший мхом или травой’, *ко́л-ч-и́* ‘ухабы, комья мерзлой грязи на дороге, пашне’ [СРНГ, XIV: 202–203];

русск. диал. *кло-чь* ‘бугорок земли на низменном или болотистом месте, поросший мхом’ [СРЯ XI–XVII, VII: 180];

сербохорв. *Кле-к* название каменистой горы в Хорватии [РСА, IX: 565],

русск. диал. *ку-ка́н* ‘холмистая возвышенность; холм, пригорок’ [СРНГ, XVI: 31];

русск. *ко-ч-ка* ‘бугорок земли на низменном или болотистом месте, поросший мхом или травой’ [ТСС], диал. *ко́-ч-а* ‘кочка; древний курган’ [СРНГ, XV: 122], *ко́-ч-ка* ‘небольшой холмик; островок на реке’[211] [СРНГ, XV: 133];

русск. диал. *ко-чёр-а, ко-чу́р-а* ‘кочка’ [СРНГ, XV: 126, 135];

болг. диал. *чу-чул’-а́н* ‘возвышение’ [Бояджиев 1971: 104];

болг. *чю́-ка* ‘каменистая вершина’ [Геров, V: 564], *чу́-ч-къ* ‘возвышение’ [Бояджиев 1971: 104];

болг. *чю́-кл-а,* ‘каменистая вершина’ [Геров, V: 565];

болг. *чю-ка́р-а* ‘каменистая вершина’ [Геров, V: 565]

чешск. диал. *ky-čer-a* ‘вершина’, словацк. *ky-čer* ‘крутая дикая вершина’ (цит. по [Machek 1971: 313])[212];

болг. диал. *му-ма́р-а* ‘холм с белой почвой’ (цит. по [БЕР, IV: 321])[213],

---

[210] Согласно [БЕР, I: 102], данное слово имеет общее происхождение с *кукул* ‘вид островерхого монашеского капюшона’, которое считает заимствованием от лат. *cuculla* через посредство греческого языка.

[211] Согласно [ЭССЯ, X: 107], слово образовано от слабо засвидетельствованной основы ***kok-***.

[212] Махек отмечает, что происхождение слова неясное [Machek 1971: 313].

[213] В [БЕР, IV: 321] этимология слова представлена как неясная

русск. *пу-п* ‘всякая выпуклость’ (*Земля пупом поднялась, пупом вспучило*) [Даль 1955, III: 539], ‘самое высокое место на берегу реки; небольшая возвышенность, холм; лес среди поля’ [СРНГ, XXX: 126];

болг. *пу́м-пал* ‘могила из песка в овраге’ [Геров, IV: 397];

русск. *хо-хр-я́к* ‘кочка’ [Даль 1955, IV: 563];

русск. *ши-ш-ъ* ‘островерхая куча, вершина, насыпь’[214] [Даль 1955, IV: 636], *ши́-ш-ка* ‘горка или вершина горы’[Даль 1955, IV: 637];

Ср. также с болг. диал. *ху́-хор* ‘пустое место между отделившейся штукатуркой и стеной’ [Стойчев 1965: 297];

русск. диал. *ши-ков-ка* (<**ши-кол-ка*) ‘бугор, неровность на дороге, ухаб’ (цит. по [Куркина 1981: 23]).

Ср. также со следующими названиями выпуклостий из других индоевропейских языков, как: лит. *gùnga* ‘горб’, *gun-gur-ỹs* ‘желвак; нарост’, *gugà* ‘нарост на дереве; выпуклость; горб’, *gu-gẽl-is, gù-gul-as, gu-gur-ỹs* ‘вершина холма’, *kau-kar-as* ‘холм, верина холма’, лит. диал. *gau-gar-as* ‘вершина холма’ [LKŽ], др.-гр. *γά-γγλ-ιον* ‘опухоль (рак) ход кожей; гланда’ (цит. по [Boisacq 1916: 138], где этимология слова указана как неясная).

4.1.3.6. Названия экскрементов овец, коз и др.

Ср. такие слова, как:

польск. *bo-b-ek* обычно мн. ‘экскременты овцы, козы, зайца и др.’ [Doroszewski, I: 582]. укр. *бі-б-ка* ‘помет в шариках: овечий, заячий, козий’ [Гринченко, I: 59], ст.-чешск. *bo-b-ek* ‘овечий помет’ [Gebauer, I: 72], словен. *bò-b* ‘(козий, овечий) помет’ [Pleteršnik, I: 36] (см. сноску 29);

болг. диал. *бар-бо́н-ка*, *бра-бо́н-ка*, *бар-бо́н-ка*, *бър-бо́н-ка*, *бо-бо́н-ка* ‘экскременты мелкого рогатого скота или зайца’, *брь-бон-ка* ‘экскременты овцы или козы’ [Геров, I: 75–76] (см. сноску 94);

болг. диал. *бъ́р-буш-ка* ‘экскременты мелкого скота’ (цит. по [БЕР, I: 101])[215], укр. дил. *буру́-б'яш-ки* ‘экскременты овцы’ (цит. по [ЕСУМ, I: 298])[216];

укр. *бала́-буш-ка* ‘комок помета’ [Гринченко, I: 23];

---

[214] В словаре Фасмера этимология слова указана как неясная [IV: 444].

[215] В [БЕР, I: 101] слово отнесено к предыдущему названию экскрементов мелкого рогатого скота.

[216] В [ЕСУМ, I: 298] слово отнесено к этимологическому гнезду укр. диал. *бу́рба*, *бу́руба*, *буру́башки* ‘круглые шишки на растении’. См. сноску 41.

BUPress

болг. диал. *бръ́м-бал-ешка* ‘экскременты овцы’ [Шклифов 1977: 213],

н.-луж. *bo-bul-a*, обычно *bo-bul-e* мн. ‘экскременты овцы, козы’ [Мука 1921–1928, I: 55];

русск. диал. *га-га́р-ышки* ‘овечий кал’ [СРНГ, VI: 89], (ср. со значением слова ‘какие-либо шарики небольшого размера’);

болг. диал. *дъ́р-дон-ек*, *дъ́р-дън-ек*, *дър-до́н-ка* обычно мн. ‘экскременты козы или овцы’ (цит. по [БЕР, I: 460])[217];

болг. диал. *кар-кал-я́шка*, *кар-кал-а́шка*, *кра-кал-е́шка* ‘экскременты козы или овцы’ (цит. по [БЕР, II: 247], см. сноску 44);

болг. диал. *ка-кал-е́шка* ‘экскременты козы, овцы, зайца, мыши и др.’ (цит. по [БЕР, II: 150])[218];

болг. диал. *ка-кар-е́шка* ‘экскременты овцы’ [Шклифов 1977: 249],

болг. *ку-кур-а́ди* ‘экскременты’, *ку-кур-е́жки* ‘экскременты овцы, козы, мыши и др.’ (цит. по [БЕР, III: 106, 107]);

русск. диал. *ко-ки́р* ‘овечий помет’[219] [СРНГ, XIV: 88],

болг. диал. *ши-кал-ка* ‘экскременты овцы или козы; экскременты мыши’ [Младенов 1967: 194].

4.1.3.7. Названия личинок, куколок

Ср. такие слова, как:

сербохорв. *bu-b-a* ‘кокон’ [RJA, I: 698], словен. *bú-b-a* ‘кокон; личинка’ (цит. по [Bezlaj, I: 51]), болг. *бу́-б-а* ‘шелковичный кокон’[220];

русск. диал. *ба́-б-ка* ‘личинка одного насекомого, на которую удят рыбу’ [СРНГ, II: 21];

сербохорв. *бо́-б-ица* обычно мн. ‘яйца, личинка солитера’ [РСА, I: 668–669] (см. сноску 29);

словен. *go-ger* ‘личинка моли в меху’ (цит. по [Bezlaj, I: 156])[221];

польск. *bo-bów-ka* (*bo-b-ówka*) ‘личинка мухи’ [Doroszewski, I: 583];

сербохорв. *ко́-к-ица* ‘ларва’ [РСА, IX: 746];

русск. диал. *ку́-кол-ка* ‘муравьиная личинка, яичко’ [СРНГ, XVI: 41],

---

[217] В [БЕР, I: 460] представлена лишь реконструкция псл. и и.-е. этимонов слова.

[218] Согласно [БЕР, I: 150], слово образовано от незасвидетельствованного существительного на *-ало*, производного от глагола *какам* ‘(о ребенке) какать’.

[219] Согласно Аникину, слово заимствовано от бур. *хохир* ‘сухой навоз’ [2000: 296].

[220] У Скока сербохорв. слово не получило объяснения, указаны только соответствия в других языках [Skok, I: 223]. Безлай считает словен. *búba* заимствованным от сербохорв. *buba*, болг. *буба* [Bezlaj, I: 51]. О предложенной в [БЕР] этимологии см. сноску 124.

[221] Безлай считает данное слово заимствованным из романских языков [Bezlaj, I: 156].

болг. *ку-кулъ* ‘шелковичный кокон’ [Геров, II: 429], болг. диал. *ку-ку́л’* [Бояджиев 1971: 46], *ка-ку́ль* ‘то же’ (цит. по [БЕР, II: 153; III: 153])[222];

болг. диал. *ма-му́ль, ма-му́л-че* ‘шелковичный кокон’ (цит. по [БЕР, III: 634])[223], *му-му́лъ* ‘то же ‘ [Геров, III: 91];

укр. диал. *мар-ми́ш-ка* ‘личинка комара-дергуна, Chironomus plumosus L.’(цит. по [ЕСУМ, III: 515])[224].

Ср. также с рум. *со-сол* ‘кокон’ (цит. по [DEX 1998: 192], где этимология слова указана как неясная).

4.1.3.8. Названия камешков, игральных шариков

Имея в виду, что в прошлом многие игры осуществлялись при помощи косточек суставов животных, в данную группу включаем также названия косточек некоторых суставов. Ср.:

сербохорв. *бо́-b-а* ‘маленький камешек’ [RJA, I: 463] (см. сноску 29);

русск. *ба́-б-ка* ‘надкопытный сустав ноги у животных; кость этого сустава; кость надкопытного сустава коровы, употребляемая для игры; игра в бабки (козны)’ [ССРЛЯ, I: 236], диал. ‘игральная шашка’ [СРНГ, II: 22], белорусск. *ба́-б-ка* ‘косточка для игры’ [Байкоў-Некрашэвіч], сербохорв. *ба-б-а* ‘круглый камешек’ [РСА, I: 219] (см. сноску 502);

русск. диал. *ба-бу́р-а* ‘кость для игры в бабки; бабка’, *ба-бу́р-ка* ‘кость надкопытного сустава овцы, свиньи, употребляемая для игры, бабка; косточка на счетах’ [СРНГ, II: 28];

сербохорв. *bu-bûl* ‘овальный камень, камешек’ [RJA, I: 702] (см. сноску 91);

болг. диал. *бър-бул-е́* ‘стеклянный шарик для игры’ [Младенов 1971: 139];

болг. диал. *вър-гу́л-ка* ‘овальный камень’ (цит. по [БЕР, I: 210], см. сноску 33);

болг. диал. *гра́-гор* ‘гравий’[225] [Геров, I: 243];

---

[222] Согласно [БЕР, III: 99–100], *каку́ль* образовано от *куку́л* в результате диссимиляции гласных, а последнее заимствовано от н.-гр. *κουκούλι* ‘шелковичный кокон’, источником которого является лат. *cuculla* ‘капюшон’.

[223] В [БЕР, III: 634] только указаны родственные связи слов. Их происхождение не объяснено.

[224] В [ЕСУМ, III: 515] происхождение слова указано как неясное.

[225] Согласно [БЕР, I: 270], слово звукоподражательного происхождения, с редупликацией.

польск. *gła-z, gła-z-a, gła-z-ik* dim. ‘обыкновенный камень’ [LINDE, II: 51], *gła-z* ‘камень; скала’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI– NIEDŹWIEDZKI, I: 840], др.-русск. гла-з-окъ ‘отшлифованный (водой) камешек’, гла-з-енцы (гла-зенцы) мн. ‘бусы (?)’[226] [СРЯ XI–XVII вв., IV: 29];

болг. *ко́-кал-че* ‘шиколотка; игральная кость’ (цит. по [БЕР, II: 531])[227], диал. *ко́-кал’-че* ‘мальчишеская игра пятью камешками’ [СТОЙЧЕВ 1970: 179];

русск. диал. *ко-ко́в-ка* ‘сустав пальца’ [СРНГ, XIV: 92];

болг. диал. *кър-къл-янка* ‘стеклянный шарик для игры’ [Архив БДС];

русск. диал. *ки́л-к-а* ‘маленький шарообразный кусочек дерева или камешек, используемый в игре „кильки”’ [СРНГ, XIII: 208];

болг. диал. *пу́-пун-ица* ‘гладкий округлый речной камень, которым заглаживают новый очаг’, *по́-пунь* ‘то же’ (цит. по [БЕР, V: 857, 526], см. сноску 143);

русск. *ши-ш-ка* ‘бабка, лодыжка игральная’ [ДАЛЬ 1955, IV: 637], *ша-ш-ка* ‘кость игральная, с очками; точеный кружок, стопочка, для игры на доске в 64 клетки, и самая игра эта’ [ДАЛЬ 1955, IV: 625], русск. диал. *ша́-ш-ка* ‘кость надкопытного сустава животного, употребляемая для игры, бабка’ [ССРНГ: 603].

Ср. также с: пракр. *ka-kkar-a-* ‘камень, камешек’ [TURNER 1966: 143], лат. *cal-cul-us* ‘камешек’, др.-гр. *крó-к-η, кро-кáλ-η* ‘овальный гладкий камешек на берегу моря или реки’, санскр. *çar-kar-aḥ* ‘камень’ (цит. по [BOISACQ 1916: 519]).

4.1.3.9. Названия икры (рыбы, рака, лягушки)

Ср. такие слова, как:

сербохорв. *бо́-б-а* ‘рачья икра’ [RJA, I: 463] (см. сноску 29);
укр. диал. *гала-та́н* ‘икра белой рыбы (цит. по [ЕСУМ, I: 456])[228];
русск. диал. *кле-к* ‘лягушечья икра’[229] [ДАЛЬ 1955, II: 116];

---

[226] Слово без общепринятой этимологии. Как отмечено в [ЭССЯ, VI: 117], «литература о слав. **glazъ*… насчитывает целый ряд спорных теорий и гипотез».

[227] Согласно [БЕР, I: 530–532], слово является производным от *кокал* ‘кость’, которое со своей стороны заимствовано из гр. языка. Более подробно см. п. 6.4.

[228] В [ЕСУМ, I: 456] этимология слова указана как неясная.

[229] В словаре ПРЕОБРАЖЕНСКОГО [I: 314] слово указано как неясное. У ФАСМЕРА есть ссылка на *клек* ‘что-либо затвердевшее’, *кряк* ‘лягушачья икра’, лит. *klèkti* ‘густеть, застывать, сгущаться’, без уточнения, существует ли связь между словами и какая [II: 246].

DUPress

словен. *krâ-k*, *o-krâ-к* ‘лягушачья икра’ (цит. по [Bezlaj, II: 79]), сербохорв. *o-крê-к*, *o-крије-к* ‘то же’ [Караџић 1898: 470], русск. диал. *кря-к* ‘лягушечья икра’ [Даль 1955, II: 116], *клё-к* ‘то же’, *крё-к* ‘то же’, чешск. *žabo-kře-k-y* ‘то же’, польск. *s-krze-k*, *krze-k* ‘то же’ (цит. по [Фасмер, II: 246, 391)[230],

русск. диал. *крé-кóс* ‘лягушячья икра’ [СРНГ, XV: 209];

сербохорв. *mř-moļ-ak* ‘лягушечья икра’[231] [RJA, VII: 74–75];

русск. диал. *ну-п-кú*, мн. ‘рыбья икра’ [СРНГ, XXX: 128].

Ср. также с: лит. *kur-kul-aĩ* ‘лягушачья икра’ [LKŽ].

4.1.3.10. Названия поплавка

Ср. такие слова, как:

русск. диал. *бала-бóл-ка* ‘поплавок круглой формы у различных рыболовных снастей: сетей, невода и т.д.’ [СРНГ, II: 66];

русск. диал. *бара-бóш-ка* ‘поплавок на рыболовных снастях’ [СРНГ, II: 102] (*ш* < *л*);

русск. диал. *бо-бáш-ка* ‘поплавок, привязываемый к веревке самолова, для указания места, где этот рыболовный снаряд находится’ [СРНГ, III: 35], *ба-бáш-ка* ‘поплавок из древесной коры на рыболовных снастях’ [СРНГ, II: 17] (*ш* < *л*);

русск. *бал-бéр-а* ‘поплавок из дерева или коры на неводах и переметах’ [Даль 1955, I: 42);

русск. *го-голь*, мн. *го-гл-и* ‘поплавок’ [Даль 1955, I: 364];

укр. диал. *ґала-ґáн* ‘поплавок на рыбацкой сети’ (цит. по [ЕСУМ, I: 456])[232];

русск. *ша-ш-ка* ‘поплавок на сети и снасти’ [Даль 1955, IV: 625].

---

[230] В [Фасмер, II: 246, 391] отмечено, что «реконструкция славянской праформы затруднительна: колеблются между **krękъ* и **krękъ*», что существуют предположения и о звукоподражательном происхождении.

[231] В словаре Скока слово отнесено к этимологическому гнезду звукоподражательных глаголов с редупликацией [Skok, II: 469]. См. п. 6.3.

[232] В [ЕСУМ, I: 456] этимология слова указана как неясная.

DUPress

4.1.3.11. Названия утолщения на конце палки

Ср.: русск. диал. *ба́-б-ик* ‘деревянная палка в два аршина с шишкой на конце для игры в мяч’ [СРНГ, II: 19];

русск. диал. *бала-бо́л-ка* ‘шарообразный наконечник на палке’ [СРНГ, II: 66];

болг. диал. *въ́р-г-а* ‘шарообразный наконечник на палке’ (цит. по [БЕР, I: 209], см. сноску 33);

болг. *го-гол-и́ца* ‘палка с естественным утолщением шарообразной формы на конце’, русск. диал. *за-го-гул-ина* ‘толстый конец палки’ (цит. по [БЕР, I: 259], см. п. 6.1.);

русск. диал. *ко-кол-я́чка* ‘деревянный гвоздь, на который вешают рукомойник’ [СРНГ, XIV: 92], *ко-ко́в-ка* ‘круглая оконечность (мутовки, веретена и т. д); в ложкарном промысле – шарообразный конец черенка деревянной ложки; головка’ [СРНГ, XIV: 91] (*в* < *л*);

н.-луж. *kul-k-a* ‘головка булавки’ [MUKA, I: 740], русск. диал. *ки́ль-к-а* ‘круглая часть подвесного маятника у часов-«ходиков»’ [СРНГ, XIII: 210];

болг. диал. *пъ́-п-ка* ‘маленькое шарообразное утолщение в верхнем конце веретена’ (цит. по [БЕР, VI: 64])[233].

Ср. также с: лит. *bum̃-bul-as* ‘головка палки’, *gur̃-gul-as* ‘головка’ [LKŽ], *bum-bõl-as* ‘головка’, *gar-gõl-as*, *gur-gõl-as* ‘головка’ (цит. по [SKARDŽIUS 1943: 183], где в словах выделен суффикс *-ola-* и отмечено, что совсем немного существительных образовано при его помощи).

4.1.3.12. Названия пуговиц, кнопок, бусинок

Ср.: сербохорв. *бо́-б-ак* ‘стеклянная бусинка; зерно в четках’ [РСА, I: 667];

н.-луж. *bu-bl-in*, *bu-bl-ink* ‘пуговица, запонка’, *bu-bl-išk* ‘пуговка’ [MUKA I: 88, 89];

польск. *gu-z*, ст.-польск. *gą-z*, диал. *gu-z-ica* ‘большая пуговица’, *gu-z-ik* ‘пуговица’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 943, 944] (см. сноску 204);

сербохорв. *gmi-z-a* ‘стеклянные перлы; мелкая дробь’ [RJA, III: 213], (ср. с болг. *гъм-з-а* ‘сорт мелкого винограда);

русск. диал. *за-го-гул-ина* ‘пуговица’ (цит. по [БЕР, I: 259]), (см. п. 6.1.)

болг. диал. *ко́-кал-че* ‘пуговица’ [КЪНЧЕВ 1968: 112] (отмечено как заимствование из гр. языка, чему противоречит семантическое многообра-

[233] В [БЕР, VI: 64–65] представлено как производное от болг. *пъп* ‘пуп’.

PUPress

зие болг. слова, которое наблюдается в разных диалектах; см. также п. 6.4.);

русск. диал. *пу́-п-ыш* (*пу́-пыш*) ‘небольшая кнопка’ [СРНГ, XXX: 134] – форма с *ш* от *л*, если *ш* принадлежит редупликанту.

4.1.3.13. Названия мелких монет

Ср. такие слова, как:

сербохорв. *ba-p-ka* ‘старинные деньги’, *bà-buš-ka* ‘то же’ [RJA, I: 179, 137], болг. *ба́-б-ка* ‘вид старинной мелкой монеты’ (цит. по [БЕР, I: 23])[234], чешск. *ba-b-ka* ’мелкая монета’ [GEBAUER, I: 23];

болг. *голо-га́н*, *гала-га́н* ‘мелкая старая монета’ (цит. по [БЕР, I: 262]), укр. *ґала-ґа́н* ‘старая медная монета’ (цит. по [РУДНИЦЬКИЙ, I: 787])[235];

русск. диал. *го-гл-иха* офенское ‘полушка’ [ДАЛЬ 1955, I: 364];

русск. диал. *га́-вр-ик* ‘червонец’ [СРНГ, VI: 85] – форма с диссимиляцией консонантов по месту и способу образования: *г – г > г – в*;

ст.-чешск. *du-d-ek* ‘польская монета, попадающая в Чехию’ [GEBAUER, I: 353];

русск. диал. *ко́-кур* ‘грош, мелкая монета’ [СРНГ, XIV: 104];

болг. *пер-пер-и́ца, пер-пел-и́чка* ‘старая монета’ [ГЕРОВ, IV: 249] (семантическое развитие возможно также от ‘дрожать’, если эта монета употреблялась для женского украшения; см. п. 4.9.11.).

4.1.3.14. Названия клубков ниток, пряжи

Ср. такие слова, как:

русск. диал. *ба-бо́ш-ка* ‘небольшое количество пряжи на веретене’ [СРНГ, II: 27];

русск. диал. *ко-ко́в-ка* ‘клубок ниток на короткой палке; неполное веретено пряжи’, *ку-ко́в-ка* ‘пряжа на веретене’ [СРНГ, XIV: 91];

болг. диал. *ку-кур-у́жка* ‘намотанная пряжа для тканья’ (цит. по [БЕР, III: 109])[236].

---

[234] Согласно [БЕР, I: 23], данное название связано с обычаем, чтобы бабушки дарили старинные мелкие монеты против сглазу.

[235] В [БЕР, I: 262] слово указано как неясное; имеется ссылка на рум. *gologan*. Рудницкий считает укр. слово заимствованным из румынского [РУДНИЦЬКИЙ, I: 787]. Следует отметить, что в [DEX] этимология рум. *gologan* указана как неясная.

DUPress

4.1.3.15. Названия анатомических органов шарообразной формы

Некоторые названия анатомических органов попали в группу выпуклостей (см. п. 4.1.3.5.1.), так как сами реалии дают о себе знать как отеки на теле. Ср. также:

сербск. *бу́-b-ac* 'почка; желудок домашней птицы' [RJA, I: 698];

сербохорв. *бу̏-бал-о* 'анат. почка' [Караџић 1898: 47];

сербохорв. *bu-br-eg, bu-br-ek* 'анат. почка', *бù-br-ežak* 'желудок птицы' [RJA, I: 701, 702], хорват. *bum-br-eg* (цит. по [Skok, I: 224]), болг. *бъ́-бр-ек*, диал. *бу́-бр-ек* 'анат. почка' [Шклифов, 1977: 213; Хитов 1979: 230], словен. *bu-br-eg*, русск. диал. *бу-бр-е́г* 'почка у животного' (цит. по [Фасмер, I: 226])[237] – <**bom-bьr-ek*;

польск. *gru-czoł* анат. 'glandula' [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 920][238].

Ср. также с лит. *kan-kór-ežis* 'надпочечная железа'[LKŽ].

4.1.3.16. Названия других маленьких шарообразных предметов

Некоторые из слов трудно объединять в группы из-за их малочисленности. Общим для них является то, что называют маленькие шарообразные предметы. Ср.:

сербохорв. *bá-b-ac* 'крупный орех' [RJA, I: 130];

русск. диал. *ба-ба́й-ки* 'шутливое название женских грудей' [СРНГ, II16];

сербохорв. *bo-bùl̨-ica* 'пилюля' [RJA, I: 466] (о представленной в словаре Скока этимологии см. сноску 91);

польск. диал. *ba-bol* 'засохшие выделения в носу' [SGP];

---

[236] Болгарский этимологический словарь возводит данное название намотанной пряжи, вместе с формально тождественными названиями неразломанного ядра ореха, молодых дубовых листьев и др., к псл. **kokora* 'кудряшка' [БЕР, III: 109].

[237] Утвердилось мнение, что данное слово тюркского происхождения (см. такую помету у Фасмера [I: 226]). Согласно [БЕР, I: 96], оно осталось от языка протоболгар, согласно Скоку, осталось с аварского периода [Skok, I: 224]. Ср. со значением 'шишка', выражаемым этой же языковой формой, которое вряд ли является результатом метафорического переноса названия почки.

[238] В словаре Баньковского [Bańkowski, I: 487] реконструированы праславянские формы **grč-elь*, **grča*, но отсутствует семантическая реконструкция и словообразовательный анализ. Автор предполагает существование гипотетических польских форм *garczoł* и *garcza*, но не объясняет незакономерное фонетическое развитие польского слова. О развитии *r* в *ru* и диссимиляции *g – g > g – k* или *k – k > g – k* см. выше, п. 4.1.2.1.

польск. *bul-b-a* ‘подсолнечник’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 232];

русск. диал. *бур-бол-ка* ‘грузило для оттягивания ниток (при работе на ткацком стане)’ [СРНГ, III:284];

укр. диал. *бом-бу́ш-ка* ‘капля росы’ (цит. по [ЕСУМ, I: 228], см. сноску 65);

укр. диал. *бам-бо́л-і* ‘большое яйцо’ (цит. по [ЕСУМ, I: 131])[239];

белорусск. *бэ́м-баль* ‘нос картошкой’ (цит. по [ЛАУЧЮТЕ 1982: 36], см. сноску 246);

русск. диал. *га́-гуш-ки*, мн. ‘древесный уголь’ [СРНГ, VI: 89];

укр. *ґур-ґу́л-я, ґур-ґу́л-а, ґор-ґо́л-я* ‘носок обуви’ (цит. по [РУДНИЦЬКИЙ, I: 890], см. сноску 194);

укр. укр. *ґала-ґа́н* ‘погасший костер (возможно, первоначально уголек – замечание мое: Ж. К.-З.)’ (цит. по [РУДНИЦЬКИЙ, I: 787])[240] – ср. со значениями слова ‘старая медная монета; деревянный поплавок на рыбацкой сети’;

сербохорв. *ко́-к-ица* ‘неразломанное ядро ореха’ [РСА, IX: 746], *ко̀-ко̄р-ка* ‘то же’ [РСА, IX: 749];

болг. диал. *ку-кур-у́га* ‘неразломанное ядро ореха’, *ку-кур-у́шчица* ‘капустная кочерыжка’ [МЛАДЕНОВ 1971: 143];

болг. диал. *ку-ко́ш-къ* ‘неразломанное ядро ореха’ [РАЛЕВ 1977: 139],

болг. диал. *кър-ка́л-о* ‘пробка, втулка (бутылки)’ [ШКЛИФОВ 1977: 258] (срв. с болг. *кълкам* ‘закрывать, затыкать отверстие’);

болг. диал. *ко́-къл* ‘косточка (плода)’ [БОЯДЖИЕВ 1971: 44], *ко́-кал* ‘то же’, *ко́-кал’-че* ‘то же’ [СТОЙЧЕВ 1970: 179] (см. п. 6.4.);

укр. диал. *мар-мул-ок* ‘деревянное яйцо для игры в битки; брусок для точения косы’ (цит. по [ЕСУМ, III: 399], см. сноску 207);

укр. диал. *по́-пин-и* ‘часть узора, вышиваемого на вороте сорочки (возможно, что идет речь об узоре в форме маленьких кружочков, бутонов – замечание мое: Ж. К.-З.)’ (цит. по [ЕСУМ, IV: 517])[241];

н.-луж. *ho-chol* ‘сопля’ [MUKA, I: 394],

польск. диал. *ca-c-ko, cza-cz-ko* ‘коленная чашечка’ (цит. по [BORYŚ 2005: 50]).

Ср. также с: лит. *guñ-gul-as, gun-gùn-is* ‘яйцо в детском языке’[LKŽ].

---

[239] В [ЕСУМ, I: 131] слово отнесено к этимологическому гнезду укр. диал. *бамбу́лька* ‘круглая ягода (на ботве картофеля)’. Связь значений не объяснена. См. сноску 65.

[240] В [РУДНИЦЬКИЙ, I: 787]) отмечено, что семантическая вариативность слова трудно объяснима без специального исследования. В [ЕСУМ, I: 456] этимология слов указана как неясная.

[241] В [ЕСУМ, IV: 517] этимология слова указана как неясная.

4.1.4. Названия чего-либо очень маленького

Ср. такие слова, как:

сербохорв. *go-goļ* ‘мгновение’[242] [RJA, III: 242],

болг. *шу́-ш-ка* ‘что-то совсем маленькое, крохотное’ [БТР 1963: 1012], диал. *шу́-ш-ка* ‘количество, которое можно взять пальцами’ [Младенов 1967: 196],

болг. разг. *ню-ню́* ‘что-то совсем маленькое, крохотное’;

русск. диал. *пу́-пел* ‘небольшой, коротенький, малорослый (о человеке, о грибе)’, *пу́-пл-ушек* ‘то же’ (цит. по [Фасмер, IV: 407])[243];

русск. диал. *че-ч-и́нка* ‘порошинка; крошка’ (цит. по [Топоров 1975–1990, III: 303]);

болг. диал. *чи-ч-ка́* ‘маленькая ножка плода’ [Вакарелска-Чобанска 2005: 385] (ср. со значением слова ‘плод орешника’ в том же говоре);

болг. диал. *па́-пер* ‘немного шерсти; останки чего-либо’ (*Не остана и папер от къщата*) [Хитов 1979: 294].

Сюда по, всей вероятности, может быть отнесено и др.-русск. гогуля, цитированное в словаре Срезневского в следующем контексте: Шпанове кинули имъ связку колокольчиковъ, а дикіе люди туто же кинули гогулю злата [Срезневский, I: 534], но не растолкованное. Возможно, что древнерусское слово выражало значение ‘небольшое количество; горсть’ или ‘монета’ (< ‘нечто маленькое, овальное’). Представленная в ЭССЯ гипотеза, что слово обозначало ‘шапку’ [VII: 168] не подкрепляется и самим контекстом, свидетельствующим о мгновенности осуществления действия: ср. «туто же кинули».

[242] Скок считает данное название возникшим в результате переноса названия пузыря, имеющего звукоподражательное происхождение [Skok, I: 585].

[243] В словаре выражено мнение о заимствовании слова от лит. *pamplỹs* ‘карапуз’. Этому противоречит, однако, факт примитивности значения русских слов.

4.2. Ласкательные названия человека

Резонно предположить, что данную группу названий, которые регистрированы в словарях, можно дополнить еще многими лексическими единицами, свойственными экспрессивной индивидуальной речи. Ср.:

польск. *bo-bo* нежно ‘о маленьком ребенке’ [Doroszewski, I: 582];

польск. диал. шутл. *bą-bas* ‘ребенок’ [SGP];

русск. диал. *бу́-б-ик* ласковое обращение [СРНГ, III: 233];

русск. диал. *за-зу́л-ина* ‘женщина, которую кто-либо любит; чья-либо любовница’ [СРНГ, X: 98], укр. *зо-зу́л-я* употребляется как ласкательное слово для женщины, преимущественно матери [Гринченко, II: 77];

русск. диал. *ку́-кол-ка* ‘милушка, голубушка’, ласкательное имя в смысле ‘милый’ [СРНГ, XVI: 41], ср., например: *Ты моя куколка досужная!* ласка, похвала [Даль 1955, II: 213];

русск. диал. *ко́-конь-ка* ‘крестный отец; крестная мать’, *ко-конь-ко́й* уменьш.-ласк. ‘крестный’ [СРНГ, XIV: 93];

русск. диал. *ко́-куш-ка* ‘в разговоре с детьми – крестная мать, крестная’ [СРНГ, XIV: 107];

русск. *клю́-ков-ка* ласкательное обращение, например: *Клюковка ты моя!* [Даль 1955, II: 122];

русск. диал. *кле́-ц-ка* ласкательное слово (*Моя кле́цка*) [СРНГ, XIII: 290];

чешск. *klu-k* ‘мальчик; парень’, с пометой «гипокористическое» ‘о молодом свободном парне или о возмужалом молодом человеке’, *klu-č-ik* с пометой «гипокористическое» ‘мальчик’ [PSJČ, II: 156];

русск. диал. *ма-мо́н-я* ‘милый, возлюбленный; милая, возлюбленная’ [СРНГ, XVII: 352];

русск. диал. *мор-мул-ёнок* ‘милый, возлюбленный’ [СРНГ, XVIII: 268];

болг. диал. *мо̀р-мул-ец*, *мо̀р-мул-че* ‘ребенок в животе у матери’ (цит. по [БЕР, IV: 245])[244];

русск. *пу́-па* ‘ласковое обращение к маленьким детям’ [СРНГ, XXX: 126];

---

[244] Болгарский этимологический словарь связывает данное название, а также болг. диал. *мъ́рмор*, *мъ́рмо́рче* ‘худой ребенок’, со словен. *mramor*, *mramorka*, *mramorica* ‘насекомое Gryllotalpa vulgaris; отекшие железы; болезненные нарывы’ (см. п. 4.1.3.5.1 и 4.12.1.1.) и ссылается на гипотезу Безлая о связи слов с цсл. **измрълмърати** ‘грызть’. Семантическая аргументация такой связи отсутствует [БЕР, IV: 245]. Данная гипотеза является типичным примером неразличения разных ономатопоэтических слов, совпадающих по форме. Причина – пренебрежительное отношение к звукоизобразительности.

DUPress

русск. диал. *пу́-пл-ыш* ‘новорожденное дитя, малыш’ [СРНГ, XXX: 129];

русск. диал. *пу-пы́р-ыш* ‘рбенок’ (цит. по [Фасмер, III: 408])[245];

русск. *ца-ца, ця-ця, ца-ц-ка* ‘послушный ребеночек’ [Даль 1955, IV: 571];

белорусск. *ца-ца́н-ка* ‘милая, приятная вещь’, укр. *ця-ця́н-ка* ‘милая, приятная вещь’ (цит. по [Boryś 2005: 50]);

польск. диал. *cia-ć-ko* ‘что-либо хорошее, милое’ (цит. по [Boryś 2005: 50]);

польск. разг. *ciu-ciuń-ka, ciu-ciul-ka* ‘о маленьком ребенке; о любимом человеке’ – слова встречаются и в Интернете;

чешск. *ča-č-any* ‘хороший, милый, красивый’ (цит. по [Boryś 2005: 50]);

болг. разг. *чо-чи* ласковое обращение к маленькому ребенку, любимому животному – слово встречается и в Интернете;

болг. разг. *шу-ши* ласковое обращение к любимому существу; *шу-шул-че, шу-шон-че* то же – слова встречаются и в Интернете.

Возможно, сюда же следует отнести и русск. диал. *ку́р-к-а* уменьш.-ласк. ‘общее название небольших, а также не имеющих особого названия речек; часть реки, пересыхающая летом и превращающаяся в озерцо с отмелями вдоль берегов; узкий приток реки, текущий параллельно с нею’ [СРНГ, XVI: 130], *че-чо́р-а* распространенное речное название (цит. по [Фасмер, IV: 356])[246].

Немалое количество ласкательных названий можно найти также среди названий животных, см. п. 4.12.2. О некоторых из них можно предположить, что, конвенциализируясь и деэтимологизируясь, превратились в обычные нейтральные названия животных.

[245] Согласно Фасмеру, слово является производным оп *пуп*. Словообразование не получило объяснения [III: 408].

[246] Фасмер связывает данное слово с чешск. *čečeřiti* ‘трепать, лохматить’, русск. *кокора* ‘кривое дерево’, в котором видит другую степень вокализма, но без объяснения словообразовательных значений, которые должны были бы при этом выражаться [IV: 356]. Налицо неразличение разных ономатопоэтических образований, тождественных по форме. В комментарии Трубачева отмечено, что есть основания считать этот гидроним целиком заимствованным из балтийских языков на территории Поднепровья. Такой гипотезе противоречит широкое распространение гидронима и его семантика.

DUPress

4.3. Названия побрякушек, висюлек, пустячков

К данной группе слов можно отнести также названия сережек на дереве, так как они похожи на висюльки.

русск. диал. *ба-бу́ш-ка* ‘безделица, мелочь, ничего не стоящая вещь’ [СРНГ, II: 30];

словацк. диал. *brm-bol-ec* ‘мелкий предмет шарообразной формы, который висит на чем-нибудь’ [SSJ, I: 132];

чешск. *bu-bl-ina* ‘пустячок’ [PSJČ, I: 208];

укр. диал. *бо́-бер-ки* ‘сережки на дереве’ (цит. по [ЕСУМ, I: 216])[247];

белорусск. *бам-бэ́л-ак* ‘кисть (украшение)’ (цит. по [Лаучюте 1982: 36])[248], н.-луж. *bam-bul-a* ‘кисточка; сорт длинных груш’, *bam-bul-ka* ‘сережка на дереве’ [Muka, I: 12], *bom-bal-a* ‘кисть, кисточка; сорт длинных грушей’, *bom-bol-ica*, диал. *bom-bel-ica* ‘кисть, кисточка’ [Muka, I: 62, 63], ср. с *bom-b-ańe* ‘раскачивание, бросание’ [Muka, I: 62–63];

русск. диал. *бала-бо́л-ка* ‘блестящая подвеска к чему-либо для украшения’[249], *бала-бо́ль-чик* ‘побрякушка, колокольчик’, [СРНГ, II: 67];

болг. диал. *бръм-баз-ък, бръм-бъз-ък* ‘мелкая ненужная вещь’ (цит. по [БЕР, I: 83])[250];

русск. диал. *ва́р-во́р-ка* ‘висюлька, кисточка; веревка для привязывания собак; шнурок для обуви’, укр. диал. *вар-ва́р-ки* ‘вставки на сорочках’ (цит. по [ЕСУМ, I: 331])[251];

укр. диал. *ґо́н-дзоль* ‘висюлька, побрякушка, пустячок’, *ґон-дзо́л-я* ‘то же’ (цит. по [ЕСУМ, I: 560])[252] – форма с диссимиляцией по месту и способу артикуляции: *г – г > г – дз*;

---

[247] В [ЕСУМ, I: 216] слово обозначено как не совсем ясное, с допущением метафорического развития от *бобер* или от аффективного образования, параллельного диал. *бамбу́ль-ки* ‘бутоны’.

[248] Лаучюте относит данное белорусск. слово к балтизмам [1982: 36], однако при наличии подобных слов в н.-луж., такая гипотеза выглядит несостоятельной. Ср. также с цит. выше чешск. *bambule*, *bambula* ‘что-либо круглое’, словацк. *bambolec*, *bombolec* ‘то же’, укр. диал. *бомбулька* ‘маленький шарообразный предмет’, болг. диал. *бумбале́с* ‘шарообразный’.

[249] В [ЭССЯ, II: 171] данное русск. слово рассматривается в одном этимологическом гнезде вместе со звукоподражательными глаголами и другими словами, для которых можно доказать звукосимволическое ономатопоэтическое происхождение. См. также сноски 93, 127, 160, 180.

[250] В [БЕР, I: 83] слово представлено как звукоподражательное.

[251] В [ЕСУМ, I: 331] данные слова указаны как неясные, допущена связь между ними, а также связь с и.-е. **ver-* ‘вязать; веревка’, без объяснения словообразования.

[252] Согласно [ЕСУМ, I: 560] слово является видоизменением заимствованного из польск. *konsola* ‘подставка под зеркалом’. Ср., однако, с укр. диал *ґондзоля́к* ‘прыщ, шишка’, *ґо́ндзуль*, *ґо́ндзиль*, *ґо́ндзурь*, *ґо́ндзуря*, *ґо́нзель*, *ґо́нзиль* ‘сбитый твердый комочек в

ст.-польск. *gor-gul-ik* ‘украшение для воротника женщин’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 877] (возможно, значение развито от ‘побрякушка’);

болг. *джун-джур-а́к* ‘мелкие вещи’, *джун-джур-и́и* пренебр. разг. ‘мелкие вещи, обычно ненужные’ (цит. по [БЕР, I: 371])[253];

польск. диал. *ku-kur-ydzka* ‘кисть на шапке-магерке’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI: 623];

укр. диал. *ку-кур-ме́нти* ‘наколки на волосы у женщин’ (цит. по [ЕСУМ, III: 130])[254],

чешск. диал. *mi-mr-a* ‘ничего не стоящая вещь’ [PSJČ, II: 842];

болг. *мар-мар-ъ́к* ‘название какой-либо части прибора’ (цит. по [БЕР, III: 671])[255];

болг. диал. *пъ-пур-ли́ги* ‘мелкие вещи’ (цит. по [БЕР, VI: 67])[256],

русск. диал. *це-ца* ‘кумачные пришивки, кружева, шитки на рубашках’ [Даль 1955, IV: 574],

болг. *чу-чу́л* ‘ненужное украшение’ [БРС 1966: 718][257].

Возможно, сюда же следует отнести русск. диал. *жи-жол-ка* ‘веревка’ [Даль 1955, I: 541] (< ‘висюлька’).

От слов с подобными значениями, могли развиться названия предметов, которые в момент своего возникновения не имели с устойчивых наименований. В типологическом плане подобным является употребление болг. *джаджа*, *джиджафка* относительно разного рода вещей (см. п. 3.1.). Ср. следующие названия инструментов, приспособлений:

русск. диал. *ба́-б-ка* ‘часть станка для выделки льна’, с пометой, что не ясно какая [СРНГ, II: 22];

русск. диал. *гал-га́ш-ка* ‘деревянная рукоятка на одном конце наплова’ (цит. по [Аникин 2000: 161])[258];

русск. диал. *ко-кл-ю́шка* ‘кусок дерева, свободно вращающийся на гвозде; вертушка, применяемая обычно в качестве дверного запора’, *кокл-ю́шки* ‘палочки, используемые в тамбурной работе; блочки ручного ткацкого станка – деревянные брусочки, придерживающие основу и регу-

---

шерсти’, которые отнесены к тому же этимологическому гнезду, но их значения не могут быть производным от значения заимствованного из польского языка слова *konsola*.

[253] В [БЕР, I: 371] для данных слов предположено звукоподражательное происхождение и первоначальное значение ‘шум от мелких вещей’.

[254] В [ЕСУМ, III: 130] этимология слова указана как неясная.

[255] В [БЕР, III: 671] этимология слова указана как неясная.

[256] Согласно [БЕР, VI: 67], слово образовано от *папур* ‘кукуруза’, с метафорическим развитием значения.

[257] В [БРС 1966: 718] данное значение слова представлено как переносное к *чучул* ‘хохолок’, что тоже возможно.

[258] У Аникина [2000: 161] этимология слова представлена как неясная.

лирующие постановку нитченок; палочки с зарубочками по концам, при нитченках (в стану), за них снизу привешиваются подножки; деталь кросен (ручного ткацкого станка): веревки, соединяющие нитченки с подножками' [СРНГ, XIV: 89];

болг. диал. *ку́-че* 'часть ткацкого станка', мн.ч. *ку́-че* 'приспособления в ткацком станке; педали ткацкого станка' (цит. по [БЕР, III: 168])[259] (возможно, первоначальное значение 'побрякушка, что-либо, часть чего-либо';

укр. диал. *пен-дюр-ка* 'маленькая вещь', *пен-дюр-о́к* 'маленькая ночная лампочка' (цит. по [ЕСУМ, IV: 334])[260],

болг. диал. *пъ-пр-а́к* 'часть колеса старой машины', *пъ́-пр-ика* 'железка четырехугольной формы, которая крутит верхний камень жернова', *пъ-пр-и́ца* 'какая-то часть молота каменщиков; ручка ручной мельницы' (цит. по [БЕР, VI: 66])[261];

русск. диал. *пар-пл-и́ца* 'приспособление для крепления мельничных жерновов' [СРНГ, XXV: 242], *пол-пр-и́ца* 'деталь ручной мельницы' [СРНГ, XXIX: 131].

По всей вероятности, сюда можно отнести также русск. *га́й-гор-а* 'небольшой лес' [СРНГ, VII: 96] (возникшее, по всей вероятности, как ироническое название чего-либо маленького, маловажного);

укр. диал. *бай-ва́р-чик* 'остров' (цит. по [ЕСУМ, I: 115])[262] – Уменьшительная форма слова показывает, что идет речь о маленьком островке.

Ср. также с такими названиями растений, как: *зо-зу́л-инець*, диал. *зазул-и́нець*, *зу-зул-инець* 'орхидея, Orchis. L.', диал. *зо-зу́ль-ка* 'фиалка трицветная, Viola tricolor L.', *зе-зюль-ки жовті* 'башмачок настоящий, Cypripedium calceolus L.', *зе-зюль-ки́ рябі* 'башмачок пятнистый, Cypripedium guttatum Schwarz' и др. (цит. по [ЕСУМ, II: 273–274])[263], для этимона которых можно предположить, что называл висюльку и был использован также для называния цветочков растений, похожих на висюльку.

Ср. с лит. диал. *bur-bul-as* 'что-то маловажное' [LKŽ].

---

[259] В [БЕР, III: 168] данное название отнесено к этимологическому гнезду болг. *куче* 'собака'. Аргументация предположенного метафорического переноса отсутствует.

[260] Согласно [ЕСУМ, IV: 334], данные слова являются аффективными образованиями, что недостаточно для определения способа их образования.

[261] Согласно [БЕР, VI: 66–67], данные слова образованы от глагола *пъпря* 'ощупывать что-либо медленно, не видя хорошо'.

[262] В [ЕСУМ, I: 115] этимология слова указана как неясная.

[263] Этимологический словарь украинского языка связывает данные названия растений с названием кукушки *зозуля*, объясняя эту связь магическим культом к кукушке, поверием, что растения расцветают в момент, когда кукушка поет [ЕСУМ, II: 273–274].

4.4. Названия кусков, обрубков, отрезков, небольшого количество чего-либо

Ср. такие слова, как:

русск. диал. *ба́-б-ка* ‘деревянный брус, вставляемый вертикально в днище плота; призматический кусок железа, вделанный в камень, на котором куют конные гвозди’ [СРНГ, II: 22];

сербохорв. *bu-bl-a* ‘ком, кусок’, пример: *Daruj nama, striko naša, oku brašna, bublu masla.* [RJA, I: 700];

русск. диал. *ба-ба́й-ка* ‘чурка, обрубок’ [Даль 1955, I: 34];

польск. *gru-zeł,* диал. *gru-zel* ‘кусок (кирпича)’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 924], диал. *gru-zoł-y* ‘обломки’ [Linde, II: 154];

русск. *гом-зу́л-я* (*гом-з-у́ля*) ‘большой кусок хлеба’ [СРНГ, VI: 353];

русск. диал. *де-дюл-я* ‘большой ломоть хлеба’ [СРНГ, VII: 332];

русск. диал. *кро-к* ‘большой кусок (о мясе)’ [ССРНГ: 253];

болг. *ка-кал-я́шка* ‘кусок мяса’, *ка-кал-ашка* ‘огрызок яблока’ (цит. по [БЕР, II: 150], см. сноску 45);

русск. *ки́ль-к-а* ‘кружочек, кусочек чего-либо’, *Цедрик, ведрик, дай вареник, грудочку кашки, кильку колбаски.* [СРНГ, XIII: 210];

русск. диал. *кол-ч-и́га, кол-ч-и́жка, кол-ч-у́шка* ‘головня’ [СРНГ, XIV: 202–203];

русск. *кло-к* ‘вырванная или отделенная от часть чего-либо, пучек (клок сена, соломы, шерсти и др.)’[264] [Даль 1955, II: 120];

словен. *kol-čaj* ‘клочок, горсть льна’ (цит. по [Bezlaj, II: 55])[265],

русск. диал. *кло-чь* ‘короткий обрубок дерева’ [СРЯ XI–XVII, VII: 180];

русск. диал. *кла́-к-и* ‘игра в городки; деревянные чурки, которые используются в игре в этой игре’ [СРНГ, XIII: 264];

русск. диал. *кля-ч* ‘толстое короткое бревно; чурбан для колки на нем дров; толстый брус дерева, на котором мясники рубят говядину’ [СРНГ, XIII: 337];

чешск. *klů-c-ek* ‘отрезок, лоскуток, тряпочка; (с пометой «часто пейоративно») мелкие части одежды; легкая одежда’ [PSJČ, II: 155]; *ku-č-e* ‘кусок, штука’ (цит. по [ЭССЯ, XIII: 79], см. сноску 441);

болг. диал. *ку́-че* ‘маленький клин треугольной формы, вставленный в рукав, под мышку; прямоугольный клин в брюках’ (цит. по [БЕР, III: 168])[266];

---

[264] У Преображенского слово указано как неясное [I: 317], у Фасмера – как «трудное» [II: 252].

[265] Безлай приводит родственные слова из других славянских языков (русск., белорусск. *клок* и др.) и отмечает, что далее этимология слова неясная [Bezlaj, II; 55].

DUPress

чешск. диал. *kla-mol* ‘обломок, кусок’ (цит. по [ЭССЯ, X: 139])[267];

русск. диал. *че-чу́л-я* ‘краюха хлеба’ (цит. по [Фасмер, IV: 356])[268];

русск. диал. *че-ка́* ‘затычка’ (цит. по [Фасмер, IV: 324])[269],

болг. *пу́м-пал* ‘толстый короткий обрубок дерева’, *пум-пул-ица* ‘толстая палка’ (цит. по [БЕР, V: 852])[270];

русск. диал. *та́-турь* ‘обрубок дерева’ (цит. по [Фасмер, IV: 28])[271],

русск. *ша-ш-ка* ‘всякий мелкий отрубочек, отрезочек, кубик; отрезки для подклейки (у столяров)’[272] [Даль 1955, IV: 625].

4.5. Названия больших, грубых предметов

В большинстве из цитированных ниже слов звукосимволический образ признака ‘большой’ сочетается с другим звукосимволическим образом, например, ‘чего-то округлого’, ‘чего-то торчащего’ и др. Для некоторых из них можно предположить действие вторичного звукосимволизма. Некоторые названия могут быть наследниками названий, обозначающих маленькие шарообразные предметы. Ср.:

белорусск. *бэ́м-баль* ‘нечто не в меру натянутое, твердое, большое’ (цит. по [Лаучюте 1982: 36], см. сноску 248);

укр. диал. *бам-бур-а́* ‘большая грубая вещь’ (цит. по [ЕСУМ, I: 131])[273];

укр. диал. *бо́в-дур* ‘дымовая труба; густой клуб дыма; густая туча’, указанное как неясное (цит. по [ЕСУМ, I: 218])[274] – форма с *в* на месте *л* и

---

[266] В [БЕР, III: 168–170] данное название отнесено к этимологическому гнезду болг. названия собаки *куче*. Аргументация предположенного метафорического переноса отсутствует.

[267] В [ЭССЯ, X: 139] слово комментировано как «праславянский диалектизм не совсем ясного происхождения».

[268] У Фасмера этимология слова представлена как неясная [IV: 356].

[269] У Фасмера отмечено, что слово «не получило до сих пор этимологии» [IV: 324].

[270] Согласно [БЕР, V: 852], слово звукоподражательного происхождения.

[271] У Фасмера слово представлено как темное [IV: 28].

[272] У Фасмера слово рассмотрено только как название шашечной фигуры. Представлено как производное от названия игры *шах*. Более вероятно, чтобы первоначальное значение слова было более общим, типа ‘маленький предмет шарообразной формы’, которое впоследствии специализировалось, нежели узким – ‘фигура для игры’. Ср. с представленными значениями слова в п. 4.1.3.8.

[273] В [ЕСУМ, I: 131] слово указано как неясное, допущена контаминация форм *бамбу́ла* ‘увалень’ и *бандура́* ‘большая грубая вещь’ и перенесение ударения на конечный слог в связи с эмотивностью слова. Рудницкий считает возможным образование слова от *бамбук* при помощи суфф. *-ура*, что вряд ли основательно [I: 70].

[274] В [ЕСУМ, I: 218] этимология слова указана как неясная.

PURES

диссимиляцией консонантов по месту артикуляции: *б – б > б – д*; слово употребляется и как ироническое название для характеристики человека;

укр. диал. *бол-д-и́га* ‘каменная глыба’, (цит. по [ЕСУМ, I: 225])[275] – форма с диссимиляцией по месту артикуляции: *б – б > б – д*;

укр. диал. *бов-ку́н* ‘большой сноп камыша’(цит. по [ЕСУМ, I: 218])[276] – форма слова может быть результатом контаминации или диссимиляции по месту образования и глухости/звонкости: б – *б > б – к* или *к – к > б – к*;

ст.-белорусск. *бар-бар-а* ‘толстая веревка, канат’ [СБЛ];

чешск. *bou-bel-a* редкое ‘толстощекий ребенок’ [PSJČ, I: 174];

чешск. *bam-bul-a* ‘круглое лицо, жирная толстая щека’ (цит. по [ЭССЯ, II: 231], см. сноску 146);

русск. диал. *ба-ба́й-ка* ‘большое весло из целого бревна, употребляемое вместо руля на дощаниках, плотах, барках с лесом; большая деревянная ложка, выкрашенная олифой’, *ба-ба́й* ‘самый большой якорь на морском судне’ [СРНГ, II: 16], укр. диал. *ба-ба́й-ка* ‘большое весло’ (цит. по [ЕСУМ, I: 103])[277],

др.-русск. бъл-ван-ъ, укр. *бов-ва́н* ‘массивная глыба неопределенных очертаний; идол, болван’, чешск. *bal-van* ‘ком, глыба’ (цит. по [ФАСМЕР, I: 186])[278], польск. *bał-wan* ‘большой ком, обрывок, столб, волна’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 91] – форма слова с диссимиляцией консонантов по способу образования: *b – b > b– v*;

срхр. *bo-bol-icê* ‘большое количество’ [RJA, I: 464];

болг. диал. *га́н-гар-ица* ‘большая воздушная кукуруза’ (цит. по [БЕР, I: 229])[279];

русск. диал. *га-га́р-а* ‘сильно разросшийся лук; лук с несколькими луковицами’ [СРНГ, VI: 88];

укр. диал. *гар-гар-а* ‘большая комната без порядка’ (цит. по [ЕСУМ, I: 472])[280] – налицо комплексное выражение образов ‘большого’ и ‘беспорядка’;

русск. диал. *кал-га́н* ‘толстый обрубок дерева’ [СРНГ, XII: 324] – форма с диссимиляцией консонантов по глухости/звонкости: *к – к* или *г – г > к – г*;

---

[275] В [ЕСУМ, I: 225] этимология слова указана как неясная.

[276] В [ЕСУМ, I: 218] этимология слова указана как неясная.

[277] В [ЕСУМ, I: 103] слово представлено как производное от *ба́ба* в переносном употреблении со значением ‘обрубок дерева’,

[278] Слово без общепринятой этимологии. ФАСМЕР отмечает, что «определение исходной формы затруднительно» и перечисляет множество гипотез, в том числе и о заимствовании слова [I: 186]. О спорности разных гипотез см. также [ШАНСКИЙ, т. I, вып. 2: 154–155].

[279] В [БЕР, I: 229] этимология слова указана как неясная.

[280] В [ЕСУМ, I: 472] слово представлено как аффективное образование, связанное с белорусск. *гаргара́* ‘громоздкая, топорная вещь’.

русск. диал. *крё́-кра* ‘толстая жердь’, *кре́-кв-а* ‘дубина, кол, шест’ [СРНГ, XV: 209, 208] – вторая форма с *в* на месте *р*;

укр. диал. *па-пу́л-я* ‘полный месяц, толстая морда’ (цит. по [ЕСУМ, IV: 286])[281] – семантическое развитие, по всей вероятности, от значения ‘маленький шарообразный’; возможна также вторичная символизация звуков;

болг. *пу́м-пал-ица* ‘большой камень’ (цит. по [БЕР, V: 852])[282];

болг. разг. *тан-тур-ест* ‘большой, несоразмерный, громоздкий (о человеке, о вещи)’;

русск. *це-цу́л-я* ‘большой ломоть хлеба’ [Даль 1955, IV: 574], *цо-цу́л-я* ‘нескромно большой ломоть’ [Даль 1955, IV: 575], русск. диал. *че-чу́л-я* ‘большой ломоть хлеба или пирога’[283] [Даль 1955, IV: 602].

Данная группа близка к ироническим названиям, обозначающим высокого, здоровенного человека или животного. См. п. 4.11.1. и 4.12.2.1.

Ср. также с: лит. *bem-ber-ė* ‘большая, основная ветвь дерева’ [LKŽ], англ. *hugger-mugger* ‘беспорядок’ (в связи с укр. диал. *гар-гар-а* ‘большая комната без порядка’|.

[281] В [ЕСУМ, IV: 286] слово представлено как неясное, с допущением связи с лат. *papul-a* ‘пузырь, прыщ’.

[282] В [БЕР, V: 852] только цитирована гипотеза Младенова о звукоподражательном происхождении слова [1941: 536]. Аргументация такого предположения отсутствует.

[283] У Фасмера этимология слова указана как неясная [IV: 356].

DUPress

4.6. Слова, обозначающие что-либо плохое

4.6.1. Названия барахла, тряпья, старья, вещей заброшенных, нехорошего качества

Часть слов данной группы можно было бы отнести также к названиям побрякушек, висюлек, пустячков (п. 4.3.). Некоторые из них обозначают «болтающиеся» лохмотья, другие – предметы, которые можно было бы квалифицировать и как «побрякушки», но все же в семантике данной группы слов (или в их этимонах) превалирует признак ‘плохой’. Ср.:

русск. диал. *бала-бóл-ки* ‘оборванная, болтающаяся пола платья; лохмотья’ [СРНГ, II: 66];

польск. *gał-gan*, диал. *gał-kun* ‘рваная тряпка; вещь без стоимости; старая одежда’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 798] – вторая форма с диссимиляцией консонантов по глухости/звонкости: *g – g > g – k*;

русск. диал. *гу-гре́-бий* ‘низший сорт льна, получаемый при первом чесании; очески льна’ [СРНГ, VII: 199];

укр. диал. *джин-джир-íха* ‘сеть с дырочками диаметром 7 мм, из которой изготовляют невод для ловли тюльки’ (цит. по [ЕСУМ, II: 52])[284] – значение слова, возможно, развито от значения ‘редкая ткань’ < ‘плохая ткань’;

укр. диал. *ко́-кля-цка* ‘вид шерсти в зависимости от ее длины и прочности (возможно, что это нехорошая шерсть – замечание мое: Ж. К.-З.)’ (цит. по [ЕСУМ, II: 504])[285];

укр. диал. *ка́н-цур*, *ка́н-дур*, *ка́нур*, ‘лохмотья, тряпка’ (цит. по [ЕСУМ, II: 367])[286],

польск. диал. *klun-kier* , чаще во мн. ч. *klun-kr-y* ‘барахло, тряпье’ [SGP] – форма с редупликацией и с экспрессивной эпентезой сонанта *n*;

русск. диал. *ку́ндры-му́ндры* мн. ‘тряпье, лохмотья’, *ку́нды-му́нды* ‘то же; название каких-либо хозяйственных принадлежностей, например, сбруи, домашнего хлама; вещи, имущество; белье’ [СРНГ, XVI: 91];

русск. диал. *ме-ме́ль*, *ме-ме́ля* ‘вздор, сброд’ [СРНГ, XVII: 106];

болг. диал. *мър-м-ады́лка* ‘мышка, сделанная из тряпок’ (цит. по [БЕР, IV: 415])[287] – возможно, контаминированная форма;

---

[284] В [ЕСУМ, II: 52] этимология слова представлена как неясная.

[285] В [ЕСУМ, II: 504] этимология слова представлена как неясная.

[286] В [ЕСУМ, II: 367] данные слова отнесены к одному и тому же этимологическому гнезду, их происхождение представлено как неясное.

PUPress

болг. диал. *пъ́р-п-ан* ‘оборванный’, *о-пъ́р-п-ам* ‘оборвать, превратить что-либо в лохмотья’ (цит. по [БЕР, VI: 99])[288], болг. *пар-ца́л*, диал. *пар-та́л* ‘тряпка’, *пар-пал-а́к* ‘тряпки’ (цит. по [БЕР, V: 76, 73, 74]), *пър-та́л* ‘кусок разорванной одежды’ (цит. по [БЕР, VI: 103–104], где отмечено, что в слове суффикс *-ал* с неясной функцией), болг. диал. *пър-кл-я́к* ‘ручной багаж’, *пър-тл-я́к* ‘то же’(цит. по [БЕР, VI: 91])[289], сербохорв. *пр-тљ-а̄г* ‘ручной багаж’ [Караџић 1898: 536] – значение ‘ручной багаж’, по всей вероятности, первоначально ироническое < ‘барахло, тряпки’;

русск. диал. *хор-хо́р-ы* ‘нечистые отрепья, висящие в поношенном платье’, *хоро-хор-ки* ‘тряпье’ (цит. по [Вербот 1981: 39]);

русск. диал. *ха-хо́р-ный* ‘плохой, ветхий, негодный’, *ха-хо́р-ье* ‘всякий домашний скарб, бутор, шарабара’ [Даль 1955, IV: 543];

русск. *хара-бо́рь-я* ‘края обитой одежды’ [Даль 1955, IV: 543] – форма с диссимиляцией по глухости/звонкости и по месту артикуляции: *х – х > х – б*, возможно, также контаминированная;

русск. диал. *ха-хо́р-ой* ‘изношенный, старый’, хо-*хо́р-ье* ‘рухлядь’ (цит. по [Фасмер, IV: 227])[290];

русск. диал. *ха-ху́л-ка* ‘тряпка’ (цит. по [ЭССЯ, VIII: 11])[291];

русск. диал. *хо-хо́л-ье* ‘тряпки’ (цит. по [ЭССЯ VIII: 55–56])[292],

русск. диал. *ша-ша́р-а* ‘низший сорт муки’[293] [Даль 1955, IV: 624],

русск. диал. *шу-шу́ль-ки*, *шу́-шер-а* ‘старое тряпье’ (цит. по [Фасмер, IV: 493–494])[294];

русск. диал. *шара́-бара, шара́-бора* ‘хлам, рухлядь’ (цит. по [Фасмер, IV: 407])[295];

---

[287] В [БЕР, IV: 415] этимология слова представлена как неясная.

[288] Согласно [БЕР, VI: 99], корень в слове тот же, что и в болг. *поря* ‘пороть’, с частичной редупликацией. Роль редупликации не выяснена.

[289] Довольно противоречивые гипотезы представлены в [БЕР] о данных болгарских словах, близких по форме и значению. О слове *парца́л* ‘тряпка’ сказано, что имеет общее происхождение с *па́рта* ‘ткань, платок с вышивкой’, *парта́л* ‘тряпка’. Соответственно *па́рта* представлено как этимологически неясное слово, *парта́л* – как заимствование от тур. *partal* ‘тряпка’ [БЕР, V: 76, 73, 74]. От него путем ассимиляции *п – п < п – т*, согласно словарю, образовано и слово *парпала́к* ‘тряпки’ [БЕР, V: 73]. Словарь не связывает *пъртал́* с *парта́л*, с которым имеет формальное и семантическое сходство, а с и.-е. **per-* ‘бить’, и отмечает, что в слове неясный суффикс *-ал* [БЕР, VI: 103–105]. С и.-е. **per-* ‘бить’ в словаре связаны также *пъртля́к* и *пъркля́к* [БЕР, VI: 103–105; 91].

[290] У Фасмера этимология слов указана как неясная [IV: 227].

[291] Согласно [ЭССЯ, VIII: 11, 116], в слове налицо сложение экспрессивной приставки *ха-* и глагола **xuliti*, к которому возведены современные славянские глаголы со значениями: ‘гнуться’, ‘прижиматься’, ‘кутать’ и др.

[292] В [ЭССЯ VIII: 55–56] отмечено, что «происхождение слова затемнено, возможно, по причине экспрессивности формы».

[293] У Фасмера [IV: 416] этимология слова указана как неясная.

[294] У Фасмера [IV: 493–494] этимология слов указана как неясная.

BSUPress

Ср. также с польск. диал. *ma-mł-ać* ‘одеваться неряшливо, ходить в одежде нараспашку’ [SGP, III: 108];

польск. диал. *chyn-ch-y* только мн. ‘заросли, запущенные места’ [SGP].

Возможно, сюда же следует отнести и русск. *бара́-хл-о* ‘хлам’, *бара-хл-о́* ‘то же’, *бо́ро-шень* ‘домашняя утварь; пожитки; скарб; одежда’ (цит. по [Фасмер, I: 124, 197])[296] – Возможна древняя вариативность форм с максимальной диссимиляцией редуплицированного консонанта по глухости/звонкости, месту и способу артикуляции: *б – б* > *б – х* (**bor-хъl-*/ * *bor-хьn-*).

Ср. также с: др.-гр. *γέλ-γ-η* мн. ‘старье, изношенная одежда’ (цит. по [Boisacq 1916: 143], где этимология слова указана как неясная), лит. *mar-mal-ai* мн. ‘оборванная старая одежда, тряпье’ [LKŽ], лит. *kuñ-kal-as* ‘тряпье, лохмотья’ (цит. по [Топоров 1975–1990, IV: 250].

4.6.2. Названия мусора, отходов, выделений

Ср. такие слова, как:

польск. диал. *be-bł-y* ‘помои’ [SGP];

укр. *бе́л-бах-и*, *бе́л-бех-и*, *бе́л-бух-и* ‘внутренности’ [Гринченко, I: 49] (см. сноску 32);

укр. диал. *ба́н-дур-и* ‘внутренности, преимущественно животного’, русск. диал. *бан-ду́р-а* ‘внутренности животного; нечистоты, запрятанные в чем-нибудь’ (цит. по [ЕСУМ, I: 133])[297] – значение ‘внутренности’ может быть развито от первоначального значения ‘отходы, нечистоты’;

русск. диал. *глы́-з-а* ‘лужа из навозной жижи’ [СРНГ, VI: 223] – возможно, здесь налицо смешивание разных звукосимвлических образов: ‘чего-то плохого’ и ‘чего-то скользкого’, ср. пример: *Я в глызу и чебурахнулась*;

русск. диал. *ду́-дарь* ж. р. ‘сор, мусор’[298] [СРНГ, VIII: 247], русск. диал. *ду́-дор-а,* ‘что-либо плохое, непригодное; хлам, мусор, дрянь, рухлядь’ [СРНГ, VIII: 250];

---

[295] О происхождении слова сказано только, что, возможно, первоначально это было рифмованное образование [Фасмер, IV: 407].

[296] У Фасмера отмечено как темное слово [I: 124, 197].

[297] В [ЕСУМ, I: 133] этимология слова указана как неясная.

[298] [ЭССЯ, V: 147] рассматривает данное слово в одном этимологическом гнезде с названием волынщика, мастера, делающего дудки, которое является nomina agentis и не становится ясным, как может быть развито значение ‘сор, мусор’.

DUPress

русск. диал. *дро-жж-á* (<**dro-d-ja*) ‘жидкие испражнения’ [СРНГ, VIII: 196];

укр. диал. *жý-жіль* ‘отходы’, *жý-жель-иця*, диал. *жý-жель*, *жу-жл-éць* ‘то же’, русск. *жý-жель-ица*, белорусск. диал. *жý-жаль* ‘отходы; жидщая грязь’ (цит. по [ЕСУМ, II: 208])[299];

русск. диал. *кý-гл-úна* ‘льняная и конопляная мякина’ [СРНГ, XV: 395];

русск. диал. *кó-кш-а* ‘шелуха, отходы льняного семени при обработке льна’ [СРНГ, XIV: 108];

русск. диал. *кó-кыш* ‘внутренности, потроха рыбы’ [СРНГ, XIV: 107];

русск. диал. *коло-кóл-ец* собир. ‘шелуха, оболочка, оставшаяся после околотки льна’, *коло-кол-úна* ‘льняная мякина, употребляемая в качестве корма для кур; голубиный помет’ [СРНГ, XIV; 164, 165], словен. *kól-kov-ina* ‘плохая пряжа с очесами’ [PLETERŠNIK, I: 424];

русск. диал. *кля-ч* ‘отходы картофеля; отходы от веяния зерна, мякина’ [СРНГ, XIII: 337];

сербохорв. *kȗ-k* ‘отходы, очески льна, конопли’ [RJA, V: 758], словен. *kól-k-e* ‘отходы, очески льна, конопли’ [PLETERŠNIK, I: 424], словацк. *kl-k-i* ‘плохая пряжа с очесами’ (цит. по [КУРКИНА 1981: 23]), ст.-чешск. *klu-k*, *kl-k*, обычно мн. *klu-k-y*, *kl-k-y* ‘отходы, очески льна, конопли’ [GEBAUER 1970, II: 57] (см. сноску 473);

болг. *къл-ч-úща* ‘пакля’ (в [БЕР, III: 193])[300];

польск. диал. *cze-czen-a*, *cze-cz-owina* (*cze-czow-ina*) ‘хвоя, мелкий хворост’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 380] – возможно, значение развито от значения ‘древесные отходы’;

укр. диал. *ма-мр-óта* ‘отходы при очищении нефти, которые используются как коломазь’(цит. по [ЕСУМ, III: 377])[301];

н.-луж. *pi-p-ki* ‘внутренности, потроха, кишки’ [MUKA, I: 50];

польск. диал. *par-p-oć* ‘древесные опилки’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, IV: 48];

болг. диал. *пý-пул-а* ‘останки шерсти съеденной волками скотины’ (цит. по [БЕР, V: 854])[302];

болг. диал. *пън-джóр* ‘испражнение лошади’ (цит. по [БЕР, VI: 59])[303] – форма слова с довольно сильным изменением редуплицированного зву-

---

[299] В [ЕСУМ, II: 208] этимология слов указана как неясная, с допущением звукоподражательного происхождения от основы *жу-* ‘густить, жужжать’, но не приводятся доказательства о таком значении данной основы (или корня).

[300] В [БЕР, III: 193] указано как слово с неясной этимологией.

[301] В [ЕСУМ, III: 377] этимология слова указана как неясная.

[302] В [БЕР, V: 856] воспринята гипотеза Филиповой-Байровой о заимствовании слова от н.-гр. πούπουλο ‘пух’.

[303] В [БЕР, VI: 59] этимология слова указана как неясная.

Dubress

кового комплекса, возможно, по причине контаминации или в связи с эмотивностью и экспрессивностью слова;

укр. *ху́-хр-и* ‘внутренности (особенно рыб)’ [Желеховский–Недільский, II: 1049];

русск. диал. *хара-бо́р-ки* ‘сухие зерна конопли, остающиеся после толченья конопляного сена’ (цит. по [Петлева 1985: 37]);

русск. диал. *шу́-шер-а, шу́-шерь, шу́-шель* ‘всякая дрянь, плохие ветхие пожитки’ [Даль 1955, IV: 650];

болг. диал. *шу́-шл'-ак* ‘мусор’ [Гълъбов 1965: 113; Божкова 1962: 273], *шу-шло́н* ‘остатки сорняка и других ненужных вещей после очищений пшеницы, мусор’ [Ралев 1977: 184], *шу-шу́л-къ* ‘оболочка бобовых семян (т.е. отходы – замечание мое: Ж. К.-З.)’ [Ковачев 1968: 234];

польск. *sze-szuł-a, sze-szul-inka* dem. ‘шелуха’ [Linde, V: 583];

сербохорв. диал. *ši-šâr-ka* ‘стебель кукурузы’ (цит. по [Skok, III: 396], см. сноску 50).

4.6.3. Названия плохой еды, напитков и производные от них

К этой группе относим не только ироничеcкие названия плохой еды, напитков, но также нейтральные названия некоторых видов блюд, напитков, о которых можно предположить, что развили свои значения от пейоративных. Основанием для такого предположения является наличие редупликации в словах. Ср.:

русск. диал. *бе-бе́н-я* ‘жидкое кушанье из солода, род кулаги, заварухи, саламаты’ [СРНГ, II: 168];

польск. *bim-ber* ‘водка, приготовленная нелегально, примитивным домашним способом, самогон’ [Doroszewski, I: 523];

польск. диал. *ber-bel-a* экспр. ‘водка’, *ber-bel-ucha* редко, *be-bel-ucha* экспр. ‘водка плохого качества; самогон; жидкая еда, бурда’ [SGP];

чешск. *bre-ber-ka, bre-ber-ice, bre-ber-ija, bre-ber-ina, b(r)e-ber-uše, ger-gel-ica* ‘водка, самогон’. словацк. *bre-ber-ka* ‘то же’ (цит. по [Machek 1971: 66])[304];

[304] В цитированном словаре Махека высказано предположение о развитии всех слов от *treberka* ‘водка из выжимок винограда’, образованного от заимствованного из немецкого языка *Treber* ‘барда, виноградные выжимки’. Однако, если учесть и другие славянские названия домашних алкогольных напитков, а также цитированные ниже лит. диал. *bìrbalas* ‘плохое пиво’, *birbalė* ‘домашняя водка’, *gurgõlė* ‘плохая водка’, *karklìnė* ‘домашняя водка’, можно увидеть, что слова с редупликацией часто являются пейоративными названиями таких напитков в странах, где отсутствуют традиции приготовления домашнего алкоголя. Этот факт подкрепляет гипотезу о независимом звукосимволическом происхождении данных слов, характеризующих называемые реалии как что-то плохое.

BUPress

русск. диал. *бала-бóл-ка* ‘пойло для коровы с мукой или отребьями’ [СРНГ, II: 66];

русск. диал. *бара-бáн* ‘кушанье из толченой икры с мукой, поджаренное на сковородке’ [СРНГ, II: 98];

укр. диал. *ґó-дзя* ‘винегрет’ (цит. по [ЕСУМ, I: 545])[305];

русск. диал. *га-гóрь* ‘виноградное вино’ [СРНГ, VI: 89];

польск. *go-gół-ka* ‘omphacinum vulgo’ (толкование данного значения см. ниже, в п. 6.1.) [Sł pol XVI, VII: 518–519];

русск. диал. *го-гóль-ка* ‘толокно с маслом, на воде’ [Даль 1955, I: 364];

польск. диал. *gu-giel, ku-giel* ‘вид еврейского печенья’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 939], русск. диал. *ку́-голь* ‘национальное еврейское блюдо: род запеканки из лапши с сахаром’ [СРНГ, XV: 395], *ку-гль* м. или *ку-гл-и* мн. ‘любимое еврейское блюдо: лапша с гусиным или овечьим салом’ [Даль 1955, II: 211], белорусск. *гу́-гыль* ‘запеченная морковь с лапшой’, *гу́-гель* каша из картошки’ (цит. по [Топоров 1975–1990, II: 339–340])[306];

русск. диал. *гóм-з-о* ‘вино; водка’ [СРНГ, VI: 353]; возможно сюда же следует отнести и болг. *гъм-з-а* ‘сорт мелкого винограда и вина’ (цит. по [БЕР, I: 302], см. сноску 102), цитированное также в п. 4.1.2.6.;

укр. диал. *ган-дж-á* ‘денатурированный древесный спирт’ (цит. по [ЕСУМ, I: 467])[307];

укр. диал. *гим-бóл-я* ‘мамалыга’ (цит. по [ЕСУМ, I: 507])[308] – форма с диссимиляцией консонантов по месту артикуляции: *г – г* > *г – б* или *б – б* > *г – б*, возможно также, и контаминированная;

русск. диал. *гал-г-á, кал-г-á* ‘еда из картофеля с гусиным жиром’ (цит. по [Аникин 2000: 161])[309];

укр. диал. *тля-т-и* ‘кушанье из баранины, растительного масла, муки, с соусом с перцем и зеленой петрушкой’ (цит. по [ЕСУМ, I: 531])[310], укр.

---

[305] В [ЕСУМ, I: 545] этимология слова указана как неясная.

[306] Топоров рассматривает белорусск. *гу́гыль* ‘запеченная морковь с лапшой’, *гу́гель* каша из картошки’ и польск. диал. *gugiel* ‘вид еврейского печенья’ в этимологическом гнезде к прусскому названию опухоли, шишки *gunsix*, куда приводит в качестве примеров огромное количество близких по форме названий шишек, кукурузы, выпуклостей, неуклюжего человека, маленьких плодов растений, кривых предметов, кучи, съеживания птиц и др. (ср. с оформившимися группами слов в настоящей работе). Автор не усматривает в них редупликацию и не приходит к идее об ономатопоэтическом звукосимволическом происхождении слов, но отметает экспрессивный характер рассматриваемых слов, их семантическую расплывчатость в целом и, в конце концов, не приходит к объяснению их происхождения [1975–1990, II: 337–340].

[307] В [ЕСУМ, I: 467] этимология слова указана как неясная.

[308] В [ЕСУМ, I: 507] этимология слова указана как неясная, с допущением связи с венг. *gömbölyű* ‘округлый шарообразный’ из-за округлой формы посуды, в которой приготовлялась мамалыга.

[309] В [Аникин 2000: 161] этимология слова указана как неясная.

диал. *ťlьó-ť-анка* (*ťlьó-ťан-ка*) ‘кислое молоко’, *тля́-ť-анец* (*тля́-ťан-ец*) ‘сладкий сыр’, *тля-ť*, *тля́-ť-а*, *тлі-ť*, *тле-ť*, *тльо-ť*, *тля-к*, *кля-ť*, *кля-к* ‘часть желудка жвачного животного, используемая для закваски’, *кля-ган-е́ць* ‘холодец’ (цит. по [ЕСУМ, I: 531])[311], *тле-ť*, *тля-ť* ‘створожившееся молоко из желудка маленького теленка, которое бросают в удой молока, чтобы оно скорее створожилось (только мн.)’ *тля́-ť-а́ти* ‘створаживать молоко’, *тля́-ť-аний* ‘сладкий творог’ [Гринченко, I: 349];

ст.-чешск. *hlu-z-a* ‘какая-то еда’ [Gebauer, I: 434],

болг. диал. *жижи́-бижи́* ‘десерт малеби’ (цит. по [БЕР, I: 544])[312] – редуплицированная форма с эхоическим элементом;

сербсохорв. *kl̨û-k* ‘выжатый виноград; мед, перемешанный с воском’ (цит. по [RJA, V: 101]) – см. сноску 106;

русск. киал. *клы́-г-а* ‘брага, плохое пиво’ (цит. по [Фасмер, II: 255])[313],

русск. диал. *кля́-кл-ый* (*кля́-к-лый*) ‘сырой, не пропеченный (о хлебе или других изделиях из муки; жидковаты, вязкий (в примерах: о печеной картошке, о растаявших конфетах’, *кля-ку́ш-ка* (*кля-к-у́шка*) ‘о каком-либо водянистом, непроваренном или непропеченном кушанье, а также вообще о чем-либо водянистом’ [ССРНГ: 225] – вторая форма с *ш* от *л*, если согласный принадлежит редупликанту;

сербохорв. *кр-коль* ‘мешанина’[314] [РСА, X: 600];

русск. диал. *кур-каш-и* мн. ч. ‘постная пища, употребляемая во время весенних промыслов’ [СРНГ, XVI: 131];

болг. *кър-ки́шь* ‘каша из кукурузной муки, разбавленная водой; жидкая каша из хлеба, бурда, пойло’ [Геров 1975–1978, II: 445];

болг. диал. *ку-кур-е́ш* ‘еда, приготовленная из внутренности ягненка, которой наполнена прямая кишка’ (цит. по [БЕР, III: 107]), *ку-кур-е́ч* ‘еда

---

[310] В [ЕСУМ, I: 531] этимология слова указана как неясная.

[311] В [ЕСУМ, I: 531] предположено заимствование через посредство рум. языка восходящих к лат. *coāgulum* ‘закваска’ слов. Таким образом нельзя объяснить вариативность укр. слов.

[312] Согласно [БЕР, I: 544, 363], первый элемент слова происходит от детского образования *джиджи* ‘хороший’.

[313] У Фасмера не предложено объяснения данного слова. Лишь сказано, что оно напоминает фин. *kalja* ‘пиво’, но существуют фонетические трудности, чтобы связать оба слова [II: 255].

[314] ЭССЯ рассматривает данное слово в одном этимологическом гнезде вместе с болг. диал. *каркел* ‘кольцо’, русск. диал. *корколя́тый* ‘суковатый’ и др., для которых предполагает исходное значение ‘кривая, загнутая палка, ветка’. Образование этимона **kъrkolъ*/**kъrkolь* не объяснено. Не получила объяснения и связь между значениями ‘кривой’ и ‘мешанина’.

из внутренностей ягненка, которыми наполнен желудок' (цит. по [БЕР, III: 106–107])[315];

укр. диал. *кан-дьо́р* 'жидкая каша' (цит. по [ЕСУМ, I: 545])[316];

укр. устар. *кор-ч-ма* 'хмельной напиток'(<**kъr-k-ьma*), цслав. **кръ-чьма** 'крепкий напиток' (цит. по [ЕСУМ, III: 46])[317], укр. диал. *кор-чов-ка* 'самогон' (цит. по [ЕСУМ, III: 46])[318];

болг. диал. *лан-гър-ица* 'плохая еда', *лун-гур-дия* 'плохо приготовленная еда' (цит. по [Москов 1969: 179])[319],

болг. диал. *мър-ма́л-я* 'каша из кукурузной муки' (цит. по [БЕР, IV: 415])[320],

русск. диал. *мо́-мр-инье* 'еда, жратва', *мо́-мр-ить* 'объедаться' [СРНГ, XVIII: 251];

укр. диал. *мар-м-у́за* 'кисель из бузины' (цит. по [ЕСУМ, III: 399])[321];

русск. диал. *та-тал-у́й* 'кушанье из картофеля' (цит. по [Фасмер, IV: 26])[322];

укр. *те-те́р-я* 'род кушанья из муки; род кушанья из сухарей' [Гринченко, IV: 259];

русск. диал. *шуру-ба́ра* 'гречневая каша-размазня', *шуру́-барки* мн. ч. 'мясные клецки в супе, щах' (цит. по [Фасмер, IV: 490])[323] – форма с диссимиляцией консонантов по месту и способу артикуляции: *ш – ш > ш – б* или *б – б > ш – б*, а возможно также, и контаминированная.

Ср. с укр. диал. *на-бер-бе́р-ити* 'намешать, разболтать' (цит. по [ЕСУМ, IV: 10]), указанное как «аффективное, без ясного словообразовательного образца». Возможно, что и в некоторых из цитированных слов первоначально была выражена идея о чем-то плохо замешанном. По всей вероятности, звуковая форма этимонов цитированных названий на основании синестезии (или синестемии) создавала вкусовой образ чего-то невкусного, а, возможно, одновременно с тем и зрительный – плохо выглядящего.

---

[315] Относительно *кукуре́ч* сказано, что это балканское слово неясного происхождения [БЕР, III: 106–107], а для *кукуре́ш* предположено влияние или заимствование из турецкого языка.

[316] В [ЕСУМ, I: 545] этимология слова указана как не совсем ясная.

[317] В [ЕСУМ, III: 46] слово указано как не совсем выясненное.

[318] Согласно [ЕСУМ, III: 46], слово получено от *корчо́мка*. См. сноску 317.

[319] М. Москов делает параллель с заимствованным из турецкого языка звукоподражательным междометием *лангър-лангър* 'звукоподражание шума' и отмечает, что «не ясно, в чем состоит звукоподражательная сущность плохой еды» [1969: 179].

[320] В [БЕР, IV: 415] этимология слова представлена как неясная.

[321] В [ЕСУМ, III: 399] слово указано как аффективное и, вероятно, связанное с лит. *marmalas* 'бурда, редкая грязь, топь'.

[322] У Фасмера слово представлено как темное [IV: 26].

[323] У Фасмера слово представлено как темное [IV: 490].

DUPress

Ср. также с: др.-гр. *μί-μαρ-κις, μί-μαρ-κυς* кул. ‘заячьи потроха’ [Дворецкий 1958, II: 1099], лит. диал. *bir-bal-as* ‘плохое пиво’, *bir-bal-ė* ‘домашняя водка’, *gur-gõl-ė* ‘плохая водка’, *kar-kl-ìnė* ‘домашняя водка’, *kur-kal-ynė* ‘простая каша’, *mar-mal-as* ‘плохое блюдо, бурда’ [LKŽ], рум. *car-cal-éte* ‘напиток из вина, сиропа и газированной воды’ (цит. по [DEX 1998: 138], где этимология слова указана как неясная), англ. *hug-mug, hugger-mugger*, нем. *Kuddelmuddel* ‘мешанина’ и др.

4.7. Слова, обозначающие что-либо кривое, кривую линию или признак ‘кривой’

4.7.1. Общие названия кривизны, кривой линии, признака ‘кривой’

болг. диал. *кър́-кол-ица* ‘кривая линия’ (цит. по: [БЕР, III: 206])[324];

польск. редк. *klę-cz-yć* ‘сгибать в дугу’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 259];

словацк. *kľu-k-atý* ‘кривой, изогнутый’ [SSJ, I: 706], в.-луж. *klu-k-aty* ‘искривленный, погнутый’ [Pfuhl: 259], болг. диал. *клю́-к-ав* ‘искри́вленный, поломанный’ (цит. по [БЕР, II: 483]), чешск. *kli-k-atý* ‘извилистый, искривленный (несколько раз)’[325] [PSJČ, II: 139];

словен. *klé-k-ast* ‘искривленный’ (цит. по [Bezlaj, II: 39])[326]

болг. диал. *кал-к-а́вêм* ‘извиваться (о реке, дороге)’ (цит. по [БЕР, II: 171])[327];

белорусск. диал. *кара-чу́н* ‘нечто искривленное, погнутое’ (цит. по [Козлова 1985: 49]);

словен. диал. *ča-klj-a* ‘крюк; кривизна’ (цит. по [Bezlaj, I: 72])[328];

---

[324] Согласно [БЕР, III: 206], слово образовано в результате диссимиляции *р – л* < *л – л* от **кълколица*, незасвидетельствованного производного от болг. *кълк* ‘поворот; кривая дорога’, которому не посвящена специальная словарная статья, но для *кълка* ‘бедро; поворот’ есть ссылка на *кълк* ‘бедро’, которое возведено к псл. **klkъ*, без реконструкции значения. Элемент *-ол-* в составе *кърколица* не получил объяснения.

[325] ЭССЯ возводит данные слав. названия признака ‘кривой’ к псл. **kl'uka*, которое считает производным с суфф. *-ka* от и.-е. *kleu̯-*, значение которого не уточняет. К этой же праформе словарь возводит и лит. *kliũti* ‘цепляться’ [X: 57, 56].

[326] Безлай возводит данное слово к псл. **klękъ*/**klęka* ‘что-то искривленное’, образование которого не объясняет [Bezlaj, II: 39].

[327] В [БЕР, II: 171] только указано, что данное слово родственно болг. диал. *кълка* ‘бедро; поворот’. Семантическое развитие не объяснено. См. также сноску 324.

[328] В словаре Безлая представлены робкие предположения о заимствованном характере слова. К тому же этимологическому гнезду отнесено и словен. *čakar* ‘палка с загнутым

болг. *ку-кал-и́ца* ‘извилина, кривая линия’ [Геров, II: 428], диал. *ку-кул-яци* ‘кривая линия’ (цит. по [БЕР, III: 101]);

в.-луж. *ko-kul-a* ‘изгиб, крюк’ [Pfuhl: 266], н-луж. *ko-kul-ka* ‘маленький изгиб, извилина; крючок’[329] [Muka, I: 654];

Редупликацию с довольно большими диссимиляционными изменениями можно усмотреть и в укр. диал. *кан-дзю-ба* ‘кривизна, крючок’ (цит. по [ЕСУМ, II: 52])[330];

Ср. также с: лит. *gùn-g-a, gùn-gar-a, gun-gur-ys* ‘кривизна’ [LKŽ], нем. *Zick-zack* ‘зигзаг’ и др.

4.7.2. Названия кривых палок, крючков и других кривых предметов

К этой группе относим слова, для которых признак ‘кривой’ опредмечен, воплощен в каком-либо конкретном предмете. Ср.:

болг. диал. *гé-г-а* ‘длинная палка пастуха, с железным крюком на одном конце, чтобы ловить овцы’ [Ралев 1977: 112], *гá-г-а* ‘палка с крюком на одном конце’ (цит. по [БЕР, I: 222])[331];

болг. диал. *га-гáль* ‘крюк’ (цит. по [БЕР, I: 222])[332];

сербохорв. *гȉ-гаљ-е* ‘деревянная нога’ [Караџић 1898: 89] – вероятно в основу номинации лег признак ‘кривой’;

русск. диал. *го-гýл-ечка* ‘загнутый конец трости’ [СРНГ, VI: 265];

русск. диал. *гу-жéль* ‘опускаемая под лед веревка, к которой привязан крюк с живцом’ [СРНГ, VII: 204];

н.-луж. *gar-gul-a*, представленное как неточное написание *gjar-kula* ‘сук, коленце’ [Muka, I: 241, 254];

концом’. Не объяснена вариативность форм и как этот факт согласуется с предположением о заимствовании [Bezlaj, I: 72].

[329] ЭССЯ к одному и тому же этимологическому гнезду относит формально тождественные названия пучка волос на голове, изгиба, крюка, неловких рук и др., для которых реконструирует псл. **kokul'a*. Считает их образованными при помощи суф *-ul'a*, словообразовательное значение которого не объясняет, от корня в **kočera*, **kokora* [X: 118]. Соответственно о **kokora* сказано, что родственно **kočera* с другим вариантом суффикса, а **kočera* связано с **kočanъ*, **koča*, в которых усмотрен корень с общей семантикой чего-то возвышающегося, торчащего, респективно, жесткого, твердого [X: 114–115; 105, 104].

[330] В [ЕСУМ, II: 52] данное слово представлено как не совсем ясное.

[331] В [БЕР, I: 222, 234] слово *гáга* в данном значении не объяснено, имеется лишь ссылка к *гéга*, о котором представлены довольно противоречивые гипотезы о заимствовании.

[332] В [БЕР, I: 222] данное слово связано с *гáга* ‘клюв’, представленное как омоним предыдущему *гáга*, о котором высказано предположение о заимствовании от тур. *gaga* ‘клюн’. Элемент *-аль* в составе *гагáль* ‘крюк’ не получил объяснения.

сербохорв. *gr-g-ićevica* ‘вид виноградной лозы с белым виноградом’ [RJA, III: 423] – возможно семантическое развитие от ‘что-то кривое’;

русск. диал. *кря́-каль-цы* ‘две боковые жерди у саней, санные отводы’ [СРНГ, XV: 365], болг. диал. *штръ́-кл-ъ* (<**s-kъr-kъl-*; ср. с формой предыдущего слова) ‘вид саней с высокими боковыми частями (возможно, загнутые – замечание мое: Ж. К.-З.)’ [Ковачев 1968: 234];

болг. диал. *къ́р-кол-ици* ‘кривые крутые тропинки’ [Стойчев 1965: 197], польск. диал. *kar-kul-ica* ‘палка с загнутой рукояткой’, *kra-kul-a, kar-kul-ica, kra-kul-ica* ‘кусок кривого дерева, кривое дерево’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 270, 526], словин. *kar-kul-eca* ‘палка, загнутая с одного конца’ (цит. по [ЭССЯ, XIII: 217])[333];

болг. диал. *кар-ке́л* ‘железное кольцо на двери с улицы; кольцо в цепи’, *кар-кел-я́га* ‘украшение из теста на круглом домашнем хлебе’ (цит. по [БЕР, II: 248], где сделано замечание, что это украшение в форме кольца)[334], болг. диал. *кра-кел* ‘крюк’ (цит. по [БЕР, II: 712]);

болг. диал. *ко́л-к-а* ‘кривая печная труба; поворот дороги’ (цит. по [Григорян 1975: 108]), *кол-к-а* ‘извилина дороги, реки’ [Архив БДС], ‘уголок в комнате, где находится очаг’ [Стойчев 1965: 197], *каль-к-ати́ца* ‘поворот дороги’ (цит. по [БЕР, II: 171], см. сноски 323, 326);

словен. *klê-k* ‘кривая молодая ветка’ (цит. по [Bezlaj, II: 39]), словин. *klë-k-a* ‘кривая, обычно можжевеловая палка; поворот дороги’ (цит. по [ЭССЯ, X: 31–32])[335];

н.-луж. *klu-c* ‘ключ; крюк’ [Muka 1921–1928, I: 633], польск. *klu-cz* ‘ключ; дышло плуга, продольно расщепленное на конце; кривая палка для подвешивания котла’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 364], диал. *klu-cz* ‘кривая палка, крюк’ (цит. по [ЭССЯ, X: 51], русск. *клю-к-а́* ‘кривая палка, костыль’ (цит. по [Фасмер, II: 257]), *клю-к* ‘кочерга; вид косы’, *клю-к-а́, клю-х-а́* ‘костыль; кочерга; железная палка с загнутым концом’, *клю-к-а́* ‘извилина реки’ [СРНГ, XIII: 319], укр. *клю́-ч-а* ‘деревянный крюк’ [Гринченко 1907–1909, II: 255], словен. *kljú-č* ‘крюк; саженец виноградной лозы’ [Pleteršnik, I: 408], словен. *kljú-k-a* ‘закривленное приспособление на двери, окне для закрывания, открывания; палка с загнутым

---

[333] Согласно [ЭССЯ, XIII: 217–218], это образование от **kъrkъ* с суфф. *-ul-*, словообразовательное значение которого не объяснено. Соответственно, относительно **kъrkъ*, к которому возведены современные славянские названия шеи, сказано, что «продолжает еще и.-е. название шеи, шейного сустава». Перенос названия шеи на кривую палку (!) не получил объяснения.

[334] Согласно [БЕР, II: 248], данное слово заимствовано от н.-гр. *κρικέλλα, κρικέλλι* ‘кольцо’, которое образовано от *κρίκος* ‘кольцо’. Эта гипотеза оспаривается в [ЭССЯ, XIII: 217]. См. также сноску 314.

[335] В [ЭССЯ, X: 31–32] данные названия отнесены к наследникам псл. **klęka*/**klękъ*, образование которых не получило объяснения, толко сказано, что соотносятся с псл. **klękati*/**klęčati*. Со своей стороны, о **klękati*/**klęčati* сказано, что соотносятся с **klęka*/**klękъ*.

концом, крюк; поворот; закривленная часть зонта, служащая для держания' [SSJK], словен. диал. *kljú-č* 'изгиб дороги' (цит. по [ЭССЯ, X: 51])[336];

русск. диал. *кле-ц* 'кобылица' [СРНГ, XIII: 290];

русск. диал. *кле́-ч-а* 'березовая ветка, зелень для украшения домов и церквей в день св. Троицы и др. праздников' [СРНГ, XIII: 290];

русск. диал. *кля-ц* 'кобылица', *кля-ч* 'палка, дубина, шест, кобылица' [СРНГ, XIII: 337];

польск. *klę-k* диал. *kle-k* 'кривая деревянная часть в сохе' [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI: 359, 355] – возможно, что *n* – экспрессивный инфикс;

русск. диал. *кло-к* 'рыболовная принадлежность в виде изогнутой палки, которая используется при ловле сомов, *клы-к* 'еловая ветка, подобная удочке, которая используется рыбаками при ловле сомов, вызывая ее частым погружением в воду специфический звук, подобный звуку, который издает курица' [СРНГ, XIII: 301, 305] – Для этих слов возможна и звукоподражательная мотивированность междометиями *клок* 'глухой отрывистый звук' и *клык* 'то же';

русск. диал. *кол-ч-и́жка* 'кривая палка', *кол-ч-и́женька* 'палка' [СРНГ, XIV: 203];

болг. диал. *ку́-ку́ль, ка-ку́ль* 'крюк' (цит. по [БЕР, III: 101, II: 153]), болг. диал. *ка-чу́ль* 'крюк для подвешивания' (цит. по [БЕР, II: 295])[337];

русск. диал. *ко-ку́л-и* 'о неловких, неумелых руках' [СРНГ, XIV: 104], н-луж. *ko-kul-a* 'дуга, ярмо воловье; бант, петля; скоба; палочка сельских старост, служащая для созыва на собрание', диал. 'загнутый нож для подрезания сотов; украшение с завитками на алтаре; щеколда', *ko-kul-ka* 'крючок на удочке; гаечный крючок у прялки; петелька; узелок' [МУКА, I: 654];

русск. диал. *ко-ко́в-ка* 'загнутый верхний конец палки, клюки; палка с кривым верхним концом, клюка; костыль; кочерга' [СРНГ, XIV: 91] (*в* < *л*);

русск. диал. *ко-кл-ёвка* 'палка с кривым верхним концом для опоры при ходьбе; клюка (обычно у нищих слепцов)', *ко-кл-ю́шки* 'костыли' [СРНГ, XIV: 88], *ко-кл-ю́шка* 'выпяченное изделие из муки; род кренделя' [СРНГ, XIV: 89];

болг. диал. *ко-кол-е́ц, ку-кал-е́ц* 'петля в вязании' (цит. по [БЕР, II: 536]);

---

[336] В [ЭССЯ, X: 50–52] данные названия крюков и других кривых предметов возведены к псл. **kl'ičь*, о котором сказано, что родственно псл. **kl'uka*. См. сноску 325.

[337] Согласно [БЕР, III: 101, II: 153], первые два слова образованы от корня в *кука* 'крюк' при помощи суфф. *-ул*, а последнее – от корня в глаголе *качвам* 'вешать'.

Duress

чешск. *kli-č-ka* ‘узел, петля; крючок’ [PSJČ, II: 135], болг. *кли-ч* ‘петля в вязании’ [Геров, II: 371], польск. *klu-cz-ka* ‘петля’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 365];

укр. диал. *кор-ч-у́га* ‘короткие сани с толстыми и высокими полозьями для перевоза срубленных деревьев’ (цит. по [ЕСУМ, IV: 46])[338];

русск. *крю-к*, укр. *крю-к* ‘крюк; плуг; знак старого нотного письма’, диал. *кру-к* ‘крюк’, белорусск. *кру-к* ‘то же’ (цит. по [ЕСУМ, III: 114])[339],

русск. диал. *ко-чер-га́* ‘палка с загнутым нижним концом для игры в шары; клюка, палка, посох’ [СРНГ, XV: 126],

словен. диал. *ci-kâl-nik* ‘инструмент для рыбной ловли из веток терновника’ (цит. по [Bezlaj, I: 63])[340] – Возможно, что значение развито от первоначального значения ‘кривая палка’, если не имеет звукоподражательное происхождение, какое возможно также для русских названий рыболовных инструментов *клок* и *клык* (см. выше);

словен. диал. *ča-klj-a* ‘изогнутая часть на окнах и дверях для закрывания’, *ča-kar* ‘палка с загнутым концом’ (цит. по [Bezlaj, I: 72], см. сноску 328);

словен. диал. *čé-k-a* ‘молодая зеленая виноградная ветка’ (цит. по [Bezlaj, I: 77])[341];

ст.-чешск. *če-čul-e* ‘саженец виноградной лозы’[342] [Gebauer, I: 160–161].

Ср. также русск. диал. *рас-кара́-кул-ями* ‘раскорякой, нелепо изогнувшись’ [СРНГ, XXXIV: 109].

Может быть, сюда следует отнести русск. диал. *гу-ж* (от **gą-g-ь* или **gu-g-ь*) ‘большой дождевой червь’ [СРНГ, VII: 204] (‘кривой’).

Ср.тякже с: лит. *kre-kl-as, kro-kl-is* ‘стропило’ [LKŽ].

---

[338] В [ЕСУМ, IV: 46] слово указано как неясное.

[339] В [ЕСУМ, III: 114] слова представлены как заимствованные от др.-исл. *krókr* ‘крюк’ (форма с полной редупликацией: *kró-kr*, замечание мое: Ж. К.-З.), такое же мнение см. также в [Фасмер, II: 390]. Имея в виду примитивность значения, отметим, что такая гипотеза неправдоподобна.

[340] В [Bezlaj, I: 63] этимология слова указана как неясная.

[341] В [Bezlaj, I: 77] этимология слова указана как неясная, а слово как изолированное.

[342] Махек указывает на возможную связь с лтш. *cekuls* ‘вихор, хохол’ и отмечает, что «слова далее неясные» [Machek: 96].

DUPress

4.7.3. Названия неразборчивого письма

Неразборчивое письмо воспринимается как «кривое» письмо. Ср. такие слова, как:

польск. диал. *bziu-bz-iać* ‘писать неразборчиво’ [SGS];

болг. разг. *гер-гел-ици* ‘неразборчивые буквы’;

польск. диал. только мн. *gry-goł-y* ‘каракули, неряшливое, некрасивое, неразборчивое письмо’, *gry-gol-ić* ‘писать неряшливо, неразборчиво; царапать, марать’ [SGP];

польск. *gry-zmoł-y* (*gry-z-moły*) ‘каракули’, *gry-zmol-ić* ‘писать неразборчиво’ (вероятно, контаминированная форма) [DOROSZEWSKI, II: 1340];

русск. *кара-кул-и* ‘неразборчивые, неумело или небрежно написанные буквы’[343]; польск. диал. без ед. ч. *kara-kuł-y, kara-kul-e, kara-kul-asy* ‘некрасивое, нечитабельное письмо’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, II: 257];

словен. *kljú-k-a* ‘некрасиво, неразборчиво написанная буква’ [SSKJ].

4.7.4. Названия кривых деревьев, сучковатых палок, веток дерева

Ср. такие слова, как:

укр. *тор-тóл-я* ‘сук’, *тор-тол-я́стый* ‘суковатый’ [ГРИНЧЕНКО, I: 350];

болг. диал. *дзер-дз-е́* ‘сучковатая палка’ (цит. по: [БЕР, I: 376])[344];

русск. диал. *кор-кол-и́ст* фольклорный эпитет дуба, *кор-кол-ятый* ‘суковатый (ели суковатые)’, *коро-ко́ль-чатый* ‘толстый и коряжистый (эпитет дуба); ветвистый, кудрявый’ [СРНГ, XIV: 334, 359], *кара-кул* ‘кривое дерево’, *кара-куль* ‘сук’, *кара-куль-ка* ‘суковатое кривое дерево; сельскохозяйственное орудие – длинная рукоятка, оканчивающаяся двумя или более загнутыми зубьями’, *кара-куль-ский* ‘суковатый (дуб)’, *кара-кул-я* ‘кривое дерево; сучковатая вершина сосны’, *кара-кал-ястый* ‘суковатый (о дереве)’ [СРНГ, XIII: 71], *кра́-коль* ‘сук, сучок дерева’, *кра-кал-е́стый, кра-кал-я́стый, кра-кол-истый* ‘суковатый’ [СРНГ, XV: 165], *кре-ко́в-ый* ‘кряжистый (о лесе)’, *кре-ко́в-и́стый* ‘сучковатый, ветвистый, кряжистый (о дубе)’ [СРНГ, XV: 209], *кры-ков-ястый* ‘(эпитет дуба) крепкий, кряжистый’, *кря-ко́в-астый* ‘кряжистый, крепкий (о дубе)’ [СРНГ, XV: 340, 367];

---

[343] ФАСМЕР ссылается на мнение Грота о заимствовании из тюркских слов *kara* ‘черный’ и *kul* ‘рука’ [II: 192]. Не становится ясным, как можно образовать сложное слово из иноязычных элементов, незаимствованных отдельно. Эта гипотеза является типичным примером того, как при невозможности свести определенное слово к другим элементам языка (см. цитату Соссюра в п. 4.), вместо того чтобы предположить для него ономатопоэтическое происхождение, формируется гипотеза о его заимствовании, даже если это связано с нарушением языковой теории.

[344] В [БЕР, I: 376] этимология слова представлена как неясная.

русск. диал. *ко́-кор-а*, *ко́-корь*, *ко-кор-ы́га* ‘кривое дерево, ствол дерева с сучьями, принесенный течением реки’ (цыт по [ФАСМЕР, II: 282])[345], *ко-ко́р-а* ‘пень, вывороченный с корнями; ветвистый, сучковатый обрубок дерева; уродливо искривленное дерево; ствол дерева вместе с корнем; дерево (обычно хвойное) с изогнутым корнем, идущее на остовы, шпангоуты и пр. лодок, барок и др. речных судов’ [СРНГ, XIV: 94–95], *ко-ко́р-ина* ‘искривленное суковатое дерево’ [СРНГ, XIV: 95], укр. диал. *ко-ко́р-а* ‘нижняя часть ствола дерева с корнем’ (цит. по [ЕСУМ, II: 504])[346],

диал. *ко-кл-я́к* ‘камень, обломок дерева, коряга и т.д. на дне реки, за который может зацепиться удочка’ [СРНГ, XIV: 90];

болг. диал. *че́-кор* ‘часть отрубленной ветки, оставшаяся на дереве’, *че-кор-а́т* ‘ветвистый; сучковатый’ [ХИТОВ 1979: 339];

русск. диал. *ко-чёр-а* ‘кривая ель’ (цит. по [ФАСМЕР, II: 358])[347];

сербохорв. *ку-кр-ичаст* ‘(о дереве) кривое, недоразвитое’ [КАРАЦИЋ: 324];

чешск. диал. *kle-k* ‘кривое дерево’ [PSJČ, II: 126], диал. *kľe-k* ‘кривое дерево’ (цит. по [БЕР, II: 429]), *kle-č* ‘кривое дерево’ (цит. по [ЭССЯ, X: 30]);

словен. *klé-k-a* ‘очень искривленное дерево’ [SSKJ];

сербохорв. *кле-к-а* ‘можжевельник’ [КАРАЦИЋ: 283] (если мотивирующим признаком была кривизна куста); чешск. *kle-č* ‘кривое дерево; хвойное дерево Pinus montana (кустарник с гибкими, полегающими под тяжестью снега стволами, шишки мелкие, округлые – замечание мое: Ж. К.-З.)’ (цит. по [ЭССЯ, X: 30]) – Здесь возможны разные толковаия: кривое дерево или дерево с шишками? См. п. 4.1.2.1.);

русск. *клю́-к-ва* ‘кочерга’ [СРНГ, XIII: 320];

русск. диал. *кра-к* ‘куст’, *кра-к-а* ‘чаща, трущоба (с пометой, что не совсем ясно)’, в цитированном примере сказано: «Само название „крака” означает неудобное, негодное место» [СРНГ, XV: 165].

---

[345] У Фасмера происхождение слова не получило объяснения. Указаны только соответствия в родственных языках. Чешск. *čečeřiti*, болг. *чекор* представлены как слова «с другой ступенью чередования». Не выявлены, однако, словообразовательные отношения, которые должны были бы выражаться, если бы в данном случае была налицо апофония [II: 283]. Об апофонии в данных словах см. также [BERNEKER, I: 540; БЕР, II: 538]. SŁAWSKI говорит о редупликации корня, который имеется в псл. **kore-ень* [II: 335–335]. Неясно, однако, какое словообразовательное значение выражается при этом; см. п. 1.5.5.1.

[346] В [ЕСУМ, II: 504] слово указано как не совсем ясное.

[347] ФАСМЕР считает данное слово связанным с *кокора* [II: 358]. См. сноску 345.

4.7.5. Слова со значениями 'кудрявый', 'кудри'

Ср. такие слова, как:

болг. диал. *гъ́-гр-я* 'завивать (волосы)', *гъ́-гр-ав* 'кудрявый' (цит. по [БЕР, I: 299])[348];

сербохорв. *gr-gur-ov* 'кудрявый (о волосах)' (цит. по [Skok, I: 616])[349];

болг. диал. *ду́-дул-а* 'кудряшка' (цит. по [БЕР, I: 443])[350];

др.-болг. **ко-кор-авъ** 'кудрявый', болг. диал. *ку-кур-а́в* 'то же' (цит. по [БЕР, III: 106]); болг. *ку-кур-у́шкы* 'кудри' [Геров, II: 430]; словен. *ko-kor-a* 'завиток, локон' [Pleteršnik, I: 420], сербохорв. *ko-kòr-av, ku-kur-av* 'кудрявый'[351] [RJA, V: 170, 764]; болг. диал. *на-къ́-кр-ювам* 'накручивать' (цит. по [БЕР, III: 187]);

ст.-чешск. *ku-čer-a* 'кучерявый человек' [Gebauer, II: 171];

словен. *ko-čêlj* 'кудрявый человек' (цит. по [Bezlaj, II: 51])[352];

русск. *кур-ч-авый* (*кур-чав-ый*) 'кудрявый' [Даль 1955, II: 223] (возможно, *в* от *л*, если принадлежит редупликанту);

сербохорв. *ши-ш-ка* 'завиток на лбу' [СБР: 591].

---

[348] В [БЕР, I: 299] высказано предположение о связи слов с лит. *gùngti* 'изгибаться' (кстати, форма тоже с редупликацией: *gùn-g-ti*) и о влиянии со стороны *къдря* 'завивать', *къдрав* 'кудрявый'.

[349] У Скока образование слова не получило объяснения. Оно отнесено к этимологическому гнезду употребляемого в загадке слова *gurguljav*: *u gurguljavom kožuščiću* (об орехе). Вероятно, значение слова 'скорчившийся'. См. также п. 4.9.10.

[350] Согласно [БЕР, I: 443] слово образовано от *ду́дул* 'кукуруза', и его первоначальным значением было значение 'кудрявый как волосы плода кукурузы'. Для такой гипотезы не приведены типологические параллели и лингвистические факты. Она базирована на видимом правдоподобии, что кукуруза имеет волосы, а волосы могут быть кудрявыми.

[351] Бернекер усматривает в слове редупликацию корня со значением 'торчащий, лохматый' [Berneker, I: 540].

[352] У Безлая есть ссылки на довольно противоречивые гипотезы о происхождении слова и не выражено предпочтение ни к какой из них [Bezlaj, II: 51].

BUPress

4.8. Названия длинных, высоких предметов

Между данными названиями и названиями кривых палок, представленными в п. 4.7.2., иногда трудно провести границу, так как многие из них сочетают в себе и образ кривого, и образ длинного предмета. Ср. например, названия костылей, посоха, ходулей и др. Ср.:

русск. диал. *ба-ба́й-ка* ‘весло’[353] [Даль 1955, I: 34];

укр. диал. *бай-ба́р-а́* ‘длинный кнут пастухов; прут, хворостина, розга, дубина; степная трава’ (цит. по [ЕСУМ, I: 115])[354] – само разнообразие значений свидетельствует об экспрессивном характере этимона слова;

болг. диал. *джо́м-пал-ица* ‘палка, которою засовывают под подводные скалы, чтобы выгонять оттуда рыбу’ (цит. по [БЕР, I: 367])[355];

польск. диал. *kru-kiew* (*kru-k-iew*) ‘ходули, трость’ [SGP] – возможно, *w* от *l*, если принадлежит редупликанту;

польск. диал. устар. *kry-k-a* ‘трость’ [SGP];

болг. *ко-ки́л-и* ‘ходули’[356],

болг. диал. *пъ-пъл-юга* ‘палка’ (цит. по [БЕР, VI: 68])[357];

польск. *cho-chl-a* ‘шест у невода’ [Linde, I: 253].

Ср. с ироническими названиями человека (п. 4.11.1.), обозначающими высокого человека.

Ср. также с: лит. *kar-kõn-as* ‘палка, клюка’, *kir-kãl-as*, *kir-kãl-is* ‘ходуль; костыль’ [LKŽ].

---

[353] Преображенский допускает связь с *бабашка* ‘поплавок на удочке’ [I: 10]. Фасмер отмечает, что для этого имеются «трудности семасиологического характера» [I: 100].

[354] В [ЕСУМ, I: 115] слово указано как неясное.

[355] Согласно [БЕР, I: 367], слово образовано от звукоподражательного глагола при влиянии *палица* ‘палка’.

[356] Согласно [БЕР, VI: 534], слово образовано от *кука* ‘крюк’ при помощи суфф. *-ыль*. О гипотезе Добрева, усматривающего в слове корень **kok-*/**kek-* сказано, что является неубедительной.

[357] В [БЕР, VI: 68] выражено предположение о развитии слова от первоначального **па-палюга* или * *по-палюга*, образованного от паля ‘жечь’. Отметим, что такое словообразование необычно.

BUPress

4.9. Названия действий и их результатов

Общим для всех названий действий, которые относим к данной большой группе, внутри которой оформляются подгруппы, является то, что обозначаемые действия могут быть изображены и жестами, имитирующими движение вниз, вверх, хаотическое, поступательное, колебательное движение, скольжение, набухание, сжимание, мерцание, вспышку и т.д. Ср. с отмеченной выше прагматической особенностью звукоизобразительных слов, что составляют общую паралингвистическую категорию с жестами (п. 1.5.1).

4.9.1. Слова, обозначающие действия 'садиться', 'становиться на колени', 'приседать на корточки', 'кивать головой' и их результаты

Общим для всех из перечисленных действий является движение вниз. Ср. следующие слова:

болг. *кля́-к-ам*, *кле́-к-ам* 'приседать на корточки; слабеть; (о животном) приседать на задние ноги; (о птице) сесть', (цит. по [БЕР, II: 492, 431]), др.-болг. **по-клѧ-к-нѫти** 'опуститься на колени, преклонить колени' [ССЯ: 470], укр. *кля-к-а́ти* 'становиться на колени' [Гринченко, II: 256], русск. *кля́-к-ать* 'становиться на колени' (цит. по [Фасмер, II: 259]), белорусск. *кля́-к-аць* 'падать на колени; приседать, падая' (цит. по [ЭССЯ, X: 33]), словен. *klè-k, klé-k, klé-k-a* '(в спорте) поза, стоя на обоих коленах' [SSKJ], словен. *klé-k-ati* 'приседать на корточки, становится на колени' (цит. по [БЕР, II: 431]), сербохорв. *kle-k-нути* 'стать на колени; сесть верхом; ослабеть; присесть на корточки' [РСА, IX: 566], в.-луж. *kla-k-ać* 'становиться на колени' [Pfuhl: 254], польск. редк. *na klę-k-u* 'на коленях', *klę-cz-eć* 'становиться на колени' [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II:359], белорусск. *при-кле́н-ч-ыць* 'приклонить колени'[358] [Байкоў-Некрашэвіч];

русск. диал. *кле́-к-нуть* 'вянуть и повиснуть' [Даль 1955, II: 116];

сербохорв. диал. *кле-ц-ати* 'шататься, нетвердо держаться на ногах' [РСА, IX: 582];

н.-луж. *klě-c-aś, klě-k-aś* 'стоять на колени'[Muka, I: 626];

---

[358] В этимологических словарях только реконструированы праформы и указаны соответствия в родственных языках (см., например, [Фасмер, II: 259; БЕР, II: 431; ЭССЯ, X: 32–33; Boryś 2005: 235]). Образование слов не получило объяснения.

словацк. *kľu-k-ať (si)* ‘приклонять колени, приседать’ [SSJ, I; 706];

болг. *клю́-к-ам* ‘усаживаться без приглашения’ [Кепов 1936: 263];

болг. диал. *ко́-кêр-а са* ‘сидеть или приседать неприлично, кривляться’ [Хитов 1979: 267] – возможно смешивание разных звукосимволических образов: «приседания (движения вниз)» и «кривляния» см. п. 4.9.14.);

русск. диал. *ко-кор-е́жки* ‘корточки’, *сидеть на ко-ку́р-е, сидеть на ко-ку́р-ках* ‘сидеть на корточках, поджав ноги’ [СРНГ, XIV: 95, 105]; *ку́-кор-очки* мн. ‘коленки; корточки’, *на ку́-кар-а́чках* ‘на четвереньках’ [СРНГ, XVI: 31], *ку-кар-е́шки* ‘корточки’, *на ку́-кор-ках* ‘на карачках, на четвереньках’, *на ку́-кор-ках* (сидеть) ‘на согнутых коленях’ [СРНГ, XVI: 32], *ку-ки́р-ки* ‘корточки’ [СРНГ, XVI: 34], *ку-ку́р-ки* мн. ‘корточки’ [СРНГ, XVI: 46];

болг. *ку́-к-ам* ‘сидеть на корточках; сидеть все время дома’, *ку́-к-на* ‘сесть на корточки; сесть на вершине чего-либо’, *ку́-к-новам* ‘сесть, подогнув колени’ (цит. по [БЕР, III: 87])[359], русск. диал. *ку́-к-нуть* ‘засесть, например, дома’ [СРНГ, XVI];

польск. *ku-c-nąć*, *ku-cz-nąć*, *ku-c-ać* ‘присесть на корточки, притаиться, припасть к земле’, ст.-польск., польск. диал. *ku-cz-eć*, (*usiąść*, *siedzieć*) *w ku-cz-ki*, *ku-c-ki*, диал. *ku-c-upki* ‘сидеть тихо, неподвижно, задумавшись’, [Karłowicz – Kryński – Niedźwiedzki, II: 619], словен. *kú-č-ati*, *čú-č-ati* ‘сидеть согнувшись’, сербохорв. *čú-č-ati*, *čé-č-ati* ‘сидеть, согнувшись’, чешск. диал. *ču-č-et* ‘сидеть, согнувшись, тихо, неподвижно’, словацк. *čučať*, *čučkať*, *čušťať* ‘сидеть тихо, неподвижно’ (цит. по [Bezlaj, I: 90])[360], болг. диал. *чу́-ч-кам* ‘садиться’ [Евстатиева 1971: 240], *къ́-ц-ъм* ‘садиться на землю’ [Ковачев 1970: 28];

др.-болг. *ѵа-к-амъ*, *ѵѣ-к-амъ*, ст.-чешск. *če-k-ati*, *ča-k-ati*, польск. *czek-ać*, ст.-польск. *cza-k-ać* ‘ждать’ (цит. по [Gebauer, I: 162]), словацк. *čak-at’* ‘ждать, ожидать’ [SSJ, I: 189–190], сербохорв. *ča-k-ati* ‘ждать, ожидать’ [RJA, I: 882–883], словен. *čá-k-ati* ‘ждать, подкарауливать’ [Pleteršnik, I: 92], в.-луж. *ča-k-ać* ‘ждать, ожидать’[361] [Pfuhl: 70] – воз-

---

[359] Словарь реконструирует псл. **kukāti*, **kučāti* ‘искривлять, сгибать’ < и.-е. **kou-k-*, **keu-k-* ‘искривлять’, образование которых не объясняет [БЕР, III: 87].

[360] Безлай реконструирует для славянских слов варьирующие праславянские формы **kukēti*, **k’ukēti*, не комментируя их образование и причины вариативности [Bezlaj, I: 90].

[361] ЭССЯ ссылается на Станга, который «подвергает сомнению вероятность происхождения *čekati/* čakati* из редупликации… ввиду исключительной редкости этого морфологического способа в слав.» (выделено мной: Ж. К.-З.) и отмечает, что необходимо отметить «в дополнение к наблюдениям Станга, что форма исходного корня **kek-* предполагает экспрессивное происхождение (один и тот же смычный согласный в начале и конце корня)…» Как мы уже не раз отмечали к подобным комментариям, квалификация способа образования слова термином «экспрессивный» ничего не дает для его разъяснения, так как экспрессивность можно постичь и фонетической, и семантической, и морфологической мотивированностью. Дан-

Pure

можно, от первоначального значения ‘сесть’, ср. с болг. *Седни, почакай.* ‘Садись, подожди’);

болг. *ка́-ц-ам* ‘(о птицах, насекомых, самолетах) сесть’, словен. *ka-c-áti* ‘(о снеге) падать большими хлопьями’ [SSKJ];

словен. *kîn-k-ati, kîn-c-ati* ‘дремать, клевать носом’, *kîn-c-ati, kîn-k-ati, kin-klj-áti, kín-kn-iti* ‘кивать головой’ (цит. по [BEZLAJ, II: 32])[362].

4.9.2. Слова, обозначающие ритмические колебательные движения: ‘пошатываться’, ‘хромать’, ‘качать(ся)’

Ср. такие слова, как:

русск. диал. *бу́-бл-иться* ‘волноваться, быть неспокойным’ [СРНГ, III: 234] – Возможна также связь с формально тождественными названиями пузырей, см. п. 4.1.3.4. В таком случае звеньями семантического развития являются значения ‘пузыриться’ > ‘кипеть’);

н.-луж. *bom-b-ańe* ‘раскачивание, бросание’, *bom-b-aś* ‘качать, махать, размахивать’, *bom-b-aś se* ‘качаться, покачиваться’ [MUKA, I: 62–63], чешск. диал. *bam-bul-ati, bam-byl-ati, bom-bol-ati, bom-bél-at, blom-bél-at, bum-bul-at, bam-b-at, bélat* ‘кивать, давать знак рукой; качать, колебать’, польск. диал. *bą-bel-ać się* (цит. по [MACHEK 1971: 44])[363] – ср. с формально близкими названиями побрякушек, для которых возможна мотивированность признаком ‘болтаться’;

болг. диал. *гър-во́л-им се* ‘ходить медленно, пошатываясь’ (цит. по [БЕР, I: 302]) – форма с диссимиляцией консонантов по месту и способу артикуляции: *в – в > г – в*, ср. с болг. *вър-вол-як* ‘вереница’ (см. п. 4.9.3.);

русск. диал. *гу́-гал-а* (*гу́-г-ала*) ‘качели’, *гу́-г-аться* ‘качаться’ [СРНГ, VII: 198], словен. *gú-ga, gú-gal-ica* (*gú-g-alica*) ‘качели’, *gú-g-ati* ‘качаться’ (цит. по [BERNEKER, I: 361])[364];

болг. *ку́-ц-ам* ‘хромать’[365],

ный комментарий показывает, как из-за догматического отношения к постулату об отсутствии редупликации в славянских языках этимологи приходят к довольно неясным гипотезам.

[362] Безлай говорит о неясности происхождения этой группы слов с варьирующими основами, которые характеризуются исключительной экспрессивностью [BEZLAJ, II: 32].

[363] Махек высказывает предположение, что данное слово возникло от *gombélat/kombélat*, которое со своей стороны возникло от **kolbélat*, образованного от *kolébat*, с метатезой *l – b* [MACHEK 1971: 44–45]. Даже если и принять осуществление всех этих фонетических изменений, которые привели к полной маскировке исходного слова, гипотезу в целом трудно принять, так как не объясняет причину формальной вариативности слова.

[364] Согласно Бернекеру, это слова детской речи, также как и русск. *гугуля* ‘шишка’, польск. *guga* ‘то же’, *gugułka* ‘неспелая вишня’ [BERENEKER, I: 361].

DUPress

сербохорв. диал. *кље-к-ати* ‘хромать’ [РСА, IX: 640], словен. *klé-k-ati* ‘покачиваться, сгибаться при ходьбе’ (цит. по [БЕР, II: 431]), русск. диал. *клю-к-áть, клю́-ч-ить* ‘ходить с клюкой, хромать’ (цит. по [Фасмер, II: 257]), болг. *клé-ц-ам* ‘хромать’ [Геров 1975–1978, II: 369], н.-луж. *klě-c-aś* ‘хромать’, *klě-c-ańe* ‘хромота’ [Muka, I: 626], словен. *kljû-c-ati* ‘ходить, согнувшись’ [Pleteršnik, I: 408], *klé-k-ati* ‘идти попошатываясь’, полаб. *klą-c-e* ‘хромает’ (цит. по [Фасмер, II: 259)[366];

русск. диал. *кóл-ч-ить* ‘хромать’ [СРНГ, XIV: 203]; *кол-т-áть* ‘хромать’, *кол-д-ы́ка* ‘хромой, идущий вразвалку человек’, *кол-д-ы́кать* ‘хромать, идти вразвалку’, белорусск. *кол-д-ыга* ‘хромой’, *кол-д-ыгаць* ‘хромать’, *кóл-ч-а* ‘хромой’, *куль-г-á* ‘хромой человек’, *куль-г-áць*, укр. *куль-г-áти* ‘хромать’, чешск. *kul-h-ati*, словацк. *kul-h-ať*, ст.-польск. *kul-g-ać*, русск. диал. *куль-п-áть* ‘хромать’, *куль-п-á* ‘хромой, калека’, *куль-т-я́* ‘хромой’ (цит. по [Фасмер, II: 297, 288, 298, 412, 413]) – Многообразие форм напоминает о прагматическом признаке звукоизобразительных слов – креативности индивида, см. п. 1.5.1.;

болг. диал. *кер-кéт-я* ‘идти с трудом’, *керкéть-меркéть* ‘еле-еле’ (цит. по [БЕР, II: 338])[367];

польск. *czu-pir-adło*, диал. *ko-pir-adło, ko-per-adło* ‘хромой, неуклюжий человек’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 405–406] – вероятно, контаминированная форма;

русск. диал. *чи-кил-я́ть* ‘хромать’, *чи-кил-я́й* ‘хромой человек’ (цит. по [Фасмер, IV: 361])[368];

болг. *лю-л-éя* ‘качать’, *лю́-л-ка* ‘качели’, сербохорв. *љу́-љ-ати* ‘качать’, русск. *лю́-ль-ка* ‘колыбель, качалка’[369] [Даль 1995, II: 285];

болг. диал. *тън-ту́р-кам* ‘качать’ [Петков 1974: 145];

словен. *cín-c-ati* ‘качаться’ [SSKJ].

Возможно, сюда же следует отнести также: болг. диал. *ши-къл-кáйъ* ‘скитаться с места на место’ [Ковачев 1970: 50], *ша-ш-авим се* ‘скитаться

---

[365] Согласно [ЭССЯ, XIII: 79], слово звукоподражательного происхождения. Ничего не сказано о развитии «звукового» значения в «незвуковое».

[366] Фасмер относит глагол *клюкáть* и сущ. *клюка* ‘кривая палка, костыль’ к одному и тому же этимологическому гнезду. Значение глагола выводит из ‘зацепляться’. Образование существительного не объяснено. Происхождение остальных цит. названий действия ‘хромать’ не объяснено [Фасмер, II: 257, 259].

[367] В [БЕР, II: 388] допущена связь с *кретам* ‘идти медленно’, но отмечено, что фонетика и словообразование остаются неясными.

[368] Согласно Фасмеру, слово образовано от *чи* ‘ли, или’ и **кыл-*, родственного *кулявый* ‘хромой’ [IV: 361]. Типологических параллелей к этому необычному словообразованию не приведено.

[369] Как отмечают многие словари, в основе образования слов легло звукоподражательное междометие, служащее для успокаивания ребенка (см. [Berneker, I; 758; Фасмер, II: 545–546; Skok, II: 287; БЕР, III: 578]).

DUPress

без дела' [Вакарелска-Чобанска 2005: 387], *ший-кел-ец* 'выселенец (который принужден скитаться – замечание мое: Ж. К.-З.)' [Вакарелска–Чобанска 2005: 388];

русск. диал. *ко-клю́-шка* 'малютка, ребенок, только начинающий ходить' [СРНГ, XIV: 89] – налицо смешивание преставлений 'пошатывающийся' и 'маленький';

укр. диал. *пе́ре-пел-о* 'ключица' [Гринченко, III: 130] – возможно, значение развито от значения 'качаться' из-за впечатления качания, которое создает ключица при движения плеча вверх-вниз.

словен. *gín-g-av*, *gín-glj-av* 'слабый, немощный', *gín-g-ati* 'колебаться, быть в нерешительности', сербохорв. кайк. *gin-g-av* 'слабый, мягкотелый' (цит. по [Bezlaj, I: 143]) – возможно, налицо смешивание образов пошатывания и сгибания.

Ср. также с лит. *klén-k-ti* 'с трудом идти' [LKŽ].

4.9.3. Слова, обозначающие ритмические поступательные движения и их результаты

Ср. такие слова, как:

болг. *въ́р-в-я* 'нанизать', *въ-в* 'веревка', русск. *вере-в-ка*, болг. *вър-вол-ица*, *вър-вол-як* 'вереница', диал. *вър-вар-ик*, *вър-вар-ия* 'то же', болг. *вър-в-я́* 'идти пешком', сербохорв. *vr-vl-jeti* 'струиться, течь' (цит. по [БЕР, I: 187, 209])[370];

русск. диал. *гом-з-а́ть* 'ползать' [СРНГ, VI: 353], сербохорв. *gàmi-z-ati, gàm-z-iti, gmi-z-ati, gmi-z-iti, gma-z-jeti* 'ползать' [RJA. III: 98, 99, 213] – ср. с *gma-z* 'ползучие животные: ящерицы, змеи, черепахи' [RJA. III: 213], см. п. 4.12.1.;

русск. диал. *ги́-зан-дать* 'медленно идти' (цит. по [Фасмер, I: 405])[371];

русск. диал. *ги-ж-ой* 'вереницей один за другим, гуськом' [СРНГ, VI: 170],

болг. диал. *гин-ге́р-а се* 'идти медленно, волочиться' (цит. по [БЕР, I: 243])[372];

---

[370] Согласно [БЕР, I: 209, 187], данные слова производны от *във* 'веревка', происхождение которого не объяснено. Не получили объяснения и элементы *-ол-*, *-ор-* в основах некоторых из слов.

[371] У Фасмера слово представлено как темное [I: 405].

[372] Болгарский этимологический словарь связывает данный глагол с *гингер* 'чертополох', реконструируя первоначальное значение 'волочиться как чертополох, ношенный ветром' [БЕР, I: 243].

сербохорв. *đur-đ-iti* ‘идти быстро, согнувшись’ (цит. по [Skok, I: 483])[373];

болг. *крá-ч-а* ‘шагать; широко шагать’, диал. *кро-к-ам* ‘шагать’ (цит. по [БЕР, III: 17]), в.-луж. *kro-č-aty* ‘медленно идущий’, *kro-čel* ‘шаг’ [Pfuhl: 290], сербохорв. *кра-ч-ати* ‘идти, ступать, ставя одну ногу перед другой’ [РСА, X: 447], ст.-чешск. *krá-č-ěti* ‘шагать’ [Gebauer, II: 122, 153], польск. диал. *kro-cz-ac* ‘медленно идти’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 555];

болг. диал. *къ́-кн-а се* (*къ́-к-на се*) ‘идти еле-еле, волочиться’ (цит. по [БЕР, III: 187])[374];

болг. *че-ко́р* ‘шаг’, *че-ко́р-ѭ* ‘шагать’ [Геров, V: 538];

укр. диал. *май-мор-и́ця* ‘тропа’ (цит. по [ЕСУМ, III: 362])[375] – значение ‘тропа’ может быть производным от значения ‘идти медленно, ползать’ через связывающее звено ‘вереница’;

болг. *пъ-пл-ѭ* ‘о букашках: ползать; идти медленно, потихоньку; волочиться’[376] [Геров, IV: 406];

словен. *cín-c-ati* ‘медленно идти или ехать’ [SSKJ];

словен. *štor-klj-áti* ‘идти медлительным, неуклюжим шагом; идти, ходить’ [SSKJ] (<**s-kъ(ъ)r-kъl-*).

4.9.4. Слова, обозначающие скольжение

Ср такие слова, как:

русск. диал. *глы́-з-ать* ‘скользить’ [СРНГ, VI: 223], *гы́л-з-ать* ‘скользить’ (цит. по [Фасмер, I: 479])[377], *го́л-з-ать* ‘скользить’ (цит. по [Фасмер, I: 428])[378], *глу-зд-а́ть*, *глу́-зд-ить*, *глю́-зд-и́ть* ‘скользить’ [СРНГ, VI: 208]; русск. *с-коль-з-ить*, русск. диал. *ко́л-з-а-ть(ся)* ‘скользить’, *ко́в-з-а́ться* ‘кататься на льду’, укр. *ко́в-з-ати*, чешск. *klou-z-ati* ‘скользить’, словацк. *kľ-z-ať*, польск. *kieł-z-ać* (цит. по [Фасмер, II: 290])[379]– формы с диссимиляцией консонантов по глухости/звонкости и последовавшей палатализацией: *г – г* > *к – г* > *к – з*;

болг. разг. *тъ-тр-я* ‘волочить’, диал. *тъ-тр-узя (се)* ‘волочиться по заднице; волочить по земле что-либо’ [Ковачев 1970: 47], *тън-ту́р-кам* ‘волочить, тянуть медленно’ [Петков 1974: 145].

---

[373] У Скока слово не получило объяснения, только регистрировано.

[374] Согласно [БЕР, III: 187], слово звукоподражательного происхождения.

[375] В [ЕСУМ, III: 362] этимология слов указана как неясная.

[376] Согласно [БЕР, VI: 65], слово звукоподражательного происхождения.

[377] У Фасмера этимология слова указана как неясная [I: 479].

[378] У Фасмера этимология слова указана как неясная [I: 428]

[379] У Фасмера происхождение слова не получило объяснения [II: 290].

DUPress

4.9.5. Слова, обозначающие вращательные движения

Ср.:

укр. диал. *bul-bón* ‘водоворот’ (цит. по [ЭССЯ, II: 171])[380];

укр. *terе́-r-a* ‘волчок’[381] [Гринченко, I: 348];

польск. *kur-koń-ak*, в выражениях *dać kur-koń-aka* ‘кувыркаться’ (цит. по [Лаучюте 1982: 144])[382];

русск. диал. *ку-кор-е́згаться* ‘перевертываться через голову, кувыркаться’ [СРНГ, XVI: 43];

русск. диал. *ко-бур-я́ться* ‘кувыркаться, перевертываться через голову’, ср. *ко-бур-ко́м ко-бур-я́ться* [ССРНГ: 227] – форма с диссимиляцией консонантов: *к – к > к – б*;

болг. *тър-ка́л-ям* ‘катить, вращать, валять’ – форма с диссимиляцией консонантов по месту артикуляции: *к – к > т – к*);

болг. *пръ-пел-ѝ́шка* ‘волчок’ [Геров, IV: 368], *пръ-пе́р-ичка* ‘волчок’ [Геров, IV: 266], болг. диал. *пър-пел-ам се* ‘валяться (в пыли, в песке, на земле)’, *пър-пел-е́ш* ‘волчок с острым концом для вращения’ *пър-пел-е́шкам се* ‘(о детях) валяться (в песке)’ (цит. по [БЕР, VI: 99–100]), болг. диал. *пъ́р-гел-ам* се ‘валяться (в пыли)’ (цит. по [БЕР, VI: 77], где допущена ошибочная запись слова в источнике), *пър-тел-я́шка* ‘вертячка’ (цит. по [БЕР, VI: 105])[383];

болг. диал. *пу́-пл-як* ‘волчок’ (цит. по [БЕР, V: 856])[384];

болг. *пу́м-пал* ‘волчок’ (цит. по [БЕР, V: 852])[385];

болг. диал. *фър-фъл-а́к* ‘волчок в детской игре’ [Ковачев 1970: 47].

---

[380] В [ЭССЯ, II: 171] данное слово отнесено к этимону **bolbolъ*, о котором сказано, что это экспрессивное имя с редуплицированным корнем **bol-*. См. сноску 93.

[381] Согласно [ЕСУМ, I: 499], слово заимствовано от венг. *kerék* ‘круглый’. Такая гипотеза была бы более вероятной, если бы не было других названий вращательных движений с редупликацией.

[382] Согласно Лаучюте, слово заимствовано от лит. *kurnėti* ‘быстро бежать маленькими шажками; переворачиваться через голову; падать с шумом’ [1982: 144]. Если это так, то необходимо объяснить и изменение формы польского слова, элемент *-ko-* в ней. Следует отметить, что все-таки автор относит данное польское слово к группе слов, «происхождение которых недостаточно аргументировано».

[383] Для *пъ́рпелам се* в [БЕР, VI: 100] предположено образование от «звукоподражательной основы *пър* с частичной редупликацией (*пел*)». Не аргументировано, как от «звукового» значения звукоподражательного образования развилось значение ‘валяться, вращаться’. Кроме того, диссимиляция при полной редупликации, которая вполне естественна, трактуется как частичная редупликация; см. об этом 1.5.5.1. Слово *пъртеля́шка* представлено как результат контаминации.

[384] Согласно [БЕР, V: 856], слово образовано от *пумпал*. См. следующую сноску.

[385] В [БЕР, V: 852] слово указано как звукоподражательное.

Ср. также: алб. *vór-bull-ë* ‘водоворот, вихрь’, лат. *vol-ver-e* ‘кружить, вздымать вихрем’ (цит. по [Калужская 2001: 50]), др.-гр. *βέμ-β-ιξ* ‘водоворот’ (цит. по [Boisacq 1916: 118]), лат. *gur-g-ĕs* ‘водоворот’.

4.9.6. Слова, обозначающие хаотические движения

Сюда относим слова, которые обозначают беспорядочные, непериодические движения, осуществляемые в разные стороны. Ср.:

русск. диал. *бара́-б-ать* ‘беспорядочно двигать ногами (о ребенке)’ [СРНГ, II: 99–100], *бара-бо́р-ить* ‘приводить в беспорядок, комкать, сдвигать (ногами)’, *бара-бо́ш-ить* ‘перебирать что-нибудь, приводить в беспорядок, ворошить какие-нибудь вещи, предметы’ [СРНТ, II: 101], *бара-бо́ш-иться* ‘двигаться, шевелиться, барахтаться’ [СРНТ, II: 101] – *ш* < *л*;

болг. диал. *вър-вол-и́цам се* ‘ходить туда-сюда без дела’, словен. *vr-v-ẹ́ti* ‘(о скоплении людей) кишеть, шуметь’ (цит. по [БЕР, I: 187, 209]);

болг. *гъм-ж-ѫ*, *гым-ж-ѫ* ‘кишеть’ [Геров 1975–1978, I: 262, 263], чешск. *hem-ž-iti se*, диал. *hem-z-ati* (*se*) ‘кишеть, копошиться’ [PSJČ, I: 851], ст.-чешск. *hmy-z-ěti*, *hmy-z-děti* ‘кишеть, копошиться’ [Gebauer, I; 435], болг. *гъ́м-жел* (*гъм-ж-ел*) ‘скопление кишащих живых существ’ (цит. по [БЕР, I: 301]), русск. *гом-з-а́ть* ‘кишеть’ (цит. по [Фасмер, I: 435]), *гом-з-а́* ‘суматоха, суета’, (пример: *Ковырни муравельник, – какая гомза пойдет.*) [СРНГ, VI: 353], возможно, сюда же следует отнести и *гом-зу́л-я* (*гом-з-у́ля*) ‘множество чего-либо’, *гомо-з* ‘множество’ [СРНГ, VI: 353, 345], *го́мо-з-ом* ‘все вместе, разом толпой’ (пример: *Так гомозом и пошли в лес.*) [СРНГ, VI: 354], *га́ма-з-ом* ‘все вместе, разом, толпой’ [СРНГ, VI: 127], *гама-з-и́ть* ‘беспокойно сидеть, стоять, поворачиваясь в разные стороны, вертеться, ерзать; суетиться, вести себя беспокойно’ [СРНГ, VI: 126], *га́му-з-ом, га́мо-з-ом, га́м-з-ом* ‘гурьбой, сообща, совместно, скопом’ [СРНГ, VI: 132], русск. диал. *гмы-з-а* ‘множество’ [СРНГ, VI: 233] – возможно, значения ‘множество’, ‘толпа’ развиты от значения ‘что-то кишащее’;

болг. *гя-гл-и́ще*, *гя-гл-о́* ‘о мелких кишащих тварях’ [Геров 1975–1978, I: 265];

в.-луж. *mro-w-ić*, *mro-w-jeć* ‘копошиться, кишеть как муравьи’ [Pfuhl 383], н.-луж. *mro-w-jaś se* ‘кишеть (о муравьях или как сравнение с муравьями)’ [Мука, I: 940], польск. *mro-w-ić się* ‘роиться, сновать, кишеть, как муравьи’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 1059], чешск. *mr-v-iti se* ‘кишеть, копошиться’ [PSJČ, II: 981] – возможно, от **mṛ-m-/*mor-m-*; см. п. 6.3.;

болг. *мра-ву́л-ѣкъ* ‘муравейник; о мелких животных: что-то в большом количестве, кишащее’ [Геров, III: 85], *мра-вул-ѣк* ‘о чем-нибудь похожем на муравейник, которое движется, шевелится’]Геров, III: 84–85] – см. п. 6.3.;

болг. *пъ-пл-ѣк* ‘о мелких тварях, когда их много: кишеть, гомозиться’ [Геров 1975–1078, IV: 406], *пъ́-пл-як* ‘толпа, сутолока’ (цит. по [БЕР, VI: 65], см. сноску 376);

чешск. диал. *če-čur-at’* se ‘ходить туда-сюда без дела’ (цит. по [Маснек: 96])[386].

4.9.7. Слова, обозначающие потерю равновесия, спокойствия

К данной группе слов относим слова, обозначающие каузирование потери равновесия, спокойствия, а также само состояние. Ср.:

русск. *бу-дор-а́жить*, *бу-тар-а́жить* ‘беспокоить, тревожить’, *бу-дар-а́га* ‘возбуждение; беспокойный человек’ (цит. по [Фасмер, I: 230])[387] – возможно с диссимиляцией согласных, сначала по месту артикуляции: *б – б > б – д*, а впоследствии и по глухости/звонкости: *б – т*;

русск. диал. *бара-бо́ш-ить* ‘вызывать суматоху, поднимать тревогу, пугать; не давать покою кому-либо’ [СРНГ, II: 101] – *ш < л*;

болг. диал. *вал-в-ата́* ‘буйные шалости, проказы’ [Вакарелска-Чобанска 2005: 49];

польск. диал. *gi-gl-ać* ‘щекотать’ [SGP];

болг. *гъ-дел* ‘щекотка’[388] – форма с диссимиляцией консонантов по месту артикуляции: *г – г > г – д*, ср. с польск. *gi-gl-ać* ‘щекотать’;

русск. диал. *гомо-з-и́ть* ‘шекотать’ [СРНГ, VI: 126], *га́м-з-ить*, *го́м-з-ить* ‘беспокоить кого-либо’ [СРНГ, VI: 130–131];

сербохорв. *та-т-а* ‘буйство, бешенство, неистовство’, *та́-т-iti se* ‘сходить с ума, безумствовать’ [RJA, VI: 430, 434];

болг. диал. *штръ-кл-е́а* ‘бегать быстро с перепугу’, *штъ́р-к’ъл* ‘беготня взбешенного животного, укушенного каким-либо насекомым’ (формальное совпадение с названием аиста в говоре) [Ковачев 1968: 234]; ср. с *штръ́клица* ‘насекомое, которое кусает крупный рогатый скот, и он начинает быстро бегать, взбесившись’ [Божкова 1962: 273] (<**s-kь(ъ)r-kъl-*);

болг. диал. *што́р-к-а* ‘мчаться изо всех сил к лесу (о крупной рогатой скотине, укушенной слепнем’ [Стойчев 1965: 306] (<**s-kь(ъ)r-k-*);

болг. диал. *штре́-к-ам* ‘дразнить’ [Стойчев 1965: 306] (<**s-kьr-k-*);

---

[386] У Махека этимология слова указана как неясная [Маснек 1971: 96].

[387] У Фасмера отмечено, что это «неясное слово» [I: 230].

[388] Согласно [БЕР, I: 299], этимология слова неясная.

BUPress

болг. *по-с-кре-к-а́вам* ‘подстрекать’ (цит. по [БЕР, V: 469]), русск. *под-стре-к-ать*, русск. *с-тре-к-а́ть* укр. *с-трі-к-а́ти*, белорусск. *с-трі-к-а́ць* ‘колоть, жалить’ (цит. по [ФАСМЕР, III: 773])[389] – вероятно, последние формы с изменением **str<*skr* или с диссимиляцией: *к – к > т – к*, о чем ср. с формой болг. *по-с-кре-к-а́вам*.

4.9.8. Слова, обозначающие медлительные, бессмысленные действия ‘рыться’, ‘копаться’, возиться’, ‘работать плохо’ или некачественную работу

Ср. такие слова, как:

русск. диал. *бо́р-б-аться* ‘плескаться в воде’ [СРНГ, III: 97];

укр. *ба́-бр-атися* ‘рыться руками в чем-нибудь редком, грязном’ [СУМ, I: 77], чешск. диал. *ba-br-ati* se ‘возиться; пачкаться (работая)’ (цит. по [MACHEK 1971: 41])[390];

русск. диал. *бара́-б-ать* ‘рыть, разрывать, копать что-либо; рыться, копаться в чем-либо; перебирать руками, трепать приводить в беспорядок что-либо; искать, разыскивать что-либо’ [СРНГ, II: 99–100], *бара́-б-аться* ‘рыться, копаться, барахтаться, пачкаться в чем-либо; возиться, плескаться, барахтаться в воде; медленно и неумело делать, выполнять что-либо, долго возиться с чем-либо’ [СРНГ, II: 100], словен. *br-b-ati* ‘рыться руками, искать’ (цит. по [BEZLAJ, I: 39])[391], сербохорв. *br-b-ati* ‘рыться, шарить’ [RJA, I: 614][392];

болг. диал *бър-ба́р-ам* ‘рыться руками в чем-нибудь, искать’, *из-бър-ба́р-ам, из-бър-ба́р-вам* ‘выбирать мясо из супа’ (цит. по [БЕР, I: 100])[393];

русск. диал. *баля́-б-ать* ‘грубо, плохо, неумело что-либо делать’[394] [СРНГ, II: 90];

русск. диал. *бара-бо́ш-ить* ‘плохо, грубо, грязно делать что-либо, выполнять какую-либо работу’ [СРНГ, II: 101] – *ш < л*;

словацк. диал. *br-bl-aťsa* ‘грубо делать что-либо’ (цит. по [ЭССЯ, III: 122])[395];

---

[389] У ФАСМЕРА слово не получило объяснения [III: 773].

[390] У Махека указаны только соответствия слова в родственных языках, в том числе и не славянских. Высказано предположение, что существует связь также с чешск. *piplati*, диал. *fafrat*. Объяснение происхождения слова отсутствует [MACHEK 1971: 40].

[391] У Безлая этимология слова указана как неясная [BEZLAJ, I: 39].

[392] В [RJA, I; 614] сказано, что слово образовано «от корня *barb* ‘невнятно говорить, производить невнятный шум, звук’». Эта идея воспринята и в [ЭССЯ, III: 122], где данное слово вместе с формально тождественными словенским и русским словом с тем же значением возведено к звукоподражательному этимону.

[393] В [БЕР, I: 100] слово указано как звукоподражательное.

[394] В [ЭССЯ, III: 116] слово отнесено к одному и тому же этимологическому гнезду вместе со звукоподражательными глаголами.

PUPress

русск. диал. *га-га́р-ить* ‘бродить, болтаться без дела’ [СРНГ, VI: 88];

русск. диал. *га́-вр-ать*, *га́-вр-ить* ‘делать что-либо плохо; готовить пищу невкусно, нечисто; пачкать грязнить что-либо (помещение, посуду и т.д.), приготовляя пищу; прясть [?], вероятно, копаться кое-как за прялкою; делать что-либо плохо’ [СРНГ, VI: 84–85] – форма с диссимиляцией консонантов по месту и способу артикуляции: *г – г > г – в*;

русск. диал. *гама-з-и́ть* ‘плохо работать, выполнять какую-либо ненужную работу’, *гама-з-и́ть* ‘трогать что-либо, копаться в чем-либо’ [СРНГ, VI: 126], *га́м-з-ить* ‘делать что-либо неаккуратно, портить что-либо’ [СРНГ, VI: 130];

русск. *ве́р-з-ить* ‘говорить или делать что-либо продолжительно, но безпутно, бестолково’ [Даль 1955, I: 181] – форма с диссимиляцией консонантов по месту артикуляции: *в – в > в – з*;

болг. тайный говор *вър-гол-ю* ‘делаю что-либо, работаю’ (цит. по [БЕР, I: 209], см. сноску 33) – форма, контаминированная или с диссимиляцией по месту и способу артикуляции: *в – в > в – г* или *г – г > в – г*;

русск. диал. *гу́-з-ать* ‘медлить, мешкать’, *гу-з-а́ть* ‘возиться с кем-либо, прибирать, убирать’ [СРНГ, II: 206];

русск. диал. *глу́-зд-аться* ‘медлить, мешкать’ [СРНГ, VI: 208];

русск. диал. *клю́-ки-ить* ‘медленно работать’ [СРНГ, XIII: 321] – *ш < л*;

русск. диал. *ко́-кл-иться* ‘быть в нерешительности, мяться’ [СРНГ, XIV: 88], *ко-кл-я́чить* ‘делать что-либо плохо, мастерить кое-как, ковыряться’ [СРНГ, XIV: 90];

русск. диал. *ко-кр-я́ть* ‘работать, как вздумается, как придется, на свой лад, по своему разумению’ [СРНГ, XIV: 102];

русск. диал. *ку́-кел-ить* ‘делать что-либо медленно, возиться с чем-либо’ [СРНГ, XVI: 33];

русск. диал. *ку-кл-е́чить* ‘шить небрежно, непрочно, на живую нитку’ [СРНГ, XVI: 37];

русск. диал. *кря́-к-ать* ‘неохотно делать что-либо’ [СРНГ, XV: 365];

укр. диал. *кара́-к-ати* ‘делать кое-как’ (цит. по [ЕСУМ, II: 384])[396];

сербохорв. *мр-м-ати* ‘рыться, копаться в земле, навозе’ (цит. по [ЭССЯ, XX: 250])[397];

укр. *ма́-мр-ати* ‘шарить, разыскивать ощупью’ [Гринченко, II: 425];

укр. *ми́-мр-ати* ‘медленно делать’ [Гринченко, II: 425], чешск. *mi-mr-ati* ‘копаться, делать кое-как’ (цит. по [ЭССЯ, XXI: 41])[398], редк. *mi-mr-ati*

---

[395] В [ЭССЯ, III: 122] слово возведено к звукоподражательному этимону.

[396] В [ЕСУМ, II: 384] слово указано как аффективное.

[397] ЭССЯ предполагает звукоподражательное происхождение для слова [ЭССЯ, XX: 250]. Не указано первоначальное «звуковое» значение этимона. См. также сноску 474.

[398] ЭССЯ предполагает звукоподражательное происхождение для слова [ЭССЯ, XXI: 41].

se ‘делать что-либо маловажное, ничего не стоящее, копаться, возиться’ [PSJČ, II: 842];

русск. диал. *му́-мл-ить* ‘возиться с чем-либо долго и безуспешно; делать что-либо медленно’ [СРНГ, XVIII: 345];

польск. диал. *ma-mł-ać* ‘возиться, копаться’ [SGP, III: 108], русск. диал. *ма́-мл-ить, мя́-мл-ить* ‘работать медленно, вяло’ [СРНГ, XVII: 351];

польск. диал. *mar-mol-ić* ‘делать что-либо медленно, возиться, копаться; пачкать’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 883];

словацк. диал. *ňu-ňur-iť* ‘стоять без дела, задерживаться где-либо’ (цит. по [БЕР, IV: 723]);

польск. *pa-pr-ać*, диал. *par-p-ać*, редк. *pa-prz-ać*, *pa-prz-yć się* ‘рыться, копаться; делать плохо’ (ср. также со значением ‘пачкать’, п. 4.9.15.) [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, IV: 48], польск. диал. *pa-pr-acz* презрительно ‘халтурщик’ [SGMP], *pa-pr-ok* ‘человек, выполняющий работу нехорошо’ [SGT];

болг. диал. *пъ-пр’-ъ* ‘делать что-либо руками медленно, не видя хорошо’ [Петков 1974: 120];

болг. диал. *пъ-пл-ъъм* ‘медлить при выполнения мелкой работы’, *пъ́-пл-еш* ‘мелкая работа, подходящая для детей’ (цит. по [БЕР, VI: 65], см. сноску 376);

русск. диал. *по-пел-е́хать*, *по-пен-чи́ть* ‘протянуть жизнь, пожить коекак’ [СРНГ, XXIX: 301, 302];

чешск. *pi-pl-ati* ‘заниматься маловажной работой, требующей терпения’, *pi-pl-ati se* ‘заниматься маловажной работой, требующей терпения и старания, делать что-либо до малейших подробностей, без нужды’, *pi-pl-a* ‘копун’ [PSJČ, IV, č. 1: 253], *pi-pl-at* ‘делать что-либо очень медленно, слишком боязливо’, словацк. *pi-pl-ať sa*, в.-луж. *pi-pl-ić* ‘делать что-либо жеманно, церемониально’, *pim-pl-ić*, н.-луж. *pim-pl-iś* ‘делать что-либо медлительно’, польск. диал. *py-pl-ać* ‘возиться, рыться; делать что-либо небрежно’, в.-луж. *pim-pl-ić* ‘делать что-либо жеманно, церемониально’ (цит. по [Machek 1971: 450])[399];

болг. *пи-п-кам се* ‘медлить при работе’, *пи-пóл-я* ‘работать медленно; трогать что-либо грубыми движениями’, *пи-пр-óтя* ‘трогать то, что не позволено’ (цит. по [БЕР, V: 246])[400];

---

[399] Махек к данному этимологическому гнезду относит также чешск. *nimrati* ‘копаться, возиться’, предполагая замену губных *m/p* и ассимиляцию *n – p > p – p* [Machek 1971: 450]. Из-за неусмотрения редупликации в слове, неучета множества типологических параллелей, которые способствовали бы этому, допущена мало вероятная фонетическая трансформация.

[400] Болгарский этимологический словарь возводит данные названия к звукоподражательному этимону псл. **pipāti*, **pypāti* [БЕР, V: 246]. Не получили объяснения элемен-

DUPress

болг. диал. *пар-пар-и́кам* ‘работать понемногу, трудиться’ (цит. по [БЕР, VI: 101])[401];

сербохорв. *пи-пн-ēм* ‘трогать, работать очень медленно’ (цит. по [Skok, II: 659])[402];

сербохорв. *pr-p-ati* ‘делать что-либо быстро, кое как, неаккуратно; убирать, заниматься мелочами’ (цит. по [Skok, III: 55]);

укр. *по́р-п-атися*, *пор-пл-итися*, *пор-пл-ятися* ‘разгребать что-нибудь сыпучее, рыться’ [СУМ, VII: 288];

болг. диал. *с-пър-п-о́тя* ‘приготовить что-либо на скорую руку, небрежно’ (цит. по [БЕР, VI: 99]);

болг. диал. *тън-ту́р-кам* ‘волочить, медленно тянуть’ [Петков 1974: 145], болг. диал. *тъ-тр-у́з’ъ* (съ) ‘волочиться на заднице; волочить по земле’ [Ковачев 1970: 45], русск. диал. *тен-де́р-ить* ‘тянуть, мешкать’ (цит. по [Фасмер, IV: 42])[403];

русск. *ха́-хал-ить* ‘шататься без дела’ [Даль 1955, IV: 543];

укр. *ху́-хр-ятu* ‘сортировать’ [Гринченко, IV: 421];

словен. *cín-c-ati, cen-clj-áti* ‘колебаться, быть в нерешительности’ [SSKJ];

н.-луж. *šy-šl-iś* se ‘мешкать, медлить, колебаться, нерешительно действовать’ [Muka, II: 698], русск. диал. *ши-ш-а́ть, ши-ш-и́ть, ши́-ш-кать, ши-шл-ять* ‘копаться, возиться, мешкать’ (цит. по [Фасмер, IV: 445])[404], *ши́-шл-ять, ши́-шл-яться* ‘постоянно делать что-либо, копаться’ (цит. по [Фасмер, IV: 446])[405];

русск. диал. *ша-ш-и́ть, ша́-ш-каться* ‘копаться, возиться’ [Даль 1955, IV: 624];

болг. диал. *шу́-ш-кам съ* ‘медленно делать что-либо бессмысленное, бесцельное’ [Ралев 1977: 184], *шу́-шн-ем* ‘делать что-либо’ (*Она се си шушне нещо.* ‘Она все что-то делает’) [Божкова 1962: 273], *шу́-шн’-ам*

ты *-ол-*, *-р-* в основах *пипо́ля*, *пипро́тя*, а также и предполагаемая связь между «звуковым» значением этимона и «незвуковыми» значениями его наследников.

[401] В [БЕР, VI: 101] о слове сказано, что образовано от «звукоподражания *пър-* с редупликацией… с и м в о л и з и ц у ю щ е й… действие, состоящее из многократно повторяемых похожих друг на друга или одинаковых элементарных действий». Отметим, что эта гипотеза стоит очень близко к нашей гипотезе о звукосимволическом происхождении данной группы слов с редупликацией, но все-таки различается в теоретической аргументации.

[402] У Скока слово представлено как звукоподражательное, так как налицо редупликация [Skok, II: 659].

[403] У Фасмера этимология русск. слова указана как неясная [IV: 41].

[404] Согласно Фасмеру, этимология слов неясная [IV: 445].

[405] Фасмер связывает данные слова с этимологически неясным, по его мнению, глаголом *шишать*. См. выше [IV: 446]

‘работать постоянно’ [Вакарелска-Чобанска 2005: 392], русск. диал. *шу́-ш-каться, шу-шу́ль-каться* ‘мешкать’ (цит. по [Фасмер, IV: 494])[406];

русск. диал. *шар-бо́р-ить, шар-бо́ш-ить* ‘рыться’, *шар-бо́ш-иться* ‘возиться’ (цит. по [Фасмер, IV: 407])[407] – возможно, контаминированная форма.

Ср. также с русск. диал. *ша́ли-ва́ли* ‘кое-как, небрежно’ [ССРНГ: 602].

4.9.9. Слова, обозначающие расширение в объеме, поведение с целью привлечения внимания (чтобы понравиться или пригрозить)

4.9.9.1. Слова, обозначающие набухание

сербохорв. *na-bu-br-iti, na-bum-bar-iti* ‘набухнуть, набухать’ (цит. по [Skok, I: 224])[408];

болг. *бъ́-бн-а* ‘набухать’, диал. *бу-бун’-а́сувам* ‘опухать, отекать’ [Вакарелска-Чобанска 2005: 45], укр. диал. *бу-бн-і́ти* ‘разбухать, взбухать’ [Гринченко 1907–1909, I: 104], н.-луж. *bu-bon-aśiś* se ‘вздуваться, подниматься, быть шишковатым (например, о железной крыше)’, *bu-bon-aty* ‘выпуклый’, *bu-bon-ica* ‘бубонная чума’ (первые симптомы болезни – набухание лимфатических узлов) [Muka, I: 89, 90] (ср. с названиями выпуклостей, п. 4.1.3.5.);

болг. диал. *на-ко-ко́ш-ва са* ‘(об одежде) надуваться от ветра’ (цит. по [БЕР, II: 541]);

болг. диал. *под-ку-кур-у́жва* се ‘(о корочке чего-нибудь, например, раны), которая набухает и скоро упадет’ (цит. по [БЕР, III: 109]);

Ср. также с русск. диал. *га-га́р-истый* ‘сильно разросшийся, с богатой кроной (о деревьях); сильно разросшийся (о траве); пушистый, рыхлый’, *га-га́р-исто, го-га́р-исто* ‘пушисто, рыхло’ [СРНГ, VI: 88], для которых можно предположить семантическое развитие от ‘набухший’.

Ср. также с лит. *bam̃-b-ti* ‘набухать’, *pam̃-p-ti* ‘то же’ [LKŽ].

---

[406] У Фасмера этимология слов представлена как неясная [IV: 494].

[407] У Фасмера слово представлено в одном и том же гнезде с названиями рухляди [IV: 407].

[408] Согласно Скоку, данное варьирующее слово является деноминативным образованием от заимствованного из тюркских языков слова *bubreg* ‘почка’. Сами варьирующие формы по мнения автора свидетельствуют о том, что деноминативное образование мало-помалу ономатопеизируется. Значение ‘набухнуть’ объяснено как развитое через связывающее звено ‘напиться как почка’. Скорее всего, здесь налицо смешивание разных этимологических гнезд. См. п. 5.4.; ср. также сноску 237.

DUPress

4.9.9.2. Слова, обозначающие раздвижение в стороны пальцев, рук, ног, распускание перьев, торчащие перья (у птиц), волосы (у человека), чванливое поведение человека

Отметим, что некоторые из слов, характеризующих чванливое поведение человека, можно найти также в п. 4.11.1. Ср.:

русск. диал. *бо-бы́н-я* (*бо-б-ы́ня*) ‘надутый, гордый, спесивый человек’[409] [Даль 1955, I: 101];

русск. диал. *го-гол-и́ться* ‘франтить, щеголять’ [СРНГ, VI: 262], *го́-голь, го-гол-ёк* ‘щеголь, франт, волокита’, *го́-гол-истый* ‘молодец, осанистый и гордый’, *гоголем* (*ходить*) ‘самодовольно, подняв голову’[410] [Даль 1955, I: 364] – ср. и с др. названиями с тем же корнем, представленными в п. 4.11.1.;

русск. диал. *га-га́р-ий* ‘о коже, покрытой мелкими пупырышками вследствии резкого нервного раздражения от страха, холода, гусиная кожа’ [СРНГ, VI: 88];

укр. диал. *го-го́р-итися* ‘важничать, чваниться’, *го́-гир-ом* ‘надуто, чванливо’ (цит. по [ЕСУМ, I: 543])[411];

сербохорв. *dr-dur-itit se* ‘чваниться, дуться’ (цит. по [Skok, I: 431])[412];

словен. диал. *ki-k-a* ‘чуб, вихор’, *ki-kelj* ‘чуб, прядь волос’ (цит. по [Bezlaj, II: 31]), болг. диал *ки́-к-а* ‘то же’, *ки́-кел-е* ‘длинная челка у мужчин’, чешск. *ky-k-a* ‘чуб, вихор’ (цит. по [БЕР, II: 356]), болг. диал. *ки́-к-а* ‘чуб, вихор’, *ки́-чур* ‘прядь волос’ (цит. по [БЕР, II: 356–357; 406])[413];

словен. *kú-č-a* ‘пучок, вихор’ (цит. по [ЭССЯ, XIII: 79], см. сноску 441);

болг. *ко-ко́р-я се* разг. ‘(о птице) расправлять крылья’ диал. *ко-ко́р-я се* ‘(о человеке) дуться, важничать’ (цит. по [БЕР, II: 539]), *ко́-кор-а (са)* ‘(о птице) взъерошивать оперение’, ‘(о человеке) дуться, важничать’ [Хитов 1979: 268], сербохорв. *ко-ко̀р-ити се* ‘важничать’ [РСА, I: 749], болг. диал.

---

[409] У Фасмера отмечено, что «осторожные предположения по поводу этого слова высказывает Ильинский» [I: 181]

[410] В [КЭСРЯ: 107] происхождение слова представлено как неясное. ЭССЯ относит данное название, характеризующее поведение человека, к одному и тому же этимологическому гнезду вместе с формально тождественным названием водоплавающей птицы (см. п. 4.12.2.2.) и возводит их к ономатопоэтическому этимону с редупликацией **go-gol-*. Судя по использованной в словаре терминологии, можно принять, что словарь считает происхождение слов звукоподражательным.

[411] В [ЕСУМ, I: 543] данные слова указаны как не совсем ясные; допущена связь с рум. *a* (*se*) *co-con-í* ‘важничать’ и осуществление нерегулярных фонетических изменений.

[412] Согласно [Skok, I: 431], здесь налицо ономатопея, которой изображается набухание, не звук, только движение. Допускается контаминация с *dúriti se* ‘сердиться’.

[413] [Bezlaj, II: 31; БЕР, II: 356–357; 406] возводят данные слова к и.-е. **kū-k-*, **keu-k-* ‘кривой, кривить’. Семантическое развитие не объяснено.

ку-ке́р-а са ‘стоять или ходить с расставленными ногами’ (цит. по [БЕР, III: 90]), болг. диал. *раз-ке-ке́р-я се* ‘расставить ноги; лечь на землю с расставленными руками и ногами’ (цит. по [БЕР, II: 318]), болг. *че-ко́р-ьжся* ‘разводить ноги, корячиться’ [Геров 1975–1978, V: 538];

болг. диал. *ку-ку́р-еци* ‘воздушная кукуруза’ (цит. по [БЕР, III: 106, 107]) – значение, вероятно, развито от ‘что-то набухшее, с торчащими частями’;

сербохорв. диал. *ко-куљ* ‘пучок волос на голове’ [РСА, IX, 758], болг. диал. *ка-чу́л* ‘пучок перев на голове у птицы’ (цит. по [БЕР, II: 294])[414], болг. *чу-чу́л* ‘торчащие волосы, перья и пр. на голове’ [Хитов 1979: 340], словен. *kó-cəlj* ‘взъерошенная голова, лохматый (о собаке)’ (цит. по [Фасмер, II: 356])[415];

болг. диал. *ко-кош-и́ня се* ‘(о птице) распускать перья, ежиться от холода’, ‘(о человеке) важничать’, *ко-ко́ш-а* се ‘съеживаться’ (цит. по [БЕР, II: 549–541]), укр. *ко-ко́ш-итися* ‘распускать перья, вести себя высокомерно, горделиво; пыжиться, чваниться, щеголять’ (цит. по [ЕСУМ, II: 506]), польск. *ko-kos-ić się* ‘нервничать, злиться; дуться’ [Doroszewski 1958–1969, III: 797], *ko-kosz-yć się* ‘дуться, петушиться’ [Karłowicz – Kryński – Niedźwiedzki 1900–1927, II: 393], чешск. *ko-koš-ek* ‘хохолок, пушистый хвостик’ [PSJČ, II: 185], чешск. *ko-koš-iti se* ‘гордиться’ (цит. по [БЕР, II: 541]);

русск. диал. *ко-шл-а́тый* ‘косматый’ (цит. по [Фасмер, II: 361]) – *ч>ш* в позиции перед *л*, ср. с русск. *ко-шл-а́к* ‘молодая морская выдра’ (см. п. 4.12.2.2.);

сербохорв. *ко-ча́н-ити* ‘надуваться, важничать’ (РСА, IX: 350);

болг. диал. *ко́р-к-ам се* ‘дуться, важничать’ (цит. по [БЕР, II: 640]);

болг. *кль́-ч-ьжся* ‘чечениться, жеманиться’ [Геров, II: 375] – возможно, от ‘кривляться’, ср. с болг. *кълча се* ‘ломаться, кривляться’;

русск. диал. *кора́-кор-а* ‘хохлатый камчатский нырок небольшого размера’ [СРНГ, XIV: 309][416];

русск. диал. *ма-мы́л-ить губы* ‘губы дуть’, *ма-мы́л-иться* ‘сердиться, дуться’ [СРНГ, XVII: 354];

---

[414] Согласно Бернекеру, это «балканское слово неясного происхождения» [Berneker, I: 466].

[415] У Фасмера данное слово отнесено к этимологическому гнезду *кочан* ‘кочерыжка’ [II: 356]. Связь значений не получила объяснения.

[416] Аникин считает, что в слове налицо редупликация элемента *кор-*, что должно указывать на чукотско-камчатское происхождение. Одновременно с этим автор отмечает, что неясен источник заимствования [2000: 302]. Эта гипотеза иллюстрирует стремление этимологов найти иноязычное происхождение слова с редупликацией, даже если нет для этого данных, из-за догматического понимания, что редупликация не свойственна славянским языкам.

BUPress

русск. диал. *чи-хóл-ка, чи́-хор* ‘чуб, вихор’ (цит. по [Фасмер, IV: 468]) – возможно, контаминированная форма или результат диссимиляционных и палатализационных изменений: *о – о > и – о* и *х – х > к – х > č – х*;

русск. *че-чéн-иться* ‘гордиться, чваниться’ (цит. по [Фасмер, IV: 355]), ст.-польск. *cze-czen-a* ‘морские волны, бушевание’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 380] – ср. с русск. *че-чен-я* ‘щеголь’, цитированным в п. 4.11.1.;

чешск. *če-čeř-iti* ‘трепать (волосы), ерошить’, словацк. *če-čer-iť* ‘то же’ (цит. по [ЭССЯ, IV: 32])[417];

чешск. *če-rýř-iti* ‘топорщить(ся); возмущаться, злиться’ [PSJČ, I: 302–303], словацк. *če-pér-iti se* ‘топорщить перья; важничать’, русск. *че-пор-и́ться*, *че-пу́р-и́ться* ‘важничать’, укр. *че-пу́р-и́тися* ‘важничать’, белорусск. *че-пур-ыцца* ‘важничать’, словен. *če-pér-iti se* ‘топорщить перья, важничать’ (цит. по [Фасмер, IV: 372–373]); русск. диал. *ще-пе́р-иться* ‘важничать, хорохориться; жить на широкую ногу, важничать; хорохориться’ сербохорв. *шепúрити се* ‘надуваться’, словен. *šopíriti* ‘топорщить (волосы, перья)’, *šopíriti se* ‘держать себя горделиво, хвастать’, в.-луж. *šepjerić* ‘то же’, н.-луж. *šeperiś* ‘то же’, *šeperaty* ‘растрепанный, вздыбленный, сварливый’ (цит. по [Фасмер, IV: 428]) – Возможна контаминация с названием пера еще в праславянском и фонетические изменения вследствии экспрессивности слов; ср. с цит. далее словами;

русск. *то-пы́р-ить, то-по́р-щить* ‘раздвигать в стороны (пальцы, руки и т.п.)’ (цит. по [Фасмер, IV: 81])[418], *то-по́р-щиться* ‘подниматься вверх, становиться торчком (о шерсти, волосах и т.п.); раскидывать, расставлять в стороны ветки, листья и т.п. (о растениях); торчать, расширяться в объеме (об одежде); проявлять спесь, чванство; важничать’ [ТСС];

польск. диал. *pam-per* презрительно ‘о ком-нибудь претенциозном’, устар. ‘валет’ [SGP];

болг. *пу-пу́л-ь* ‘торчащие перья на голове у птицы’ [Геров, IV: 398];

болг. *фу-фулъ* ‘торчащие перья на голове у птицы’ [Геров, VI: 317];

др.-русск. въ-соро-ш-ити [Срезневський I: 411], которое, согласно цитированному выражению «всорошенами главами», означало ‘ерошить’ (<**sъr-s-*, если осуществилась йотация второго *s* в связи с экспрессивностью слова);

---

[417] Согласно [ЭССЯ, IV: 32–33], здесь налицо экспрессивное удвоение основы первоначального глагола **čeriti*. Противоположную точку зрения выражает Махек, утверждая, что чешск. *čeriti* ‘шевелить, рябить’ – упрощение (гаплология) народного *čečeřiti* [Machek 1971: 100]. В качестве типологической параллели к такой идее можно привести цитированные выше названия кукурузы: сербохорв. *куруза*, словен. *koruza*, болг. диал. *муру́з*, сербск. *muruz*, образованные в результате гаплологии.

[418] Согласно Фасмеру – трудное слово [IV: 81].

русск. *хоро-хóр-иться* ‘важничать, ломаться’, диал. *хор-хóр-а* ‘взъерошенная курица’ (цит по [Фасмер, IV: 269]), *хо-хóр-иться* ‘важничать, ломаться’ [Даль 1955, IV: 563] – см. п. 6.2.;

др.-русск. хоро-ш-аниє ‘величание’ и хоро-ш-авыи ‘щеголь’ [Срезневский, III: 1387], русск. *хоро-ш* (< **хor-х-*) ‘хахаль, любовник’ [Даль 1955, IV: 562], белорусск. *хара-ш-ыцца* ‘хвастаться, чваниться’ (цит. по [Фасмер, IV: 267]) – см. п. 6.2.;

русск. *хо-хóл* ‘торчащий клок перьев на голове у птицы’, русск. *хóхл-иться* ‘(о птицах) сжавшись, взъерошивать перья и втягивать голову от холода, страха; (о человеке) быть в мрачном настроении, хмуриться, дуться’;

русск. *хó-хр-иться* ‘(о человеке) быть в мрачном настроении, хмуриться, дуться’ [ССРЛЯ, XVII: 422, 427, 431];

чешск. *še-šul-ka* ‘хохолок, вершина чего-либо’ (В примерах говорится о вершинах домов, веток сосны.) [PSJČ, V: 1048];

н.-луж. *šy-š-ka* ‘верхние концы стержня льняного растения, дающие тонкие волокна, торцы льна’ [Muka, II: 697];

белорусск. *шар-ш-ы́ць* ‘ерошить’ (цит. по [Меркулова 1972: 179]);

болг. *ше-ше́р-я се* ‘дуться’ [Геров , VI: 330];

По всей вероятности, сюда следует отнести и русск. диал. *горо-гу́шина* ‘враг (с пометой, что не совсем ясно)’, пример: *С правой руки ему вина не давае, а с левой; а ён с левой не берет «Нечье смысла, горогушина» (это дочка, вишь, сказала)*’ [СРНГ, VII: 55], слово может означать и ‘гордый, чванливый, своенравный человек’;

русск. диал. *ку-гл-ина* ‘верхушка у конопли’ (т.е. торчащая часть конопли, замечание мое: Ж.К.-З) [СРНГ, XV: 395];

русск. диал. названия украшений, чье предназначение – привлечение внимания: *га́-гр-ы* мн. ‘циновка косого плетения; способ плетения циновки; плетня’, *гу-гу́л-ы* мн. ‘галуны’ и название торжественного обеда: *га́-гр-ы* мн. ‘обед после крещения младенца’ [СРНГ, VI: 89], ср. с болг. *ку-кур-е́нци* мн. ‘красные нашивки для украшения на женской одежде’ (цит. по [БЕР, III: 106]).

Возможно, сюда же следует отнести также названия растений, мотивирующим признаком для которых стало то, что листья растений и лепестки их цветочков торчат в разные стороны, создавая тем самым впечатление о свежести. Ср. болг. *ку-кур-я́к* ‘раннее весеннее растение с перистыми листьями и крупными светло-зелеными цветочками, Helleborus odorus’ (цит. по [БЕР, III: 111–112]), диал. *ку́-кр-ек* ‘то же; растение Cyclamen coum’ (цит. по [БЕР, III: 94]), *ку-кур-у́га* ‘молодые листья растения’ (цит. по [БЕР, III: 109]), сербохорв. *ku-kȕr-ijek*, *ku-kȕr-ijak*, словен. *kukurek* ‘Helleborus niger’ (цит. по [Bezlaj, II: 109]), чешск., словацк. *ko-*

koř-ik ‘Polygonatum’ (цит. по [Machek 1971: 267])[419], чешск. *ko-koř-ik* ‘купена, Polygonatum’ [PSJČ, II: 185], диал. *ko-koř-ik* ‘Potentilla Tormentilla’, диал. *ko-koř-ič* ‘ландыш’, словацк. *ko-kor-ik* ‘лесное растение Polygonatum odoratum’ (цит. по [ЭССЯ, X: 114]), русск. диал. *ко-кор-ня́к* ‘растение Aristolochia clemantitis L., кирказон ломоносовидный (Плод – висячая, в незрелом состоянии мясистая, зеленая, грушевидная или округлая коробочка длиной до 5–6 см, раскрывающаяся при созревании; замечание мое: Ж. К-З.)’ [СРНГ, XIV: 97], в.-луж. *ko-kor-ička* ‘Polygonatum’, *ko-kor-nak* ‘Aristolochie’ (плод представляет собой грушеобразную коробочку длиной 2–5 см, замечание мое: Ж. К.-З.), диал. *ko-kor-ac* ‘Pfaffenhütlein, растение с красными чашечками и красными семенами в чашечках; плоды этого растения’, *ko-kor-č* ‘Corydalis’ [Pfuhl: 265], н.-луж. *ko-kr-ik* ‘чистяк, Fumaria officinalis L.’ [Мука, I: 654], польск. диал. *ko-kor* ‘какое-то растение’, польск. *ko-kor-nak*, диал. *ko-kor-niak* ‘Aristolochia’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 392] – возможно, что некоторые из данных названий растений следовало бы отнести к представленным в п. 4.9.9.2. названиям, если их мотивирующий признак связан с шарообразной формой их цветочков или плодов.

Ср. также с болг. *ку-кур-як съм* ‘(о человеке) быть бодрым, свежим’, которое можно рассматривать как свидетельство об этимологической памяти слова.

Ср. также с гр. *κο-κ(κ)ορ-εύομαι* ‘гордиться’, *κό-κ(κ)ορ-αϛ* ‘петух’ (цит. по [БЕР, II: 538]), лит. *šiáu-š-ti* ‘(о животном) ежиться; (о человеке) чваниться’ [LKŽ].

4.9.9.3. Слова, обозначающие действия ‘наряжаться’, ‘маскироваться’ и их результаты

Для некоторых из отнесенных к этой группе слов возможна связь со словами из группы, представленной в п. 4.9.9.2. Действие по глаголу *наряжаться* ассоциируется с распусканьем перьев у птиц, чванливым поведением человека. Ср.:

[419] В [Bezlaj, II: 109] этимология слова представлена как неясная. Скок относит данное слово к этимологическому гнезду звукоподражательного междометия *kukurijèkū*. В качестве аргумента для такой связи приводит другое название данного растения *petlovo perje* [Skok, II: 228]. Отметим, что данный аргумент никак не свидетельствует о связи названия растения с указанным междометием. Наоборот, свидетельствует о связи с цитированными выше названиями перьев, для которых предполагаем звукосимволическое происхождение. Махек обращает внимание на вид растений: буйный рост вверх и во все стороны, предполагает связь с *kokoravъ*, но происхождение последнего не объясняет [Machek 1971: 267].

болг. *ба́-бур-ци* ‘ряженые, которые во время праздника Водици ходят по селам и смешат людей’ [Геров, VI: 19];

укр. диал. *ко-кі́р-ний* ‘заманчивый, привлекательный’ (цит. по [ЕСУМ, I: 503])[420] – Значение ‘заманчивый, привлекательный’ может быть производным от значения ‘нарядный’. Такое семантическое развитие см. ниже, в п. 6.2., на примере этимологического гнезда русск. *хороший*;

русск. диал. *ку́-коль-ник* ‘ряженый’ [СРНГ, XVI: 43], *ку́-кл-ич* ‘прозвище нарядного человека’, *ку́-кл-иться* с пометой о неясном значении, но на основании цитированной загадки: «*Два братца куклятся, а третий дивуется (ведро и коромысло)*» можно предположить, что слово употреблено со значением ‘красоваться’ [СРНГ, XVI: 37], русск. *одеться ку-кл-ою* ‘щегольски’, *ку-кл-а* ‘щеголеватая, но глупая или бездушная женщина’ [Даль 1955, II: 213], болг. диал. *ку́-кл-а* ‘переодетый человек, ряженый; обрядная маска (кукера); пугало для птиц’ (цит. по [БЕР, III: 90]); русск. *ку-кл-а, кукол-ка, ку-кл-яшка, ку-кл-енок* ‘сделанное из тряпья, кожи, битой бумаги, дерева и пр. подобие человека, а иногда и животного’, [Даль 1955, II: 213] – В остальных славянских языках не представлено значение ‘ряженый’, от которого может быть развито значение ‘игрушка в виде человека или животного’ (‘ряженый’ > ‘кукла, как игрушка’). Развитая семантическая структура слова противоречит гипотезе о его заимствованном характере (см. такую гипотезу в [Berneker, I: 640]);

русск. диал. *ко́-киш-ки* ‘ряженые’ [СРНГ, XIV: 88];

болг. *ку́-кер*, обычно во мн. ч. *ку́-кер-и* ‘ряженые, в масках, которые во время весеннего праздника Сирница танцуют и веселят людей’ (цит. по [БЕР, III: 89]) – слово без общепринятой этимологии, которому посвящено множество исследований;

укр. диал. *ма-му́н-а* (*ма-м-у́на*) ‘замаскированная фигура, маска’, диал. *ма-му́н-ка* ‘кукла’ (цит. по [ЕСУМ, III: 377])[421];

болг. диал. *пам-пу́рь* ‘ряженый, который ходит по домам во время Масленицы’ (цит. по [БЕР, V: 35])[422];

болг. диал. *пу́-пн-ик* ‘чучело на виноградной лозе’ [Геров, VI: 18];

укр. *че-пур-и́ти* ‘наряжать, украшать’ (цит. по [Фасмер, IV: 372]);

болг. диал. *чу́-чул-а* ‘пугало; смешно одетый человек’ [Хитов 1979: 340];

русск. диал. *чу-ч-а, цю-ц-я, чу-чел-о, чу-чел-ка* ‘пугало на огороде; подобие человека, кукла; набитая кожа зверя, животного, птицы’[423] [Даль 1955, IV: 616], ср. также с толкованием слова в [ТСС]: *чу́-чел-о* ‘подобие

---

[420] В [ЕСУМ, I: 503] этимология слова указана как неясная.

[421] В [ЕСУМ, III: 377] этимология слова указана как неясная. Допущена связь с диал. *маму́н* ‘злой дух’ или польск. *matić* ‘обманывать’.

[422] В [БЕР, V: 35] этимология слова указана как неясная.

[423] Слово без общепринятой этимологии. Ср. с констатацией Шанского, Иванова и Шанской: «Происхождение неясно» [КЭСРЯ: 498].

человека в виде куклы, сделанной из старой одежды и распяленной на крестообразной палке, которое выставляется на огороде для отпугивания птиц; пугало; набитая чем-л. шкура, кожа животного, птицы, воспроизводящие облик этого животного, птицы';

польск. *czu-pir-adło*, диал. *ko-pir-adło, ko-per-adło* 'хохлатый женский головной убор без вкуса; женщина, которая носит такой головной убор' [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 405–406] – возможно, контаминированная форма;

русск. диал. *ху-хл-я́к* 'ряженый (на Святках и под Новый год)', русск. диал. *ху́-хл-еник*, *ху́-холь-ник* 'ряженый' (цит. по [ФАСМЕР, IV: 287]);

русск. диал. *хо-хо́н-иться* 'наряжаться', *хо-хо́н-ить* 'наряжать' (цит. по [ФАСМЕР, IV: 272], см. сноску 491).

Возможно, сюда же следует отнести и русск. *шер-ш-авый* 'шероховатый, с мелкими колющимися неровностями', *ши-ка́р-ный* 'роскошный по внешности, убранству' [ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА], которые не имеют общепринятой этимологии.

4.9.9.4. Слова со значениями 'таращить глаза', 'пристально смотреть'

Ср. такие слова, как:

русск. диал. *бо-быч-иться* (*бо-б-ычиться*) 'глядеть' [СРНГ, III: 40] – форма с *ч* от *л*, если принадлежит редупликанту;

болг. диал. *бу-бу́л-им се* 'таращить глаза' [ВАКАРЕЛСКА-ЧОБАНСКА 2005: 45];

польск. *gu-gul-ęta* 'глаза' (в загадке) [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 939];

болг. диал. *ко́-кол-а се* 'открывать широко глаза, напрягать зрение' [ХИТОВ 1979: 268], болг. диал. *ко-ко́л-а се* 'открывать широко глаза' (цит. по [БЕР, II: 536]), (*очи*) *коколати* 'о вытаращенных глазах' [РБЕ, V: 111], (ср. приведенный иллюстративный пример: *Па бяха* (*стършелите*) *едни едри, тлъсти. Коремите им опасани с жълти и черни пояси, очите – коколати, издути като жълъдови капачета*), сербохорв. *ко-ко̀л-ити* 'таращить глаза', *ко-ко̀л-ат* 'с вытаращенными глазами' [РСА, IX: 748];

болг. *ко-кил-а́т* 'с выпуклыми глазами', *ко-кил-я* се 'кривляться, таращить глаза' [ГЕРОВ 1975–1978, VI: 169];

болг. диал. *ко́-кор-а* (*са*) 'смотреть пристально или с широко открытыми глазами' [ХИТОВ 1979: 268], *ко-ко́р-я се* 'открывать широко глаза; всматриваться во что-либо пристально' (цит. по [БЕР, II:539]), сербохорв. *ко-ко̀р-ити* (очи) 'таращить глаза' [РСА, IX: 749];

болг. диал. *ке́-кер* 'с выпуклыми глазами' (цит. по [БЕР, II: 318]);

болг. диал. *о-чо-чо́р-вам се* ‘прояснять взгляд’ (цит. по [БЕР, IV: 989])[424];

болг. *цъ́-кл-я се* ‘таращить глаза’, *цъ́-кл-и* ‘очки; глаза’ [Хитов 1979: 337]);

болг. диал. *че-че́р-я* се ‘таращить глаза’ (район г. Велико Тырново);

болг. *ше-ше́р-я се* ‘таращить глаза’ [Геров, VI: 330];

болг. диал. *кле́-ч-о* ‘который смотрит с широко открытыми глазами’, *кле-ч-о́к* ‘человек с большими, широко открытыми глазами’ (цит. по [БЕР, II: 445]);

болг. *втрещя́* (*очи*) (<**vъ-ter-t-jǫ*) ‘пристально смотреть’.

Срв. также с англ. to *go-ggl-e* ‘таращить глаза’.

4.9.10. Слова, обозначающие действие ‘сжиматься’, а также возможную причину (холод) и результаты этого действия ‘черстветь’, ‘очерствение’, ‘корчиться’, ‘скорчившийся’

Ср. такие слова, как:

болг. диал. *в-гла-го́р-а се* ‘очерстветь от холода’, *в-гра-го́р-а се* ‘окаменеть, оцепенеть’ (цит. по [БЕР, I: 270])[425];

словен. *gré-gor* ‘пенка на молоке’ (цит. по [Bezlaj, I: 174])[426] – семантическое развитее возможно от ‘сгусток, что-то затвердевшее’;

болг. диал. *гу́-з-я се* ‘сжиматься от холода, от страха’ (цит. по [БЕР, I: 293])[427], ср. также с болг. *гу́-з-ен* ‘тот, кто чувствует себя виноватым’ (< ‘сжиматься’), русск. диал. *гу́-з-а* ‘складка, морщина’ (цит. по [Фасмер , I: 472])[428];

русск. диал. *ги-гр-а* ‘густое скопление мелких льдин в море’ [СРНГ, VI: 169];

---

[424] Согласно [БЕР, IV: 989], слово образовано от болг. *око* ‘глаз’ – гипотеза неаргументированная с точки зрения словообразования.

[425] В [БЕР, I: 270] слово отнесено к этимологическому гнезду болг. диал. *грагор* ‘гравий’. Отметим, что если бы слово *грагор* употреблялось и со значением ‘камень’, то было бы возможным, чтобы глагол *вглагоря се* был мотивирован этим словом.

[426] У Безлая этимология слова указана как неясная [Bezlaj, I: 174].

[427] В [БЕР, I: 293] оба слова отнесены к одному и тому же этимологическому гнезду. Их происхождение, однако, не получило объяснения.

[428] По мнению Фасмера, данное слово, которое обозначает также нерасторопного, нерешительного человека, связано с близкими по форме славянскими названиями шишки, опухоли, зада (животного) и т.д. Связь между значениями не объяснена [I: 471–472]. Такая этимологизация является типичным примером неразграничения омонимических ономатопоэтических образований.

PUPress

болг. диал. *гу́-гр-я се* ‘сжиматься от холода’ (цит. по [БЕР I: 292]), *на-гур-гу́ш-вам се* ‘сжиматься от холода’, *на-гу́-гр-ям, на-гу́-гр-я* ‘сминать’ (цит. по [БЕР, IV: 465])[429];

болг. диал. *гло-г-а́к, гло-г-а́н* ‘что-либо окостеневшее’ (цит. по [БЕР, I: 250])[430];

русск. диал. *глы́-ж-и, глы-ж-и́,* мн. ‘комья засохший земли или мерзлой грязи, снега’, *глы́-жин-а* (*глы́-ж-ина*) ‘ком засохшей земли или мерзлой грязи’, *глы-з, глы́-з-а́* ‘твердая глыба или ком земли, льда и т.п.’, *глы́-з-ы* ‘крупные комья смерзшегося снега на колеях дороги’ [СРНГ, VI: 222] (В последнем слове можно думать о вторичном звуковом символизме.);

болг. *гу-гу́л-явъ* ‘мелкий, скорчившийся, мохнатый (о плодах айвы)’ [Геров, VI: 82];

сербохорв. *gr-č* ‘спазм’ [RJA, III: 395], болг. *гъ́р-ч-а се* ‘корчиться’, диал. *гръ-ч* ‘спазм’, *гръ́-чул, гръ́-чел* ‘складка’ (цит. по [БЕР, I: 304]) – налицо диссимиляция консонантов по глухости/звонкости и последовавшая палатализация: *г – г* или *к – к* > *г – к* > *г – ч*;

кашуб. *gru-ż-dżëc sã* ‘дрожать, ежиться, сжиматься от холода’ [SK] – налицо смешивание разных звукосимволических образов: сжимания, дрожания;

болг. диал. *кер-к-и́да* ‘сильно очерствелый предмет’ (цит. по [БЕР, II: 338])[431];

русск. диал. *кор-ч-ета́* ‘болезненное стягивание мышц, судороги, спазмы’, *ко́р-ч-ельник* ‘о человеке, страдающем болезненным стягиванием мышц, судорогами, спазмами’ [СРНГ, XV: 32], русск. устар. *ко́р-ч-и* ‘болезненное стягивание мышц, судороги’, *ко́р-ч-иться* ‘искривляться, изгибаться в судорогах, в корчах ’ [ТКС], укр. *ко́р-ч-и* ‘болезненное стягивание мышц’, белорусск. *кур-ч,* польск. *kur-cz*, чешск. *kr-č*, словацк. *kŕ-č* ‘то же’ (цит. по [ЕСУМ, III: 46]);

русск. диал. *кор-ку́ш-а* (*кор-к-у́ша*) ‘одно из названий лихорадки’ [СРНГ, XIV: 334];

русск. диал. *ко́-ккор-ы* ‘подгоревшее, пересушенное печенье’ [СРНГ, XIV: 88];

русск. *ко-ков-ѣть* ‘остывать и твердеть, черстветь, мерзнуть, промерзать’, *кок-коковѣнь* ‘стужа, от которой все коснеет, цепенеет’ [Даль 1955, II: 134];

---

[429] В [БЕР, I: 292, 299; IV: 465] данные слова связаны с *гъгря* ‘кудряшка’. Связь значений не объяснена.

[430] В [БЕР, I: 250] слово отнесено к этимологическому гнезду названия боярышника *глог*. Указаны только родственные формы и праформа и.-е. этимона. Семантическая реконструкция отсутствует.

[431] В [БЕР, II: 338] слова указано как неясное.

DUPress

болг. диал. *ко-ки-ла́т*, *ко-кил-а́в* ‘твердый (Ср.: *кокилат орех; Костилките на тия череши са кокилави*); об упрямом твердом человеке’ [Хитов 1979: 268];

болг. сравнение *като ко-кал* ‘очень твердый’ [РБЕ, VII: 595], диал. *ко́-кал-ив* ‘твердый’ (цит. по [БЕР, II: 531]), *в-ко-кал-явам се* ‘костенеть’ (Возможно смешивание этимологических гнезд с названием кости *кокал*, см. ниже, п. 6.4.), *ко-кал* ‘о холодных руках, ногах’ (Драка, район г. Бургас) – По всей вероятности, сюда же следует отнести болг. диал. *ко-къл-ци*, мн. ‘самые твердые и крупные остатки колосьев после молотьбы’ (цит. по [БЕР, II: 531]), в котором возможно смешивание звукосимволических образов ‘чего-то твердого’, ‘отходов’, ‘маленького предмета шарообразной формы’ (ср. с формально близкими названиями в п. 4.1. и 4.6.2.);

болг. диал. *в-ко-ке́т-вам се* ‘цепенеть от влаги или холода’ (цит. по [БЕР, I: 159])[432] – возможно, от **в-ко-кел-вам се*;

болг. диал. *в-ко-кор-а́двам* се ‘твердеть от холода’ (цит. по [БЕР, I: 159])[433];

русск. диал. *кле́-к-нуть* ‘сохнуть и черстветь’, *кле-кл-ая земля* (*кле-клая*) ‘сухая и твердая, ровно камень’, *клё-к* ‘что-либо сухое или твердое, крепкое, жесткое, заскорузлое, зачерствелое’ [Даль 1955, II: 116];

русск. диал. *клы-ч* ‘засохший ком земли’ [СРНГ, XIII: 317];

болг. диал. *ко-чан-е́я* ‘коченеть от холода’ (цит. по [БЕР, II: 686]), сербохорв. *ко-ча́н-ити* ‘коченеть от холода’ (РСА, IX: 350), словен. *ko-cen-éti* ‘коченеть от холода’ [Pleteršnik, I: 417];

русск. диал. *ку-кор-е́читься* ‘скручиваться, коробиться’ [СРНГ, XVI: 43];

русск. диал. *ко-чу́р-иться* ‘сморщиваться, затвердевать, умирать’ (цит. по [Фасмер, II: 359])[434];

русск. *хо-хр-иться*, *хо-хл-иться* ‘морщиться’, *хо-хр-я́к* ‘мерзлый конский помет’ [Даль 1955, IV: 563];

русск. диал. *шере-шь* ‘замерзшая грязь’, белорусск. *шарэ́-ш-а* ‘замершие груды грязи’, русск. диал. *шо́ра-ш* ‘мелкий лед’, *шире́-шь* ‘обломки льда на Дону при таянии весной’, *шоро-х* ‘мелкий лед на реке’, белорусск. *шаро́-ш* ‘сало (пластинки льда на воде)’ (цит. по [Меркулова 1972: 179]) – возможно, *х* < *ш* в результате редеривации;

болг. *втреща́ се* (<**vъ-ter-t-jǫ*) ‘оцепенеть от холода’.

Ср.: санскр. *kar-kar-aḥ* ‘твердый’ (цит. по [Ernout–Meillet 1951: 91]), пали *ka-kkhal-a-* ‘твердый’, ашкун *ka-ker-ä-* ‘твердый’ [Turner 1966: 127–128], лит. *klè-k-ti* ‘густеть, застывать, сгущаться’, *su-klẽ-k-ęs* ‘загустевший’.

---

[432] В [БЕР, I: 159] этимология слова указана как неясная.

[433] В [БЕР, I: 159] этимология слова указана как неясная.

[434] У Фасмера не предложена гипотеза об этимологии слова [II: 359].

Diпass

4.9.11. Слова, обозначающие прерывистые движения (дрожь, трепетание, брызги), дрожащие и трепещущие предметы, а также холод

Данные слова стоят очень близко к звукоподражательным, но все-таки не совпадают с ними, так как не всегда дрожь связана со звуком. Ср.:

укр. детское слово *дю-дя* ‘холод’ (цит. по [ЕСУМ, II: 151]), диал. дет. *зю-зя* ‘холод’ (цит. по [ЕСУМ, II: 284])[435];

болг. диал. *дзе-дз-е́кам*, *зин-з-и́кам*, *дзин-дз-и́кам*, *дзин-дзир-и́кам* ‘дрожать от холода’, *дзе́-дзер* ‘испуг’, *зъ́-з-на* ‘дрожать от холода’ (цит. по [БЕР, I: 376, 643, 663])[436];

н.-луж. *dy-d-otaś* ‘трястись, дрожать’ [MUKA, I; 224];

н.-луж. *pla-p-otaś* ‘порхать (крыльями)’ [MUKA, II; 74];

болг. диал. *пен-пе́р-е* ‘дрожать’, *пен-пер-е́* ‘дрожащие украшения’ (цит. по [БЕР, V: 155])[437];

болг. *пе-пер-у́да*, болг. диал. *пе́м-пер-уга, пе́-пер-уга* ‘бабочка’ [ХИТОВ 1979: 295], *пъ-пар-у́шка* ‘бабочка’ (цит. по [БЕР, VI: 63]), *прть-пер-у́га, прть-пер-у́да, прть-пер-у́шка* ‘бабочка’ [ГЕРОВ, IV: 368];

болг. диал. *пъ-пър-и́к* ‘большой холод’ (цит. по [БЕР, VI: 68])[438];

болг. *тре-пер-я* ‘дрожать’ – форма с диссимиляцией консонантов по месту артикуляции: *n – n* > *m – n*;

болг. разг. *цин-цир-икам* ‘дрожать от холода’;

русск. диал. *чи́-чер* ‘резкий холодный ветер на открытом месте’ [ССРНГ].

Возможно, сюда следует отнести и некоторые названия пламени (трепещущего), см. п. 4.9.16.

Ср. также с: лит. *tir-t-ėti* ‘дрожать’ [LKŽ], лат. *pal-p-ito* ‘трепетать’, санскр. *çi-çir-aḥ* ‘холодный’ (цит. по [МЕЙЕ 1938: 189]), др.-гр. *μόρ-μορ-ος* ‘страх’ [LIDDELL-SCOTT].

---

[435] В [ЕСУМ, II: 151] этимология слова указана как неясная. Как параллели приведены укр. диал. *зюзя* ‘холод’, русск. диал. *дюдя* ‘дедушка’, польск. *dziudzia* ‘заспаный, дряхлый человек’, хотя и никакие выводы из этого сравнения не сделаны и не объяснены семантические связи. В то же время диал. дет. *зюзя* ‘холод’ указано как аффективное образование, параллельное *дюдя* ‘то же’ [ЕСУМ, II: 284]. Таким образом, происхождение обоих названий холода осталось необъясненным.

[436] В [БЕР] данные слова представлены как звукоподражательные, что тоже возможно.

[437] В [БЕР, V: 155] этимология слова указана как неясная.

[438] В [БЕР, VI: 68] этимология слова указана как неясная.

DUPress

4.9.12. Слова, обозначающие действия 'подниматься выше', 'грузить', 'накапливать(ся)', 'образовать кучу', 'толпиться' и результаты этих действий

Между данными действиями существует связь, хотя и на первый взгляд скрытая. Действие 'поднимать выше' связано с действием 'грузить', которое со своей стороны связано с действием и результатом 'образовать кучу'. Действие 'образовать кучу' связано также с действием 'толпиться', результатом которого является и накапливание. Ср. такие слова, как:

хорв. *bò-bl-ija* 'куча, большое количество', пример: *Čitavu bobilju mesa pojede* [RJA, I: 464] – указано, что происхождение слова темное, возможно связано с *bubla*;

укр. диал. *бан-ду́р-ити* 'натаскивать' (цит. по [ЕСУМ, I: 133])[439];

укр. *гір-ŕ-и* 'плечи', ср. *гір-ŕ-о́жник* 'разносчик товаров' [Гринченко, I: 348];

русск. диал. *гом-з-и́ть* 'копить деньги', *гом-зу́л-и* 'множество чего-либо; деньги, много денег' [СРНГ, VI: 353], *га́ма-з-ом* 'оптом, зараз' (пример: *Гамазом взял все*) [СРНГ, VI: 127];

русск. диал. *га-га́л-ом* 'разом' [СРНГ, VI: 87] (< 'гурьбой');

болг. диал. *гу́ˇгл-а* 'куча сена' (цит. по [БЕР, I: 292])[440];

русск., белорусск., укр. *ку́-ч-а*, чешск. *ku-č-e* 'масса, куча' (цит. по [ЭССЯ, XIII: 79])[441], польск. *ku-cz-ek*, ст.-польск., диал. *ku-cza* 'куча, груда' [Karłowicz – Kryński – Niedźwiedzki, II: 619];

болг. *ка-ч-вам* 'поднимать выше; грузить';

болг. *на-ка-чу́л-вам се* '(о людях) толпится, вставая плотно друг к другу' [РСБКЕ, II: 157];

укр. диал. *на-кря-к-ати* 'довольно много нагрузить' (цит. по [ЕСУМ, IV: 33]), *на-кар-кан-и́чити* (*собі*) 'довольно много вещей взять на спину', *кар-ка́н-ити* 'перегружать' (цит. по [ЕСУМ, II: 392])[442];

---

[439] В [ЕСУМ, I: 133] слово указано как неясное.

[440] В [БЕР, I: 292] слово отнесено к одному и тому же этимологическому гнезду вместе с формально тождественным названием капюшона. Связь между значениями не объяснена.

[441] В [ЭССЯ, XIII: 79] к одному и тому же этимологическому гнезду отнесены формально тождественные названия кучи, толпы, пучка, вихора, куска. Связь между значениями не объяснена.

[442] В [ЕСУМ, IV: 33] слово *накрякати* 'довольно много нагрузить' указано как неясное, с допущением связи с *накаркани́чити* (*собі*) 'довольно много вещей взять на спину', которое, со своей стороны, вместе с диал. *карка́нити* 'перегружать' указано как «аффективное, вероятно, вторично связанное с *карк* 'шея'» [ЕСУМ, II: 392].

DUPress

русск. диал. на *ко-кор-ёшки* (брать, взять) ‘нести на спине’, *ко-ко́р-ки* ‘плечи’ [СРНГ, XIV: 95, 97], *на ку́-кор-очках* (нести) мн. ‘на закорках’, *ку-кор-ёшки* ‘закорки, заплечье’ [СРНГ, XVI: 31, 32];

русск. диал. *ку-клю́-шки* мн. ч. ‘закорки’, *на куклюшках* (нести, носить кого-либо) [СРНГ, XVI: 37];

русск. диал. *кур-ки́ш-ки* ‘место за спиной, заплечье, закорки’, *кор-ку́ш-ки* ‘плечи’ [СРНГ, XVI: 131, XIV: 335];

польск. *kar-k* ‘затылок’, редк. *kar-kusz* ‘плечи’ [LINDE, II: 320];

русск. *гру-з*, *гру-зель* ‘груз, тяжесть’ [ДАЛЬ 1955, I: 400], диал. *гру-з-и́ть* ‘складывать, убирать что-либо’ [СРНГ, VII: 167], укр. диал. *гру-з-ило* ‘камень, которым придавливают крышку в кадке с квашеной капустой, мешочек с творогом’ (цит. по [ЭССЯ, VII: 150]);

болг. диал. *пъ́-пл-як* ‘толпа’ (цит. по [БЕР, VI: 65], см. сноску 376).

Ср. также с: рум. *mor-man* ‘куча’ (цит. по [DEX 1998: 653], где слово указано как неясное), лит. *kur-kū̃l-ė*, *kur-kul-ė* ‘толпа, куча’ [LKŽ], лат. *po-pul-us* ‘толпа’.

4.9.13. Слова со значениями: ‘заворачивать’, ‘окутывать’, ‘покрывать’, ‘маскировать’, ‘капюшон’, ‘покрывало’

Ср. такие слова, как:

болг. *гу́-гл-а* ‘капюшон’, диал. ‘мужская меховая шапка’ [МЛАДЕНОВ 1967: 54], ‘куча сена’, *гу-гл-и́в* ‘набросанный кучками’ (цит. по [БЕР, I: 292], см. сноску 440), сербохорв. *гу-гл-а* ‘капюшон’ [РСА, III: 734], польск. *gu-gl-a* ‘вид на накидки’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 939];

болг. диал. *ка-чу́л*, *ка-чу́л-а* ‘вид шапки с острым верхом; капюшон’ (цит. по [БЕР, II: 294]);

русск. диал. *ку́-кель* ‘теплая шапка с ушами; часть одеяла – меховой мешок для ног’, *ку́-кл-ишна*, *ку-кл-у́ха* ‘очень тепло одетая, закутанная женщина’ [СРНГ, XVI: 33, 37], ст.-чешск. *ku-kl-a*, *chu-chl-a* ‘капюшон’ [GEBAUER, II: 174] – в словаре отмечено, что вариативность *kuk-*/*chuch-* неестественна;

болг. диал. *ма-му́ль-ка* ‘что-либо свернутое без порядка; накатанная кое-как пряжа’, *ма-му́ль-ке* ‘что-либо, окутанное в одежде’, *за-ма-му́л-я* ‘заворачивать; заворачивать кое как’, *с-ма-му́л-я* ‘помять, завернуть кое как’ (цит. по [БЕР, III: 634]) – возможно вторичное сближение с болг. *ма-мул* ‘початок кукурузы’ и болг. диал. *ма-му́ль*, *ма-му́л-че* ‘шелковичный кокон’, если связь все-таки не первичная; см. сноску 223;

укр. *ма-му́н-а* ‘закрытая, замаскированная фигура’, *ма-му́н-ка* ‘кукла’ [ГРИНЧЕНКО, II: 403];

русск. диал. *му́-мр-иться* ‘кутаться’ [СРНГ, XVIII: 345];

польск. диал. *cho-choł* ‘покрытие растений перед дождем или морозом’ [SGT];

Возможно, сюда же следует отнести и цит. выше болг. диал. *ко-коль-ки* ‘голубцы’, *га-галь-ки* ‘то же’ (цит. по [БЕР, II: 536]);

русск. диал. *ку-клю́-шка* ‘повязка на ране’ [СРНГ, XIV: 89].

Ср.также с: лат. *cu-cull-us* ‘капюшон’, прусск. *ke-kul-is* ‘род простыни, покрывала, накидки, халата, используемого после мытья’ (цит. по [Топоров 1975–1990, III: 304]).

4.9.14. Слова со значениями ‘кривляться’, ‘лукавить’

Ср. такие слова, как:

болг. диал. *кал-к-а́-ếм* ‘лукавить’ (цит. по [БЕР, II: 171]);

болг. диал. *ши-кал-кава* ‘лукавить’ [Хитов 1979: 341];

болг. *ки-ке́н-ча се* ‘кривляться, делать гримасы’ (цит. по [БЕР, II: 357])[443];

русск. *клю-к-а́* ‘обман, коварство; хитрец’, *пере-клю́-к-ать* ‘перехитрить’ (цит. по [Фасмер, II: 257]);

русск. диал. *кле-ц* ‘плут’ [СРНГ, XIII: 290];

чешск. *kli-č-ka* ‘смена направления движения в беге, ходьбе; уловка, увертка, приманка, коварство’, *kli-č-kovati* ‘вывертываться, выкручиваться’ [PSJČ: 135];

польск. *klu-cz-ka* ‘хитрость’ (цит. по [Фасмер, II: 257]), *klu-cz-kować, klu-cz-yć* ‘делать разные шаги, чтобы вывернуться, уклониться и стереть свои следы’ [Linde, II: 384];

укр. *клю́-к-ка* ‘хитрость, зацепка, придирка’ [Гринченко, II: 255];

н.-луж. *ko-kel*, устар. *ko-kl-e* мн. ‘фокусничество, чародейство’, *ko-kl-aŕ* ‘фигляр, скоморох, фокусник, чародей; зачинщик ссоры’ [Muka, I: 650], (Возможно также развитие значения ‘зачинать ссору’ от ‘ежиться’);

ст.-польск. *ku-gl-uie* ‘gesticulor, выполнять жестомимические движения’, *ku-gl-owánie* ‘gesticulatio, пантомимические движения’ [Knapski, I: 335];

болг. *ма́-м-я* ‘обманывать, заблуждать; манить животных; изменять, нарушая слово и клятву’, диал. *ма́-м-ếм* ‘звать, манить; обманывать, вводить в заблуждение’ [Стойчев 1965: 203], *ма́-м-а* ‘обман’ (цит. по [БЕР, III: 632]), *ма-т-а* ‘приманка (ставится в (или на) приспособлении, которым ловят животного); приманка, соблазн’ [RJA, VI: 432, 430], ст.-

[443] В [БЕР, II: 357] этимология слова указана как неясная.

DUPress

чешск. *má-m-iti* ‘обманывать’ [GEBAUER, II: 309], чешск. *ma-m-iti*, словацк. *ma-m-iť* ‘одурманивать, делать слабым; обманывать; выманивать’ [SSJ, II: 90], польск. *ma-m-ić* ‘манить, привлекать; обольщать; обманывать’[444] др.;

русск. диал. *ма-мóн-ничать* ‘заниматься обманом’ [СРНГ, XVII: 352];

русск. *ха-хал-ить* ‘обманывать’ [Даль 1955, IV: 543], польск. диал. *cha-chul-ić* экспр. ‘лукавить, обманывать’ [SGP];

болг. диал. *чáн-ч-им се* ‘кривляться’ [ВАКАРЕЛСКА-ЧОБАНСКА 2005: 379];

польск. *sza-sz-ek* ‘клоун, шалун, фокусник’ [LINDE, V: 557], русск. *ша-ш-ня*, *ша-ш-ни* мн. ‘плутовские происки, происки сообща, заодно, пролазничество, интриги, проделки’ (*Я ваши шашни выведу наружу!*) [Даль 1955, IV: 625];

н.-луж. *šy-š-kowaś* ‘плутовски, мошеннически вести себя, шельмовать’ [MUKA, II: 698].

4.9.15. Слова со значениями ‘пачкать(ся)’, ‘грязный’, ‘грязь’

Существует связь со словами, обозначающими действие ‘копаться, рыться’ (см. п. 4.9.8.). Ср.:

укр. *бá-бр-атися* ‘копаться в нечистоте, заниматься грязной работой’, *бó-бл-ятися* ‘копаться руками в чем-либо жидком, мягком, например в тесте; пачкаться’ [ГРИНЧЕНКО, I: 15], укр. *бá-бр-ати* ‘пачкать’, *бé-бр-ати* ‘пачкать’, *бá-бл-ятися* ‘пачкаться’ (цит. по [ЕСУМ, I: 106])[445], польск. диал. *ba-br-ać* ‘пачкать’ [SSG];

словацк. диал. *br-bl-ať́sa* ‘мараться, пачкаться в грязи’ (цит. по [ЭССЯ, III: 122])[446];

русск. диал. *барá-б-ать* ‘пачкать’ [СРНГ, II: 99–100];

словен. *ka-c-áti* ‘мазать, пачкать’ [SSKJ];

польск. *pa-pr-ać*, диал. *par-p-ać*, редк. *pa-prz-ać*, *pa-prz-yć się* ‘пачкать’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, IV: 48], диал. *pa-pr-ać* ‘пачкать’ [SSG];

чешск. *pi-pl-ati* ‘пачкать, портить’ (цит. по [MACHEK 1971: 450])[447];

укр. диал. *ма-мýл-ити* ‘пачкать’ [ГРИНЧЕНКО, II: 403];

русск. диал. *мó-мр-аж* ‘мутная вода’ [СРНГ, XVIII: 251];

---

[444] У Махека этимология слова указана как неясная [MACHEK 1971: 349–350].

[445] Данные слова вместе с их славянскими соответствиями в [ЕСУМ, I: 106] представлены как наследники праславянского экспрессивного этимона (без объяснения его образования) или этимона с неполной редупликацией корня, который есть и в глаголе *брати*.

[446] В [ЭССЯ, III: 122] слово возведено к звукоподражательному этимону.

[447] Согласно Махеку, слово является вариантом *bibrati* (с *i* на месте *a* и *l* под влиянием *piplat* ‘делать медленно’), происхождение которого не получило объяснения в словаре [MACHEK 1971: 450].

DUPress

болг. диал. *пър-пу́л-ав* ‘пыльный, грязный’ (цит. по [БЕР, VI; 101]);
укр. диал. *па́-пл-я* ‘мокрая погода’, *па-пл-ю́жити* (кого словами) ‘оплевывать’, *па-пл-ю́га* ‘неряшливая, распущенная потаскуха, проститутка’ [Желеховский–Недїльский, II: 601] (< ‘пачкать’).

Ср. также: др.-гр. *βόρ-βορ-ος* ‘грязь, нечистоты’, лит. *mar-mal-as* ‘бурда, редкая грязь, топь’ [LKŽ].

4.9.16. Слова, обозначающие горение, блеск, мерцание, вспышку, яркий цвет

Общий просмотр цитированных далее слов наводит на мысль, что во всех из обозначенных действий содержится представление о пульсирующем свете. В некоторых случаях, например, для названий огня, возможно звукоподражательное происхождение. Ср.:

болг. диал. *бу-бу́л-кам* ‘пылать, гореть большим пламенем’ [Горов 1962: 69], *бу-бул’* ‘большие костры, которые жгут дети вечером на заговенье на площадях и в садах против злых духов; пламя’ [Стойчев 1965: 133];
болг. диал. *бум-бу́л* ‘пламя’[448] [Стойчев 1965: 134];
укр. *го-гол-іти* ‘блестеть, светиться’[449] [Гринченко, I: 296];
в.-луж. *ku-kl-a* ‘свет’, *ku-kl-ować* ‘играть светом’ [Pfuhl: 298] (Возможно также, что слово *ku-kl-a* возникло как название солнечного зайчика – светлого пятна от солнечного луча, отраженного блестящей поверхностью. В таком случае, его следовало бы отнести к названиям шарообразных предметов);
болг. диал. *пла-по́л-им* ‘пылать, сверкать’, словацк. *plá-pol* ‘яркий свет, пламя’, цсл. **пла-пол-ати** ‘(об огне) гореть, пылать’ (цит. по [БЕР, V: 308]), чешск. *plá-pol* ‘о мерцающем, колеблющемся огне; о мерцающем свете’, *plá-pol-ati* ‘гореть мигающим пламенем; мерцать’ [PSJČ, IV,1: 291, 292];
болг. *пър-п-ам* ‘пылать (об огне)’ [Геров , VI: 275].

---

[448] В [ЭССЯ, II: 231–232] данное слово отнесено к этимологическому гнезду названий маленьких шарообразных предметов: пузырей, чернильных орешков, наростов, шишек и т.д., которые представлены как наследники ономатопоэтической основы **bąb-*, содержащие также суффикс *-l-*. Такая позиция свидетельствует о неразличении разных ономатопоэтических образований. См. сноску 146.

[449] В [ЕСУМ, I: 543] этимология слова указана как неясная.

DUPress

Ср.: др.-гр. *μαρ-μάρ-εος* ‘блистающий, сверкающий’ [Дворецкий 1958, II: 1053], хет. *wari-war-ant-* ‘блестящий, пылающий’, лув. *pal-p-adyi* ‘пылать’ (цит. по [Oettinger 1998: 454]).

4.10. Названия чего-либо страшного, ужасающего

польск. *bo-b-o, bu-b-a,* диал. *bo-b-ák, bu-b-ak, ba-b-ok, ba-b-uk, bu-b-uk, bu-b-acz* ‘пугало, страшилище; страх, ужас’ [450] [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 178], н.-луж. *bu-b-ak* ‘пугало, черный мужчина (привидение для пуганья детей)’, *bu-baw-a* (*bu-b-awa*) ‘то же’ [Muka, I: 87–88];

болг. *бу-б-а* ‘пугало, которым пугают детей’ [Геров, I: 80] (см. сноску 503);

русск. *бá-ба* ‘каменный истукан’ [Даль 1955, I: 32], словен. *bá-ba* ‘скальный болван’ (цит. по [Bezlaj, I: 7]) – вероятно от первоначального значения ‘что-то страшащее (чего боимся и чему поклоняемся)’;

болг. диал. *бъ-бур-áк* ‘злой дух, вампир’ [Стойчев 1965: 132], *бу-бур-óк* ‘злой дух’ [Вакарелска-Чобанска 2005: 45];

русск. *бá-бай* ‘фантастическое существо в образе страшного старика, которым пугают детей’ [СРНГ, II: 15], укр. *ба-бáй* ‘злой дух; чучело’ (цит. по [Рудницький, I: 46]);

ст.-белорусск. *бар-баръ* ‘мучитель, тиран’ [СБЛ];

др.-болг. *гро-з-а* ‘ужас’, *гро-з-ьнъ* ‘страшный’ (цит. по [БЕР, I : 283]), словацк. *hrô-z-a* ‘ужас’ [SSJ, I: 531], в.-луж. *hro-z-a* ‘ужас, страх’ [Pfuhl: 222], н.-луж. *hro-z-a* ‘ужас, страх, испуг’ [Muka, I: 334], польск. *gro-z-a* ‘устар. страх, ужас, тревога, испуг; редк. отвращение’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 915], русск. *гро-з-á* ‘гром и молния с дождем или градом’, диал. ‘гром; молния; о грозовой туче; угроза; грозная власть; грозный человек; предмет, которым бьют, угрожают; бой, битва; вред’ [СРНГ, VII: 147–148], укр. *гро-з-á* ‘гроза; угроза’[451] [Гринченко, I: 329] – возможно, цитированные здесь слова принадлежат к разным этимологическим гнездам – звукоподражательного (‘гром’) и звукосимволического (‘страшный’) слова;

русск. диал. *гóр-г-а* ‘морской шквал, особенно под берегом, порыв из ущелья’ ([Даль 1955, I: 26], с вопросительным знаком);

---

[450] В [SP, I: 432] данные польские слова объяснены как слова из детской речи, что вполне вероятно. Но следует еще уточнить, что это не означает, что по способу образования они не являются ономатопоэтическими образоподражательными словами.

[451] Согласно [ЭССЯ, VII: 141], данные слова имеют звукоподражательное происхождение от **g-r-g/*g-r-g’*; приведено сравнение с гр. γορ-γ-ός ‘ужасный, дикий’. Не объяснена связь между «звуковым» значением этимона и значением ‘страшный’.

болг. диал. *джан-гол-о́з* ‘страшилище вроде вампира, но не такое свирепое и кровожадное’[452] [Геров, VI: 91];

польск. *dun-der*, *don-der* ‘дьявол’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 584] ,

русск. диал. *до-до́н* ‘мифическое существо, которым пугают детей’ [СРНГ, VIII: 89];

русск. диал. *ку́-к-а* ‘по суеверным представлениям – леший, живущий в бане’ [СРНГ, XVI: 30],

русск. диал. *ку-ка́н* ‘мифическое существо, обитающее в лужах, болотах; фантастическое существо, которым пугают детей, бука’ [СРНГ, XVI: 31];

болг. *кор-кул-ук* ‘чучело’ [Геров, II: 399];

русск. диал. *мур-му́ль* ‘в суеверных представлениях – черт’ [СРНГ, XVIII: 357],

укр. диал. *ма-му́н* ‘злой дух, уводящий женщин, морочащий людей’ [Гринченко, II: 403] (возможно, значение развито от ‘накрытый покрывалом, чтобы страшить’, см. п. 4.9.13.);

укр. диал. *ме́-мель*, употребляемое в выражении *схватив мемеля* ‘его побили’ (цит. по [ЕСУМ, III: 343])[453]– слово могло обозначать что-либо плохое, злую силу;

словацк. *mrá-mor-a* ‘призрак’ (цит. по [ЭССЯ, XIX: 236]);

русск. *чу́-чел-о* ‘пугало’ (В зависимости от того, какой признак лег в основу номинации: ‘страшный, пугающий’ или ‘ряженый, сделанный из лохмотьев’);

русск. *ши-ш-ка, ши-ш-ко́, ши-ш, ши-ш-ига* ‘бес, черт’ [Даль 1955, IV: 637] (Значение может быть развито и от ‘лукавый’).

Ср. также с: др.-гр. *Гор-γ-ώ* ‘Горгона’, др.-гр. γορ-γ-ός ‘страшный, грозный’ [Дворецкий 1958, I: 331], *μορ-μορ-ωπός* ‘страшный на вид’, *μορ-μ-ώ* ‘пугало, страшилище’ [Дворецкий 1958, II: 1110].

[452] В [БЕР, I: 355, 368] только сказано, что данное слово имеет общее происхождение с *джонголоз* ‘старик, оборванец’, образование которого не объяснено.

[453] Согласно [ЕСУМ, III: 343], этимология слова неясная.

DUPress

4.11. Эмотивные и экспрессивные названия человека и производные от них

4.11.1. Слова, характеризующие внешний вид, характер, интеллектуальные качества и поведение человека

Большинство их данных слов пейоративные. Объединены в одну группу из-за общности называемого объекта (человек). Они характеризуют его внешность, поведение и интеллектуальные качества с точки зрения разных признаков. В зависимости от мотивирующих признаков, эти слова можно было бы связать со словами разных групп, обозначающими что-либо маленькое, шарообразное, большое, набухшее, кривое, торчащее, хромоту, медлительные действия, приседание (слабость), чванливое поведение, сжимание (жадность, скупость) и т.д. Некоторые из цитированных ниже слов могут быть результатом метафорического употребления других звукосимволических ономатопеических слов или переосмысленными в результате вторичного сближения с ними. Возможны контаминации также между самими эмотивными названиями человека на основании их формальной близости. Следует отметить, что данная группа слов довольно хорошо иллюстрирует формальную и семантическую вариативность звукосимволических слов. Семантическая вариативность доходит вплоть до выражения противоположных значений одной и той же языковой формой (см., например, значения русск. диал. *ко́ковень*, *кокора*; см. ниже). Ср.:

болг. диал. *бу́-ба* уничижительно ‘о человеке, который всюду суется и любит находить себе что-либо делать, прежде всего дома’ [Ралев 1977: 106];

русск. диал. *бу-бѐр-я* ‘располневшая, любящая поспать, неряшливая женщина’, *бу́-бер-ега* ‘толстый неповоротливый человек’[454] [СРНГ, III: 233];

русск. диал. *бо́-бр-я* ‘толстенький, кругленький человек’ [СРНГ, III: 38], русск. диал. *бо-бр-яшка* ‘хвастун’ [СРНГ, III: 38];

болг. диал. *бу́-бр-ек* ‘упитанный, полный ребенок’ [Хитов 1979: 230];

болг. диал. *бъ-ба́н-къ* шутливо ‘о крупном, сильном человеке’ [Ралев 1977: 107], *бъ-ба́н-ко* ‘крепкий, сильный человек, богатырь’ [Хитов 1979:

[454] В словаре Фасмера относительно данного слова отмечено: «Словообразование необычно» [I: 226].

225], русск. диал. *бу́-бень* (*бу́-б-ень*)‘о толстом ленивом человеке’ [СРНГ, III: 233];

русск. диал. *бо-бы́н-я* (*бо-б-ы́ня*) ‘надутый, чванный, гордый, спесивый человек’ (цит. по [ФАСМЕР, I: 181])[455];

русск. диал. *бо́-быч* (*бо́-б-ыч*) ‘глупый, бестолковый человек’ [СРНГ, III: 40];

укр. *ба-бух-а́тый* ‘пузатый, брюхастый’ [ГРИНЧЕНКО, I: 15]; диал. *бала-бу́х-а* ‘неуклюжий и неловкий человек’ (цит. по [ЭССЯ, III: 116], см. сноску 32);

русск. диал. *ба́-бай* неодобрительно ‘глупый, неумелый, неповоротливый человек, разиня, растяпа; старый холостяк’ [СРНГ, II: 15];

русск. диал. *Бо́-быш* (*Бо-б-ыш*) прозвище шутника [СРНГ, III: 40];

русск. диал. *бо-ба́ш-ка* ‘о толстом, небольшого роста человеке’ [СРНГ, III: 35];

болг. диал. *бу-бо́л-як* ‘человек, у которого все валится из рук’ (цит. по: [БЕР, I: 85])[456];

русск. диал. *болò-бан* ‘грубый, неуклюжий человек; мальчик высокого роста; болван, дурак; неучтивый или стыдливый человек; шалун, баловень’ [СРНГ, III: 75–76], *бол-вàн* ‘глупый, непослушный, упрямый человек’ [СРНГ, 3: 71], *боло-вàн* ‘дурак, болван’ [СРНГ, III: 76];

польск. диал. *bym-bas* шутливо ‘ребенок, малыш’ [SGP];

польск. диал. *bam-b-uch* ‘неповоротливый, толстый человек’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 92];

польск. диал. *bam-buł-a, baj-tał-a, baj-dał-a* ‘увалень’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 85], укр. *бам-бу́л-а* ‘неповоротливый, неуклюжий человек или животное’ [ГРИНЧЕНКО, I: 26],

укр. диал. *бе́м-б-а*, *бе́м-бул* ‘дурак, увалень, олух’ (цит. по [ЕСУМ, I: 166])[457];

польск. устар. *bil-bas* ‘высокий неповоротливый человек, растяпа’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 155], чешск. *bl-b* ‘идиот; болван’[458] [PSJČ, I: 144];

---

[455] В словаре ФАСМЕРА [I: 181] объяснение слова отсутствует, отмечено только, что осторожные предположение по поводу этого слова высказал Ильинский.

[456] Согласно [БЕР, I: 85], слово образовано при помощи суфф. *-ол* + *-як* от *буба*, для которого реконструирует первоначальное значение ‘что-то опухшее’. Словарь не приводит типологических параллелей для такого словообразования. К этому этимологическому гнезду отнесено и формально тождественное название большой гусеницы.

[457] В [ЕСУМ, I: 166] этимология слова указана как неясная. Допущено видоизменение укр. диал. *бамбу́ла* ‘увалень’, для которого предположено видоизменение заимствованного из польск. *bąbel* ‘пузырь’.

[458] Согласно [ЭССЯ, III: 117], это типичное звукоподражательное образование, состоящее из двух губных и одного плавного. Словарь не усмотрел в слове редупликацию, несмотря на то, что определяет слово как звукоподражательное.

болг. диал. *брáм-бал-о* ‘толстый, здоровенный человек’ (цит. по [БЕР, I: 73])[459];

ст.-польск. *bum-b-ak* ‘пьяница’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 234];

польск. *bir-bus*, *bir-bant* ‘лентяй, гуляка, врун’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 157];

белорусск. *бай-б-áк* ‘лежебок, лентяй’ [Байкоў-Некрашэвіч];

укр. диал. *бóв-дур* ‘болван, неотеса’ (цит. по [ЕСУМ, I: 218])[460];

болг. диал. *бýн-гур* ‘придурковатый человек’ [Ковачев 1970: 10];

укр. диал. *вер-гел-á* ироническое прозвище высокого человека, *вир-тéл-а* ‘здоровенный человек’, *вер-тúл-о* ‘высокий неуклюжий человек’, *вер-вел-á* ‘высокий, долговязый человек’(цит по [ЕСУМ, I: 352])[461] – форму последнего слова следовало бы считать исходной;

русск. *вер-зúл-а* (*вер-з-úла*) ‘рослый, но неуклюжий человек’ [Даль 1955, I: 181] (ср. *вéр-з-ить* ‘говорить или делать что-либо продолжительно, но беспутно, бестолково; врать, лгать, бредить, говорить пустяки’);

русск. диал. *вор-гáн* бранное слово, а иногда и просто обзывание другого; значение неопределенное [СРНГ, V: 99];

русск. диал. *гá-г-а* ‘глупый и самодовольный зубоскал или лентяй; глуповатая женщина большого роста; глупый и самодовольный зубоскал и лентяй’ [СРНГ, VI: 86];

русск. диал. *гý-г-а* ‘молчаливый, неразговорчивый человек’ [СРНГ, VII: 198];

русск. диал. *гý-з-а* ‘неросторопный, нерешительный человек’ (цит. по [Фасмер, I: 472], см. сноску 426);

укр. диал. *грýн-даль* ‘грубый, неотесанный человек’ (цит. по [Рудницький, I: 881])[462];

русск. диал. *гá-вр-ик* ‘простак, простофиль, разиня; глупец; о ребенке (неуважительно); щеголь, ферт; хитрец, пройдоха, ловкач; хулиган’ [СРНГ, VI: 85];

словен. *babji gre-gor* ‘бабник’ (цит. по [Bezlaj, I: 174])[463];

болг. диал. *гър-гóн-я* ‘сгорбившийся человек’, *з-гър-гор-úл се*, *з-гър-гуш-úл се* ‘о сильно постаревшем человеке’ (цит. по: [БЕР, I: 302])[464];

---

[459] В [БЕР, I: 73] этимология слова указана как неясная.

[460] В [ЕСУМ, I: 218] этимология слова указана как неясная.

[461] В [ЕСУМ, I: 352] этимология слов указана как неясная.

[462] У Рудницкого слово представлено как искажение польск. *drągal* ‘огромный, здоровенный человек’ [I: 881].

[463] Безлай относит слово к этимологическому гнезду словен. *grégor* ‘пенка на молоке’, чью этимологию считает неясной [Bezlaj, I: 174].

[464] Согласно [БЕР, I: 302], происхождение слов неясное.

DUPress

укр. диал. *гéр-гель* ‘человек с длинной шеей’, *тéр-ґуль* ‘неуклюжий человек с длинной шеей’ (цит. по [ЕСУМ, I: 498])[465];

укр. диал. *ґор-ґóл-я* ‘высокий человек’, *гор-гóн-я* ‘очень высокая женщина’ (цит. по [ЕСУМ, I: 563])[466];

русск. диал. *гó-голь* ‘о бодром человеке, коне (*Вишь какой парень – гоголь*!); об осанистом, стройном, держащимся прямо человеке; прозвище’ [СРНГ, VI: 263], *го-гóл-я* ‘о смелом, бойком человеке’, *го-гóн-а* ‘гордая, важная, надменная женщина’ [СРНГ, VI: 264] – ср. с русск. диал. *гогол-и́ться* ‘франтить, щеголять’ и др. формально близкими названиями, представленными п. 4.9.9.2.; см. сноску 410;

русск. диал. *гá-гал* ‘человек большого роста’, *га-гáл-а* ‘зубоскал’ [СРНГ, VI: 87];

русск. диал. *га-гáр-а* ‘о высоком, плохо сложенном существе (о высокой, неуклюжей, плохо сложенной женщине; о лошади)’, *Га-гàр-а* – прозвище человека, имеющего длинную шею [СРНГ, VI: 87];

русск. диал. *га-гàй* ‘лентяй, повеса; человек высокого роста’ [СРНГ, VI: 86];

русск. диал. *го-гуй* ‘больной человек’ [СРНГ, VI: 265];

укр. диал. *ган-дра-бáтий*, *ган-дра-бáстий*, *ган-дри-бáтий* ‘неуклюжий, долговязый’ (цит. по [ЕСУМ, I: 467])[467] – формы с диссимиляцией консонантов по месту артикуляции и контаминационными изменениями;

болг. диал. *гáй-гур* ‘слабый, хилый человек’ [Геров, VI: 69];

болг. *гир-гýц-а* говорится укоризненно о человеке [Геров, VI: 72];

польск. *gał-gan*, диал. *gał-kun* ‘подлец, негодяй, лодырь, бездельник’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 798] – вторая форма с диссимиляцией вокалов и консонантов по глухости/звонкости;

ст.-польск. *gor-goń-czyk* ‘человек, который легко меняет убеждения’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 877];

чешск. диал. *gaň-gor-a* ‘грубиян’ (цит. по [Machek 1971: 149])[468];

русск. диал. *гóм-з-а* ‘скромный, тихий, стыдливый человек’ [СРНГ, VI: 353], *гом-з-á* ‘неаккуратная, нечистоплотная женщина-стряпуха’, *гам-з-á* ‘неповоротливый, неаккуратный человек’, *гом-з-úха* ‘женщина-скряга, скопидомка’, *гом-з-áк* бранно ‘неаккуратный человек’ [СРНГ, VI: 353];

русск. диал. *ду-д-á* ‘дурной человек; прозвище’ [СРНГ, VIII: 246];

польск. диал. *dzi-dul-a*, ‘высокая, худая женщина’, *dzi-doń*, ‘высокий, худой человек’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 636];

---

[465] В [ЕСУМ, I: 498] этимология слов указана как неясная; допущено заимствование тур. *görekli* ‘красивый, заметный’.

[466] В [ЕСУМ, I: 563] этимология слов указана как неясная.

[467] В [ЕСУМ, I: 467] данные слова указаны как неясные.

[468] У Махека слово указано как неясное [Machek 1971: 149].

Press

русск. диал. *ди-ди́ль-ка* ‘о тощем, высоком человеке’ (Ср. также с *ди-ди́ль-ка* ‘высокое зонтичное растение с гладким блестящем стеблем’ в том же говоре) [СРНГ, VIII: 54];

русск. диал. *ды-дл-а* ‘человек высокого роста (обычно нескладный)’ [СРНГ, VIII: 291];

русск. диал. *до-до́р-ка* ‘неуклюжая женщина’, *до-до́р-ик* ‘горбатый карлик, горбунок’, *ду́-дор-а, ду-дыр́-я* бранно ‘дурак, дура; собир. разные случайные люди, сброд’ (Ср. также со значением слова ‘что-либо плохое, непригодное’) [СРНГ, VIII: 90, 250, 251];

русск. диал. *ду-гу́р-а* ‘высокий, нескладный и глупый человек; дылда’ [СРНГ, VIII: 246] – форма с диссимиляцией консонантов по месту артикуляции;

русск. диал. *до-до́н* ‘нескладный человек; прозвище’ [СРНГ, VIII: 89];

русск. диал. *ду́-ду́н* ‘о человеке с отвислыми губами’ [СРНГ, VIII: 251];

сербохорв. *dùn-dar-a* ‘высокая, здоровенная, толстая женщина’ [RJA, II: 888];

польск. *drą-gal* ‘огромный, здоровенный человек, неотеса’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 553] – форма с диссимиляцией консонантов по месту артикуляции;

русск. диал. *дур-бай* ‘дурак, дурень’, *дур-бе́й* ‘дурак, дурень; баловник, озорник’, *дур-бе́нь* ‘дурак, дурень’ [СРНГ, VIII: 265];

русск. диал. *ден-дер-ёха* ‘неряха, а также неповоротливая, неуклюжая женщина’ [СРНГ, VII: 349];

русск. диал. *дун-ду́л-я* ‘болван, дылда, верзила, остолоп, долговязый человек’, *дун-дул-у́к* ‘дурак, болван’ [СРНГ, VIII: 258];

русск. диал. *дун-д-у́к* ‘бездельник, лентяй; глупый, бестолковый, невежественный, упрямый человек; сутуловатый, сгорбленный человек высокого роста; толстяк’ [СРНГ, VIII: 258], укр. диал. *дун-д-у́к* ‘упрямый человек; старый холостяк; тупой, недоразвитый человек; старый болван’ (цит. по [ЕСУМ, II: 145])[469], болг. диал. *дун'-д-у* ‘толстый неповоротливый человек’, *дун-д-а* укоризненно ‘толстая, плохо одетая, неповоротливая женщина’ [РАЛЕВ 1977: 120], сербохорв. *dùn-d-a* ‘высокая, здоровенная, толстая женщина’ [RJA, II: 888];

русск. диал. *дю́н-д-ик* ‘вялый, неповоротливый, нерасторопный человек; разиня; человек маленького роста, коротышка’ [СРНГ, VIII: 304];

русск. диал. *дыл-д-а* ‘подрастающая молодая девушка не особенно благонравного поведения; глупый, простоватый человек высокого роста’ [СРНГ, VIII: 291];

белорусск. *дыр-д-а* ‘верзила’ [БАЙКОЎ-НЕКРАШЭВІЧ];

---

[469] В [ЕСУМ, II: 145] слово указано как неясное.

DUBLIN PRESS

русск. диал. *жу́р-ж-а* ‘любовница, гуляющая женщина’ [СРНГ, IX: 230],

польск. диал. устар. *żu-żel* без мн. ч. презрит. ‘о женщинах легкого поведения’ (*Ostatnia wojna wyniszczyła też wielu moralnie. Nie wiem dlaczego, ale o tzw. łatwych kobietach mówiło się wtedy „żużel”*) [SGMP];

русск. *зо́-з-а* ‘неаккуратный, немытый, грязный человек’ [СРНГ, XI: 326];

польск. диал. *ka-kal-ud* шутливо или иронично ‘малыш; молодой человек; мужчина невысокого роста’, *ka-kal-udek* экспрессивно ‘о ребенке или о взрослом человеке невысокого роста’ [SGP];

польск. диал. *ka-ker*, *ka-kier* ‘старый несимпатичный мужчина’ [SGP];

русск. диал. *ко́л-ч-а, кол-ч-а́к* ‘хромой, кривоногий человек’ [СРНГ, XIV: 202] – слово цитировано также в п. 4.9.2.;

русск. диал. *клю-к-а* ‘о горбатом человеке’ [СРНГ, XIII: 319–320] – значение может быть развито и метафорическим путем;

болг. диал. *ке́-к-ла* (*ке́-кла*) ‘неповоротливая женщина’ [Петков 1974: 65];

сербохорв. *кље-к-а* ‘слабый, хилый человек’ [РСА, IX: 639], болг. диал. *кле́-к-ав* ‘тот, у кого слабые ноги; трудно подвижный, неповоротливый; кривоногий; худой, неуверенный, невыносливый’, *кле-к-а́* ‘хромой человек’ (цит. по [БЕР, II: 430, 431]) – ср. со словами, представленными в п. 4.9.2.;

русск. диал. *кля́-ч-а* ‘человек с недугом’ [СРНГ, XIII: 329];

русск. диал. *кри́-ч-а* ‘полная, неуклюжая женщина’ [СРНГ, XV: 261];

русск. диал. *кар-к-о́тà* ‘сухая, хилая женщина’ [СРНГ, XIII: 92];

русск. диал. *ко-ко́-ра* ‘о неуклюжем, неповоротливом человеке; о ленивом человеке, бездельнике; о скупом, жадном человеке; о неприступном, твердом, как камень, человеке; о глупом человеке, дурак, дура’, *старая ко-ко-ра* ‘бранное обращение к старому человеку’, *ко-ко́р-ек* ‘о коренастом человеке’ [СРНГ, XIV: 94–95], *ко́-корь* ‘плотный, коренастый человек’, *ко-кор-ы́га* ‘скупец, жадина; человек, который любит пожить на другой счет, любит, чтобы его угощали (не отвечая при этом тем же)’ [СРНГ, XIV: 98], *ко-ку́р-а* ‘о полной, пышущей здоровьем женщине’ [СРНГ, XIV: 104–105]; болг. диал. *ко-ко́р-ко* ‘сильный, выносливый человек; щеголь франт’ (цит. по [БЕР, II: 533, 539]);

болг. диал. *ку́-кур-а* ‘дурак’ [Геров, II: 429], ‘молодой человек крупного телосложения, однако негодный для работы’ (цит. по [БЕР, III: 87]);

русск. диал. *Ку-ка́р-а* прозвище неловкого человека [СРНГ, XVI: 31];

болг. диал. *ку-кер-ê га* ‘молодой человек, который занимается не порядочными делами, негодяй, бездельник’ (цит. по [БЕР, III: 89]);

русск. диал. *ко-чу́р-а* ‘о человеке высокого роста, верзиле; гуляка, кутила, выпивоха; о хилом, болезненном человеке’ [СРНГ, XV: 135];

русск. диал. *кро́-каль* ‘бранно о беззубом человеке’ [СРНГ, XV: 273];

русск. диал. *кур-кул-ей* ‘нелюдимый человек’[470] [СРНГ, XVI: 131];

русск. диал. *кал-га̀н* ‘глупец, дурак; бранное слово (*Ах ты, калган пустой!*); прозвище’ [СРНГ, XII: 342] – форма с диссимиляцией консонантов по глухости/звонкости;

болг. диал. *ку-кул-ни́к* ‘человек низкого роста’ (цит. по [БЕР, III: 105]);

русск. диал. *ку́-коль-ник* ‘шутник, чудак; фальшивомонетчик; вор’ [СРНГ, XVI: 43];

болг. диал. *ко-ке́л-ив* ‘худой, хилый’ (цит. по: [БЕР, II: 533]);

укр. диал. *ко-кі́л* ‘нелюдим, мрачный человек’ (цит. по [ЕСУМ, II: 503])[471];

болг. диал. *ко-кал-я́р*, *ко-кал-а́н* ‘человек, который стремится к выгоде’ (цит. по [БЕР, II: 531]) – возможно, сближение с болг. *кокал* ‘кость’;

русск. диал. *ко́-ков-ень* ‘слабый, немощный старик (не способный ни работать, ни выходить на улицу); плотный, здоровенный, физически крепкий человек’ [СРНГ, XIV: 90], *ко-ко́в-ка* ‘о тихой, но злой женщине’, *что коковка сидит* ‘очень красиво выглядит’, *ко-ков-я́ка* ‘уродливый человек, уродина’ [СРНГ, XIV: 92] – *в* < *л*;

русск. диал. *ко-кош-ка* ‘о полной, круглой женщине’ [СРНГ, XIV: 101] – *ш* < *л*;

болг. диал. *штро́-ка* (**s-kъr-k-*) ‘тощий человек или животное’, *штро́-кл-а* (**s-kъr-kel-*) ‘то же’ [Гълъбов 1965: 113];

укр. диал. *кан-цил-юга*, *кан-цу́-биль* ‘бродяга, арестант’ (цит. по [ЕСУМ, II: 145])[472];

польск. диал. *kra-kow-iak* ‘мальчик или батрак, который присматривает за торжественностью свадьбы’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 526] (с *w* от *l*), ср. с польск. диал. *kar-kul-atny* ‘забавный’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 270];

чешск. *klu-k* ‘бродяга; мальчик’ (цит. по [ЭССЯ, X: 77])[473];

словен. *kljú-k-a* ‘худая, неуклюжая, крупная женщина’ [SSJK];

русск. диал. *ма-м-ы́ка* ‘бродяга’ [СРНГ, XVII];

чешск. *ma-mel-uk* ‘продажный человек; бранное слово о грубом человеке’, *ma-ml-as* ‘бранное слово о грубияне’ [PSJČ, II: 700][474],

---

[470] В [Топоров 1975–1990, IV: 316] слово отнесено к «откровенно звукоизобразительным типам».

[471] В [ЕСУМ, II: 503] этимология слова указана как неясная.

[472] В [ЕСУМ, II: 145] названия указаны как неясные; допущено фонетическое и семантическое (довольно неясное! – замечание мое: Ж. К.-З.) изменение грубого названия *канцелюра* ‘канцелярист’;

[473] ЭССЯ относит к этимологическому гнезду, восходящему к *псл. *klukъ*, о котором отмечает, что связано с **klъkъ*, слова, обозначающие росток семени, стрелу, бродягу, мальчика, отходы, очески льна, конопли и др. Связь между значениями не объяснена.

русск. диал. *ме-ме́ля* ‘о неловком человеке, растяпе’ [СРНГ, XVII: 106];

укр. диал. *ма-му́л-а* ‘увалень, тюфяк, олух; волокита’ (цит. по [ЕСУМ, III: 377])[475];

болг. диал. *ма-му́ль-ке* ‘человек маленького роста’ (цит. по: [БЕР, III: 634], см. сноску165);

русск. диал. *мя-мл-юй* ‘о вялом, нерешительном человеке’ [СРНГ, XIX: 85];

русск. диал. *мо́-мл-я* ‘тихоня’ [СРНГ, XVIII: 251];

в.-луж. *ma-ml-a* ‘трусливый человек’ [Pfuhl: 352];

русск. диал. *мы-мр-а* очень худой, тщедушный человек; угрюмый, скучный человек’ [СРНГ, XIX: 57];

русск. диал. *ма-му́р-а* бранное слово (*Экой ты мамура слепец!*) [СРНГ, XVII: 353];

русск. диал. *му́-мр-а* ‘домосед’, *му́-мр-я* ‘ротозей, зевака’ [СРНГ, XVIII: 345], белорусск. диал. *му́-мр-а* ‘хмурый и молчаливый человек’ (цит. по [ЭССЯ, XX: 189])[476];

чешск. *mi-mr-a* ‘медлительный человек’ (цит. по [Осипова 1989: 168]);

русск. диал. *ма-мо́н-я* ‘обжора; лентяй, разиня; угрюмый, малообщительный человек’[477] [СРНГ, XVII: 352];

болг. диал. *мъ́р-мор*, *мъ́р-мо́р-че* ‘худой ребенок’ (цит. по [БЕР, IV: 416], см. сноску 244);

русск. диал. *мо́р-мыш* ‘о невзрачном, низкорослом человеке’ [СРНГ, XVIII: 268];

болг. диал. *муш-мор-о̀к* ‘человек на вид скромный и замкнутый, который всюду суется; шустрый ребенок’ (цит. по [БЕР, IV: 366])[478];

укр. диал. *мар-мол-а́й* ‘никчемный плохой мальчишка’ (цит. по [ЕСУМ, II: 399])[479];

укр. *мур-ми́л-о* ‘грубый, невоспитанный человек; мрачный, замкнутый человек’ [СУМ, IV: 825];

чешск. *mr-mol-a* ‘никудышный человек’ (цит. по [Осипова 1989: 168]);

---

[474] Согласно [Machek 1971: 349], слово заимствовано от арабского *mamlūk* ‘раб’ – гипотеза, не учитывающая все многообразие славянских слов с подобной формой и значениями.

[475] В [ЕСУМ, III: 377] сказано, что слово имеет аффективное происхождение.

[476] Согласно [ЭССЯ, XX: 189], слово звукоподражательного происхождения.

[477] Согласно [Фасмер, II: 566], слово заимствовано через гр. *μαμωνᾶς* ‘имущество, состояние’ из др.-еврейск.

[478] В [БЕР, IV: 366] этимология слова указана как неясная.

[479] В [ЕСУМ, II: 399] слово указано как аффективное образование; допущена связь с польск. *marmolić* ‘делать что-либо медленно’.

PUPress

сербохорв. *мр-м-а* ‘молчун, неразговорчивый человек’, *мр-м-ав* ‘болезненный, хилый, слабый’ (цит. по [ЭССЯ, XX: 250])[480];

польск. *niu-n-ia* ‘ленивый и глупый человек’ (цит. по [БЕР, IV: 723]), болг. *ню́-н-яв* ‘медлительный человек, у которого все валится из рук’ (цит по [БЕР, IV: 724])[481];

болг. диал. *пу́м-пал* ‘очень молчаливый человек’ [Горов 1962: 132], ‘неотесанный, недогадливый человек, дурак; человек маленького роста’ (цит. по: [БЕР, V: 852])[482];

русск. диал. *по́м-п-а* ‘угрюмый, надутый человек’, *по́м-п-ух* ‘здоровенный, толстый ребенок’ [СРНГ, XXIX: 230];

болг. диал. *пу́-пл-як* ‘человек маленького роста’ (цит. по ([БЕР, V: 856])[483], русск. диал. *пу́-пел* ‘человек небольшого роста’ [СРНГ, XXX: 128], русск. диал. *пу́-пыш* (*пу́-п-ыш*) ‘о низкорослом полном человеке’ [СРНГ, XXX: 134];

болг. диал. *пр-пур-ник* ‘человек маленького роста’ (цит. по [БЕР, V: 806])[484];

болг. диал. *пъ-пу́р* ‘человек с неуравновешенным характером’ (цит. по [БЕР, VI: 67])[485];

русск. диал. *пу-пы́рь* ‘об угрюмом, неразговорчивом человеке’ [СРНГ, XXXIII: 132];

укр. диал. *па́-пл-я* ‘халтурщик, плохой работник’ (цит. по [ЕСУМ, IV: 284])[486];

болг. диал. *ти́-тур-ник* ‘ленивый, неловкий человек’ [Петков 1974: 142];

болг. диал. *тур-т-ума́н’ък* (*тур-тум-а́н’ък*) ‘полный человек (обычно о ребенке)’ [Петков 1974: 144];

болг. диал. *тън-ту́р’-ес* ‘о полном человеке’ [Петков 1974: 145];

---

[480] ЭССЯ возводит данные слова, вместе с сербохорв. *мрмати* ‘рыться, копаться в земле, навозе’, к одному и тому же звукоподражательному этимону, без семантической реконструкции и объяснения связи между значениями слов. Словарь допускает также возможность «исходной правильной экспрессивной редупликации вроде **тър-т(r)ati* с последующим изменением». Как уже не раз было отмечено, объяснение такого типа не раскрывает мотивированность слова и тем самым не раскрывает его происхождение.

[481] В [БЕР, IV: 723] слово представлено как звукоподражательное.

[482] [БЕР] ссылается на гипотезу Младенова о звукоподражательном (?) происхождении слова [V: 852].

[483] [БЕР] допускает преобразование *мп* > *п* в незасвидетельствованной форме **пумпляк*, производной от *пумпал* [V: 856].

[484] В [БЕР, V: 806] этимология слова указана как неясная.

[485] Согласно [БЕР, VI: 67], налицо метафорический перенос названия тростянка, так как растение легко сгибается.

[486] Согласно [ЕСУМ, IV: 284], это аффективное образование.

русск. диал. *тен-дéр-я* ‘нерешительный человек’ (цит. по [Фасмер, IV: 42])[487] – ср. с цит. в п. 4.9.8. русск. диал. *тен-дéр-ить* ‘тянуть, мешкать’;

болг. диал. *тръ́-тл’-ъс* ‘о человеке с толстой задницей’ [Ковачев, 1970: 43];

болг. диал. *фър-фър-ъ́* ‘вспыльчивый человек’ [Петков 1974: 145];

польск. диал. *har-bar-a* ‘что-либо большое, неуклюжее, неумелое, старое’ (например, о женщине, печи; о большой худой лошади) [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 18];

русск. диал. *хоро-хóр-а* ‘задорный, хвастунишка’; *хоро-хòр-ник* ‘лоскутник, оборванец, лохмотник’ [Даль 1955, IV: 561];

русск. диал. *хала-хал-á* ‘суетливый, неосновательный человек’ (цит. по [Фасмер, IV: 217])[488];

болг. диал. *хó-хал* ‘оборванец’ [Стойчев 1965: 246];

польск. диал. *ho-hol* ‘молодчина’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 47];

русск. диал. *хá-халь* ‘обманщик, плут; щеголь, франт; волокита, любовник’ [Даль 1955, IV: 543], *хà-харь* ‘содержатель, сожитель’ (цит. по [Фасмер, IV : 226–227])[489];

русск. диал. *хý-хр-я, ху-хр-я́й* ‘растяпа, замарашка’, *хý-хр-ик* ‘щеголек; повеса, лентяй (с вопросительным знаком)’[490] [Даль 1955, IV: 569];

русск. диал. *хо-хр-я́к* ‘хилый и слабый, кто всегда хохрится, горбится, ежится’ [Даль 1955, IV: 563];

болг. диал. *хъ́-хур* ‘старый человек’ [Горов 1962: 154];

болг. диал. *хáр-хъл-у* ‘старый человек’ [Петков 1974: 161];

русск. диал. *хо-хóн-я* (*хо-х-óня*) ‘щеголь’ (цит. по [Фасмер, IV: 272])[491] – ср. с *хохóниться* ‘наряжаться’см. п. 4.9.9.3;

ст.-чешск. *ho-ch* ‘мальчик, парень’, *ho-ch-na* ‘легкая женщина, проститутка’ [Gebauer, I: 450];

н.-луж. *ho-chl-ac* ‘сопляк, нахальный человек (как ругательное слово)’ [Muka, I: 394];

русск. *хоро-ш* (< **хог-х-*) ‘хахаль, любовник’ [Даль 1955, IV: 562] – ср. с белорусск. *хара-ш-ыцца* ‘хвастаться, чваниться’ (см. п. 4.9.9.2. и 6.2.);

болг. диал. *цý-ц-а* ‘дурак, болван’ [Геров, VI: 323];

---

[487] Согласно [Фасмер, IV: 41], этимология слова неясная.

[488] В словаре Фасмера выражено предположение об образовании данного слова от *хал* [IV: 217]. Редупликация не получила объяснения.

[489] Для *хáхаль* и *хàхарь* Фасмер предполагает звукоподражательное образование от междометия *ха-ха*! (цит. по [Фасмер, IV: 226–227])

[490] У Фасмера, под вопросительным знаком предположена связь с *хýхать* ‘дуть’ [IV: 287].

[491] Согласно Фасмеру, слово образовано от звукоподражательного междометие хо, хо! [IV: 272].

DUPress

болг. диал. *цо́-ц-ъ* ‘о полной, неповоротливой женщине’ [Ковачев 1970: 47];

болг. диал. *цъ́н-цър* ‘жадина’ [Ралев 1977: 180], *ци́н-ца́р*, *цин-ца́р-ин* ‘скупой человек’ [Хитов 1979: 337];

болг. диал. *ца́-цар-ка* ‘полный ребенок маленького роста’ [Хитов 1979: 336];

русск. диал. *че-че́н-я* (*че-ч-е́ня*) ‘кто чеченится, чванный и чопорный щеголек, щеголиха’, *че́-чень* (*че́-ч-ень*) ‘кто чеченится; балованный ребенок’ [Даль 1955, IV: 603] и др. – ср. с русск. *че-че́н-иться* ‘гордиться, чваниться’, см. п. 4.9.9.2.;

русск. диал. *чи́-чель* ‘голый человек’ (цит. по [Фасмер, IV: 369])[492];

русск. *чу́-чел-о* ‘неряшливый, грязный или нелепо одетый человек; употребляется как бранное слово’ [ТСС] – данное значение можно рассматривать как этимологическую память о том, что первоначально название обозначало ряженого, а не что-то страшащее;

укр. *ши́-ш-ка* ‘важный, влиятельный человек’ [СУМ, XI: 466] (представленное в словаре как переносное по отношению к значению ‘плод хвойного растения или др. шарообразной формы’);

русск. диал. *ши-ш* ‘разбойник, бродяга’ (цит. по [Фасмер, IV: 444])[493];

болг. диал. *ши́-ш-каф* ‘толстый’ [Вакарелска-Чобанска 2005: 389];

русск. диал. *ши́-шир-а* ‘негодяй’ (цит. по [Фасмер, IV: 445])[494];

болг. диал. *ши-ше́р-ес* ‘о полном человеке или крупном предмете’ [Бояджиев 1971: 105];

русск. *шу́-шер-а, шу́-шерь, шу́-шель* ‘сброд, сволочь’ [Даль 1955, IV: 650], *ши́-шар-а* ‘сброд, сволочь’ [Даль 1955, IV: 636];

русск. диал. *ши-ка́рь* ‘щеголь’ (цит. по [Фасмер, IV: 437])[495];

болг. диал. *ши́-къл-къ* ‘маленький шустрый ребенок’ [Ралев 1977: 183] (В словаре указано как переносное значение названия чернильного орешка *шикълкъ*. По всей вероятности, налицо смешивание разных этимологических гнезд);

болг. диал. *штро́-к-аф* ‘худой’ [Божкова 1962: 273], *штро́-к-а* ‘тощий человек или животное’ [Гълъбов 1965: 113], *штър-кл’-аф* ‘высокий и долгоногий (о мужчине)’ [Божкова 1962: 273], *штре́-кл-а* ‘о хромой женщине’ [Вакарелска-Чобанска 2005: 391], болг. разг. *щръ-кл-ест* ‘долговязый, длинноногий (как аист)’ [БРС: 727], словен. *štór-klj-ast* ‘неуклюжий’ [SSKJ] – **sk(ь)ър-к- / *sk(ь)ър-къл-*;

---

[492] У Фасмера этимология слова представлена как неясная [IV: 369].

[493] У Фасмера отмечено, что этимология слова затруднительная [IV: 444–445].

[494] Фасмер считает данное слово производным от *шиш* ‘разбойник, бродяга’, но не объясняет образование слова [IV: 445].

[495] Фасмер считает данное слово производным от *шик*, но не объясняет образование слова [IV: 445].

русск. *ще-голь* ‘тот, кто нарядно, изысканно одет; франт; тот, кто имеет пристрастие к дорогим, изысканным нарядам’ (цит. по [ФАСМЕР, III: 644]) – < **s-ke-gol-*; ср. с близким по форме звукоподражательным глаголом *с-ко-гол-ить* ‘визжать, скулить о животном’ (цит. по [ФАСМЕР, III: 644]), а также с *го́-голь* ‘франт’.

Ср. также с: лит. диал. *bam̃-bal-as* ‘маленький пузатый человек’, *pam̃-pal-as* ‘пузан, брюхан’ (цит. по [SKARDŽIUS 1943: 172]), *gun-gor-as* ‘очень высокий человек’, *guñ-g-as* ‘увалень, неуклюжий человек’, *kai-kar-as* ‘очень высокий человек; лентяй, повеса; убийца, грабитель’, *guñ-gur-as* ‘грубый, неловкий человек’, *gin-gãr-as* ‘неотеса’ [LKŽ].

4.11.2. Слова, связанные с этническими, социальными и религиозными группами людей

Редуплицированные звуковые комплексы можно открыть также в некоторых словах, называющих этнические, социальные или религиозные группы людей, их представителей и культовые предметы. Некоторые из них являются пейоративными, а другие – нейтральными названиями, но так как содержат редуплицированные звуковые комплексы, можно предположить, что первоначально были экспрессивными ономатопоэтическими звукосимволическими образованиями, выражающими ироническое отношение говорящего к называемым объектам. Сам факт называния других народностей и религиозных групп ироническими названиями можно рассматривать в контексте более общего противопоставления «свое» – «чужое», где «чужое» обычно плохое[496]. Представленные в данной группе слова показывают, что в народной традиции ироническое отношение обычно выражается к соседним народам, другим религиям или принявшим чужую религию, к кровосмешению, к людям безземельным, бездомным, не имеющим сыновей, незаконнорожденным и т.д. Ср.:

польск. диал. *bam-ber* презрительно ‘немец, шваб; житель немецкого происхождения, живущий под Познанем’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 92] – ср. со значениями слова ‘вид картофеля’ и во мн. ч. ‘волы’;

польск. редк. *bir-b-a* ‘нищий, занимающий среди других нищих более высокое положение’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 157];

[496] Ср. с др.-греч. словом *βάρβαρος*, которое является классическим примером в этом отношении, выражая значения ‘негреческий, иноземный’ и ‘варварский, некультурный, грубый’.

DUBLIN

русск. диал. *бо-бы́л-и* ‘народ, происшедший от смешения монгольской крови с финскою’ [СРНГ, III: 39], *бо-бы́ль* ‘безземельный крестьянин, поденщик’ (цит. по [Фасмер, I: 181])[497];

русск. диал. *бо-бы́л-ка* ‘женщина, не имеющая родных; бездомная и бедная вдова, одинокая, бесприютная; обыкновенно живущая в людях; бездомный, беспризорный (человек)’ [СРНГ, III: 39]; *бо-был-я́ка* ‘бедняк, не имеющий ничего’ «Если крестьянин пьянствует и растрачивает свое имущество, то о нем говорят: „*Эх ты бобыляка*!”» [СРНГ, III: 40], *бо-бы́ль* ‘пролетарий; крестьянин, не владеющий землей; крестьянин, у которого нет сына, хотя и есть дочери’ [Даль 1955, I: 101];

русск. диал. *бол-да̀рь*, *бол-дырь* ‘ребенок, рожденный от смешанного брака русского с лопаркой или ненкой, вообще с женщиной другой национальности; метис’[498] [СРНГ, III: 72], *бол-дырь* ‘житель азиатской части, принявший православие (*Все из оных народов (туркмены, персияне, в том числе татары и калмыки), крестившиеся вообще, называются болдыри)*’ [СРНГ, III: 72], *бол-дыр-ѐнок* ‘ребенок-метис, рожденный от смешанного брака’ [СРНГ, III: 72];

русск. диал. *бол-ба̀н* ‘деревянный божок, идол, которому поклонялись и приносили жертвы ненцы’ [СРНГ, III: 71];

русск. диал. *буль-бу̀ш-ник* ‘пренебрежительное название белоруса’ (*Бульбушники живут далеко от нас*) [СРНГ, III: 274] – название может быть мотивированным и от названия картофеля;

укр. диал. *бу-ба́р*, *бу-бар-чу́к* ‘незаконнорожденный’ (цит. по [ЕСУМ, I: 274])[499],

польск. диал. *gie-gu*ć ‘прозвище парня, который говорит по-литовски, или является литовцем’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 821];

укр. диал. *гар-ва́ль*, обычно во мн. ч. *гар-вал-і* ‘название жителей Чернигова, употребляемое белорусами’ (цит. по [Рудницький, I:570])[500];

сербохорв. *ku-kar-i* ‘имя племени’, регистрировано в XV в. [RJA, V: 755] – возможно, первоначально пейоративное;

кашуб. *mar-mot, jar-mot* (*mar-m-ot, jar-m-ot*) ‘немец или еврей’ (цит. по [Brückner 1957: 681]);

---

[497] У Фасмера не предложена этимологизеция данного слова. Цитировано мнение Микколы о заимствовании слова, потом отказавшегося от такой гипотезы и утверждающего, что слово является экспрессивным. Фасмер отмечает, что «все это чрезвычайно гадательно» [I: 181]. В словаре Шанского этимология данного слова представлена как неясная [т. I, вып. 2: 147–148].

[498] Фасмер отмечает, что это «темное слово» [I: 187].

[499] В [ЕСУМ, I: 274] этимология слов указана как неясная.

[500] В [Рудницький, I:570] название объяснено как результат метатезы прилагательного *гаварлівы* ‘разговорчивый’, что мало вероятно.

русск. диал. *мур-мыш-ка* ‘инородец’ (цит. по [Осипова 1989: 168]) – ср. с цит. выше русск. диал. *мо́р-мыш* ‘о невзрачном, низкорослом человеке’;

польск. диал. неодобр. *mar-mor-ajnie* ‘щеголь, франт (о евреях)’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 883];

польск. диал. *mу́-mr-a* ‘евангеличка, немка’ (цит. по [Осипова 1989: 168]) – ср. с цит. выше русск. диал. *мы-мр-а* очень худой, тщедушный человек; угрюмый, скучный человек’;

русск. *хо-хо̀л* ‘название украинца, первоначально уничижительное, затем шутливое, фамильярное’ – ср. с цит. выше русск. *хо́-хл-иться* ‘(о птицах) сжавшись, взъерошивать перья и втягивать голову от холода, страха; (о человеке) быть в мрачном настроении, хмуриться, дуться’;

русск. *че-чен-цы*, уст. *че-чен-ы* ‘народность в северо-восточной части Кавказа’[501] – ср. с русск. *че-че́н-иться* ‘гордиться, чваниться’, *че-чен-я* ‘щеголь’, см. п. 4.9.9.2.

Ср. также с: лит. *bam-biz-à*, *bam-bìz-as*, *bam-bỹz-as* ‘толстяк, пузатый, увалень; некатолический священник или просто человек другой веры’ (цит. по [Лаучюте 1982: 27]).

[501] Данный этноним получил распространение через русский язык (см. [Фасмер, IV: 355]). Возможно, что он и русского происхождения. Сами чеченцы называют себя термином *нохчий*.

DUPress

4.12. Названия животных

4.12.1. Названия мелких животных

Можно говорить о близости между названиями мелких животных и названиями маленьких шарообразных предметов. Эта близость обусловлена формальным сходством обозначаемых денотатов – мелкие животные обычно имеют овальную форму. Кроме того, мелкие животные вызывают чувства симпатии и поэтому могли получить и гипокористические названия. Но они еще и двигаются, кишат, что тоже могло отразиться на мотивирующем признаке их названий.

4.12.1.1. Названия мелких «безгласных» насекомых, червячков

Ср. следующие слова:

русск. диал. *бá-б-а-муха* ‘нáвозная муха (Говорится о мухе, кóторая, влетев в комнату, бьется об оконное стекло или об потолок; насекомое отряда чешуекрылых, Lepidoptera, бабочка, мотылек)’ [СРНГ, II: 14–15], *бá-б-ка* ‘насекомое Macrodytes marginalis, отряда жуков, Colioptera, жук-плавунец окаймленный’ [СРНГ, II: 21], укр. *бá-б-а* ‘вид насекомого’, польск. диал. *ba-b-a*, *ba-b-ka* ‘божья коровка’ (цит. по [ЕСУМ, I: 105]), сербохорв. *бá-b-e* ‘божья коровка, Coccinella septempunctata’[502] [RJA, I: 131];

сербохорв. *bu-b-a* ‘букашка; божья коровка, Coccinella septempunctata; глисть у детей’ [RJA, I: 698], польск. *bu-b-a* ‘вошь’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 269], укр. *бу-б-а* ‘вошь; муха’ (цит. по [ЭССЯ, II: 229–230])[503];

---

[502] В [ЭССЯ, I: 105–108] данное название божьей коровки возведено к одному и тому этимону (псл. **baba*) вместе с названиями старой женщины, повивальной бабки, изделий из теста, игральных камешков, маленьких рыбок, что может быть отнесено к нередким случаям смешивания разновидностей ономатопеи. В [ЕСУМ, I: 105], кроме этой, самой распространенной этимологизации, предполагающей метафоризацию названия старой женщины, основанную и на языческих представлениях, для данных названий букашек предположено также развитие от гипотетической основы псл. **bab-* ‘надуваться, набухать’, образование которого не объяснено. См. также сноску 147.

[503] В [ЭССЯ, II: 229–230] данные названия букашек возведены к ономатопоэтическому этимону **bąba*, являющемуся вариантом основы **bob-*. К этому этимологическому гнезду отнесены и укр. *бýба* ‘зерно гороха, бобов’, болг. *бýба* ‘воображаемое страшилище,

русск. диал. *ба-ба́й-ка* ‘насекомое отряда чешуекрылых, Lepidoptera, бабочка, мотылек’ [СРНГ, II: 16], *ба́-бор-ка* ‘бабочка, мотылек’, *ба-бу́р-ка* ‘насекомое, бабочка; мелкие насекомые, известные как вредители клубники’ [СРНГ, II: 26, 28], *ба́-боч-ка* ‘мотылек, ночная бабочка; моль’ [СРНГ, II: 26], *ба-бу́ль-ка* ‘насекомое отряда чешуекрылых, papilio’, *ба-бу́л-я* ‘бабочка, мотылек’ [СРНГ, II: 27, 28], болг. *бу-бол-е́чка, бу-ба́л-чя, бу-бар-а́шка* ‘букашка’, *бу-ба́л-ка божия* ‘божья коровка, Coccinela’ [Геров, I: 80], *бу-бур-а́чка* ‘букашка’ [Шклифов, 1977: 213], *бу-бо́л-як* ‘большая, толстая не мохнатая гусеница’ (цит. по [БЕР, I: 85], см. сноску 456), *ба-бу́л’-ки* ‘шелковичный червь’ [БДА, I: карта 236] – в некоторых формах можно допустить изменение *р* или *л* в *й* или *ч*; в последнем примере, по всей вероятности, налицо вторичный звукосимволизм, который привел к выражению семы ‘большой’;

болг. диал. *бо-бов-а́н* ‘животное, подобное клещу’ (цит. по [БЕР, I: 59], см. сноску 92) – возможно, *в* от *л*;

укр. диал. *ба-бар-у́нка, ба-бр-у́нка, ба-бр-у́к, ба-бр-и́ська, бо-бор-у́нка, бо-бр-у́нка* ‘божья коровка’ (цит. по [ЕСУМ, I: 103])[504]; белорусск. *ба-бу́р-а* ‘мокрица’ [Байкоў-Некрашэвіч], сербохорв. *ba-bùr-a* ‘букашка, червячок’, *ba-bùr-ica* ‘Coccinella septempunctata’ [RJA, I: 136], *bà-buš-ka* ‘букашка’ [RJA, I: 137] – *š*< *l* или *r*;

болг. *брь-би́н-ец, брь-би́н-кякъ, бро-би́н-ец, бро-би́н-кякъ* ‘муравей’ [Геров 1975–1978, I: 71, 75], диал. *бра-ви́н-як, бра-би́н-як, бро-би́н-як* ‘муравей’ (цит. по [БЕР, I: 72]), сербск. диал. *bra-bȉn-ci* ‘муравьи’ (цит. по [Skok, II: 462]), чешск. диал. *bra-ben-ec* ‘муравей’ [PSJČ, I: 181], *bra-blenec* (*bra-blen-ec*) ‘то же’ (цит. по [Machek 1971: 378, Holub–Kopečny 1952: 232]), ст.-чешск. *bra-ven-ec* ‘муравей’ [Gebauer, I: 98] – см. п. 6.3.;

чешск. народн. *bre-ber-ka* ‘вошь’, *be-bel-ka* ‘то же’ (цит. по [Machek 1971: 66])[505];

болг. *врь-во́р-ец* ‘муравей’ [Геров, I: 156];

болг. *гъ-гр-и́ца* ‘долгоносик, насекомое Bruchos pisi (которое ест фасоль, чечевицу, пшеницу)’, диал. *гър-гър-ица* ‘то же’ [Младенов 1969: 220], *гъ-гр-е́ц* ‘паразитный червячок, который водится по бобовым расте-

---

которым пугают детей’, названия болячек. Связь между значениями слов не получила объяснения. Отсутствует и реконструкция первоначального значения этимона.

[504] Согласно [ЕСУМ, I: 103], слово образовано от незасвидетельствованного в укр. **бедру́нка*, производного от **бедрий* ‘пестрый’, испытавшего также влияние со стороны слова *баба*.

[505] В цитированном словаре Махека слово *bebelka* представлено как позднее образование от *breberka*, чья этимология указана как неясная. Отмечено, однако, что оно похоже на слово детской речи. Отметим, что впечатление сходства со словами детской речи создается из-за редупликации, но звуковой состав слова, наличие сонанта *r*, делает такую гипотезу неправдоподобной.

ниям, Bruchos pisi', *гъ-гр-и́ца* 'паразит, который водится в пшенице, по бобовым растениям, Calandria granaria' (цит. по [БЕР I: 298])[506];

русск. диал. *га́-вр-ики* 'вши' [СРНГ, VI: 85] – форма с диссимиляцией по месту и способу артикуляции: *г – г > г – в*;

укр. диал. *ґер-ґел-и́ця* 'долгоносик амбарный, Calandra granaria' (цит. по [ЕСУМ, I: 498])[507];

болг. *жюр-кълъ* 'Gryllotalpa vulgaris' [ГЕРОВ, II: 26] – возможно, с диссимиляцией консонантов по глухости/звонкости и последовавшей палатализацией первого согласного: *g – g* или *k – k > g – k*;

укр. диал. *ґон-ґор-и́чка* 'божья коровка' (цит. по [ЕСУМ, I: 559])[508];

ст.-чешск. *hme-z, hmy-z, hmy-z-a* (<**gm̥-g-*) 'насекомое' [GEBAUER, I: 434];

болг. *гж-гл-ѣк* 'насекомое Oniscus asellus, которое водится во влажных местах и гнилых деревьях, мокрица', болг. *гж-гл-ище, гж-гл-о̀* 'о мелких кишащих тварях' [ГЕРОВ, I: 265];

болг. *пь-пл-е́жь, пь-пл-ечь* 'большое количество маленьких животных' [ГЕРОВ; IV: 406];

укр. диал. *зю-з-я* 'букашка, все мелкое' (цит. по [ЕСУМ, II: 284])[509];

укр. диал. *за-зу́ль-ка* 'божья коровка' (цит. по [ЕСУМ, II: 274]), польск. диал. *za-zul-ka* 'Coccinella septempunctata' [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, II: 623];

русск. диал. *ку́-к-и* 'водяные блохи' [СРНГ, XVI: 33], укр. диал. *ку́-к-а* (детск.) 'вошь, насекомое' (цит. по [ЕСУМ, III: 127])[510];

болг. диал. *кръ-кл-ица* 'долгоносик, насекомое Bruchos pisi (которое ест фасоль, чечевицу, пшеницу)', *кър-кл-ица* 'вошь' (тайный говор каменщиков), *кър-к-а* 'то же' (цит. по [БЕР, III: 44, 202, 205])[511];

---

[506] Согласно [БЕР, I: 298], данное слово, которое регистрировано также со значением 'опухоль на теле', является наследником псл. **agrъ*, которое со своей стороны наследило и.-е. **angw(h)-i-* 'кривой; червь, змея'. Не становится ясным как связать значения 'кривой; червь, змея' и 'опухоль на теле'.

[507] В [ЕСУМ, I: 498] предположено заимствование рум. *gărgăriță*, диал. *gărgălițĕ* 'то же', которое со своей стороны указано как заимствование болг. *гъгри́ца* 'зерновой червь'. Допущена также возможность аффективного происхождения слова, без уточнения способа образования.

[508] В [ЕСУМ, I: 559] этимология слова указана как неясная.

[509] В [ЕСУМ, II: 284] этимология слова указана как неясная; допущено звукоподражательное происхождение.

[510] В [ЕСУМ, III: 127] этимология слова указана как неясная; допущена возможность сокращения некоторого слова.

[511] Согласно [БЕР, III: 44, 202, 205], данные слова имеют общее происхождение и связаны со звукоподражательным глаголом *къркам*. Неясна связь «звукового» значения этимона с «незвуковыми» значениями его наследников, обозначающих безгласных животных. Налицо типичное для этимологов стремление свести ономатопоэтические слова к

польск. диал. *kra-kow-iak* ‘вид насекомого’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, II: 526] – форма с *v* от *l*;

русск. диал. *ко-хр-а́* ‘насекомое Tipula solstitialis’ (цит. по [ФАСМЕР, II: 356])[512] – вероятно, с изменением *к* > *х* перед *р*;

русск. диал. *мар-мо́р-ки* ‘еле видимые простым глазом насекомые, живущие в стоячей воде’ [СРНГ, XVII: 375] – см. п. 6.3.;

словен. *mrá-mor* ‘медведка, Gryllotalpa vulgaris’ [PLETERŠNIK, II: 608] – см. п. 6.3.;

болг. диал. *мръ-мор-ец* ‘водное насекомое’ [ХИТОВ 1979: 279], *мър-мор-е́ц* ‘насекомое Gyrinus natator’ (цит. по [БЕР, IV: 416]) – см. 6.3.;

болг. *мо́р-мул-ец* ‘маленькое насекомое’ (цит. по [БЕР, IV: 245], см. ссылку 244);

болг. *ма-мар-е́ць*, ‘маленькие животные черного цвета, которые в большом количестве плавают на поверхности тихой воды, кишат и играют, Gyrinus natator, вертячки’ [ГЕРОВ, III: 47–48], диал. *мо̏-мар*, *мо̏-мар-ец*, *мо̏-мар-ица*, *мо̏-мар-ка*, ‘Gyrinus natator’ (цит. по [БЕР, IV: 227]) – см. 6.3.;

болг. диал. *мла́-мол-ец* ‘насекомое, которое водится в муке’ (цит. по [БЕР IV: 160]) – см. 6.3.;

русск. диал. *му́р-маш-и* мн. ‘водяные насекомые [какие?]’ [СРНГ, XVIII: 357] – см. 6.3.;

сербохорв. *mr-mļ-ac* ‘вид насекомого, живущего на капусте’ [RJA, VII: 72], *mŕ-mor-je* ‘черви’ [RJA, VII: 74–75] – см. 6.3.;

сербохорв. диал. *mr-m-ak* ‘букашка’, *mr-m-ica* ‘вид насекомого, живущего на капусте’ [RJA, VII: 71–73] – см. п. 6.3.;

русск. диал. *мара-м-ы́га* ‘насекомое (Марамыгами называют тех насекомых, наподобие вшей, которые ползают в стоячей воде, в лужах)’ (цит. по [МЕРКУЛОВА 1973: 18]);

болг. диал. *мер-мер-у́да* ‘насекомое Ceramбyx’ (цит. по [БЕР, III: 749]),

болг. *мра-вкл-никъ*, *мра-ву́н-ище* ‘муравейник’ [ГЕРОВ, III: 85], диал. *мра-ву́л-ник*, *мра-ва́л-ник*, *мра-ви́л-ник* ‘муравейник’ (цит. по [БЕР, IV: 272]) – см. п. 6.3.;

болг. диал. *ма-мул-е́ц* ‘моль’ (цит. по [БЕР, III: 634])[513];

укр. диал. *по-пел-юха* ‘тля травяная’ [ГРИНЧЕНКО, III: 321];

укр. диал. *по-пе́нь-ка* ‘светляк’ (цит. по [ЕСУМ, IV: 516])[514];

болг. диал. *пър-пал-е́нка* ‘большая вошь’ (цит. по [БЕР, VI: 99])[515];

звукоподражательным этимонам, даже если не ясно, как обосновать их семантическое развитие.

[512] В [ФАСМЕР, II: 356] слово указано, как темное.

[513] Согласно [БЕР, III: 634], слово образовано от болг. *молец* ‘моль’ «неясной редупликацией».

[514] [ЕСУМ, IV: 516] связывает данное слово с названием пня.

Burgess

русск. диал. *хо́-холь* ‘червячки, которые заводятся в муке’ (цит. по [ЭССЯ, VIII: 55])[516],

русск. диал. *ша́-шалъ*, *ша́-шелъ* ‘червь, который заводится в ульях; червь на живой или в порченой рыбе’[517] [Даль 1955, IV: 624].

4.12.1.2. Названия мидий, улиток

Ср.: болг. *ба́-бур* ‘улитка’ [Геров, I: 19];

сербохорв. *bo-bulj*, *bo-bul-a* ‘морская улитка’ (цит. по [Skok, I: 224]), (см. сноску 91);

сербохорв. *br-bl̥-avica* ‘какая-то мидия, conchylii genus’ [RJA, I: 615];

сербохорв. *bàn-bal-a* ‘какая-то большая мидия’ (цит. по [Skok, I: 82])[518] – выражен и признак ‘большой’, см. п. 4.5.;

польск. *kar-kol* ‘улитка, Helix cornu militare’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 269] – с пометой о неясном происхождении слова;

укр. диал. *ку-кул-ю́х* ‘улитка’[519] [Гринченко, II: 321];

укр. диал. *ко-кол-юс* ‘живописная ракушка’ (цит. по [ЕСУМ, II: 504])[520];

болг. диал. *ку-кур-е́шка* ‘улитка’, *ку-кар-е́шка* ‘то же’ (цит. по [БЕР, III: 107]);

укр. диал. *пере-пр-и́ця* ‘моллюск Bulla zebra’ (цит. по [ЕСУМ, IV: 345])[521].

4.12.1.3. Названия мелких рачков

Ср.: русск. диал. *мо́р-мыш*, *мар-маш* ‘небольшой водяной рачок, рачок-бокоплав, используемый в качестве естественной приманки для ловли рыб’ (цит. по [Меркулова 1973: 183]), *му́р-маш* ‘водяной рачок (Мурмаш – это червячки такие – один сантиметр длины, прилипают на морду (рыболовный снаряд). У него много ног, стерлядь любит его)’ [СРНГ, XVIII: 357], ср. также *мур-мы́ш-ка* ‘блесна, на которой ловят щук и других хищ-

---

[515] [БЕР] связывает данное слово с незасвидетельствованным **пърпъл* и приводит в качестве сравнения болг. диал. *пърпул* ‘пепел’. [VI: 99]

[516] В [ЭССЯ, VIII: 54–55] отмечено, что «происхождение слова затемнено, возможно, по причине экспрессивности формы».

[517] В словаре Фасмера [IV: 416] слово указано как неясное.

[518] У Скока слово только цитировано, не получило объяснения [Skok, I: 105].

[519] В [ЕСУМ, III: 130] этимология слова указана как неясная.

[520] В [ЕСУМ, II: 504] этимология слова указана как неясная; допущена связь с гр. *кок(к)άλια* ‘маленькие морские моллюски’.

[521] В [ЕСУМ, IV: 345] этимология слова указана как неясная.

ных рыб' [СРНГ, XVIII: 357], укр. диал. *мор-ми́ш* 'бокоплав-блоха, Gammarus pulex L.' (цит. по [ЕСУМ, III: 515])[522], русск. диал. *бор-мош-и́* мн. 'черви для ловли рыбы (не дождевые)', *бар-ма́ш* 'мелкий рачок отряда бокоплавов, серо-зеленого цвета, употребляется в качестве приманки для ловли рыбы (при ловле удочкой)' (цит. по [МЕРКУЛОВА 1973: 184]) – см. п. 6.3.; *ш* от *р* или *л* и в последних двух словах – диссимиляция консонантов: *м – м > б – м*;

русск. диал. *мо́-мр-ыш* 'рачок, употребляемый как приманка для рыбы' [СРНГ, XVIII: 251] (возможно тоже от *мор-мыш*);

болг. диал. *мр-мол-ец* 'маленький рак' (цит. по [БЕР, IV: 416]) – см. п. 6.3.;

болг. диал. *ма-мор-ець* 'Gammarus fluviatilis, живет в воде' [ГЕРОВ, III: 47–48], *ма-мар-е́ц* 'маленькое ракообразное животное, которое водится в воде' (цит. по [БЕР III: 633]), *му-марь-е́ц* 'маленький рачок, который живет в холодных родниках', *мъ-мар-ец* 'маленький рачок, который живет в холодных родниках, один из видов Gammarus sp.', *мъ-мор-е́ц* 'маленький рачок, который живет в холодных родниках, Gyrinus natator', *мъ-мр-ец* 'то же' (цит. по [БЕР, IV: 321, 394]) – см. п. 6.3.;

болг. диал. *мръ-мо́р* 'маленький коричневый рачок, который встречается в холодных родниках' (цит. по [БЕР, IV: 416]), *мра́-мор-ец* 'то же; Gammarus fluviatilis' (цит. по [БЕР, IV: 280]), *мра́-мор-ець* 'Gammarus fluviatilis' [ГЕРОВ, III: 48], болг. *мра́-мор* 'маленькие животные черного цвета, которые в большом количестве плавают на поверхности тихой воды, кишат и играют' [ГЕРОВ, VI: 211], сербохорв. *mr̂-moļ-ak* 'Gammarus fluviatilis' [RJA, VII: 74–75] – см. п. 6.3.

4.12.1.4. Названия головастиков

Ср. такие слова, как:

русск. диал. *бу-б-а́к* 'головастик' [СРНГ, III: 232];
укр. диал. *ба-бу́р* 'головастик' (цит. по [ЕСУМ, I: 102], см. сноску 52);
укр. диал. *бур-бу́ль, буру-бу́л-а* 'головастик' (цит. по [ЕСУМ, I: 298])[523];
русск. диал. *мо́р-мыш* 'головастик' [СРНГ, XVIII: 168];

болг. диал. *мръ-мор-ец* 'головастик' *мъ́р-мо́р-ци* 'головастики' (цит. по [БЕР, IV: 416]), *мра́-мор-ци* 'головастики' (цит. по [БЕР, IV: 280]) – см. п. 6.3.;

---

[522] В [ЕСУМ, III: 515] этимология слова указана как неясная.

[523] В [ЕСУМ, I: 298] слово отнесено к этимологическому гнезду формально близких названий картофеля, шишек, овечьего помета. Связь между значениями слов не объяснена. См. также сноску 41).

сербохорв. *mȓ-moļ-ak*, *mr-mļ-ac*, *mr-mļ-ak*, *mr-mń-ac* ‘головастик’ [RJA, VII: 74–75], *mr-m-ak* ‘головастик’[RJA, VII: 71–73].

Ср. также со значениями ‘водяная ящерица’, ‘тритон’, ‘небольшое животное, обитающее в воде’, ‘саламандра’ сербохорв. слова *mȓ-moļ-ak* и со значением ‘лягушонок’ слов *mr-m-ak, mr-mļ-ac*, *mr-mļ-ak*, *mr-mń-ac* [RJA, VII: 71–73, 74–75]. Их можно считать производными от значения ‘головастик’.

4.12.1.5. Названия мелких рыбок

Ср. следующие слова:

сербохорв. *ba-b-a* ‘какая-то мелкая морская рыба в хорватской части моря’ [RJA, I: 129], русск. *бá-б-а* ‘рыба Cottus gobio Linné, подкаменщик’ [СРНГ, II: 14], словен. *bá-b-ica* ‘Cobitis barbatula’ (цит. по [Bezlaj, I: 7])[524];

укр. *бар-бу́л-я, бар-бу́ль-ка* ‘султанка’ [УРС, I: 34];

русск. диал. *балá-буш-ка* ‘рыба Nemachilus barbatulus, живущая в проточной воде и прячущаяся под камнями, голец’ [СРНГ, II: 68] – *ш* < *л*;

русск. диал. *ба-бу́р-а* ‘головастая рыбка поп’ [Даль 1955, I: 34], *ба-бу́р-ка* ‘особый род мелкой рыбы’ [СРНГ, II: 28];

укр. *бо-би́р* ‘Acerina acerina, ерш-носарь’ [УРС, I: 76], ст.-укр. *бо-быръ* ‘рыба Acerina tanaicensis’ [Тимченко, I: 108], русск. диал. *бо-быръ* ‘рыбка пескарь, Cyprinus gobio; вид ерша, калман, ногтик, кострик, Acerina rossica’, *бо-быр-е́ц* ‘рыба из рода головлей, Squalius boristhenicus’[525] [Даль 1955, I: 101];

сербохорв. *bu-bor-ak, bu-bôr-ka* ‘какая-то рыба в Сербии’ [RJA, I: 701];

болг. *бо-бой* ‘вид речной или болотной рыбы’ (цит. по [БЕР, I: 59])[526], тоже *ба-бо́й, ба-ба́н* (цит. по [Bezlaj, I: 7]), *ба-буш-ка* ‘рыба Rutilus rutilus’;

русск. диал. *бу́-бл-ица* ‘рыбка’ [СРНГ, III: 234], ст.-укр. *бо-бл-иця* ‘рыба Rutilus rutilus’ [Тимченко, I: 107];

---

[524] У Безлая этимология слова указана как неясная; допущена связь с названием бабушки *baba* [Bezlaj, I: 7]. См. также сноску 502.

[525] В [ЭССЯ, II: 150] данные слова возведены к псл. этимону **bobyrъ*, который определен как «производное с суффиксом *-urъ* от основы ономатопоэтического звукокомплекса **bob-/*bab*». Допущена также возможность трактовки всего слова в целом как звукоподражания или «сходного образования» (какого?), подчеркнута вариативность плавных в **bobyrъ* и **bobul'a/ *bobъl'a* и сходство с «близкими ономатопоэтическими лит. *búburai* мн. ‘крупная сыпь, гусиная кожа, пупырья’ и лтш. *bubulis* ‘узел в пряже’».

[526] В [БЕР, I: 59] этимология слова представлена как неясная.

DUPLICATE

русск. диал. *бере-бе́й-ка* ‘рыба (с пометой, что не ясно какая)’, *бере-бе́р-ка* ‘лещ мелкой породы’, *бере-бра́* ‘рыба, похожая на леща, только значительно меньше последнего’ [СРНГ, II: 244];

русск. диал. *го́-голь* ‘мелкая рыбка, употребляемая рыболовами в качестве приманки’ [СРНГ, VI: 264];

русск. диал. *га́й-гор-а* ‘смесь разной мелкой рыбы, вылавливаемой вместе со снетком’ [СРНГ, VIII: 96];

русск. диал. *гам-з-а́* ‘мелкая рыба (с пометой, что не ясно какая)’ [СРНГ, VI: 130];

русск. диал. *ку-га́л, ку-га́л-ишка* ‘мелкая рыба’ [СРНГ, VX: 395] – с диссимиляцией консонантов по глухости/звонкости;

болг. *кръ́-куш-ка* ‘вид мелкой речной рыбы’, *кър-ку́ш-ка* ‘вид мелкой речной рыбы, бычок, Gobio fluviatilis’ (цит. по [БЕР, III: 45, 207]), *ре-ку́ш-ка* ‘вид мелкой речной рыбы’ [Вакарелска-Чобанска 2005: 169], сербск. диал. *kr-kuš-a* ‘речная рыба Gobio fluviatilis Flem.’ (цит. по [Skok, II: 204])[527] – ср. с употреблением слова как имя овцы в другом говоре, см. п. 4.12.2.1.;

русск. диал. *ки́ль-к-а* ‘рыба Phoxinus laevis Ag., гольян; рыба Alburnus alburnus, уклейка’ [СРНГ, XIII: 210];

русск. диал. *май-му́ш-ка* ‘мелкая рыба, малек’ [СРНГ, XVI: 43];

русск. диал. *ма-мо́н-ы* ‘рыбки бычки’ [СРНГ, XVII: 352];

русск. *хо-хо́ль* ‘мелкий ерш’ [Даль, IV: 563];

русск. *ще-кл-ея́* (**s-ke-kl-*) ‘плотва, Cyprinus rutilus’ (цит. по [Фасмер, IV: 500])[528].

Возможно, сюда же следует отнести и ст.-чешск. *klu-k-a* ‘какая-то рыба’ [Gebauer, II: 57], если это мелкая рыба.

Ср. с: лат. *cur-cul-io* ‘насекомое, вредитель зерновых культур’, *for-mīca* ‘муравей’ [Lewis –Short], лит. диал. *kar-kãl-ė* ‘вошь’ [LKŽ], др.-гр. *μύρ-μ-ηξ, μύρ-μ-ᾱξ, μύρ-μ-ος, βόρ-μ-ᾱξ, βύρ-μ-ᾱξ* ‘муравей’, санскр. *va-mr-áḥ, va-mr-ī* ‘муравей’, *val-m-īkaḥ* ‘муравейник’ (цит. по [Boisacq 1916: 651–652; Liddell–Scott 1968: 1154]).

[527] Скока не объясняет происхождение слова.

[528] В словаре Фасмера слово не получило объяснения. Сказано только, что напоминает слово *уклея* [IV: 500].

4.12.2. Названия не мелких животных

Подобно экспрессивным и эмотивным названиям человека, включенные в данную группу слова по определенным признакам можно связать со словами разных групп, обозначающими что-либо маленькое, шарообразное, милое, большое, кривое, плохое, торчащее, хромоту, надувание (увеличение в объеме), приседание (слабость) и т.д.

4.12.2.1. Эмотивные и экспрессивные названия животных (не мелких)

Разграничение названий животных на эмотивные, экспрессивные и нейтральные проводим на основании данных словарей. Возможно, что в некоторых случаях в толкованиях пропущена помета об эмотивности слова. Такие проблемы неизбежны при работе со словарями, которые составлялись на основании разных критериев и отвечали разным требованиям. Ср.:

сербохорв. *ba-bùr-ača* ‘большая лягушка’ (цит. по [Skok, I; 82])[529];

русск. диал. *бóл-дырь* ‘животное, происшедшее от смеси двух видов или пород; ублюдок, выродок; помесь русских и калмыцких овец’ [Даль 1955, I: 110] (см. сноску 498);

болг. диал. *бу-б-áк* ‘маленькая собачка’ [Вакарелска-Чобанска 2005: 45];

русск. диал. *га-гáр-а* ‘о высокой, плохо сложенной лошади’ [СРНГ, VI: 87] (тоже и о женщине, см. выше, п. 4.11.1.);

русск. диал. *гá-вр-илка* бранно ‘о змее, гадюке’ [СРНГ, VI: 85] – форма с диссимиляцией консонантов по месту и способу образования: *г – г > г – в*;

русск. диал. *гó-голь* ‘о бодром коне’ [СРНГ, VI: 263] (также и о человеке, см. п. 4.11.1);

болг. диал. *гáй-гýр* ‘какое-то дикое животное’, регистрировано в выражении: *затулил се като гайгур* ‘таращит глаза как «гайгур»’ (цит. по [БЕР, I: 224]);

болг. диал. *джун-гал* ‘овца, чей ягненок закололи, умер или исчез’ [Москов 1969: 457][530] (Ср. с названиями человека, характеризующими его с социальной точки зрения);

---

[529] Скок относит сербохорв. *babùrača* ‘большая лягушка’ к этимологическому гнезду *baba* ‘старая женщина; жена дедушки’, точнее к метафорическим употреблениям последнего; аргументация такой связи отсутствует [Skok, I: 82–83].

DUPRES

словен. *klé-k-a* ‘тощий конь; тощая корова’ (цит. по [Bezlaj, II: 39]);

словин. *klë-k-a* ‘старая корова’ (цит. по [ЭССЯ, X: 31–32]);

русск. диал. *кря-к* ‘лягушка; лягушка крупного размера’ [СРНГ, XV: 365];

русск. *кля-ч-а* ‘хромое животное; кобыла’ [СРНГ, XIII: 339];

болг. диал. *ко́-ке́р-ица* ‘тощее сутулое животное’ [Хитов 1979: 267];

болг. *жаба ке-кер-ица* ‘эпитет лягушки’ (возможно, что фокальным признаком для этой номинации были растопыренные ноги лягушки; ср. с болг. диал. *раз-ке-ке́р-я се* ‘расставить ноги’ (см. п. 4.9.9.2.), а также с русск. *лягушка* (<*ляга* ‘ляжка’ [Преображенский, I: 496]), диал. *карак-а́тица* ‘большая лягушка; особенного рода большая козявка’ [СРНГ, XIII: 70], внутренняя форма которого «ногастый» свидетелствует о фокальности ног льягушки (см. [Фасмер, II: 191]);

русск. диал. *ко-кош-ка* ‘сытая лошадь’ [СРНГ, XIV: 101];

русск. диал. *чар-пел* ‘лошадь старше восьми лет’[531] [Даль 1955];

сербск. диал. *kr-kuš-a* имя овцы (цит. по [Skok, II: 204])[532];

польск. диал. *lu-l-ka* ‘молодая, еще ни разу не телившаяся корова’ [MSGM];

болг. *па-пур-а́къ* название для рака, пример: Жыба пепелющы и ракъ папуракъ [Геров, IV: 11];

русск. диал. *по́н-п-а* ‘о раскормленном животном’ [СРНГ, XXIX: 273];

польск. диал. *har-bar-a* ‘о большой, худой, старой, неуклюжей лошади) [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 18];

русск. диал. *хор-хо́р-а* ‘взъерошенная курица’ (цит по [Фасмер, IV: 269]).

4.12.2.2. Нейтральные названия животных (не мелких)

Подгруппу нейтральных названий животных с редупликацией составляют слова, о которых можно предположить, что возникли как экспрессивные, эмотивные названия, но впоследствии утратили эти свои свойства и превратились обычные обозначения, в которых коннотативный компонент семантики полностью или почти отсутствует. Для многих из них можно предположить, что возникли как гипокористические названия (особенно для названий кошек, собак, ягнят, кроликов). Ср.:

---

[530] Москов относит данное слово к звукоизобразительным словам и считает, что оно является заимствованием незасвидетельствованного тур. слова **cungal* с тем же значением [1969: 457].

[531] В словаре Фасмера слово указано как темное [IV: 317].

[532] У Скока слово не получило объяснения.

DUPress

русск. диал мн. *бо́-б-ики* ‘кролики’, *бо́-б-ка, бо́-б-ко* ‘кличка собаки’, *бо́-б-ки* мн. ‘зайцы’ [СРНГ, III: 36];

сербохорв. *ba-b-a, ba-b-ica* ‘какой-то морской рак’, *bà-bur-a* ‘какой-то рак’ [RJA, I: 131, 136];

русск. диал. *бу́-бл-ик* ‘ягненок, барашек’ [СРНГ, III: 234];

болг. диал. *бъм-ба́л* ‘трутень’ (цит. по [БЕР, I: 100]);

польск. диал. *bam-bry, pam-pry* мн. ‘волы’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 92];

белорусск. *бай-б-а́к* ‘сурок, суслик’ [Байкоў-Некрашэвіч] (Ср. со значением слова ‘лежебок, лентяй’, которае может быть метафорически связано с первым как переносное или исходное);

русск. *го-голь* ‘семейное название толстоголовых, плоских и круглых уток; как видовое название: близкий крохалю красивый нырок или утка Fuligula, круглоклювая’; утка Anas clangula’[533] [Даль 1955, I: 364];

укр. диал. *ґе́р-ґель* ‘гусь крупной породы’, *ге́р-гель* ‘то же’, *ґе́р-ґуль* ‘порода гусей; большой рак’ (цит. по [ЕСУМ, I: 498], см. сноску 465);

укр. диал. *тар-да́н* ‘таракан’ (цит. по [ЕСУМ, I: 473])[534] – с диссимиляцией консонантов по месту артикуляции;

русск. *га́-гр-а* ‘цапля’ [СРНГ, VI: 89] (ср. с русск. диал. *га-га́р-а* ‘о высоком, плохо сложенном существе (о высокой, неуклюжей, плохо сложенной женщине; о лошади)’;

сербохорв. *dun-dul* ‘какая-то лошадь’ [RJA, II: 888];

укр. диал. *дун-д-у́к* ‘индийский петух’ (цит. по [ЕСУМ, II: 145])[535];

русск. диал. *ку́-к-и* ‘лягушки’ [СРНГ, XVI: 33],

болг. диал. *кар-кау́ль* ‘водяная лягушка’ (цит. по [БЕР, II: 248]);

русск. диал. *ко́р-ка́ль* ‘водоплавающая птица из семейства утиных; крохал’, *кор-куль* ‘крохаль большой’ [СРНГ, XIV: 334];

укр. диал. *кра́-коч* ‘таракан черный’ (цит. по [ЕСУМ, III: 74])[536];

укр. диал. *кара-ко́н, кара-ку́н* ‘черный таракан’, русск., белорусск., укр. диал. *тара-кан,* укр. *тар-ган* ‘таракан’ (цит. по [ЕСУМ, II: 384]), польск. *kara-czan, tara-kan*, диал. *kara-kan, tar-gan* ‘таракан’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 257] – возможно, некоторые из форм контаминированные;

русск. диал. *кара́-мара, кара́-мора* ‘длинноногий комар’ (цит. по [Фасмер, II: 192])[537];

укр. диал. *кар-га́н* ‘летучая мышь’ (цит. по [ЕСУМ, II: 389])[538];

---

[533] Преображенский считает данное название водоплавающей утки звукоподражательным, образованным при помощи редупликации [I: 136]. См. также сноску 410.

[534] В [ЕСУМ, I: 473] этимология слова указана как неясная.

[535] В [ЕСУМ, II: 145] этимология слова указана как неясная.

[536] В [ЕСУМ, III: 74] этимология слова указана как неясная.

[537] У Фасмера слово указано как темное [II: 192].

DUPress

укр. диал. *ков-га́н* ‘кабан’ (цит. по [ЕСУМ, II: 481])[539];

чешск. *klo-kan* ‘кенгуру’ [PSJČ, II: 147];

русск. диал. *ко-ку́р-ка* ‘курица’ [СРНГ, XIV: 105];

укр. *ко-кош* ‘петух’ [Гринченко, II: 267], словацк. диал. *ko-koš* ‘петух’ [SSJ, I: 714], словен. *ko-kôš* ‘курица, наседка’ [Pleteršnik, I: 420], польск. *ko-kosz* ‘курица, наседка’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 393];

болг. *ку́-ч-е* ‘собака’, диал. *ку́-чул-е* ‘маленькая собачка’ (цит. по [БЕР, III: 172]), *ку́-чел-ски* (*ку́-ч-елски*) ‘собачий’ (цит. по [БЕР, III: 168]);

болг. диал. *ко-шл-ак* ‘молодая собака’ (цит. по [БЕР, II: 694], где предположено образование от **кочлак* < *куче*, с ассимиляционным изменением *ч>ш* в позиции перед *л* и изменением *о>у* в неударной позиции); ср. также русск. *ко-шл-а́к* ‘молодая морская выдра’, *ко-шл-ёнок* ‘детеныш выдры, медвежонок’, *ко́-шл-ок, ко-шл-а́к* ‘бобрёнок’ (цит. по [Фасмер, II: 361])[540];

сербохорв. диал. *сȕ-с-ак* ‘маленькая собачка’ (цит. по [Skok, I: 279]);

польск. *ciu-cia*, чешск. *cú-c-yk*, в.-луж. *ću-ž-ka* ‘маленькая собачка’ (цит. по [БЕР, III: 170]);

укр. диал. *кля-ч* ‘кобыла’ (цит. по [ЭССЯ, X: 31]);

болг. *па-пу́н-ѣкъ, пу-пун-ецъ, пу-пав-ецъ* ‘птица Upupa epops’ [Геров, IV: 11];

болг. *па-пу́н-ѣкъ* ‘лягушка Bombinator igneus’ [Геров, IV: 11];

укр. *по-пел-юх* ‘животное Myoxus glis’, *по-пел-юха* ‘хохлатый жаворонок’ [Гринченко, III: 321] (< ‘пушистый’);

болг. диал. *пър-кол-а́ж* ‘рак’ (цит. по [БЕР, VI: 91]), *прь-кол-а́шь*, *прикол-ашь* ‘рак, Cancer uricolai’ (как синонимы указаны также: болг. *крив рак*, *опак рак*’ [Геров, IV: 325, 275] (возможно также, с первоначальной внутренней формой «ползающий поперек»);

русск. диал. *ха́р-халь* ‘утка Anas tadorna’ [Даль 1955, IV: 543];

польск. диал. *ho-hyn* ‘вид больших кур’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 47];

болг. *тръ́-тол-ъ, тръ-тъй, трьн-тъй, трьн-торъ, тръ-ть* ‘пчела, немного больших размеров, чем остальные, которая не дает мед, а только кушает’ [Геров, V: 365], русск. *тру-тень*, укр. *тру́-т, тру-т-ень* (*тру-тень*) ‘самец пчелы, который не выполняет никакой работы’ [СУМ, X: 302];

болг. диал. *на́-пл-ек, не́-пл-ек* ‘аист’ (цит. по [БЕР, V: 52])[541];

русск. *су-сл-ик*, др.-русск. су-солъ, болг. *съ́-сел* ‘суслик, крыса’, чешск., словацк. *sy-sel*, польск. *su-seł* (цит. по [Фасмер, III: 809])[542];

---

[538] В [ЕСУМ, II: 389] этимология слова указана как неясная.

[539] В [ЕСУМ, II: 481] этимология слова указана как неясная.

[540] У Фасмера этимология слова указана как неясная [II: 361].

[541] В [БЕР] не предложено объяснение происхождения слов [V: 52].

укр. *хо-ху́л-я* ‘выхухоль’ [СУМ, XI: 134];

русск. *хо-хр-я́к* ‘верблюд’ [Даль 1955, IV: 563] (< ‘горбатый’);

польск. диал. *cze-cz-ę, czu-cz-ę* ‘щенок’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 380] (возможно, гипокористическое);

польск. диал. *cze-cz-uha, czu-cz-ucha* ‘свинья’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki 1900–1927, I: 380] (возможно, мотивирующий признак «торчащая» щетина);

польск. диал. *pam-per* ‘паук’ (*Nie podskakuj jak pamper na nitce*) [SGP];

русск. *ши́-ш-ка* ‘жеребенок’ [Даль 1955, IV: 637];

укр. *ши́-ш-ка* ‘котенок’ [Желеховский–Неділький, II: 1090].

Ср. также с названиями бобра, которые предполагают реконструкцию варьирующих форм **bobrъ*, **bebrъ* [ЭССЯ, II: 145–146][543].

Интерес представляют и факты вариативности и совпадения друг с другом форм названия аиста и слепня в некоторых языках, что напоминает смешивание этимологических гнезд омонимичных ономатопоэтических названий (см. п. 5.4.). В них тоже можно усмотреть редупликацию, полную и неполную, хотя и довольно замаскированную. Ср.: болг. *щър-кел* ‘аист’, диал. *штро́-кол* ‘то же’ [Гълъбов 1965: 113], *щър-къ, щър-килъ, штро́-кол’* ‘аист’ [Гълъбов 1965: 113], *што́р-каль, штре́-кель* ‘аист; слепень’ [Стойчев 1965: 306], *штр-кел* ‘аист; слепень’ [Кънчев 1968: 155], словен. *štór-klj-a* ‘аист’ [SSKJ], *s-tr-k* ‘то же’[544] (цит. по [Bezlaj, IV: 121]);

---

[542] Фасмер отмечает, что наблюдаются колебания вокализма первого слога, которые могут быть основаны на старом отношении чередования, но не поясняет, какие значения могли выражаться, данным чередованием [III: 809].

[543] Словари отмечают вариативность форм. Считают их унаследованными еще с и.-е. эпохи. Они усматривают в них редупликацию, только не объясняют ее роли (см. [ЭССЯ, II: 145–146 SP, I: 291]). В [ЭССЯ] говорится о редупликации как о признаке «архаического словообразования». Согласно [Фасмер, I: 180–181; SP, I: 291], первоначальное значение слова – ‘бурый, коричневый’. Шанский отмечает, что бобр табуистически назван по названию цвета и что и.-е. *bhebhru-* получено неполной редупликацией названия бурого цвета, неудвоенный корень которого сохранен в русск. *бурый* [Шанский, т. I, вып. 2: 147]. Словари не приводят типологических параллелей подобного образования названий животных и названий цветов.

[544] Данное название аиста не имеет общепринятой этимологии. Высказывались мнения о заимствовании названия из одного языка в другой, но что-либо категорически утверждать трудно. Фасмер отмечает, что «в случае допущения заимствования из герм. возникают трудности фонетического характера», одновременно с тем – «обратное направление заимствования – слав. > герм. – необоснованно» [III: 758]. Безлай реконструирует псл. **stьrkъ* [IV: 121]. В таком случае нелегко объяснить формы с *-l-* в основе. Чтобы сформулировать более категорическую гипотезу о происхождении слова и направлениях его заимствования, необходимо взять во внимание все исторические данные и факты типологии. Нельзя игнорировать и установленный факт формальной вариативности данных названий аиста, их совпадение с другими названиями, для которых возможно ономатопоэтическое звукосимволическое происхождение, в том числе и с названиями, обозначаю-

ср. относительно названия аиста с болг. диал. *щъркокрак, щърконог* ‘с длинными ногами’ (цит. по [МЛАДЕНОВ 1941: 699]) и цит. выше словен. *štor-klj-áti* ‘идти медлительным, неуклюжим шагом; идти, ходить’ (п. 4.9.3.) и относительно названия слепня – с болг. диал. *штръ-кл-éа* ‘бегать быстро с перепугу’, *штъ́р-к’ъл* ‘беготня взбешенного животного, укушенного каким-либо насекомым’, *што́р-к-а* ‘мчаться изо всех сил к лесу (о крупной рогатой скотине, укушенной слепнем’, *штре́-к-ам* ‘дразнить’ (п. 4.9.7.).

Возможно, что и некоторые названия певчих птиц имеют не звукоподражательное, а образоподражательное происхождение, так как не соотносятся с подобными междометиями. Ср.: польск. *gże-gżół-ka, gże-gżoł-ka, gże-goł-ka, ze-zul-a,* ст.-польск. *grze-gżoł-ka*, диал. *grze-gół-ka, zu-zul-a, zo-zul-a* [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, II: 623], укр. диал. *зо-зу́л-я* ‘кукушка’, диал. *зо-зу́л-я нічна* ‘козодой’ [ЕСУМ, II: 274]. Можно предположить, что данные названия возникли как гипокористические названия; см. и п. 5.1.

Ср. также с: лит. *ga-gal-as* ‘аист’, *gaĩ-gal-as* ‘селезень’, *gañ-dr-as* ‘аист’, *gañ-dr-inti* ‘идти как аист, крупным шагом’ [LKŽ].

4.13. Названия грибов

Названия грибов, подобно названиям человека и животных, характеризуют называемый обект с точки зрения разных признаков, прежде всего формальных, как размер, высота, форма. Ср.:

русск. диал. *ба́-б-ка* ‘белый гриб, боровик’ [СРНГ, II: 21], укр. диал. *ба-б-ка* ’вид гриба: Lepiota procera Scop. Mak; Boletus scaber; Agaricus procerus’ (цит. по [ЕСУМ, II: 105])[545];

русск. диал. *ба-бу́р-а* ‘горький гриб, растущий на мхах’ [СРНГ, II: 28], *ба-бу́р-а, ба-бу́р-ка* ‘сморчок’ (цит. по [МЕРКУЛОВА 1967: 180])[546];

укр. диал. *гор-ґ-а́ч* ‘вид съедобного гриба’ (цит. по [ЕСУМ, I: 563])[547];

щими походку, длинные ноги и т.д. А есть основания думать, что фокальным признаком аиста являются его длинные ноги, и на основании этого признака возможно образование его экспрессивных наименований.

[545] О звукосимволическом происхождении данного названия гриба как названия маленького шарообразного предмета см. [AGYAGÁSI 2006: 26–28].

[546] МЕРКУЛОВА отмечает, что «слова интересны со словообразовательной точки зрения, так как содержат суффиксы *-ур(а)*, *-урк(а)*, р е д к и е в славянских языках» (выделено мной: Ж. К.-З.) [1967: 180].

русск. диал. *гу-ка́л-ки* ‘грибы шампиньоны’ [СРНГ, VII: 211] – форма с диссимиляцией по глухости/звонкости: *г – г > г – к* или *к – к > г – к*;

русск. диал. *го-вор-у́хи* ‘грибы Pholiota mutabilis, опята летние’ [СРНГ, VI: 259] – возможно с диссимиляцией консонантов по способу и месту образования от **go-gor-*;

болг. диал. *ку-куль-о́ти* ‘вид грибов’ (цит. по [БЕР, III: 102])[548];

русск. диал. *ко-ко́р-а* ‘вид гриба’ [СРНГ, XIV: 95];

русск. диал. *ко-ку́р-ы* мн. ‘весенние грибы, сморчки, Morchella’ [СРНГ, XIV: 106];

сербохорв. *кра-чуљ* ‘разновидность гриба’ [РСА, X: 447], *kr-čul-i* ‘то же’ (цит. по [Skok, II:])[549];

русск. диал. *ку́р-к-а* ‘древесный гриб паразит’ [СРНГ, XVI: 131];

русск. диал. *пу́-пел* ‘о маленьком грибе’[550] [СРНГ, XXX: 128], *пу́-пл-ушек* ‘о показывающемся из земли грибочке’ [СРНГ, XXX: 128];

русск. диал. *пу-пы́рь* ‘гриб’ [СРНГ, XXXIII: 132];

болг. *пу́-пав-ица* (*пу́-п-авица*) ‘гриб Lycoperdon bovista (характеризуется шарообразной формой – замечание мое: Ж. К.-З.)’ [Геров, IV: 397]; сербохорв. *пу-п-авац* (*пу-пав-ац*) ‘растение Phallus impudicus’ (цит. по [БЕР, V: 855]).

4.14. Названия событий

Как было отмечено в п. 1.5.2.1., звукоизобразительные слова иногда обозначают события нерасчлененно, вместе с их участниками и условиями осуществления отдельных действий. Ср., например, следующие слова с редупликацией, в семантике которых можно усмотреть следы этой особенности звукоизобразительных слов:

укр. диал. *ґан-джул-и*, в выражении *піти на ґанджули* ‘пойти на заработки’ (цит. по [ЕСУМ, I: 467])[551] – Значение ‘заработки’ может быть производным от общего значения ‘какая-либо деятельность’, с выражением иронического отношения к ней;

---

[547] В [ЕСУМ, I: 563] этимология слова указана как неясная; допущена связь (довольно неправдоподобная – замечание мое: Ж. К.-З.) с рум. словом *gogoáşă* ‘гриб дождевик’, которое на украинской почве могло перетерпеть фонетические и семантические изменения.

[548] В [БЕР, III: 102] этимология слова указана как неясная.

[549] Скок считает слово образованных от деминутивной формы лат. *cardiolum* [Skok, II: 187], что вряд ли основательно.

[550] Согласно [Фасмер, III: 180], слово заимствовано от лит. *pamplỹs* ‘карапуз’.

[551] В [ЕСУМ, I: 467] этимология слова указана как неясная.

BSUPress

русск. диал. *ду-ды́р-ы* ‘дружеская связь кого-либо с кем-либо; любовные связи, интриги, ухаживание, похождения, шашни’ [СРНГ, VIII: 251];

чешск. *dar-d-a* ‘вид игры в карты’, словацк. *dar-dl-ík* (цит. по [Machek 1971: 110])[552];

болг. разг. *джиджи-биджи* ‘какая-либо забава; ухаживание’ (см. п. 3.1.);

болг. диал. *жагаръ-жугъръ* ‘забава, веселье’ [Ковачев 1970: 19];

болг. разг. *тинтири-минтири* ‘(иронически) о разных видах деятельности’ (употребление слова довольно часто можно встретить и в Интернете);

укр. диал. *пе́н-дюр* в выражении *пе́ндюр водити* ‘ругаться’ (цит. по [ЕСУМ, IV: 334])[553] – Возможно, что данное слово является наследником звукоизобразительного эмотивного этимона, обозначающего руготню;

русск. разг. *при-бам-бас-ы* ‘проделки, действия’ (употребление слова довольно часто можно встретить и в Интернете);

русск. *шу́рум-бу́рум* ‘неразбериха, путаница; к верху дном, в величайшем беспорядке’ (цит. по [Фасмер, IV: 490])[554];

русск. *шурубу́рити* ‘шутить, выкидывать шутку’ (цит. по [Фасмер, IV: 489–490])[555];

русск. *шурыму́ры* ‘любовные делишки, шашни’ (цит. по [Фасмер, IV: 490]).

ст.-чешск. *bo-bon-ek, po-bon-ek, bo-bon-ka* ‘суеверные действия, чары, колдовство, чтобы лечить или с иной целью’, *bo-bon-kář, po-bon-kář* ‘тот, кто проводит суеверные действия, чары, колдовство’ [Gebauer, I: 72–73]. Слово может быть и звукоподражательным, поскольку колдовство иногда осуществлялось при помощи магических заклинательных слов.

[552] У Махека происхождение слов указано как неясное [Machek 1971: 110].

[553] В [ЕСУМ, IV: 334] этимология слова указана как не совсем ясная; допущена связь с *пе́ндерь*, *пендю́ра* ‘лодырь, дармоед’.

[554] У Фасмера слово не получило объяснения [IV: 490].

[555] В [Фасмер, IV: 489–490] этимология слова указана как неясная.

DUPress

5. Общий анализ славянской звукосимволической лексики

На основании установленного формально-семантического параллелизма, а именно выражения одних и тех же или близких «незвуковых» значений формами с редупликацией, для представленных выше слов, объединенных в группы и подгруппы в зависимости от обозначаемой реалии, мы сформулировали гипотезу об ономатопоэтическом звукосимволическом происхождении. Представленный формально-семантический параллелизм в самом общем плане доказывает также возможность выражения рассмотренных «незвуковых» значений ономатопоэтическими звукосимволическими образованиями и поэтому может служить предпосылкой для проверки ономатопоэтического звукосимволического происхождения для любого слова с подобным значением, в котором можно усмотреть редупликацию. Следует подчеркнуть, что для каждого из приведенных выше слов гипотеза о звукосимволическом происхождении имеет все еще предварительный характер. Она нуждается в дополнительных аргументах, касающихся особенностей его формы, семантики и функционирования. В конечном счете, для того чтобы сформулировать полностью аргументированную гипотезу о звукосимволическом происхождении определенного слова, необходимо также учесть и все прямым или косвенным способом связанные с ним этимологические исследования и исторические данные. См. такой подход в п. 6. относительно польск. *gogółka* ‘недозрелый плод на дереве’, русск. *хороший*, славянских названий муравьев, восходящих к псл. **morv-*, болг. *кокал* ‘кость’.

5.1. Семантический анализ

Извлеченные из словарей лексические единицы с редупликацией распределены в немалое количество групп в зависимости от обозначаемой реалии. Попавшие в одну и ту же группу слова друг для друга становятся типологическими параллелями в доказывании звукоизобразительности. Именно таким способом, констатируя факт обозначения одного и того же денотата формами с редупликацией, исследователь приходит к идее о возможной примарной связи между формой и значением слов. Другая особенность, которая бросается в глаза, – это то, что одна и та же языковая форма с редупликацией связывается с разными денотатами (см. примеры ниже). Этот факт наводит на мысль, что данное многообразие групп

DUPress

можно свести к гораздо меньшему количеству звукосимволических образов, от которых могут быть развиты регистрированные устойчивые лексические значения уже денатурализованных звукоизобразительных слов. Конечно, относительно выражаемых словами первоначальных звукосимволических значений категорических утверждений делать нельзя, так как известно, что семантика звукосимволических слов в момент их создания характеризуется диффузностью, размытостью. Поэтому и точная ее экспликация конвенциональными средствами языка невозможна (см. п. 1.5.2.1.). Кроме того, классификация эксцерпированного лексического материала с редупликациями показала, что имеются слова, которые могут быть отнесены к разным группам. Это дает основание думать о контаминации разных звукосимволических образов в одном слове.

Как было уже сказано в п. 1.5.5.1, два фактора формируют семантику звукосимволического слова с редупликацией в момент его образования: редупликация и символика звуков. Что касается символики звуков, составляющих форму ономатопоэтического знака, следует иметь в виду, что в ходе развития, подчиняясь фонетическим законам, они утрачивают одни характеристики и получают другие. Поэтому на основании современной формы исследуемого слова трудно сформулировать какие-либо категорические суждения относительно его первоначального значения, несмотря на то, что уже многое известно об иконических свойствах отдельных звуков (см. п. 1.2.5.3.).

Относительно роли редупликации вернемся к цитированной в п. 1.5.5.1. гипотезе Т. Региера, согласно которой семантика редуплицированных форм формируется на основании семантического развития образов, с которыми эти формы создают иконическую связь (см. схему 1.) [REGIER 1998: 888].

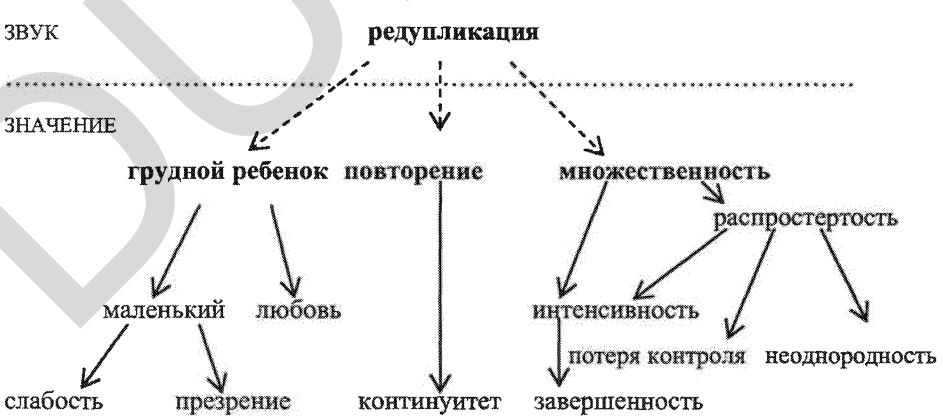

Схема 1.

Согласно данной гипотезе, форма с редупликацией иконическим способом связывается с образами: грудного ребенка, повторения и множественности. Путем семантического развития от этих образов развиваются и другие образы, на основании которых происходит формирование лексических значений.

Грудной ребенок

Поскольку редупликация характерна для речи грудных детей и для регистра речи взрослых, обращенной к ним, редуплицированные языковые формы иконическим способом связываются с образом грудного ребенка. Семантическим способом с образом грудного ребенка связаны образы любви и «маленького». Связь между образами грудного ребенка и любви, привязанности, по словам автора, является «прагматически естественной». Связь образа «маленького» с образом грудного ребенка предопределена «перцептивно выпуклым» (perceptually salient) фактом, что грудные дети маленькие. Со своей стороны, образ «маленького» ассоциируется с образами слабости, смягчения интенсивности признака (маленькое является слабым) и презрения (маленькое вызывает презрение; презираемое представляется маленьким).

Повторение и множественность

Факт, что редупликация звуковой формы иконическим способом связывается с представлениями о повторении и множественности, не требует специальных доказательств: редупликация – это повторение, и «больше чем один» может метонимическим способом замещать множественность. Со своей стороны, повторение ассоциируется с образом континуитета (непрерывности, преемственности), так как ведет к нему. Образ множественности ассоциируется с образом распростертости/распространения (разбрызгивания, разбрасывания, рассеивания), так как результатом распространения является наличие многих объектов во многих местах. С образами множественности и распростертости/распространения (точнее, с его результатом – увеличением в объеме) связан образ интенсивности, насыщенности. Образ интенсивности, насыщенности ведет к образу завершенности (интенсивное осуществление какой-либо деятельности ведет к результату ее завершения). Образ распространения в пространстве ассоциируется с образами потери контроля над объектом и беспорядка (потеря контроля ведет к рассыпанию, разбрасыванию). С образом разбрасывания в пространстве связан образ неоднородности: отсутствие однообразия в состоянии объектов метафорически связывается с отсутствием однообразия в их локализации, которое является результатом распространения [Regier 1998: 887–890].

BSUPress

Т. Региер высказывает предположение, что данная схема охватывает далеко не все значения (или образы), которые могут быть выражены редуплицированными языковыми формами [REGIER 1998: 891]. По всей вероятности, возможны будут добавления и уточнения связей между значениями (образами). Например, на основании известной универсалии, что деминутивные формы часто выражают гипокористические значения, в представленной выше схеме стрелкой можно связать и образ «маленького» с образом «любимого». Возможна также двусторонняя связь и между образами «слабости» и «презираемого» (презираемое представляется слабым; слабое вызывает презрение). Также и от образа распростертости может быть получен образ «большого» (распространение в пространстве ведет к увеличению в объеме); от образа неоднородности – образ «кривого» («кривое» состоит из неоднородных элементов) и т.д. Отметим, что, в конечном счете, в гипотезе Региера важно именно то, что сформулирован принцип, на основании которого могут быть получены звукосимволические значения, выражаемые формами с редупликацией.

При семантической реконструкции звукосимволических слов с редупликацией необходимо учитывать и иконичность (символику) самих звуков, несмотря на указанные выше трудности. Следует иметь в виду, что иконически выражаемая редупликацией семантика, которая подвергается семантическому развитию по правилам человеческого познания, моделируется также со стороны качества самих звуков, стремящихся остенсивным способом связаться с обозначаемым редуплицированной формой образом (см. п. 1.5.2.3.). Можно ожидать, что в современном значении слова остались следы изначального воздействия звуков этимона, а также проявилось действие и вторичного звукового символизма, потому что в ходе своего развития языковая форма подвергается фонетическим изменениям: утрачивая одни характеристики и приобретая другие. Измененный фонетический состав ономатопоэтического слова может начать тяготеть к другим семантическим нюансам.

Итак, в связи с семантической реконструкцией представленной выше славянской лексики можно сформулировать следующую гипотезу, которая касается самых общих ее принципов.

Для всех названий маленьких (шарообразных) предметов (см. п. 4.1.) можно предположить, что они являются наследниками звукосимволического этимона с первоначальным значением ‘что-то маленькое’, которое как значение звукосимволического этимона должно характеризоваться диффузностью, экспрессивностью, эмотивностью. Возможно, что связывающим звеном в семантическом развитии многих слов было значение ‘маленький предмет овальной формы’ (маленькие предметы обычно овальные, валяются). Возможно также, что это значение прямым способом связано с образом грудного ребенка, обозначенного иконически ре-

дуплицированной звуковой формой (грудной ребенок обычно пухленький). Именно путем предположения развития от значения ‘маленький предмет овальной формы’ можно объяснить факт, что одно и то же слово или диахронически тождественные корни слов обозначают:

шишку хвойного дерева и початок кукурузы (укр. диал. *кукуру́дз/кукуру́дза*, *шишка*, болг. диал. *бу́калка*);

шишку хвойного дерева и чернильный орешек (болг. *ши́калка*);

шишку хвойного дерева, початок кукурузы и чернильный орешек (болг. диал. *какаля́шка*);

шишку хвойного дерева, экскременты овцы или козы, плод оливкового дерева и комок из хлеба (болг. диал. *каркале́га/каркала́шка/каркаля́шка/кракале́шка*);

шишку хвойного дерева, комочки, которые образуются в молоке и железу (польск. *gruczoł*);

желудь и чернильный орешек (сербохорв. *ши̏шарка*);

семя шишки хвойного дерева, шиповник, желудь и чернильный орешек (болг. *ши́кла*);

плод можжевельника, плод шелковицы, экскременты овцы или козы (болг. *брьбонка/бърбо́нка*);

початок кукурузы и плоды тутового дерева (болг. диал. *ду́дул/ду́дули*);

кукурузу, экскременты овцы или козы, клубни картофеля, ягоду (н.-луж. *bobule*/чешск. *bobule*/болг. диал. *бо́були*);

фасоль и клубни картофеля (укр. диал. *бо́мбель/бомбу́лька/бомбовка*);

фасоль, картофель, яблоки, гороховое растение, клюкву, ромашку (укр. диал. *бугай/бугайка/бугайник*);

шарик, картофель, клецки (блюдо), щиколотку (на ноге или руке), головку булавки (н.-луж. *kulka*);

недоразвитый плод груши, сыпь во рту у детей, голубцы, грязь под хвостом овцы в виде комьев, уголщение на нитке (болг. диал. *гага́лка/гага́лькя*/чешск. диал. *gagalka*);

зрелый зародыш семени клевера и вид груши (чешск. диал. *šešel/šešelinka*/ст.-чешск. *šešelatka*);

водяную лилию и пузырь (белорусск. диал. *бу́рболка*/русск. *бу́рболка*);

медную монету, изделия из теста, поплавок, икру рыбы (укр. диал. *ґа́лаґа́н*) и т.д.

Ближе всего к реконструированному первоначальному значению ‘что-то маленькое’ стоят слова, представленные в п. 4.1.4., а к значению ‘маленький предмет овальной формы’ – общие названия шариков, комочков, шарообразных предметов, представленные в п. 4.1.1. Как видно из представленного перечня слов, некоторые из них развили и более конкретные

Draft

значения, которые связывают их с конкретными предметами шарообразной формы.

То, что среди европейских названий картофеля, фасоли и кукурузы очень много слов с редупликацией, можно объяснить фактом, что когда эти культуры были завезены в Европу из Южной Америки, для их называния были использованы уже существующие звукоизобразительные слова с более общим значением ‘маленький предмет овальной формы’, возможно, первоначально с выражением иронического отношения к новым реалиям. Ср. с образом «презираемого» в схеме Т. Регмера.

Нельзя исключить и вероятность того, что среди приведенных названий маленьких (шарообразных) предметов могут быть и такие, которые возникли друг от друга метафорическим или метонимическим путем. Например, Болгарский этимологический словарь, ссылаясь на исследование Хр. Холиолчева [1964], принимает для слов, восходящих к **kukur-*, семантическое развитие ‘шишка хвойного дерева’ > ‘початок кукурузы’ > ‘кукуруза’ [БЕР, III: 110]. Первый перенос метафорический, основанный на формальном сходстве денотатов. Новое, неизвестное (початок кукурузы без зерен), названо именем известного, давно существующего (шишка хвойного дерева, скорее всего, конусообразная). Второй перенос – метонимический. Также и значение болг. диал. *пъ́пка* ‘маленькое шарообразное утолщение в верхнем конце веретена’ может быть развито метафорическим путем от ‘прыщ’. Метонимическое развитие вследствие неразличения самих объектов и их пространственного соседства можно предположить для названий некоторых травянистых растений. Ср. например такие названия растений с тождественной или близкой формой, как: сербохорв. *bobolnik* ‘Telephium infectum’, *boboļ* ‘растение Asarum; Ficaria ranunculoides’, *boboluska* ‘Lathirus latifolius’, болг. диал. *боболяк* ‘растение вероника’, белорусск. *бабоўнік* ‘раст. Trifolium L., трилистник’ и др. Не исключено, чтобы значения некоторых из них были получены метонимическим путем.

Все-таки, следует признать, что такие примеры немногочисленны, подавляющее большинство значений слов, представленных в п. 4.1., можно объяснить именно путем их возведения к первоначальным значениям ‘что-то маленькое’ или ‘маленький предмет шарообразной формы’.

От первоначального значения ‘что-то маленькое’ через посредство значения ‘маленький предмет овальной формы’ могут быть развиты также значения некоторых из представленных в п. 4.12.1 названий мелких животных: букашек, червячков, улиток, рачков, головастиков, рыбок, а также некоторые из названий грибов (п. 4. 13.).

От первоначального значения ‘что-то маленькое’, иногда и через посредство значения ‘маленький предмет овальной формы’, могут быть раз-

виты и следующие более общие значения, от которых возможно развитие более конкретных значений:

(1) ‘маленькое’ > ‘милое’

Как видно из представленной выше схемы, значение ‘что-то милое’ может быть связано и непосредственно с образом грудного ребенка, который находится в иконической связи со звуковой редуплицированной формой.

От значения ‘что-то милое’ могут быть развиты значения ласкательных названий человека, представленных в п. 4.2., и некоторые из значений названий животных: маленьких и не маленьких (п. 4.12.1 и 4.12.2.).

Так можно объяснить общее происхождение таких названий, как: русск. диал. *зазу́лина* ‘женщина, которую кто-либо любит; чья-либо любовница’, укр. диал. *зозу́ля* ‘кукушка’, *зозу́ля нічна* ‘козодой’, польск. *zezula, zuzula, zozula* ‘кукушка’. Название козодоя могло возникнуть как название эвфемистическое, умилостивляющее ночную птицу, которая, согласно старому народному поверию, ночью подлетает к стаду и с помощью огромного рта выдаивает молоко животных[556].

(2) ‘маленькое’ > ‘маленький предмет овальной формы’ > ‘что-то болтающееся, подвеска, висюлька’

(3) ‘маленькое’ > ‘маленький предмет овальной формы’ > ‘что-то валяющееся, ненужное’

От этимонов с такими значениями могли развиться названия побрякушек, висюлек, пустячков (п. 4.3.), а также некоторые из названий вещей заброшенных, нехорошего качества, которые валяются неиспользованные (п. 4.6.1.). Отметим, что для названий висюлек возможна также связь с названиями колебательных движений (об их происхождении как ономатопоэтические звукосимволические образования см. далее), с промежуточным звеном в семантическом развитии ‘что-то болтающееся’.

(4) ‘маленькое’ > ‘слабое’ > ‘плохое’

(5) ‘маленькое’ > ‘презираемое’ > ‘плохое’

От этимонов с таким значением могли развиться названия: барахла, тряпья, старья, вещей заброшенных, нехорошего качества, мусора, отходов, выделений, плохой еды, напитков (см. п. 4.6.).

(6) ‘маленькое’ > ‘маленький предмет овальной формы’ (или прямо от значения ‘маленькое’) > ‘кусок’

---

[556] Об этом факте см. http://www.ecosystema.ru/08nature/birds/098.php. Accessed: 08.08.2008.

DUPress

См. это значение у названий кусков, обрубков, отрезков, небольшого количества чего-либо (п. 4.4.).

(7) От значений ‘маленький предмет овальной формы’, ‘кусок’ в результате вторичного звукосимволизма могут быть развиты значения названий некоторых больших, грубых предметов, представленных в п. 4.5.

Слова с подобными значениями можно открыть и среди названий маленьких шарообразных предметов, которые представлены в п. 4.1., где они сгруппированы с названиями соответствующих реалий: бобов, фасоли, картофеля, пузырей и пр. Ср. укр. *балабáнка* ‘очень крупный сорт картофеля’, диал. *балабáн, балабáнка* ‘крупная фасоль’, *бандалá* ‘большой черный вьющийся боб’, *бамбóлі* ‘большое яйцо’, русск. диал. *балабóлка* ‘большая ягода’, *бубучка* ‘крупное семя, зерно каких-либо растений (например, гороха)’ (< **бубулка*; относительно формы и значения (без выражения семы ‘большой’) ср. с русск. *бубуля* ‘дождевая капля’), польск. диал. *bomba* ‘большой пузырь’, *guzica* ‘большая пуговица’, сербохорв. *bábac* ‘крупный орех’, сербохорв. *bebȕk* ‘большой волдырь, который появляется вследствие укуса овода’ и др. Возможно, что сема ‘большой, крупный’ в значениях этих слов развилась из-за наличия в них гласных с низким вторым формантом F2̲ (a, u, o), согласных с низкой частотой: лабиальных, велярных, звонких (см. п. 1.5.2.3.).

Следует иметь в виду также, что образ «большого» символизируется и первичными звукосимволическими образованиями, так как это один из универсальных образов, символизируемых фонетическими средствами языка. К обозначению образа «большого» может привести и семантическое развитие образа распростертости, полученного вследствие семантического развития иконически обозначенного редупликацией образа множественности (см. схему 1.):

(8) ‘множественность’ > ‘распростертое’ > ‘большое’

Из звукосимволических этимонов, обозначающих ‘что-то большое’ могут быть развиты значения не только больших, грубых, длинных, высоких предметов (см. п. 4.5., 4.8.), но также некоторые из иронических названий человека и животных, представленных в п. 4.11.1. и 4.12.2.1., а также грибов (п. 4.13.).

Как было отмечено выше, от иконически обозначенного формой с редупликацией образа множественности путем семантического развития может быть получен образ и «кривого» (элементы кривого предмета характеризуются неоднородностью):

(9) ‘множественность’ > ‘распростертое’ > ‘неоднородное’ > ‘кривое’

Из значения ‘что-то кривое’ звукосимволического этимона могут быть развиты значения слов, представленных в п. 4.7., а также некоторые из значений экспрессивных и эмотивных названий человека и животных (п. 4.11.1 и 4.12.2.1.), а также грибов (п. 4.13.).

Значения слов, обозначающих действия и их результаты, представленных в п. 4.9., выводимы из значений, связанных с образами следующих элементарных действий, некоторые из которых противопоставлены друг другу: движение вверх – движение вниз, поступательное движение – вращательное движение, набухание – сжимание, заворачивание, пульсирование, колебательные, прерывистые, хаотические, медлительные движения. Все эти значения выводимы семантическим способом из образов, представленных на схеме 1. Многие из них могут быть развиты на основании образа повторения, так как обозначаемые действия характеризуются определенной ритмичностью, содержат повторяющиеся толчки. В некоторых случаях можно думать о смешивании разных образов, развитых соответственно на основании образов повторения, множественности или грудного ребенка. Например, сочетание образов повторения и неоднородности ведет к созданию образа колебательного движения. Сочетание образов повторения и потери контроля ведет к созданию образа хаотического движения. Сочетание образов повторения и распростертости ведет к созданию образа расширения в объеме (см. п. 4.9.9.). Сочетание образов повторения и «плохого» (полученного в результате семантического развития образов «маленького» или «презираемого») ведет к созданию образов медлительных, бессмысленных действий и некачественной работы и т.д.

Смешивание разных звукосимволических образов можно увидеть и в словах с предметной семантикой. Например, для некоторых из названий сосновой шишки, по всей вероятности, налицо выражение не только идеи о маленьком шарообразном предмете, но и о чем-то набухающем, торчащем, так как, созревая, шишки раскрываются. Ср. формальное сходство между болг. *шишáрка* ‘плод хвойного растения’, сербохорв. *шишàрица* ‘шишка хвойного растения’, с одной стороны, и болг. *шешéря се* ‘дуться’ – с другой. Для некоторых из названий початка кукурузы, шелковичного кокона возможно выражение не только идеи о «маленьком», но и о закутывании. Ср., с одной стороны, болг. диал. *мамýл* ‘початок кукурузы с зернами; початок кукурузы без зерен’, *мумýл, мъмýл* ‘початок кукурузы’, *мамýль, мамýлче, мумýлъ* ‘шелковичный кокон’ и болг. диал. *мамýлька* ‘что-либо свернутое без порядка; накатанная кое-как пряжа’, *мамýльке* ‘что-либо, окутанное в одежду’, *замамýля* ‘заворачивать; заворачивать кое-как’, *смамýля* ‘помять, завернуть кое-как’ – с другой. Ср. также русск. диал. *кýколка* ‘муравьиная личинка, яичко’, болг. диал. *кукýл'* ‘шелковичный кокон’, *какýль*, *кукýл* ‘то же’, с одной стороны, и русск. диал. *кýкель*

‘теплая шапка с ушами; часть одеяла – меховой мешок для ног’, *ку́клишна, куклу́ха* ‘очень тепло одетая, закутанная женщина’ – с другой. Для названий сучковатых палок, веток дерева возможно смешивание образов «кривого» и увеличения в объеме (п. 4.7.4.). Ср. русск. диал. *кокóра* ‘пень, вывороченный с корнями; ветвистый, сучковатый обрубок дерева’ с сербохорв. *kokòrav, ku-kur-av* ‘кудрявый’ и болг. *кокóря се* разг. ‘(о птице) расправлять крылья’, *кóкора (са)* ‘(о птице) взъерошивать оперение’.

Представленные рассуждения показывают, что при этимологизации каждого конкретного слова с редупликацией нужно определить, на основании какого первоначального звукосимволического образа развито его значение, какое семантическое развитие оно перетерпело, и есть ли данные о смешивании разных звукосимволических образов и каких. Путь к решению такой задачи проходит через семантический анализ исследуемого слова и формально близких слов. При этом необходимо разграничить случаи омонимии, полисемии и смешивания разных звукосимволических образов.

5.2. Формальный анализ

Как было уже сказано в п. 3.2., во многих из приведенных выше слов редупликация затемнена.

Например, форма болгарского глагола *цъ̀кля се* ‘таращить глаза’, в которой, на первый взгляд, нет редупликации, может быть наследником **kъ-kъlją sę* – формы с явной редупликацией типа CV-CR̨ (неполная (усеченная) редупликация с опущением сонанта в первой части). Согласный **k* переходит в **c*, возможно, потому что изменение осуществилось в связи с незакономерной экспрессивной палатализацией начального *k* в то время, когда происходила вторая или третья палатализация велярных согласных. Другого объяснения начальный согласный *ц* в *цъкля се* не мог бы и получить. Также и глагол *очочорвам се* ‘таращить глаза’ можно рассматривать как наследник этимона с корнем с редупликацией **ko-kor-*, где согласный *k* палатализовался для выражения экспрессивности: **k'o-kor-*. Как было сказано выше, современные звукосимволические слова иллюстрируют употребление фонем в нетипичной позиции. Также и болгарское слово *шикълкъ* ‘шишка (плод хвойного дерева)’ выводимо из и.-е. **kV-kR̨-*, по экспрессивным причинам изменившегося в и.-е.**k'V-kR̨-*, где *k'>s*, для которого вследствие йотации возможно изменение в *š*.

Представленный перечень слов показывает, что иногда формы с полной и неполной редупликацией выражают одно и то же лексическое значение или лексические значения, выводимые из одного и того же перво-

начального значения. Ср., например, формально-семантические отношения между следующими словами:

CR̥-CR̥/CVR-CVR : CV-CR̥/CV-CVR

болг. диал. *кар-кал-ега* : *ка-кал-яшка* ‘шишка’;

болг. диал. *гър-гър-ица* : *гъ-гр-ица* ‘долгоносик, насекомое Bruchos pisi (которое ест фасоль, чечевицу, пшеницу)’;

болг. *в-гра-гор-я се* ‘окаменеть’, *в-гла-гор-а се* ‘очерстветь от холода’ : *гъ-гр-я се* ‘сжиматься от холода’;

болг. диал. *гар-гу́л-ка* : *га-гу́л-ка* ‘возвышенное место (из камней, земли) в поле, огороде, на лугу’;

болг. диал. *мра́-мор-ец* : *ма-мор-ець* ‘Gammarus fluviatilis’;

русск. *хор-хор-а* ‘взъерошенная курица’ : *хо-хр-иться* ‘(о человеке) быть в мрачном настроении, хмуриться, дуться’

CR̥-CR̥/CVR-CVR : CR̥-C-/CVR-C

болг. диал. *кър-кл-ица* : *кър-к-а* ‘вошь’;

болг. *мръ-мор-ец* ‘водное насекомое’: сербохорв. диал. *мр-м-ица* ‘вид насекомого, живущего на капусте’;

русск. *хоро-хор-иться* : блр. *хара-ш-ицца* ‘важничать, ломаться; хвастаться, чваниться’;

ст.-польск. *bom-bel*, *bą-bol* ‘пузырь; пустое место в литье, прыщ’ : польск. диал. *bom-b-a* ‘большой пузырь’;

польск. *gru-czoł* ‘glandula, железа’ : польск. диал. *gru-cz-a* ‘опухоль в горле; горб’;

укр. диал. *бе́м-бул* : *бе́м-б-а* ‘дурак, увалень, олух’;

сербохорв. *dȕn-dar-a* : *dȕn-d-a* ‘высокая, здоровенная, толстая женщина’;

сербохорв. *mr̂-moļ-ak*, *mr-mļ-ac*, *mr-mļ-ak*, *mr-mń-ac* : *mr-m-ak* ‘головастик’;

русск. диал. *дун-дул-у́к* ‘дурак, болван’ : *дун-д-у́к* ‘глупый, бестолковый, невежественный, упрямый человек’;

укр. диал. *бе́м-бул* : *бе́м-б-а* ‘дурак, увалень, олух’;

сербохорв. *dȕn-dar-a* : *dȕn-d-a* ‘высокая, здоровенная, толстая женщина;

русск. *тру-тень*, болг. *тръ́-тол-ъ*, *тръ-тъ́й* : *тръ-т-ъ* ‘трутень’;

болг. диал. *дзу́н-дзал-ъ* ‘шишка на голове от удара’ : *дзу́н-дз-а* ‘опухоль от удара’;

болг. диал. *вър-вол-ѝцам се* ‘ходить туда-сюда без дела’ : словен. *vr-v-éti* ‘(о скоплении людей) кишеть, шуметь’.

DUPress

Ср. подобные формальные отношения и среди приведенных примеров из других индоевропейских языков:

гр. диал. *κορ-κάρ* : *κο-κάρ-ι* ‘лук-севок’;
санскр. *çar-kar-ah* : пракр. *ka-kkar-a-* ‘камень, камешек’;

и

др.-гр. *κρο-κάλ-η* : *κρό-κ-η* ‘овальный гладкий камешек на берегу моря или реки’;
лит. *gar-gal-as*, *gur-gól-as* : *gùr-g-a* ‘узел или неровность в пряже’;
лит. *gùn-gar-a*, *gun-gur-ys* : *gùn-g-a* ‘кривизна’.

Данные параллельные формы с полной и неполной (усеченной) редупликацией вряд ли возникли независимо друг от друга. Форму с полной редупликацией следовало бы считать исходной. Относительно первой группы примеров можно думать о диссимиляционном исчезновении сонанта. Во второй группе концовка формы с полной редупликацией, по всей вероятности, переосмыслена как суффикс. В принципе переосмысление в качестве морфемы данного часто встречающегося сегмента в словах с близкими значениями вполне возможно. По всей вероятности, именно таково происхождение индоевропейских деминутивных суффиксов с детерминативом *l*.

Следы того, что детерминатив *l* в деминутивных суффиксах отделился от редупликантов, содержащих *l*, при помощи которых образовались ономатопоэтические звукосимволические слова, содержатся в характере самих суффиксов с *l*. Как отмечает Славски, например, относительно суффикса *-ul’a*, он является экспрессивным, с его помощью образуются деминутивные и гипокористические формы, а иногда и аугментативные [SP, I: 291, 110]. Ср. с фактами первоначальной экспрессивности звукосимволических слов и однотипного образования названий и маленьких, и больших предметов при помощи редупликации звуковых комплексов, содержащих плавные сонанты.

Анализ приведенных выше слов показывает, что от редуплицированной формы, в которой повторяется первый слог редупликанта (т. е. от формы с неполной редупликацией по модели CV-CVS), вследствие гаплологии может образоваться нередуплицированная языконая форма с тем же значением, что и исходная редуплицированная форма. Ср. такие примери, как:

чешск. диал. *bélat* ‘кивать, давать знак рукой; качать, колебать’ в контексте чешск. диал. *bam-bul-ati*, *bam-byl-ati*, *bom-bol-ati*, *bom-bél-at*, *blom-bél-at*, *bum-bul-at*, *bam-b-at* ‘то же’ (см. п. 4.9.2);.

сербохорв. *кȕрȕза*, словен. *kórúza* в контексте болг. *ку-кур-у́з*, сербохорв. *ку-кур-уз*, *ко-кур-уз*, *ко-кор-уз*, словен. диал. *ku-kur-úza, ku-kur-íca, ku-kor-ica, ko-kor-ica*, русск. *ку-кур-у́за*, укр. *ку-ку́р-уза*, белорусск. *ку-кур-у́за,* чешск. *ku-kuř-ice*, диал. *ku-kur-yca, ku-kuř-yca,* словацк. *ku-kur-ica,* польск. *ku-kur-ydza, ku-kur-udza, ko-kor-yca* и др.

болг. диал. *мурȕз*, сербск. *muruz* в контексте болг. диал. *мо-мор-о́зъ*, *му́-мур-узъ*, сербск. *mu-mùr-uz*.

Такие случаи наводят на мысль, что целесообразно проверять возможность звукосимволического происхождения также и для слов с нередуплицилованной формой, если для них можно установить формальную и семантическую близость с рядом слов с редупликацией. Например, для русск. *шар*, болг. *шар* ‘шар’, которое не имеет этимологии (см. [Младенов 1941: 691; Фасмер, IV: 406]), можно сформулировать гипотезу, что образовалось в результате гаплологии от редуплицированного образования, обозначающего маленький шарообразный предмет (ср. такие примеры в п. 4.1.2.1., 4.1.2.2.) и проверить ее путем рассмотрения исторических и современных языковых данных. Также и для болг. *барам* ‘трогать пальцами’ можно проверить возможность образования от формально и семантически близких слов: болг. диал *бърбáр-ам* ‘рыться руками в чем-нибудь, искать’, русск. диал. *бара-бóш-ить* ‘плохо, грубо, грязно делать что-либо, выполнять какую-либо работу’.

Представленный лексический материал изобилует случаями формальной вариативности. Они подкрепляют гипотезу о звукоизобразительном происхождении соответствующих варьирующих слов. Ср.:

польск. *bą-bel, bę-bel, pę-pel* ‘пузырь’, ст.-польск. *bom-bel, bą-bol* ‘пузырь; пустое место в литье, прыщ’, *pą-pyl*, мн. ‘волдыри’;

укр. диал. *ґур-ґу́л-я, ґур-ґу́л-а, ґор-ґо́л-я* ‘бородавка; шишка, опухоль’;

польск. *gru-czoł* ‘glandula, железа’, польск. диал. *gru-zel, gru-zeł* ‘glandula, железа’, ст.-польск. *gru-zoł* ‘то же’;

сербохорв. *ше-шàр-ица, ши-шàр-ица* ‘galla’;

польск. диал. *bała-bon, bała-bun, bała-ban, bała-baj-a, bała-baj-ka* ‘клубень картофеля’;

польск. диал. *bam-buł-a, baj-tał-a, baj-dał-a* ‘увалень’;

укр. диал. *бара-бу́л-я, бара-бо́н-я, бара-бíл-ь, бара-бíй, бара-бíн, бара-бо́н, бара-бо́л-я, бала-бу́р-ка* ‘картофель’;

укр. диал. *ґо́н-дзуль, ґо́н-дзиль, ґо́н-дзурь, ґо́н-дзур-я, ґо́н-зель, ґо́н-зиль* ‘сбитый твердый комочек в шерсти’;

укр. диал. *ґля-ґ*, *ґля́-ґ-а*, *ґлі-ґ*, *ґле-ґ*, *ґльо-ґ*, *ґля-к*, *кля-ґ*, *кля-к* ‘часть желудка жвачного животного, используемая для закваски’;

русск. диал. *це-цу́л-я* ‘большой ломоть хлеба’, *цо-цу́л-я* ‘нескромно большой ломоть’, *че-чу́л-я* ‘большой ломоть хлеба или пирога’;

болг. диал. *ку́-ку́ль*, *ка-ку́ль*, *ка-чу́ль* ‘крюк’;

чешск. диал. *bam-bul-ati*, *bam-byl-ati*, *bom-bol-ati*, *bom-bél-at*, *blom-bél-at*, *bum-bul-at*, *bam-b-at*, *bélat* ‘кивать, давать знак рукой; качать, колебать’;

русск. диал. *ко-кор-е́жки*, *ку́-кор-очки*, *ку-ки́р-ки*, *ку-ку́р-ки* ‘корточки’, *на ку́-кар-а́чках* ‘на четвереньках’;

русск. диал. *глы́-з-ать*, *гы́л-з-ать*, *го́л-з-ать*, *глу-зд-а́ть*, *глю́-зд-и́ть*, *ко́л-з-ать*, чешск. *klou-z-ati*, словацк. *kľ-z-ať*, польск. *kieł-z-ać* ‘скользить’;

сербохорв. диал. *кље-к-ати*, руск. диал. *клю-к-а́ть*, болг. диал. *кле́-ц-ам*, н.-луж. *klě-c-aś* ‘хромать’, полаб. *klą-c-e* ‘хромает’;

русск. диал. *кол-т-а́ть* ‘хромать’, *кол-д-ы́ка* ‘хромой, идущий вразвалку человек’, *кол-д-ы́кать* ‘хромать, идти вразвалку’, белорусск. *кол-д-ы́га* ‘хромой’, *кол-д-ы́гаць* ‘хромать’, *ко́л-ч-а* ‘хромой’, *куль-г-а́* ‘хромой человек’, укр. *куль-г-а́ти* ‘хромать’, белорусск. *куль-г-а́ць*, чешск. *kul-h-ati*, словацк. *kul-h-ať*, ст.-польск. *kul-g-ać*, русск. диал. *куль-п-а́ть* ‘хромать’, *куль-п-а́* ‘хромой, калека’, *куль-т-я́* ‘хромой’ и др.

В некоторых случаях к вариативности может привести контаминирование звукосимволических слов, близких по форме и значению.

Когда исследуются слова, для которых предполагается ономатопоэтическое происхождение, необходимо учитывать возможность их формальной вариативности еще на древней основе. Таким образом цитированные выше болгарские глаголы со значениями ‘таращить глаза’, ‘человек с выпуклыми глазами’: *кокоря се*, *кокола се*, *кокиля се*, *кекер*, *очочорвам се*, *цъкля се*, *чечеря се*, *шешеря се* выводимы из одного и того же этимона, существовавшего в разных фонетических вариантах, с чередованием согласных по смычности/фрикативности: **kV-kVR-* / **xV-xVR-* и последующим экспрессивным развитием согласных через палатализацию.

И для русск. *хорохориться* ‘важничать, ломаться’, диал. *хорхора* ‘взъерошенная курица’ возможно происхождение от одного и того же варьирующего этимона: **xor-xor-* и **хър-хър-*.

Также и для русск. диал. *каракульский* ‘суковатый (дуб)’, *каракуля* ‘кривое дерево; сучковатая вершина сосны’, *каракалястый* ‘суковатый (о дереве)’, *короколятый* ‘суковатый’, *краколь* ‘сук, сучок дерева’, *кракалестый*, *кракалястый*, *краколистый* ‘суковатый’, *крековистый* ‘сучкова-

PUBLISH

тый, ветвистый, кряжистый (о дубе)', *крыковястый* 'эпитет дуба: крепкий, кряжистый', *кряковастый* 'кряжистый, крепкий (о дубе)' следует предположить этимологическую связь, а незакономерные формальные отношения можно объяснить звукосимволическим происхождением их этимона. Не следовало бы прибегать к идее о древней апофонии в данном ряде слов[557], так как в них не обнаруживаются словообразовательные и словоизменительные значения, которые при этом должны были бы выражаться.

Возможно, что вариативность звукосимволических слов способствуется также стремлением к дифференциации лексико-семантических вариантов, развившихся от этимонов, имевших первоначально довольно общие значения.

5.3. Формальное совпадение со звукоподражательными словами

Во многих случаях можно наблюдать формальное совпадение между звукосимволическими и звукоподражательными словами, очень часто в рамках одного и того же языка: Ср.:

болг. *гж-гр-е́ць* 'болтун' и 'насекомое Bruchus pisi' [Геров, I: 269];

польск. *bał-wan* 'большой ком, большой обрывок, столб, волна' и *bał-wan-ić* 'говорить нечисто по-польски' [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 91];

русск. *вер-зи́л-а* 'рослый, но неуклюжий человек' и *ве́р-з-ить* 'говорить или делать что-либо продолжительно, но беспутно, бестолково; врать, лгать, бредить, говорить пустяки' [Даль 1955, I: 181] – формы с полной и неполной редупликацией, с осуществлением одного и того же диссимиляционного изменения: *в – в* > *в – з* (или первоначально *в – г*);

болг. диал. *гъ́-гр-я* 'говорить' и 'завивать (волосы)' (цит. по [БЕР, I: 298, 299]);

польск. диал. *ma-mł-ać* 'возиться, копаться' и 'говорить неясно, неразборчиво' [SGP, III: 108];

диал. *ко-кл-я́чить* 'делать что-либо плохо, мастерить кое-как, ковыряться' и 'говорить глупо, неумно' [СРНГ, XIV: 90];

русск. диал. *кол-т-а́ть* 'хромать'и 'разговаривать, говорить', *колта́й* 'болтун' (цит. по [Фасмер II: 297]);

русск. диал. *глу́-зд-аться* 'медлить, мешкать', *глу-зд-а́ть* 'скользить' и *глу-зд-е́ть* 'шуметь' [СРНГ, VI: 208];

[557] См. аналогичный подход в [Козлова 1985].

PUPress

укр. *бала-ба́н-ка* ‘очень крупный сорт картофеля’, *бала-бо́н-ка* ‘род растения с клубнями на корне, похожими на картофель’ и *бала-бо́н-ити* ‘звенеть, бренчать (например, бубенчиками, погремушками), *бала-бо́н* ‘бубенчик, погремушка’ [Гринченко, I: 23];

н.-луж. *bu-bon-aśiś se* ‘вздуваться, подниматься, быть шишковатым (например, о железной крыше)’, *bu-bon-aty* ‘выпуклый’ [Muka, I: 89, 90] и *bu-bon* ‘барабан’ (если значение ‘барабан’ звукоподражательного происхождения) [Muka, I: 89];

русск. диал. *ко́л-ч-и́ть* ‘хромать’ и *ко́л-ч-ить* ‘говорить’ [СРНГ, XIV: 203];

русск. диал. *га-га́р-ить* ‘бродить, болтаться без дела’ и ‘сильно, заливисто смеяться, заливаться смехом’ [СРНГ, VI: 88];

русск. диал. *ку́ндры-му́ндры* мн. тряпье, лохмотья’ и ‘несерьезные разговоры’ [СРНГ, XVI: 91];

русск. диал. *баля́-б-ать* ‘грубо, плохо, неумело что-либо делать’ и ‘говорить непонятно, бормотать’ (в разных говорах) [СРНГ, II: 90];

словен. *kljû-k-ati* ‘ходить, согнувшись’ и *kljû-k-ati* ‘стучать, клевать’ (цит. по [ЭССЯ, X: 56]);

болг. диал. *ке́-кер* ‘с выпуклыми глазами’, *раз-ке-ке́р-я се* ‘расставить ноги; лечь на землю с расставленными руками и ногами’ и *ке́-кер-я* ‘говорить, болтать громким, крикливым голосом’ (цит. по [БЕР, II: 318]);

словацк. диал. *br-bl-aťsa* ‘мараться, пачкаться в грязи; грубо делать что-либо’ и *br-bl-ať* ‘бормотать, невнятно говорить’ (цит. по [ЭССЯ, III: 122]) и др.

Такие примеры следует рассматривать не как доказательство звукоподражательного происхождении слов с «незвукоподражательными» значениями, а, скорее всего, как свидетельство ограниченных возможностей ономатопеи. Количество возможных сочетаний звуков, которые исполняют роль редупликантов в ономатопоэтических словах, ограничено. С этим связано и формальное совпадение разных звукосимволических слов (см. п. 5.4.).

Возможно и другое объяснение формального совпадения звукоподражательных и звукосимволических слов. Звукоподражательное слово, поскольку является экспрессивным словом, своей формой может стать образцом для создания экспрессивного звукосимволического слова. О такой возможности свидетельствуют случаи формального совпадения звукосимволических слов с заимствованными звукоподражательными словами. Ср. напр. болг. диал. *лан-гър-ица* ‘плохая еда’, *лун-гур-дия* ‘плохо приготовленная еда’, для которых констатировано формальное совпадение с заимствованным турецким звукоподражательным междометием. Возникает тогда вопрос, не следовало бы рассматривать такие ономатопоэтические

DUBLIN

образования с «незвуковыми» значениями как звукоподражательные. Отметим, что если бы происходило целостное развитие звукоподражательного слова, с участием также и его значения, можно было бы думать о звукоподражательном генезисе этих слов. В данном случае, однако, не происходит семантического развития при помощи метафоры или метонимии значения звукоподражательного слова, а осуществляется только основанное на синестезии (или синестемии) связывание «незвукового» значения с образцом звуковой формы, созданной на основании звукоподражания. Иными словами, можно думать, что иногда звукоподражательные образования становятся формальными образцами для создания звукосимволических слов.

5.4. Формальное совпадение разных звукосимволических слов

Наблюдаются также случаи совпадения слов, которые являются наследниками разных звукосимволических этимонов, с разными первоначальными значениями. Ср., например, совпадающие по форме слова, которые можно возвести к звукосимволическим этимонам с первоначальными значениями:

– ‘маленький предмет овальной формы’ и ‘что-то кривое’:

русск. диал. *клю́-к-а́* ‘клюква’ и
словацк. *kľu-k-atý* ‘кривой, изогнутый’, в.-луж. *klu-k-aty* ‘искривленный, погнутый’;

русск. диал. *ку́р-к-и* ‘сосновые и еловые шишки’ и
болг. *кур-к-а* ‘кривая палка’;

болг. диал. *га-га́л-ка* ‘грязь под хвостом овцы в виде комьев’, *га-га́л-кя* ‘утолщение на нитке’ и
болг. диал. *га-галь* ‘крюк’;

укр. диал. *ґер-ґел-и́ця* ‘долгоносик амбарый, Calandra granaria’, болг. *гъ-гр-и́ца* ‘долгоносик, насекомое Bruchos pisi (которое ест фасоль, чечевицу, пшеницу)’, диал. *гър-гър-ица* ‘то же’ и
болг. разг. *гер-гел-ици* ‘неразборчивые буквы’;

укр. диал. *кара-ку́л-я* ‘картофелина’, польск. диал. *kara-kul-a* ‘то же’ и
русск. *кара-кул-и* ‘неразборчивые, неумело или небрежно написанные буквы’;

русск. диал. *ко-ко́р-а* ‘ком (грязи, земли, снега и т.д.)’, *ко-ко́р-ки* ‘комья грязи, сухие или замерзшие куски, комки грязи’ и

DUPress

сербохорв. *ko-kòr-av, ku-kur-av* ‘кудрявый’, словен. *ko-kor-a* ‘завиток, локон’;

– ‘маленький предмет овальной формы’ и ‘что-то плохое’ (> ‘блюдо, напиток’):

русск. диал. *бала-бóл-ка* ‘плод картофеля с семенами, вырастающий на стебле после цветения’ и
русск. диал. *бала-бóл-ка* ‘пойло для коровы с мукой или отребьями’;

ст.-польск. *go-gół-ka* ‘молодая завязь плода на дереве’, русск. диал. *го-гóл-ечки* ‘головки трилистника, цветы его’ и
польск. *go-gół-ka* ‘omphacinum vulgo’, русск. диал. *гогóлька* ‘толокно с маслом, на воде’;

– ‘маленький предмет овальной формы’ и ‘высокий человек’

укр. диал. *ґор-ґóл-я* ‘бородавка; нарост на дереве’ и
укр. диал. *ґор-ґóл-я* ‘высокий человек’

– ‘маленький предмет овальной формы’ и ‘увеличение в объеме’ (>’ряженый’> ‘привлекающий внимание’):

польск. диал. устар. *ku-kieł-ka, ku-kioł-ka* ‘печево из хлебного теста, в форме маленького хлебушка, предназначенное для детей’, чешск. диал. *ku-kla* ‘вид хлеба’, укр. диал. *ку-кéл-ка* ‘калач, белый хлеб’ и
русск. диал. *кýкольник* ‘ряженый’, *кýкл-ич* ‘прозвище нарядного человека’, *кýкл-иться* ‘красоваться’, русск. *одеться ку-кл-ою* ‘щегольски’;

русск. диал. *ко-кóр-а* ‘ком (грязи, земли, снега и т.д.)’, *ко-кóр-ки* ‘комья грязи, сухие или замерзшие куски, комки грязи’ и
укр. диал. *ко-кíр-ний* ‘заманчивый, привлекательный’;

ст.-польск. *go-gół-ka* ‘молодая завязь плода на дереве’, русск. диал. *го-гóл-ечки* ‘головки трилистника, цветы его’ и
русск. диал. *го-гол-úться* ‘франтить, щеголять’, *гó-голь, го-гол-ёк* ‘щеголь, франт, волокита’, *гó-гол-истый* ‘молодец, осанистый и гордый’, *го-гóл-юшко* ‘о красивом, статном человеке’, *го-гóл-я* о смелом, бойком человеке’ и др.

– ‘что-то милое’ и ‘что-то страшное’:

польск. *bobo* нежно ‘о маленьком ребенке’ и
польск. *bobo* ‘пугало, страшилище; страх, ужас’;

– ‘человека высокого роста’ и ‘сморщивание, затвердение’:

русск. диал. *ко-чýр-а* ‘о человеке высокого роста, верзиле; гуляка, кутила, выпивоха; о хилом, болезненном человеке’ и

DUBless

русск. диал. *ко-чу́р-иться* ‘сморщиваться, затвердевать, умирать’;

– действия ‘заворачивать; окутывать’ и ‘пачкать’:

болг. диал. *за-ма-му́л-я* ‘заворачивать; заворачивать кое-как’, *с-ма-му́л-я* ‘помять, завернуть кое как’ и
укр. диал. *ма-му́л-ити* ‘пачкать’.

Подобные случаи свидетельствуют о том, что иконическая связь между звуком и значением не жесткая. Формальное совпадение разных звукосимволических слов может стать предпосылкой для смешивания их этимологических гнезд

По всей вероятности, это произошло с названиями маленьких хлебных изделий, восходящих к псл. **kukla*, и названием куклы (игрушки), восходящим к такой же праславянской форме. По всей вероятности, результатом смешивания этих этимологических гнезд явилось толкование болг. слова *ку́-кл-а*, которое дано в словаре Герова: ‘круглый хлеб, который похож на куклу’ [II: 428].

Возможно, что из-за смешивания этимологических гнезд разных ономатопоэтических звукосимволических слов латинское название рака (животного) *cancer* в качестве переносного развило значение ‘рак (болезнь)’, и это значение впоследствии было калькировано многими языками мира.

Предпосылки для такой гипотезы следующие: (1) среди названий рака есть ономатопоэтические звукосимволические образования[558] (ср. лат. *can-cer*, др.-гр. *καρ-κίν-ος* (*καρ-κ-ίνος*) ‘рак, краб’, санскр. *kar-k-as* ‘рак, краб’, укр. диал. *тéр-гуль* ‘человек с длинной шеей; гусь крупной породы; большой рак’); (2) болезнь рак манифестируется как опухоль, особенно в народном понимании (ср. с русск. *опухоль* ‘новообразование’, польск. диал. *gu-ziel* ‘опухоль’, редко. *gu-zel* ‘рак, новообразование, которое выглядит как картофель’, болг. *бучка* ‘комок; рак груди’); (3) среди названий опухоли на теле человека есть ономатопоэтические звукосимволические образования (ср. п. 4.1.3.5.1.). Возможно, что форма *cancer* в лат. языке связывалась не только с раком (животным), но и опухолью, отеком на теле и другими маленькими шарообразными объектами.

О смешивании разных этимологических гнезд можно думать и в связи с (1) сербохорв. *bubreg, bubrek* ‘strobilus, шишка можжевеловая’, (2) *bubreg, bubrek* ‘анат. почка’, *bùbrežak* ‘желудок птицы’, хорват. *bumbreg*,

[558] Изображаемый первоначально образ, по всей вероятности, был образ существа неуклюжего, с растопыренными ногами. Относительно восприятия рака как существа неуклюжего ср. с древнегреческой поговоркой *οὔποτε ποιήσεις τὸν καρκίνον ὀρθὰ βραδίζειν* ‘никогда ты не научишь рака идти прямо’ [Дворецкий 1958, I: 876], русским фразеологизмом *сидеть, как рак на мели* ‘быть в крайне затруднительном положении’, русск. диал. *ра́ча́* ‘маленький рак; человек, попатывающийся от опьянения’ [СРНГ, XXXIV: 347].

DUPress

болг. *бъ́брек*, диал. *бу́брек* ‘анат. почка’, словен. *bubreg*, русск. диал. *бубре́г* ‘почка у животного’ и (3) сербохорв. *nabubriti*, *nabumbariti* ‘набухнуть, набухать’. Если как название почки *bubreg* заимствовано из тюркских языков, то значение ‘strobilus, шишка можжевеловая’ не может быть получено метафорическим переносом. Скорее всего, возможна обратная связь или развитие обоих значений от первоначального ‘маленький предмет шарообразной формы’ (ср. с лит. *kankórežis* ‘шишка; надпочечная железа’). Следовательно, здесь можно говорить о формальном совпадении славянского и заимствованного слова или о независимом развитии значения ‘почка’ славянским и тюркским ономатопоэтическим звукосимволическим образованием с первоначальным значением ‘маленький предмет шарообразной формы’. С данными словами совпало и семантически сблизилось независимо возникшее как ономатопоэтическое звукосимволическое образование сербохорв. *nabubriti*, *nabumbariti* ‘набухнуть, набухать’ (ср. с объяснением Скока семантической связи: ‘набухнуть’ – ‘напиться как почка’; см. сноски 237, 408). Ср. также с близкими по форме названиями: болг. диал. *бу́брек* ‘упитанный, полный ребенок’. русск. диал. *бу́берега* ‘толстый неповоротливый человек’, *бубѐря* ‘располневшая, любящая поспать, неряшливая женщина’, *бу́берега* ‘толстый неповоротливый человек’, *бо̀бря* ‘толстенький, кругленький человек’.

Такие случаи показывают, что для исследования каждого отдельного слова, для которого предполагается звукосимволическое происхождение, необходимо учитывать всю картину звукосимволических слов, с которыми исследованное слово входит в формально-семантические отношения.

DUPLICATE

6. Этимологические исследования славянских слов звукосимволического происхождения

На примере конкретных слов проиллюстрируем, как работают сформулированные принципы этимологизации звукосимволических слов, как исследование каждого конкретного слова осуществляется на фоне общей картины формально-семантических отношений славянских слов с редупликацией, с учетом всех особенностей современного функционирования слова, данных истории и гипотез, представленных в этимологических словарях и отдельных этимологических исследованиях.

6.1. К этимологии польск. *gogółka*

Слово *gogółka* и его диминутивная форма *gogołeczka* засвидетельствованы в польской письменности XVI – начала XIX в. [Linde, II: 84; Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 866; Sł pol XVI, VII: 518–519]. В словаре Линде оно цитируется по источникам XVI и XVIII веков и поскольку не помечено как уже не употребляемое, можно полагать, что было живым элементом языка и в начале XIX в. Современному польскому литературному языку не известно. Судя по замечанию Банькowского, сегодня является диалектным [Bańkowski 2000, I: 452].

В цитированных исторических словарях значение слова толкуется как ‘завязь плода на дереве’. Если учесть во внимание его латинские соответствия в словарях Мончинского и Кнапского, указанные в Словаре польского языка XXVI века, можно предположить также, что оно выражало и значения: ‘fetus arboris recens, молодые побеги дерева’, ‘fructus deformatus, недоразвитый, уродливый плод’, ‘fructus arborum tenellus et pusillus, крохотный плод дерева’. Кроме того, в словаре Мончинского словом *gogółka* переведено лат. omphacinum vulgo ‘(о масле или вине) сделанный из недозрелых оливок или недозрелого винограда’, в то время как латинское выражение omphacinum oleum переведено выражением *oliwa z niedoźrzałych oliwek*. Есть сведения, что в древности такое масло считалось плохим [Oeconomischen Encyclopädie]. Некоторые авторы утверждают также, что недозрелые оливки при выжимании дают только клейкий, слизистый сок почти без масла [Encyclopædia Britannica, Apothekerlexikon 1793–1799]. Нет сомнения, что и вино из неспелого винограда не счита-

лось хорошим. Следовательно, можно предположить, что в старопольском языке слово *gogółka* выражало также более общее значение 'плохой сок/вино/напиток'. Важно подчеркнуть, что в словаре Мончинского при переводе латинского выражения omphacinum vulgo использована форма единственного числа *gogółka* в отличие от перевода лат. grossus 'недозрелый плод смоквы' словосочетанием *gogółki figowe*, где употреблена форма множественного числа, и перевода диминутивной формы grossulus диминутивной формой *gogołeczki*, тоже во множественном числе (см. [Sł pol XVI, VII: 518–519; KURASZKIEWICZ 1962–1963, I: 116), т. е. как название плодов слово употребляется преимущественно во множественном числе, а как название плохого напитка – в единственном.

Этимология исследуемого слова до сих пор не вызывала каких-либо споров. Брюкнер, цитируя форму множественного числа *gogółki*, употребленную у Мончинского, указывает на возможную связь с польск. диал. *gogodze* 'брусника', для которого предполагает заимствованный характер, но не объясняет происхождение слов [BRÜCKNER 1957: 148]..

Славски цитирует значение слова как 'завязь плода после опадения цветков' (вероятно под влиянием латинских выражений fructus qui defloravit, primma bacca arboris deflorescentis, которые даны как его соответствия в словаре Кнапского [Sł pol XVI, VII: 519)), и, проводя параллель со ст.-польск. *golanka* 'то же', чешск. диал. *holička* 'то же' и др., формулирует гипотезу, что корень слова тот же, что в *goły*, что образовано оно при помощи редупликации по типу *po-pioł*, а его первоначальное значение – 'нечто голое'. Далее автор допускает связь с русск. диал. *гогóлька* 'толокно с маслом на воде', *гогóлечки* 'головки и цветы некоторого растения' (в словаре Даля указано, что это трилистник [Даль 1955, I:. 364] – замечание мое: Ж. К.-З.) и как результат апофонии – связь со ст.-польск. *gałuszka* 'то же', чешск. диал. *gagalka* 'недозрелый плод', болг. *гагàлка* 'вид блюда, голубцы; сыпь во рту у маленьких детей' (согласно словарю ГЕРОВА [I: 259] – белая сыпь; замечание мое: Ж. К.-З.), хотя и не объясняет семантическое развитие слов [SŁAWSKI 1952–1982, I: 310].

Считая связь со значением 'голый' очевидной, к этимологическому гнезду польск. *goły* относит слово *gogółka* также БАНЬКОВСКИЙ, который толкует его значение следующим образом: «об отцветшем цветке, уже без лепестков, показывающем самое важное: голую завязь плода». Относительно образования слова автор допускает возможность экспрессивной редупликации (хотя не объясняет, что понимает под этим) или сокращения композитума типа **golvo-golъka* [2000, 1: 52].

Польск. *gogółka* цитировано и в Болгарском этимологическом словаре, в словарной статье болг. *гоголúца* 'палка с естественным утолщением шарообразной формы на конце' вместе с указанными Славским славянскими названиями, а также с русск. диал. *загогулина* 'толстый конец дубины;

пуговица' и алб. *gogëlë* 'шарик, чернильный орешек', которое Покорни выводит из и.-е. **gel-gal-nā* и считает результатом редупликации корня **gel-* 'скатывать в виде шарика; нечто овальное, шарообразное'. БЕР отмечает, что и славянские слова могут быть наследниками данного и.-е. корня, и в таком случае их сближение со славянским **golъ* является вторичным [БЕР, I: 259].

Следует отметить, что перечень славянских слов, для которых с формальной и семантической точки зрения не исключено родство с рассмотренными, может быть продолжен такими словами, как: русск. диал. *гогóлья* 'комочки муки в жидком овсяном растворе для блинов или в блинах', *гóголь* 'мелкая рыбка, употребляемая рыболовами в качестве приманки' [СРНГ, VII: 264], русск. *гоголь*, мн. *гогли* 'поплавок, шашка, балберка' [Даль 1955, I: 364], болг. диал. *гагáлка* 'комок грязи под хвостом у овцы', *гагáлькя* 'утолщение на нитке', чешск. диал. *gagalka* 'недоразвитый плод груши' (цит. по [БЕР, I: 222], *gagal(k)a*, *zagagalka* 'маленький, неспелый, кисловатый плод' (цит. по [Machek 1971: 148], польск. *gu-guł-a* 'ягода малины еще не спелая, но слегка румяная' (с пометой о неясном происхождении), диал. *gu-guł-ka* 'неспелый плод вишни' [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, I: 939]. Значения всех цитированных слов, кроме польск. *gogółka* 'плохой сок/вино/напиток' и русск. диал. *гогóлька* 'толокно с маслом на воде', объединяет то, что они связываются с чем-то маленьким, овальным или шарообразным.

Рассмотренные гипотезы вызывают следующие вопросы. (1) Возможна ли редупликация корня со значением 'голый' или 'скатывать в виде шарика; нечто овальное, шарообразное' в цитированных выше словах и вообще о редупликации корня ли должна идти здесь речь? (2) Какова связь между значениями польского слова *gogółka*, которые, однако, не упомянуты в рассмотренных этимологических словарях, а также между значениями всех слов, отнесенных к его этимологическому гнезду? (3) Как можно объяснить формальную вариативность слов и возможны ли здесь следы апофонии? (4) Конечно, не на последнем месте должен стоять и вопрос: о чем говорят типологические параллели слов с теми же самыми или подобными значениями?

В том, что для польск. *gogółka* и близких по форме слов предполагается редупликация корня, со значением 'голый' или 'скатывать в виде шарика; нечто овальное, шарообразное', нет ничего необычного. Традиционно в этимологических словарях, если говорится о редупликации, то обычно имеется в виду редупликация корня. Но как было отмечено в п. 1.5.5.1, при этом следовало бы ожидать, что в соответствии с принципом «Больше формы означает больше содержания», полученная в результате редупликации лексическая единица будет означать 'нечто совсем голое' или 'нечто в большей мере похожее на шарик'. В типологическом плане

Diprint

относительно перной возможности ср. с болг. *гол-голеничък* ‘совсем голый’, русск. *голый-голый* ‘то же’. О выражении подобной интенсивности признака нельзя говорить ни для одного из цитированных выше славянских слов, называющих маленькие овальные или шарообразные предметы.

Кроме того, из первоначального значения ‘нечто голое’ нельзя вывести такие значения, как ‘головки и цветы трилистника’, ‘голубцы’, ‘сыпь во рту у маленьких детей’, а тем более ‘толокно с маслом на воде’, которые не связаны с идеей о голом. Эти значения не могут быть выведены и метафорическим путем из значения ‘завязь плода после опадения цветков’, для которого связь со значением ‘голый’ в какой-то мере выглядит правдоподобной (но не в большой!). С когнитивной точки зрения, признак ‘голый’ не является значимым для маленьких плодов дерева. Скорее всего, их форма (а именно небольшой размер, округлость) и цвет являются фокальными признаками, а не то, что плоды остались без цветов, т. е. голыми. Относительно фокальности цвета ср. с русск. *черника*, *голубика*, болг. *черница* ‘плод шелковицы’, тур. *kızılcık* ‘кизиль’ (< *kızıl* ‘красный’), а относительно фокальности формальных признаков см. далее.

Также и идея Покорного о редупликации корня со значением ‘скатывать в виде шарика; нечто овальное, шарообразное’ в этимоне алб. *gogël̈ë* ‘шарик, чернильный орешек’, к которому [БЕР] относит польск. *gogółka* и другие славянские названия шарообразных предметов, несостоятельна, так как их значения не выражают интенсивность данного признака или множественность. По крайней мере, не существует современных примеров, которые бы иллюстрировали подобную словообразовательную модель. С точки зрения семантической, однако, развитие названий маленьких шарообразных предметов – почек дерева, плодов, комочков и т.д. – от названий с первоначальным значением ‘нечто маленькое, овальное или шарообразное’ вполне возможна. Именно так можно объяснить связь между значениями: ‘завязь плода на дереве’, ‘головки и цветы трилистника’, ‘голубцы’, ‘белая сыпь во рту у маленьких детей’ и т.д.

Вряд ли имеет основания и гипотеза Славского об апофонии в таких словах с тождественной семантикой, как польск. *gogółka* ‘завязь плода на дереве’, чешск. диал. *gagalka* ‘недозрелый плод’ и др., так как никаких словообразовательных или словоизменительных значений в них не выражено. Следовательно, формальную вариативность слов с тождественной и близкой семантикой следовало бы объяснять другим способом.

Наблюдаемый в п. 4.1.2.10. и шире – в п. 4.1. формально-семантический параллелизм дает основание предположить относительно польского слова *gogółka* ‘завязь плода на дереве; крохотный плод дерева; недоразвитый, уродливый фрукт; молодые побеги дерева’ развитие от звукосимволического этимона, первоначально выражающего более общее, диффузное значение ‘нечто маленькое, овальное или шарообразное’ (в

типологическом плане ср. с болг. *пъ́-пол-ец* ‘нечто овальное’ [Геров, IV: 398], гр. *γο-γγόλ-ον* ‘округлость’ и другими представленными в п. 4.1.1. общими названиями шариков). С формальной точки зрения этот этимон тоже должен был бы характеризоваться диффузностью, что впоследствии могло привести к формальной вариативности в его наследниках (ср. **go-gol- – *ga-gal- – *gu-gul-*). Относительно характера редупликанта в данном слове и вообще в фонетически мотивированных словах важно подчеркнуть следующее. В момент их создания при помощи редупликации редупликант сам по себе не является корнем или частью корня, т. е. не является знаковой единицей. Только после того, как редуплицированный звуковой комплекс начинает связываться с определенным звуковым или незвуковым образом, он как единое целое превращается в двустороннюю единицу. А довольно длинный перечень типологических параллелей названий маленьких плодов с редупликацией, для которых возможно предположить развитие из ономатопоэтических этимонов с первоначальным значением ‘нечто маленькое, овальное или шарообразное; вообще нечто очень маленькое’ свидетельствует о фокальности размера и овальности формы маленьких плодов дерева.

Наследниками этимона с первоначальным значением ‘нечто маленькое, овальное или шарообразное; вообще нечто очень маленькое’ могут быть также сербохорв. *gogo̱l* ‘мгновение’ [RJA, 3: 242] и др.-русск. *гогуля*, цитированное в словаре Срезневского и комментированное выше в п. 4.1.4.

Что касается польск. *gogółka* ‘плохой сок/вино/напиток’ и русск. диал. *гого́лька* ‘толокно с маслом на воде’, можно сделать параллель с представленными в п. 4.6.3. названиями, для которых можно предположить, что звуковая форма их этимонов создавала образ о чем-то невкусном, а, возможно, одновременно с тем – и зрительный: о плохо выглядящем. Таким образом, ономатопоэтический этимон, от которого развилось польское слово *gogółka* ‘плохой сок/вино/напиток’, следует считать древним омонимом ономатопоэтического этимона, от которого развилось слово *gogółka* как название мелких плодов.

Данный ряд ономатопоэтических омонимов можно дополнить этимоном укр. *гоголіти* ‘блестеть, светиться’ [Гринченко, I: 296], ономатопоэтическое происхождение которого доказывается представленными в п. 4.9.16. словами.

Сам факт выражения значений ‘нечто маленькое’, ‘нечто невкусное’, ‘нечто яркое, блестящее’ одними и теми же или близкими формами еще раз доказывает их звукосимволическое происхождени.-е. О подобном параллелизме пишет Абаев и ссылается на исследование Вестермана на материале африканских языков [1986а: 17].

6.2. К этимологии русск. *хороший*

Этимологическое гнездо данного слова ограничено восточнославянскими языками: ср. укр. *хоро́ший*, белорусск. *харашыцца* ‘хвастаться, чваниться’, др.-русск. хорошии ‘красивый; прибранный, убранный’ [Срезневский III: 1387]. Этот факт можно объяснить инновационным характером слова в общеславянском контексте. Несмотря на это, оно остается этимологически «темным» словом. Очень трудно реконструировать словообразовательную структуру его этимона, мотивирующий признак, легший в основу номинации. Поэтому существует множество гипотез, объясняющих его происхождение, в том числе и предполагающие заимствованный характер слова. Согласно Бернекеру, Ягичу, Брюкнеру прилагательное *хороший* образовано от глагола *хорони́ть*, согласно Обнорскому – от названия божества солнца *Хорс*. Ильинский предполагает связь с укр. *ха́рний, га́рний* ‘красивый, хорошенький’, Фасмер вслед за Мейе – с др.-русск. *хоробръ* (цит. по [Фасмер, IV: 267]), Гудков – с русск. *коро́ста* [Гудков 1966: 35–36]. Все эти гипотезы связаны с фонетическими и семантическими трудностями. Они не учитывают развитой семантической структуры данного слова.

В современном русском языке прилагательное *хоро́ший* употребляется прежде всего для характеристики предмета по признаку обладания им разнообразными положительными внутренними качествами. В краткой форме оно употребляется также со значением ‘красивый’. От лексико-семантического варианта слова с этим значением образован и глагол *хорошеть* ‘становиться красивее’. Прилагательное *хороший* (прежде всего в краткой форме) употребляется и для иронической оценки ситуации или поведения человека. Интересно то, что выражение *Ну хорош!* употребляемое относительно чванливого, самодовольного поведения человека, на другие славянские языки нельзя перевести, используя аналогичное прилагательные. Интерес представляет также фразеологизм *хорош гусь*, употребляемый в качестве возгласа в чей-нибудь адрес при неодобрении его поведения. А следует отметить, что фразеологизмы или специфические употребления слова нередко являются свидетельством его этимологической «памяти». Значения, связанные с заносчивым поведением человека, выражают и др.-русск. хорошаниє ‘величание’ и хорошавыи ‘щеголь’ [Срезневский, III: 1387]. Ср. также регистрированное в словаре Даля существительное *хорош* ‘хахаль, любовник’ [IV: 562], а также белорусск. *харашы́цца* ‘хвастаться, чваниться’.

Подобным употреблением характеризуется также близкий и в формальном отношении русский глагол *хорохо́риться* ‘держаться заносчиво, задаваться, храбриться’, диал. существительные: *хорохо́ря* ‘задорный,

хвастунишка' [Даль IV: 561], *хорохóра* 'храбрый паренек' (цит. по [Петлева 1985: 37]), белорусск. диал. *хыряхóня* 'человек, который прихорашивается с целью обратить на себя внимания' (цит. по [Варбот 1981: 40]). Глагол *хорохóриться* регистрирован также со значением '(о курице) хохлиться, надуваться'. Оно является и более древним значением этого слова, от которого значение, связанное с поведением человека, развито метафорическим путем. Ср. также с русск. диал. *хорхóра* 'растрепанная курица' [Даль IV: 561].

На этимологическую связь прилагательного *хороший* с данными словами, характеризующими поведение человека и птицы, указывает Ж. Варбот и реконструирует в нем корень **xor-* и суффикс **-ox-*, хотя и отмечает, что этот суффикс не характерен для имен прилагательных. Соответственно в словах группы *хорохóриться* говорит о редупликации этого корня, который возводит к и.-е. **(s)ker-* 'резать' [Варбот 1981: 37–42]. В этой части именно гипотеза Ж. Варбот уязвима. Если бы здесь шла речь о редупликации корня, т. е. знаковой, двусторонней единицы, то в силу был бы комментированный выше принцип «Больше формы означает больше значения» [Lakoff–Johnson 1980: 127–128], что было бы связано с выражением множественности (для слов с предметным значением) или интенсивности, усилительности (для слов с признаковым значением); см. п. 1.5.5.1. Конечно, здесь идет речь о множественности или усилительности, которые связаны с семантикой редуплицированного корня. Однако, никакой множественности или интенсивности, которые были бы связаны с корнем со значением 'резать', и вообще с корнем, который имеется и в прилагательном хороший, здесь не выражается. Следовательно, можно усомниться в том, что в слове *хорохóриться* (и подобных ему) редуплицирован именно корень. Факт редупликации ничего не значащего звукового комплекса вместе с данными, представленными в п. 4.9.9.2. и 4.11.1, дает основание предположить звукосимволическое происхождение для глагола *хорохóриться* (и подобных ему). Такая гипотеза подкрепляется также фактом формальной вариативности слов, ср. *хóхлиться/хóхриться/хýхрик/хухля́к*.

Форму слова *хорош* или *хороший* тоже можно объяснить как результат редупликации (неполной): *хорош/хороший* < **xor-x-ь-(jь)*. Следовательно налицо все основания для его отнесения наряду со словами группы *хорохориться* к фонетически мотивированным словам. Если сопоставить в формальном отношении слова: *хорохóриться* (форма с полной редупликацией, выводимой из **xor-xor-iti sę*), *хохóриться* (форма с неполной редупликацией, выводимой из **xo-xor-iti sę*), *хороший* (форма с неполной редупликацией, но другого типа: **xor-x-ьjь*) с представленным в п. 5.2. чередованием форм с полной и неполной редупликацией, можно увидеть

аналогичные формальные отношения. Это формальные отношения свойственные фонетически мотивированным словам.

Прилагательное *хороший* прошло путь динамического семантического развития, начиная с первоначального значения ‘торчащие перья/птица с взъерошенным оперением’ (о чем свидетельствует и фразеологизм *хорош гусь*), проходя через значения ‘птица с характерным поведением; заносчивый, чванливый человек’ (ср. с др.-русск. *хорошавый* ‘щеголь’, диал. *хорош* ‘хахаль, любовник’, белорусск. *харашыцца* ‘хвастаться, чваниться’), доходя до значений ‘красивый’ и ‘вполне удовлетворяющий по внутренним качествам’. Это семантическое развитие и является основной причиной для не осознания звукосимволического происхождения слова *хороший*. Как было уже отмечено, в конвенциолизированных словах сильное и четкое лексическое значение делает ненужным осознанное обращение к символике звучания и она приобретает латентный характер, скрываясь от внимания не только носителя языка, но и исследователя. Однако следы звукосимволической экспрессивной природы слова сохраняются в его употреблении сегодня. Таким образом, знание этимологии слова нередко помогает понять особенности его современного употребления и наоборот – особенности современного употребления слова, являясь своеобразной этимологической «памятью», ориентируют этимолога при формировании этимологический гипотезы.

DUPress

6.3. К этимологии славянских названий муравьев, восходящих к псл. **morv-*, и их индоевропейских соответствий

Во всех славянских языках сохранились названия муравьев, восходящие к псл. **morv-*. Ср. болг. *мравка*, диал. *мрав*, *мра́ва*, *мравýнци* мн., *моровúньок*, (цит. по [БЕР, IV: 272–273, 275, 246]), *мръ́ва* [ШАПКАРЕВ–БЛИЗНЕВ 1967: 243], *мръвýнка* [РАЛЕВ 1977: 146], *мравýнѧкъ*, *мра́вѣй* [ГЕРОВ, III: 85], сербохорв. *mrâv*, *mravinac*, *mrâvaļ*, род. пад. *mrâvļa*, *mravļica* (RJA, VII: 41–43), словен. *mrâv*, *mrávlja*, *mrâvec*, *mravljînec*, *mravînec*, *mravljîn* (цит. по [BEZLAJ, II: 199]), русск. *муравéй*, *мура́шъ*, *мура́вль* [Даль 1955, II: 359], диал. *мýрав*, *мура́вь* (цит. по [ЭССЯ, XIX: 246, 247]), *муравéль*, *мура́вль*, *муравлú* мн. [СРНГ, XVIII: 348, 254], укр. *муравéль*, *мура́шка*, *мурва́нь*, *мурма́нька* [ГРИНЧЕНКО, II: 454, 455], белорусск. *мура́шка*, диал. *мýраў*, *муравель* (цит. по [ЭССЯ, XIX: 246, 245]), чешск. *mravenec*, слвц. *mravec*, диал. *mravka* [SSJ, II: 198] польск. *mrówka*, в.-луж. *mrowja*, *mrjowja*, *mrowja*, *mrowjo* [PFUHL: 383], н.-луж. *mroja*, устар. и диал. *mrowja* [МУКА, I: 940].

Не может не произвести впечатления формальная вариативность цитированных названий. В связи с этим ЭССЯ говорит об их многочисленных перестройках в фонетике и распределении по родам и парадигмам [XIX: 248]. Следует отметить и трудности их словообразовательного анализа. В некоторых из названий только на основании формальных критериев этимологические словари выделяют суффиксы, словообразовательное значение которых не объясняют. Например, болг. *мравýнец* (мн. *мравýнци*) ‘муравей’, *мравýняк* ‘муравейник; муравей’ [БЕР] объясняет как образованные соответственно с помощью суффиксов *-ец* и *-як* от слова *мравýн*, которое в болгарском языке засвидетельствовано со значением ‘муравейник’ и согласно словарю образовано с суффиксом *-ун*. Его словообразовательное значение словарь не объясняет [IV: 275]. А ЭССЯ в болг. *мравýнѧкъ*, *мръвýнка* отмечает наличие сложных суффиксов *-ин-’акъ*, *-инъка* и тоже не уточняет их словообразовательное значение [XIX: 245, 246]. Укр. *муравéль*, русск. *муравéль*, *мура́вль*, сербохорв. *mrâvaļ* ЭССЯ рассматривает как образованные от **morvъ*, **morvь* с помощью суффикса *-jь*, но не объясняет его словообразовательное значение, а также и противоречащее фонетическому закону наличие вокала между губным консонантами и эпентетическим l в некоторых из форм. Для русск. *муравей*, болг. *мравей*, укр. *муравий* Словарь не предлагает словообразовательного анализа [XIX: 245, 248]. Относительно последних слов [БЕР] указывает, что образованы от **marvь*/**marvъ*, но не объясняет значение словообразова-

тельного форманта [IV: 273]. Скок тоже предполагает для *mrâvalj*, род. пад. *mravlja* образование при помощи суффикса *-ji* от псл. **morvь* и не объясняет словообразовательное значение суффикса и незакономерное в таком случае появление вокала между губным консонантом и эпентетическим *l* [Skok, II: 462]. Согласно Преображенскому в русск. *муравéй*, диал. *мурáвль*, *муравéль* налицо изменение по аналогии с русск. *журавéль* [1959, I: 568].

Картину формального многообразия дополняют и следующие славянские названия, которые тоже относят к рассматриваемому этимологическому гнезду: болг. *брьби́нець*, *брьби́нѫкъ*, *броби́нець*, *броби́нѫкъ* 'муравей' [Геров, I: 71, 75], диал. *брави́няк*, *брабúняк*, *броби́няк* 'мравка' (цит. по [БЕР, I: 72]), сербск. диал. *brabȉnci* (цит. по [Skok, II: 462]), чешск. диал. *brabenec* 'муравей' [PSJČ, I: 181], *brablenec* (цит. по [Machek 1971: 378, Holub–Kopečny 1952: 232], *bravenec* [Gebauer, I: 98], болг. *врьво́рець* 'муравей' [Геров, I: 156]. Этимологические словари или не приводят доказательств о родстве этих слов с выше указанными названиями муравьев, считая его очевидным (см., например, [Holub–Kopečny 1952: 232, Machek 1971: 378, ЭССЯ, XIX: 242, 243]), или приводят недостаточно убедительные аргументы. Например, относительно болг. диал. *брави́няк*, *брабúняк*, *броби́няк* 'муравей' [БЕР] отмечает, что они образованы от *мравиняк* в результате диссимиляция *м* > *б*, однако не становится ясным между какими звуками и по какому признаку осуществлена диссимиляция [I: 72]. Вряд ли авторы словаря хотели выразить идею, что между согласными *м* и *в* больше сходства, чем между *б* и *в*. Иначе, как результат ассимиляции *м* – *в* > *б* – *в*, объяснено слово *бравиняк* и как результат ассимиляции *б* – *в* > *б* – *б* объяснено слово *брабúняк* в более поздней публикации Вл. Георгиева. Кроме того, автор обращает внимание и на изменение группы **tra*>**trot* в болг. диал. *моровúньок* и *броби́нци*, *броби́няк* и ищет объяснения в интонации [1983: 400], но пренебрегает фактом, что кроме данных форм существуют еще: *брьби́нець*, *брьби́нѫкъ*, которые регистрированы в словаре Герова. А болг. диал. *врво́рець* 'муравей' [БЕР] считает результатом диссимиляции и редукции звуков в незасвидетельствованном в болгарском языке собирательном существительном **мравор*, предполагая влияние слов: *връв*, *върва* 'веревка', *вървя* 'идти', так как муравьи движутся один за другим [I: 209].

Формальное многообразие характерно и для названий муравьев, представленных в других индоевропейских языках, которые на основании формального сходства со славянскими рассматриваются в одном этимологическом гнезде с ними. Ср. лат. *formīca*, др.-греч. *μύρμηξ*, *μύρμᾱξ*, *μύρμος*, *βόρμᾱξ*, *βύρμᾱξ*, *ὄρμικας*, 'муравей', др.-инд. *vamráḥ*, *vamrī* 'муравей', *valmīkaḥ* 'муравейник', ирл. *moirb*, арм. *mrǰiun*, род. пад. *mrǰman*, авест.

maoiriš, др.-исл. *maurr*, ср.-нидерл. *miere* (цит. по [Boisacq 1916: 651–652; Liddell–Scott 1968: 1154]). Именно из-за этого разнообразия, которое нельзя объяснить только фонетическими законами и комбинаторными фонетическими изменениями, а также из-за сходства, которое трудно может быть случайным, вопрос о индоевропейской этимологии данных названий муравьев не решен однозначно. Ср. по этому поводу замечание Преображенского, что «слово широко распространено в индоевропейских языках, но представляет большие затруднения в деталях» [I: 569]. Цитированные слова возводятся к разным, но близким индоевропейским праформам. Не совпадают, однако, мнения этимологов какие это праформы. Предполагая частичную ассимиляцию начальных звуков слогов и допуская некоторые нерегулярности, Вальде реконструирует и.-е. **u̯orm(āi)-* и **moru̯(āi)-* [Walde 1910: 308]. Для Преображенского индоевропейская форма **moru̯(āi)-* более вероятна, форма **u̯orm(āi)-* указана с уточнением «может быть». Те же две чередующиеся формы реконструирует и Боазак, хотя отмечает, что «детали остаются темными» [Boisacq 1916: 652]. Ван Вайк для др.-инд. *vamráḥ*, *vamrī* предполагает существование и.-е. **momro-*, **momrī-* (цит. по [Walde–Hofmann, I: 531]). Для лат. *formīca* в словаре Ерну и Мейе предположено происхождение от формы с неполной редупликацией **mormī* (напоминающей гр. *μύρμηξ*) с последовавшими диссимиляционными изменениями, какие осуществлены и в гр. *βόρμᾱξ*, *βόρμᾱξ*, *ὄρμικας*, а также в др.-инд. *vamráḥ*, *vamrī*, где впоследствии произошли и другие изменениями. Словарь не предлагает объяснения почему именно форма с редупликацией является этимоном данного названия, какое словообразовательное значение выражается редупликацией, а регистрированное формальное многообразие названия объясняет его принадлежностью народному языку [Ernout–Meillet 1959: 247]. К праформе с одинаковыми губными консонантами **morm-* возводит также и славянские названия Педерсен, предполагая последовавшие диссимиляционные изменения (цит. по [Walde 1910: 308]). Ссылаясь на формальное многообразие индоевропейских названий муравьев, которое объясняет их принадлежностью народному языку или табуистическими причинами, Шантрен подчеркивает, что необходимо реконструировать некоторые близкие формы (как: **morw-i* для иранских, кельтских и славянских языков; **mour* для др.-исл. *maurr*; **meur* для швед. *myra*; **worm-* для др.-инд. *vamráḥ*, *valmīkaḥ*, др.-греч. *βόρμᾱξ*; **morm-* для др.-греч. *μύρμηξ*, лат. *formīca*, если здесь произошла диссимиляция), которые не следует возводить к одному этимону [Chantraine, III: 723]. Существование разных индоевропейских праформ, не сводимых к одной исходной, предполагает и ЭССЯ, а именно: **morv(i)* – для славянских, иранских и кельтских языков, **meur-* – для германских, **mor-m-* – для латинского и греческого, **u̯or-m-* – для древ-

неиндийского и греческого, которую, однако, считает результатом метатезы [XIX: 248]. Меньшее разнообразие предполагают Лидел и Скот, которые возводят рассматриваемые индоевропейские названия муравьев только к формам с одинаковыми губными консонантами **momro-*, **momrī-*, **memro* [LIDDEL–SCOTT 1968: 1154]. Общим для всех гипотез является предположение диссимиляций либо ассимиляций, метатез в наследниках реконструированных этимонов.

Формальная реконструкция не единственная проблема этимологического анализа данных названий муравьев. Этимологические словари полностью игнорируют семантическую сторону вопроса. Во-первых, они не объясняют происхождение значения 'муравей' для рассматриваемых индоевропейских названий. Во-вторых, без объяснения остаются и другие значения, выражаемые данными словами, и их связь со значением 'муравей'. Для некоторых из них, как, например, для болг. диал. *моровúньок* 'муравей; кроткий человек' [ШАПКАРЕВ–БЛИЗНЕВ 1967: 243] эта связь прозрачна. Она объясняется универсальным переносом названий животных на человека. Также и для сербохорв. *mrâv* 'муравей; змея', *mrávak* dem. 'муравей; змея' идея об эвфемистическом происхождении значения 'змея', выраженная в словаре Скока, выглядит приемлемой [SKOK, II: 462]. Объяснение других значений, однако, связано с трудностями. Для болг. *мравýнякъ* 'муравейник; муравей' [ГЕРОВ, III: 85], например, не ясно направление переноса, если, конечно, можно одно из значений считать исходным по отношению к другому. Ср. также сербохорв. *mravinac* 'муравей; раст. Origanum vulgare' [RJA, VII: 41–42], словен. *mravînec* 'муравей', мн. 'озноб' (цит. по [ЭССЯ, XIX: 243]), польск. *mrowin* 'название растения' [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, II: 1059], укр. *муравúця* собир. 'мелкие насекомые', белорусск. диал. *муроўка* 'божья коровка', (цит. по [ЭССЯ, XIX: 242, 246], польск. *mrówka* 'муравей; мелкие бородавки' [LINDE, III: 172; KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, II: 1060), чешск. *mrva* 'насекомое' (цит. по [ОСИПОВА 1989: 167]), др.-греч. *μύρμηξ*, *μύρμαξ* 'муравей; неизвестный нам вид хищного животного в Индии' [ДВОРЕЦКИЙ 1958, II: 1116], 'скрытая скала в море [LIDDELL–SCOTT 1968: 1154], в частности, *Μύρμηξ* – скала Мирмек, находящаяся между островом Скиатос и Магнесией' [LIDDELL–SCOTT 1968: 1154; ДВОРЕЦКИЙ 1958, II: 1116]; 'рыцарская рукавица с металлическими булавками, подобными бородавкам' [LIDDELL–SCOTT 1968: 1154], поздний лат. *formīca* 'вид бородавки' [SOUTER 1964: 151]. Цитированные значения можно свести к следующим, более общим значениям: 'муравей', 'муравейник', 'мелкое насекомое', 'страшное животное', 'бородавка', 'скрытая скала в море', 'вид растения (в частности, Origanum vulgare)', 'озноб', которые требуют объяснения. Этот перечень показывает, что разнообразие характерно не только для

форм, но и для семантики слов рассматриваемого этимологического гнезда.

Итак, налицо такое различие между реконструируемыми формами, которое не позволяет отнести их к общей праформе путем применения фонетических законов и правил комбинаторных изменений. Одновременно с тем, налицо такая степень формальной близости, которая заставляет рассматривать данные названия как относящиеся к одному и тому же этимологическому гнезду. Данный факт сочетается и с фактом семантических трудностей. Все это наводит на мысль о возможности экспрессивного происхождении этимона (или этимонов) данных названий. Если добавить еще и факт, что в некоторых из названий усматривалась редупликация, то можно сформулировать рабочую гипотезу, что это названия ономатопоэтического, и в частности, образоподражательного (звукосимволического) происхождения.

Итак, можно привести следующие аргументы, подкрепляющие гипотезу о фонетической мотивированности рассматриваемых слов:

Во-первых, не только о лат. *formīca*, др.-греч. *μύρμηξ*, *μύρμυξ*, *μύρμος*, *βόρμυξ*, *βύρμυξ*, *ὄρμικας*, др.-инд. *vamráḥ*, *vamrī*, *valmīkaḥ* можно предположить образование при помощи редупликации, как это утверждается в некоторых из цитированных выше словарей. В большинстве из приведенных слов, в том числе и славянских, можно усмотреть редупликацию. И это редупликация трех типов: полная модели CVR-CVR (или C̨R- C̨R), неполная (ломанная, усеченная) модели: CV-CVR (или CV- C̨R) и неполная модели: CVR-C (или C̨R-C). Конечно, как было уже отмечено, в словах, образованных при помощи редупликации, прошедших длинный путь развития, не следовало бы ожидать увидеть повторение одних и тех же вокалов и консонантов, так как из-за ряда причин (как диссимиляционные изменения с целью облегчения артикуляционного аппарата, закономерные изменения одинаковых звуков, попавших в разное фонетическое окружение, незакономерные изменения в связи с экспрессивностью слов) редупликация может «замаскироваться» и только специальный анализ может доказать ее существовани.-е. Учитывая сказанное и допуская диссимиляционные изменения, в том числе: (1) *m – m* > *m – v/b* или *v/b – m* и (2) *R – R* > *R – n/i̯*, исследованные названия можно сгруппировать следующим образом:

– слова с полной редупликацией модели CVR-CVR (или C̨R-C̨R): болг. диал. *моро-вин-ьок*, *мръ-ву́н-ка*, *мра-ву́н-ѧкъ*, *мра́-вѣй*, сербохорв. *mra-vin-ac*, *mrâ-vaḷ*, словен. *mrá-vl-ja*, *mra-vl-jînec*, *mra-vîn-ec*, *mra-vl-jîn*, русск. *мура-ве́й*, *мура́-вль*, *мура-ве́ль*, укр. *мура-ве́ль*, *мур-ва́нь*, *мур-ма́нь-ка*, белорусск. *мура-вель*, чешск. *mra-ven-ec* (<**mVR-mVR-* / **mVR-mR̨-*);

– слова с неполной редупликацией модели CV-CVR (или CV-CR̥): др.-инд. *va-mr-áḥ*, *va-mr-ī* (<**mV-mVR*-);

– слова с неполной редупликацией модели CVR-C (или CЁ-C): болг. *мра-в-ка*, диал. *мра-в*, *мрá-в-а*, *мръ́-в-а*, сербохорв. *mrâ-v*, словен. *mrâ-v*, *mrâ-v-ec*, русск. *мурá-шъ*, *мъ́ра-в*, *мурá-вь*, укр. *мурá-ш-ка*, белорусск. *мурá-ш-ка*, диал. *мъ́ра-ў*, слвц. *mra-v-ec*, диал. *mra-v-ka*, польск. *mró-w-ka*, в.-луж. *mro-w-ja*, *mrjo-w-ja*, *mro-w-ja*, *mro-w-jo*, лат. *for-m-īca*, др.-греч. *μύρ-μ-ηξ*, *μύρ-μ-υξ*, *μύρ-μ-οϛ*, *βόρ-μ-υξ*, *βύρ-μ-υξ*, *ὄρ-μ-ικαϛ*, др.-инд. *val-m-īkaḥ*, ирл. *moir-b*, (<**mVR-m-*/**mR̥-m*-).

Если в др.-инд. *vamráḥ*, *vamrī* осуществилось изменение в результате метатезы (<**var-m-a-s*, *-ī*), как это допускает Вальде [WALDE 1910: 308], то данные формы следовало бы отнести к словам с неполной редупликацией типа CVR-C. Словен. *mrá-vl-ja*, *mra-vl-jîn* можно рассматривать как формы с полной редупликацией, если произошли от **mor-vьl-ja*, **mor-vьl-jinъ*, и – как формы с неполной редупликацией, если произошли от **mor-v-ja*, **mor-v-jinъ*. Возможно, что некоторые из форм (например, *mravljîvec*) являются результатом контаминации. При характерной для фонетически мотивированных слов вариативности контаминация является частым явлением.

Из цитированных выше названий к праформам с редупликацией трудно возвести авест. *maoiriš*, др.-исл. *maurr*, ср.-нидерл. *miere*.

Полную редупликацию можно усмотреть также в болг. *брь-би́н-ец*ь, *брь-би́н-ѫкъ*, *бро-би́н-ец*ь, *бро-би́н-ѫкъ* ‘муравей’, диал. *бра-ви́н-як*, *бра-би́н-як*, *бро-би́н-як* ‘мравка’, сербск. диал. *bra-bȉn-ci*, чешск. диал. *bra-ben-ec* ‘муравей’, *bra-ble-nec*, *bra-ven-ec*, болг. *врь-во́р-ец*ь ‘муравей’. И здесь наблюдается характерная для фонетически мотивированных слов вариативность и контаминация (в форме *bra-ble-nec*).

К формам с редупликацией с одинаковыми губными консонантами **mVR-mVR*- / **mVR-mR̥*-; **mV-mVR*- и **mVR-m-*/**mR̥-m*- можно возвести и другие славянские названия насекомых, головастиков, мелких рачков, как:

– болг. диал. *мръ́-мор-ец*, *мър-мо́р-ец* ‘головастик’ (цит. по [БЕР, IV: 416]), *мръ-мо́р* ‘маленький коричневый рачок, который встречается в холодных родниках’ (цит. по [БЕР, IV: 416]), *мрá-мор-ец* ‘то же’, *мрá-мор-ци* ‘головастики’ (цит. по [БЕР, IV: 280]), *мрá-мор-ец*ь ‘Gammarus fluviatilis, живет в воде’ [ГЕРОВ, III: 48], болг. *мрá-мор* ‘маленькие животные черного цвета, которые в большом количестве плавают на поверхности тихой воды, кишат и играют’ [ГЕРОВ, VI: 211], болг. диал. *мр-мол-ец* ‘маленький рачок’ (цит. по [БЕР, IV: 416]), болг. диал. *мла́-мол-ец* ‘насекомое… которое водится в муке’ (цит. [БЕР IV: 160]), сербохорв. *mr-mo̱l-ak* ‘Gammarus fluviatilis; головастик; небольшое животное, обитающее в воде; водяная ящерица; Triton vulgaris; лягушечья икра; саламандра’, *mr-*

mor-je ‘черви’, *mr-mļ-ac*, *mr-mļ-ak*, *mr-mń-ac* ‘лягушонок, головастик’ [RJA, VII: 74–75], русск. диал. *мур-мыш*, *мар-маш* ‘небольшой водяной рачок, рачок-бокоплав, используемый в качестве естественной приманки для ловли рыб’ (цит. по Меркулова 1973: 183) (< **мор-мал-*)[559], *мур-мыш* ‘головастик’ [СРНГ, XVIII: 168], *мъ́р-маш* ‘водяной рачок, *мор-мыш* (Мурмаш – это червячки такие – один сантиметр длины, прилипают на морду [рыболовный снаряд]. У него много ног, стерлядь любит его)’, *мъ́р-маш-и* мн. ‘водяные насекомые [какие?]’ [СРНГ, XVIII: 357], русск. диал. *мумрыш* ‘рачок, употребляемый как приманка для рыбы’ [СРНГ, XVIII:254] (вероятно, от **мор-мыш*), *бор-мош-и́* мн. ‘черви для ловли рыбы (не дождевые)’, *бар-ма́ш* ‘мелкий рачок отряда бокоплавов, серо-зеленого цвета, употребляется в качестве приманки для ловли рыбы (при ловле удочкой)’ (цит. по [Меркулова 1973: 184]) (<**mVR-mVR- / *mVR-mR̥- / *mR̥-mVR-*);

– болг. *ма-мар-е́ць*, ‘маленькие животные черного цвета, которые в большом количестве плавают на поверхности тихой воды, кишат и играют, Gyrinus natator, вертячки’, диал. *ма-мор-ець* ‘Gammarus fluviatilis, живет в воде’ [Геров, III: 47–48], *мо̏-мар*, *мо̏-мар-ец*, *мо̏-мар-ица*, *мо̏-мар-ка*, ‘Gyrinus natator’ (цит. по [БЕР, IV: 227]), *му-марь-е́ц* ‘маленький рачок, который живет в холодных родниках’, *мъ́-мар-ец* ‘маленький рачок, который живет в холодных родниках, один из видов Gammarus sp.’, *мъ-мор-е́ц* ‘маленький рачок, который живет в холодных родниках, Gyrinus natator’, *мъ́-мр-ец* ‘то же’ (цит. по [БЕР, IV: 321, 394]) (<**mV-mVR-*);

- русск. диал. *мара-м-ы̀га* ‘насекомое (Марамыгами называют тех насекомых, наподобие вшей, которые ползают в стоячей воде, в лужах)’ (цит. по [Меркулова 1973: 184]), сербохорв. диал. *mr-m-ica* ‘вид насекомого, живущего на капусте’, *mr-m-ak* ‘лягушонок, головастик’, *mŕ-m-ak* ‘букашка’ [RJA, VII: 71–73] (<**mVR-m-/*mR̥-m-*).

Открывая формальное сходство между некоторыми из цитированных в этом ряде сербских и хорватских названий и звукоподражательными глаголами с редупликацией, как сербохорв. *mrmorati*, *mrmljati* и др., Скок относит их к одному и тому же этимологическому гнезду [Skok, II: 469], хотя и не объясняет какова может быть связь между названиями «безгласных» насекомых, червячков, головастиков и звукоподражательными глаголами. По-видимому, Скок не пришел к идее о звукосимволическом происхождении этимонов рассмотренных названий червячков, головастиков, насекомых точно также, как и авторы большинства этимологических словарей не пришли к такой идее ни об одном слове, полностью игнорируя такую возможность. Идея Скока, критикуемая авторами некоторых эти-

[559] Относительно изменения формы ср. с русск. *барабуля* ‘картофель’, *барабошка* ‘земляное или чертово яблоко’ [Даль 1955, I: 47].

Burgas

мологических словарей (см., например, [БЕР, IV: 416]), воспринята Осиповой, которая развивает ее дальше [1989: 165–169]. Осипова считает, что «основой наименования мелких животных может стать представление о них как о кишащих беспорядочно крутящихся и скапливающихся тварях», а также, что существует связь между представлениями о «невнятных, бессмысленных звуках (в том числе и речи) и хаотическом, также лишенном осмысленности движении». В качестве доказательств автор приводит чешск. *mrva* ‘насекомое’, *mrviti se* ‘кишеть, копошиться’, диал. *mrvit* ‘говорить с трудом’; чешск. *hmyz* ‘насекомое’, *hemžiti se* ‘кишеть, копошиться’ [1989: 167]. Схематически данную гипотезу о семантической эволюции названий мелких насекомых, рачков, головастиков можно представить следующим образом: (1) ‘издавать невнятные звуки, бормотать’ > (2) ‘двигаться хаотически, кишеть’ > (3) ‘мелкие кишащие насекомые’.

Вторую часть гипотезы, а именно связь значений ‘кишеть’ и ‘мелкие кишащие насекомые’ можно считать доказанной. Ее подтверждает ряд семантических параллелей. Кроме приведенных Осиповой примеров: чешск. *mrva* ‘насекомое’ и *mrviti se* ‘кишеть, копошиться’; чешск. hmyz ‘насекомое’ и *hemžiti se* ‘кишеть, копошиться’, ср. еще: болг. *мравѣлникъ*, *мравъ́нище* ‘муравейник’ [Геров, III: 85], диал. *мраву́лник*, *мрава́лник*, *мрави́лник* ‘муравейник’ (цит. по [БЕР, IV: 272]) и болг. *мраву́лѣкъ* ‘муравейник; о мелких животных: что-то в большом количестве, кишащее’ [Геров, III: 85], *мравулѣ* ‘о чем-нибудь похожем на муравейник, которое движется, шевелится’ [Геров, III: 84–85]; болг. *гжглѣк* ‘насекомое Oniscus asellus, которое водится во влажных местах и гнилых деревьях’ [Геров I: 265] и болг. *гжгли́ще*, *гжглу* ‘о мелких кишащих тварях’ [Геров I: 265].

Первую часть гипотезы Осиповой, однако, нельзя считать доказанной. Если наблюдается формальное совпадение или сходство между звукоподражательными глаголами, в частности, глаголами со значением ‘издавать невнятные звуки, бормотать’ и глаголами со значением ‘двигаться хаотически, кишеть’, то это не является доказательством прямой связи между данными значениями. Первые основаны на звукоподражании, их звуковая форма создает представление о звуковом образе, а вторые – на образоподражании, их звуковая форма создает представление о незвуковом образе, воспринимаемом зрительным анализатором. Общей для них является прямая связь между означающим и означаемым, т. е. фонетический способ мотивации, а также использование одних и тех же звуковых комплексов и одного и того же примитивного словообразовательного способа – редупликации. Это иногда приводит к формальному сходству и даже тождеству между звукоподражательными и образоподражательными словами, что влечет за собой ошибочные гипотезы о родстве между значениями, созданными на базе звукоподражания и образоподражания.

Следует отметить, что в звуковой форме многих слов, означающих хаотические, а также медленные, нестандартные, неуклюжие движения, можно усмотреть редуплицированные звуковые комплексы (полную и неполную редупликацию по рассмотренным выше моделям), конечно, с осуществленными диссимиляционными изменениями. Этот факт можно считать типологическим доказательством образоподражательного происхождения их этимонов. Ср. болг. *пъ-пл-ъ́к*[560] 'о букашках: ползать; идти медленно потихоньку; волочиться; о мелких тварях, когда их много: кишеть, гомозиться' [ГЕРОВ, IV: 406], *пъ́-пл-як* 'толпа, сутолока' (цит. по [БЕР, VI: 65]); болг. *гж-гл-ъ́ще*, *гж-гл-у* 'о мелких кишащих тварях' [ГЕРОВ I: 265]; болг. *мра-вул-ъ́к* 'о чем-нибудь похожем на муравейник, которое движется, шевелится', *мра-въ́л-ъ́къ* 'муравейник; о мелких животных: что-то в большом количестве, кишащее' [ГЕРОВ, III: 84–85], в.-луж. *mro-w-ić*, *mro-w-jeć* 'копошиться, кишеть как муравьи' [PFUHL 383], н.-луж. *mro-w-jaś se* 'кишеть (о муравьях или как сравнение с муравьями)' [MUKA, I: 940], польск. *mro-w-ić się* 'роиться, сновать, кишеть, как муравьи' [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, II: 1059], чешск. *mr-v-iti se* 'кишеть, копошиться'; болг. диал. *въ́р-вол-и́ца́м се*[561] 'ходить туда-сюда без дела', болг. *въ́р-вол-и́ца*, *въ́р-вол-я́к* 'вереница', диал. *въ́р-вар-и́к*, *въ́р-вар-и́я* 'то же', сербохорв. *vr-vl-jeti* 'стуиться, течь', словен. *vr-v-ẹ́ti* '(о скоплении людей) кишеть, шуметь', болг. *въ́р-в-я́* 'идти пешком' (цит. по [БЕР, I: 187, 209]). Возможно, что к данному перечню названий можно отнести и болг. *гъм-ж-ъ́к*, *гъм-ж-ъ́к* 'кишеть' [ГЕРОВ, I: 262, 263], болг. *гъ́м-жел* 'скопление кишащих живых существ', сербохорв. *gàm-z-iti* 'ползать' (цит. по [БЕР, I: 301]), русск. диал. *гмы-з-а* 'множество' [СРНГ, VI: 233] (<**gъm-z-* <**gm-g'-*).

Образоподражательное происхождение этимонов данных слов доказывается также их формальной вариативностью (ср. в.-луж. *mro-w-ić*, *mro-w-jeć*, н.-луж. *mro-w-jaś se*, польск. *mro-w-ić się* < **morv-* и чешск. *mrviti se* < **mъrv-*; болг. *въ́р-вол-и́ца*, *въ́р-вол-я́к* и *въ́р-вар-и́к*, *въ́р-вар-и́я*; болг. *гъм-ж-ъ́к*, *гъм-ж-ъ́к*, сербохорв. *gàm-z-iti* < **gъmz-* и русск. диал. *гмы-з-а* < **gmyz-*) и наличием параллельных форм с полной и неполной редупликацией (ср. болг. *въ́р-вол-и́ца*, *въ́р-вол-я́к*, *въ́р-вар-и́к*, *въ́р-вар-и́я*, сербохорв. *vr-vl-jeti* : болг. *въ́р-в-я́*, словен. *vr-v-ẹ́ti*; болг. *мра-вул-ъ́к* : в.-луж. *mro-w-ić*, *mro-w-jeć*, н.-луж. *mro-w-jaś se*, польск. *mro-w-ić się*, чешск. *mr-v-iti se*;

[560] Из-за формального и структурного сходства со звукоподражательными словами относительно болг. *пѝпля* БЕР высказывает гипотезу о звукоподражательном происхождении слова и начальном значении, связанном с действием, сопровождаемом небольшим шумом [VI: 65].

[561] Данный ряд слов БЕР считает производными от псл. **vьrvь*, происхождение которого не объясняет [БЕР, I: 187, 209].

болг. *гъ́м-жел* : болг. *гъм-ж-ѣ́к*, *гым-ж-ѣ́к*, сербохорв. *gàm-z-iti*, русск. диал. *гмы-з-а* ‘множество’).

Как было показано выше, аналогичный параллелизм наблюдается и при рассматриваемых индоевропейских названиях муравьев. Можно сделать вывод, что они являются наследниками образоподражательных этимонов, выражающих диффузное значение ‘кишеть; что-то кишащее’, наследниками которых являются также глаголы со значением ‘кишеть’ (как болг. *мравулѣ́к*, в.-луж. *mrowić*, *mrowjeć*, н.-луж. *mrowjaś se*, польск. *mrowić się*, чешск. *mrviti se*) и существительные, обозначающие ‘кишащее множество’ (болг. *мравъ́лякъ*, *мравъ́н* и др.).

Гипотеза об образоподражательном происхождении рассмотренных индоевропейских названий муравьев позволяет объяснить их формальную вариативность и фонетические изменения, не соответствующие фонетическим законом. Формальная вариативность является особенностью ономатопоэтических слов в момент их рождения и поэтому точное определение их этимологических гнезд невозможно. Кроме того, всегда возможно и независимое происхождение фонетически мотивированных слов, близких по форме и значению, также как возможны и значительные различия при наличии родства. Поэтому с большей степенью вероятности можно определять звукосимволическое происхождение данного слова и с гораздо меньшей – его этимологическое гнездо. Но если наблюдается лексикализация одних и тех же конкретных или абстрактных значений (развитых от более общих образоподражательных), для которых невозможна прямая образоподражательная мотивированность, даже при наличии формальной вариативности и незакономерных различий, можно предположить их общее происхождени.-е. Таким является случай с рассматриваемыми индоевропейскими названиями муравьев. Характерные для фонетически мотивированных слов контаминации также затрудняют определение этимологических гнезд. Поэтому категорически относить или не относить к одному и тому же гнезду названия как болг. *мравка*, *мравъ́лякъ*, *мрбвѣ́й* и *брьбинец*ь, *брьбинякъ*, *бробинец*ь, *бробинякъ* и т.д. нет надежных доказательств.

По всей вероятности, с данным этимологическим гнездом не связано болг. диал. *вървурец*ь ‘муравей’, для которого можно предположить общее происхождение с образоподражательными словами: болг. *вър-вол-и́цам се* ‘ходить туда-сюда без дела’, *вър-вол-и́ца*, *вър-вол-я́к*, *вър-вар-и́к*, *вър-вар-и́я* ‘вереница’, *вър-в-я́* ‘идти пешком’, сербохорв. *vr-vl-jeti* ‘струиться, течь’, словен. *vr-v-ẹ́ti* ‘(о скоплении людей) кишеть, шуметь’.

Гипотеза об образоподражательном происхождении рассмотренных названий муравьев проливает свет и на семантическую сторону вопроса и позволяет объяснить связь между значениями, выражаемыми ими.

1. Выражение значений ‘муравей’ и ‘муравейник’ болгарским словом *мравъня́къ* можно объяснить развитием обоих значений от первоначального звукосимволического значения ‘что-то кишащее’, характеризующегося диффузностью и экспрессивностью в момент создания слова. В таком случае значение ‘большое множество движущихся людей’, выражаемое болг. *мравъня́к*, которое сегодня воспринимается как переносное [РБЕ, IX: 700], с эволюционной точки зрения является архаизмом.

2. Значение ‘мелкое насекомое’, выражаемое укр. *муравъця* собир. ‘мелкие насекомые’, чешск. *mrva* ‘насекомое’, тоже может быть наследником первоначального значения ‘что-то кишащее’ через связывающее звено ‘мелкое кишащее насекомое’. От значения ‘мелкое насекомое’, возможно, развито значение ‘божья коровка’ белорусск. диал. *муроўка*.

3. Значение ‘страшное животное’, или в частности, ‘неизвестный нам вид хищного животного в Индии’, выражаемое др.-греч. *μύρμηξ*, *μύρμαξ*, может быть результатом смешивания разных этимологических гнезд слов с образоподражательной мотивированностью. Фактом является то, что многие названия, обозначающие что-то страшное, вызывающее, содержат редуплицированные звуковые комплексы и на этом основании можно предположить, что они возникли как образоподражательные названия. Ср. др.-греч. *γορ-γ-ός* ‘ужасный, дикий’ (Boisacq: 154), Γορ-γ-ώ ‘Горгона’, др.-болг. гро-ѕ-а ‘ужас’(цит. по [БЕР, I : 283], где происхождение слова не получило объяснения), болг. *кор-кул-ук* ‘чучело’ [Геров, II: 399], болг. диал. *бъ-бур-а́к* ‘злой дух, вампир’ [Стойчев 1965: 132], *джан-гол-уз* ‘страшилище вроде вампира, но не такое свирепое и кровожадное’ [Геров VI: 19, 91], *го-гош* ‘вампир’ (цит. по [БЕР, I: 259]), словацк. *mrá-mor-a* ‘призрак’ (цит. по [ЭССЯ, XIX: 236]). См. п. 4.10.

4. Значение ‘бородавка’, выражаемое др.-греч. *μύρμηξ*, *μύρμαξ*, поздним лат. *formīca*, польск. *mrówka*, выражающими и значение ‘муравей’, тоже может быть результатом смешивания разных этимологических гнезд слов с образоподражательной мотивированностью. Оно может быть наследником первоначального значения ‘что-то маленькое, незначительное, обычно овальной формы’, которое нередко выражается словами с редупликацией. См. п. 4.1.

5. Значение ‘скрытая скала в море’, выражаемое др.-греч. *μύρμηξ*, *μύρμαξ*, тоже может быть результатом смешивания разных этимологических гнезд. Оно может быть наследником более общего значения ‘выпуклость’, см. п. 4.1.3.5.

6. Результатом смешивания разных этимологических гнезд образоподражательных слов является и значение ‘озноб’, выражаемое словенским названием для муравья *mravînec*. В качестве типологических параллелей, доказывающих образоподражательное происхождение значений ‘холод-

ный; мерзнуть; знобить; озноб; дрожать', ср. п. 4.9.11. Возможно, что и фразеологизмы типа русск. *мурашки бегают по коже*, болг. *мравки ме полазват* 'об ознобе' является результатом того же смешивания этимологических гнезд. Из-за формального сходства происходит контаминация языковых выражений. Ср. также болг. диал. *бробúнци* мн. 'озноб' (цит. по [БЕР, I: 80]) с болг. *брьбúнець*, *брьбúнѣкъ*, *бробúнець*, *бробúнѣкъ* 'муравей'.

7. По всей вероятности, со значением 'озноб' связано и значение 'вид растения (в частности, Origanum vulgare)', выражемое сербохорв. *mravinac*. Origanum vulgare – это целебная трава, которая обладает противосудорожным, успокаивающим действием.

Что касается цитированных выше названий маленьких рачков, насекомых, головастиков, содержащих редуплицированные звуковые комплексы, с большей степенью вероятности можно высказать гипотезу об их происхождении от звукосимволических этимонов, выражающих более общие, диффузные значения типа 'что-то кишащее' или 'что-то маленькое, незначительное, обычно овальной формы', и с меньшей – определить их родственные связи. Возможно, что они относятся к этимологическому гнезду рассмотренных индоевропейских названий муравьев, но для такой гипотезы нет доказательств.

DUPress

6.4. К этимологии гр. *κόκκαλο(ν)*, болг. *кóкал* ‘кость’

Болг. *кóкал* ‘кость’ как название части тела среди славянских языков имеет соответствие только в сербохорватском: *кокала*, диал. *кокало* ‘большая кость’ [РСА, IX: 724]. [БЕР] считает слово заимствованием новогреческого *κόκκαλο(ν)* ‘кость’ [БЕР, II: 532], которое как соматическое название является новым. В древнегреческом регистрирована форма мужского рода *κόκκαλος* со значениями ‘семя хвойной шишки’ и ‘шишка хвойного дерева’ (цит. по [Frisk 1960–1972, I: 895]). Боазак, Фриск и Шантрен считают данное слово образованным от др.-гр. *κόκκος* ‘зерно, семя (граната, мака, сосны, пшеницы, сорняка, который водится в пшенице); небольшое количество; плод дуба Quercus coccifera, используемый для добычи красной краски; дуб Quercus coccifera; пилюля; testicles; pudenda muliebria’ (см. значения в [Liddell–Scott]), чью этимологию считают неясной [Boisacq 1916: 482; Frisk 1960–1972, I: 895; Chantraine 1968–1980: I: 553]. Согласно Шантрен др.-гр. *κόκκαλος* содержит суффикс с разговорным характером, а Боазак и Фриск не комментируют словообразовательную структуру слова. Как соматическое название слово считается заимствованным также арум. *cócală* и алб. *kōkál* [БЕР, II: 532]. Семантическое развитие от ‘зерно, семя’ или ‘шишка хвойного дерева’ до ‘кость’ цитированные словари тоже не уточняют. Если все-таки имеются бесспорные факты, которые свидетельствуют от связи между подобными значениями, то они свидетельствуют все-таки об обратном семантическом развитии: ‘кост’ > ‘косточка’. Ср., например, др.-гр. *οστεον* ‘кость; косточка (фрукта)’ [Liddell–Scott], лит. *káulas* ‘кость; косточка фрукта’ [LKŽ], русск. *кость*, *косточка*. Следовательно, в уточнении нуждается как происхождение др.-гр. *κόκκος*, *κόκκαλος*, так и семантическое развитие от ‘зерно, семя’ до ‘кость’ греческой лексемы *κόκκαλος* (*κόκκαλο(ν)*). Как отмечает Бешевлиев, изменение рода лексемы может осуществиться на основании аналогии с *οστεον* [1939: 231].

Следует отметить, что в этимологических словарях не греческого языка высказывалось мнение, что др.-гр *κόκκος* является детским словом, подобно болг. *коко* ‘яйцо, орех, яблоко, конфета и др.’, *бобо* ‘фасоль, конфета’, русск. *кока* ‘яйцо, лакомство, игрушка’, чешск., польск. *koko* ‘яйцо’, итал. *coccо* ‘кокосовый орех; яйцо’, осет. *gaga* ‘зерно, лакомство’ и др. [Абаев 1958, I: 505; Фасмер, II: 281; БЕР, II: 535]. Трудно определить точно, возникло ли др.-гр. *κόκκος* как детское слово, так как не регистрировано с соответствующими значениями, а и регистрированные значения не типичны для детского слова (хотя они могут быть результатом дли-

тельного развития). Очевидно, однако, что данное древнегреческое слово образовано при помощи редупликации (по модели CV-CV). Оно может быть сопоставлено с цитированными в п. 4.1. словами и на основании формально-семантического параллелизма отнесено к образоподражательным словам. Редупликацию, но по другой модели (неполную, типа CV-CR̥), можно усмотреть и в др.-гр. *κόκκαλος* ‘семя хвойной шишки’ и ‘шишка хвойного дерева’. На основании фармально-семантического параллелизма с названиями шарообразных предметов (см. тоже п. 4.1.) его можно определить как образоподражательное по происхождению, с первоначальным значением ‘маленький предмет овальной формы’.

Данные слова не являются изолированными в контексте греческого языка. Аналогичные формально-семантические отношения характерны и для других греческих слов с подобной формой. Ср. следующие лексемы, в которых можно усмотреть праформы со всеми видами редупликаций: CV-CV, CS̥-CS̥, CVS-CVS, CV-CS̥, CV-CVS, CS̥-V, CVS-C (см. п. 3.2.), где на месте консонанта возможны и.-е. **k* или **k'*:

др.-гр. *κο-κκ-ίον* ‘пилюля’ [LIDDELL-SCOTT],
др.-гр. *κο-κκάρ-ιον* ‘пилюля’ [LIDDELL-SCOTT],
др.-гр. *κο-κκάλ-ια* ‘маленькие морские моллюски’ [LIDDELL-SCOTT],
др.-гр. *κό-κκων* ‘зерно граната; плод растения Viscum album’ [LIDDELL-SCOTT],
др.-гр. *κρο-κ-ος* ‘шафран; желток яйца’ [LIDDELL-SCOTT],
др.-гр. *κρο-κ-υς* ‘свалявшиеся комочки мха на шерстяной одежде’ [LIDDELL-SCOTT],
др.-гр. *κρό-κ-η* ‘маленький камушек на берегу моря’[LIDDELL-SCOTT],
др.-гр. *κρο-κάλ-η* ‘маленький камушек на берегу моря’ [LIDDELL-SCOTT],
гр. диал. *κορ-κάρ* ‘лук-сеянец’ (цит. по [СОБОЛЕВ 2001: 85]),
гр. *κο-κάρ-ι, κου-κάρ-ι* ‘лук-сеянец; семя’ [MEE: 674],
гр. *κρο-κκάρ-ι* ‘лук-сеянец; семя’ [MEE: 674],
гр. нар. *κό-κκολ-ι* ‘Agrostemma’ [MEE: 680].

Значения данных слов тоже выводимы из первоначального значения ‘маленький предмет овальной формы’

От цитированных выше праформ с редупликацией выводимы также слова других индоевропейских языков, которые называют маленькие шарообразные предметы. Ср., например:

санскр. *çar-kar-aḥ* ‘брус, камень’ (цит. по [BOISACQ 1916: 519]),
пракр. *ka-kkar-a-* ‘камень, камешек’ [TURNER 1966: 143],
ассамский *ka-kkol* ‘ароматный плод’ [TURNER 1966: 127],
лат. *cal-car* ‘шпора’ [LEWIS –SHORT],
лат. *cur-cul-io* ‘насекомое, вредитель злаков’ [LEWIS –SHORT],

BUPress

лат. *cal-cul-us* ‘камешек; камень в почках или в мочевом пузыре; камешек для счета; камешек для голосования; камешек для игры; о маленьком весе’[LEWIS –SHORT],

лит. диал. *kar-kãl-ė* ‘вошь’ [LKŽ],

лит. диал. *kar-kól-as* ‘комок; колобок’ [LKŽ],

лит. *kan-kór-ėžis* ‘плод хвойного дерева; початок кукурузы’ [LKŽ],

лит. диал. *kìr-k-užė, kuř-k-užė* ‘плод хвойного дерева’ [LKŽ],

лит. диал. *kuř-kul-as*, обычно мн. ‘лягушачья икра; комок спутавшейся пряжи, шерсти; кусок; нарост на голове индюка между глазами, над клювом’, *kuř-kal-as* ‘лягушачья икра’, *kur-kól-as* ‘лягушачья икра; комок спутавшейся пряжи’ [LKŽ].

Этот перечень можно продолжить также цитированными выше славянскими названиями маленьких шарообразных предметов с редупликацией, в которых на месте консонанта находим *k* или *š* (на месте и.-е. **k* или **k’*).

С большей степенью вероятности обо всех этих словах можно утверждать, что возникли как звукосимволические обозначения с первоначальным значением ‘маленький предмет шарообразной формы’, и с гораздо меньшей – определять их этимологические гнезда. Таким образом, нельзя и относительно др.-гр. *κόκκαλος* и *κόκκος* категорически утверждать, что имеют общее происхождение. Если все-таки между ними существует этимологическая связь, то исходной следует считать форму *κόκκαλος*, от которой *κόκκος* может быть образована в результате редеривации. Среди цитированных выше слов аналогические формально-семантические отношения можно наблюдать между др.-гр. *κρο-κάλ-η* и *κρό-κ-η*. Еще примеры см. выше, в п. 5.2.

Что касается семантического развития ‘зерно, семя’ > ‘кость’, какое предполагается для гр. *κόκκαλος (κόκκαλο(ν))* (если действительно н.-гр. *κόκκαλο(ν)* ‘кость’ является наследником др-гр. *κόκκαλος* ‘семя хвойной шишки; шишка хвойного дерева’), судя по представленной в п. 4.1. классификации названий шарообразных предметов, оно возможно через связывающее звено ‘игральный камешек, игральный шарик, игральная кость’ (см. п. 4.1.3.8.). От такого значения может развиться значение ‘кость’. Такое семантическое развитие характерно для нем. *Knocken* ‘кость’, которое этимологически связано с англ. диал. *knuckles* мн. ‘игра в шарики’ [WRIGHT 1961, III: 486], англ. *knuckle* ‘сустав пальца руки’, мн. ‘игральные кости’. В этом слове тоже можно усмотреть редупликацию и, возможно, в прошлом обозначало ‘маленький предмет овальной формы’. Такую гипотезу подкрепляет значение старонорвежского слова *knykill* ‘узелок’ (цит. по [WEBSTER’S 1981, II: 1253]), с которым возможна этимологическая связь. Трудно определить имеют ли данные германские лексемы общее происхождение с рассматриваемым греческим словами, так как фонетически мотивированные слова, близкие по форме и значению, могут иметь и

независимое происхождени.-е. Семантическое развитие ‘маленький предмет овальной формы’ > ‘игральная кость’ > ‘щиколотка; сустав пальца’ характерно также для др.-гр. ἀστράγαλος ‘раст. Orobus niges; игральная кость; сферическая кость щиколотки; маленькая кость (например, в позвоночнике)’ [LIDDEL–SCOTT]), лит. *kulkšnis* ‘пятка; щиколотка; торчащая кость (щиколотки); кость сустава задней ноги животного’ (известно, что кости задней ноги животного употреблялись как игральные), которое этимологически связано с *kulkšnė* ‘раст. Astragalus’ [LKŽ].

В греческом языковом континууме значения ‘игральный камешек, игральный шарик, игральная кость’ и ‘кость щиколотки; кость сустава пальца’, которые являются необходимыми связывающими звеньями семантического развития ‘маленький предмет овальной формы’ > ‘кость’ для лексемы *κόκκαλος (κόκκαλο(ν))* не регистрированы. В современных говорах греческого языка слово *κόκκαλος* употребляется со значениями ‘кость’ и ‘бок’, а производные от деминутивной формы *κοκκάλιον* слова регистрированы со следующими значениями: *κοκκόλι* ‘семечко, косточка плода’, *κακκαλ’* ‘орех; лесной орех; миндаль’, *κάκκαλο(ν)* ‘testis’[ANDRIOTIS 1974: 322].

В болгарских говорах, однако, представлены все звенья семантического развития ‘маленький предмет овальной формы’ > ‘игральный камешек, игральный шарик, игральная кость’ > ‘кость щиколотки; кость сустава пальца руки’ > ‘кость’ лексемы *кокал*. Ср. следующие названия растений, которые имеют плоды или цветочки шарообразной формы: болг. диал. *змиини кокале* ‘сорняк в злаках, который рожает коричневые плоды, немного меньше гороха’, *мазно кокалче* ‘растение лютик’ (цит. по [БЕР, II: 531]). Ср. также такие названия маленьких шарообразных предметов, как *кóкъл/кóкал* ‘косточка фрукта’ [ГЕРОВ, II: 386; СТОЙЧЕВ 1970: 179], *кóкъл* ‘пуговица’ [БОЯДЖИЕВ 1971: 46]. Они не содержат деминутивные суффиксы. Поэтому их не следовало бы считать образованными от соматического названия *кокал*, которое обозначает, скорее всего, ‘большую кость’ (а не просто ‘кость’, какое толкование слова дано в РБЕ [VII: 594–595]), т. е. семантический компонент ‘маленький’ выражается самим корнем слова. Значения ‘игральный шарик, игральная кость’ и ‘косточка щиколотки; косточка сустава пальца руки’ выражаются деминутивной формой слова *кокалче*, мн. *кокалчета* (цит. по [БЕР, II: 531]). Именно они являются связывающими звеньями в семантическом развитии ‘маленький предмет овальной формы’ > ‘кость’. Вероятно, то, что деминутивная форма данного слова специализировалась в выражении значений ‘игральная кость; щиколотка; сустав пальца руки’ [РБЕ, VII: 595], стало причиной для того, чтобы основная форма слова *кокал* стала связываться с семантическим компонентом ‘большой’ и обозначать прежде всего большую кость (точнее, не маленькую кость), в отличие от своего синонима *кост* ‘кость’, который не выражает данный компонент значения.

На основании этих фактов можно предположить, что гр. *κόκκαλο(ν)* ‘кость’ заимствовано из болгарского языка (т. е. является семантической калькой), где представлены все звенья развития от ‘маленький предмет овальной формы’ до ‘кость’. Такая гипотеза подкрепляется и греческим словом *κοκκάλα* ‘большая кость’, совпадающей в известной степени (все-таки ударение разное) с болгарской определенной (дефинитной) формой *кóкала*, которая при заимствовании могла быть осмыслена как основная. Представим схематически предположенное семантическое развитие и языковые факты, которые его подкрепляют:

‘маленький предмет овальной формы’	‘игральный камешек, игральный шарик, игральная кость’	‘щиколотка; сустав пальца руки’	‘кость’
ст.-норв. *knykill* ‘узелок’	англ. диал. *knuckles* мн. ‘игра в шарики’	англ. *knuckle* ‘сустав пальца руки’	нем. *Knocken* ‘кость’
др.-гр. αστράγαλος ‘раст. Orobus niger’	др.-гр. αστράγαλος ‘игральная кость’	др.-гр. αστράγαλος ‘сферическая кость щиколотки’	др.-гр. αστράγαλος ‘маленькая кость’
лит. *kulkšnė* ‘раст. Astragalus’		лит. *kulkšnis* ‘пятка; щиколотка; торчащая кость (щиколотки); кость сустава задней ноги животного’	
др.-гр. *κόκκαλος* ‘семя хвойной шишки; шишка хвойного дерева’, гр. диал. *κοκκόλι* ‘семечко, косточка плода’, *καккαλ’* ‘орех; лесной орех; миндаль’, *κάκκαλο(ν)* ‘testis’			гр. *κόκκαλο(ν)* ‘кость; косточка’, *κοκκάλα* ‘большая кость’
болг. диал. *кóкъл* ‘пуговица; косточка фрукта’, *змшни кокале* ‘сорняк в злаках, который рожает коричневые плоды, немного меньше гороха’, *мазно кокалче* ‘растение лютик’	болг. диал. *кóкалче* ‘игральный камешек; игральная кость’	болг. *кóкалче* ‘щиколотка; сустав пальца’	болг. *кокал* ‘кость (не маленькая)’

BUPress

Итак, в представленой выше гипотезе (которая опубликована также в [KOLEVA-ZLATEVA 2002]) с большей уверенностью можно утверждать следующее:

(1) Этимон гр. *κόκκαλος (κόκκαλο(ν))* был звукосимволическим словом, образованным при помощи редупликации, первоначально обозначающим ‘маленький предмет овальной формы’.

(2) Этимон болг. *кокал* ‘кость’ тоже был звукосимволическим словом, образованным при помощи редупликации, первоначально обозначающим ‘маленький предмет овальной формы’.

(3) Семантическое развитие ‘маленький предмет шарообразной формы’ > ‘кость’ нуждается в связывающих звеньях: ‘игральный шарик, игральный камешек, игральная кость’ > ‘щиколотка; сустав пальца руки’.

С меньшей уверенностью можно утверждать следующее:

(1) Если этимоны рассматриваемого греческого и болгарского слова возникли в индоевропейскую эпоху, то, возможно, что они наследили один и тот же, характеризующийся формальной вариативностью этимон. Возможно также и независимое происхождение обоих этимонов, как этимонов ономатопоэтических.

(2) Поскольку в болгарском пространственном континууме представлены все необходимые звенья для семантического развития ‘маленький предмет овальной формы’ > ‘кость’, которые отсутствуют в греческом пространственном и временном континууме, можно предполагать, что гр. *κόκκαλο(ν)/κοκκάλα* заимствовано из болгарского языка.

Кроме того, есть основания считать, что с этимологическим гнездом (или гнездами, если происхождение слов независимое) гр. *κόκκαλος (κόκκαλο(ν))*, *κοκκάλα* и болг. *кокал* ‘кость’ слились этимологические гнезда и других образоподражательных слов.

Например, греческий глагол *κοκκαλιάζω* ‘кочанеть; столбенеть’, болг. диал. *кóкалив* ‘твердый’, *вкокалявам се* ‘костенеть’, *кокал* ‘о холодных руках, ногах’, как образоподражательные названия с первоначальным значением ‘сжиматься, черстветь, корчиться’ (см. п. 4.9.10) могут иметь независимое происхождение и только сегодня осмысливаются как образованные от соматических названий. Ср. с русск. *ко-ков-ѣть* ‘остывать и твердеть, черстветь, мерзнуть, промерзать’ (Ср. пример: *Земля в одну ночь закоковела. Такой мороз, что коковка коковеет, нос мерзнет. Руки коковеют*), *кок-коковѣнь* ‘стужа, от которой все коснеет, цепенеет’ [ДАЛЬ 1955, II: 134], которые не могут быть образованными от названия кости, так как формально тождественное название кости в русском языке отсутствует.

PUBress

Заключение

Данное исследование показало, что в славянских, а также и индоевропейских, языках имеется немало слов, возникших как звуковое подражание незвуковому образу. Этот факт соответствует сделанному дедуктивным путем выводу, что звукоизобразительность по силе своей примитивности относится к языковым универсалиям.

Также и редупликация не является изолированным явлением, как в славянских, так и индоевропейских языках в целом. Это словообразовательный способ, при помощи которого образовались и продолжают образоваться звукоизобразительные слова. Такие слова относятся к языковой периферии. Они свойственны, прежде всего, устной речи, ограниченной социально или территориально. Следует иметь в виду, однако, что с течением времени наследники звукосимволических этимонов конвенциализируются, утрачивая изначальную образность и экспрессивность. Они могут перейти в класс общеупотребительной лексики, в том числе приобрести и абстрактные значения.

Что касается методики распознавания и исследования звукосимволических слов, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Среди всех признаков звукосимволических слов с диахронической точки зрения наиболее устойчивым и, следовательно, наиболее надежным для их распознавания является р е д у п л и к а ц и я. Как структурный признак, она труднее всего поддается «маскировке». Осуществившиеся закономерные и незакономерные фонетические изменения по силе своей прогнозируемости не мешают вскрытию редупликации там, где она имеется.

П е р в ы м ш а г о м при распознавании слов звукосимволического происхождения является выявление редупликации в слове с «незвуковым» значением.

В т о р о й ш а г – установление формально-семантического параллелизма между словами с редупликацией. Если констатируется выражение одних и тех же «незвуковых» значений словами, формы которых выводимы из форм, содержащих редуплицированные звуковые комплексы, то, по всей вероятности, это слова звукосимволического ономатопоэтического происхождения.

Доказательство звукосимволического происхождения определенного слова нуждается в дополнительных аргументах, касающихся особенностей его формы, семантики и функционирования. В конечном счете, для

того чтобы сформулировать полностью аргументированную гипотезу, необходимо учесть и все прямым или косвенным способом связанные со словом этимологические исследования и исторические данные.

При реконструкции формы звукосимволического слова следует допустить формальную вариативность еще в момент его создания. Относительно значения, следует иметь в виду, что два фактора формируют семантику звукосимволического слова с редупликацией на заре его образования: символика звуков и редупликация.

Развившаяся на основании редупликации семантика является результатом семантической эволюции образов, иконически обозначенных редупликацией. Эта семантика развивается по правилам человеческого познания и в какой-то степени моделируется также со стороны качества самих звуков, стремящихся остенсивным способом связаться с обозначаемым редуплицированной формой образом.

Что касается символики звуков, составляющих форму ономатопоэтического знака, важно иметь в виду, что в ходе своего развития, подчиняясь фонетическим законам, они утрачивают одни характеристики и получают другие. Поэтому на основании современной формы исследуемого слова трудно сделать какие-либо категорические выводы относительно того, как его первоначальная семантика моделировалась со стороны его звуковой формы, несмотря на то, что уже многое известно об их иконических свойствах конкретных звуков. В ономатопоэтических звукосимволических словах может проявиться также действие вторичного звукового символизма, добавляющего к их семантике одни или другие семы.

При этимологизации звукосимволических слов следует иметь в виду, что среди них тоже существуют омонимы. Нередко формальное совпадение разных звукосимволических слов приводит к смешиванию их этимологических гнезд, которое находит отражение не только в гипотезах этимологов, не различающих такие слова, но также и в поведении самих слов, в изменении их семантической структуры.

DUPLESS

Литература

Абаев 1949: В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. Москва, Ленинград.

Абаев 1986а: В. И. Абаев. Как можно улучшить этимологические словари // Этимология 1984. Москва: «Наука», 7–27.

Абаев 1986б: Абаев В. И., Paretga 2. Языкознание описательное и объяснительное. О классификации наук // Вопросы языкознания. № 2, 27–39.

Аркадьева 1990: Т. Г. Аркадьева. Преобразования этимологических связей слов в системной организации русской лексики. Автореферат диссертации… доктора фил. наук. Ленинград.

Ахманова 1966: О. Н. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. Москва: «Советская энциклопедия».

Ахутина–Каширская 2000: Т. В. Ахутина, Е. В. Каширская. Нейропсихологический анализ индивидуальных особенностей переработки лексической информации // Вопросы психологии. №3, 93–101.

Баллонов–Деглин 1976: Л. Я. Баллонов, В. Л. Деглин. Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. Ленинград: «Наука».

Бешевлиев 1939: В. Бешевлиев. Историческа граматика на гръцкия език. София.

Блумфилд 1968: Л. Блумфилд. Язык. Москва: «Прогресс».

Бонвиллиан и др.1984: Дж. Д. Бонвиллиан, К. Э. Нельсон, В. Р. Чарроу. Язык и языковые способности у глухих детей и у детей с нормальным слухом // Психолингвистика. Сборник статей. Под общ. ред. А. М. Шахнаровича. Москва: «Прогресс», 103–142.

Будагов 1965: Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. Москва: «Просвещение».

Бурлак–Старостин 2005: С. А. Бурлак, С. А. Старостин. Сравнительно-историческое языкознание. Москва: «Академия».

Варбот 1981: Ж. Ж. Варбот. Славянские этимологии // Этимология 1979. Москва: «Наука»., 28–41.

Варбот 1995: Ж. Ж. Варбот. Морфо-семантическое поле лексемы в этимологическом словаре и возможности его реконструкции // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1995, №4, 60–65.

Вестерман 1963: Д. Вестерман. Звук, тон и значение в западноафриканских и суданских языках (Первое издание статьи на немецком языке в 1927 г.) // Африканское языкознание. Сборник статей. Под ред. Д. А. Ольдерогге. Москва: «Издательство иностранной литературы», 94–113.

Виноградов 1977: В. В. Виноградов. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // В. В Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва, 243–264. Online: http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-77g.htm, Date of Access: 19.01.2007.

Виноградов 1990: В. А. Виноградов. Редупликация // Лингвистический энциклопедический словарь. Ред. В. Н. Ярцева. Москва: «Советская энциклопедия», 408.

Воронин 1982: С. В. Воронин. Основы фоносемантики. Ленинград: Изд. Ленинградского университета.

Воронин 1983: С. В. Воронин. Синестезия и звукосимволизм // Психолингвистические проблемы семантики. Отв. ред. А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович. Москва: «Наука», 120–131.

Воронин 1990а: С. В. Воронин. Этимология и фоносемантика (на материале тюркских и некоторых других языков) // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата: «Гылым», 62–70.

Воронин 1990б: С. В. Воронин. Звукосимволизм // Лингвистический энциклопедический словарь. Ред. В. Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 166.

Вундт 1912: В. Вундт. Звукоподражания и звуковые метафоры // В. Вундт. Проблемы психологии народов. Москва: «Космос». Online: http://www.bookap.by.ru/clasik/vundt/gl7.shtm, Date of access: 19.10.2007.

Гамкрелидзе 1988: Т. В. Гамкрелидзе. Лингвистическая типология и праязыковая реконструкция // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. Отв ред. Н. З. Гаджиева. Москва: «Наука», 145–157.

Георгиев 1983: Вл. И. Георгиев. Още един пример за промяна (t)art>(t)rat и (t)rot в българския език // Български език. XXXIII. София, 399–400.

Горелов 1969: И. Н. Горелов. О возможной примарной мотивированности языкового знака // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Ленинград: «Наука», 17–20.

Горелов 1974: И. Н. Горелов. Проблема функционального базиса речи. Челябинск.

Гринфилд 1984: П. М. Гринфилд. Информативность, пресуппозиция и семантический выбор в однословных высказываниях // Психолингвистика. Сборник статей. Под общ. ред. А. М. Шахнаровича. Москва: «Прогресс», 208–220.

Гудков 1966: В. П. Гудков. Три русские этимологии (*майка*, *хороший*, *хмурый*) // Этимологические исследования по русскому языку. Москва: «Наука», 31–38..

Журавлев 1969: А. П. Журавлев. О. Мотивированости признаковой семантики слова натуральным значением входящих в него звуков // Материалы семинара по проблеме мотивированости языкового знака. Ленинград: «Наука», 64–68.

Журавлев 1974: А. П. Журавлев. Фонетическое значение. Ленинград. Издательство Ленинградского университета.

Журавлев 1976: А. П. Журавлев. Типы значений слова и их мотивированность // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград: Издательство Калининградского государственного университета, 20–25.

Журавлев 1980: А. П. Журавлев. Аспекты значения слова и их восприятие // Восприятие языкового значения. Межвузовский сборник. Калининград, 3–10.

Калужская 2001: Калужская А. П., Палеобалканские реликты в современных балканских языках. Москва: «Наука».

Козлова 1985: Р. М. Козлова. Образование с корнем **(s)kork- / *(s)korč-* в славянских языках // Этимология 1982. Москва: «Наука», 47–54.

Колева-Златева 1998а: Ж. Колева-Златева. Семантична реконструкция. Методологични аспекти. В. Търново: „Знак".

Колева-Златева 1998б: Ж. Колева-Златева. Български названия със звукосимволичен произход // Проглас. № 2. В. Търново, 92–109.

Колева-Златева 2000: Ж. Колева-Златева. Лексикалната диахрония на езика през призмата на детската реч. В. Търново: „Фабер".

Колева-Златева 2002а: К этимологии рус. *хороший* // МАПРЯЛ 2002. Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в начале XXI века. Доклады и сообщения. В. Търново, 262–265.

Колева-Златева 2002б: Ж.Колева-Златева. За произхода на някои български названия на малки предмети // Трудове на Великотърновския университет "Св. св. Кирил и Методий". Книга 2. Езикознание, Т. 33. 1977. В. Търново, 121–133.

Колева-Златева 2003–2004: Ж. Колева-Златева. К этимологии славянских названий муравьев, восходящих к псл. **morv-*, и их индоевропейских соответствий // Linguistique Balkanique. XLIII, 2–3, 269–284.

Колева-Златева 2004: Ж. Колева-Златева. О типологических критериях распознавания слов звукосимволического происхождения в этимологических исследованиях (На материале индоевропейских языков) // Slavica. 33. Debrecen, 23–42.

Колева-Златева 2005а: Ж. Колева-Златева. За редупликацията като словообразувателен начин // Езиковедски проучвания в памет на проф. Й. Заимов. София, 264–272.

Колева-Златева 2005б: Ж. Колева-Златева. О приемах когнитивного подхода в этимологических исследованиях // Slavica. 34. Debrecen, 23–42.

Колева-Златева 2006. Ж. Колева-Златева. Об этимологии некоторых слов, указанных как неясные в Этимологическом словаре украинского языка // Slavica 35. Debrecen, 31–48.

Колева-Златева 2008: Ж. Колева-Златева. Относно приложението на някои наблюдения върху съвременни български образоподражателни думи в етимологията // Българският език и литература на кръстопътя на културите. Т. 2. Szeged.

Крючкова 2000: Д. Ю. Крючкова. Редупликациия в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. №4, 68–84.

Курилович 2000: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. Биробиджан: ИП «Тривиум».

Куркина 1981: Л. В. Куркина. Праславянские лексические диалектизмы южнославянских языков // Этимология 1979. Москва: «Наука», 15–28.

Лаучюте 2002: Ю.-С. Лаучюте. О некоторых особенностях полесских балтизмов // Материалы XXXI межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 1. Секция балтистики. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 28–29.

Левицкий 1969: В. В. Левицкий. К проблеме звукосимволизма // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. Москва: Изд. МГУ, 123–132.

Левицкий 1974: В. В. Левицкий. Фонема или признак? // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград: Издательство Калининградского государственного университета, 49–53.

Леонтьев 1967: А. А. Леонтьев. Психолингвистика. Ленинград: «Наука».

Лотман 1978: Ю. М. Лотман. Феномен культуры // Семиотика культуры. (Трудыпо знаковым системам). Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып 463. Тарту, 3–17.

ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. Ред. В. Н. Ярцева. Москва: «Советская энциклопедия», 1990.

Макаев 1977: Э. А. Макаев. Общая теория сравнительного языкознания. Москва: «Наука».

Маслов 1987: Ю. С. Маслов. Введение в языкознание. Москва: «Высшая школа».

Мейе 1938: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Москва–Ленинград.
Мельников 1969: Г. П. Мельников. Почему не во всех языках есть идеофоны? // Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Ленинград: «Наука», 60–63.
Меркулова 1972: В. А. Меркулова. Народные названия болезней, II (На материале русского языка) // Этимология 1970. Москва: «Наука», 143–206.
Меркулова 1973: В. А. Меркулова. Мелкие заметки по истории и этимологии слов // Этимология 1971. Москва: «Наука», 183–190.
Мокиенко 1989: В. М. Мокиенко Славянская фразеология. Москва: «Высшая школа».
Москов 1964: М. Москов. Взаимоотношението между група славянски думи с оглед на произхода им // Известия на Института за български език. XI. София, 137–149.
Москов 1969: Турски и тюркски заемки от звукоподражателен характер в балканските езици // Годишник на Софийския университет. Т. LXII. София: „Наука и изкуство".
Негневицкая–Шахнарович 1981: Е. И. Негневицкая, А. М. Шахнарович. Язык и дети. Москва: «Наука».
Николаева 1990: Т. М. Николаева. Универсалии // Лингвистический энциклопедический словарь. Ред. В. Н. Ярцева. Москва: «Советская энциклопедия», 535–536.
Обухова 1981: Л. Ф. Обухова. Концепция Жана Пиаже: за и против. Москва: Издательство МГУ.
Осипова 1989: М. А. Осипова. К этимологии рус. мормышка // Этимология 1986–1987. Москва: «Наука», 164–171.
Пауль 1960: Г. Пауль. Принципы истории языка. Москва: Изд. иностранной литературы.
Пенчева 1998: М. Пенчева. Човекът в езика. Езикът в човека. София: Университетско издателство „Св. Кл. Охридски".
Петлева 1985: И. П. Петлева. Этимологические заметки по славянской лексике. XIII // Этимология 1982. Москва: «Наука».
Пизани 1956: В. Пизани. Этимология. История – проблемы – метод. Москва: «Издательство иностранной литературы».
Поливанов 1968: Е. Д. Поливанов. По поводу звуковых жестов японского языка // Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. Москва: «Наука», 295–305.
Рожанский 2007: Ф. И. Рожанский. Редупликация и названия животных в африканских языках // Вопросы языкознания. №2. 2007, 57–66.
Сепир 1993: Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Издательская группа «Прогресс», «Универс».
Серебренников 1977: Б. А. Серебренников. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (Общие вопросы). Сборник научных трудов. Под ред. Б. А. Серебренникова. Москва: «Наука», 147–180.
Серебренников 1982: Б.А. Серебренников Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // Теоретические основы классификации языков мира: Проблемы родства. Москва, Online: http://genhis.philol.msu.ru/article_234.shtml, Date of Access: 18.01.08.
Сетаров 1988: Д. С. Сетаров. Типология номинации, мотивации и лексико-семантических преобразований. Вильнюс: «Мокслас».

LT Press

Скаличка 1967: В. Скаличка. Исследование венгерских звукоподражательных выражений // Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. Москва: «Прогресс», 277–316.

Соболев 2001: Соболев А. Н., Балканская лексика в ареальном и ареально-типологическом освещении // Вопросы языкознания. № 2, 59–93.

Солнцев 1977: В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. Москва: «Наука».

Соссюр 1977: Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. Переводы с французского языка под ред. А. А. Холодовича. Москва: «Прогресс», 31–285.

Ульман 1970: С. Ульман. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V. Москва: «Прогресс», 250–299.

Успенский 1969: Б. А. Успенский. Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языка // Языковые универсалии и лингвистическая типология. Под ред. И. Ф. Вардуля. Москва.

Хенигсвальд 1970: Г. Хенигсвальд. Существуют ли универсалии языковых изменений? // Новое в лингвистике. Вып. 5. Москва: «Прогресс», 1970.

Хусаинов 1990: К. Ш. Хусаинов. О причинах количественного различия звукоизобразительных слов в разносистемных языках // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата: «Гылым», 158–163.

Черевко 2003: К. Е. Черевко. Звуко- и образоподражательные слова в японском языке и их роль в происхождении языка: Учебное пособие. Москва: «Научная книга».

Черемисина 1989: Н. В. Черемисина. Семантические принципы в диахронии и в динамике текста (к проблеме взаимоотношения языка и мышления) // Вопросы исторической семантики русского языка. Калининград, 9–18.

Шарафетдинова 2007: З. Г. Шарафетдинова Подражательные слова в современном татарском языке. Автореферат диссертации… кандидата фил. наук. Казань. Online: http://www.ispo.kcn.ru/uni/sank/db/filebase/files/377.doc, Date of Access: 02.01.08.

Шахнарович 1979: А. М. Шахнарович. Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе // Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М., Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. Москва: «Наука», 148–191.

Штерн 1967: А. С. Штерн. Объективное изучение субъективных оценок звуков речи // Вопросы порождения речи и обучения языку. Москва, 114–117.

Юлдашев 1981: А. А. Юлдашев. К «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков». Т. 4. Лексика. Москва.

Якобсон 1963: Р. Якобсон. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 3. Москва: «Прогресс», 95–105.

Якобсон 1975: Р. Якобсон. Лингвистика и поэтика // Структурализм: “за” и “против”. Москва: «Прогресс», 193–230. Online: http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm. Date of Access: 09.12.2007.

Якобсон 1985: Р. Якобсон. Мозг и язык // Избранные работы. Москва: «Прогресс», 270–286.

Abelin 1999: Å. Abelin. Studies in Sound Symbolism. Doctoral Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. Department of Linguistics. Gothenburg Monographs in Linguistics 17. Göteborg University, Sweden, 1999.

Agyagási 2006: K. Agyagási. Некоторые миконимы русского происхождения в лексическом составе марийского языка // Slavica 35. Debrecen, 21–30.

ALLAN 2001: K. Allan. Natural Language Semantics. Blackwell Publishing.
ALLOTT 1989: R. Allott. The Motor Theory of Language Origin. Lewes, Sussex: Book Guild.
ALLOT 1995: R. Allott. Sound Symbolism // Language in the Würm Glaciation. Ed. by Udo L. Figge. Bochum: Brockmeyer, 15–38.
ALPHER 1994: B. Alpher. Yir-Yiront Ideophones // Sound Symbolism. Eds. L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Cambridge: Cambridge University Press, 161–177.
AMHA 2001: A. Amha. Ideophones and compound verbs in Wolaitta // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 49–62.
ANTTILA 1972: R. Anttila. An Introduction to Historical and Comparative Linguistics. New York: Macmillan.
AUSTERLITZ 1994: R. Austerlitz. Finnish and Gilyak sound symbolism – an interplay between system and history // Sound Symbolism. Eds. L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Cambridge: Cambridge University Press, 249–260.
BECK 2005: D. Beck. Ideophones, Adverbs, and Predicate Modifiers in Upper Necaxa Totonac // Workshop on Structure & Constituency in Languages of the Americas 10, March 4–6, 2005. Online: http://www.ualberta.ca/~dbeck/ideophones.pdf, Date of Access: 09.12.2007.
BEEKES 1995: R. S. P. Beekes. Comparative Indo-European Linguistics. An Introduction. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
BERLIN 1994: B. Berlin. Evidence for pervasive synesthetic sound symbolism in ethnozoological nomenclature // Sound Symbolism. Eds. L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Cambridge: Cambridge University Press, 76–93.
BESNIER 1990: N. Besnier. Language and Affect // Annual Review of Anthropology. Vol. 19, 419–451.
BLANK 2001: Blank, A. Words and Concepts in Time: towards Diachronic Cognitive Onomasiology // metaphorik.de.01/2001 – The online journal: http://www.metaphorik.de/ 01/blank.htm, Date of access: 17.01.2006.
BODOMO 2006: A. Bodomo. The structure of Ideophones in African and Asian Languages: The Case of Daagara and Cantonese // Selected proceedings of the 35th Annual Conference on African Linguistics. Ed. John Mugane et al., 203–213. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project. Online: www.lingref.com.document#1310.
BOLINGER 1940: D. L. Bolinger. Word Affinities // American speech. Vol. 15. No. 1, 62–73.
BRADLEY 1929: F. W. Bradley. The Onomatopoea of the German Verbal Suffix "-tschen" // Modern Philology, Vol. 26, No. 4, 401–414.
BROWN 1958: R. Brown. Words and Things. New York: Free Press.
BURLING: Burling, R., Motivation, Conventionalization, and Arbitrariness in the Origin of Language. Online. Available: http://www-personal.umich.edu/~rburling/SantaFe.html Data of Access: 27.10.2007.
CAMPBELL 1997: L. Campbell. American Indian Languages. The Historical Linguistics of Native America. Oxford Studies in Anthropological Linguistics. Oxford University Press.
CARNOY 1917: A. J. Carnoy. Apophony and Rhyme Words in Vulgar Latin Onomatopoeias // The American Journal of Philology. Vol. 38. No. 3, 265–284.
CARR 1966: D. Carr. Homorganicity in Malay/Indonesian Expressives and Quasi Homorganicity in Malay/Indonesian Expressives and Quasi-Expressives Expressives // Language 42, 370–377.

CIENKOWSKI 1972: W. P. Cienkowski. Teoria etymologii ludowej. Warszawa: PWN.
CHAN 1996: M. K. M. Chan. Some thoughts on the typology of sound symbolism and the Chinese language // Proceedings of the Eighth North American Conference on Chinese Linguistics. Vol. 2. Ed, by Chin-chuan Cheng, Jerome Packard, James Yoon, and Yu-ling You. Los Angeles: GSIL Publications, 1–15; Online: http://people.cohums.ohio-state.edu/chan9/articles/naccl-8.pdf. Date of Access: 16.10.2007.
CHILDS 1994: G. T. Childs. African ideophones // Sound Symbolism. Eds. L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Cambridge: Cambridge University Press, 178–204.
CHILDS 2001: G. T. Childs. Research on ideophones, whither hence? The need for a social theory of ideophones // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 63–74.
COMRIE 1993: B. Comrie. Typology and reconstruction // Historical linguistics. Ed. by Ch. Jones. London–New York, 74–97.
COURTENAY 1976: K. Courtenay. Ideophones defined as a phonological class: the case of Yoruba // Studies in African Linguistics. Los Angeles, Vol. 7, 13–26.
CREISSELS 2001: D. Creissels. Setswana ideophones as uninflected predicate lexemes // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 74–85.
DE JONG 2001: N. de Jong. The ideophone in Didinga // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 121–138.
DOCK 1935: C. M. Dock. Bantu Linguistic Terminology. London: Longmans. Green.
DHOORRE–TOSCO 1998: C. S. Dhoorre, M. Tosco. 111 Somali Ideophones // Journal of African Cultural Studies, Vol. 11, No. 2, 125–156.
EGBOKHARE 2001: Fr. O. Egbokhare. Phonosemantic correspondences in Emai attributive ideophones // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 87–96.
ELDERS 2001: S. Elders. Defining ideophones in Mundang // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 63–74.
EMENEAU–HART 1993: M. B. Emeneau, K. Hart. Tamil Expressives with Initial Voiced Stops // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 56, No. 1, 75–86.
FEE–INGRAM 1982: J. Fee, D. Ingram. Reduplication as a strategy of phonological development // Journal of Child Language 9, 41–54.
FELD 1987: S. Feld. Dialogic Editing: Interpreting How Kaluli Read *Sound and Sentiment* // Cultural Anthropology. Vol. 2. No2, 190–210.
FELDMAN 1981: H. Feldman. On Iconicity and Semiotics // Current Anthropology. Vol. 22. No. 2, 183.
FERGUSON 1983: Ch. Ferguson. Reduplication in child phonology // Journal of Child Language 10, 239–243.
FRISHBERG 1975: N. Frishberg. Arbitrariness and Iconicity: Historical Change in American Sign Language // Language. Vol. 51. No. 3, 696–719.
GABAS 2002: N. Gabas Jr. Review: Typology: Voeltz & Killian-Hatz, Ideophones // Linguist List 13.936. April 5, 2002,
Online: http://linguistlist.org/issues/13/13-936.html#1, Date of Access: 24.11.2007.
GOMBOCZ 1913: Z. Gombocz. Hangutánzás és nyelvtörténet // Magyar Nyelvőr. 9, 385–391.

GORDON–HEATH 1998: M. Gordon, J. Heath. Sex, Sound Symbolism, and Sociolinguistics // Current Anthropology, Vol. 39, No. 4, 421–449.
GROSSENBACHER–LOVELACE 2001: P. G. Grossenbacher, C. T. Lovelace. Mechanisms of synesthesia: cognitive and physiological constraints // Trends in Cognitive Sciences Vol.5 No.1 January.
HAIMAN 1980: J. Haiman. The Iconicity of Grammar: Isomorphism and Motivation // Language. Vol. 56. No. 3, 515–540.
HARRISON 2004: K. D. Harrison. South Siberian Sound Symbolism // Languages and Prehistory of Central Siberia. Current Issues in Linguistic Theory. Ed. E. J. Vajda, John Benjamins Press, 199–214.
HINTON et al. 1994a: Sound Symbolism. Eds. L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Cambridge: Cambridge University Press.
HINTON et al. 1994b: L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Introduction: sound symbolic processes // Sound Symbolism. Eds. L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Cambridge: Cambridge University Press, 1–12.
HOUSEHOLDER 1946: F. Householder. On the problem of sound and meaning, an English phonestheme // Word. 2, 83–84.
IBARRETXE-ANTUÑANO 2004: I. Ibarretxe-Antuñano. Motion events in Basque narratives // S. Strömqvist, L. Verhoeven, Eds., Relating Events in Narrative: Typological and Contextual Perspectives. Vol. 2. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 89–111.
JAKOBSON 1962: R. Jakobson. Why "mama" and "papa" // Roman Jakobson Selected Writings. I. Phonological Studies. The Hague: Mouton, 538–545.
JAKOBSON 1978: R. Jakobson. Six Lessons on Sound and Meaning. John Mepham (Transl.) Cambridge, Mass.: MIT Press.
Online: http://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/ru/jakobson.htm. Date of Access: 29.12.2007.
JAKOBSON–WAUGH 1979: R. Jakobson, L. Waugh. The Sound Shape of Language. Bloomington: Indiana University Press.
JARVA 2001: V. Jarva. Some expressive and borrowed elements in the Lexicon of Finnish dialects // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 111–120.
JESPERSEN 1929: O. Jespersen. Symbolic value of the vowel *i* // Meisterwerke der romanischen Schprachwissenschaft. Ed. by L. Spitzer. Vol, 1. München: Hüber, 53–68.
JESPERSEN 1949: O. Jespersen. Lnguage, Its nature, development, and origin. London: Allen & Unwin.
KABUTA 2001: N. S. Kabuta. Ideophones in Cilubà // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 139–154.
KARALIŪNAS 1972: S. Karaliūnas. Semantika ir etimologija // Lietuvių kalbotyros klausimai. XIII. Vilnius, 5–18.
KENESEI 1998: I. Kenesei. Ideophones // Hungarian: Descriptive Grammars Series, I. Kenesei, A. Fenyvesi, R. M. Vago (Eds.). Routledge, London, 454–455.
KILIAN-HATZ 2001: Universality and Diversity: Ideophones from Baka and Kxoe // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 155–163.
KLAMER 2001: M. Klamer. Expressives and iconicity in the lexicon // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 165–182.

KLAMER 2002: M. Klamer. Semantically Motivated Lexical Patterns: A Study of Dutch and Kambera Expressives // Language Vol. 78, No.2, 258–286.
KOCH 2001: W. Koch. Consciousness, Communication, Speech. A Condensed View of the Origins of Language. Online. Available: http://www.trismegistos.com/IconicityInLanguage/Articles/Koch/Koch.htm, Date of Access: 12 November 2007.
KOLEVA-ZLATEVA 2002: Zh. Koleva-Zlateva. L'étymologie du mot grec *κόκκαλο(ν)*, en bulgare *kokal (os)* // Études balkaniques. 38/3. Sofia, 2002, 142–151.
KOPEČNÝ 1952: F. Kopečný. Poznámka k etymologické metode // Slavia XXII, 322–323.
KOHLER 1947: W. Kohler. Gestalt Psychology. Second edition. New York: Liveright.
KUNENE 2001: D. Kunene. Speaking the act: The ideophone as a linguistic rebel // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 183–191.
LAKOFF–JOHNSON 1980: G. Lakoff, M. Johnson, Metaphors We Live By. Chicago, London: University of Chicago Press.
LANDSBERG 1981: M. Landsberg. On Iconicity and Semiotics: Replay to Feldman // Current Anthropology. Vol. 22, No 3, 302–305.
LANGACKER 1999: R. W. Langacker. Grammar and Conceptualization. Berlin & New York: Walter de Gruyter.
MACHEK 1952: V. Machek. O potřebě a problematice slovanského etymologického slovníku // Slavia. XXII, 314–321.
MACHEK 1956: Machek, V., Expressive Vokaldehnung in einigen slawischen Nomina // Zeitschrift für Slawistik. B. I, H. 4, 33–40.
MAGNUS 1997–2006: M. Magnus. Bibliography of Phonosemantics. Online: http://www.conknet.com/~mmagnus/Bibliography.html, Date of Access: 26.04.2007.
MALKIEL 1962: Y. Malkiel. Etymology and general linguistics // Word. 18/2, 189–219.
MALKIEL 1990: Y. Malkiel. Diachronic Problems in Phonosymbolism. Edita and Inedita, 1979–1988. Vol. 1. Amsterdam/Phyladelphia: John Benjamins Publishing Company.
MARKELL–HAMP 1960: N. N. Markell, E. P. Hamp. Connotative meanings of certain phoneme sequences // Studies in linguistics 15, 47–61.
MARKS 1975: L. E. Marks. On Colored-Hearing Synesthesia: Cross-Modal Translations of Sensory Dimensions // Psychological Bulletin. Vol. 82, No. 3, 303–331.
MCMAHON 1995: A. M. S. McMahon. Understanding Language Change. Cambridge University Press.
MIKONE 2001: E. Mikone. Ideophones in the Balto-Finnic languages // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamin's Press, 223–234.
NĚMEC 1980: I. Němec. Rekonstrukce lexikálního vývoje. Praha.
NEWMAN 2001: P. Newman. Are ideophones really as weird and extra-systematic as linguists make them out to be? // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamin's Press, 251–258.
NEWMAN 1933: S. S. Newman. Further experiments in phonetic symbolism // American Journal of Psychology. Vol. 45, 53–75.
NICHOLS 1971: Johanna Nichols. Diminutive Consonant Symbolism in Western North America // Language. Vol. 47, No. 4, 826–848.
NUCKOLLS 1992: J. B. Nuckolls. Sound Symbolic Involvement // Journal of Linguistic Anthropology. Vol. 2, No.1, 51–80.

NUCKOLLS 1996: J. B. Nuckolls. Sounds Like Life: Sound Symbolic Grammar, Performance, and Cognition in Pastaza Quechua. Oxford: Oxford University Press.

NUCKOLLS 1999: J. B. Nuckolls. The Case for Sound Symbolism // Annual Review of Anthropology. Vol. 28, 225–252.

NUCKOLLS 2004: J. B. Nuckolls. To Be or Not To Be Ideophonically Impoverished // Texas Linguistic Forum 47: 131–142. Proceedings of the Eleventh Annual Symposium about Language and Society—Austin: Online: http://studentorgs.utexas.edu/salsa/proceedings/ 2003/nuckolls.pdf, Date of Access: 17.11.2007.

OETTINGER 1998: Oettinger, N., Skizze zur Funktion der Reduplikation im Hethitischen // Acts of the 3rd International Congress of Hittitology, September 16–22, 1996. Ankara, 451–455.

OHALA 1994: J. J. Ohala. The frequency code underlies the sound-symbolic use of voice pitch // Sound Symbolism. Eds. L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Cambridge: Cambridge University Press, 325–347.

OHALA 1997: J. J. Ohala. Sound Symbolism // Proc. 4th Seoul International Conference on Linguistics [SICOL] 11–15 Aug 1997. 98–103;
Online: http://trill.berkeley.edu/users/ohala/papers/SEOUL4-symbolism.pdf,
Date of Access: 25.12.2007.

PECK 1886: H. T. Peck. Onomatopoeia in Some West African Languages // The American Journal of Philology, Vol. 7, No. 4, 489–495.

PEIRCE 1932: C. S. Peirce. Division of signs // Collected Papers of Charles Sanders Peirce, Vol. 2, Ch. 2. Cambridge. Mass: Harvard University Press.

POLÁK 1980: V. Polák. Metodologie etymologického rozboru v slovanských jazycích // Slavia. R. 49, 321–337.

PRIESTLY 1994: T. M. S. Priestly. On levels of analysis of sound symbolism in poetry, with an application to Russian poetry // Sound Symbolism. Eds. L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Cambridge: Cambridge University Press, 237–248.

RAMACHANDRAN–HUBBARD 2001: V. S. Ramachandran, E. M. Hubbard. Synaesthesia – a window into perception, thought and language // Journal of Consciousness Studies. Vol. 8. No. 12, 3–34.

REGIER 1998: T. Regier. Reduplication and the Arbitrariness of the Sign // Proceedings of the Twentieth Annual Conference of the Cognitive Science Society. Gernsbacher, M and Derry, S. (Eds.). Mahwah NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 887–892.

REICH 1986: Reich, P. A., Language Development. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.

ROLFE 2000: L. Rolfe. Phonestemes as primary word forms // Bichakjian, B. H., Chernigovskaya, T., Kendon, A., Möller, A. (Eds.), Becoming Loquens: More Studies in Language Origin. Frankfurt/M.: Lang, 123–148.

SAMARIN 2001: W. J. Samarin. Testing hypotheses about African ideophones // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 321–337.

SAPIR 1929: E. Sapir. A study in phonetic symbolism // Journal of Experimental Psychology. 12, 225–239.

SEMMES 1968: J. Semmes. Hemispheric Specialization: A Possible Clue to Mechanism. Neuropsychoiogia 6: ll–26.

SIEBERER 1947: A. Sieberer. Primäre oder Sekundäre Lautbedeutsamkeit? // Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Anzeiger. 84, 35–52.

SCHULTZE-BERNDT 2001: E. Schultze-Berndt. Ideophone-like characteristics of uninflected predicates in Jaminjung (Australia) // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 355–374.

SKARDŽIUS 1943: P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius.

SŁAWSKI 1974: Fr. Sławski. Wstęp. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. Pod red. Fr. Sławskiego. T. 1. Wrocław – Kraków – Gdańsk.

SZEMERÉNYI 1990: O. Szemerényi. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. 4., durchgesehene Auflage. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

TEDLOCK 1999: D. Tedlock. Ideophones // Journal of Linguistic Anthropology. Vol. 9. No. 1–2, 118–120.

VAN HUYSSTEEN 2004: G. B. van Huyssteen, Motivating the composition of Afrikaans reduplications: a cognitive grammar analysis // Studies in Linguistic Motivation. Radden, G & Panther, K-U. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 269–292. Online: http://www.puk.ac.za/opencms/export/PUK/html/fakulteite/lettere/ctext/Van_Huyssteen_2004b.pdf. Date of Access: 28.12.2007.

VÉRTES 1965: E. Vértes Hangfestés és szószármaztatás // Magyar Nyelvőr. 89/2, 157–164.

VÉRTES 1976: E. Vértes. Expresszív szavak etimológiai vizsgálata // Nyelvtudományi értekezések. 89. Budapest: Akadémiai kiadó, 296–300.

VOELTZ–KILIAN-HATZ 2001a: Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 1–8.

VOELTZ–KILIAN-HATZ 2001b: F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. Introduction // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 1–8.

VORONIN 2000: Voronin, S., Approaching the iconic theory of language origin. Pertinent laws and tendencies from phonosemantics // Bichakjian, B. H., Chernigovskaya, T., Kendon, A., Möller, A. (eds.), Becoming Loquens: More Studies in Language Origin. Frankfurt/M.: Lang, 149–166.

WATSON 2001: R. L. Watson. Some Southeast Asian ideophones vs. some African ideophones // Ideophones. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). Typological studies in language 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 385–405.

WAUGH 1993: L. Waugh. Against Arbitrariness: Imitation and Motivation Revived, with Consequences for Textual Meaning // Diacritics. Vol. 23, No. 2, 71–87.

WERNER–KAPLAN 1956: H. Werner, B. Kaplan. The developmental Approach to Cognition: Its Relevance to the Psychological Interpretation of Anthropological and Ethnolinguistic Data // American Anthropologist. New Series. Vol. 58, No. 5, 866–880.

WERNER–KAPLAN 1963: H. Werner, B. Kaplan. Symbol formation: An Organismic-Developmental approach to Language and the Expression of Thought. New York: John Wiley & Sons.

WESCOTT 1971: R. W. Wescott. Linguistic Iconism // Language. Vol. 47, No. 2, 416–428.

WYNECOOP–LEVIN 1996: S. Wynecoop, G. Levin. A Bibliography of Synesthesia and Phonesthesia Research in the Cognitive Sciences. Compiled by Interval Research Corporation, July 1996. Online: http://www.flong.com/synesthesia/index.html, Date of Access: 22.10.2007.

Press

Словари и диалектные справочники

Аникин 2000: А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва–Новосибирск.

Архив БДС: Архив Болгарского диалектного словаря при Болгарской академии наук.

Байкоў-Некрашэвіч: Беларуска-расійскі слоўнік. Укладальнікі: М. Байкоў, С. Некрашэвіч. Менск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1925. Факсімільнае выданьне: Менск: Народная асвета, 1993. Online: http://slounik.org/bn, Accessed: May 01, 2008.

БДА: Български диалектен атлас. Т. I–V. София: Издателство на БАН, 1964–1985.

БЕР: Български етимологичен речник. София: Издателство на БАН, 1971–

БРС: С. Б. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. Москва: «Советская энциклопедия»

Божкова 1962. З. Божкова. Принос към речника на софийския говор // Българска диалектология. Т. I, София: Издателство на БАН, 1962.

Бояджиев 1971: Т. Бояджиев. Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско // Българска диалектология. Проучвания и материали. VI. София: Издателство на БАН, 5–135.

БТР 1963: Л. Андрейчин и др. Български тълковен речник. II изд. София.

Вакарелска-Чобанска 2005: Д. Вакарелска-Чобанска. Речник на самоковския говор. София,

Вейсман 1991: Вейсман А. Д., Греческо-русский словарь. Москва.

Геров: Н. Геров. Речник на българския език. Фототипно издание. Т. I–VI. Т. VI събрал, наредил и изтълкувал Т. Панчев. София. (1895–1908), 1975–1978

Горов 1962: Горов, Г., Странджанският говор. Българска диалектология. Проучвания и материали. I. София: Издателство на БАН, 13–164.

Гринченко: Б. Гринченко (Упор.). Словар української мови. Т. I–IV, Київ, 1907–1909.

Григорян 1975: Э. А. Григорян. Словарь географических терминов болгарского и македоского языков. Ереван.

Гълъбов 1965: Л. Гълъбов. Говорът на с. Доброславци, Софийско // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. II. София: Издателство на БАН, 3–113.

Даль 1955: Вл. Даль Толковый словарь живого великорусского языка. Набрано и напечатано со второго издания 1880–1882. Москва.

Дворецкий 1976: И. Х. Дворецкий. Латинско-русский словарь. Москва.

Дворецкий 1958: И.Х. Дворецкий. Древнегреческо-русский словарь. Т. I–II. Москва: Гос. изд. иностранных и национальных словарей.

Евстатиева 1971: Д. Евстатиева. Лексиката на говора в с. Тръстеник, Плевенско // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. VI. София: Издателство на БАН, 151–243.

ЕСУМ: Етимологічний словник української мови. У 7-ми т. Т. I–V. АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Ред. кол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Т. I–V. Київ: «Наукова думка», 1982–2006.

Diss Press

Желеховский–Недїльский: Є. Желеховский, С. Недїльский. Малоруско-нїмецкий словар: У 2 т. Львів. З друкарнї тов. им. Шевченка, під зарядом К. Бернарского 1886

Илчев 1962: Ст. Илчев. Към ботевградската лексика // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. I. София: Издателство на БАН, 183–205.

Караџић 1898: Вук. Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање, исправљено и умножено. Биоград, 1989.

Кепов 1936: Ив. Кепов. Народописни, животописни и еикови атриали от с. Бобошево, Дупнишко // Сборник за народни умотворения. XLII.

Ковачев 1970: Н. Ковачев. Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т.V. София: Издателство на БАН, 5–52.

Ковачев 1968: Ст. Ковачев. Троянският говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. IV. София: Издателство на БАН, 161–242.

Кънчев 1968: Ив. Кънчев. Говорът на с. Смолско, Пирдопско // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. IV. София: Издателство на БАН, 1968, 5–155.

КЭСРЯ: Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. Москва: «Просвящение», 1975.

Лаучюте 1982: Ю. А. Лаучюте. Словарь балтизмов в славянских языках. Ленинград: «Наука».

Младенов 1941: С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския език. София, 1941

Младенов 1967: М. Младенов. Лексиката на ихтиманския говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. III. София: Издателство на БАН, 3–196.

Младенов 1969: Младенов, М., Говорът на Ново село, Видинско, принос към проблема за смесените говори // Трудове по българска диалектология. VI. София.

Младенов 1971: М. Младенов. Из лексиката в Кюстендилско. Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. VI. София.

Ожегов–Шведова: С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. Издательство «Азъ», 1992. Online: http://ak.ak22.net/dict/. Accessed: April 18, 2008.

Петков 1974: П. Петков. Еленски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. VII. София: Издателство на БАН, 3–175.

Преображенский 1958: А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Т. I–II. 1. Москва, 1910–1914. Репродуцировано с выпусков 1910–1914 годов и последнего выпуска 1949 г., АН СССР.

Ралев 1977: Л. Ралев. Говорът на с. Войнягово, Карловско // Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. VIII. София: Издателство на БАН, 3–199.

РБЕ: Речник на българския език. София: Издателство на БАН, 1977–

РМЈ: Речник на македонскиот јазик. Бл. Конески (Ред.). Т. I–III. Скопје: Институт за македонски јазик, 1961–1966.

РСА: Речник српскохрватског књижевног и народног езика. Београд, Кн. I–, 1959–

Рудницький: Етимологічний словник української мови: У 2-х т. Укл. Ярослав Рудницький. Вінніпег–Оттава, 1962–1982.

САКЪОВ 1967: Д. Сакъов. Принос към речника на кукушкия говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. III. София: Издателство на БАН, 317–341.

СБЛ: Старабеларускі лексікон: Падручны перакладны слоўнік. Укладальнікі: М. Прыгодзіч, Г. Ціванова Менск: Беларускае выдавецтва Таварыства «Хата», 1997. Online: http://slounik.org/starbiel, Accessed: April 30, 2008.

СРЕЗНЕВСЬКИЙ: И. Срезневський. Материалы для словаря древнеруского языка по письменным памятникам. Фототипное издание, Москва, Государственное издательство иностранных и национальных словарей", 1958 г., по: Санктпетербург, Императорская академия наук, том I–III, 1893–1903 г.

СРНГ: Словарь русских народных говоров. Т. 1– (ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов), Ленинград: «Наука», 1965–.

СРЯ XI–XVII вв.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. I–, Москва: «Наука».

ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка. Изд. АН СССР, Москва–Ленинград, 1950–

ССРНГ: Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. И. А. Оссовецкого. Москва: «Наука», 1969.

ССЯ: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. Москва: «Русский язык», 1994.

СТОЙКОВ 1968: Ст. Стойков. Лексиката на банатския говор. Трудове по българска диалектология. IV. София.

СТОЙЧЕВ 1965: Т. Стойчев. Родопски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. II. София: Издателство на БАН, 119–314.

СТОЙЧЕВ 1970: Т. Стойчев. Родопски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. V, София: Издателство на БАН, 152–221.

СУМ: Словник української мови: В 11 томах. Київ, 1970—1980.

ТИМЧЕНКО: Історичний словник українського язика. Під ред. Є. Тимченка; укл.: Є. Тимченко, Є. Волошин, К. Лазаревська, Г. Петренко. Т. 1. Київ.–Харків, 1930–1932.

ТОПОРОВ 1975–1990: В. Н. Топоров. Прусский язык. Словарь, Москва: «Наука»

ТСС: Т. Ф. Ефремова. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000. Online: «ГРАМОТА.РУ», 2001–2002. http://www.gramota.ru/, Access: 28 February 2008.

УРС: Украинско-русский словарь. Глав. ред. И. Н. Кириченко. Т. I–VI. Киев: Издательство АН УРСР. 1053–1963.

ФАСМЕР: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Москва, 1986–1987.

ХИТОВ 1979: Хитов, Хр., Речник на говора на с. Радовене, Врачанско // Българска диалектология. Проучвания и материали. IX. София: Издателство на БАН, 223–342.

ШАНСКИЙ: Этимологический словарь русского языка. под ред. Н. М. Шанского. Москва, 1963–

ШКЛИФОВ 1977: Б. Шклифов. Речник на костурския говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. VIII. София: Издателство на БАН, 201–328.

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О. Н. Трубачева. Москва, 1974–

Druck

ANDRIOTIS 1974: N. Andriotis. Lexicon der Archaismen in neugriechischen Dialekten. Wien.

Apothekerlexikon 1793–1799: Hahnemanns, Samuel, Apothekerlexikon. Leipzig: Siegfried Lebrecht Crusius – Online. Available: http://www.heilpflanzen-welt.de/homoeopathie/ apotheker-lexikon/o/oleum%20omphacinum.htm, Date of Access: 07 June 2006.

BAŃKOWSKI 2000: A. Bańkowski. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I – II. Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa.

BERNEKER: E. Berneker. Slawischen etymologischen Wörterbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1908–1913.

BEZLAJ 1976–2005: Fr. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. T. I–IV. Kn. III, IV dopolnila in revidirala Marko Snoj in Metka Furlan. Ljubljana.

BOISACQ 1916. Boisacq, É., Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Étudiée dans ses rapports avec les autres langues indo-européennes. Heidelberg–Paris.

BORYŚ 2005: W. Boryś. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: WL

BRÜCKNER 1957: A. Bruckner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: WP.

CHANTRAINE 1968–1980: P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Vol. I–IV. Paris.

LEWIS –SHORT: Charlton T. Lewis, Charles Short, A Latin Dictionary. Online: http://www.perseus.tufts.edu/cgi-bin/ptext?doc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0059, Accessed: April 27, 2008.

DEX 1998: Dicționarul explicativ al limbii române, editat de Academia Română şi Institutul de Lingvistică "Iorgu Iordan", ediția a II-a, 1998; Online. Available: http://dexonline.ro/, Accessed: August 01, 2008.

DOROSZEWSKI: W. Doroszewski. Słownik języka polskiego. T. I–XI. Warszawa: WPN, 1958–1969.

Encyclopædia Britannica, First Edition, 1768, 1771 – Online. Available: http://www.britannica.com/heritage/article?content_id=1388, Date of Access: 07. June 2006.

ERNOUT–MEILLET 1951: A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4ème éd. Paris.

FRISK 1960–1972: H. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bde. I–III. Heidelberg: Winter.

FSSS 1981: Fjalor së sotme shqipe, N – ZH, Prishtinë, 1981.

GEBAUER 1970: J. Gebauer. Slovník staročeský. Druhé nezměněné vydáni. I–II. Praha. (1. Praha. 1894–1898).

HOLUB–KOPEČNY 1952: J. Holub, F. Kopečny. Etymologický slovník jazyka českého. Praha.

KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI: J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego. T. I – VIII. Warszawa, 1900–1927.

KNAPSKI: Thesaurus Polonolatinograecus seu Promptuarium linguae Latinae et Graecae in tres tomos divisum Grzegorza Knapskiego. Drugie, poprawione i uzupełnione wydanie.1643–1644. Online: http://www.mimuw.edu.pl/polszczyzna/Knapski/Knapski_DjVu/KnapskiDjVu.html. Accessed: Maj 01, 2008.

KURASZKIEWICZ 1962–1963: W. Kuraszkiewicz. Wyrazy polskie w słowniku łacińsko-polskim J. Mączyńskiego, t. I – II, Wrocław.

DUPress

LIDDELL-SCOTT 1968: H. G. Liddell, R. Scott, 1968. A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon. Online. Available: http://www.perseus.tufts.edu/cgi-bin/resolveform. Accessed: April 26, 2008.
LINDE: M. S. B.Linde Słownik języka polskiego, t. I–VI, wyd. II popr. i uzup., Lwów. 1854 – 1860.
LKŽ: Lietuvių kalbos žodynas. T. I–XX. Vilnius, 1941–2002, Online: http://www.lkz.lt/dzl.php?1, Accessed: April 19, 2008.
MACHEK 1971: V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydáni. Praha.
MERRIAM-WEBSTER: Merriam-Webster Online Dictionary: http://www.merriam-webster.com/. Accessed: 29.06.2008.
MSGM: Mały Słownik Gwary Mazurskiej. pod red. Erwina Kruka. Online: http://www.luteranie.pl/diec.mazurska/pl/biuletyn/msgwarymazur.htm, Accessed Mart 24 2008.
MUKA: E. Muka. Słownik dolnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. I–II. Reprint 1966. Pertohrad, 1911–1915, Praha, 1926, 1928.
Oeconomischen Encyclopädie: J. G. Krünitz., Oeconomischen Encyclopädie. 1773–1858. – Online. Available: http://www.kruenitz1.uni-trier.de/xxx/o/ko01615.htm, Date of Access: 07 June 2006.
PASHKA 1994: Pashka, J., Sudovian-English Dictionary. Online. Available: http://www.geocities.com/Athens/Ithaca/6623/. 14 January 2008.
PFUHL: Chr. Tr. Pfuhl. Obersorbisches Wörterbuch. Bautzen 1866. Fotomechanischer Neudruck. Bautzen, 1968
PLETERŠNIK: M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar izdan na troške rajnega knezoškoga Ljubljanskiega A. A. Wolfa. Uredil M. Pleteršnik, 1. 2. Ljubljana, 1894–1895.
PSJČ: Příruční slovník jazyka českého. I–IX. Praha,1935–1957.
RJA: Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–XIX. Zagreb. 1880–1967.
SGT: K. Wiśniewska. Słownik gwarowy dawnych mieszkańców Trzciany i okolic. Online: http://www.gimnazjumwtrzcianie.republika.pl/pracepedag/wisniewska/gwara/gwarat rzcianyiokolic.htm, Accessed Mart 24 2008
SGP: Słownik gwary miejskiej Poznania, pod red. Moniki Gruchmanowej i Bogdana Walczaka, Warszawa – Poznań: PWN 1997, Online: http://www.poznan.pl/mim/public/slownik/pages.html?co=list&id=8088&instance=1017&lang=pl&lhs=slownik&rhs=null, Accessed: Mart 23 2008.
SGS: K. Czubaszek. Słownik gwary skrzyszewskiej. Online: http://www.skrzyszew.republika.pl/slownik.htm, Accesssed: April 14, 2008
SKOK: P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
SK: Słownik Kaszubski. Online: http://www.cassubia-dictionary.com/index.php?option=com_use_slownik&Itemid=61. Accessed: Mart 03 2008.
SŁAWSKI: Fr. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–V. Kraków, 1952–1982.
Sł pol XVI: Słownik polszczyzny XVI wieku, 1966–2004, red. M.R. Mayenowa i in., t. I – XXXI, Wrocław–Warszawa.
SOUTER 1964: A. Souter. A Glossary of Later Latin to 600 A.D. (I ed. 1949). Oxford.
SP: Słownik prasłowiański. Pod red. Fr. Sławskiego. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Wydawnictwo PAN, 1974–

Dr Press

SSG: Słownik Śląskiej gwary. Online: http://www.zedowice.republika.pl/index.html. Accessed: Mart 03 2008.
SSJ: Slovník slovenského jazyka. Ved. red. Št. Peciar. I–VI. Bratislava, 1959–1968.
SSKJ: Slovar slovenskega knjižnega jezika. Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU Online: http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html, Accessed: April 07 2008.
SŁAWSKI: Fr. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków. 1952–
TURNER 1966: R. L. Turner. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. London, New York, Toronto.
WALDE 1910: A. Walde. Lateinische etymologische Wörterbuch. 2. umgearbeitete Auflage. Heidelberg.
WALDE 1938: A. Walde. Lateinische etymologische Wörterbuch. 3. umgearbeitete Auflage von J. B. Hofmann. Heidelberg.
WEBSTER'S 1981: Webster's Third New International Dictionary of the English Lsanguage. Unabridged and Seven Languages Dictionary. USA.
WRIGHT 1961: The English dialect dictionary. Ed. by J. Wright. I–VI. Oxford university press.
MEE: Μεγάλη ελληνική εγκυκλοπαίδεια. 14. Αθήναι, 1930.

DUPress

Использованные сокращения

Языки и диалекты

алб. – албанский
ашкун. – ашкунский
белорусск. – белорусский
болг. – болгарский
бур. – бурятский
в.-луж. – верхнелужицкий
венг. – венгерский
герм. – германский
гр. – греческий
др.-болг. – древнеболгарский
др.-гр. – древнегреческий
др.- еврейск. – древнееврейский
и.-е. – индоевропейский
кайк. – кайкавский
кашуб. – кашубский
лат. – латинский
лит. – литовский
лтш. – латышский
лув. – лувийский
мак. – македонский
н.-гр. – новогреческий
н.-луж. – нижнелужицкий
нов.-в.-нем. – нововерхненемецкий
полаб. – полабский
польск. – польский
пракр. – пракрит
псл. – праславянский
рум. – румынский
русск. – русский
санскр. – санскрит
сербохорв. – сербохорватский
сербск. – сербский
слав. – славянский
словацк. – словацкий
словен. – словенский
словин. – словинский
ср.-в.-нем. – средневерхненемецкий
ст.-белорусск. – старобелорусский
ст.-польск. – старопольский
ст.-чешск. – старочешский
тур. – турецкий
укр. – украинский
фурл. – фурланский
хет. – хетский
хорват. – хорватский
цсл. – церковнославянский
чешск. – чешский
ятвяжск. – ятвяжский

Другие сокращения

детск. – детское слово
ед. ч. – единственное число
ж. р. – женский род
ласк. – ласкательное
междом. – междометие
мн., мн. ч. – множественное число
неодобр. – неодобрительное
презрит. – презрительно
раст. – растение
редк. – редкое
см. – смотри
собир. – собирательное
ср. – сравни
сущ. – существительное
уменьш.-ласк. – уменьшительно-ласкательное
устар. – устаревшее
цит. – цитировано, цитированный
шутл. – шутливое
экспр. – экспрессивное
dem. – деминутив

BUPress

Указатель слов, для которых предположено звукосимволическое ономатопоэтическое происхождение

Славянские языки

Белорусский язык

ба́бка ‘вид сдобного печенья’ 131; ‘косточка для игры’ 149
бабоўні́к ‘трилистник’ 124
бабу́ра ‘мокрица’ 230
байба́к ‘лежебок, лентяй’ 217
байба́к ‘сурок, суслик’ 239
бамбалі ‘пузыри на лужах во время сильного дождя’ 138
бамбэ́лак ‘кисть (украшение)’ 159
ст.-белорусск. *барбара* ‘толстая веревка, канат’ 164
ст.-белорусск. *барбаръ* ‘мучитель, тиран’ 213
боб ‘бобы’ 116
ст.-белорусск. *бобки* ‘лавровый лист’ 117
бо́мбля ‘нарост’ 144
булдыр ‘водяной пузырь’ 139
бу́льба ‘картофель’ 114
бу́рбалка ‘водяной пузырек’139
бу́рбаўка ‘водяной пузырек’ 139
бу́рболка ‘водяная лилия, кувшинка’ 125
бурдыр ‘водяной пузырь’ 139
бэ́мбаль ‘нечто не в меру натянутое, твердое, большое’ 163
бэ́мбаль ‘пузырь после ожога’ 138, ‘нос картошкой’ 155
глог ‘боярышник’ 119
гу́гель каша из картошки’ 171
гугу́ль ‘трава’ 126
гу́гыль ‘запеченная морковь с лапшой’171
гъмза ‘сорт мелкого винограда и вина’ 171
дыр́да ‘верзила’ 219
жу́жаль ‘отходы; жидщая грязь’ 169
карачу́н ‘нечто искривленное, погнутое’ 174
кля́каць ‘падать на колени; приседать, падая’ 183
колды́га ‘хромой’ 186
колды́гаць ‘хромать’ 186
ко́лча ‘хромой’ 186
крук ‘крюк’ 178
кукуру́за ‘Zea mays’ 110
кульга́ ‘хромой человек’ 186
кульга́ць ‘хромой человек’ 186
курч ‘болезненное стягивание мышц’ 205
ку́ча ‘масса, куча’ 208
му́мра ‘хмурый и молчаливый человек’ 222
прикле́нчыць ‘приклонить колени’ 183
стрі́ка́ць ‘колоть, жалить’ 192
таракан ‘таракан’ 239
харашыцца ‘хвастаться, чваниться’ 200, 224
цацáнка ‘милая, приятная вещь’ 158
четурыцца ‘важничать’ 199
шаро́ш ‘сало (пластинки льда на воде)’ 206
шаршы́ць ‘ерошить’ 200
шарэ́шша ‘замершие груды грязи’ 206

Болгарский язык

баба́н ‘рыба Rutilus rutilus’ 235;
ба́барка ‘недоразвитый початок кукурузы’ 110
ба́бка ‘вид старинной мелкой монеты’ 153
бабо́й ‘рыба Rutilus rutilus’ 235;
бабу́л’ки ‘шелковичный червь’ 230
ба́бур ‘улитка’ 233
ба́бурци ‘ряженые, которые во время праздника Водици ходят по селам и смешат людей’ 202
бабурче́ ‘фасоль’ 116
бабу́шка ‘вид хвойного растения’105
бабушка ‘рыба Rutilus rutilus’ 235;
балбу́к ‘водяной пузырь’ 139
бараба́й ‘картофель’ 113
бараба́йки ‘картофель’ 113
бараба́нка ‘плод можжевельника’ 105; ‘плод шелковицы’ 118
барамба́й ‘картофель’ 113
барба́й ‘картофель’ 113
барба́лки ‘маленькие комочки, которые появляются на одежде после ношения; комочки в креме’ 134
барба́нка ‘плод шелковицы’ 118

барбо́нка ‘экскременты мелкого рогатого скота или зайца’ 147
барбошка ‘многолетнее дерево, которое цветет синими цветами и рожает маленькие сладкие шарообразные плоды’ 118
боб ‘боб Faba’ 116
боби́не ‘гнойные прыщи’ 138
боби́нки ‘малины’ 118
бобова́н ‘животное, подобное клещу’ 230
бобой ‘вид речной или болотной рыбы’ 235
бобой ‘раст. Centaurea orientalis’ 124
боболка ‘плод шелковицы’ 118
бобо́нка ‘плод шелковицы’ 118
боболкница ‘шелковица’ 118
боболяк ‘растение вероника’ 124
бобо́нка ‘экскременты мелкого рогатого скота или зайца’ 147
бобошка ‘яснотка пятнистая’ 124
бо́були ‘кукуруза’ 109
брабиняк ‘муравей’ 230
брабо́й ‘картофель’ 113
брабо́нка ‘плод шелковицы’ 118
брабо́нка ‘экскременты мелкого рогатого скота или зайца’ 147
бравиняк ‘муравей’ 230
бра́мбало ‘толстый, здоровенный человек’ 217
брамбо́й ‘картофель’ 113
брбой ‘картофель’ 113
бробинякъ ‘муравей’ 230
бробинець ‘муравей’ 230
бробиняк ‘муравей’ 230
бръбо́й ‘картофель’ 113
бръмбазък, бръмбъзък ‘мелкая ненужная вещь’ 159
бръ́мбалешка ‘экскременты овцы’ 148
бръмбо́й ‘картофель’ 113
бръ́мболе ‘картофель’ 113
бръ́мбул ‘водяной пузырь, образующийся вследствие бросания камня в воду’ 139
бръ́мбуле ‘картофель’ 113
брьбинякъ ‘муравей’ 230
брьбинець ‘муравей’ 230
брьбойка ‘плод можжевельника’ 105
брьбо́нка ‘плод можжевельника’ 105; ‘маленький твердый плод дерева или куста в форме зерна’ 108; ‘отек в виде шишки на теле человека вследствие удара’ 141; ‘наросты в форме зерна, которые образуются на листьях деревьев’ 144; ‘экскременты овцы или козы’ 147
бу́ба ‘о человеке, который всюду суется и любит находить себе что-либо делать, прежде всего, дома’ 215
буба ‘пугало, которым пугают детей’ 213
бу́ба ‘шелковичный кокон’ 148
буба́к ‘маленькая собачка’ 237
бубалек ‘калина’ 117
буба́лка божия ‘божья коровка’ 230
буба́лчя ‘букашка’ 230
бубара́шка ‘букашка’ 230
бубинка ‘вид мелкой брусники (дерево и плод)’ 118
буболе́чка ‘букашка’ 230
буболина ‘водяная лилия’ 124
бубо́ляк ‘большая, толстая не мохнатая гусеница’ 230
бубо́ляк ‘человек, у которого все валится из рук’ 216
буборак ‘ромашка’ 125
буборатка ‘ромашка’ 125
бу́брек ‘упитанный, полный ребенок’ 215
бубу́лим се ‘таращить глаза’ 203
бубун'а́сувам ‘опухать, отекать’ 196
бубу́нкя ‘отек вследствие удара, обычно на голове’ 141
бубура́чка ‘букашка’ 230
бубуро́к ‘злой дух’ 213
бу́калка ‘кукуруза’ 110
бумбале́ ‘вид мелкой фасоли шарообразной формы’ 116
бумбале́с ‘шарообразный’ 103
бу́мбалъ ‘комочки по швам ношеной одежды’ 134
бумбу́ли ‘пузыри’ 138
бу́мбъл ‘свалявшиеся комочки на полах и краях одежды от ношения’ 134
бу́нгур ‘придурковатый человек’ 217
бъба́нко ‘крепкий, сильный человек, богатырь’ 215
бъба́нкъ ‘о крупном, сильном человеке’ 215
бъ́бна ‘набухать’ 196
бъ́брек ‘анат. почка’ 154
бу́брек ‘анат. почка’ 154
бъбура́к ‘злой дух, вампир’ 213
бъмба́л ‘трутень’ 239
бъмбу́лкъ ‘вид синей сливы, более округлой формы, чем обычная’ 118
бъ́мбър ‘водяной пузырь’ 139
бъмбъри́ца ‘желвак на голове человека’ 141
бърба́рам ‘рыться руками в чем-нибудь, искать’ 192

EUPress

бърбóнка ‘плод шелковицы’ 118; ‘пузырек’ 137; ‘экскременты мелкого рогатого скота или зайца’ 147
бърбýле́ ‘стеклянный шарик для игры’ 150
бърбýшка ‘экскременты мелкого скота’ 147
валвата́ ‘буйные шалости, проказы’ 191
вглагóра се ‘очерстветь от холода’ 204
вграгóра се ‘окаменеть, оцепенеть’ 204
вкоке́твам се ‘цепенеть от влаги или холода’ 206
вкокалявам се ‘костенеть’ 206
вкокорáдвам се ‘твердеть от холода’ 206
връв ‘веревка’ 187
врьвóрець ‘муравей’ 230
втрещя́ (очи)) ‘пристально смотреть’ 204.
втрещя́ се ‘оцепенеть от холода’ 206
върварик ‘вереница’ 187
вървария ‘вереница’ 187
върволица ‘вереница’ 187
върволъцам се ‘ходить туда-сюда без дела’ 190
върволяк ‘вереница’ 185, 187
вървя́ ‘идти пешком’ 187
вър̀вя ‘нанизать’ 187
въргa ‘опухоль от удара на голове или на теле’ 142; ‘шарообразный наконечник на палке’ 152
въ́ргла ‘опухоль на голове’ 142
въргóлец ‘опухоль с червяком, которая появляется у исхудалой скотины’ 142
върголю ‘делаю что-либо, работаю’ 193
въргýла ‘нарост на дереве’ 144
въргулáт ‘овальный, шарообразный’ 103
въргýлка ‘овальный камень’ 150
върдзýлка ‘нарост на стволе ореха’ 144
гéга ‘длинная палка пастуха, с железным крюком на одном конце, чтобы ловить овцы’175
гáга ‘палка с крюком на одном конце’ 175
гагáлка ‘белая сыпь во рту у детей’ 140
гагáлка ‘голубцы’ 134
гагáлка ‘грязь под хвостом овцы в виде комьев’, *гагáлькя* ‘утолщение на нитке’ 134
гагáлка ‘комок грязи под хвостом у овцы’ 137
гагáль ‘крюк’ 175
гагальки ‘голубцы’ 210
гáгры мн. ‘обед после крещения младенца’ 200
гагýлка ‘возвышенное место в поле, огороде, на лугу’ 146
гагýлка ‘комок неразмешанного теста’ 135
гаджюнки ‘подснежники’ 125
гáйгýр ‘какое-то дикое животное’ 237
гáйгур ‘слабый, хилый человек’ 218
галагáн ‘мелкая старая монета’ 153
галгушка ‘дерево, которое… рожает маленькие сладкие шарообразные плоды’ 119
гáнгарица ‘большая воздушная кукуруза’ 164
гаргýлка ‘возвышенное место в поле, огороде, на лугу’ 146
гжглѣк ‘насекомое Oniscus asellus, которое водится во влажных местах и гнилых деревьях, мокрица’ 231
гжглище ‘о мелких кишащих тварях’ 231
гжглó ‘о мелких кишащих тварях’ 231
гжглúще, гжглó ‘о мелких кишащих тварях’ 190
гергелици ‘неразборчивые буквы’179
гингéра се ‘идти медленно, волочиться’ 187
гиргýца говорится укоризненно о человеке
глагорúна ‘плод боярышника’ 120
глог ‘боярышник, Crataegus L.’ 119
глóга ‘сучок, нарост на дереве’ 145
глогáк ‘что-либо окостеневшее’ 205
глогáн ‘что-либо окостеневшее’ 205
глюзá ‘комок непромешанной муки в хлебе, креме и др.’ 135
гоголúца ‘палка с естественным утолщением шарообразной формы на конце’ 152
гологáн ‘мелкая старая монета’ 153
грáгор ‘гравий’ 150
др.-болг. гроꙁа ‘ужас’ 213
др.-болг. гроꙁьнъ ‘страшный’ 213
гръгýля ‘бутылочная тыква’ 122
гръ́ч ‘спазм’ 205
гръ́чел ‘складка’ 205
гръ́чул, ‘складка’ 205
гýгла ‘капюшон; мужская меховая шапка; куча сена’ 209
гýгла ‘куча сена’ 208
гуглúв ‘набросанный кучками’ 209
гýгря се ‘сжиматься от холода’ 205
гугýли ‘растение и плод Zea mays’ 110
гугýлявъ ‘мелкий, скорчившийся, мохнатый (о плодах айвы)’ 205
гýджал ‘початок кукурузы без листьев, но с зернами’ 110

DOPROS

гу́зен ‘тот, кто чувствует себя виноватым’ 204
гу́зя се ‘сжиматься от холода, от страха’ 204
гъгре́ц ‘опухоль на теле’ 142
гъгре́ц ‘паразитный червячок, который водится по бобовым растениям Bruchos pisi’ 230,
гъ́грав ‘кудрявый’180
гъгри́ца ‘долгоносик, насекомое Bruchos pisi (которое ест фасоль, чечевицу, пшеницу)’ 230; ‘паразит, который водится в пшенице, по бобовым растениям, Calandria granaria’ 231
гъ́гря ‘завивать (волосы)’180
гъдел ‘щекотка’ 191
гъ́мжел ‘скопление кишащих живых существ’ 190
гъмжьк ‘кишеть’ 190
гъмза ‘сорт мелкого винограда и вина’ 120
гъ́нгал ‘водяные пузыри’ 140
гъ́рволек ‘замерзшие комья грязи’ 136
гърво́лим се ‘ходить медленно, пошатываясь’ 185
гъргóня ‘сгорбившийся человек’ 217
гъргърица ‘долгоносик, насекомое Bruchos pisi’ 230
гърча се ‘корчиться’ 205
гымжьк ‘кишеть’ 190
джаджа 89–94; 160
джанголóз ‘страшилище вроде вампира, но не такое свирепое и кровожадное’ 214
джиджафка 160
джиджи-биджи ‘какая-либо забава; ухаживание’ 243
джóмпалица ‘палка, которою засовывают под подводные скалы, чтобы выгонять оттуда рыбу’181
джýджер ‘могила’ 146
джунгал ‘овца, чей ягненок закололи, умер или исчез’ 237
джунгали ‘початки кукурузы’ 110
джунджурáк ‘мелкие вещи’160
джунджури́и пренебр. разг. ‘мелкие вещи, обычно ненужные’ 160
дзáндзара ‘бутылочная тыква для украшения’ 122
дзедзéкам ‘дрожать от холода’ 207
дзéдзер ‘испуг’ 207
дзердзé ‘сучковатая палка’179
дзи́дзина ‘опухоль вследствие удара’ 143
дзи́ндза ‘опухоль вследствие удара’ 143
дзиндзи́кам ‘дрожать от холода’ 207
дзиндзири́кам ‘дрожать от холода’ 207
дзиндзýлка ‘алыча’ 120
дзýндза ‘опухоль от удара’ 143
дзýндзалъ ‘шишка на голове от удара’ 143
дуд ‘плод тутового дерева’ 120
дуда ‘плод тутового дерева’ 120
дýдул ‘кукурузный початок с зернами’ 110
дýдула ‘кудряшка’181
дудýлец ‘кукурузный початок без зерен’ 110
дýдулы ‘ягоды тутового дерева’120
дун’ду ‘толстый неповоротливый человек’ 219
дунда укоризненно ‘толстая, плохо одетая, неповоротливая женщина ‘ 219
дъ́рдонек ‘экскременты козы или овцы’ 148
дърдóнка обычно мн. ‘экскременты козы или овцы’ 148
дъ́рдънек ‘экскременты козы или овцы’ 148
дюдюлка ‘желудь’ 108
жагаръ-жугъръ ‘забава, веселье’ 243
жижи́бижи́ ‘десерт малеби’172
жюркълъ ‘Gryllotalpa vulgaris’ 231
замамýля ‘заворачивать; заворачивать кое как’ 209
згъргори́л се ‘о сильно постаревшем человеке’ 217
згъргори́л се ‘о сильно постаревшем человеке’ 217
згъргуши́л се ‘о сильно постаревшем человеке’ 217
згъргуши́л се ‘о сильно постаревшем человеке’ 217
зинзи́кам ‘дрожать от холода’ 207
зъзна ‘дрожать от холода’ 207
избърба́рам ‘выбирать мясо из супа’ 192
избърба́рвам ‘выбирать мясо из супа’ 192
какале́шка ‘экскременты козы, овцы, зайца, мыши и др.’ 148
какала́шка ‘початок кукурузы без зерен; початок кукурузы с зернами’ 110; ‘стручок бобовых растений с зернами или без зерен; перец Capsicum annuum’ 130; ‘огрызок яблока’ 162
какаля́шка ‘плод хвойного дерева’ 107; ‘чернильный орешек’ 109; ‘початок кукурузы без зерен; початок кукурузы с зернами’ 110; ‘кусок мяса’ 162
какаре́шка ‘экскременты овцы’ 148
какýль ‘крюк’177

PURPOSS

каку́ль ‘шелковичный кокон’ 149
какю́нка ‘крокус’ 126
калка́ѐм ‘лукавить’ 210
калка́вѐм ‘извиваться (о реке, дороге)’ 174
калкати́ца ‘поворот дороги’ 176
караку́шки ‘земляные яблоки’ 115
карке́л ‘железное кольцо на двери с улицы; кольцо в цепи’ 176,
каркала́шка ‘плод оливкового дерева’ 120; ‘экскременты козы или овцы’ 148
каркале́га ‘плод хвойного дерева’106
каркаля́шка ‘комок из хлеба’ 137; ‘экскременты козы или овцы’ 148
каркау́ль ‘водяная лягушка’ 239
каркеля́га ‘украшение из теста на круглом домашнем хлебе’ 176
ка́цам ‘(о птицах, насекомых, самолетах) сесть’ 185
качвам ‘поднимать выше; грузить’ 208
ка́че ‘осенний или весенний крокус’ 126
качиче ‘подснежник’ 126
качу́л ‘вид шапки с острым верхом; капюшон’ 209
качу́л ‘пучок перев на голове у птицы’ 198
качу́ла ‘вид шапки с острым верхом; капюшон’ 209
качу́ль ‘крюк для подвешивания’177
качу́н ‘крокус’ 126
качу́тка ‘крокус; подснежник’ 126
ке́кер ‘с выпуклыми глазами’ 203
кекерица (*жаба кекерица*) ‘эпитет лягушки’ 238
ке́кла ‘неповоротливая женщина’ 220
керке́ть-керке́ть ‘елеéле’ 186
керке́тя ‘идти с трудом’ 186
керки́да ‘сильно очерствелый предмет’ 205
кике́нча се ‘кривляться, делать гримасы’ 210
ки́ка ‘чуб, прядь волос’ 197
ки́келе ‘длинная челка у мужчин’ 197
ки́чур ‘прядь волос’ 197
кле́кав ‘тот, у кого слабые ноги; трудно подвижный, неповоротливый; кривоногий; худой, неуверенный, невыносливый’ 220
кле́кам ‘приседать на корточки; слабеть; (о животном) приседать на задние ноги; (о птице) сесть’ 183
кле́цам ‘хромать’ 186
кле́чо ‘который смотрит с широко открытыми глазами’ 204
клек ‘дерево Pinus montana’ 107
клека ‘можжевельник’ 107
клека́ ‘хромой человек’ 220
клечо́к ‘человек с большими, широко открытыми глазами’ 204
клич ‘петля в вязании’ 178
кльчьжся ‘чечениться, жеманиться’ 198
клю́кав ‘искривленный, поломанный’ 174
клю-ка́м ‘усаживаться без приглашения’ 184
кля́кам ‘приседать на корточки; слабеть; (о животном) приседать на задние ноги; (о птице) сесть’ 183
ко́кал ‘косточка (плода)’ 156
кокал ‘кость’ 221;
кокал ‘о холодных руках, ногах’ 206
ко́кал’че ‘косточка (плода)’ 156
ко́кал’че ‘мальчишеская игра пятью камешками’ 150
кокала́н ‘человек, который стремится к выгоде’ 221
кокала́шка ‘початок кукурузы, очищенный от листьев’ 110
кокале (*змишни*) ‘сорная трава в зерновых растениях с коричневыми плодами, по размеру немного меньше гороха’ 126
ко́калив ‘твердый’ 206
ко́калче (*мазни́-ко́калче*) ‘раст. Ranunculus ficaria; Ranunculus repens; Caltha palustris’ 126
ко́калче ‘пуговица’ 153
ко́калче ‘шиколотка; игральная кость’ 150
кокаля́р ‘человек, который стремится к выгоде’ 221
коке́лив ‘худой, хилый’ 221
ко́ке́ра са ‘сидеть или приседать неприлично, кривляться’ 184
ко́ке́рица ‘тощее сутулое животное’ 238
кокила́в ‘твердый; об упрямом твердом человеке’ 206
кокила́т ‘с выпуклыми глазами’ 203
кокила́т, ‘твердый; об упрямом твердом человеке’ 206
кокили́ ‘ходули’ 182
кокиля се ‘кривляться, таращить глаза’ 203
кокиче ‘подснежник’ 126
ко́кола са ‘открывать широко глаза, напрягать зрение’ 203
кокóла се ‘открывать широко глаза’ 203
коколати (*очи*) ‘о вытаращенных глазах’ 203

DUPSS

коколе́ц, ‘петля в вязании’ 177
кокольки ‘голубцы’ 210
кокóл’ки ‘голубцы’ 134
кóкора (са) ‘(о птице) взъерошивать оперение’, ‘(о человеке) дуться, важничать’ 197
кóкора (са) ‘смотреть пристально или с широко открытыми глазами’ 203
кокорáда ‘плод хвойного дерева’ 107
кокорéк ‘початок кукурузы, окутанный в листьях; початок кукурузы без зерен’110
кокóрко ‘сильный, выносливый человек; щеголь франт’ 220
кокóря се ‘‘(о птице) расправлять крылья; (о человеке) дуться, важничать’ 197; ‘открывать широко глаза; всматриваться во что-либо пристально’ 203
кокоря́га ‘плод хвойного дерева’ 107
кокóша се ‘съеживаться’ 198
кокошúня се ‘(о птице) распускать перья, ежиться от холода’, ‘(о человеке) важничать’ 198
кокýли ‘о неловких, неумелых руках’177
кокуружъ ‘дикий мак, Papaver rhoeas’ 127
кóкъл ‘косточка (плода)’ 156
кóлка ‘кривая печная труба; поворот дороги’ 176
кóркам се ‘дуться, важничать’ 198
коркулук ‘чучело’ 214
кóцал ‘кукурузный початок без зерен’ 111
кочáн ‘початок кукурузы с зернами или без зерен’ 111
кочанéя ‘коченеть от холода’ 206
кóчур ‘початок кукурузы без зерен’ 111
кошлак ‘молодая собака’ 240
кракалéшка ‘чернильный орешек’ 109; ‘экскременты козы или овцы’ 148
кракел ‘крюк’ 176
крáча ‘шагать; широко шагать’ 188
крекýшка ‘вид мелкой речной рыбы’ 236
крокам ‘шагать’ 188
кръклица ‘долгоносик, насекомое Bruchos pisi (которое ест фасоль, чечевицу, пшеницу)’ 231
кръклян ‘клевер, Trifolium’ 127
кръ́кушка ‘вид мелкой речной рыбы’ 236
кукалéц ‘петля в вязании’ 177
кукалéц ‘побег’ 129
кукалúца ‘извилина, кривая линия’ 175
кýкам ‘сидеть на корточках; сидеть все время дома’ 184
кукарéшка ‘улитка’ 233
кýкер ‘ряженые, в масках, которые во время весеннего праздника Сирница танцуют и веселят людей’ 202
кукéра са ‘стоять или ходить с расставленными ногами’ 198
кукерêга ‘молодой человек, который занимается не порядочными делами, негодяй, бездельник’ 220
кýкла ‘возвышение’ 146
кýкла ‘круглый хлеб, который похож на куклу’ 132
кýкла ‘переодетый человек, ряженый; обрядная маска (кукера); пугало для птиц’ 202
кýкна ‘сесть на корточки; сесть на вершине чего-либо’ 184
кýкновам ‘сесть, подогнув колени’ 184
кукóлька ‘котлета’ 134
кукóшкъ ‘неразломанное ядро ореха’ 155
кýкрек ‘растение Cyclamen coum и др.’ 200
кукýл’ ‘шелковичный кокон’ 149
кукулáшка ‘початок кукурузы без зерен’ 110
кýкулник ‘пасхальный хлеб’ 132
кукулник ‘человек низкого роста’ 221
кукулъ ‘шелковичный кокон’ 149
кукуль ‘маленькое возвышение в форме конуса’ 146
кýкýль, ‘крюк’177
кукульóти ‘вид грибов’ 242
кýкура ‘дурак’ 220
кукурáв ‘то же’181
кукурáда ‘початок кукурузы’ 110
кукурáди ‘плоды одного вида соснового дерева’ 107
кукурáди ‘экскременты’ 148
кукурáтка ‘початок кукурузы’ 110
кукурéжка ‘плоды одного вида соснового дерева’ 107
кукурéжки ‘экскременты овцы, козы, мыши и др.’ 148
кукурéнци мн. ‘красные нашивки для украшения на женской одежде’ 200
кукýреци ‘воздушная кукуруза’ 198
кукурéч ‘еда из внутренностей ягненка, которыми наполнен желудок’172
кукурéш ‘еда, приготовленная из внутренности ягненка, которой наполнена прямая кишка’172
кукурéшка ‘улитка’ 233
кукýруга ‘молодые листья растения’ 200
кукýруга ‘неразломанное ядро ореха’ 155

PRESS

кукуру́жка ‘намотанная пряжа для тканья’ 154
кукуру́з ‘кукуруза’ 110
кукуру́шкы ‘кудри’181
кукуру́шчица ‘капустная кочерыжка’ 155
кукуряк ‘раннее весеннее растение с перистыми листьями и крупными светло-зелеными цветочками, Helleborus odorus’ 200
кукуряк съм ‘(о человеке) быть бодрым, свежим’ 201
ку́цам ‘хромать’ 185
кучéн ‘репа’ 115
ку́че ‘маленький клин треугольной формы, вставленный в рукав, под мышку; прямоугольный клин в брюках’ 162
ку́че ‘приспособления в ткацком станке; педали ткацкого станка; часть ткацкого станка’ 161
ку́че ‘собака’ 240
ку́челски ‘собачий’ 240
ку́чуле ‘маленькая собачка’ 240
къ́кел ‘шелковица’ 120; ‘раст. Fritillaria pontica’ 126
къ́кель ‘шелковица’ 120
къ́клица ‘раст. Agrostemma githago, черные семена этого растения; семена василька в пшенице’ 123
къ́кна се ‘идти елеéле, волочиться’ 188
къкъл ‘шелковица’ 120; ‘раст. Agrostemma githago’ 123
къкюнка ‘крокус’ 126
кълка ‘извилина дороги, реки; уголок в комнате, где находится очаг’ 176
къ́лка ‘нарост на дереве’ 145
кълка ‘холм’ 146
кълча се ‘ломаться, кривляться’ 198
кълчи́ща ‘пакля’ 169
кърка ‘вошь’ 231
кърка́ло ‘пробка, втулка (бутылки)’ 155
кърки́шь ‘каша из кукурузной муки, разбавленная водой; жидкая каша из хлеба, бурда, пойло’ 172
кърклица ‘вошь’ 231
кърколица ‘кривая линия’ 174
кърколици ‘кривые крутые тропинки’ 176
къркуш ‘земляное яблоко’ 115
кърку́шка ‘вид мелкой речной рыбы, бычок, Gobio fluviatilis’ 236
къркълянка ‘стеклянный шарик для игры’ 150
къцъм ‘садиться на землю’ 184
др.-болг. **кжколь** ‘вид сорняка, возможно куколь’ 123
др.-болг. **кокоравъ** ‘кудрявый’181
лангърица ‘плохая еда’, 173
лунгурдия ‘плохо приготовленная еда’ 173
люлéя ‘качать’ 186
лю́лка ‘качели’ 186
ма́ма ‘обман’ 210
мамалю́га ‘комок 135
мамарéц ‘маленькое ракообразное животное, которое водится в воде’ 234
мамарéць, ‘маленькие животные черного цвета, которые в большом количестве плавают на поверхности тихой воды, кишат и играют, Gyrinus natator, вертячки’ 232
ма́мêм ‘звать, манить; обманывать, вводить в заблуждение’ 210
маморець ‘Gammarus fluviatilis, живет в воде’ 234
мамýл ‘початок кукурузы с зернами; початок кукурузы без зерен’ 111; ‘початок кукурузы’ 209
мамулéц ‘моль’ 232
мамýлче ‘шелковичный кокон’ 149; 209
мамýль ‘шелковичный кокон’ 149, 209
мамýлька ‘что-либо свернутое без порядка; накатанная кое-как пряжа’ 209
мамýльке ‘человек маленького роста’ 222
мамýльке ‘что-либо, окутанное в одежде’ 209
мамýльки ‘маленькая неровность в пряже в виде комочка; комочки муки в воде’ 135
мамýна ‘замаскированная фигура, маска’ 202
мамýнка ‘кукла’ 202
ма́мя ‘обманывать, заблуждать; манить животных; изменять, нарушая слово и клятву’ 210
мармаръ́к ‘название какой-либо части прибора’ 160
мермерýда ‘насекомое Cerambyx’ 232
мла́молец ‘насекомое, которое водится в муке’ 232
мо̑мар ‘Gyrinus natator’ 232
мо̑марец ‘Gyrinus natator’ 232
мо̑марица ‘Gyrinus natator’ 232
мо̑марка, ‘Gyrinus natator’ 232
моморо́зъ ‘кукуруза, початок кукурузы’ 111
мо́рмулец ‘маленькое насекомое’ 232

EURASS

мо́рмулец ‘ребенок в животе у матери’157
мо́рмулче ‘ребенок в животе у матери’ 157
мравѣлникъ ‘муравейник’ 232
мраву́нище ‘муравейник’ 232
мрава́лник ‘муравейник’ 232
мрави́лник ‘муравейник’ 232
мравэлѣкъ ‘муравейник; о мелких животных: что-то в большом количестве, кишащее’ 191
мравулья ‘о чем-нибудь похожем на муравейник, которое движется, шевелится’ 191
мраву́лник ‘муравейник’ 232
мра́мор ‘маленькие животные черного цвета, которые в большом количестве плавают на поверхности тихой воды, кишат и играют’ 234
мра́морец ‘то же; Gammarus fluviatilis’ 234
мра́морець ‘Gammarus fluviatilis’ 234
мра́морци ‘головастики’ 234
мрмолец ‘маленький рак’ 234
мръмо́р ‘маленький коричневый рачок, который встречается в холодных родниках’ 234
мръморец ‘водное насекомое’ 232
мръморец ‘головастик’ 234
мума́ра ‘холм с белой почвой’ 146
мумарье́ц ‘маленький рачок, который живет в холодных родниках’ 234
муми́нок ‘виноград’ 121
муми́ца ‘вид яблок’ 121
муму́л ‘початок кукурузы’ 111
муму́лъ ‘шелковичный кокон’ 149
му́мурузъ ‘кукуруза’ 111
муру́з ‘кукуруза’ 111
мушморо́к ‘человек на вид скромный и замкнутый, который всюду суется; шустрый ребенок’ 222
мъ́марец ‘маленький рачок, который живет в холодных родниках, один из видов Gammarus sp.’ 234
мъморе́ц ‘маленький рачок, который живет в холодных родниках, Gyrinus natator’ 234
мъ́мрец ‘маленький рачок, который живет в холодных родниках, Gyrinus natator’ 234
мъму́л ‘початок кукурузы’ 111
мърмаду́лька ‘мышка, сделанная из тряпок’ 166
мъ́рма́ля ‘каша из кукурузной муки’ 173
мъ́рмор ‘худой ребенок’ 222
мъ́рморе́ц ‘насекомое Gyrinus natator’ 232
мъ́рмо́рци ‘головастики’ 234
мъ́рмо́рче ‘худой ребенок’ 222
нагу́гря ‘сминать’ 205
нагу́грям, ‘сминать’ 205
нагургу́швам се ‘сжиматься от холода’ 205
накачу́лвам се ‘(о людях) толпится, вставая плотно друг к другу’ 208
накоко́шва са ‘(об одежде) надуваться от ветра’ 196
накъ́крювам ‘накручивать’181
нюню ‘что-то совсем маленькое, крохотное’ 156;
нюня́в ‘медлительный человек, у которого все валится из рук’ 223
опъ́рпам ‘оборвать, превратить что-либо в лохмотья’ 167
очочо́рвам се ‘прояснять взгляд’ 204
пе́мперуга ‘бабочка’ 207
пе́нпур ‘пузырь’ 140
пе́перуга ‘бабочка’ 207
пе́плек ‘аист’ 240
пампу́рь ‘ряженый, который ходит по домам во время Масленицы’ 202
папаронка ‘дикий мак, Papaver rhoeas’ 127
па́пер ‘немного шерсти; останки чего-либо’ 156
па́плек ‘аист’ 240
папоруна ‘дикий мак, Papaver rhoeas’ 127
папу́нѣкъ ‘лягушка Bombinator igneus’ 240
папу́нѣкъ ‘птица Upupa epops’ 240
папу́нець ‘нераскрывшаяся коробочка хлопка’ 129
папу́нка, пъпу́нкъ ‘маленький стручок горького перца’ 129
папура́къ название для рака 238
папу́ре ‘маленькое зерно фасоли’ 117
папу́ръ ‘кукуруза’ 112
парпала́к ‘тряпки’ 167
парпари́кам ‘работать понемногу, трудиться’ 195
парта́л ‘тряпка’ 167
парца́л, ‘тряпка’167
пенпе́ре ‘дрожать’ 207
пенпере́ ‘дрожащие украшения’ 207
пеперуга ‘дикий мак, Papaver rhoeas’ 127
пеперу́да ‘бабочка’ 207
перпели́чка, ‘старая монета’ 153
перпери́ца ‘старая монета’ 153
пипкам се ‘медлить при работе’ 194
пипо́ля ‘работать медленно; трогать что-либо грубыми движениями’ 194
пипро́тя ‘трогать то, что не позволено’ 194

EUPress

подкукуру́жва се ‘(о корочке чего-нибудь, например, раны), которая набухает и скоро упадет’ 196
др.-болг **поклакнѫти** ‘опуститься на колени, преклонить колени’ 183.
попу́нец ‘почка цветка’ 129
по́пунь ‘гладкий округлый речной камень, которым заглаживают новый очаг’ 150
по́пунь ‘пузырь в воде’ 140
поскрека́вам ‘подстрекать’ 192
прпъпе́ричка ‘волчок’ 189
прпъпелѧ́шка ‘волчок’ 189
прпъперу́га ‘бабочка’ 207
прпъперу́да ‘бабочка’ 207
прпъперу́шка ‘бабочка’ 207
приколашь ‘рак, Cancer uricolai’ 240
прпурник ‘человек маленького роста’ 223
прьколя́шь ‘рак, Cancer uricolai’ 240
пу́мпал ‘волчок’ 189
пу́мпал ‘могила из песка в овраге’ 147
пу́мпал ‘очень молчаливый человек’ 223
пу́мпал ‘толстый короткий обрубок дерева’ 163
пу́мпалица ‘большой камень’ 165
пумпулица ‘толстая палка’ 163
пупавець ‘птица Upupa epops’ 240
пу́павица ‘гриб Lycoperdon bovista’ 243
пупавка раст. Anthemis’ 127
пу́палка ‘раст. Oenthera biennis’ 127
пу́пка ‘хлеб круглой формы’ 133
пу́пляк ‘дикий мак, Papaver rhoeas’ 127
пу́пляк ‘волчок’ 189
пу́пляк ‘человек маленького роста’ 223
пу́пник ‘чучело на виноградной лозе’ 202
пу́полец ‘шарообразный предмет’ 104
пупуле́ ‘комок из теста, который делается на масленицу’ 133
пу́пула ‘останки шерсти съеденной волками скотины’ 169
пупу́лига ‘вид белого винограда’ 121
пупу́лчя ‘шарик’ 104
пупу́ль ‘торчащие перья на голове у птицы’ 199
пупунець ‘птица Upupa epops’ 240
пу́пуница ‘гладкий округлый речной камень, которым заглаживают новый очаг’ 150
пупу́рка ‘почка’ 129; ‘прыщ’ 140
пънджо́р ‘испражнение лошади’ 169
пъпару́шка ‘бабочка’ 207
пъ́пка ‘маленькая неровность в пряже в виде комочка’ 136; ‘маленькое шарообразное утолщение в верхнем конце веретена’ 152
пъ́плеш ‘мелкая работа, подходящая для детей’ 194
пъплъ́м ‘медлить при выполнения мелкой работы’ 194
пъ́пляк ‘толпа, сутолока’ 191
пъ́пляк ‘толпа’ 209
пъпр’ъ ‘делать что-либо руками медленно, не видя хорошо’ 194
пъпра́к ‘часть колеса старой машины’ 161
пъ́прика ‘железка четырехугольной формы, которая крутит верхний камень жернова’ 161
пъпри́ца ‘какая-то часть молота каменщиков; ручка ручной мельницы’161
пъпу́р ‘человек с неуравновешенным характером’ 223
пъпу́рек ‘вид крупной шарообразной фасоли’ 117
пъпурли́ги ‘мелкие вещи’ 160
пъпълю́га ‘палка’ 182
пъпъри́к ‘большой холод’ 207
пъ́ргелам се ‘валяться (в пыли)’ 189
пъркля́к ‘ручной багаж’ 167
пъркола́ж ‘рак’ 240
пъ́рпале́нка ‘большая вошь’ 232
пъ́рпан ‘оборванный’ 167
пърпеле́ш ‘волчок с острым концом для вращения’ 189
пърпеле́шкам се ‘(о детях) валяться (в песке)’ 189
пъ́рпелам се ‘валяться (в пыли, в песке, на земле)’ 189
пъртя́л ‘кусок разорванной одежды’ 167
пъртеля́шка ‘вертячка’ 189
пъртля́к ‘ручной багаж’ 167
пъплѧкъ ‘дикий мак, Papaver rhoeas’ 127
пъпле́жь ‘большое количество маленьких животных’ 231
пъплечь ‘большое количество маленьких животных’ 231
пъпльѫ ‘о букашках: ползать; идти медленно, потихоньку; волочиться’ 188
пъпльѫ ‘о мелких тварях, когда их много: кишеть, гомозиться’ 191
разг. *тътря* ‘волочить’ 188

DUPass

разкекéря се ‘расставить ноги; лечь на землю с расставленными руками и ногами’ 198
разкекéря се ‘расставить ноги’ 238
смамýля ‘помять, завернуть кое-как’ 209
спърпóтя ‘приготовить что-либо на скорую руку, небрежно’ 195
съсел ‘суслик, крыса’ 240
тантурест ‘большой, несоразмерный, громоздкий (о человеке, о вещи)’ 165
тинтири-минтири ‘(иронически) о разных видах деятельности’ 243
тúтурник ‘ленивый, неловкий человек’ 223
треперя ‘дрожать’ 207
тръ́тъй ‘пчела, немного больших размеров, чем остальные, которая не дает мед, а только кушает’ 240
тръ́тл’ъс ‘о человеке с толстой задницей’ 224
тръ́толъ ‘пчела, немного больших размеров, чем остальные, которая не дает мед, а только кушает’ 240
тръ́ть ‘пчела, немного больших размеров, чем остальные, которая не дает мед, а только кушает’ 240
трънтъй ‘пчела, немного больших размеров, чем остальные, которая не дает мед, а только кушает’ 240
трънторъ ‘пчела, немного больших размеров, чем остальные, которая не дает мед, а только кушает’ 240
туртумáн’ ък ‘полный человек (обычно о ребенке)’ 223
тънтýр’ ес ‘о полном человеке’ 223
тънтýркам ‘волочить, медленно тянуть’ 188, 195
тънтýркам ‘качать’ 186
търкáлям ‘катить, вращать, валять’ 189
тътрýз’ъ (съ) ‘волочиться на заднице; волочить по земле’ 195
тътрузя (се) ‘волочиться по заднице; волочить по земле что-либо’ 188
фуфулъ ‘торчащие перья на голове у птицы’ 199
фърфълáк ‘волчок в детской игре’ 189
фърфъръ ‘вспыльчивый человек’ 224
хáрхълу ‘старый человек’ 224
хóхал ‘оборванец’ 224
хýхор ‘пустое место между отделившейся штукатуркой и стеной’ 147
хъхур ‘старый человек’ 224
цáцарка ‘вид мелкой бутылочной тыквы; мелкая тыква’ 122
цáцарка ‘полный ребенок маленького роста’ 225
цúнцáр ‘скупой человек’ 225
цинцáрин ‘скупой человек’ 225
цинцарчé ‘сорт декоративной бутылочной тыквы’ 122
цинцирикам ‘дрожать от холода’ 207
цúркъ ‘маленький гнойный прыщ’ 140
цицáрка ‘мелкий, очень ароматный плод дыни’ 122
цицúна ‘прыщ, который появляется на деснах’ 140; ‘желвак на голове вследствие удара’ 144; ‘нарост на растении’ 145
цицúнъ ‘большая гнойная опухоль’ 144
цóцъ ‘о полной, неповоротливой женщине’ 225
цýца ‘дурак, болван’ 224
цъ́кли ‘очки; глаза’ 204
цъ́кля се ‘таращить глаза’ 204,
цъ́нцър ‘жадина’ 225
чéкор ‘часть отрубленной ветки, оставшаяся на дереве’180
др.-болг. чакамъ ‘ждать’ 184 др.-болг.
чáнчим се ‘кривляться’ 211
чарчалуша ‘раст. Lycium barbarum’ 121
др.-болг. чекамъ ‘ждать’ 184
чекор ‘нарост на дереве; сук’ 145
чекóр ‘шаг’ 188
чекорáт ‘ветвистый; сучковатый’180
чекóрьѫ ‘шагать’ 188
чекóрьѫся ‘разводить ноги, корячиться’ 198
чечéря се ‘таращить глаза’ 204
чúрка ‘гнойный нарыв’ 140
чичкá ‘маленькая ножка плода’ 156
чичкá ‘плод орешника’ 109
чичок ‘репей’ 128
чóкън ‘початок кукурузы’ 111
чочи ласковое обращение к маленькому ребенку, любимому животному 158
чýка ‘большое вздутие на теле от удара’ 143
чýчкам ‘садиться’ 184
чýчкъ ‘возвышение’ 146
чучýл ‘ненужное украшение’ 160
чучýл ‘торчащие волосы, перья и пр. на голове’ 198
чучул’áн ‘возвышение’ 146
чýчула ‘опухоль на голове’ 144
чýчула ‘пугало; смешно одетый человек’ 202

PURISS

чъка́лкъ ‘вид летней сливы’ 120
чю́ка ‘каменистая вершина’ 146
чюка́ра ‘каменистая вершина’ 146
чю́кла ‘каменистая вершина’ 146
чюшюлка ‘стручок бобовых растений’ 131
шашавим се ‘скитаться без дела’ 186
шеше́ря се ‘дуться’ 200; ‘таращить глаза’ 204
ши́калка ‘плод хвойного растения’ 107; ‘сосновая шишка’ 107; ‘чернильный орешек’ 109; ‘початок кукурузы с зернами’ 112; ‘маленькое овальное полое образование на стебле дуба или другого дерева’ 145; ‘экскременты овцы или козы; экскременты мыши’ 148
шикалкава ‘лукавить’ 210
ши́келец ‘выселенец’ 187
ши́кла ‘сосновая шишка’ 107; ‘желудь; чернильный орешек’ 109; ‘початок кукурузы с листьями; початок кукурузы с зернами’ 112; ‘шиповник’ 121; ‘семя шишки хвойного дерева…’ 123
шикълка́йъ ‘скитаться с места на место’ 186
ши́кълкъ ‘маленький шустрый ребенок’ 225
ши́кълкъ ‘нарост на дереве в виде шишки’ 145
ши́кълкъ ‘отек на теле’ 144
шише́рес ‘о полном человеке или крупном предмете’ 225
шиша́рка ‘плод хвойного растения’ 108
шиша́рка ‘стручок бобовых растений’ 131
шишбрка ‘раскрывшаяся чашечка хлопка’ 131
ши́шка ‘шарик’ 104; ‘плод хвойного растения’ 108
ши́шкаф ‘толстый’ 225
шлшшка ‘стручок бобовых растений’ 131
што́рка ‘мчаться изо всех сил к лесу (о крупной рогатой скотине, укушенной слепнем’ 191
што́рка ‘мчаться изо всех сил к лесу (о крупной рогатой скотине, укушенной слепнем’ 242
што́ркаль ‘аист’ 241
штре́кам ‘дразнить’ 191, 242
штре́кель ‘аист; слепень’ 241
штре́кла ‘о хромой женщине’ 225
штркел ‘аист; слепень’ 241
штро́ка ‘тощий человек или животное’ 221
штро́ка ‘тощий человек или животное’ 225
штро́каф ‘худой’ 225
штро́кла ‘тощий человек или животное’ 221
штро́кол ‘аист’ 241
штро́кол’ ‘аист’ 241
штръкле́а ‘бегать быстро с перепугу’ 191, 242
штръ́клица ‘насекомое, которое кусает крупный рогатый скот, и он начинает быстро бегать, взбесившись’ 191
штръ́клъ ‘вид саней с высокими боковыми частями’ 176
штъ́рк’ъл ‘беготня взбешенного животного, укушенного каким-либо насекомым’ 191, 242
штъ́ркл’аф ‘высокий и долгоногий (о мужчине)’ 225
шуши ласковое обращение к любимому существу 158
шу́шка ‘количество, которое можно взять пальцами; что-то совсем маленькое, крохотное’ 156
шу́шкам съ ‘медленно делать что-либо бессмысленное, бесцельное’ 195
шу́шл’ак ‘мусор’ 170
шушло́п ‘остатки сорняка и других ненужных вещей после очищений пшеницы, мусор’ 170
шу́шн’ам ‘работать постоянно’ 195
шу́шнем ‘делать что-либо’ 195
шушонче ласковое обращение к любимому существу 158
шушу́лкъ ‘оболочка бобовых семян’ 170
шушу́лкъ ‘перец’ 131
шушу́лкъ ‘сосулька на крыше’ 131
шушу́лкъ ‘шишка соснового дерева’ 108
шушулче ласковое обращение к любимому существу 158
щръ́клест ‘долговязый, длинноногий (как аист)’ 225
щъркел ‘аист’ 241
щъ́ркилъ ‘аист’ 241
щъркокрак ‘с длинными ногами’ 241
щърконог ‘с длинными ногами’ 241
щъркъ ‘аист’ 241

Верхнелужицкий язык

baba ‘изделие из теста’ 131
bob ‘боб’ 116

bobjer ‘Phaseolus; Vicia faba’ 116
bobla ‘ягода’ 118
boble ‘зеленые плоды на стебле картофеля’113
bobr ‘Phaseolus; Vicia faba’ 116
bobrik ‘Phaseolus; Vicia faba’ 116
čakać ‘ждать, ожидать’ 184
ćužka ‘маленькая собачка’ 240
hroza ‘ужас, страх’ 213
hruzl ‘ком, глыба’ 103
hruzła, *hruzl* ‘ком земли’ 136
hruzłować, *hruzlić* ‘комкать’ 136
klakać ‘становиться на колени’ 183
kłukaty ‘искривленный, погнутый’ 174
kokorac ‘Pfaffenhütlein, растение с красными чашечками и красными семенами в чашечках; плоды этого растения’ 201
kokorč ‘Corydalis’ 201
kokoričkа ‘Polygonatum’ 201
kokornak ‘Aristolochie’ 201
kokula ‘изгиб, крюк’ 175
kročel ‘шаг’ 188
kročaty ‘медленно идущий’ 188
kukla ‘свет’ 212
kuklować ‘играть светом’ 212
mamla ‘трусливый человек’ 222
mrowić, *mrowjeć* ‘копошиться, кишеть как муравьи’ 190
pimpliś ‘делать что-либо медлительно’ 194
šepjerić держать себя горделиво, хвастать’ 199
šiška ‘плод хвойного растения’ 108

Кашубский язык

grużdżëc sã ‘дрожать, ежиться, сжиматься от холода’ 205
kùkla ‘маленькая, обычно круглая булочка хлеба, испеченная чаще всего из остатков теста’ 132
marmot, jarmot ‘немец или еврей’ 227

Македонский язык

грглешка ‘вид групи (довольно сладкой)’ 119
гугуре ‘вид неспелых слив’ 119
кукла ‘хлеб с эллипсовидной формой’ 132

Нижнелужицкий язык

baba ‘пирожное или булка круглой формы’ 131
baby мн. ‘круглая пирамидальная форма кучи на поле’ 145
bambula ‘кисточка; сорт длинных груш’ 159
bobule ‘клубни картофеля’ 113
bombala ‘кисть, кисточка; сорт длинных груш’159
bombańe ‘раскачивание, бросание’ 159
bombańe ‘раскачивание, бросание’ 185
bombaś ‘качать, махать, размахивать’ 185
bombaś se ‘качаться, покачиваться’ 185
bombelica ‘кисть, кисточка’ 159
bombolica ‘продолговатая опухоль’ 141
bombolica ‘кисть, кисточка’ 159
bombolickaty ‘шишковатый, узловатый’103
bubak ‘пугало, черный мужчина (привидение для пуганья детей)’ 213
bubańka ‘крыжовник (ягода)’ 118
bambulka ‘сережка на дереве’ 159
bambulka ‘ягодка картофельного цветка’ 112
bob ‘боб’ 116
bobula, обычно *bobule* мн. ‘экскременты овцы, козы’ 148
bubawa (*bubawa*) ‘пугало, черный мужчина (привидение для пуганья детей)’ 213
bublin ‘пуговица, запонка’ 153
bublink ‘пуговица, запонка’ 153
bubliśk ‘пуговка’ 153
bubliśk ‘развивающийся бутон или почка’ 128
bubonaśiś se ‘вздуваться, подниматься, быть шишковатым (например, о железной крыше)’ 196
bubonaty ‘выпуклый’ 196
bubonica ‘бубонная чума’ 196
dydotaś ‘трястись, дрожать’ 207
gargula, ‘сук, коленце’175

DUPress

głog ‘боярышник’ 119
gruzdla ‘ком, глыба’ 103
gruzla ‘глыба (земли)’ 136
gruzła ‘глыба (земли)’ 136
gruzla ‘ком, глыба’ 103
gruzła ‘ком, глыба’ 103
gruzlaty ‘в комках, кусках, глыбистый, бугристый’ 136
gruzlicka ‘небольшая глыба, комочек, комочек, катышок’ 136
hochlac ‘сопляк, нахальный человек (как ругательное слово)’ 224
hochol ‘сап’ 144
hochol ‘сопля’ 156
hroza ‘ужас, страх, испуг’ 213
klěcańe ‘хромота’ 186
klěcaś ‘стоять на колени’ 183
klěcaś ‘хромать’ 186
klěkaś ‘стоять на колени’ 183
kluc ‘ключ; крюк’ 176
kokel ‘фокусничество, чародейство’ 210
koklaŕ ‘фигляр, скоморох, фокусник, чародей; зачинщик ссоры’ 210
kokle ‘фокусничество, чародейство’ 210
kokrik ‘чистяк, Fumaria officinalis L.’ 201
kokula ‘дуга, ярмо воловье; бант, петля; скоба; палочка сельских старост, служащая для созыва на собрание; загнутый нож для подрезания сотов; украшение с завитками на алтаре; щеколда’ 177
kokulka ‘крючок на удочке; гаечный крючок у прялки; петелька; узелок’ 177
kokulka ‘маленький изгиб, извилина; крючок’175
kukel ‘раст. Agrostemma githago’ 123
kulka ‘шарик’ 104; ‘картофель’ 115; ‘клецки как блюдо (из муки, картофеля и тем подобные)’ 132; ‘щиколка на ноге или руке’ 143; ‘головка булавки’ 152
kulkaty ‘с комочками, с шариками; в комочках, в шариках’ 104
kulkowaty ‘шаровидный’ 104; ‘картофельный’ 115
mrowjaś se ‘кишеть (о муравьях или как сравнение с муравьями)’ 190
pimpliś ‘делать что-либо медлительно’ 194
pipki ‘внутренности, потроха, кишки’ 169
plapotaś ‘порхать (крыльями)’ 207
šyška ‘верхние концы стержня льняного растения, дающие тонкие волокна, торцы льна’ 200
šyška ‘головка льна’ 130
šyška ‘плод хвойного растения’ 108
šeṕeriś держать себя горделиво, хвастать’ 199
šeṕeraty ‘растрепанный, вздыбленный, сварливый’ 199
šyškowaś ‘плутовски, мошеннически вести себя, шельмовать’ 211
šyšliś se ‘мешкать, медлить, колебаться, нерешительно действовать’ 195

Польский язык

baba ‘божья коровка’ 229
bąbas ‘ребенок’ 157
bąbel ‘ледяная сосулька’ 130
bąbel ‘пузырь’ 138
bąbelać się ‘болтаться’ 185
babka ‘божья коровка’ 229
babok ‘пугало, страшилище; страх, ужас’ 213
babol ‘засохшие выделения в носу’ 155
ст.-польск. *bąbol* ‘пузырь; пустое место в литье, прыщ’ 138
babrać ‘пачкать’ 211
babuk ‘пугало, страшилище; страх, ужас’ 213
bałabaja ‘клубень картофеля’112
bałabajka ‘клубень картофеля’112
bałaban ‘клубень картофеля’ 112
bałabon ‘клубень картофеля’ 112
bałabun ‘клубень картофеля’ 112
bałaburka ‘вид картофеля’ 113
bałwan ‘большой ком, обрывок, столб, волна’ 164
bamber презрительно ‘немец, шваб; житель немецкого происхождения, живущий под Познанем’ 226
bambry, ‘волы’ 239
bambuch ‘неповоротливый, толстый человек’ 216
bambuła, bajtała, bajdała ‘увалень’ 216
bambury ‘вид яблок’ 119
barabola ‘картофель’ 113
bębel ‘пузырь’ 138
bebelucha ‘водко плохого качества; самогон; жидкая еда, бурда’ 170

DUPLESS

be-bł-y ‘помои’ 168
berbela ‘водка’ 170
berbelucha ‘водка плохого качества; самогон; жидкая еда, бурда’ 170
bilbas ‘высокий неповоротливый человек, растяпа’ 216
bimber ‘водка, приготовленная нелегально, примитивным домашним способом, самогон’ 170
birba ‘нищий, занимающий среди других нищих более высокое положение’ 226
birbus, *birbant* ‘лентяй, гуляка, врун’ 217
bobák ‘пугало, страшилище; страх, ужас’ 213
bobek ‘растение и плод Laurus nobilis’ 117, ‘экскременты овцы, козы, зайца и др.’ 147
bober ‘боб Vicia faba maior’ 116
bobo ‘пугало, страшилище; страх, ужас’ 213
bobo нежно ‘о маленьком ребенке’ 157
bobówka ‘личинка мухи’ 149
bobownik ‘клевер’ 125
bóbr ‘растение Vicia faba и его плоды’ 116
bobrek ‘клевер’ 125
bomba ‘большой пузырь’ 138
ст.-польск. *bombel* ‘пузырь; пустое место в литье, прыщ’ 138
buba ‘вошь’ 229
buba ‘пугало, страшилище; страх, ужас’ 213
bubacz ‘пугало, страшилище; страх, ужас’ 213
bubak ‘пугало, страшилище; страх, ужас’ 213
bubuk ‘пугало, страшилище; страх, ужас’ 213
bulba ‘картофель’ 114
bulba ‘подсолнечник’ 155
bulbaczek ‘какое-то водяное растение’ 125
bulbila ‘почка в виде луковицы, которая вырастает в основе листка’ 128
bulwa ‘картофелина’ 114
ст.-польск. *bumbak* ‘пьяница’ 217
burbulka ‘пузырь’ 139
burbułka ‘пузырь’ 139
bymbas шутливо ‘ребенок, малыш’ 216
bziubziać ‘писать неразборчиво’ 179
cacko ‘коленная чашечка’ 155
cacko ‘коленная чашечка’ 156
chachulić экспр. ‘лукавить, обманывать’ 211
chochla ‘шест у невода’ 182
chochoł ‘покрытие растений перед дождем или морозом’ 210
chynchy мн. ‘заросли, запущенные места’ 168
ciacianka ‘вид мелких груш’ 121
ciaćko ‘что-либо хорошее, милое’ 158
ciucia ‘маленькая собачка’ 240
ciuciulka ‘о маленьком ребенке; о любимом человеке’ 158
ciuciuńka ‘о маленьком ребенке; о любимом человеке’ 158
czaczko ‘коленная чашечка’ 155
czakać ‘ждать’ 184
czeczę ‘щенок’ 241
ст.-польск. *czeczena* ‘морские волны, буше-вание’ 199
czeczena, ‘хвоя, мелкий хворост’ 169
czeczowina ‘хвоя, мелкий хворост’ 169
czeczuha ‘свинья’ 241
czekać ‘ждать’ 184
czuczę ‘щенок’ 241
czuczucha ‘свинья’ 241
czupiradło ‘хромой, неуклюжий человек’ 186
czupiradło‘хохлатый женский головной убор без вкуса; женщина, которая носит такой головной убор’ 203
dać kurkońaka ‘кувыркаться’ 189
donder ‘дьявол’ 214
drągal ‘огромный, здоровенный человек, неотеса’ 219
dunder ‘дьявол’ 214
dzidoń, ‘высокий, худой человек’ 218
dzidula, ‘высокая, худая женщина’ 218
gałgan ‘подлец, негодяй, лодырь, бездельник’ 218
gałgan, ‘рваная тряпка; вещь без стоимости; старая одежда’ 166
gałgan, ‘рваная тряпка; вещь без стоимости; старая одежда’ 166
gałkun ‘подлец, негодяй, лодырь, бездельник’ 218
gałkun ‘рваная тряпка; вещь без стоимости; старая одежда’ 166
gałkun ‘рваная тряпка; вещь без стоимости; старая одежда’ 166
garagola ‘картофель’ 115
ст.-польск. *gąz* ‘нарост на дереве’ 145; ‘большая пуговица’ 153
giegać ‘прозвище парня, который говорит политовски, или является литовцем’ 227

EUPress

giglać ‘щекотать’ 191
głaz ‘камень; скала’ 150
głaz ‘обыкновенный камень’ 150
głaza ‘обыкновенный камень’ 150
głazik dim. ‘обыкновенный камень’ 150
głóg ‘боярышник’ 119
gogółka ‘omphacinum vulgo’ 171
ст.-польск. *gogółka* ‘молодая завязь плода на дереве’ 128
gordzola ‘вид картофеля’ 115
ст.-польск. *gorgończyk* ‘человек, который легко меняет убеждения’ 218
ст.-польск. *gorgulik* ‘украшение для воротника женщин’ 159
groza ‘устар. страх, ужас, тревога, испуг; редк. отвращение’ 213
ст.-польск. *grucza* ‘опухоль в горле; горб’ 142
gruczoł ‘комочки, которые иногда образуются в молоке в грудях у матерей’ 135; ‘glandula, железа; шишка на голове’ 142, 154
ст.-польск. *gruczoł pinelowy* ‘шишка хвойного дерева’ 106
ст.-польск. *gruczolak* ‘adenoma’ 142
ст.-польск. *gruzel* ‘glandula, железа’ 142
ст.-польск. *gruzeł* ‘glandula, железа’ 142
gruzel ‘комок’ 103; 136; ‘кусок (кирпича)’ 162
gruzeł ‘комок’ 103; ‘кусок (кирпича)’ 162
gruziel ‘комок’ 136
gruźla ‘комок земли’ 136
gruzla ‘комок’ 136
gruzłowaty ‘шарообразный’ 103
ст.-польск. *gruzoł* ‘glandula, железа’ 142
gruzol ‘комок’ 136
gruzoł ‘комочки, которые иногда образуются в молоке в грудях у матерей’ 135
grygolić ‘писать неряшливо, неразборчиво; царапать, марать’179
grygoły ‘каракули, неряшливое, некрасивое, неразборчивое письмо’ 179
gryzmolić ‘писать неразборчиво’179
gryzmoły ‘каракули’179
ст.-польск. *grzegółka* ‘кукушка’ 242
ст.-польск. *grzegżołka* ‘кукушка’ 242
guga ‘шишка’ 142
gugiel ‘вид еврейского печенья’ 171
gugla ‘вид на накидки’ 209
guguła ‘ягода малины еще не спелая, но слегка румяная’ 128
gugulęta ‘глаза’ 203
gugułka ‘неспелый плод вишни’ 128
gulga, ‘шишка’ 142
gurdziel ‘язва, которая образуется на языке у лошадей от твердой пищи’ 142
guz ‘большая пуговица’ 153
guz, ‘нарост на дереве’ 145
guzel ‘рак, новообразование, которое выглядит как картофель’ 142
ст.-польск. *guzica* ‘большая пуговица’ 153
guziel ‘опухоль’ 142
ст.-польск. *guzik* ‘пуговица’ 153
guzik ‘шишка на теле’ 142
gżegołka ‘кукушка’ 242
gżegżołka ‘кукушка’ 242
gżegżółka ‘кукушка’ 242
harbara ‘о большой, худой, старой, неуклюжей лошади’ 238
harbara ‘что-либо большое, неуклюжее, неумелое, старое’ 224
hohol ‘молодчина’ 224
hohyn ‘вид больших кур’ 240
kakalud шутливо или иронично ‘малыш; молодой человек; мужчина невысокого роста’ 220
kakaludek kaker ‘старый несимпатичный мужчина’ 220
kakier ‘старый несимпатичный мужчина’ 220
karaczan, ‘таракан’ 239
karakan, ‘таракан’ 239
karakula ‘картофелина’ 115
karakulasy ‘некрасивое, нечитабельное письмо’179
karakule‘некрасивое, нечитабельное письмо’179
karakuły‘некрасивое, нечитабельное письмо’179
kark ‘затылок’ 209
karkol ‘улитка, Helix cornu militare’ 233
karkulatny ‘забавный’ 221
karkulica ‘палка с загнутой рукояткой’ 176
karkulica, ‘кусок кривого дерева, кривое 176
karkusz ‘плечи’ 209
kiełzać ‘скользить’ 188
klęczeć ‘становиться на колени’ 183
klęczyć ‘сгибать в дугу’ 174
klek ‘кривая деревянная часть в сохе’177
klęk‘кривая деревянная часть в сохе’177

BUPress

klucz ‘ключ; дышло плуга, продольно расщепленное на конце; кривая палка для подвешивания котла’176
klucz ‘кривая палка, крюк’176
kluczka ‘петля’ 178
kluczka ‘хитрость’ 210
kluczkować ‘делать разные шаги, чтобы вывернуться, уклониться и стереть свои следы’ 210
kluczyć ‘делать разные шаги, чтобы вывернуться, уклониться и стереть свои следы’ 210
klukwa ‘клюква’ 120
klunkier , ‘барахло, тряпье’ 166
klunkier, *klunkry* мн. ‘барахло, тряпье’ 166
kokor ‘какоето растение’ 201
kokornak ‘Aristolochia’ 201
kokorniak ‘Aristolochia’ 201
kokoryca ‘Zea mays’ 110
kokosić się ‘нервничать, злиться; дуться’ 198
kokosz ‘курица, наседка’ 240
kokoszyć się ‘дуться, петушиться’ 198
krakiel ‘вид булки’ 133
krakowiak ‘вид насекомого’ 232
krakowiak ‘мальчик или батрак, который присматривает за торжественностью свадьбы’ 221
krakula, ‘кусок кривого дерева, кривое 176
krakulica ‘кусок кривого дерева, кривое дерево’176
kroczac ‘медленно идти’ 188
krukiew ‘ходули, трость’ 182
kryka ‘трость’ 182
krzek ‘лягушечья икра’ 151
kucać ‘присесть на корточки, притаиться, припасть к земле’ 184
kucnąć ‘присесть на корточки, притаиться, припасть к земле’ 184
ст.-польск. *kucza* ‘куча, груда’ 208
ku-cz-eć, ku-cz-k-I, ku-c-ki, ku-c-upki (*usiąść, siedzieć w*) ‘сидеть тихо, неподвижно, задумавшись’ 184,
kuczek, ‘куча, груда’ 208
kucznąć ‘присесть на корточки, притаиться, припасть к земле’ 184
kugiel ‘вид еврейского печенья’ 171
ст.-польск. *kuglowánie* ‘gesticulatio, пантомимические движения’ 210
ст.-польск. *kugluie* ‘gesticulor, выполнять жестомимические движения’ 210
ст.-польск. *kukiełka,* ‘печево из хлебного теста, в форме маленького хлебушка, предназначенное для ст.-польск. детей’ 132
ст.-польск. *kukiołka* ‘печево из хлебного теста, в форме маленького хлебушка, предназначенное для детей’ 132
ст.-польск. *kuklá* ‘panis oblongus, хлеб, булка продолговатая’ 132
kukurudza ‘Zea mays’ 110
kukurydza ‘Zea mays’ 110
kukurydzka ‘кисть на шапкемагерке’ 160
ст.-польск. *kulgać* ‘хромой, неуклюжий человек’ 186
kurcz ‘болезненное стягивание мышц’ 205
kurdziel ‘язва, которая образуется на языке у лошадей от твердой пищи’ 142
kurkońak ‘кувыркаться’ 189
koperadło ‘хохлатый женский головной убор без вкуса; женщина, которая носит такой головной убор’ 203
koperadło ‘хромой, неуклюжий человек’ 186
kopirądł ‘хохлатый женский головной убор без вкуса; женщина, которая носит такой головной убор’ 203
kopiradło ‘хромой, неуклюжий человек’ 186
lulka ‘молодая, еще ни разу не телившаяся корова’ 238
mamić ‘манить, привлекать; обольщать; обманывать’ 211
mamłać ‘возиться, копаться’ 194
mamłać ‘одеваться неряшливо, ходить в одежде нараспашку’ 168
marmolaki мн. ‘вид картофеля’ 115
marmolić ‘делать что-либо медленно, возиться, копаться; пачкать’ 194
marmorajnie ‘щеголь, франт (о евреях)’ 228
marmurki мн. ‘вид картофеля’ 115
mrowić się ‘роиться, сновать, кишеть, как муравьи’ 190
mymra ‘евангеличка, немка’ 228
na klęku ‘на коленях’ 183
niunia ‘ленивый и глупый человек’ 223
pamper ‘паук’ 241
pamper презрительно ‘о ком-нибудь претенциозном’ 199
pampry ‘волы’ 239
paprać ‘пачкать’ 211
paprać ‘рыться, копаться; делать плохо’ 194

EUPress

papracz презрительно ‘халтурщик’ 194
paprok ‘человек, выполняющий работу нехорошо’ 194
paprzać ‘пачкать’ 211
paprzać ‘рыться, копаться; делать плохо’ 194
paprzyć się ‘пачкать’ 211
paprzyć się ‘рыться, копаться; делать плохо’ 194
ст.-польск. *pąpyl* ‘волдыри’ 138
parpać ‘пачкать’ 211
parpać ‘рыться, копаться; делать плохо’ 194
parpoć ‘древесные опилки’ 169
pępel ‘пузырь’ 138
pyplać ‘возиться, рыться; делать что-либо небрежно’ 194
skrzek ‘лягушечья икра’ 151
suseł ‘суслик, крыса’ 240
szaszek ‘клоун, шалун, фокусник’ 211
szeszuła, szeszulinka dem. ‘шелуха’ 170
szysza ‘плод хвойного растения’ 108
szyszka ‘болезненная опухоль на теле’ 144
tarakan ‘таракан’ 239
targan ‘таракан’ 239
zazulka ‘Coccinella septempunctata’ 231
zezula ‘кукушка’ 242
ст.-польск. *zozula* ‘кукушка’ 242
żużeł ‘о женщинах легкого поведения’ 220

Русский язык

ба́ба ‘каменный истукан’ 213
ба́ба ‘рыба Cottus gobio Linné, подкаменщик’ 235
баба́й ‘самый большой якорь на морском судне’ 164
ба́бай ‘фантастическое существо в образе страшного старика, которым пугают детей’ 213, ‘глупый, неумелый, неповоротливый человек, разиня, растяпа; старый холостяк’ 216
баба́йка ‘большое весло из целого бревна, употребляемое вместо руля на дощаниках, плотах, барках с лесом; большая деревянная ложка, выкрашенная олифой’ 163
баба́йка ‘весло’181
баба́йка ‘насекомое отряда чешуекрылых, Lepidoptera, бабочка, мотылек’ 230
баба́йка ‘чурка, обрубок’ 162
баба́йки ‘шутливое название женских грудей’ 155
ба́бамуха ‘навозная муха (Говорится о мухе, которая, влетев в комнату, бьется об оконное стекло или об потолок; насекомое отряда чешуекрылых, Lepidoptera, бабочка, мотылек)’ 229
баба́шка ‘поплавок из древесной коры на рыболовных снастях’ 151
ба́бер ‘стручковый перец’ 130
ба́бик ‘деревянная палка в два аршина с шишкой на конце для игры в мяч’ 152
ба́бка ‘белый гриб, боровик’ 242
ба́бка ‘насекомое Macrodytes marginalis, отряда жуков, Colioptera, жукп-лавунец окаймленный’ 229
ба́бка ‘плод репейника в виде шишечки’ 124, ‘надкопытный сустав ноги у животных; кость этого сустава; кость надкопытного сустава коровы, употребляемая для игры; игра в бабки (козны)’ 149 ‘личинка одного насекомого, на которую удят рыбу’ 149, ‘часть станка для выделки льна’ 160, ‘деревянный брус, вставляемый вертикально в днище плота; призматический кусок железа, вделанный в камень, на котором куют конные гвозди’ 162
бабляни́га ‘особый вид ягод’ 118
ба́борка ‘бабочка, мотылек’ 230
ба́бочка ‘мотылек, ночная бабочка; моль’ 230
ба́бочка ‘пузырьки, образующиеся на поверхности лужи во время дождя от падения крупных дождевых капель’ 139
ба́бочки ‘василек; анютины глазки’ 124
бабо́шка ‘древесная почка’ 128
бабо́шка ‘комок, не растворившейся в жидкости муки’ 134
бабо́шка ‘небольшое количество пряжи на веретене’ 154
бабо́шка ‘плод картофеля’ 113
бабо́шки ‘печеные хлебные катышки с маком и патокой’ 132
бабу́лька ‘насекомое отряда чешуекрылых papilio’ 230

бабу́ля ‘бабочка, мотылек’ 230
бабу́ра ‘головастая рыбка поп’ 235
бабу́ра ‘горький гриб, растущий на мхах’ 242
бабу́ра ‘кость для игры в бабки; бабка’ 149
бабу́ра ‘сморчок’ 242
бабу́рка ‘насекомое, бабочка; мелкие насекомые, известные как вредители клубники’ 230
бабу́рка ‘бутон, еще не распустившийся цветок; почка’ 128
бабу́рка ‘кость надкопытного сустава овцы, свиньи, употребляемая для игры, бабка; косточка на счетах’ 149
бабу́рка ‘особый род мелкой рыбы’ 235
бабу́рка ‘сморчок’ 242
бабу́ха ‘оспа’ 139
бабу́ша ‘оспа’ 139
бабу́шка ‘безделица, мелочь, ничего не стоящая вещь’158
бабу́шка ‘белая булка; оладья, пышка’ 132
бабу́шка ‘нерастворившийся мучной комочек в вареве, крошеное или насученное комочками тесто (лапша) для похлебки; колбочки, мелкие клецки’ 134
бабу́шки ‘натуральная оспа; пятна натуральной оспы’ 124; ‘цветы васильки; цветы ромашки, растение Marticaria L.’ 124
бабу́шки ‘натуральная оспа; пятна натуральной оспы’ 139
бабы́шки ‘печеные хлебные катышки с маком и патокой’ 132
балаба́шка ‘коровай с конопляным соком’ 131
балабе́шка ‘плод картофеля с семенами, вырастающий на стебле после цветения’ 113
балабо́лка ‘блестящая подвеска к чему-либо для украшения’159
балабо́лка ‘большая ягода’ 118
балабо́лка ‘клок шерсти, свалявшийся с грязью (у скота)’ 134
балабо́лка ‘плод картофеля с семенами, вырастающий на стебле после цветения’ 113
балабо́лка ‘пойло для коровы с мукой или отребьями’ 171
балабо́лка ‘поплавок круглой формы у различных рыболовных снастей: сетей, невода и т.д.’ 151
балабо́лка ‘шарообразный наконечник на палке’ 152
балабо́лки ‘оборванная, болтающаяся пола платья; лохмотья’ 166
балабо́льчик ‘побрякушка, колокольчик’159
бала́буха ‘шишка (на теле)’ 141
бала́бушка ‘рыба Nemachilus barbatulus, живущая в проточной воде и прячущаяся под камнями, голец’ 235
балбе́ра ‘поплавок из дерева или коры на неводах и переметах’ 151
балбу́к ‘пузырь на воде’ 139
балбу́ка ‘подкожный нарост на теле, шишка’ ‘опухоль от ушиба’ 141
баля́бать ‘грубо, плохо, неумело что-либо делать’ 192
банду́ра ‘внутренности животного; нечистоты, запрятанные в чем-нибудь’ 168
бараба́н ‘кушанье из толченой икры с мукой, поджаренное на сковородке’ 171
бара́бать ‘беспорядочно двигать ногами (о ребенке)’ 190
бара́бать ‘пачкать’ 211
бара́бать ‘рыть, разрывать, копать что-либо; рыться, копаться в чем-либо; перебирать руками, трепать приводить в беспорядок что-либо; искать, разыскивать что-либо’ 192
бара́баться ‘рыться, копаться, барахтаться, пачкаться в чем-либо; возиться, плескаться, барахтаться в воде; медленно и неумело делать, выполнять что-либо, долго возиться с чем-либо’ 192
бараболя ‘картофель’ 113
бараборить ‘приводить в беспорядок, комкать, сдвигать (ногами)’ 190
бараборошить ‘вызывать суматоху, поднимать тревогу, пугать; не давать покою кому-либо’ 191
бараборошить ‘перебирать что-нибудь, приводить в беспорядок, ворошить какие-нибудь вещи, предметы’ 190
бараборошить ‘плохо, грубо, грязно делать что-либо, выполнять какую-либо работу
бараборошиться ‘двигаться, шевелиться, барахтаться’ 190
бараборошка ‘земляное или чертово яблоко’ 113
бараборошка ‘поплавок на рыболовных снастях’ 151

PUPress

бараб́ошки ‘картофель’ 113
бараб́уля ‘картофель’ 113
барахло́ ‘хлам’ 168
бара́хло ‘хлам’168
барма́ш ‘мелкий рачок отряда бокоплавов, серозеленого цвета, употребляется в качестве приманки для ловли рыбы (при ловле удочкой)’ 234
бебе́ня ‘жидкое кушанье из солода, род кулаги, заварухи, саламаты’ 170
беребе́йка ‘рыба (с пометой, что не ясно какая)’ 236
беребе́рка ‘лещ мелкой породы’ 236
беребра́ ‘рыба, похожая на леща, только значительно меньше последнего’ 236
боб ‘плод бобового растения; отдельное зерно из плода бобового растения’ 116
боба́шка ‘о толстом, небольшого роста человеке’ 216
боба́шка ‘поплавок, привязываемый к веревке самолова, для указания места, где этот рыболовный снаряд находится’ 151
бо́бики ‘кролики’ 238
бо́бка ‘кличка собаки’ 238
бобки́ ‘луговой клевер’ 124
бо́бки ‘зайцы’ 238
бо́бки ‘цветы’ 124,
бо́бко ‘кличка собаки’ 238
бобо́шка ‘комок непромешанной муки, который получается при замешивании теста’ 134
бо́бря ‘толстенький, кругленький человек’ 215
бобряшка ‘хвастун’ 215
бобу́лька ‘наземный плод картофеля, образующийся из цветка’ 113
бобу́шка ‘комок непромешанной муки, который получается при замешивании теста’ 134
бобу́шки ‘натуральная оспа; пятна натуральной оспы’ 139
бобы́ли ‘народ, происшедший от смешения монгольской крови с финскою’ 227
бобы́лка ‘женщина, не имеющая родных; бездомная и бедная вдова, одинокая, бесприютная; обыкновенно живущая в людях; бездомный, беспризорный (человек)’ 227
бобы́ль ‘безземельный крестьянин, поденщик’ 227
бобы́ль ‘пролетарий; крестьянин, не владеющий землей; крестьянин, у которого нет сына, хотя и есть дочери’ 227
бобыля́ка ‘бедняк, не имеющий ничего’ 227
бобы́ня ‘надутый, гордый, спесивый человек’ 197
бобы́ня ‘надутый, чванный, гордый, спесивый человек’ 216
бобыре́ц ‘рыба из рода головлей, Squalius boristhenicus’ 235
бобы́рь ‘рыбка пескарь, Cyprinus gobio; вид ерша, калман, ногтик, кострик, Acerina rossica’ 235
бо́быч ‘глупый, бестолковый человек’ 216
бобычиться ‘глядеть’ 203
Бо́быш прозвище шутника 216
бобышка ‘волдырь’ 138
бо́бышки ‘плоды картофеля’ 113
болба́н ‘деревянный божок, идол, которому поклонялись и приносили жертвы ненцы’ 227
болбы́ши ‘плоды картофеля, растущие на стеблях’ 113
болва́н ‘глупый, непослушный, упрямый человек’ 216
болда́рь ‘ребенок, рожденный от смешанного брака русского с лопаркой или ненкой, вообще с женщиной другой национальности; метис’ 227
болдыре́нок ‘ребенокметис, рожденный от смешанного брака’ 227
бо́лдырь ‘животное, происшедшее от смеси двух видов или пород; ублюдок, выродок; помесь русских и калмыцких овец’ 237
болдырь ‘житель азиатской части, принявший православие (*Все из оных народов (туркмены, персияне, в том числе татары и калмыки), крестившиеся вообще, называются болдыри)*’ 227
болдырь ‘ребенок, рожденный от смешанного брака русского с лопаркой или ненкой, вообще с женщиной другой национальности; метис’ 227
болобан ‘грубый, неуклюжий человек; мальчик высокого роста; болван, дурак; неучтивый или стыдливый человек; шалун, баловень’ 216
болова́н ‘дурак, болван’ 216
бо́рбаться ‘плескаться в воде’ 192
бормоши́ ‘черви для ловли рыбы (не дождевые)’

бо́рошень ‘домашняя утварь, пожитки скарб, одежда’ 168
бу́бень ‘о толстом ленивом человеке’ 216
бу́берега ‘толстый неповоротливый человек’ 215
бу́ба ‘горошина’ 116; ‘ягода’ 117
бу́ба ‘опухоль, болячка’ 141
буба́к ‘головастик’
бубе́ря ‘расположевшая, любящая поспать, неряшливая женщина’ 215
бу́бик ласковое обращение 157
бу́блик ‘маленькая баранка; пирог с грибами волнушками, который обычно пекли в великий пост’ 132
бу́блик ‘ягненок, барашек’ 239
бу́блиться ‘волноваться, быть неспокойным’ 185
бу́блица ‘рыбка’ 235
бубре́г ‘почка у животного’ 154
бубул’ ‘большие костры, которые жгут дети вечером на заговенье на площадях и в садах против злых духов; пламя’ 212
бубу́лкам ‘пылать, гореть большим пламенем’ 212
бубуля ‘дождевая капля’ 122
др.-русск. бъбъли ‘дождевой пузырь’ 138
бубучка ‘крупное семя, зерно каких-либо растений (например, гороха)’ 122
будара́га ‘возбуждение; беспокойный человек’ 191
будора́жить
булбу́к ‘пузырь на воде’ 139
бульбу́шник ‘пренебрежительное название белоруса’ 227
бу́льба ‘картофель’ 114
бу́льбух ‘пузырь на воде’ 139
бу́льбу́шки ‘пузырьки’ 139
бумбу́л ‘пламя’ 212
бурболка ‘грузило для оттягивания ниток (при работе на ткацком стане)’ 155
бу́рболка ‘пузырь на поверхности воды, образующийся при падении в нее чего-нибудь’ 139
бурбылка ‘пузырь на поверхности воды’ 139
бурду́ль ‘комок замерзшей 136
бурду́ль ‘пузырь; прыщ, волдырь на коже от укуса насекомого’ 139
бурдыль ‘пузырь на поверхности воды’ 139
бутара́жить ‘беспокоить, тревожить’ 191
др.-русск. бжбъли ‘дождевой пузырь’ 138
др.-русск. бълванъ ‘массивная глыба неопределенных очертаний’ 164
валбу́ка ‘подкожный нарост на теле, шишка’ ‘опухоль от ушиба’ 141
ва́рво́рка ‘висюлька, кисточка; веревка для привязывания собак; шнурок для обуви’ 159
варву́ля ‘сорт яблок’ 119
варгу́ль ‘сорт яблок, подобных ранету’ 119
веревка ‘веревка’ 187
верзи́ла ‘рослый, но неуклюжий человек’ 217
ве́рзить ‘говорить или делать что-либо продолжительно, но безпутно, бестолково’ 193
волды́рь ‘волдырь’ 139
волдырь ‘волдырь’ 140
ворванка ‘сорт яблок’ 119
ворга́н бранное слово, а иногда и просто обзывание другого; значение неопределенное
воргулёк ‘более мелкий сорт яблок’ 119
воргу́ль ‘сорт яблок, подобных ранету’ 119
вордуль ‘чирей’ 142
др.-русск. въсорошити ‘ерошить’ 199
га́врать ‘делать что-либо плохо’ 193
га́врик ‘простак, разиня; глупец; о ребенке (неуважительно); щеголь, ферт; хитрец, пройдоха, ловкач; хулиган’ 217
га́врик ‘червонец’ 153
га́врики ‘вши’ 231
га́врилка бранно ‘о змее, гадюке’ 237
га́врить ‘делать что-либо плохо’ 193
га́га ‘глупый и самодовольный зубоскал или лентяй; глуповатая женщина большого роста; глупый и самодовольный зубоскал и лентяй’ 217
гага́й ‘лентяй, повеса; человек высокого роста’ 218
га́гал ‘человек большого роста’ 218
гага́ла ‘зубоскал’ 218
гага́лом ‘разом’ 208
гага́ра ‘о высокой, плохо сложенной лошади’ 237
гага́ра ‘о высоком, плохо сложенном существе (о высокой, неуклюжей, плохо сложенной женщине; о лошади)’ 218
гага́ра ‘о высоком, плохо сложенном существе (о высокой, неуклюжей, плохо сложенной женщине; о лошади)’ 239
гага́ра ‘сильно разросшийся лук; лук с несколькими луковицами’ 164

EUPRESS

гага́рий ‘о коже, покрытой мелкими пупырышками вследствие резкого нервного раздражения от страха, холода, гусиная кожа’ 197
гага́ристо ‘пушисто, рыхло’ 196
гага́ристый ‘сильно разросшийся, с богатой кроной (о деревьях); сильно разросшийся (о траве); пушистый, рыхлый’ 196
гага́рить ‘бродить, болтаться без дела’ 193
гага́рышки ‘какие-либо шарики небольшого размера’ 103
гага́рышки ‘овечий кал’ 148
гаго́рь ‘виноградное вино’171
га́гра ‘цапля’ 239
га́гры мн. ‘циновка косого плетения; способ плетения циновки; плетня’ 200
га́гушки, мн. ‘древесный уголь’ 155
га́йгора ‘небольшой лес’ 161
га́йгора ‘смесь разной мелкой рыбы, вылавливаемой вместе со снетком’ 236
гала́жи
галга́ ‘еда из картофеля с гусиным жиром’171
галга́шка ‘деревянная рукоятка на одном конце наплова’ 160
гамази́ть ‘беспокойно сидеть, стоять, поворачиваясь в разные стороны, вертеться, ерзать; суетиться, вести себя беспокойно’ 190
гамази́ть ‘плохо работать, выполнять какую-либо ненужную работу’ 193
гамази́ть ‘трогать что-либо, копаться в чем-либо’ 193
га́мазом ‘все вместе, разом, толпой’ 190
га́мазом ‘оптом, зараз’ 208
гамза́ ‘мелкая рыба (с пометой, что не ясно какая)’ 236
гамза́ ‘неповоротливый, неаккуратный человек’ 218
га́мзить ‘делать что-либо неаккуратно, портить что-либо’ 193
га́мзи́ть, ‘беспокоить кого-либо’ 191
га́мзом ‘гурьбой, сообща, совместно, скопом’ 190
га́мозом ‘гурьбой, сообща, совместно, скопом’ 190
га́музом ‘гурьбой, сообща, совместно, скопом’ 190
гигра ‘густое скопление мелких льдин в море’ 204
ги́гра ‘овес’ 122
гижой ‘вереницей один за другим, гуськом’ 187
ги́зандать ‘медленно идти’ 187
глажёвник ‘морошка приземистая’ 120
гла́жи ‘ягода морошка’ 119; ‘морошка приземистая; род лесной малины; ягоды костяники’ 120
глажи́ха ‘морошка приземистая’ 120
глазенцы ‘бусы (?)’ 150
др.-русск. глазокъ ‘отшлифованный (водой) камешек’ 150
глог ‘кизил, дерен’ 119
глод ‘боярышник’ 119
гложу́ха ‘черешня’ 119
глузда́ть, ‘скользить’ 188
глу́здаться ‘медлить, мешкать’ 193
глу́здить, ‘скользить’ 188
глыжёвье ‘ягоды морошки’ 119
глыжи́, ‘комья засохший земли или мерзлой грязи, снега’ 205
глы́жина ‘ком засохшей земли или мерзлой грязи’ 205
глы́жина ‘одна ягода морошки’ 119
глы́за ‘лужа из навозной жижи’ 168
глыза ‘твердая глыба или ком земли, льда и т.п.’ 136, 205
глы́зать ‘скользить’ 188
глы́зинка ‘комочек земли’ 136
глы́зы ‘крупные комья смерзшегося снега на колеях дороги’ 205
глю́зди́ть ‘скользить’ 188
гмыза ‘множество’ 190
говору́хи ‘грибы Pholiota mutabilis, опята летние’ 242
гога́ристо ‘пушисто, рыхло’ 196
гоглиха офенское ‘полушка’ 153
гоголе́к ‘щеголь, франт, волокита’ 197
гоголем ‘самодовольно, подняв голову’ 197
го́голистый ‘молодец, осанистый и гордый’ 197
гоголи́ться ‘франтить, щеголять’ 197, 218
го́голь ‘мелкая рыбка, употребляемая рыболовами в качестве приманки’ 236
го́голь ‘о бодром коне’ 237
го́голь ‘о бодром человеке, коне; об осанистом, стройном, держащимся прямо человеке; прозвище’ 218
гоголь ‘семейное название толстоголовых, плоских и круглых уток; как видовое название: близкий крохалю красивый нырок или утка Fuligula, круглоклювая’ 239

DUPLESS

го́голь ‘щеголь, франт, волокита’ 197, 226
гоголь, мн. *гогли* ‘поплавок’ 152
гого́лька ‘толокно с маслом, на воде’171
гого́лья ‘комочки муки в жидком овсяном растворе для блинов или в блинах’ 134
гого́ля ‘о смелом, бойком человеке’ 218
гого́на ‘гордая, важная, надменная женщина’ 218
гогуй ‘больной человек’ 218
гогу́лечка ‘загнутый конец трости’ 175
гогу́ля ‘вид пресного печенья’ 132
др.-русск. гогуля 156
го́лзать ‘скользить’ 188
гомза́ ‘неаккуратная, нечистоплотная женщина-стряпуха’ 218
го́мза ‘скромный, тихий, стыдливый человек’ 218
гомза́ ‘суматоха, суета’ 190
гомза́к бранно ‘неаккуратный человек’ 218
гомза́ть ‘кишеть’ 190
гомза́ть ‘ползать’ 187
го́мзить ‘беспокоить кого-либо’ 191
гомзи́ть ‘копить деньги’ 208
гомзи́ха ‘женщинаскряга, скопидомка’ 218
го́мзо ‘вино; водка’171
гомзу́ли ‘множество чего-либо; деньги, много денег’ 208
гомзу́ля ‘большой кусок хлеба’ 162
гомзу́ля ‘множество чего-либо’ 190
гомоз ‘множество’ 190
гомози́ть ‘шекотать’ 191
го́мозом ‘все вместе, разом толпой’ 190
го́рга ‘морской шквал, особенно под берегом, порыв из ущелья’ 213
горогу́шина ‘враг (с пометой, что не совсем ясно)’ 200
гроза́ ‘гром и молния с дождем или градом, гром; молния; о грозовой туче; угроза; грозная власть; грозный человек; предмет, которым бьют, угрожают; бой, битва; вред’ 213
груз ‘груз, тяжесть’ 209
грузель ‘груз, тяжесть’ 209
грузи́ть ‘складывать, убирать что-либо’ 209
гу́га ‘молчаливый, неразговорчивый человек’ 217
гу́гала ‘качели’ 185
гу́гаться ‘качаться’ 185
гу́гля ‘опухоль от ушиба, шишка’ 143
гугоре́лина ‘горб’ 142
гугре́бий ‘низший сорт льна, получаемый при первом чесании; очески льна’ 166
гугу́лы мн. ‘галуны’ 200
гугу́ля ‘шишка на голове от ушиба’ 143
гуж ‘большой дождевой червь’ 178
гуже́ль ‘опускаемая под лед веревка, к которой привязан крюк с живцом’ 175
гуже́нчик ‘колобок’ 104
гуз ‘твердая шишкообразная опухоль от удара на теле, желвак’ 142
гу́за ‘неросторопный, нерешительный человек’ 217
гу́за ‘складка, морщина’ 204
гузя́ть ‘возиться с кем-либо, прибирать, убирать’ 193
гу́зять ‘медлить, мешкать’ 193
гука́лки ‘грибы шампиньоны’ 242
гу́лка ‘шишка хвойного дерева’ 106
гульби́на ‘картофель’ 115
гу́льга ‘шишка (на лбу, на голове от удара)’ 106, 126
гу́льга ‘шишка (на лбу, на голове от удара)’ 142
гу́лька ‘нарост на дереве’ 145
гу́лька ‘шишка, волдырь, опухоль; ромашка’ 106, 126
гургу́ля ‘шишка, нарост на теле’ 142
гургу́ля ‘шишка, нарост на теле’ 142
гы́лзать ‘скользить’ 188
дедюля ‘большой ломоть хлеба’ 162
дендер-ёха ‘неряха, а также неповоротливая, неуклюжая женщина’ 219
дидю́лька ‘о тощем, высоком человеке’ 219
додо́н ‘мифическое существо, которым пугают детей’ 214
додо́н ‘нескладный человек; прозвище’ 219
додо́рик ‘горбатый карлик, горбунок’ 219
додо́рка ‘неуклюжая женщина’ 219
дрожжа́ ‘жидкие испражнения’ 169
дугу́ра ‘высокий, нескладный и глупый человек; дылда’ 219
дуда́ ‘дурной человек; прозвище’ 218
ду́дарь ж. р. ‘сор, мусор’ 168
ду́дора ‘дурак, дура; собир. разные случайные люди, сброд’ 219
ду́дора́, ‘что-либо плохое, непригодное; хлам, мусор, дрянь, рухлядь’ 168
ду́ду́н ‘о человеке с отвислыми губами’ 219
дудыры ‘дружеская связь кого-либо с кем-либо; любовные связи, интриги, ухаживание, похождения, шашни’ 243

BOPress

дудыря́ ‘дурак, дура; собир. разные случайные люди, сброд’ 219
дунду́к ‘бездельник, лентяй; глупый, бестолковый, невежественный, упрямый человек; сутуловатый, сгорбленный человек высокого роста; толстяк’ 219
дундулу́к ‘дурак, болван’ 219
дундулу́я ‘болван, дылда, верзила, остолоп, долговязый человек’ 219
дурба́й ‘дурак, дурень’ 219
дурбе́й ‘дурак; баловник, озорник’ 219
дурбе́нь ‘дурак, дурень’ 219
дыдла ‘человек высокого роста (обычно нескладный)’ 219
дылда ‘подрастающая молодая девушка не особенно благонравного поведения; глупый, простоватый человек высокого роста’ 219
дюндик ‘вялый, неповоротливый, нерасторопный человек; разиня; человек маленького роста, коротышка’ 219
жижолка ‘веревка’ 160
жужельица, ‘отходы’ 169
жу́ржа ‘любовница, гуляющая женщина’ 220
загогулина ‘пуговица’ 153
загогулина ‘толстый конец палки’ 152
зазу́лина ‘женщина, которую кто-либо любит; чья-либо любовница’ 157
зо́за ‘неаккуратный, немытый, грязный человек’ 220
калга́ ‘еда из картофеля с гусиным жиром’171
калга́н ‘глупец, дурак; бранное слово (*Ах ты, калган пустой!*); прозвище’ 221
калга́н ‘толстый обрубок дерева’ 164
каракалястый ‘суковатый (о дереве)’ 179
каракул ‘кривое дерево’179
каракули ‘неразборчивые, неумело или небрежно написанные буквы’179
каракуль ‘сук’179
каракулька ‘суковатое кривое дерево; сельскохозяйственное орудие – длинная рукоятка, оканчивающаяся двумя или более загнутыми зубьями’179
каракульский ‘суковатый (дуб)’ 179
каракуля ‘кривое дерево; сучковатая вершина сосны’ 179
кара́-мара ‘длинноногий комар’ 239
кара́-мора ‘длинноногий комар’ 239
карко́та́ ‘сухая, хилая женщина’ 220
ки́лка ‘маленький шарообразный кусочек дерева или камешек, используемый в игре „кильки”’ 150
ки́лька ‘круглая часть подвесного маятника у часов-«ходиков»’ 152
ки́лька ‘кружочек, кусочек чеголибо’ 162
ки́лька ‘норичник шишковатый’ 127
ки́лька ‘рыба Phoxinus laevis Ag., гольян; рыба Alburnus alburnus, уклейка’ 236
клек ‘лягушечья икра’ 151
клёк ‘лягушечья икра’ 151
клёк ‘что-либо сухое или твердое, крепкое, жесткое, заскорузлое, зачерствелое’ 206
клёц ‘комок’ 104
кл-ёцка ласкательное слово 157
кла́ки ‘игра в городки; деревянные чурки, которые используются в игре в этой игре’ 162
клеклая земля ‘сухая и твердая, ровно камень’ 206,
кле́кнуть ‘вянуть и повиснуть’ 183
кле́кнуть ‘сохнуть и черстветь’ 206
клец ‘кобылица’177
клец ‘плут’ 210
кле́ча ‘березовая ветка, зелень для украшения домов и церквей в день св. Троицы и др. праздников’ 177
клок ‘вырванная или отделенная от часть чеголибо, пучек (клок сена, соломы, шерсти и др.)’ 162
клок ‘рыболовная принадлежность в виде изгнутой палки, которая используется при ловле сомов, 177
клочь ‘бугорок земли на низменном или болотистом месте, поросший мхом’ 146
клочь ‘короткий обрубок дерева’ 162
клыга ‘брага, плохое пиво’172
клык ‘еловая ветка, подобная удочке, которая используется рыбаками при ловле сомов, вызывая ее частым погружением в воду специфический звук, подобный звуку, который издает курица’177
клыч ‘засохший ком земли’ 137
клыч ‘засохший ком земли’ 206
клюк ‘кочерга; вид косы’176
клюка́ ‘извилина реки’ 176
клюка́ ‘клюква’ 120
клюка́ ‘кривая палка, костыль’176
клюка ‘о горбатом человеке’ 220
клюка́ ‘обман, коварство; хитрец’ 210

BUPOSS

клюка́, костыль; кочерга; железная палка с загнутым концом'176
клюка́ть 'ходить с клюкой, хромать' 186
клю́ква 'кочерга'180
клю́ква 'кустарник и ягода Vaccinium oxycoccus, Oxycoccus palustris' 120
клю́ковинка 'клюковная ягодка' 120
клю́ковка 'клюковная ягодка' 120
клю́ковка ласкательное обращение 157
клю́кшить 'медленно работать' 193
клюха́ 'костыль; кочерга; железная палка с загнутым концом'176
клю́чить 'ходить с клюкой, хромать' 186
кля́кать 'становиться на колени' 183
кля́клый 'сырой, не пропеченный (о хлебе или других изделиях из муки; жидковаты, вязкий (в примерах: о печеной картошке, о растаявших конфетах'172
кляку́шка 'о каком-либо водянистом, непроваренном или непропеченном кушанье, а также вообще о чем-либо водянистом' 172
кляц 'кобылица'177
кляч 'отходы картофеля; отходы от веяния зерна, мякина' 169
кляч 'палка, дубина, шест, кобылица'177
кляч 'толстое короткое бревно; чурбан для колки на нем дров; толстый брус дерева, на котором мясники рубят говядину' 162
кляча 'хромое животное; кобыла' 238
кля́ча 'человек с недугом' 220
кобурко́м 'кувыркаться' 189
кобуря́ться 'кувыркаться, перевертываться через голову' 189
кобуря́ться 'кувыркаться' 189
ко́вза́ться 'кататься на льду' 188
коки́р 'овечий помет' 148
ко́кишки 'ряженые' 202
коккоковънь 'стужа, от которой все коснеет, цепенеет' 205
ко́ккоры 'подгоревшее, пересушенное печенье' 205
коклёвка 'палка с кривым верхним концом для опоры при ходьбе; клюка (обычно у нищих слепцов)' 177
ко́клиться 'быть в нерешительности, мяться' 193
коклю́шка 'выпяченное изделие из муки; род кренделя'177
коклю́шка 'кусок дерева, свободно вращающийся на гвозде; вертушка, применяемая обычно в качестве дверного запора' 160
коклю́шка 'малютка, ребенок, только начинающий ходить' 187
коклю́шки 'костыли'177
коклю́шки 'палочки, используемые в тамбурной работе; блочки ручного ткацкого станка – деревянные брусочки, придерживающие основу и регулирующие постановку нитченок; палочки с зарубочками по концам, при нитченках (в стану), за них снизу привешиваются подножки; деталь кроженщин' 160
коклячить 'делать что-либо плохо, мастерить кое-как, ковыряться' 193
коковъть 'остывать и твердеть, черстветь, мерзнуть, промерзать' 205
ко́ковень 'слабый, немощный старик (не способный ни работать, ни выходить на улицу); плотный, здоровенный, физически крепкий человек' 221
кокóвица 'раст. Centaurea austiaca L., василек' 127
кокóвка 'загнутый верхний конец палки, клюки; палка с кривым верхним концом, клюка; костыль; кочерга'177
кокóвка 'плод, коробочка мака, маковка' 129; 'комок замершей грязи' 137; 'нарост на коже лица, иногда – бородавка' 143; 'круглая оконечность (мутовки, веретена и т. д); в ложкарном промысле – шарообразный конец черенка деревянной ложки; головка' 152; 'клубок ниток на короткой палке; неполное веретено пряжи' 154
кокóвка 'о тихой, но злой женщине' 221
кокóвка 'сустав пальца' 150
коковя́ка 'уродливый человек, уродина' 221
коколя́чка 'деревянный гвоздь, на который вешают рукомойник'152
ко́конька 'крестный отец; крестная мать'157
кокóнькóй уменьш.-ласк. 'крестный' 157
кокóра 'вид гриба' 243
кокóра 'ком (грязи, земли, снега и т.д.)' 137
кокóра 'лепешка; род ватрушки; круглый хлеб весом в 2–3 фунта; подгорелое, пересушенное печенье' 133
кокóра 'о неуклюжем, неповоротливом человеке; о ленивом человеке, бездельнике; о скупом, жадном человеке; о непри-

ступном, твердом, как камень, человеке; о глупом человеке, дурак, дура' 220
кокóра 'пень, вывороченный с корнями; ветвистый, сучковатый обрубок дерева; уродливо искривленное дерево; ствол дерева вместе с корнем; дерево (обычно хвойное) с изогнутым корнем, идущее на остовы, шпангоуты и пр. лодок, барок и др. речных судов'179
кóкора, 'кривое дерево, ствол дерева с сучьями, принесенный течением реки'179
кокорéжки 'корточки' 184
кокóрек 'о коренастом человеке' 220
кокорéшки 'нести на спине' 209
кокóрина 'искривленное суковатое дерево'180
кокóрина 'лепешка' 133
кокóрки 'комья грязи, сухие или замерзшие куски, комки грязи' 137
кокóрки 'мелкие комочки, хлопья в молоке, свернувшиеся в вымени коровы' 135
кокóрки 'плечи' 209
кокорня́к 'растение Aristolochia clemantitis L., кирказон ломоносовидный' 201
кóкорок 'творог' 135
кокóрочка 'блин' 137
кокорыга 'кривое дерево, ствол дерева с сучьями, принесенный течением реки'179
кокорыга 'скупец, жадина; человек, который любит пожить на другой счет, любит, чтобы его угощали (не отвечая при этом тем же)' 220
кóкорь 'плотный, коренастый человек' 220
кóкорь, 'кривое дерево, ствол дерева с сучьями, принесенный течением реки' 179
кокошка 'о полной, круглой женщине' 221
кокошка 'сытая лошадь' 238
кокря́ть 'работать, как вздумается, как придется, на свой лад, по своему разумению' 193
кокуль 'сорная трава'123
кóкур 'грош, мелкая монета' 153
кокур 'пшеничный хлебец' 133
кокýра 'колоб, колобок' 104
кокýра 'лепешка (обычно сдобная); ватрушка; кушанье из теста вроде круглого хлебца, пышки, колобка' 133
кокýра 'о полной, пышущей здоровьем женщине' 220
кокýрка 'ком грязи' 137
кокýрка 'курица' 240
кокýрки 'сдобные пышки' 133
кокýры мн. 'весенние грибы, сморчки, Morchella' 243
кóкушка 'в разговоре с детьми – крестная мать, крестная' 157
кóкша 'шелуха, отходы льняного семени при обработке льна' 169
кóкыш 'внутренности, потроха рыбы' 169
колды́ка 'хромой, идущий вразвалку человек' 186
колды́кать 'хромать, идти вразвалку' 186
кóлзать(ся) 'скользить' 188
колк 'костяной комель под рогом коровы или быка' 143
колк 'маленькое болотце, поросшее лесом; небольшой участок земли, поросший кустарником' 146
кóлка 'небольшой участок леса среди поля или болота' 146
кóлки́ 'островки леса среди степей и пашен' 146
кóлок 'роща, лесок в поле, степи; островок крупного леса среди мелколесья, болота; островок леса, оставшийся на месте сгоревшего лесного массива; всякий мелкий невысокий лес' 146
колокóвка 'льняное семя' 123
колокол 'молодой березовый лесок' 146
колокóлец 'коробочка, головка льна' 129
колокóлец собир. 'шелуха, оболочка, оставшаяся после околотки льна' 169
колоколи́на 'льняная мякина, употребляемая в качестве корма для кур; голубиный помет' 169
колокóлка 'семенные коробочки, головки льна; семенные коробочки, головки конопли' 129
колоколýха 'черемуха; ягоды черемухи' 120
колокóшки мн. 'наземные плоды картофеля…' 115
колтáть 'хромать' 186
колч 'кочка, бугорок, поросший мхом или травой' 146
кóлча 'кочка' 146
кóлча 'хромой, кривоногий человек' 220
колчáк 'хромой, кривоногий человек' 220
кóлчи́ 'ухабы, комья мерзлой грязи на дороге, пашне' 146
колчи́га, 'головня' 162
колчи́женька 'палка' 177

колчи́жка ‘кривая палка’177
колчи́жка, ‘головня’ 162
ко́лчи́ть ‘хромать’ 186
колчу́шка ‘головня’ ‘головня’ 162
кора́кора ‘хохлатый камчатский нырок небольшого размера’ 198
ко́рка́ль ‘водоплавающая птица из семейства утиных; крохал’ 239
корколи́ст фольклорный эпитет дуба, 179
корколя́тый ‘суковатый (ели суковатые)’ 179
коркуль ‘крохаль большой’ 239
коркуша ‘одно из названий лихорадки’ 205
коркушки ‘плечи’ 209
короко́льчатый ‘толстый и коряжистый (эпитет дуба); ветвистый, кудрявый’179
ко́рчельник ‘о человеке, страдающем болезненным стягиванием мышц, судорогами, спазмами’ 205
корчета́ ‘болезненное стягивание мышц, судороги, спазмы’ 205
ко́рчи ‘болезненное стягивание мышц, судороги’ 205
ко́рчиться ‘искривляться, изгибаться в судорогах, в корчах ‘ 205
кохра́ ‘насекомое Tipula solstitialis’ 232
кочёра ‘кочка’ 146
кочёра ‘кривая ель’180
ко́ча ‘кочка; древний курган’ 146
кочан ‘кукурузный початок’ 111
кочерга́ ‘палка с загнутым нижним концом для игры в шары; клюка, палка, посох’ 178
кочка ‘бугорок земли на низменном или болотистом месте, поросший мхом или травой’ 146
ко́чка ‘небольшой холмик; островок на реке’ 146
кочу́ра ‘ком земли’ 137
кочу́ра ‘кочка’ 146
кочу́ра ‘о человеке высокого роста, верзиле; гуляка, кутила, выпивоха; о хилом, болезненном человеке’ 220
кочу́риться ‘сморщиваться, затвердевать, умирать’ 206
кошла́к ‘бобрёнок’ 240
кошла́к ‘молодая морская выдра’ 240
кошла́тый ‘косматый’ 198
кошлёнок ‘детеныш выдры, медвежонок’ 240
ко́шлок ‘бобрёнок’ 240
крёк ‘лягушечья икра’ 151
крёкра ‘толстая жердь’ 165
крак ‘куст’180
крака ‘чаща, трущоба (с пометой, что не совсем ясно)’180
кракале́стый, ‘суковатый’ 179
кракалья ‘замерзшие комки земли; неровности на льду’ 137
кракаля́стый, ‘суковатый’ 179
краколистый ‘суковатый’ 179
кра́коль ‘сук, сучок дерева’ 179
кре́ква ‘дубина, кол, шест’ 165
кре́ко́ви́стый ‘сучковатый, ветвистый, кряжистый (о дубе)’ 179
крекóвый ‘кряжистый (о лесе)’ 179
кре́ко́с ‘лягушачья икра’ 151
кри́ча ‘полная, неуклюжая женщина’ 220
крок ‘большой кусок (о мясе)’ 162
кро́каль ‘бранно о беззубом человеке’ 221
кро́кальцы ‘замерзшие комья земли на дороге’ 137
крыковя́стый ‘(эпитет дуба) крепкий, кряжистый’ 179
крюк, ‘крюк; плуг; знак старого нотного письма’ 178
кряк ‘лягушечья икра’ 151
кряк ‘лягушка; лягушка крупного размера’ 238
кря́калка ‘вид подснежника; цветок, расцветающий ранней весной’ 127
кря́кальцы ‘две боковые жерди у саней, санные отводы’176
кря́кать ‘неохотно делать что-либо’ 193
кряко́вастый ‘кряжистый, крепкий (о дубе)’ 179
кугá́л ‘мелкая рыба’ 236
кугáлишка ‘мелкая рыба’ 236
куглина ‘верхушка у конопли’ 200
ку́гли́на ‘льняная и конопляная мякина’ 169
ку́гли́на ‘семена льна’ 123
ку́глина ‘шишка на лбу от ушиба’ 143
кугль ‘любимое еврейское блюдо: лапша с гусиным или овечьим салом’171
ку́голь ‘национальное еврейское блюдо: род запеканки из лапши с сахаром’171
ку́ка ‘ландыш’ 126
ку́ка ‘по суеверным представлениям – леший, живущий в бане’ 214
ку́ка-бака ‘одуванчик’ 127
кукáн ‘мифическое существо, обитающее в лужах, болотах; фантастическое существо, которым пугают детей, бука’ 214

PUPress

кука́н ‘холмистая возвышенность; холм, пригорок’ 146
Кука́ра прозвище неловкого человека 220
кукаре́шки ‘корточки’ 184
кукелёк ‘бутон, нераспустившийся цветок’ 128
ку́келить ‘делать что-либо медленно, возиться с чем-либо’ 193
ку́кель ‘теплая шапка с ушами; часть одеяла – меховой мешок для ног’ 209
ку́ки ‘водяные блохи’ 231
ку́ки ‘лягушки’ 239
куки́рки ‘корточки’ 184
кукла ‘щеголеватая, но глупая или бездушная женщина’ 202
кукла‘сделанное из тряпья, кожи, битой бумаги, дерева и пр. подобие человека, а иногда и животного’ 202
кукленок ‘сделанное из тряпья, кожи, битой бумаги, дерева и пр. подобие человека, а иногда и животного’ 202
кукле́чить ‘шить небрежно, непрочно, на живую нитку’ 193
ку́клина ‘семенные головки льна’ 128–129
ку́клиться ‘красоваться’ 202
ку́клич ‘прозвище нарядного человека’ 202
ку́клишна ‘очень тепло одетая, закутанная женщина’ 209
куклу́ха ‘очень тепло одетая, закутанная женщина’ 209
ку́клы мн. ‘ростки, почки на капусте’ 128
куклю́шка ‘повязка на ране’ 210
куклю́шки ‘грязь на коже животного’ 135
куклю́шки ‘закорки’ 209,
кукляшка ‘сделанное из тряпья, кожи, битой бумаги, дерева и пр. подобие человека, а иногда и животного’ 202
ку́кнуть ‘засесть, например, дома’ 184
кукóвка ‘пряжа на веретене’ 154
ку́колка ‘милушка, голубушка’, ласкательное имя в смысле ‘милый’157
ку́колка ‘муравьиная личинка, яичко’ 149
куколка ‘сделанное из тряпья, кожи, битой бумаги, дерева и пр. подобие человека, а иногда и животного’ 202
куколь ‘сорная трава’123
ку́кольник ‘ряженый’ 202
ку́кольник ‘шутник, чудак; фальшивомонетчик; вор’ 221
кукорева́тый ‘покрытый прыщами и наростами’ 143
кукоре́згаться ‘перевертываться через голову, кувыркаться’ 189
кукоре́читься ‘скручиваться, коробиться’ 206
кукоре́шки ‘закорки, заплечье’ 209
ку́корки (*на ку́корках*) ‘на карачках, на четвереньках’ 184, *на ку́корках* (*сидеть*) ‘на согнутых коленях’ 184
ку́корочки мн. ‘коленки; корточки’ 184, *на ку́кара́чках* ‘на четвереньках’ 184
кукýрки мн. ‘корточки’ 184
кукуру́за ‘Zea mays’ 110
кульпа́ ‘хромой, калека’ 186
кульпа́ть ‘хромать’ 186
кульпя́ ‘хромой’ 186
ку́ндры-му́ндры мн. ‘тряпье, лохмотья’ 166
ку́нды-му́нды ‘то же; название каких-либо хозяйственных принадлежностей, например, сбруи, домашнего хлама; вещи, имущество; белье’ 166
ку́ра ‘общее название небольших, а также не имеющих особого названия речек; часть реки, пересыхающая летом и превращающаяся в озерцо с отмелями вдоль берегов; узкий приток реки, текущий параллельно с нею’ 158
ку́рка ‘древесный гриб паразит’ 243
куркаши мн. ч. ‘постная пища, употребляемая во время весенних промыслов’172
ку́рки ‘головки репейника’ 127
ку́рки ‘сосновые и еловые шишки’ 107
ку́ркина ‘раст. Campanula sibirica L., колокольчик сибирский’ 127
куркúшки ‘место за спиной, заплечье, закорки’ 209
куркулей ‘нелюдимый человек’ 221
курчавый ‘кудрявый’181
ку́ча ‘масса, куча’ 208
лю́лька ‘колыбель, качалка’ 186
майму́шка ‘мелкая рыба, малек’ 236
ма́млить, мя́млить ‘работать медленно, вяло’ 194
мамóлка ‘листья и цветы желтой кувшинки’ 127
мамóльник ‘листья и цветы желтой кувшинки’ 127
мамóнки ‘листья и цветы желтой кувшинки’ 127
мамонник ‘листья и цветы желтой кувшинки’ 127
мамóнничать ‘заниматься обманом’ 211
мамóны ‘рыбки бычки’ 236

PUPress

мамо́ня ‘милый, возлюбленный; милая, возлюбленная’157
мамо́ня ‘обжора; лентяй, разиня; угрюмый, малообщительный человек’ 222
маму́ра ‘растение поленика или княженика, ягоды этого растения; растение морошка, ягоды этого растения; растение облепиха, ягоды этого растения’ 121
маму́ра бранное слово (*Экой ты мамура слепец!*) 222
мамы́ка ‘бродяга’ 221
мамы́лить губы ‘губы дуть’ 198
мамы́литься ‘сердиться, дуться’ 198
марамы́га ‘насекомое (Марамыгами называют тех насекомых, наподобие вшей, которые ползают в стоячей воде, в лужах)’ 232
мармале́шки ‘галушки’ 133
мармаш ‘небольшой водяной рачок, рачок-бокоплав, используемый в качестве естественной приманки для ловли рыб’ 233
мармо́рки ‘еле видимые простым глазом насекомые, живущие в стоячей воде’ 232
меме́ль, ‘вздор, сброд’ 166
меме́ля ‘вздор, сброд’ 166
меме́ля ‘о неловком человеке, растяпе’ 222
мо́мля ‘тихоня’ 222
мо́мраж ‘мутная вода’ 212
мо́мринье ‘еда, жратва’ 173
мо́мрить ‘объедаться’ 173
мо́мрыш ‘рачок, употребляемый как приманка для рыбы’ 234
мормулёнок ‘милый, возлюбленный’157
мо́рмыш ‘головастик’
мо́рмыш ‘небольшой водяной рачок, рачок-бокоплав, используемый в качестве естественной приманки для ловли рыб’ 233
мо́рмыш ‘о невзрачном, низкорослом человеке’ 222
мо́рмыш ‘о невзрачном, низкорослом человеке’ 228;
му́млить ‘возиться с чем-либо долго и безуспешно; делать что-либо медленно’ 194
му́мра ‘домосед’ 222
му́мриться ‘кутаться’ 210
му́мря ‘ротозей, зевака’ 222
му́рмаш ‘водяной рачок (Мурмаш – это червячки такие – один сантиметр длины, прилипают на морду (рыболовный снаряд). У него много ног, стерлядь любит его)’ 233
му́рмаши ‘водяные насекомые [какие?]’ 232
мурму́ль ‘в суеверных представлениях – черт’ 214
мурмы́шка ‘блесна, на которой ловят щук и других хищных рыб’ 233
мурмышка ‘инородец’ 228
мымра очень худой, тщедушный человек; угрюмый, скучный человек’ 222
мымра очень худой, тщедушный человек; угрюмый, скучный человек’ 228;
мямлюй ‘о вялом, нерешительном человеке’ 222
на ку́корочках ‘на закорках’ 209
одеться куклою ‘щегольски’ 202
на́пка ‘прыщик, болячка’ 144
на́пки ‘цветы растений Trifolium pretense L., сем. мотыльковых: клевера лугового и ползучего’ 127
на́почки ‘прыщик, болячка’ 144
папушки́ ‘сыпь’ 144
парпли́ца ‘приспособление для крепления мельничных жерновов’ 161
переклю́кать ‘перехитрить’ 210
плапо́лим ‘пылать, сверкать’ 212
подстрекать ‘колоть, жалить’ 192
полпри́ца ‘деталь ручной мельницы’ 161
по́мпа ‘угрюмый, надутый человек’ 223
по́мпух ‘здоровенный, толстый ребенок’ 223
по́нпа ‘о раскормленном животном’ 238
попеле́хать ‘протянуть жизнь, пожить кое-как’ 194
попенчи́ть ‘протянуть жизнь, пожить кое-как’ 194
прибамбасы ‘проделки, действия’ 244
пуп ‘всякая выпуклость’ 147
пу́па ‘ласковое обращение к маленьким детям’157
пупа́вка ‘полевая ромашка’ 127
пупа́вка ‘раст. Anthemis tinctoria L., пупавка красильная’ 127
пупа́вка ‘шишечка, небольшая выпуклость’ 104;
пупа́вка белая ‘раст. Nymphaea alba L., кувшинка белая’ 127
пу́пел ‘небольшой, коротенький, малорослый (о человеке, о грибе)’ 156
пу́пел ‘о маленьком грибе’ 243

DUPress

пу́пел ‘человек небольшого роста’ 223
пупки́, мн. ‘рыбья икра’ 151
пуплёнок ‘зародыш, зачаток плода (огородных или бахчевых растений); недоросший, недозревший плод овощей и фруктов’ 129
пуплу́х ‘бутон’
пу́плушек ‘небольшой, коротенький, малорослый (о человеке, о грибе)’ 156
пу́плушек ‘о показывающемся из земли грибочке’ 243
пу́плушек ‘росток, побег растения’ 129
пу́плыш ‘новорожденное дитя, малыш’157
пупо́к ‘цветочная головка, зародыш, почка на растениях’ 129
пу́пор ‘почка растений, завязь цветка или листа’ 129
пу́пор ‘прыщ, пупрыщик на теле’ 140
пупо́чек ‘цветочная головка, зародыш, почка на растениях’ 129
пу́прышек ‘росточек, завязь’ 129
пупулёк ласк. ‘бутончик’ 129
пупу́рушка ‘бутончик’ 129
пу́пух ‘прыщ, угорь’ 140
пу́пушек ‘семя растения’ 123
пупушки́ ‘почки на дереве’ 129
пу́пыр ‘почка, завязь плода у растений’ 129
пу́пыр ‘прыщ, пупрыщик на теле’ 140
пупы́рыш ‘рбенок’157
пупы́рь ‘гриб’ 243
пупы́рь ‘об угрюмом, неразговорчивом человеке’ 223
пупы́рь ‘пузырь на воде от дождя’ 140
пупырь ‘раст. кувшинка’ 128
пу́пыш ‘земляной орех’ 121
пу́пыш ‘небольшая кнопка’ 153
пу́пыш ‘о низкорослом полном человеке’ 223
пу́пыш ‘цветочная головка, зародыш, почка на растениях’ 129
пу́пышек ‘цветочная головка, зародыш, почка на растениях’ 129
пъ́рпам ‘пылать (об огне)’ 212
пърпу́лав ‘пыльный, грязный’ 212
раскара́кулями ‘раскорякой, нелепо изогнувшись’ 178
с *тенде́рить* ‘тянуть, мешкать’ 195
сидеть на коку́ре, сидеть на коку́рках ‘сидеть на корточках, поджав ноги’ 184
скоголить ‘визжать, скулить о животном’ 226
скользить ‘скользить’ 188
старарая кокора ‘бранное обращение к старому человеку’ 220
стрека́ть ‘колоть, жалить’ 192
суслик ‘суслик, крыса’ 240
др.русск. сусолъ ‘суслик, крыса’ 240
таракан ‘таракан’ 239
таталу́й ‘кушанье из картофеля’ 173
та́турь ‘обрубок дерева’ 163
тенде́рить ‘тянуть, мешкать’ 224;
тенде́ря ‘нерешительный человек’ 224
топо́рщить ‘раздвигать в стороны (пальцы, руки и т.п.)’ 199
топо́рщиться ‘подниматься вверх, становиться торчком (о шерсти, волосах и т.п.); раскидывать, расставлять в стороны ветки, листья и т.п. (о растениях); торчать, расширяться в объеме (об одежде); проявлять спесь, чванство; важничать’ 199
топы́рить ‘раздвигать в стороны (пальцы, руки и т.п.)’ 199
трутень ‘самец пчелы, который не выполняет никакой работы’ 240
халахала́ ‘суетливый, неосновательный человек’ 224
харабо́рки ‘сухие зерна конопли, остающиеся после толченья конопляного сена’170
харабо́рья ‘края обитой одежды’ 167
др.русск. сусолъ ‘суслик, крыса’ 240
ха́рхаль ‘утка Anas tadorna’ 240
хахалить ‘обманывать’ 211
ха́халить ‘шататься без дела’ 195
ха́халь ‘обманщик, плут; щеголь, франт; волокита, любовник’ 224
ха́харь ‘содержатель, сожитель’ 224
хахо́рный ‘плохой, ветхий, негодный’ 167
хахо́рой ‘изношенный, старый’ 167
хахо́рье ‘всякий домашний скарб, бутор, шарабара’ 167
хаху́лка ‘тряпка’ 167
хорохо́нька ‘Cucurbita repo L.’ 122
хорохо́ра ‘задорный, хвастунишка’ 224
хорохо́риться ‘важничать, ломаться’ 200
хорохорки ‘тряпье’ 167
хорохо́рник ‘лоскутник, оборванец, лохмотник’ 224
хорош ‘хахаль, любовник’ 200
хорош ‘хахаль, любовник’ 224
др.-русск. хорошавыи ‘щеголь’ 200
др.-русск. хорошаниѥ ‘величание’ 200

DUPLICATE

хорошка ‘Cucurbita pepo L.’ 122
хорхо́ра ‘взъерошенная курица’ 200
хорхо́ра ‘взъерошенная курица’ 238
хорхо́ры ‘нечистые отрепья, висящие в поношенном платье’ 167
хо́хлиться ‘(о птицах) сжавшись, взъерошивать перья и втягивать голову от холода, страха; (о человеке) быть в мрачном настроении, хмуриться, дуться’ 200
хо́хлиться ‘(о птицах) сжавшись, взъерошивать перья и втягивать голову от холода, страха; (о человеке) быть в мрачном настроении, хмуриться, дуться’ 228;
хохо́л ‘название украинца, первоначально уничижительное, затем шутливое, фамильярное’ 228
хохо́л ‘торчащий клок перьев на голове у птицы’ 200
хохо́ль ‘мелкий ерш’ 236
хо́холь ‘червячки, которые заводятся в муке’ 233
хохо́лье ‘тряпки’ 167
хохо́нить ‘наряжать’ 203
хохо́ниться ‘наряжаться’ 203
хохо́ниться ‘наряжаться’ 224
хохо́ня ‘щеголь’ 224
хохо́риться ‘важничать, ломаться’ 200
хохо́рье ‘рухлядь’ 167
хо́хриться ‘(о человеке) быть в мрачном настроении, хмуриться, дуться’ 200
хохриться, хохлиться ‘морщиться’ 206
хохря́к ‘верблюд’ 240
хохря́к ‘горб; шишка’ 144
хохря́к ‘замерзший конский навоз’ 137
хохря́к ‘кочка’ 147
хохря́к ‘мерзлый конский помет’ 206
хохря́к ‘хилый и слабый, кто всегда хохрится, горбится, ежится’ 224
ху́хленик, ху́хольник ‘ряженый’ 203
хухля́к ‘ряженый (на Святках и под Новый год)’ 203
ху́хрик ‘щеголек; повеса, лентяй (с вопросительным знаком)’ 224
ху́хря ‘растяпа, замарашка’ 224
хухря́й ‘растяпа, замарашка’ 224
цаца ‘послушный ребеночек’ 158
цацка ‘послушный ребеночек’ 158
цеца ‘кумачные пришивки, кружева, шитки на рубашках’ 160
цецу́ля ‘большой ломоть хлеба’ 165
цоцу́ля ‘нескромно большой ломоть’ 165
цыцка ‘гнойное воспаление сальных желез век, ячмень’ 144
цюця ‘пугало на огороде, шугало; подобие человека, кукла; набитая кожа зверя, животного, птицы’ 202
цяця ‘послушный ребеночек’ 158
чарпел ‘лошадь старше восьми лет’ 238
чека́ ‘затычка’ 163
чепори́ться ‘важничать’ 199
чепу́ри́ться ‘важничать’ 199
чечеви́ца ‘растение Elvum lens и съедобное семя его’ 123
чечеви́ченка ‘одно зерно, семя’ 123
чечевичка ‘шишечка, бугорок, напр. на стебле растения, зародыш листка, почка’ 129
чече́ниться ‘гордиться, чваниться’ 199, 225, 228
чечены, чеченцы ‘народность в северо-восточной части Кавказа’ 228
че́чень ‘кто чеченится; балованный ребенок’ 225
чече́ня ‘кто чеченится, чванный и чопорный щеголек, щеголиха’ 225
чеченя ‘щеголь’ 228
чечи́нка ‘порошинка; крошка’ 156
чечо́а распространенное речное название 158
чечу́ля ‘большой ломоть хлеба или пирога’165
чечу́ля ‘краюха хлеба’ 163
чикиля́й ‘хромой человек’ 186
чикиля́ть ‘хромать’ 186
чихо́лка ‘чуб, вихор’ 199
чи́хор ‘чуб, вихор’ 199
чи́чель ‘голый человек’ 225
чи́чер ‘резкий холодный ветер на открытом месте’ 207
что коковка сидит ‘очень красиво выглядит’ 221
чуча ‘пугало на огороде, шугало; подобие человека, кукла; набитая кожа зверя, животного, птицы’ 202
чучелка ‘пугало на огороде, шугало; подобие человека, кукла; набитая кожа зверя, животного, птицы’ 202
чу́чело ‘неряшливый, грязный или нелепо одетый человек; употребляется как бранное слово’ 225
чу́чело ‘подобие человека в виде куклы, сделанной из старой одежды и распялен-

PRESS

ной на крестообразной палке, которое выставляется на огороде для отпугивания птиц; пугало; набитая чем-л. шкура, кожа животного, птицы, воспроизводящие облик этого животного, птицы' 202
чучело 'пугало на огороде, шугало; подобие человека, кукла; набитая кожа зверя, животного, птицы' 202
чу́чело 'пугалю' 214
чюшю́лка 'тюльпан' 128
ша́лива́ли 'кое-как, небрежно' 196
шара́-бара 'хлам, рухлядь' 167
шара́-бора 'хлам, рухлядь' 167
шарбо́рить 'рыться' 196
шарбо́шить 'рыться' 196
шарбо́шиться 'возиться' 196
ша́шель 'червь, который заводится в ульях; червь на живой или в порченой рыбе' 233
ша́шалъ 'червь, который заводится в ульях; червь на живой или в порченой рыбе' 233
ша́шалы 'прыщи на голове' 140
шашара́ 'низший сорт муки' 167
шаши́ть 'копаться, возиться' 195
шашка 'всякий мелкий отрубочек, отрезочек, кубик; отрезки для подклейки (у столяров)' 163
шашка 'кость игральная, с очками; точеный кружок, стопочка, для игры на доске в 64 клетки, и самая игра эта' 150
ша́шка 'кость надкопытного сустава животного, употребляемая для игры, бабка' 150
шашка 'поплавок на сети и снасти' 152
ша́шкаться 'копаться, возиться' 195
шашни 'плутовские происки, происки сообща, заодно, пролазничество, интриги, проделки' 211
шашня 'плутовские происки, происки сообща, заодно, пролазничество, интриги, проделки' 211
шерешь 'замерзшая грязь' 206
шершавый 'шероховатый, с мелкими колющимися неровностями' 203
шика́рный 'роскошный по внешности, убранству' 203
шика́рь 'щеголь' 225
шиковка 'бугор, неровность на дороге, 147
шиковка 'пишка на теле человека' 144
шире́шь 'обломки льда на Дону при таянии весной' 206
шиш 'бес, черт' 214
шиш 'разбойник, бродяга' 225
ши́шара 'сброд, сволочь' 225
шишма́т 'копаться, возиться, мешкать' 195
шишига 'бес, черт' 214
ши́шира 'негодяй' 225
шиши́т 'копаться, возиться, мешкать' 195
шишка 'бабка, лодыжка игральная' 150
шишка 'бес, черт' 214
ши́шка 'всякого рода отдельная или сросшаяся с чем-нибудь гулька…' 104; 'плод хвойного растения'108
ши́шка 'горка или вершина горы' 147
ши́шка 'жеребенок' 241
шишка 'опухоль' 144
шишка 'род печенья' 134
ши́шкать 'копаться, возиться, мешкать' 195
шишко́ 'бес, черт' 214
шишля́ть 'копаться, возиться, мешкать' 195
ши́шлять 'постоянно делать что-либо, копаться' 195
ши́шляться 'постоянно делать что-либо, копаться' 195
шишо́к 'хвойная шишка' 108
шишуга 'род печенья; круглый пирог на другой день свадьбы' 134
шишуля 'род печенья; круглый пирог на другой день свадьбы' 134
шишъ 'островерхая куча, вершина, насыпь' 147
шо́раш 'мелкий лед' 206
шорох 'мелкий лед на реке' 206
шуру-ба́ра 'гречневая каша-размазня'173
шуру́-барки 'мясные клецки в супе, щах'173
шурубу́рити 'шутить, выкидывать шутку' 244
шу́румбу́рум 'неразбериха, путаница; к верху дном, в величайшем беспорядке' 244
шурымы́ры 'любовные делишки, шашни' 244
шу́шель 'всякая дрянь, плохие ветхие пожитки' 170
шу́шель 'сброд, сволочь' 225
шу́шера 'старое тряпье' 167; 'всякая дрянь, плохие ветхие пожитки' 170; 'сброд, сволочь' 225
шу́шерь 'всякая дрянь, плохие ветхие пожитки' 170
шу́шерь 'сброд, сволочь' 225

шу́шкаться, ‘мешкать’ 196
шушу́лкъ ‘тюльпан, Tulipa’ 128
шушу́лькаться ‘мешкать’ 196
шушу́льки ‘старое тряпье’ 167
щеголь ‘тот, кто нарядно, изысканно одет; франт; тот, кто имеет пристрастие к дорогим, изысканным нарядам’ 226
щеклея́ ‘плотва, Cyprinus rutilus’ 236
щепе́риться ‘важничать, хорохориться; жить на широкую ногу, важничать; хорохориться’ 199

Сербохорватский язык

baba ‘какаято мелкая морская рыба в хорватской части моря’ 235
baba ‘какой-то морской рак’ 238
bábac ‘крупный орех’ 155
bábe ‘божья коровка, Coccinella septempunctata’ 229
babica ‘какой-то морской рак’ 238
babljača ‘вид терпких, кислых яблок’ 118
babùra ‘galla’ 108; ‘букашка, червячок’ 230
bàbura ‘какой-то рак’ 238
babùrača ‘большая лягушка’ 237
babùrica ‘galla’ 108; ‘Coccinella septempunctata’ 230
babuška ‘galla’ 105, 108
bàbuška ‘букашка’ 230
bàbuška ‘старинные деньги’ 153
bànbala ‘какаято большая мидия’ 233
banbanica ‘какое-то яблоко’ 119
bapka ‘старинные деньги’ 153
bebūk ‘большой волдырь, который появляется вследствие укуса овода’ 137
bóba ‘что-либо маленькое, округлое’102; ‘клубень картофеля’ 112; ‘виноградинка’ 117;‘маленькая бородавка на голове, например у индюшат’ 141; ‘маленький камешек’ 149; ‘рачья икра’ 151
bòbara ‘cancer femina, ova gestans, самка рака, которая будет метать икру’ 141
Bòbara ‘имя горы в Босне’ 145
bobárac ‘cancer femina, ova gestans, самка рака, которая будет метать икру’ 141
bobàrica ‘cancer femina, ova gestans, самка рака, которая будет метать икру’ 141
bobika ‘заячья капуста, Sedum telephium L.’ 124
bobinka ‘вариола, бородавка, родинка’ 138
bòblija ‘куча, большое количество’ 208
bòbńa ‘крупный зеленый перец, из которого готовят блюда’ 130
boboļ ‘растение Asarum; Ficaria ranunculoides’ 124
bobolnik ‘Telephium infectum’ 124
boboluska ‘Lathirus latifolius’ 124
boboruška ‘семя сосновой шишки’ 122
bobòšara ‘крупный перец’ 130
bobòšârka ‘крупный перец’ 130
bòbôška ‘крупный перец’ 130
bobûk ‘пузырь на воде’ 137
bobula ‘морская улитка’ 233
bobùļica ‘пилюля’ 155
bobulj ‘морская улитка’ 233
bòbulja ‘ягода’ 118
brabĭnci ‘муравьи’ 230
brbati ‘рыться, шарить’ 192
brbļavica ‘какаято мидия, conchylii genus’ 233
buba ‘carcinoma, cancer’ 141; ‘букашка; божья коровка, Coccinella septempunctata; глисть у детей’ 229; ‘кокон’ 148
bùbač ‘galla’ 108
búbac ‘почка; желудок домашней птицы’ 154
bubla ‘ком, кусок’ 162
bublinka ‘пузырь в воде’ 138
buboj ‘лютик’ 125
bubòlica ‘пузырь, прыщ’ 138
buborak ‘какаято рыба в Сербии’ 235
bubôrka ‘какаято рыба в Сербии’ 235
bubreg ‘strobilus, шишка можжевеловая’ 105
bubreg ‘анат. почка’ 154
bubrek ‘strobilus, шишка можжевеловая’ 105
bubrek ‘анат. почка’ 154
bùbrežak ‘желудок птицы’ 154
bubûļ ‘овальный камень, камешек’ 150
bubùļica ‘маленькая шарообразная слива’ 118; ‘узелок в пряже’ 134; ‘прыщ’ 138; ‘куча земли, холм, бугорок’ 145
bubùļičica ‘куча земли, холм, бугорок’ 145
bumbir ‘плацента’ 138
bumbor ‘плацента’ 138

BDPress

bumbreg ‘анат. почка’ 154
cùcak ‘маленькая собачка’ 240
čakati ‘ждать, ожидать’ 184
čéčati ‘сидеть, согнувшись’ 184
čúčati ‘сидеть, согнувшись’ 184
drdùritit se ‘чваниться, дуться’ 197
dùnda ‘высокая, здоровенная, толстая женщина’ 219
dùndara ‘высокая, здоровенная, толстая женщина’ 219
dundul ‘какая-то лошадь’ 239
đurđiti ‘идти быстро, согнувшись’ 188
gàmizati ‘ползать’ 187
gàmziti ‘ползать’ 187
gingav ‘слабый, мягкотелый’ 187
gliza ‘struma, опухшая железа’ 143
gmaz ‘ползучие животные: ящерицы, змеи, черепахи’ 187
gmazjeti ‘ползать’ 187
gmiza ‘стеклянные перлы; мелкая дробь’ 153
gmizat ‘ползать’ 187*i*
gmíziti ‘ползать’ 187
gogoļ ‘мгновение’ 156
gogoļak ‘пузырь’ 140
grč ‘спазм’ 205
grča ‘нарост на дереве’ 145
grgićevica ‘вид виноградной лозы с белым виноградом’176
grgljanka ‘раст. Prunella L.’ 126
grgurov ‘кудрявый (о волосах)’181
gugoļ ‘куколь, Agrostemma githago’ 122; ‘Gladiolus L.’ 126
klekнути ‘стать на колени; сесть верхом; ослабеть; присесть на корточки’ 183
kļûk ‘выжатый виноград; мед, перемешанный с воском’172
kokòrav ‘кудрявый’181
krkuša ‘речная рыба Gobio fluviatilis Flem.’ 236
krkuša имя овцы 238
kûk ‘отходы, очески льна, конопли’ 169
kukari ‘имя племени’ 227
kukurav ‘кудрявый’181
kukùrijek, *kukùrijak* ‘Helleborus niger’ 200
Клек название каменистой горы в Хорватии 146
mama ‘буйство, бешенство, неистовство’ 191
mama ‘приманка (ставится в (или на) приспособлении, которым ловят животного); приманка, соблазн’ 210
mámiti se ‘сходить с ума, безумствовать’ 191
mrmak ‘букашка’ 232, ‘головастик; лягушонок’ 235
mrmica ‘вид насекомого, живущего на капусте’ 232
mrmļac ‘вид насекомого, живущего на капусте’ 232; ‘головастик; лягушонок’ 235
mrmļak ‘головастик; лягушонок’ 235
mrmńac ‘головастик; лягушонок’ 235
mŕmorje ‘черви’ 232
mŕmoļak ‘Gammarus fluviatilis’ 234
mŕmoļak ‘лягушачья икра’ 151;‘головастик; лягушонок’ 235
mrmuljika ‘раст. Trifolium campestre’ 127
mumùruz ‘кукуруза’ 111
muruz ‘кукуруза’ 111
nabubriti ‘набухнуть, набухать’ 196
nabumbariti ‘набухнуть, набухать’ 196
prpati ‘делать что-либо быстро, кое-как, неаккуратно; убирать, заниматься мелочами’ 195
pupa ‘мягкая часть хлеба’ 133
pupaljka ‘раст. Oenthera biennis’ 127
šešàrica ‘шишка хвойного растения’ 108; ‘galla’ 109
šešàrka ‘шишка хвойного растения’ 108
šišârka ‘стебель кукурузы’ 170
šopíriti se ‘держать себя горделиво, хвастать’ 199
vrvljeti ‘струиться, течь’ 187
боба ‘все круглое вообще’ 102
бóбак ‘стеклянная бусинка; зерно в четках’ 152
бóбак ‘ягода’ 117
бóбица обычно мн. ‘яйца, личинка солитера’ 149
бòбушка ‘зеленый сладкий перец’ 130
баба ‘круглый камешек’ 149
беб ‘боб’ 116
боб ‘Vicia faba L.; боб, фасоль Phaseolus vulgaris’ 116
бобopошка ‘округлое образование на листе, которое создает ларва лесного насекомого (Cynips, Diplolepis)’ 108
бу̀бало ‘анат. почка’ 154
гùгаље ‘деревянная нога’175

PUPress

глог ‘боярышник’119
гугла ‘капюшон’ 209
ко̀ко̄рка ‘неразломанное ядро ореха’ 155
ко́кица ‘ларва’ 149
ко́кица ‘неразломанное ядро ореха’ 155
ку́колка ‘цветок клевера’ 126
клек ‘вид можжевельника’ 107
клека ‘можжевельник’180
клекиња ‘брусника’ 120
клецати ‘шататься, нетвердо держаться на ногах’ 183
кљека ‘слабый, хилый человек’ 220
кљекати ‘хромать’ 186
кљуква ‘ягода Vaccinium oxycoccus’ 120
коко̀лат ‘с вытаращенными глазами’ 203
коко̀лити ‘таращить глаза’ 203
коко̀рити (*очи*) ‘таращить глаза’ 203
коко̀рити се ‘важничать’ 197
кокоруз, ‘Zea mays’ 110
кокуљ ‘пучок волос на голове’ 198
кокуруз, ‘Zea mays’ 110
коча́нити ‘коченеть от холода’ 206
коча́нити ‘надуваться, важничать’ 198
крачати ‘идти, ступать, ставя одну ногу перед другой’ 188
крачуљ ‘разновидность гриба’ 243
кркол ‘куколь, Agrostemma coronaria’ 122
кркољ ‘мешанина’172
кръклика ‘раст. дикий куколь, сорняк в злаках’ 122
кукальница ‘лютик золотистый’ 126
куклас ‘клевер луговой’ 126
кукричаст ‘(о дереве) кривое, недоразвитое’180
куку̀рѝза, ‘Zea mays’ 110
куку̀рѝца, ‘Zea mays’ 110
куку̀руз ‘Zea mays’ 110
куку̀руза, ‘Zea mays’ 110
куруза, ‘Zea mays’ 110
љу́љати ‘качать’ 186
мрма ‘молчун, неразговорчивый человек’ 223
мрмав ‘болезненный, хилый, слабый’ 223
мрмати ‘рыться, копаться в земле, навозе’ 193
окре̂к ‘лягушачья икра’ 151
окријек ‘лягушачья икра’ 151
пу́пу́љица ‘плод можжевельника’ 107
пу́пак ‘почка, бутон’ 129
пипнём ‘трогать, работать очень медленно’ 195
прпљā̄г ‘ручной багаж’ 167
пупавац ‘растение Phallus impudicus’ 243
пупољак ‘почка, бутон’ 129
шѐша̂рка‘galla’ 109
шѝша̂рка‘galla’ 109
шепѝрити се ‘надуваться’ 199
шишà̀рица‘шишка хвойного растения’ 108; ‘galla’ 109; ‘желудь’ 109
шишка ‘galla’ 109
шишка ‘завиток на лбу’181

Словацкий язык

baba название изделий из теста 131
bambolec ‘нарост, шишка’ 144
bambolec ‘что-либо круглое’ 103
bôb ‘боб; фасоль’ 116
bobál ‘картофелина’ 114
bobuľa ‘ягода’ 118
bombolec ‘что-либо круглое’ 103; ‘нарост, шишка’ 144
brblaťsa ‘грубо делать что-либо’ 192
brblaťsa ‘мараться, пачкаться в грязи’ 211
breberka ‘водка, самогон’ 170
brmbolec ‘мелкий предмет шарообразной формы, который висит на чем-нибудь’ 159
brmbolec ‘что-либо круглое’ 103
bublina ‘пузырек во воде’ 138
buľva ‘картофелина’ 114
čakať ‘ждать, ожидать’ 184
čečeriť трепать (волосы), ерошить’ 199
čepériti se ‘топорщить перья; важничать’ 199
čučať ‘сидеть тихо, неподвижно’ 184
čučkať ‘сидеть тихо, неподвижно’ 184
čušať ‘сидеть тихо, неподвижно’ 184
dardlik ‘вид игры в карты’ 243
hloh ‘боярышник’ 119
hrôza ‘ужас’ 213
klki ‘плохая пряжа с очесами’ 169
kľukať (si) ‘приклонять колени, приседать’ 184
kľukatý ‘кривой, изогнутый’ 174
kĺzať ‘скользить’ 188
kokořik ‘Polygonatum’ 200

DUPOSS

kokorík ‘лесное растение Polygonatum odoratum’ 201
kokoš ‘петух’ 240
kŕč ‘болезненное стягивание мышц’ 205
kukurica ‘Zea mays’ 110
kulhať ‘хромать’ 186
kyčer ‘крутая дикая вершина’ 146
mamiť ‘одурманивать, делать слабым; обманывать; выманивать’ 211
mrámora ‘призрак’ 214
ňuňuriť ‘стоять без дела, задерживаться где-либо’ 194
piplať sa, ‘делать что-либо жеманно, церемониально’ 194
plápol ‘яркий свет, пламя’ 212
sysel ‘суслик, крыса’ 240
šiška ‘плод хвойного растения’ 108

Словенский язык

bába ‘скальный болван’ 213
bábica ‘Cobitis barbatula’ 235
babji gregor ‘бабник’ 217
bòb ‘картофель’ 112; боб Vicia faba; фасоль Phaseolus vulgaris’ 116;‘(козий, овечий) помет’ 147
bobíca ‘ягода’ 117
bobinke ‘оспа, вериола’ 138
brámori ‘скрофулез’ 143
brbati ‘рыться руками, искать’ 192
brmulika ‘раст. Trifolium agarium’ 127
búba ‘кокон; личинка’ 148
bubreg ‘почка у животного’ 154
čakar ‘палка с загнутым концом’ 178
čákati ‘ждать, подкарауливать’ 184
čaklja ‘изогнутая часть на окнах и дверях для закрывания’ 178
čaklja ‘крюк; кривизна’174
čéka ‘молодая зеленая виноградная ветка’ 178
cencljáti ‘колебаться, быть в нерешительности’ 195
čepériti se ‘топорщить перья, важничать’ 199
čîčka ‘galla’ 109
cikâlnik ‘инструмент для рыбной ловли из веток терновника’ 178
cíncati ‘качаться’ 186
cíncati ‘колебаться, быть в нерешительности’ 195
cíncati ‘медленно идти или ехать’ 188
čîška ‘galla’ 109
gíngati ‘колебаться, быть в нерешительности’ 187
gíngav, ‘слабый, немощный’ 187
gíngljav ‘слабый, немощный’ 187,
glîža ‘железа’ 143
glô-g ‘боярышник’ 119
goger ‘личинка моли в меху’ 149
grégor ‘пенка на молоке’ 204
gúga ‘качели’ 185
gúgalica ‘качели’ 185
gúgati ‘качаться’ 185
kacáti ‘(о снеге) падать большими хлопьями’ 185
kacáti ‘мазать, пачкать’ 211
kíka ‘чуб, вихор’ 197
kíkelj ‘чуб, прядь волос’ 197
kîncati ‘дремать, клевать носом’ 185
kîncati ‘кивать головой’ 185
kínkati ‘дремать, клевать носом’ 185
kînkati ‘кивать головой’ 185
kinkljáti ‘кивать головой’ 185
kínkniti ‘кивать головой’ 185
klék ‘(в спорте) поза, стоя на обоих коленах’ 183
klèk ‘(в спорте) поза, стоя на обоих коленах’ 183
klêk ‘кривая молодая ветка’ 176
kléka ‘(в спорте) поза, стоя на обоих коленах’ 183
kleka ‘нарост на дереве’ 145
kléka ‘очень искривленное дерево’180
kléka ‘тощий конь; тощая корова’ 237
klékast ‘искривленный’ 174
klékati ‘приседать на корточки, становится на колени’ 183; ‘покачиваться, сгибаться при ходьбе’ 186
kljúč ‘крюк; саженец виноградной лозы’ 176; ‘изгиб дороги’ 177
kljûcati ‘ходить, согнувшись’ 186
kljúka ‘закривленное приспособление на двери, окне для закрывания, открывания; палка с загнутым концом, крюк; поворот; закривленная часть зонта, служащая для держания’176

DUPLESS

kljúka ‘некрасиво, неразборчиво написанная буква’179
kljúka ‘худая, неуклюжая, крупная женщина’ 221
kócelj ‘кукурузный початок без зерен’ 111
kócəlj ‘взъерошенная голова, лохматый (о собаке)’ 198
kocên ‘кукурузный початок’ 111
kočêlj ‘кудрявый человек’181
kocenéti ‘коченеть от холода’ 206
kókolj ‘Agrostemma githago’ 123
kókolja ‘Agrostemma githago’ 123
kokora ‘завиток, локон’181
kokorica ‘Zea mays’ 110
kokôš ‘курица, наседка’ 240
kolčaj ‘клочок, горсть льна’ 162
kòlk ‘выступ скалы; вершина горы’ 146
kólke ‘отходы, очески льна, конопли’ 169
kólkovina ‘плохая пряжа с очесами’ 169
korúza ‘Zea mays’ 110
krâk ‘лягушачья икра’ 151
kúčati, čúčati ‘сидеть согнувшись’ 184
kúča ‘пучок, вихор’ 197
kukoríca, ‘Zea mays’ 110
kukurek ‘Helleborus niger’ 200
kukuríca, ‘Zea mays’ 110
kukurúza ‘Zea mays’ 110
mrámor ‘медведка, Gryllotalpa vulgaris’ 232
mrámor ‘нарост на колене (заболевание лошадей и коров)’ 143
mrámori ‘скрофулез’ 143
mramorica ‘отекшие железы; болезненные нарывы’ 143
mrámorja ‘нарост на колене (заболевание лошадей и коров)’ 143
mrmolika ‘раст. Trifolium agarium’ 127
mrmulika ‘раст. Trifolium agarium’ 127
okrâk ‘лягушачья икра’ 151
po(m)pava ‘раст. Anthemis’ 127
pumpava ‘раст. Anthemis’ 127
šíška ‘плод хвойного растения’ 108, 109; ‘galla’ 109
šopíriti ‘топорщить (волосы, перья)’ 199
štórklja ‘аист’ 241
štórkljast ‘неуклюжий’ 225
štorkljáti ‘идти медлительным, неуклюжим шагом; идти, ходить’ 188
štorkljáti ‘идти медлительным, неуклюжим шагом; идти, ходить’ 241
strk ‘аист’ 241
vrvẹ́ti ‘(о скоплении людей) кишеть, шуметь’ 190

Словинский язык

karkuleca ‘палка, загнутая с одного конца’176
klẽka ‘кривая, обычно можжевеловая палка; поворот дороги’176
klẽka ‘старая корова’ 238

Украинский язык

бі́б ‘боб Vicia faba L.’ 116
бі́бка ‘шарик’ 102; ‘помет в шариках: овечий, заячий, козий’ 147
бі́бки ‘плоды можжевельника’ 105
бурубу́ла ‘головастик’ 234
ба́ба ‘вид насекомого’ 229
ба́ба ‘фасоль’ 115; ‘сорт крупных груш’ 117
бабá́й ‘злой дух; чучело’ 213
бабá́йка ‘большое весло’ 164
бабару́нка ‘божья коровка’ 230
бабка ‘вид гриба: Lepiota procera Scop. Mak; Boletus scaber; Agaricus procerus’ 242
ба́бка ‘норичник, Scrophularia nodosa L.’ 124; ‘сдобная булка’ 131
бабкú ‘сорт слив (округлых, рано созревающих)’ 117
ба́блятися ‘пачкаться’ 211
ба́брати ‘пачкать’ 211
ба́братися ‘копаться в нечистоте, заниматься грязной работой’ 211; ‘рыться руками в чем-нибудь редком, грязном’ 192
бабри́ська ‘божья коровка’ 230
бабру́к ‘божья коровка’ 230
бабру́нка ‘божья коровка’ 230
бабу́л я ‘пузырь’ 137
бабу́р ‘головастик’ 234
бабуха́тый ‘пузатый, брюхастый’ 216

EURASS

байба́ра́ ‘длинный кнут пастухов; прут, хворостина, розга, дубина; степная трава’181
байва́рчик ‘остров’ 161
балаба́н ‘крупная фасоль’ 116
балаба́н ‘род хлебного печенья’ 131
балаба́нка ‘очень крупный сорт картофеля’ 112;‘крупная фасоль’ 116
балабо́лка ‘небольшая, очень сдобная лепешка’ 132
балабо́лка ‘цветок колокольчик; раст. кувшинка; водяная лилия; раст. купальница; раст. лютик’ 125
балабон ‘вид растения с клубнями, похожими на картофель’ 112; ‘земляной орех’ 118
балабо́нка ‘род растения с клубнями на корне, похожими на картофель’112
балабо́шки ‘круглые толстые коржики’ 131
балабу́рка ‘картофель’ 113
бала́бух ‘ком, комок’ 103; ‘маленькая булочка’ 131
балабу́х ‘небольшая буханка хлеба’ 131
бала́буха ‘ком, комок’ 103
балабу́ха ‘неуклюжий и неловкий человек’ 216
бала́бухи ‘галушки с чесноком; маленькие булочки’ 131
бала́бушка ‘ком, комок’ 103; ‘сдобная булочка; маленький кукурузный пряник’ 131; ‘комок помета’ 147
бала́бушок ‘ком, комок’ 103
бала́бу́шок ‘небольшой хлебец’ 131
бала́бышка ‘небольшой печеный хлебец’ 132
бамба́ра ‘ягода’ 119
бамбе́ра ‘ягода’ 119
бамбо́лі ‘большое яйцо’ 155
бамбу́ла ‘неповоротливый, неуклюжий человек или животное’ 216
бамбу́лька ‘круглая ягода (на ботве картофеля)’ 112
бамбу́льки ‘бутоны’ 128
бамбура́ ‘большая грубая вещь’ 163
бандала́ ‘большой черный вьющийся боб’ 116
бандо́лі ‘сорт крупной фасоли’ 116
ба́ндури ‘внутренности, преимущественно животного’168
бандю́рити ‘натаскивать’ 208
барабі́й ‘картофель’ 113
барабі́ль ‘картофель’ 113
барабі́н ‘картофель’ 113
бараболькы́ ‘лютики’ 125
бараболькы́ ‘норичник’ 125
барабольча ‘лютики’ 125
барабольча́к ‘лютики’ 125
бараболя́ ‘картофель; земляная груша’ 113
бараболя́н ‘картофель’ 113
бараболя́ня ‘картофель’ 113
барабу́ля ‘картофель’ 113
барабы́шка ‘ячменная или ржаная булка, хлебец’ 132
барбольки́ ‘норичник’ 125
барбу́лька ‘султанка’ 235
барбу́ля ‘султанка’ 235
бе́брати ‘пачкать’ 211
бе́лбахи ‘внутренности’ 168
бе́лбехи ‘внутренности’ 168
бе́лбухи ‘внутренности’ 168
бе́мба ‘дурак, увалень, олух’ 216
бе́мбул ‘дурак, увалень, олух’ 216
боба́льки ‘клецки, род галушек’ 132
боба́льки ‘мелкий картофель’ 113
боба́ня ‘мелкий картофель’ 113
бо́берки ‘сережки на дереве’ 159
бобы́р ‘Acerina acerina, ершносарь’ 235
ст.-укр. *боблиця* ‘рыба Rutilus rutilus’ 235
бо́блятися ‘копаться руками в чем-либо жидком, мягком, например в тесте; пачкаться’ 211
ст.-укр. *бобокъ* ‘лавр, Laurus’ 117
бобору́нка ‘божья коровка’ 230
бобру́нка ‘божья коровка’ 230
ст.-укр. *бобырь* ‘рыба Acerina tanaicensis’ 235
бовва́н ‘массивная глыба неопределенных очертаний’ 164
бо́вдур ‘болван, неотеса’ 217
бо́вдур ‘дымовая труба; густой клуб дыма; густая туча’, 164
бовку́н ‘большой сноп камыша’164
болди́га ‘каменная глыба’, 164
бо́мбель ‘волдырь, прыщ’ 138
бо́мбель ‘фасоль’ 116
бомбовка ‘плод картофеля’ 112
бомбу́лька ‘маленький шарообразный предмет’ 102; ‘плод картофеля’ 112
бомбу́шка ‘капля росы’ 155
буба ‘вошь; муха’ 229
бу́ба ‘зерно гороха, бобов’ 116; ‘ягода’ 117

бу́ба ‘нарыв; след от удара’ 141
бубáр ‘незаконнорожденный’ 227
бубарчу́к ‘незаконнорожденный’ 227
бубкú ‘почки’128
бу́блях ‘бутон’ 128
бу́бляхи ‘плоды картофеля, что растут на стебле’ 114
бубнíти ‘разбухать, взбухать’ 196
бубóн ‘отек в паху; отек лимфатического узла в паху вследствие воспаления’ 141
бу́валячка ‘разновидность крупной фасоли’ 116
бугáї; ‘клюква’ 119
бугáй ‘вид фасоли; вид горохового растения’ 117; ‘сорт яблок’ 119
бугáйка ‘сорт картофеля’ 114
бугайни́к ‘ромашка’ 125
bulbón ‘водоворот’ 189
бу́льба ‘земляная груша; мелкий картофель; репа’ 114
бу́льбашка ‘пузырь’ 139
бу́льва ‘луковица; картофелина’ 114
бу́льма ‘картофель’ 114
бульмáн ‘картофель’ 114
бумбаня ‘фасоль красноцветковая’ 116
бу́ньба ‘картофель; земляное или чертово яблоко’ 114
бу́рба ‘круглые шишки на растении’ 105; ‘картофель’ 114
бурбєлок ‘вершина’ 145
бурбу́ль ‘головастик’ 234
бурбулянка ‘картофельный суп’ 114
буру́б’яшки ‘экскременты овцы’ 147
бу́руба ‘круглые шишки на растении’ 105; ‘картофель’ 114
буру́башки ‘круглые шишки на растении’ 105
варвáрки ‘вставки на сорочках’ 159
вервелá ‘высокий, долговязый человек’ 217
вергелá ироническое прозвище высокого человека 217
верти́ло ‘высокий неуклюжий человек’ 217
виртéла ‘здоровенный человек’ 217
вóрвіль ‘волдырь на коже’ 139
гертéчник ‘кусты крыжовника’ 119
гірти ‘плечи’ 208
гіртóжник ‘разносчик товаров’ 208
галатáн ‘икра белой рыбы’ 151; ‘поплавок на рыбацкой сети’ 152; ‘старая медная монета’ 153; ‘погасший костер’ 155
гáлатáни ‘изделия из теста, подобные бубликам’ 132
галатóда ‘картофель’ 114
галтáн ‘картофель’ 114
гантýлики ‘комочки навоза на шерсти скота’ 135
ганджá ‘денатурированный древесный спирт’171
ганджули,‘пойти на заработки’ 243
гандрабáстий ‘неуклюжий, долговязый’ 218
гандрабáтий ‘неуклюжий, долговязый’ 218
гандрибáтий ‘неуклюжий, долговязый’ 218
гарабóля ‘картофель’ 115
гаратóля ‘картофель’ 115
гарвалі ‘название жителей Чернигова, употребляемое белорусами’ 227
гарвáль ‘название жителей Чернигова, употребляемое белорусами’ 227
гаргара ‘большая комната без порядка’ 164
гаргара ‘большая комната без порядка’ 165
гартáчка ‘крыжовник’ 119
гардáн ‘таракан’ 239
гертелúця ‘долгоносик амбарный, Calandra granaria’ 231
гéргель ‘гусь крупной породы’ 239
гéртель ‘гусь крупной породы’ 239
гéргель ‘человек с длинной шеей’ 218
гéртуль ‘неуклюжий человек с длинной шеей’ 218; ‘порода гусей; большой рак’ 239
герéта ‘волчок’ 189
гимбóля ‘мамалыга’ 171
глеґ, ‘часть желудка жвачного животного, используемая для закваски’172
гліг ‘боярышник’ 119
гліґ, ‘часть желудка жвачного животного, используемая для закваски’172
глеґ ‘створожившееся молоко из желудка маленького теленка, которое бросают в удой молока, чтобы оно скорее створожилось (только мн.)’ 172
гльоґ, ‘часть желудка жвачного животного, используемая для закваски’172
гльóганка ‘кислое молоко’172
гляґ ‘створожившееся молоко из желудка маленького теленка, которое бросают в удой молока, чтобы оно скорее створожилось (только мн.)’ 172

DUPLESS

гляґ,‘часть желудка жвачного животного, используемая для закваски’172
гля́ґа,‘часть желудка жвачного животного, используемая для закваски’172
гля́ґанец ‘сладкий сыр’172
гля́ґаний ‘сладкий творог’ 172
гля́ґа́ти ‘створаживать молоко’172
гля́ти ‘кушанье из баранины, растительного масла, муки, с соусом с перцем и зеленой петрушкой’ 171
гляк, ‘часть желудка жвачного животного, используемая для закваски’172
го́гиром ‘надуто, чванливо’ 197
гоголіти ‘блестеть, светиться’ 212
гогóлечки ‘головки трилистника, цветы его’ 125
гото́ритися ‘важничать, чваниться’ 197
го́дза ‘заразная сыпь на коже’ 140
годзинка ‘подснежник’ 125
го́дзя ‘винегрет’ 171
голда́на ‘сорт слив’ 119
гонгори́чка ‘божья коровка’ 231
го́ндзиль ‘сбитый твердый комочек в шерсти’ 135
го́ндзоль ‘висюлька, побрякушка, пустячок’159
гондзóля ‘висюлька, побрякушка, пустячок’ 159
гондзоля́к ‘прыщ, шишка’ 142
го́ндзуль ‘сбитый твердый комочек в шерсти’ 135
го́ндзурь ‘сбитый твердый комочек в шерсти’ 135
го́ндзуря ‘сбитый твердый комочек в шерсти’ 135
го́нзель ‘сбитый твердый комочек в шерсти’ 135
го́нзиль ‘сбитый твердый комочек в шерсти’ 135
горта́н ‘вершина горы’ 146
горта́ч ‘вид съедобного гриба’ 242
гортóля ‘бородавка’ 142
гортóля ‘высокий человек’ 218
гортóля ‘нарост на дереве’ 144
гортóля ‘сук’, 179
гортоля́стый ‘суковатый’179
горгóнка‘патиссон, Cucurbita Pepo L.’122
горгóня ‘очень высокая женщина’ 218
горгóпка ‘патиссон, Cucurbita Pepo L.’122
гордзóля ‘картофель’ 115
гроза́ ‘гроза; угроза’ 213
грузило ‘камень, которым придавливают крышку в кадке с квашеной капустой, мешочек с творогом’ 209
гру́ндаль ‘грубый, неотесанный человек’ 217
гурту́ла ‘бородавка’ 142
гурту́ла ‘нарост на дереве’ 144
гурту́ла, гортóля ‘носок обуви’ 155
гурту́ля ‘бородавка’ 142; ‘носок обуви’ 155
дунду́к ‘индийский петух’ 239
дунду́к ‘упрямый человек; старый холостяк; тупой, недоразвитый человек; старый болван’ 219
жу́жіль ‘отходы’ 169
жу́жель, ‘отходы’ 169
жу́жельиця, ‘отходы’ 169
жужле́ць ‘отходы’ 169
зазули́нець ‘орхидея, Orchis. L.’ 161
зазу́лька ‘божья коровка’ 231
зезюльки жовті ‘башмачок настоящий, Cypripedium calceolus L.’ 161
зезюльки́ рябі ‘башмачок пятнистый, Cypripedium guttatum Schwarz’ 161
зозу́линець ‘орхидея, Orchis. L.’ 161
зозу́лька ‘фиалка трицветная, Viola tricolor L.’ 161
зозу́ля ‘кукушка’ 242
зозу́ля нічна ‘козодой’ 242
зозу́ля употребляется как ласкательное слово для женщины, преимущественно матери 157
зузулинець ‘орхидея, Orchis. L.’ 161
зюзя ‘букашка, все мелкое’ 231
кандзюба ‘кривизна, крючок’ 175
кандьóр ‘жидкая каша’ 173
канцилюга ‘бродяга, арестант’ 221
канцу́биль ‘бродяга, арестант’ 221
карáкати ‘делать кое-как’ 193
каракóн, *каракýн* ‘черный таракан’ 239
каракýля ‘картофелина’ 115
карга́н ‘летучая мышь’ 239
карка́нити ‘перегружать’ 208
клю́кка ‘хитрость, зацепка, придирка’ 210
клю́ча ‘деревянный крюк’
кляґ, ‘часть желудка жвачного животного, используемая для закваски’172
кляґане́ць ‘холодец’172
кляк ‘ледяная сосулька’ 130
кляк ‘часть желудка жвачного животного, используемая для закваски’172
кляка́ти ‘становиться на колени’ 183

PUPRESS

кляч ‘кобыла’ 240
ковга́н ‘кабан’ 239
ко́взати ‘скользить’ 188
кокіл ‘нелюдим, мрачный человек’ 221
коки́рний ‘заманчивый, привлекательный’ 202
кокля́к ‘камень, обломок дерева, коряга и т.д. на дне реки, за который может зацепиться удочка’180
коколю́с ‘живописная ракушка’ 233
кокóра ‘нижняя часть ствола дерева с корнем’180
кокорудзки ‘плоды хвойного дерева’ 107
кокош ‘петух’ 240
кокóшитися ‘распускать перья, вести себя высокомерно, горделиво; пыжиться, чваниться, щеголять’ 198
корокýля ‘нарост на дереве’ 145
кóрчи ‘болезненное стягивание мышц’ 205
корчма ‘хмельной напиток’173
корчовка ‘самогон’ 173
крáкоч ‘таракан черный’ 239
крук ‘крюк’ 178
крюк ‘крюк; плуг; знак старого нотного письма’ 178
кýка ‘вошь, насекомое’ 231
кукéлка ‘калач, белый хлеб’ 132
кукулю́х ‘улитка’ 233
кукурмéнти ‘наколки на волосы у женщин’ 160
кукурýда ‘плоды хвойного дерева’ 107
кукурýдз ‘плоды хвойного дерева’ 107
кукурýдза ‘Zea mays’ 110
кукýруз ‘Zea mays’ 110
кукýруза ‘Zea mays’ 110
кукурýза ‘плоды хвойного дерева’ 107
кукурузи ‘плоды хвойного дерева’ 107
кульгáти ‘хромать’ 186
кýча ‘масса, куча’ 208
майморúця ‘тропа’ 188
маленький’ 102
мáмрати ‘шарить, разыскивать ощупью’ 193
мамрóта ‘отходы при очищении нефти, которые используются как коломазь’ 169
мамýла ‘увалень, тюфяк, олух; волокита’ 222
мамýлити ‘пачкать’ 211
мамýн ‘злой дух, уводящий женщин, морочащий людей’ 214
мамýна ‘закрытая, замаскированная фигура’ 209
мамýнка ‘кукла’ 209
мармúшка ‘личинка комарадергуна, Chironomus plumosus L.’ 149
мармолáй ‘никчемный плохой мальчишка’ 222
мармýза ‘вид маленьких арбузов’ 122,
мармýза ‘кисель из бузины’173
мармýзка ‘один из видов декоративных арбузов’ 122
мармулок ‘деревянное яйцо для игры в битки; брусок для точения косы’ 156
мармýль ‘нарост на дереве’ 145
мéмель, схватив мемеля ‘его побили’ 214
мúмрати ‘медленно делать’ 193
мормúш ‘бокоплавблоха, Gammarus pulex L.’ 234
мурмúло ‘грубый, невоспитанный человек; мрачный, замкнутый человек’ 222
набербéрити ‘намешать, разболтать’ 173
накарканúчити ‘довольно много вещей взять на спину’ 208,
накрякати ‘довольно много нагрузить’ 208
паплю́га ‘неряшливая, распущенная потаскуха, проститутка’ 212
паплю́жити (кого словами) ‘оплевывать’ 212
пáпля ‘мокрая погода’ 212
пáпля ‘халтурщик, плохой работник’ 223
папнюх ‘почка растения’ 129
папýля ‘полный месяц, толстая морда’ 165
пéндюр ‘ругаться’ 244
пендюрка ‘маленькая вещь’161
пендюрóк ‘маленькая ночная лампочка’ 161
пéрепело ‘ключица’ 187
перепрúця ‘моллюск Bulla zebra’ 233
пипáк ‘мозоль’ 144
попелюх ‘бутон’ 129
попелю́х ‘животное Myoxus glis’ 240
попелю́ха ‘тля травяная’ 232
попелю́ха ‘хохлатый жаворонок’ 240
попéнька ‘светляк’ 232
пóпини ‘часть узора, вышиваемого на вороте сорочки’ 156
пóрпатися разгребать что-нибудь сыпучее, рыться’ 195
порплитися разгребать что-нибудь сыпучее, рыться’ 195

BUPress

по́рплиці ‘струпья на голове’ 140
порплятися ‘разгребать что-нибудь сыпучее, рыться’ 195
стрікати ‘колоть, жалить’ 192
таракан ‘таракан’ 239
тарган ‘таракан’ 239
тете́ря ‘род кушанья из муки; род кушанья из сухарей’ 173
тру́т ‘самец пчелы, который не выполняет никакой работы’ 240
трутень ‘самец пчелы, который не выполняет никакой работы’ 240
хоху́ля ‘выхухоль’ 240
ху́хри ‘внутренности (особенно рыб)’ 170
ху́хрятися ‘сортировать’ 195
цяцянка ‘милая, приятная вещь’ 158
чепурити ‘наряжать, украшать’ 202
чепу́ри́тися ‘важничать’ 199
шишак ‘сосулька (на крыше)’ 130
ши́шка ‘важный, влиятельный человек’ 225
ши́шка ‘котенок’ 241
ши́шка ‘плод хвойного растения’ 108; ‘початок кукурузы’ 112
шишлак ‘шишка на теле’ 144
шишу́лка ‘стручок’ 130
шишу́лкъ ‘початок кукурузы с зернами’ 112
шушу́лкъ ‘початок кукурузы с зернами’ 112
шушура́га ‘початок кукурузы’ 112

Чешский язык

ст.-чешск. *baba* ‘булочка’ 131
ст.-чешск. *bába* ‘булочка’ 131
b(r)eberuše ‘водка, самогон’170
babka ‘мелкая монета’ 153
babrati se ‘возиться; пачкаться (работая)’ 192
balvan ‘ком, глыба’164
bambat ‘кивать, давать знак рукой; качать, колебать’ 185
bambula ‘что-то круглое’ 103; ‘круглое лицо, жирная толстая щека’ 164
bambulati ‘кивать, давать знак рукой; качать, колебать’ 185
bambule ‘что-то круглое’ 103
bambylati ‘кивать, давать знак рукой; качать, колебать’ 185
bebelka ‘вошь’ 230
bélat ‘кивать, давать знак рукой; качать, колебать’ 185
blb ‘идиот; болван’ 216
blombélat ‘кивать, давать знак рукой; качать, колебать’ 185
bob ‘боб Vicia faba’ 116
ст.-чешск. *bobek* ‘лавр, плод лавра’ 117, ‘овечий помет’ 147
ст.-чешск. *bobonek* ‘суеверные действия, чары, колдовство, чтобы лечить или с иной целью’ 244
ст.-чешск. *bobonka* ‘суеверные действия, чары, колдовство, чтобы лечить или с иной целью’ 244
ст.-чешск. *bobonkář* ‘тот, кто проводит суеверные действия, чары, колдовство’ 244
bobule ‘ягода’ 118
bombélat ‘кивать, давать знак рукой; качать, колебать’ 185
bombolati ‘кивать, давать знак рукой; качать, колебать’ 185
boubel ‘волдырь, угорь’ 138; ‘опухоль с жидким, кашеобразным содержанием; зародыш солитера, прыщ’ 141
boubela ‘толстощекий ребенок’164
brabenec ‘муравей’ 230
brablenec ‘муравей’ 230
brambor ‘картофель’ 113
brambora ‘картофель’ 113
ст.-чешск. *bravenec* ‘муравей’ 230
breberice ‘водка, самогон’170
breberija ‘водка, самогон’170
breberina ‘водка, самогон’170
breberka ‘вошь’ 230
breberka, ‘водка, самогон’ 170
ст.-чешск. *bublanka* ‘galla, орешек (дубовый)’ 108
ст.-чешск. *bublénka* ‘galla, орешек (дубовый)’ 108, ‘пузырь’138
bublina ‘купальница европейская’ 124
bublina ‘пузырь’ 138
bublina ‘пустячок’ 159
ст.-чешск. *budlinka* ‘пузырь’138
bulva ‘свекловица; картофелина’ 114
bumbulat ‘кивать, давать знак рукой; качать, колебать’ 185

PUPress

čačany ‘хороший, милый, красивый’ 158
čakati, ‘ждать’ 184
ст.-чешск. *čečule* ‘саженец виноградной лозы’ 178
čečurať se ‘ходить туда-сюда без дела’ 191
ст.-чешск. *čekati* ‘ждать’ 184
čerýřiti ‘топорщить(ся); возмущаться, злиться’ 199
chuchla ‘капюшон’ 209
čučet ‘сидеть, согнувшись, тихо, неподвижно’ 184
cúcyk ‘маленькая собачка’ 240
čečelka ‘чечевица’ 123
čečeřiti ‘трепать (волосы), ерошить’ 199
čočka ‘чечевица’ 123
danda ‘булочка’132
dandula ‘копченая домашняя колбаса’ 132
darda ‘вид игры в карты’ 243
ст.-чешск. *dudek* ‘польская монета, попадающая в Чехию’ 153
gagal(k)a ‘маленький, неспелый, кисловатый плод’ 119
*gagalk*a ‘недоразвитый плод груши’ 119
gágoš ‘шишка хвойного дерева’ 106
gaňgora ‘грубиян’ 218
gergelica ‘водка, самогон’170
hemžiti se, hemzati (*se*) ‘кишеть, копошиться’ 190
hlíza ‘отек, абсцесс ’ 143
hloh ‘боярышник’ 119
ст.-чешск. *hluza* ‘какая-то еда’172
ст.-чешск. *hmez* ‘насекомое’ 231
ст.-чешск. *hmyz* ‘насекомое’ 231
ст.-чешск. *hmyza* ‘насекомое’ 231
hmyzděti ‘кишеть, копошиться’ 190
ст.-чешск. *hmyzěti* ‘кишеть, копошиться’ 190
ст.-чешск. *hoch* ‘мальчик, парень’ 224
ст.-чешск. *hochna* ‘легкая женщина, проститутка’ 224
hlamol ‘обломок, кусок’ 163
kleč ‘кривое дерево; хвойное дерево Pinus montana’180
kleč ‘кривое дерево’180
klek, *kľek* ‘кривое дерево’180
kličkovati ‘вывертываться, выкручиваться’ 210
klička ‘смена направления движения в беге, ходьбе; уловка, увертка, приманка, коварство’ 210
klička ‘узел, петля; крючок’ 178
klikatý ‘извилистый, искривленный (несколько раз)’ 174
klk ‘сгусток, комочек, клочок’ 135
ст.-чешск. *klk*, ‘отходы, очески льна, конопли’ 169
kloček ‘сгусток, комочек, клочок’ 135
klok ‘сгусток, комочек, клочок’ 135
klokan ‘кенгуру’ 239
klouček ‘сгусток, комочек, клочок’ 135
klouzati ‘скользить’ 188
klůcek ‘отрезок, лоскуток, тряпочка; (с пометой «часто пейоративно») мелкие части одежды; легкая одежда’ 162
klučik с пометой «хипокористическое» ‘мальчик’ 157
kluk ‘мальчик; парень’, с пометой «хипокористическое» ‘о молодом свободном парне или о возмужалом молодом человеке’157; ‘бродяга; мальчик’ 221
ст.-чешск. *kluk* ‘отходы, очески льна, конопли’ 169
kluk ‘сгусток, комочек, клочок’ 135
ст.-чешск. *kluka* ‘какая-то рыба’ 236
kokořič ‘ландыш’ 201
kokořik ‘Polygonatum’ 200
kokořik ‘Potentilla Tormentilla’ 201
kokořík ‘купена, Polygonatum’ 201
kokošek ‘хохолок, пушистый хвостик’ 198
kokošiti se ‘гордиться’ 198
kokoška ‘пастушья сумка, Capsella’ 127
koukol ‘раст. Agrostemma githago’ 123
ст.-чешск. *kráčěti* ‘шагать’ 188
krč ‘болезненное стягивание мышц’ 205
kuče ‘масса, куча’ 208
ст.-чешск. *kučera* ‘кучерявый человек’181
kukla ‘вид хлеба’ 132
ст.-чешск. *kukla* ‘капюшон’ 209
kukuřice ‘Zea mays’ 110
kulhati ‘хромать’ 186
kyčera ‘вершина’ 146
kyka ‘чуб, вихор’ 197
mamara ‘деревце, куст Malpighia’ 121
mameluk ‘продажный человек; бранное слово о грубом человеке’ 221
ст.-чешск. *mámiti* ‘обманывать’ 211
mamiti ‘одурманивать, делать слабым; обманывать; выманивать’ 211
mamlas ‘бранное слово о грубияне’ 221
mimra ‘медлительный человек’ 222
mimra ‘ничего не стоящая вещь’ 160
mimrati ‘копаться, делать кое-как’ 193

DUPress

mimratise ‘делать что-либо маловажное, ничего не стоящее, копаться, возиться’ 193-194
mrmola ‘никудышный человек’ 222
mrviti se ‘кишеть, копошиться’ 190
piplat ‘делать что-либо очень медленно, слишком боязливо’ 194
piplati ‘заниматься маловажной работой, требующей терпения’ 194
piplati ‘пачкать, портить’ 211
piplati se ‘заниматься маловажной работой, требующей терпения и старания, делать что-либо до малейших подробностей, без нужды’ 194
pipla ‘копун’ 194
plápol ‘о мерцающем, колеблющемся огне; о мерцающем свете’ 212
plápolati ‘гореть мигающим пламенем; мерцать’ 212
ст.-чешск. *pobonek* ‘суеверные действия, чары, колдовство, чтобы лечить или с иной целью’ 244
ст.-чешск. *pobonkář* ‘тот, кто проводит суеверные действия, чары, колдовство’ 244
pupalka ‘раст. Oenthera biennis’ 127
pupava ‘раст. Carlina’ 127
šiška ‘кнедлик (вид булочки)’ 133
šiška ‘плод хвойного растения’ 108
sysel ‘суслик, крыса’ 240
šešulka ‘сухой кожистый плод’ 131
šešulka ‘хохолок, вершина чего-либо’ 200
šešel ‘зрелый зародыш семени клевера’ 128
ст.-чешск. *šešelatka* ‘вид груши’ 121
šešelinka ‘зрелый зародыш семени клевера’ 128
zagagalka ‘маленький, неспелый, кисловатый плод’ 119
žabokřeky ‘лягушечья икра’ 151

Другие индоевропейские языки

Албанский язык

gogël ‘шарик’ 105
vórbullë ‘водоворот, вихрь’ 190

Балтийские языки

Латышский язык

kuñkulis ‘ком; комок’ 105

Литовский язык

bam̃balas ‘маленький пузатый человек’ 226
bambizà ‘толстяк, пузатый, увалень; некатолический священник или просто человек другой веры’ 228
bambìzas ‘толстяк, пузатый, увалень; некатолический священник или просто человек другой веры’ 228
bambólas ‘раст. Trollius europaeus L.’ 128
bambolikas ‘предмет овальной формы, колобок’ 105
bambõrė ‘нераспустившийся цветок’ 130
bam̃bti ‘набухать’ 196
bambỹzas ‘толстяк, пузатый, увалень; некатолический священник или просто человек другой веры’ 228
bemberė ‘большая, основная ветвь дерева’ 165
birbalė ‘домашняя водка’ 174
bìrbalas ‘плохое пиво’174
bumbõlas ‘головка’ 152
bum̃bulas ‘головка палки’152
bum̃bulas ‘почка растения’ 130
bum̃bulas, gurgulas ‘большой узел’ 136
bum̃buras ‘почка (на дереве)’ 130
burbulas ‘чтото маловажное’ 161
burbulas ‘шарик, кусок’ 105
burbùlis ‘раст. Trollius europaeus L.’ 128
burbuolė ‘шишка’ 108; ‘початок кукурузы 112; ‘почка растения’ 130
gagalas ‘аист’ 242
gaĩgalas ‘селезень’ 242
gañdras ‘аист’ 242
gañdrinti ‘идти как аист, крупным шагом’ 242
gargalas ‘узел или неровность в пряже’ 136

gargõlas ‘головка’ 152
gaugaras ‘вершина холма’ 147
gingãras ‘неотеса’ 226
gugà ‘нарост на дереве; выпуклость; горб’ 147
gugẽlis ‘вершина холма’ 147
gùgulas, gugurỹs ‘вершина холма’ 147
gùnga ‘горб’ 147
gùnga ‘кривизна’ 175
gùngara ‘кривизна’ 175
guñgas ‘увалень, неуклюжий человек’ 226
gungoras ‘очень высокий человек’ 226
guñguras ‘грубый, неловкий человек’ 226
gungurỹs ‘желвак; нарост’ 147
gungurys ‘кривизна’ 175
gùrga ‘узел или неровность в пряже’ 136
gurgõlas ‘головка’ 152
gurgólas ‘узел или неровность в пряже’ 136
gurgõlė ‘плохая водка’174
gurgulas ‘головка’ 152
gurgùtis ‘шишка’ 108
kaikaras ‘очень высокий человек; лентяй, повеса; убийца, грабитель’ 226
kankórežis ‘надпочечная железа’ 154
kankórežis ‘шишка’ 108; ‘початок кукурузы 112
karkãlė ‘вошь’ 236
karkaliùkas ‘почка растения’ 130
kar-kl-ìnė ‘домашняя водка’ 174
karkólas ‘шарик; колобок’ 105
karkõnas ‘палка, клюка’ 182
kaukaras ‘холм, верина холма’ 147
kìrkužė ‘шишка’ 108
kirkãlas, ‘ходуль; костыль’ 182
kirkãlis ‘ходуль; костыль’ 182
klèkti ‘густеть, застывать, сгущаться’ 206
klénkti ‘с трудом идти’ 187
kreklas, ‘стропило’ 178
kroklis ‘стропило’ 178
krýklė ‘маленькая синяя слива с терпким вкусом’ 121
kuñkalas ‘пузырь’ 141
kuñkalas ‘тряпье, лохмотья’ 168
kunkólas ‘клуб; ком’ 105
kunkólas ‘пузырь’ 141
kuñkulas ‘пузырек кипящей воды’ 141
kurkalynė ‘простая каша’174,
kurkulaĩ ‘лягушачья икра’ 151
kurkulas ‘узел или неровность в пряже’ 136
kurkulė ‘толпа, куча’ 209
kurkūlė ‘толпа, куча’ 209
kurkužė ‘шишка’ 108
marmalai ‘оборванная старая одежда, тряпье’ 168
marmalas ‘плохое блюдо, бурда’ 174 ;‘бурда, редкая грязь, топь’ 212
palpito ‘трепетать’ 207
pam̃palas ‘пузан, брюхан’ 226
pam̃pti ‘пушисто, рыхло’ 196
pumpuras ‘почка (на дереве)’ 130
pumpuras ‘почка растения’ 130
pumpuras ‘узел или неровность в пряже’ 136
pumpùtė ‘картофелина’ 115
purpuolė ‘почка растения’ 130
šiáušti ‘(о животном) ежиться; (о человеке) чваниться’ 201
suklẽkęs ‘загустевший’ 206
tirtėti ‘дрожать’ 207

Прусский язык

kekulis ‘род простыни, покрывала, накидки, халата, используемого после мытья’ 210

Индийские языки

санскр. *çarkaraḥ* ‘брус, камень’ 150, 286
санскр. *çiçiraḥ* ‘холодный’ 207
санскр. *karkaraḥ* ‘твердый’ 206
санскр. *vamráḥ* ‘муравей’ 236
санскр. *vamrī* ‘муравей’ 236
санскр. *valmīkaḥ* ‘муравейник’ 236
ашкун. *kakerä* ‘твердый’ 206
пракр. *kakkara* ‘камень, камешек’ 150, 286
пали *kakkhala* ‘твердый’ 206
ассамский *ka-kkol* ‘ароматный плод’ 286

Германские языки

англ. *hug-mug* ‘беспорядок’ 174
англ. *hugger-mugger* ‘беспорядок’ 174

DUPress

нем. *Kuddelmuddel* ‘мешанина’ 174
нем. *Zick-zack* ‘зигзаг’ 175

Греческий язык

др.-гр. *βέμβιξ* ‘водоворот’ 190
др.-гр. *βολβός* ‘лук-порей’ 115
др.-гр. *βόρβορος* ‘грязь, нечистоты’ 212
др.-гр. *βόρμᾶξ* ‘муравей’ 236
др.-гр. *βράβυλον* ‘плод терновника, дикая слива’ 121
др.-гр. *βύρμᾶξ* ‘муравей’ 236
др.-гр. γάγγλιον ‘опухоль (рак) ход кожей; гланда’
др.-гр. *γέλγη* ‘старье, изношенная одежда’ 168
др.-гр. *γογγύλον* ‘округлость’ 105
др.-гр. γογγύλος ‘шарообразный’ 105
др.-гр. γοργός ‘страшный, грозный’ 214
др.-гр. *Γοργώ* ‘Горгона’ 214
кокάрι ‘лук-севок’ 121
др.-гр. *κόκκαλος* ‘еловая шишка’ 108; ‘семя еловой шишки’ 123
κόκκαλο(ν) ‘кость’ 285–290
κόκ(κ)ορας ‘петух’ 201
кок(к)орεύομαι ‘гордиться’ 201
др.-гр. *κόκκος* ‘зерно, семя (граната, мака, сосны, пшеницы, сорняка, который водится в пшенице); небольшое количество; плод дуба Quercus coccifera, используемый для добычи красной краски; дуб Quercus coccifera; пилюля; testicles; pudenda muliebria’ 286
коркάр ‘луксевок’ 121
коукάрι ‘лук-севок’ 121
др.-гр. *κρόκη, κροκάλη* ‘овальный гладкий камешек на берегу моря или реки’ 150
др.-гр. *μαρμάρεος* ‘блистающий, сверкающий’ 213
др.-гр. *μίμαρκις,* ‘заячьи потроха’ 174
др.-гр. *μίμαρκυς* кул. ‘заячьи потроха’ 174
др.-гр. *μόρμορος* ‘страх’ 207 др.-гр.
др.-гр. *μορμορωπός* ‘страшный на вид’ 214
др.-гр. *μορμώ* ‘пугало, страшилище’ 214
др.-гр. *μύρμᾶξ* ‘муравей’ 236
др.-гр. *μύρμηξ* ‘муравей’ 236
др.-гр. *μύρμος* ‘муравей’ 236

Латинский язык

bulbus ‘луковица; клубень’ 115
calcar ‘шпора’ 286
calculus ‘камешек; камень в почках или в мочевом пузыре; камешек для счета; камешек для голосования; камешек для игры; о маленьком весе’ 150, 287
cicer ‘горох турецкий’ 117
cucullus ‘капюшон’ 210
curculio ‘насекомое, вредитель зерновых культур’ 236, 286
formīca ‘муравей’ 236
gurgĕs ‘водоворот’ 190
papula ‘пузырь, прыщ’. 140
volvere ‘кружить, вздымать вихрем’ 190

Румынский язык

carcaléte ‘напиток из вина, сиропа и газированной воды’ 174
cocon ‘кокон’ 149
gogoloi ‘маленький шарообразный предмет’105
gogon ‘маленький шарообразный предмет’ 105
gogoneţe ‘маленькие шарообразные сливы’ 121
morman ‘куча’ 209

DUPress

DUP